ЛЕКЦІИ
ПСИХОЛОГІИ

профессора С.-Петербургскаго Университета

А. И. Введенскаго.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Безобразовъ и Ко. Вас. Остр., Большой пр., 61.
1908.

ВБ
124

ИСКЛЮЧЕНО
164061

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
444
55

Института Агитации

Указатель книгъ по психологіи на русскомъ языкѣ.

Къ „Психологіи" Джемса (въ переводѣ И. И. Лапшина) въ 4-мъ и 5-мъ изданіи приложенъ указатель сочиненій по психологіи, эстетикѣ и этикѣ, въ которомъ сверхъ книгъ указываются еще и важнѣйшія статьи въ русскихъ журналахъ, а также и важнѣйшія иностранныя сочиненія. Такимъ же характеромъ отличается и указатель сочиненій по психологіи, педагогикѣ, теоріи познанія и психологіи, приложенный къ книгѣ Шёррінга „Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи", переводъ Д. А. Крогіуса.

1. Общія сочиненія по психологіи и ея исторіи

Вэнъ, „Душа и тѣло". 1883. 1 р. 25 к.

Челпановъ, „Мозгъ и душа". 2-е изд. 1903. 1 р. 50 к. Весьма полезная книга для начинающихъ.

Челпановъ. Учебникъ психологіи (для гимназій и самообразованія). 1905 г. 1 р. Наилучшее пособіе изъ элементарныхъ.

И. И. Страховъ. „Основныя понятія психологіи и физіологіи". 1886. 1 р. 50 к.

Фонсегривъ. „Элементы психологіи". 2-е изд. Пер. подъ ред. И. И. Соколова. 1903. 1 р. 25 к. Самое ясное по изложенію изъ пособій, выходящихъ за предѣлы гимназическаго курса.

Лэддъ. „Очеркъ элементарной психологіи". Пер. подъ ред. Б. Кистяковскаго. 1903. 80 к.

Тичнеръ. „Очерки психологіи". Пер. Челпинскои. 1898. 1 р.

Іерузалемъ. Руководство психологіи. 1907 г. 1 р.

Вундтъ. „Очеркъ психологіи". 1897. Имѣются 2 перевода — Викторова подъ редакціей Н. Я. Грота и Лопатина. 75 к.

Вундтъ. „Душа человѣка и животныхъ". 1896. 5 р. Непремѣнно 2-е изданіе, такъ какъ первое представляетъ лишь историческій интересъ. Для полнаго пониманія психологическихъ взглядовъ Вундта, полезно знакомство съ его философскимъ ученіемъ. Для этой цѣли можетъ служить книга Этмунда Кёнига: „В. Вундтъ, его философія и психологія", пер. С. Штейнберга, изданіе редакціи журнала „Образованіе". 1902. 50 к.

Геффдингъ. „Очерки психологіи, основанной на опытѣ". Изд. 4-е. Пер. съ нѣм. подъ ред. Я. Н. Колубовскаго. 1904. 1 р. 50 к.

Джемсъ. Психологія, перев. И. И. Лапшина. 5-е изданіе. 1905 г. 2 р.

Вэнъ. „Психологія". Пер. подъ ред. В. П. Ивановскаго. 1-ый т. въ VII-мъ выпускѣ „Библіотеки для самообразованія". 1902. 2 р. 2-ой т. 1906 г. 2 р. 50 к.

Льюисъ. „Изученіе психологіи". 1880. 1 р. 50 к.

Рибо. „Опытъ общей психологіи". 1903. 2-е изд. 80 к.

Балдвинъ. „Введеніе въ психологію". 1902. 1 р.

Карпонтеръ. „Основанія физіологіи ума". 1887. 2 т. 4 р.

Тэнъ. „Объ умѣ и познаніи". 2-е изд. Пер. подъ ред. И. И. Страхова. 1894. 3 руб. Блестяще написанное произведеніе по психологіи познанія.

Снегиревъ. „Психологія". 1893. 5 р.

Сикорскій. „Всеобщая психологія съ физіогномикой". 1905 г. 5 руб.

Лосскій. „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма." 1903 г. 1 р. 50 к.

Гартманнъ. „Современная психологія", пер. Коплира. 1902. 1 р. 50 к.

Въ этой книгѣ сгруппированы взгляды нѣмецкихъ психологовъ на важнѣйшія проблемы психологіи. Критическая оцѣнка этихъ взглядовъ самимъ Гартманномъ представляетъ гораздо меньшій интересъ,

Штёрингъ. „Психопатологія", въ примѣненіи къ психологіи. Перев. А. А. Крогіуса. 1903 г. 1 р. 50 к.

А. Ланге. „Исторія матеріализма". 1899. 1 р. 50 к.

Рибо. „Современная англійская психологія". Пер. Боборыкина. 1881. 2 р.

Рибо. „Современная германская психологія". Пер. Ройзмана. 1895. 1 р. 50 к.

Владиславлевъ. „Психологія". 1881. 2 тома 5 р. Здѣсь данъ очеркъ исторіи психологіи.

Спенсеръ. „Основанія психологіи" 4 тома. 1876. 7 р.

Этотъ обширный трудъ заключаетъ въ себѣ психологическую систему, курсъ логики и теорію познанія и требуетъ общаго предварительнаго знакомства съ философіей Спенсера. Для послѣдней цѣли можно обратиться къ характеристикѣ философіи Спенсера въ „Исторіи новѣйшей философіи" Гёффдинга.

2. Сочиненія, представляющія историческій интересъ.

Аристотель. „Изслѣдованіе о душѣ", въ переводѣ Снегирева. 1885. 50 к.

Локкъ. „Опыты о человѣческомъ разумѣ". 1897. 3 р.

Лейбницъ. „Новые опыты о человѣческомъ разумѣ". Переводъ изданъ въ приложеніи къ журналу „Вѣра и разумъ".

Кантъ. „Антропологія". Пер. Н. М. Соколова. 1898. 1 р. 50 к.

Гербартъ. „Психологія". Пер. А. П. Нечаева. 1895. 1 р. 25 к.

Гегель. „Философія духа". 3-я ч. Энциклопедія филос. наукъ. Пер. Чижова. 1868. 2 р.

Лотце. „Основанія психологіи". 1884. 80 к.

Лотце. „Микрокосмъ". 1866—1867. 3 т. 6 р. 60 к.

Ульрици. „Душа и тѣло". 1866 2 р. 50 к.

Карусъ. „Сравнительная психологія". 1858. 1 р. 50 к.

3. Психофизіологія, психометрія и экспериментальная психологія.

Бине, Анри, Филиппъ и Куртье. „Введеніе въ экспериментальную психологію". Пер. Е. И. Максимовой подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. 1901. 1 р. 25 к. Съ приложеніемъ статьи Бине: „Индивидуальная психологія". пер. А. В. Савицкой.

Цигенъ. „Физіологическая психологія". 1893. 75 к.

Цигенъ. Отношеніе мозга къ душевной дѣятельности. 1902. 40 к.

Вундтъ. «Основанія физіологической психологіи». Пер. В. Кандинскаго. 1881. 2 т. 6 р. 50 к., распродано, но печатается новый переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія.

Сѣченовъ. Рефлексы головного мозга". 1866.

Тархановъ. „Психомоторные центры у человѣка и животныхъ". 1880. 1 р.

Хэкъ Тьюкъ. „Душа и тѣло" 1888. 2 р. 50 к.

Флексигъ. „Мозгъ и душа". 1900. 40 к.

Маудели. „Объ отношеніи между тѣломъ и духомъ". 1871.

Остроумовъ. „О физіологич. методѣ въ психологіи". 1888. 2 р.

Тархановъ. „Духъ и тѣло", 1904.

Липпсъ. „Основы психофизики". 1904.

Герценъ, А. (сынъ). „Общая физіологія души". 1894. 75 к.

Поланъ. „Физіологія ума". 1896. 40 к.

Оршанскій. „Измѣреніе психич. явленій". 1897. 50 к.

Краинскій. „Изслѣдованіе времени психофизической реакціи на тактильныя и болевыя раздраженія у здоровыхъ и нервно и душевно-больныхъ людей". 1893.

Бехтеревъ. „Психика и жизнь 2-е изданіе. 1904.

Бехтеревъ. „Локализація сознательной дѣятельности у человѣка и животныхъ". 1896. 60 к.

4. Ощущенія и воспріятія.

Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ. „Физіологія органовъ чувствъ". Изданіе „Библіотеки для самообразованія". 1896. 1 р. 75 к.

Гельмгольцъ. „Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, какъ физіологич. основа для теоріи музыки". 1875. 5 р.

Махъ. „Введеніе къ ученію о звуковыхъ ощущеніяхъ Гельмгольца". 1879. 50 к.

Н. Н. Ланге. „Психологич. изслѣдованія: О перцепціи". 1892. 2 р.

Гельмгольцъ. „Факты въ воспріятіи". 1886. 40 к.

Мори. „Сонъ и сновидѣнія". 1867. 2 р.

Симонъ. „Міръ грезъ". 1890. 1 р.

Гротъ. „Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа". 1878.

Снегиревъ. „Физіологич. ученіе о снѣ и сновидѣніяхъ". 1886.

Манассеина. „Сонъ, какъ треть жизни человѣка 1892. 2 р.

Маудсли. „Сонъ и сновидѣнія" 1895. 15 к.

Грейденбергъ. „Сонъ и сновидѣнія". 1894. 25 к.

Оксъ. „Физіологія сна и сновидѣній". 1880. 1 р.

Кандинскій. „О псевдогаллюцинаціяхъ". 1890. 2 р.

5. Ассоціація представленій, воображеніе, память.

Милль. „Изслѣдованіе философіи сэра Вилльяма Гамильтона". 1868.

Вопросъ о психологич. происхожденіи вѣры въ реальность внѣшняго міра весьма часто обсуждается въ сочиненіяхъ по теоріи познанія и метафизикѣ.

Нечаевъ. „Ассоціація сходства". 1905 г. 2 р. 50 к.

Челпановъ. „Память и мнемоника". 1898. 60 к. Лучшій популярный очеркъ на русскомъ языкѣ.

Рибо. „Болѣзни памяти". 1894. 80 к.

Рибо. „Аффективная память. 1895. 25 к.

Анри. „Воспитаніе памяти". 1901. 40 к.

Проданъ. „О памяти въ связи съ современными психологическими теоріями и изслѣдованіями" Ч. I. 1900. 60 к. Ч. II. 1901. 2 р. 75 к.

Кейра. „Воображеніе и память". Пер. Е. И. Максимовой. 1898. 40 к.

Рибо. „Творческое воображеніе". 1900. 1 р.

Тиндаль. „Рѣчь о значеніи воображенія въ научномъ творчествѣ". Въ приложеніи къ книгѣ Секки „Единство физическихъ силъ" въ перев. Павленкова 1873.

6. Происхожденіе представленій пространства и времени.

Челпановъ. „Проблема воспріятія пространства". 1896—1904. 2 т. Лучшій трудъ по этому вопросу на русскомъ языкѣ. Въ немъ подробно указана литература вопроса.

Гюйо. „Происхожденіе идеи времени". Изданіе т-ва „Знаніе". 1900. 2 р. Вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о морали Эпикура.

Бехтеревъ. „Значеніе органовъ равновѣсія въ образованіи представленій о пространствѣ". 1896.

Шиманскій. „Ученіе Канта и Спенсера о пространствѣ" 1903. подъ ред. проф. Челпанова.

Чижъ. „Почему воззрѣнія пространства и времени постоянны и непремѣнны". 1896. 30 к.

Психологическая проблема происхожденія идей пространства и времени тѣсно связана съ вопросомъ о гносеологическомъ значеніи этихъ формъ познанія, поэтому интересующійся ею долженъ обратиться къ литературѣ по теоріи познанія и метафизикѣ.

7. Сознаніе, личность, познаніе чужого „Я“.

Рибо. „Болѣзни личности“. 1886. 1 р. 50 к.
Липпсъ. „Самознаніе“. пер. М. Лихарева. 1903. 30 к.
Бине. „Измѣненія личности“ 1894.
Викторовъ. „Ученіе о личности и настроеніяхъ“. 2 части. 2-ое изданіе. 1904.
Гартманнъ. „Философія безсознательнаго“. Сокращенный переводъ. 4 р. 50 к.
Бехтеревъ. „Сознаніе и его границы“. 1888.
Р. Авенаріусъ. „Человѣческое понятіе о мірѣ“. 1901. 75 к.
А. И. Введенскій. „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“. 1892. 50 к.
Гартманнъ. Современная психологія. см первую рубрику.
Въ этой книгѣ отведено много мѣста вопросу о „безсознательномъ“ въ психологіи.

8. Мышленіе и рѣчь.

Сѣченовъ. „Элементы мысли“. 1904.
Рибо. „Эволюція общихъ идей“. 1898. 60 к.
Бине. „Психологія умозаключенія на основаніи экспериментальныхъ изслѣдованій посредствомъ гипнотизма“. 1889. 1 р.
Максъ Мюллеръ. „Наука о мысли“. 1892. 2 р.
Потебня. „Мысль и языкъ“. 1892. 2 р.
Корниловъ. „О человѣческой рѣчи“. 1893.
Авенаріусъ. „Философія, какъ мышленіе о мірѣ согласно принципу наименьшей мѣры силъ“. Пер. подъ ред. М. М. Филиппова. 1898. 40 к. (распродано).
Ницше, Зиммель и Риль. Статьи, изданныя въ одномъ выпускѣ „Дарвинистической библіотеки“: „Дарвинизмъ и теорія познанія“. 1898. 50 к.

9. Чувствованія.

Рибо. „Психологія чувствованій“. 1897. 80 к.
Ланге. „Аффекты“. 1890. 40 к.
Тома. „Воспитаніе чувствъ“. 1900. 80 к.
Фуллье. „Страданіе и удовольствіе“. 1895. 20 к.
Дарвинъ. „О выраженіи душевныхъ волненій у человѣка и животныхъ“. 1896. 1 р.
Тардье. Скука. 1907 г. 75 к.
Гротъ. „Психологія чувствованій“. 1880. 3 р. 50 к. Въ этой книгѣ изложена и обстоятельная исторія вопроса.
Летурно. „Физіологія страстей“. 1896 1 р.
Чижъ. „Біологическое обоснованіе пессимизма“. 1895.
Моссо. „Страхъ“. 1887. 1 р. 50 к.
Дюга. „Застѣнчивость“. 1899. 35 к.
Гротъ. „Значеніе чувства въ познаніи и дѣятельности человѣка“. 1899.
Згурскій. „Психологич. теорія чувствованій“. 1901.
Данвиль. „Любовь съ психологич. и патологической точекъ зрѣнія“. 1894. 30 к.
Бурдонъ. „Физіогномика“. 1864. 1 р. 50 к.

10. Воля и вниманіе.

Рибо. „Воля“. 1894. 80 к.
Боданъ. „Воля“. Перев. Васильевой. 1907. 1 р.
Пэйо. Воспитаніе воли“. 1899. 60 к.
Пэйо. „О вѣрованіи“. 1890. 50 к.
Куно Фишеръ. „О свободѣ человѣка“. 1899. 30 к.
Виндельбандъ. „О свободѣ воли“. 1905.
Шопенгауэръ. „Двѣ основныя проблемы этики: I. О свободѣ воли“. 1896. 2 р.

Фуллье. „Свобода воли и детерминизмъ". 1898. 2 р.

Н. Гротъ, Л. Лопатинъ, П. Бугаевъ, С. Корсаковъ, А. Токарскій, И. Астафьевъ. „О свободѣ воли"—третій выпускъ трудовъ Московскаго Психологическаго Общества. 2 р. 50 к.

Александръ Введенскій. „Споръ о свободѣ воли передъ судомъ критической философіи". Въ книгѣ: „Философскіе очерки". Выпускъ I, стр. 71-я. 1901. 1 р.).

Вопросъ о свободѣ воли выходитъ изъ границъ психологическаго изслѣдованія, принадлежа области метафизики и теоріи познанія. Поэтому ограничимся вышеприведенными указаніями.

Н. Ланге. „Психологическія изслѣдованія: О вниманіи". Вмѣстѣ съ монографіей: „О перцепціи". Въ этомъ изслѣдованіи имѣется обстоятельная исторія ученій о вниманіи и указана литература предмета. 1893. 2 р.

Рибо. „Психологія вниманія". 1894. 30 к.

11. Индивидуальная психологія, характерологія.

Лесгафтъ. „Семейное воспитаніе ребенка". 1900. 1 р. 50 к.

Фуллье. „Темпераментъ и характеръ" 1898. 1 р.

Поланъ. „Психологія характера". 1896. 75 к.

Рибо. „Различныя формы характера". 1892. 35 к.

Бэнъ. „Объ изученіи характера". 1886.

Дриль „Психофизическіе типы въ ихъ отношеніи къ преступности". 1890. 1 р.

В. Левенфельдъ. „О духовной дѣятельности геніальныхъ людей и великихъ художниковъ въ частности", пер. подъ редакціей А. А. Кроғіуса, 1904. 75 к.

Жоли. „Психологія великихъ людей". 1894. 60 к.

Лазурскій. „Очеркъ науки о характерахъ". 1906. 1 р. 50 к.

Бине. Индивидуальная психологія, приложена къ „Введенію въ экспериментальную психологію „Бине, Анри Куртьенфимпна". 1904. 1 р. 25 к.

12. Психологія общества, толпы, народовъ.

Лебонъ. „Психологія народовъ и массъ". 1896. 1 р.

Тардъ. Законы подражанія". 1892. 1 р. 50 к.

Тардъ. „Соціальная логика". 1900. 1 р. 50 к.

Зиммель. Соціальная дифференціація". 1905.

Зиммель. „Проблемы философіи исторіи". 1898. 60 к. Вышло новое переработанное нѣм. изданіе. 1905.

Михайловскій. „Герои и толпа". (IV-й т. сочин. 283—394).

Сигеле. „Преступная толпа". 1896. 30 к.

Уордъ. „Психическіе факторы цивилизаціи". 1893. 80 к.

Фуллье. „Психологія французскаго народа". 1900. 1 р.

Тардъ. „Личность и толпа". 1903. 1 р.

13. Зоопсихологія, эволюціонная психологія.

Роменсъ. „Умъ животныхъ". 1888. 3 р.

Эспинасъ. „Соціальная жизнь животныхъ". 1 р.

Лефевръ. „Умъ животныхъ". 1873. 1 р.

Фаминцынъ. „Современное естествознаніе и психологія". 1898. 1 р.

Геккель. „Развитіе и происхожденіе органовъ чувствъ". 1882. 1 р.

Вл. Вагнеръ. „Психологія животныхъ". 1901.

Вл. Вагнеръ. „Вопросы зоопсихологіи". 1902. 1 р. 50 к.

Леббокъ. „Муравьи, осы и пчелы". 1884. 3 р.

Геккель. „Клѣточныя души и душевныя клѣтки". 1880. 20 к.

Гарнеръ. „Языкъ обезьянъ“. 1898. 50 к.

Дарвинъ. „Происхожденіе человѣка и половой подборъ“. 1896. 1 р. 20 к.

Вагнеръ. „Водяной паукъ, его индустрія и жизнь, какъ матеріалъ сравнительной психологіи.“. 1900. 1 р. 25 к.

Каптеревъ. „Изъ исторіи души“. 1890.

Эвансъ. „Эволюціонная этика психологіи животныхъ“. 1899. 75 к.

Деморъ, Массаръ и Фандерфельфе. „Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи“. 1898. 1 р. 25 к.

Л. Бюхнеръ. „Психическая жизнь животныхъ“. 1902. 1 р. 25 к.

Фабръ. „Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ“. 1898. 3 р.

Спенсеръ. „Основанія психологіи“ см. первую рубрику.

14. Привычка, инстинктъ, наслѣдственность.

Морганъ „Привычка и инстинктъ“. 1899. 1 р.

Дарвинъ. Ч. „Инстинктъ“, посмертное сочин. 1896. 30 к.
О привычкѣ и инстинктѣ говорится во многихъ сочиненіяхъ по эволюціонной психологіи, по психологіи воли и по психологіи чувствованій.

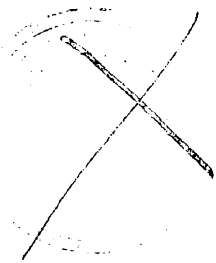
Рибо. „Наслѣдственность душевныхъ свойствъ“. 1884. 2 р. 50 к (распродано).

Гюйо. „Воспитаніе и наслѣдственность“. 1899. 1 р. 50 к. Изд. т-ва „Знаніе“.

Нордау. „Вырожденіе“. 1894. 1 р. 50 к.

Гиршъ. „Геній и вырожденіе“. 1898. 1 р.

Гальтонъ. „Наслѣдственность таланта“. 1875. 2 р.



Курсъ основной психологіи.

1. Предметъ, и задачи современной психологіи.

У подавляющаго большинства представителей современной психологіи оказывается, что ея предметъ и задачи не соотвѣтствуютъ ея названію. *Слово „психологія“ въ переводѣ съ греческаго означаетъ ученіе о душѣ.* Прежде, съ того самого времени, какъ возникла психологія, вплоть до второй половины XIX в., она дѣйствительно стремилась къ тому, чтобы быть утвердительнымъ или отрицательнымъ ученіемъ о душѣ: она, конечно, изучала и душевныя явленія (ощущенія, воспоминанія, образы фантазіи, разныя другія мысли, хотѣнія, страсти, чувства и т. п. словомъ — явленія, которыя отличаются тѣмъ, что они сознаются нами во время ихъ переживанія), но не столько ради нихъ самихъ, сколько въ видѣ средства для разрѣшенія вопроса о душѣ. Ея задачи были таковы: рѣшить этимъ путемъ, есть ли душа или нѣтъ и, если есть, какова она по своей природѣ, и уже исходя изъ этого рѣшенія объяснить весь міръ душевныхъ явленій и ихъ отношенія къ тѣлеснымъ. Во второй же половинѣ XIX вѣка представители психологіи стали все чаще и чаще отказываться отъ рѣшенія вопроса о душѣ, такъ что хотя и сохранилось *по привычкѣ названіе* психологія, но *предметомъ ея изслѣдованія стали только душевныя явленія, при чемъ объясняются они* ею не тѣмъ или другимъ предположеніемъ о томъ, есть ли душа или нѣтъ, и, если есть, какова ея природа, но *одними лишь законами природы, которымъ подчинены душевныя явленія.* Чтобы отмѣтить эту особенность современной психологіи, нѣкоторые изъ ея представителей называютъ ее *психологіей безъ души*, отнюдь не желая этимъ сказать, будто бы она отрицаетъ существованіе души, но только то, что она не разсматриваетъ этого вопроса.

При этомъ надо имѣть въ виду, что душевныя явленія изучаются психологіей съ такой же точки зрѣнія, съ какой естествознаніе изучаетъ явленія внѣшней природы; поэтому современная психологія нерѣдко характеризуетъ себя еще, какъ *естественную науку о душевныхъ явленіяхъ или какъ естественную исторію душевныхъ явленій.* Это вотъ что означаетъ: подобно

тому, какъ естествознаніе, изучая явленія внѣшней природы, старается лишь выслѣдить ихъ составъ, происхожденіе и управляющіе ими законы, а не задастся цѣлью оцѣнивать ихъ съ этической, эстетической или съ какой либо прикладной точки зрѣнія (напримѣръ, ботаника не разсматриваетъ растеній ни съ эстетической точки зрѣнія, ни съ точки зрѣнія ихъ пригодности для промышленныхъ цѣлей, а физіологія, говоря о половыхъ процессахъ, совершенно отвлекается отъ разсмотрѣнія ихъ этической стороны), такъ точно и психологія изучаетъ душевныя явленія, отвлекаясь отъ всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія, вполнѣ умѣстныхъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ (напримѣръ, въ этикѣ, эстетикѣ, педагогикѣ и т. п.). Она изучаетъ душевныя явленія безъоцѣночнымъ образомъ просто, какъ факты внутренней природы, независимо отъ того, заслуживаютъ ли они одобренія или порицанія со стороны моралиста, художника, и т. д.

Здѣсь кстати указать для лучшаго поясненія только что сказаннаго, чѣмъ логика отличается отъ психологіи мышленія, которая тоже изучаетъ мышленіе, такъ что, повидимому, логику слѣдовало бы разсматривать, какъ часть психологіи, именно какъ психологію мышленія. Но дѣло въ томъ, что психологія, будучи естественной исторіей душевныхъ явленій, изучаетъ мышленіе съ той же точки зрѣнія, какъ и всѣ остальныя душевныя явленія: явленія памяти, чувствованій, воли и т. д., т. е. просто какъ одинъ изъ фактовъ душевной жизни, и безъ всякой оцѣнки его съ точки зрѣнія его правильности или неправильности, какъ орудія для пріобрѣтенія знанія. Она только описываетъ явленія мышленія, разлагаетъ ихъ на составные элементы, выясняетъ законы, управляющіе вліяніемъ мышленія на другія душевныя явленія и его зависимостью отъ нихъ и т. п., но не интересуется ни тѣмъ, каковы должны быть цѣлесообразные, т. е. правильные пріемы мышленія, ни въ чемъ могутъ состоять ошибки при употребленіи этихъ пріемовъ и т. д., ни вообще какова роль мышленія въ развитіи знанія. Логика же, напротивъ, задаваясь цѣлью выяснить роль мышленія при развитіи знанія, разсматриваетъ мышленіе только съ этой точки зрѣнія и имѣетъ въ виду прежде всего *оцѣнить*, насколько цѣлесообразны съ этой точки зрѣнія различные пріемы мышленія, т. е. какіе изъ нихъ можно считать правильными, а какіе ошибочными и т. д.

Изучая одни лишь душевныя явленія и притомъ безъоцѣночнымъ образомъ, современная психологія, конечно, должна имѣть въ виду слѣдующія задачи:

1) прежде всего она старается выслѣдить до послѣднихъ предѣловъ *составъ каждаго душевнаго явленія*. И если оно оказывается простымъ, неразложимымъ, то, конечно, ей приходится ограничиваться лишь констатированіемъ его сходствъ и различій съ другими душевными явленіями. Если же данное душевное явленіе окажется сложнымъ, то, разумѣется, психологія должна выяснить, изъ какихъ именно элементарныхъ явленій составлено оно, какимъ путемъ постепенно складывается оно изъ нихъ и какъ измѣняется его общій характеръ въ зависимости отъ видоизмѣненій этихъ элементарныхъ составныхъ частей и т. п.

2) Далѣе: къ изученію состава душевныхъ явленій и способа возникновенія сложныхъ явленій изъ простыхъ присоединяется *изученіе вліянія другъ на друга разныхъ душевныхъ явленій* (напримѣръ, памяти на мышленіе, мышленіе на память и волю и т. д.)

Рѣшеніе этихъ двухъ задачъ многіе называютъ *общей психологіей*, хотя гораздо вѣрнѣе было бы называть ихъ *основной психологіей*, потому что (особенно ясно это станетъ впослѣдствіи при изученіи методовъ психологіи, хотя и теперь уже видно) эта часть психологіи будетъ лежать въ *основѣ* всей остальной. Послѣ же изученія методовъ сдѣлается яснымъ, что эта *основная психологія есть психологія человѣка, а не общая для всѣхъ одушевленныхъ существъ*; и вмѣстѣ съ тѣмъ она отнюдь не состоитъ изъ обобщенія психологій разныхъ одушевленныхъ существъ. Потому то и удобнѣе ее называть не общей, но основной, тѣмъ болѣе, что безъ нея (какъ покажетъ ученіе о методахъ) невозможно рѣшеніе всѣхъ остальныхъ задачъ психологіи.

3) Къ общей, т. е. основной, психологіи нѣкоторые авторы причисляютъ *психофизіологію* или *физіологическую психологію*, хотя это не совсѣмъ вѣрно, и мы будемъ считать ее даже особой наукой, имѣющей для психологіи очень важное вспомогательное значеніе, но прямо къ ней не относящейся, наукой промежуточной между психологіей и физіологіей. Состоитъ же она въ изученіи связи душевныхъ явленій съ тѣлесными. При этомъ надо сдѣлать два замѣчанія:

а) Проф. Сикорскій въ своей книгѣ „Всеобщая психологія съ физіогномикой“ предлагаетъ изучать, какъ это дѣлали въ старину, а потомъ почти бросили, и *физіогномику*, которую тутъ же и излагаетъ, понимая подъ ней ученіе о выраженіяхъ душевныхъ состояній и общаго склада душевной жизни въ мимикѣ, жестахъ, тѣлодвиженіяхъ и позахъ. Врядъ ли можно спорить противъ этого предложенія, если ознакомиться съ физіогномикой по книгѣ Сикорскаго. Если же согласиться съ нимъ, то, конечно, ее надо разсматривать, какъ часть психофизіологіи.

в) Употребляя терминъ психофизіологія, надо избѣгать ошибочнаго смѣшенія нѣкоторыхъ психологическихъ терминовъ, смѣшенія, вызываемаго, главнымъ образомъ, ихъ сходствомъ. Это—„психофизіологія“, „психофизика“ и „психометрія“. Это не синонимы, какъ иногда думаютъ, а совершенно различные термины. Подъ *„психофизикой“* подразумѣвается та часть психологіи (точнѣе сказать—психофизіологіи), которая изучаетъ зависимость ощущеній отъ раздраженій, обусловливающихъ возникновеніе этихъ ощущеній. *„Психометріей“* называется измѣреніе скоростей душевныхъ явленій, т. е. измѣреніе промежутка времени, въ теченіе котораго успѣваетъ протечь данное душевное явленіе. Иногда даже считаютъ синонимами и выраженія: экспериментальная психологія, съ одной стороны, и психофизіологія или физіологическая психологія, съ другой. Въ дѣйствительности же подъ *экспериментальной психологіей* подразумѣвается разработка *любого* отдѣла психологіи посредствомъ экспериментированія, а не одной лишь психофизіо-

логіи. Это смѣшеніе экспериментальной психологіи съ физіологической было вызвано тѣмъ, что сперва примѣненіемъ экспериментированія къ изученію психологіи занимались одни лишь физіологи да врачи; и, разумѣется, они обращали свое вниманіе только на психофизіологическіе вопросы; и тогда экспериментальная психологія дѣйствительно была частью только физіологической психологіи. Но такое положеніе дѣлъ уже давно прошло; поэтому теперь уже стало ошибочнымъ отожествлять экспериментальную психологію съ физіологической. Въ настоящее время экспериментальная психогія составляетъ часть какъ чистой, такъ и физіологической психологіи; ибо экспериментированіемъ надъ душевными явленіями занимаются теперь не одни лишь врачи и физіологи, а также и психологи-философы.

4) Общую т. е. основную, психологію надо отличать отъ *сравнительной психологіи*, раздѣляющейся на нѣсколько спеціальныхъ вѣтвей и изучающей тѣ особенности, которыя встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же душевныхъ явленіяхъ, если ихъ разсматривать у разныхъ индивидуумовъ, хотя бы даже одного и того же возраста и пола (*индивидуальная психологія*), или у лицъ разнаго возраста (*психологія возрастовъ*) и разнаго пола (*психологія мужчины и женщины*), или же у разныхъ животныхъ (*зоопсихологія или психологія животныхъ*) или у душевнобольныхъ (*психопатологія*). Относительно индивидуальной психологіи нерѣдко встрѣчаются такія недоумѣнія: однимъ кажется, будто бы одно и то же душевное явленіе должно быть вполнѣ одинаковымъ у всѣхъ людей, такъ что индивидуальной психологіи, повидимому, нечего дѣлать; другіе же, напротивъ, думаютъ, что она не можетъ исчерпать свою задачу, такъ какъ у каждаго душевныя явленія происходятъ на свой ладъ, такъ что индивидуальной психологіи приходится описывать столько же отличій, сколько отдѣльныхъ индивидуумовъ. Но и то и другое невѣрно. Даже такое явленіе, какъ представленіе любого слова, имѣетъ свои индивидуальныя особенности. Разспросимъ нѣсколько лицъ, какъ они представляютъ себѣ само слово (не предметъ, обозначаемый имъ, а самое слово). Для этихъ разспросовъ лучше всего брать или предлоги, нарѣчія и т. п., или же слова иностранныя, съ мало извѣстными или даже неизвѣстными значеніями. Тогда легко убѣдиться, что одни представляютъ себѣ слова, какъ если бы видѣли ихъ напечатанными или написанными (даже представляютъ себѣ особенности шрифта), другіе—какъ если бы слышали ихъ (какъ бы прозвучавшими въ ихъ ухѣ), третьи – какъ если бы произносили ихъ (иногда даже думаютъ ими вслухъ), четвертые, наконецъ,—либо каждымъ изъ этихъ путей, либо только двумя изъ нихъ. Далѣе: индивидуальной психологіи незачѣмъ описывать столько отличій, сколько индивидуумовъ; ибо отчасти индивидуальныя особенности душевныхъ явленій часто ограничиваются строго опредѣленными рамками, которыя и должна изучить индивидуальная психологія (напримѣръ: особенности въ способахъ представленія словъ исчерпываются только что указанными предѣлами); а гдѣ нѣтъ такихъ рамокъ (напримѣръ, въ измѣненіяхъ силы одного и того же явленія у разныхъ индивидуумовъ),

тамъ индивидуальная психологія обобщаетъ свои задачи, напримѣръ — ставитъ себѣ цѣлью выслѣдить, какъ особенности одного рода душевныхъ явленій отражаются на особенностяхъ другого у. того же индивидуума и т. п.*).

5) Отъ сравнительной психологіи нѣсколько отличается *коллективная психологія*, изучающая тѣ видоизмѣненія, которымъ подвергаются душевныя явленія у большей или меньшей группы лицъ оттого, что они соединились въ одно организованное или неорганизованное цѣлое (*психологія толпы, психологія классовъ и сословій, психологія народовъ* и т. п.). Ошибочно думать, будто бы ходъ душевныхъ явленій остается у людей, соединившихся въ организованную или неорганизованную массу, такимъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда они изолированы относительно другъ друга: въ массахъ, особенно въ тѣсно сплоченной толпѣ, въ душевныхъ явленіяхъ складываются такія особенности, которыхъ не было бы при другихъ условіяхъ. Такъ, толпа легко принимаетъ и исполняетъ такія рѣшенія, напримѣръ — совершаетъ такія преступленія, передъ которыми всякій ея членъ ужасается, когда остается одинъ.

Таковы задачи современной психологіи. Но не слѣдуетъ думать, что въ книгѣ, излогающей все ея содержаніе, насколько оно прочно установилось въ наукѣ за послѣднее время, т. е. въ курсахъ психологіи, должно быть и соотвѣтственное число отдѣловъ. Только что изложенный перечень есть перечень задачъ, а не отдѣловъ въ изложеніи психологіи. Многія изъ этихъ задачъ еще столь мало разработаны, что изъ нихъ еще нельзя составить особаго отдѣла при изложеніи систематическаго обзора содержанія современной психологіи. Поэтому обыкновенно при этомъ изложеніи поступаютъ такъ, что систематически излагаютъ лишь вопросы общей или основной психологіи, попутно присоединяя наиболѣе прочныя положенія, относящіяся къ рѣшенію другихъ намѣченныхъ нами задачъ психологіи.

Теперь задачи современной психологіи достаточно ясны. Конечно, онѣ еще не перечислены во всѣхъ подробностяхъ, а лишь намѣчены въ главныхъ чертахъ. Но сказаннаго уже достаточно, чтобы составить себѣ наглядное представленіе о нихъ. И вотъ по поводу нихъ возникаютъ два недоумѣнія:

1) Зачѣмъ, занимаясь психологіей безъ души, изучать не только составъ, взаимное вліяніе и видоизмѣненія душевныхъ явленій въ зависимости отъ разныхъ условій, въ которыхъ находится душевная жизнь, но также еще и связь душевныхъ явленій съ тѣлесными? Другими словами: нужна для психологіи безъ души и психо-физіологія, хотя бы даже въ видѣ вспомогательной науки? Когда психологія хотѣла рѣшить вопросъ, есть ли душа и какова она, то она, конечно, нуждалась для рѣшенія этого вопроса въ

---

*) Ко второму изданію русскаго перевода „Введенія въ экспериментальную психологію» Бине, Анри, Куртье и Филиппа приложенъ переводъ статьи Бине и Анри «Индивидуальная психологія» , въ которой гораздо подробнѣе говорится объ ея задачахъ.

точнѣйшемъ знаніи связи душевныхъ явленій съ тѣлесными; но теперь то зачѣмъ ей психофизіологія?

2) Почему современная психологія отказалась быть ученіемъ о душѣ? Вѣдь такое ученіе было бы въ высшей степени важнымъ, даже гораздо важнѣе всѣхъ перечисленныхъ нами задачъ современной психологіи. Какъ же совершилось, что она предпочла быть психологіей безъ души? Были ли для этого какія нибудь важныя причины, и въ чемъ онѣ состоятъ?

Сперва о пользѣ психофизіологіи для психологіи. Съ перваго взгляда, конечно, можетъ показаться, что психофизіологія является совершенно лишнимъ, чисто механическимъ, привѣскомъ къ психологіи, и что самое большее, ее слѣдуетъ считать наукой, хотя и смежной съ психологіей, но отнюдь не важной для психологіи. Однако это невѣрно: психофизіологія имѣетъ во всякомъ случаѣ важное вспомогательное значеніе. Дѣйствительно, если когда нибудь мы узнаемъ *точнымъ образомъ* связь душевныхъ явленій съ тѣлесными, то мы въ состояніи будемъ посредствомъ разсмотрѣнія физіологическихъ явленій пополнять наше знаніе душевныхъ явленій, разсматриваемыхъ со стороны ихъ состава и взаимнаго вліянія, и наоборотъ—посредствомъ изученія душевныхъ явленій пополнять наши физіологическія знанія. — Для поясненія этой возможности условимся прописными буквами обозначать физіологическія явленія, а соотвѣтственными строчными буквами связанныя съ ними душевныя явленія, такъ что физіологическому явленію A соотвѣтствуетъ душевное явленіе *a*, *B*—*b*, *C*—*c* и т. д. Допустимъ же теперь, что когда въ нашемъ тѣлѣ возникаетъ A, то оно вызываетъ рядъ другихъ физіологическихъ явленій: *B*, *C* и *D*, и что каждое изъ нихъ какимъ нибудь путемъ (посредствомъ особыхъ инструментозъ и т. п.) мы ясно подмѣчаемъ въ себѣ. Но допустимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что связанныя съ ними душевныя явленія остаются въ это время не вполнѣ замѣтными для насъ. Тогда мы все-таки можемъ навѣрное сказать, что они состоятъ изъ *a*, *b*, *c* и *d*, коль скоро намъ въ точности извѣстна связь душевныхъ явленій съ тѣлесными. Такимъ образомъ, зная эту связь, мы по ходу и составу замѣтныхъ для насъ физіологическихъ явленій въ состояніи будемъ правильно судить о ходѣ и составѣ не вполнѣ замѣтныхъ душевныхъ явленій. Но, конечно, при достаточномъ изученіи связи душевныхъ явленій съ тѣлесными возможно будетъ судить и наоборотъ—по ходу и по разнымъ подробностямъ душевныхъ явленій о трудно уловимомъ ходѣ и о трудно уловимыхъ подробностяхъ физіологическихъ явленій. Такимъ образомъ, психофизіологія или физіологическая психологія, составляя пограничную область между физіологіей и психологіей, обѣщаетъ содѣйствовать развитію и той, и другой науки, коль скоро сама достигнетъ достаточно высокаго уровня. Поэтому ею, какъ вспомогательной наукой, не должна пренебрегать ни психологія, ни физіологія. Вотъ отчего многіе и причисляютъ ее прямо либо къ психологіи, либо къ физіологіи; но она промежуточная между ними наука, имѣющая вспомогательное значеніе и для той, и для другой.

Впрочемъ, нужно замѣтить, что развитіе психологіи, т. е. изученіе

самихъ душевныхъ явленій посредствомъ физіологіи, пока еще составляетъ идеалъ, осуществимый лишь въ будущемъ. Въ настоящее же время все еще сохраняетъ силу замѣчаніе Милля (умершаго еще въ 1873 г.), что психологія гораздо больше оказываетъ услугъ физіологіи, чѣмъ сама получаетъ отъ нея. Только при изученіи ощущеній и внѣшнихъ воспріятій физіологическія данныя проливаютъ новый свѣтъ на душевныя явленія. Во всѣхъ же остальныхъ вопросахъ дѣло стоитъ такъ, что физіологическія данныя нисколько не разъясняютъ намъ состава, взаимной связи и вліянія другъ на друга душевныхъ явленій; знаніе же послѣднихъ, пріобрѣтенное безъ всякой помощи со стороны физіологіи, даетъ возможность строить кое-какія догадки о тѣхъ физіологическихъ процессахъ, которые связаны съ этими душевными явленіями. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго ни въ томъ, что въ современныхъ учебникахъ психологіи всегда приводятся лишь самыя краткія физіологическія свѣдѣнія (главнымъ образомъ, они относятся къ физіологіи органовъ чувствъ), ни въ томъ, что психологическія монографіи очень часто совершенно игнорируютъ физіологическую сторону разсматриваемыхъ душевныхъ явленій или упоминаютъ о ней лишь въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ. Конечно, можно въ любой психологическій трактатъ втиснуть массу физіологическихъ свѣдѣній, какъ это и дѣлаютъ иногда неопытные авторы, любящіе по всякому поводу выкладывать все, что только ни накопилось въ ихъ головѣ; но эти свѣдѣнія останутся чисто внѣшнимъ, механически присоединеннымъ, привѣскомъ, не имѣющимъ никакого значенія для рѣшенія задачъ, преслѣдуемыхъ даннымъ трактатомъ.

2. Почему психологія изъ науки о душѣ стала наукой о душевныхъ явленіяхъ? Содѣйствіе критицизма и позитивизма этой перемѣнѣ. Значеніе психологіи.

Теперь разсмотримъ, какъ произошло, что психологія изъ ученія о душѣ превратилась въ психологію безъ души. Эта перемѣна, происшедшая во второй половинѣ XIX вѣка, была обусловлена слѣдующими причинами: рано или поздно, она должна была бы произойти и сама собой изъ за одной уже научной искренности и осмотрительности, а ея ускоренію содѣйствовало еще распространеніе вліянія критической теоріи познанія и позитивизма. Разъяснимъ все это подробнѣе.

Вопросъ о существованіи души или самостоятельнаго духовнаго начала возникъ болѣе 2000 лѣтъ назадъ, при чемъ тотчасъ же на него были даны два противоположныхъ отвѣта; и съ той поры каждое изъ его рѣшеній безпрерывно все еще опровергаетъ другія и доказываетъ себя, но ни одно еще до сихъ поръ другихъ не опровергло, а себя еще не доказало. Одно уже это обстоятельство должно внушать мысль, что это вопросъ навсегда неразрѣшимый и что наукѣ слѣдуетъ отказаться отъ него, а ограничиться лишь изученіемъ душевныхъ явленій, тѣмъ болѣе, что если даже и пред-

положить, что онъ когда нибудь будетъ разрѣшенъ, то, конечно, это произойдетъ не иначе, какъ черезъ изученіе душевныхъ явленій и связи душевныхъ явленій съ тѣлесными. Поэтому *теперь* то пока, во всякомъ случаѣ, предметъ психологіи составляютъ душевныя явленія; слѣдовательно, хотя бы мы и надѣялись со временемъ рѣшить вопросъ о существованіи души, теперь то намъ все равно приходится опредѣлять психологію, если мы хотимъ быть искренними и осмотрительными относительно ея нынѣшняго положенія, какъ науку о душевныхъ явленіяхъ, а не о душѣ. Ясно, что въ силу уже однихъ этихъ соображеній, рано или поздно, психологія должна была бы стать психологіей безъ души.

Но это ускорилось подъ вліяніемъ критической теоріи познанія, или критической философіи. Этими именами, иначе философскимъ критицизмомъ, принято называть философское направленіе, основанное Кантомъ, жившимъ между 1724 и 1804 г. г., такъ что критическій и кантіанскій или кантовскій стали синонимами. Что такое теорія познанія см. объ этомъ ниже; сущность же критицизма, поскольку онъ касается нашего вопроса, можетъ быть изложена въ немногихъ словахъ.

Критическая теорія познанія раздѣляетъ всѣ предметы, о которыхъ можетъ у насъ возникнуть какой бы то ни было вопросъ, на двѣ группы: на *трансцендентные* и *имманентные*. (Терминъ „трансцендентный“ не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это часто дѣлаютъ, со словомъ „трансцендентальный“: эти термины имѣютъ въ критической теоріи познанія разныя значенія). *Трансцендентными называются такіе предметы, которые по самому понятію о нихъ при существующей организаціи нашихъ познавательныхъ способностей никогда, нигдѣ и ни при какомъ изощреніи нашихъ органовъ чувствъ не могли бы быть восприняты въ опытѣ*, такъ что они по самому существу своему остаются за предѣлами не только дѣйствительно бывшаго, но и всякаго возможнаго опыта (подъ опытомъ же въ философіи принято подразумѣвать не только эксперименты, но и наблюденія), т. е. они остаются за предѣлами не только всѣхъ возможныхъ экспериментовъ, но и всѣхъ возможныхъ наблюденій, гдѣ бы и когда бы ни производились они и какъ бы ни изощрялись при этомъ наши чувства при помощи подходящихъ инструментовъ. Имманентными же называются такіе предметы, которые или дѣйствительно воспринимаются нами въ опытѣ, или *могли бы* быть восприняты въ немъ, если бы мы перенеслись на другое мѣсто, или жили въ другое время, или же при помощи надлежащихъ инструментовъ достаточно изощрили органы нашихъ чувствъ: словомъ-это предметы, которые остаются въ предѣлахъ опыта, *возможнаго* для существа, имѣющаго такую же организацію познавательныхъ способностей, какъ у людей. Напримѣръ, душа и Богъ по самому существу своему и по самому понятію о нихъ *не могутъ* быть восприняты въ опытѣ, пока организація нашихъ познавательныхъ способностей, остается такой же, какова она у насъ сейчасъ, такъ что эти предметы остаются внѣ предѣловъ всякаго возможнаго опыта; ихъ нельзя воспринять въ опытѣ, *никогда и ни при какомъ изо-*

шреніи нашихъ органовъ чувствъ. Слѣдовательно, это трансцендентные предметы. Предметы же, находящіеся на Марсѣ, составляютъ имманентные предметы; ибо хотя они никогда не воспринимались и, по всей вѣроятности, никогда не будутъ восприняты въ опытѣ, но они все-таки остаются въ предѣлахъ *возможнаго* опыта, потому что они *могли бы* восприниматься нами безъ всякой перемѣны нашихъ познавательныхъ способностей, если бы мы перенеслись съ земли на Марсъ, или—если бы мы при помощи надлежащихъ инструментовъ достаточно изощрили наше зрѣніе.

Установивъ эту разницу между двумя классами предметовъ, критическая теорія познанія посредствомъ самаго тщательнаго анализа всѣхъ условій, благодаря которымъ становится возможнымъ для насъ знаніе, доказываетъ такія положенія о предѣлахъ знанія, доступнаго нашему уму: относительно имманентныхъ предметовъ наше знаніе можетъ развиваться до безконечности; кромѣ трудности вопросовъ здѣсь нѣтъ другихъ препятствій, такъ что мы можемъ надѣяться черезъ достаточное время рѣшить любой имманентный вопросъ. Но трансцендентные вопросы остаются навсегда недоступными для нашего ума и не въ силу однѣхъ лишь количественныхъ причинъ, не потому, чтобы они отличались особой трудностью, а по причинамъ качественнаго характера, именно—вслѣдствіе присущей намъ организаціи нашихъ познавательныхъ способностей. Поэтому, пока наше знаніе подчинено тѣмъ же законамъ, какъ и теперь (напримѣръ, пока нашъ умъ подчиненъ, такъ называемому, логическому закону мышленія, по которому онъ не въ силахъ представить себѣ что—нибудь, какъ сразу и существующее, и несуществующее), на каждый трансцендентный вопросъ, напримѣръ о существованіи души, Бога и т. п., можно безъ всякаго противорѣчія съ логикой и фактами опыта дать два діаметрально противоположныхъ отвѣта, такъ что каждый изъ нихъ передъ судомъ логики и фактовъ опыта будетъ одинаково неопровержимымъ, а потому и одинаково недоказуемымъ (ибо для доказательства одного изъ нихъ нужно было бы опровергнуть другой), Другими словами: ни одинъ изъ этихъ отвѣтовъ никогда не можетъ обратиться въ знаніе, а навсегда долженъ оставаться только *вѣрой, которая, правда, будетъ неопровержимой, но зато и недоказуемой*.

Такимъ образомъ, каждый можетъ смѣло держаться той или другой вѣры относительно трансцендентныхъ вопросовъ въ полной увѣренности, что его никто никогда не опровергнетъ, хотя и самъ онъ тоже не опровергнетъ чужой вѣры по поводу того же вопроса. Но въ составъ науки какая бы то ни было вѣра, а слѣдовательно и всякое трансцендентное воззрѣніе, можетъ входить только въ видѣ *рабочей гипотезы*, т. е. такого предположенія, которое назначено отнюдь не для того, чтобы служить научно обоснованнымъ (хотя и не достовѣрнымъ, а лишь болѣе вѣроятнымъ) изображеніемъ дѣйствительности, какъ это имѣется въ виду при *реальныхъ* гипотезахъ, но только для того, чтобы служить самымъ простымъ вспомогательнымъ средствомъ при изученіи науки, напримѣръ — помогать намъ легче ориентироваться среди изучаемыхъ фактовъ, легче запоминать ихъ

дѣлать открытія, находить новые вопросы и т. п. Если рабочія гипотезы назначены быть не изображеніемъ дѣйствительности, а всего только вспомогательнымъ средствомъ для научной работы, то онѣ могутъ быть даже завѣдомо ложными, лишь бы были полезными. Иногда въ наукѣ и употребляются завѣдомо ложныя предположенія, какъ полезное вспомогательное средство; это—такъ называемыя, вспомогательныя фикціи. А тѣмъ болѣе вправѣ мы употреблять, какъ рабочую гипотезу, любое трансцендентное предположеніе, коль скоро оно будетъ полезно для развитія науки. Но относиться къ нему въ наукѣ иначе, чѣмъ къ рабочей гипотезѣ, это значитъ—поступать ненаучно, потому что ни одно изъ трансцендентныхъ предположеній никогда не можетъ обратиться въ знаніе. Словомъ, такъ называемая *метафизика*, если подъ этимъ именемъ подразумѣвать ученіе о трансцендентныхъ предметахъ, какъ это и подразумѣваютъ обыкновенно, *должна быть предоставлена вѣрѣ, а въ наукѣ она можетъ быть употребляема только въ видѣ рабочихъ гипотезъ*, причемъ, разумѣется, въ каждой наукѣ изо всѣхъ метафизическихъ воззрѣній нужно предпочитать то, которое съ точки зрѣнія этой науки окажется проще и шире другихъ. Вѣдь коль скоро отъ метафизическихъ или трансцендентныхъ гипотезъ въ наукѣ требуется всего только, чтобы онѣ служили вспомогательнымъ орудіемъ, а не изображеніемъ дѣйствительности, то разумѣется, онѣ будутъ тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ онѣ проще и шире другихъ, т. е. чѣмъ легче будетъ при ихъ помощи объединить и связать въ одно цѣлое наибольшую сумму фактовъ. Нерѣдко думаютъ, будто бы простота и широта гипотезы свидѣтельствуютъ объ ея наибольшей вѣроятности, будто бы простота и широта служатъ признаками истины. Этотъ ошибочный взглядъ зависитъ только оттого, что не дѣлаютъ разницы между вспомогательнымъ для науки средствомъ и изображеніемъ дѣйствительности. Отъ вспомогательнаго средства можно и должно требовать, чтобы оно было и проще, и шире; но кто и какъ докажетъ, что такимъ же долженъ быть и всякій взглядъ, наиболѣе соотвѣтствующій дѣйствительности? Развѣ природа устроена съ такимъ разсчетомъ, чтобы ее можно было изучать легко и быстро? Можетъ быть и да, а можетъ быть, и нѣтъ.

Итакъ, трансцендентные и метафизическіе вопросы, напримѣръ—о существованіи Бога, души и т. п., разрѣшимы не въ видѣ знанія, а только въ видѣ вѣры. Повидимому, это ставитъ насъ въ безвыходное положеніе при построеніи общаго міровоззрѣнія; ибо оно не можетъ считаться цѣльнымъ и не имѣетъ права называться *міровоззрѣніемъ*, если въ составъ его невойдутъ какіе либо отвѣты (будутъ ли они утвердительными или отрицательными, это все равно) на такіе вопросы, какъ о существованіи Бога, души и т. п. *Та или другая метафизика должна входить въ составъ цѣльнаго міровоззрѣнія.* Если это не для всѣхъ сразу понятно, то только оттого, что многіе думаютъ, будто бы принадлежность или непринадлежность того или другого взгляда къ числу метафизическихъ зависитъ не отъ содержанія *вопроса*, отвѣтомъ на который служитъ этотъ взглядъ, а отъ того, будетъ

ли этотъ отвѣтъ утвердительнымъ или отрицательнымъ. Многіе, напримѣръ, воображаютъ, будто бы матеріализмъ не составляетъ метафизики, хотя безъ всякаго спора относятъ къ ней признаніе существованія души. Но подобно тому, какъ принадлежность или непринадлежность даннаго вопроса къ числу химическихъ зависитъ не отъ характера отвѣта на него, а только отъ содержанія этого вопроса, такъ точно и всякій отвѣтъ на метафизическій или трансцендентный вопросъ, какъ утвердительный, такъ и отрицательный, одинаково принадлежитъ къ метафизикѣ, т. е. къ трансцендентнымъ, а не имманентнымъ воззрѣніямъ. А поэтому наше цѣльное міровоззрѣніе не можетъ быть построено безъ метафизики. И вотъ возникаетъ вопросъ: какъ же намъ быть при построеніи научно переработаннаго цѣльнаго міровоззрѣнія, если метафизическіе вопросы неразрѣшимы и метафизика можетъ употребляться въ наукѣ только въ видѣ рабочихъ гипотезъ?

Но кто докажетъ, что научно переработанное цѣльное міровоззрѣніе должно состоять изъ одного лишь знанія, а не изъ знанія въ соединеніи съ вѣрой? Догматическая философія (такъ называются всѣ некритическія направленія въ философіи) была пропитана увѣренностью, будто бы она въ состояніи построить цѣльное міровоззрѣніе, состоящее изъ одного лишь знанія; но она ничѣмъ не доказала своей увѣренности, а исповѣдывала ее безъ всякихъ доказательствъ, находясь подъ вліяніемъ предвзятаго догмата, будто бы нѣтъ ничего непознаваемаго, а есть только непознанное. И коль скоро цѣльное міровоззрѣніе не можетъ обойтись безъ метафизики, послѣдняя же возможна лишь въ видѣ вѣры, а не знанія, то ясно, что наше цѣльное міровоззрѣніе должно состоять не только изъ знанія, а также и изъ вѣры: *относительно имманентныхъ предметовъ въ составъ цѣльнаго, научно-разработаннаго міровоззрѣнія должно быть только знаніе, а относительно трансцендентныхъ предметовъ — вѣра.*

И если тутъ еще можетъ быть какое либо затрудненіе, то только одно: какой же изъ всѣхъ одинаково неопровержимыхъ и одинаково недоказуемыхъ трансцендентныхъ взглядовъ надо вводить въ видѣ вѣры въ составъ *научно*-переработаннаго цѣльнаго міровоззрѣнія? Вѣдь нашъ выборъ не можетъ быть вполнѣ произвольнымъ; ибо тогда и наше міровоззрѣніе въ своихъ важнѣйшихъ частяхъ отличалось бы произвольнымъ характеромъ, а этого не должно быть въ *научно*-переработанномъ міровоззрѣніи. Но критическая философія уже при самомъ возникновеніи, еще въ лицѣ Канта, указала простой выходъ изъ этого затрудненія,

Цѣльное міровоззрѣніе не можетъ обходиться безъ строго опредѣленнаго взгляда на нравственный долгъ; а съ этимъ взглядомъ мирятся только строго опредѣленныя метафизическія воззрѣнія, остальныя же противорѣчатъ ему, такъ что кто убѣжденъ въ справедливости этихъ взглядовъ, логически обязанъ исповѣдывать и строго опредѣленныя метафизическія воззрѣнія, хотя они навсегда останутся всего только неопровержимой, но настолько же и недоказуемой, вѣрой. Другими словами: коль скоро метафизика неизбѣжна въ составѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, то она должна входить въ него въ

видѣ *морально обоснованной вѣры*. Замѣтимъ, что здѣсь *не нравственность основывается на метафизикѣ, какъ это безплодно пыталась дѣлать догматическая философія, а наоборотъ: метафизика основывается на нравственныхъ воззрѣніяхъ*, которыя заранѣе устанавливаются независимо отъ всякой метафизики*). По поводу всего этого можетъ возникнуть еще такой вопросъ: если метафизика вводится въ составъ цѣльнаго міровоззрѣнія, какъ вѣра, то почему же эту вѣру обосновывать на нравственныхъ, а не на какихъ либо иныхъ воззрѣніяхъ, напримѣръ—эстетическихъ? Это оттого, что общеобязательно добиваться правильности нравственныхъ воззрѣній. Эстетическія же и всякія иныя воззрѣнія таковы, что ихъ даже и вообще то не обязательно имѣть: человѣкъ, лишенный всякаго эстетическаго вкуса, все-таки не заслуживаетъ ни малѣйшаго порицанія; но безспорно непозволительно не имѣть никакихъ нравственныхъ правилъ. Цѣльное же міровоззрѣніе строится въ надеждѣ, что оно, рано или поздно, пріобрѣтетъ общеобязательное значеніе. Поэтому и метафизика, входящая въ составъ цѣльнаго міровоззрѣнія, должна быть основана на нравственныхъ, а не на какихъ либо иныхъ воззрѣніяхъ.

Таковы взгляды критической философіи по поводу всѣхъ трансцендентныхъ предметовъ, къ числу которыхъ, какъ сказано, относится и душа. Философія же XIX столѣтія находилась постоянно подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ основаннаго Кантомъ критическаго направленія. А въ послѣднія сорокъ лѣтъ критическая философія распространилась особенно сильно во всѣхъ странахъ подъ именемъ новокантіанства или новокритицизма. Поэтому становится вполнѣ понятнымъ, что подъ ея вліяніемъ ускорилось превращеніе прежней психологіи въ психологію безъ души, т. е. замѣна ученія о душѣ ученіемъ объ однихъ лишь душевныхъ явленіяхъ, которое по привычкѣ продолжаютъ все таки называть именемъ психологіи.

Этому ускоренію содѣйствовалъ еще и *позитивизмъ Конта* († 1857г.). Въ своемъ „Курсѣ позитивной философіи“ (изданномъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка) Контъ изложилъ законъ трехъ фазисовъ, который въ основанной имъ позитивной философіи замѣняетъ всю теорію познанія. По этому закону всякая наука, которая не ограничивается одними лишь описаніями фактовъ, проходитъ въ своемъ развитіи три фазиса. Въ первомъ или теологическомъ фазисѣ, иначе фиктивномъ, всѣ явленія природы объясняются, какъ дѣйствіе человѣкоподобныхъ божествъ, причемъ постепенно число ихъ сокращается и всѣ они замѣняются однимъ Богомъ. Второй фазисъ, называемый метафизическимъ или абстрактнымъ, объясняетъ явленія

*) Интересующіеся вопросомъ о зависимости метафизическихъ воззрѣній отъ нравственныхъ найдутъ подробное популярное объясненіе этого вопроса въ первомъ выпускѣ „Философскихъ Очерковъ“ А. И. Введенскаго, С-Петербургъ 1901 г., именно въ статьяхъ: о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ къ знанію. Тамъ же подробно объяснено, почему трансцендентныя (или метафизическія) теоріи все таки остаются вѣрой даже и въ томъ случаѣ, когда выборъ между ними производится на основаніи нравственныхъ воззрѣній.

природы при помощи скрытыхъ сущностей, въ родѣ, напримѣръ, жизненной силы или души, при чемъ на дѣлѣ такими сущностями служатъ абстрактно мыслимыя свойства наблюдаемыхъ явленій. Третій фазисъ — позитивный или научный — отбрасываетъ при объясненіи природы и божества, и абстрактныя сущности, отказывается отъ изученія конечныхъ и первыхъ причинъ, а ограничивается лишь изученіемъ того, что дано въ опытѣ, объясняя всѣ явленія природы одними лишь законами природы. Такъ астрономія не объясняетъ теперь движеній свѣтилъ ни волей божествъ, ни ссылкой на то, что свѣтила обладаютъ совершеннѣйшей сущностью, вслѣдствіе которой они должны двигаться по совершеннѣйшимъ, т. е. по круговымъ линіямъ, какъ это дѣлалось въ древней Греціи, но объясняетъ ихъ одними лишь законами природы: законами тяготѣнія, инерціи и т. д. Такимъ образомъ на высшей своей ступени каждая наука должна быть позитивной и должна отказаться отъ всякой метафизики.

Своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ метафизикѣ позитивизмъ похожъ на критицизмъ, хотя между ними есть слѣдующая глубокая разница: 1) отрицая метафизику, позитивизмъ не задумался надъ вопросомъ, какъ же намъ составить научно переработанное *цѣльное* міровоззрѣніе, коль скоро оно не можетъ обойтись *безъ всякой* метафизики; критицизмъ же даетъ на этотъ вопросъ вполнѣ ясный отвѣтъ. 2) Самая же важная разница въ томъ, что въ критицизмѣ тщательно разработана теорія познанія, а въ позитивизмѣ она вся исчерпывается лишь закономъ трехъ фазисовъ (вслѣдствіе чего позитивизмъ упрекаютъ въ томъ, что на дѣлѣ у него вовсе нѣтъ теоріи познанія). А этимъ обусловлены разныя слабыя стороны позитивизма (ибо въ философіи самымъ важнымъ отдѣломъ служитъ теорія познанія: отъ нея зависитъ и весь складъ или общій характеръ нашей философіи. О важности теоріи познанія см. ниже въ добавочныхъ разъясненіяхъ къ этой главѣ). Именно: а) не говоря уже о томъ, насколько вѣренъ законъ трехъ фазисовъ (многіе его обвиняютъ въ несоотвѣтствіи съ исторіей наукъ) ясно, что изъ него вовсе не вытекаетъ, чтобы позднѣйшій фазисъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше предшествующаго. (Контъ исподтишка допускаетъ такую мысль, очевидно, руководясь предвзятымъ мнѣніемъ, будто бы каждый послѣдующій день лучше своего кануна и послѣднее слово въ наукѣ хорошо ужъ тѣмъ самымъ, что оно послѣднее). Не вытекаетъ тоже изъ закона трехъ фазисовъ, чтобы послѣ позитивнаго фазиса не наступилъ въ *обновленномъ* видѣ метафизическій, а за нимъ, чего добраго, и *обновленный* теологическій. Контъ же совсѣмъ не задумывается о такой возможности. По всему этому позитивизмъ могъ лишь содѣйствовать превращенію прежней психологіи въ психологію безъ души, пока имъ увлекались, какъ чѣмъ то новымъ, какъ „послѣднимъ“ словомъ философіи, безъ всякаго критическаго отношенія къ нему; оправдать же на будущее время такую перемѣну, т. е. заставить и впредь психологію удерживаться въ занятой ею позиціи (психологіи безъ души) позитивизмъ не въ состояніи, а къ этому способенъ только критицизмъ. в) Далѣе: ограничивъ теорію познанія однимъ лишь закономъ

трехъ фазисовъ, позитивизмъ не имѣлъ надежнаго вспомогательнаго средства, при помощи котораго онъ выяснилъ бы дѣйствительныя границы того, что доступно знанію (критицизмъ владѣетъ такимъ средствомъ въ видѣ тщательно разработанной теоріи познанія, самыя важныя части которой имѣютъ прочное значеніе, какъ бы ни были велики ошибки, допущенныя Кантомъ въ другихъ частахъ). Поэтому нерѣдко то, что позитивизмъ считалъ чистой положительной наукой, оказывалось далеко несвободнымъ отъ примѣси метафизики, принятой позитивизмомъ не за рабочую гипотезу, а за знаніе; съ другой стороны, Контъ объявилъ химическій составъ планетъ навсегда непознаваемымъ, и это почти въ то самое время, когда былъ открытъ спектральный анализъ, тотчасъ же примѣненный къ изученію химическаго состава всѣхъ небесныхъ свѣтилъ.

Но какъ бы то ни было, и позитивизмъ содѣйствовалъ ускоренію замѣны прежней психологіи психологіей безъ души. Если же психологія рѣшила воздерживаться отъ *всякаго* рѣшенія (точнѣе предрѣшенія) вопроса о душѣ, а заниматься лишь изученіемъ того, что должно быть признано существующимъ при *всякой* метафизикѣ, то этимъ, конечно, еще не упраздняется для психологіи право употреблять при изученіи душевныхъ явленій, какъ матеріализмъ, т. е. отрицаніе существованія души, такъ и спиритуализмъ, т. е. допущеніе души, въ видѣ рабочихъ гипотезъ, причемъ при одномъ состояніи науки можетъ оказаться болѣе удобнымъ вспомогательнымъ средствомъ одна изъ этихъ гипотезъ, а при другомъ—другая. Нѣтъ ничего невозможнаго даже и въ томъ, что при одномъ и томъ же состояніи науки будетъ удобнѣе изучать душевныя явленія для опредѣленной цѣли при помощи одной рабочей трансцендентной гипотезы, а для другихъ цѣлей—при помощи другой. Напримѣръ: вполнѣ возможно, что въ то самое время, какъ психіатру будетъ удобнѣе, сообразно съ его особыми задачами, разсматривать душевныя явленія съ матеріалистической точки зрѣнія, для педагога окажется болѣе удобной гипотезой дуализмъ, утверждающій, что человѣкъ состоитъ изъ двухъ началъ—изъ души и матеріи. И пока каждый изъ нихъ относится къ избранной имъ точкѣ зрѣнія, какъ всего только къ рабочей гипотезѣ, каждый изъ нихъ будетъ одинаково правъ; ибо каждый изъ нихъ сумѣетъ оцѣнить лучше другого, какое вспомогательное орудіе будетъ для него лично болѣе удобнымъ. А поэтому самому ни одинъ изъ нихъ не долженъ никому навязывать своей излюбленной трансцендентной гипотезы. Что же касается психологіи, которая разрабатывается, какъ часть философіи, то ясно, что для нея гораздо полезнѣе избѣгать употребленія всякой метафизики, даже и въ видѣ рабочей гипотезы, коль скоро главнѣйшій отдѣлъ философіи—теорія познанія приходитъ къ отрицательному выводу относительно существованія метафизики въ видѣ знанія и осуждаетъ всякую метафизику оставаться навсегда только вѣрой. Поэтому *психологія, разрабатываемая, какъ часть философіи, должна такъ формулировать всѣ свои выводы, чтобы они были одинаково пріемлемыми и одинаково обязательными какъ для тѣхъ, кто вѣритъ въ существованіе души,*

такъ и для тѣхъ, кто не вѣритъ въ него. Она должна быть психологіей, какъ безъ допущенія души, такъ и безъ отрицанія души даже въ видѣ рабочей гипотезы.

Психологія, будучи психологіей безъ души, не утрачиваетъ тѣмъ не менѣе философскаго значенія. Философія есть *научно* переработанное *при помощи теоріи познанія* міровоззрѣніе. Тѣмъ, что она перерабатываетъ его при помощи теорія познанія, она отличается отъ всѣхъ другихъ наукъ: простое суммированіе результатовъ всѣхъ остальныхъ наукъ не есть еще философія, хотя бы эти результаты и были очень важны для міровоззрѣнія А тѣмъ, что философія есть *научно* переработанное міровоззрѣніе, она отличается и отъ религіи и отъ поэзіи, которыя тоже дѣйствуютъ на наше міровоззрѣніе, но инымъ путемъ, чѣмъ философія. Разумѣется, всякая наука имѣетъ философское значеніе лишь постольку, поскольку она содѣйствуетъ усовершенствованію нашего міровоззрѣнія. Прежде психологія, когда она была ученіемъ о душѣ, очевидно, имѣла философское значеніе. Но и психологія безъ души тоже имѣетъ его черезъ свою связь съ различными отдѣлами философіи или, какъ ихъ принято называть, философскими дисциплинами: напримѣръ, и теорія познанія, и этика, и логика, приступая къ своимъ построеніямъ, обращаются за справками къ психологіи. Между философіей, психологіей и логикой такая тѣсная связь, что она сразу всѣмъ кидается въ глаза, и подъ вліяніемъ этой связи установилось даже двоякое употребленіе слово „философія.“ Кромѣ узкаго смысла, который только что былъ объясненъ нами, его употребляютъ еще и въ широкомъ смыслѣ, подразумѣвая подъ нимъ соединеніе трехъ наукъ: самой философіи, психологіи и логики, вслѣдствіе чего психологію называютъ одной изъ философскихъ наукъ. Болѣе того: связь философіи, да и логики также, съ психологіей такъ сильна, что нерѣдко возникаетъ мысль, будто бы и логику, и философію надо считать частями психологіи. Такую мысль высказываетъ даже одинъ изъ современныхъ германскихъ профессоровъ философіи—Липпсъ. Но, конечно, это невѣрно: и отъ логики, и отъ нѣкоторыхъ отдѣловъ философіи, напримѣръ—отъ теоріи познанія, этики и эстетики, психологія отличается тѣмъ, что она относится къ душевнымъ явленіямъ, какъ ихъ естественная исторія или естественная наука о нихъ, т. е. безъ всякой оцѣнки ихъ, а логика и только что упомянутые отдѣлы философіи, хотя и разсматриваютъ тѣ или другія душевныя явленія, но съ оцѣночной точки зрѣнія. Другіе же отдѣлы философіи, напримѣръ философское ученіе о внѣшней природѣ, занимаются совсѣмъ другими предметами, чѣмъ психологія И двоякое употребленіе слова философія, и ошибочное мнѣніе Липпса, доказываетъ, что всѣмъ кидается въ глаза тѣсная внутренная связь философіи и логики съ психологіей.

Никто не сомнѣвается также и въ утилитарномъ значеніи психологіи, именно въ томъ, что она служитъ вспомогательнымъ средствомъ для психіатріи, для юридическихъ наукъ и для педагогики. Напротивъ, постоянно даже преувеличиваютъ утилитарное значеніе психологіи, особенно ея значе-

ніе для педагогики. Думаютъ иногда, будто бы педагогика можетъ быть выведена изъ психологіи. Противъ такого преувеличенія не мѣшаетъ бороться, потому что въ силу реакціи оно можетъ вызвать ложное обратное мнѣніе, и начнутъ сильно уменьшать значеніе психологіи для педагогики. Дѣйствительное же значеніе психологіи для педагогики отлично разъяснено Джемсомъ въ его превосходной маленькой книжкѣ „Психологія въ бесѣдахъ съ учителями". *Педагогика* по его словамъ, *не можетъ основываться на психологіи, т. е. не можетъ быть выводима изъ нея, но она должна все таки не противорѣчить психологіи; и изученіе психологіи важно для педагога не столько тѣми свѣдѣніями о душевной жизни, которыя долженъ помнить педагогъ, чтобы не противорѣчить имъ въ своей педагогической практикѣ* (такихъ свѣдѣній немного и они легко усвоиваются даже безъ изученія психологіи, а въ видѣ экскурсовъ или отступленій, которыя можно дѣлать при изложеніи теоріи воспитанія и обученія), *но тѣмъ, что онъ особеннымъ образомъ разовьетъ свой умъ, если внимательно и систематически поработаетъ надъ изученіемъ психологіи: отъ этого у него выработаются необходимые для педагога навыки вглядываться въ факты своей и чужой душевной жизни и умѣнье правильно анализировать ихъ.* Но, разумѣется, всѣ эти навыки и умѣнье выработаются въ томъ только случаѣ, если изучаютъ психологію не такъ, чтобы ограничиваться однимъ лишь запоминаніемъ установленныхъ въ ней законовъ и выводовъ, подкрѣпляя ихъ клятвой in verba magistri, ссылкой на авторитеты, а такъ чтобы, не вѣря ровно никакому авторитету провѣрять всѣ эти законы и выводы посредствомъ наблюденія надъ своей собственной и надъ чужой душевной жизнью, и для этого при первомъ же знакомствѣ съ этими законами и выводами тщательно слѣдить, какимъ путемъ они устанавливаются и на какіе факты опираются.

3. Дополнительныя разъясненія къ предшествующему: философія и теорія познанія; метафизика; законы природы.

Философія и гносеологія. При обзорѣ любого изложенія исторіи философіи тотчасъ кидается въ глаза, что философія всегда ставитъ своей задачей быть *системой научно разработаннаго міровоззрѣнія.* А что такое міровоззрѣніе? У всякаго не слишкомъ тупого (въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ слова) человѣка, не поглощеннаго борьбой за существованіе, но пользующагося нѣкоторымъ досугомъ, довольно рано, а подъ конецъ юности непремѣнно, возникаетъ рядъ жгучихъ вопросовъ, необходимыхъ для того, чтобы выяснить смыслъ существованія человѣка, напримѣръ: каково положеніе человѣка во вселенной? Каково строеніе этой вселенной: осуществляется ли въ ней какой нибудь смыслъ или разумная цѣль, или же она, напротивъ, управляется слѣпыми чисто механическими причинами? Какова сущность и первооснова вещей, образующихъ вселенную? Изъ чего состоитъ человѣкъ: изъ одного ли тѣла, такъ что душа составляетъ только видимость, или

же онъ состоитъ изъ души и тѣла, или же, наконецъ, только изъ души, такъ что тѣло и все матеріальное составляетъ лишь одну видимость? Если есть душа, то каковы ея судьбы послѣ смерти человѣка? и т. д. *Совокупность отвѣтовъ на всѣ вопросы, возбуждаемые вопросомъ о смыслѣ существованія человѣка, называется міровоззрѣніемъ.*

Вслѣдствіе важности этихъ вопросовъ они неизбѣжно привлекаютъ къ себѣ наибольшее вниманіе и вынуждаютъ отыскать на нихъ какіе-нибудь отвѣты, т. е. отличаются, какъ говорится, жгучимъ характеромъ. Поэтому каждый человѣкъ и каждый народъ всегда имѣетъ какое нибудь міровоззрѣніе. Но послѣднее можетъ возникнуть различнымъ путемъ: 1) или человѣкъ можетъ построить его въ *случайномъ* видѣ, обращаясь не систематически, подъ вліяніемъ запросовъ жизни, къ тому или другому вопросу и опираясь въ своихъ отвѣтахъ на предвзятыя, непровѣренныя мнѣнія, усвоя ихъ по традиціи; 2) или же онъ станетъ разрабатывать свое міровоззрѣніе въ видѣ науки, т. е. а) систематически, чтобы не пропустить ни одного изъ вопросовъ, возбуждаемыхъ основнымъ вопросомъ о смыслѣ существованія человѣка, и в) въ то же время будетъ подвергать критической оцѣнкѣ тѣ идеи, на которыхъ это міровоззрѣніе зиждется, а для этого, въ свою очередь, будетъ всячески избѣгать принимать что нибудь безъ всякихъ основаній и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ соблюдать всѣ правила научной предосторожности, какія только можетъ изобрѣсти нашъ умъ. Словомъ, можно разрабатывать наше міровоззрѣніе и такимъ образомъ, чтобы получаемые нами отвѣты были если не вполнѣ достовѣрны, то все таки отличались наибольшею вѣроятностью, т. е. *наукообразно*—въ видѣ науки. Такое разработанное въ видѣ науки міровоззрѣніе и составляетъ цѣль тѣхъ ученій, о которыхъ говорится въ исторіи философіи. Поэтому простѣйшее опредѣленіе философіи могло бы, повидимому, быть такъ формулировано: *философія—это система научно-разработаннаго міровоззрѣнія.* Тѣмъ, что она разрабатывается *научнымъ образомъ*, она отличается отъ міровоззрѣнія религіознаго и поэтическаго.

Но для того, чтобы міровоззрѣніе было *научно*-разработаннымъ, оно должно опираться на особую науку — теорію познанія или гносеологію, которая поэтому составляетъ основной и важнѣшій отдѣлъ философіи. Важное значеніе теоріи познанія для философіи можно доказать двоякимъ образомъ: А) теоретически и В) исторически.

А) *Теоретически.* При *научной* разработкѣ міровоззрѣнія оказывается необходимымъ рѣшать такіе вопросы, надъ которыми мы нисколько не задумываемся при другихъ условіяхъ и безъ предварительнаго изученія которыхъ наше міровоззрѣніе никоимъ образомъ не можетъ считаться научно разработаннымъ, а именно: при разработкѣ нашего міровоззрѣнія намъ приходится установить хоть какія нибудь мнѣнія о такихъ предметахъ, относительно которыхъ невольно возникаетъ сомнѣніе, доступны ли они нашему *познанію*, т. е. *наукѣ*, или должны быть предоставлены *вѣрѣ*, которая, конечно, можетъ опираться на разные мотивы, напримѣръ, нравственные,

эстетическіе, но все таки будетъ вѣрой, а не знаніемъ. Таковы, напримѣръ, Богъ, душа и т. д. Совсѣмъ умолчать о нихъ въ міровоззрѣніи нельзя: при такомъ умолчаніи оно не было бы цѣльнымъ воззрѣніемъ на *міръ* и на смыслъ существованія человѣка въ мірѣ, т. е. не было бы *міровоззрѣніемъ*. А все это такіе объекты, которые по существу своему, по самому понятію о нихъ, опыту недоступны, гдѣ бы и когда бы мы его ни переживали и какъ бы ни изощряли наши органы чувствъ. (Подъ словомъ *опытъ* мы всегда будемъ подразумѣвать, какъ это уже принято въ философской литературѣ, не одни лишь эксперименты, но какъ эксперименты, такъ и наблюденія безразлично, а поэтому экспериментъ будемъ называть не опытомъ, а экспериментомъ. Для философіи необходимъ терминъ, который имѣлъ бы родовое значеніе и обозначалъ бы сразу какъ эксперименты, такъ и наблюденія. И она имѣетъ неоспоримое право условиться употреблять для этой цѣли слово „опытъ;“ ибо первоначально это слово обозначаетъ не одни лишь эксперименты—это только натуралисты привыкли употреблять его въ столь узкомъ смыслѣ—а какъ эксперименты, такъ и наблюденія. Напримѣръ, когда мы говоримъ про кого-нибудь, что это опытный человѣкъ, что у него большой житейскій опытъ, то этимъ вовсе не хотимъ сказать, будто бы онъ много экспериментировалъ надъ людьми, но что у него было много наблюденій надъ ними). Всѣ же науки, которыя оправдали свое право на существованіе тѣмъ, что безпрерывно увеличиваютъ сумму хорошо доказанныхъ, никѣмъ неоспариваемыхъ свѣдѣній, занимаются изученіемъ лишь такихъ предметовъ, которые или уже доступны переживаемому нами опыту (физическія, химическія явленія и т. п.), или же, по крайней мѣрѣ, были бы доступны нашему опыту, если бы мы либо перенеслись въ другое мѣсто или другое время, либо усилили по своему произволу всего лишь степень воспріимчивости нашихъ чувствъ, нисколько не мѣняя общаго характера ихъ дѣятельности (такіе предметы: внутреннее строеніе земли, прошлыя историческія событія и т. п.).

Въ виду всего этого невольно возникаетъ сомнѣніе: могутъ ли и въ какой мѣрѣ могутъ быть провѣрены наши мнѣнія о такихъ предметахъ, какъ: Богъ, душа и т. п., вообще о такихъ предметахъ, которые лежатъ *за предѣлами не только дѣйствительно переживаемаго, но и всякаго возможнаго для насъ опыта*, гдѣ бы и когда бы мы ни были и какъ бы ни изощряли степень воспріимчивости нашихъ чувствъ? Не будутъ ли всѣ эти мнѣнія, какъ утвердительныя, такъ и отрицательныя (напримѣръ Богъ есть, Бога нѣтъ), *одинаково* недоказуемыми, а поэтому одинаково неопровержимыми (ибо чрезъ опроверженіе одного изъ этихъ мнѣній было бы доказано другое), а слѣдовательно, въ *научномъ* отношеніи одинаково позволительными? Если же такъ окажется на дѣлѣ, то изъ всѣхъ этихъ одинаково недоказуемыхъ и неопровержимыхъ мнѣній, которыя очевидно въ силу ихъ недоказуемости и неопровержимости, могутъ быть только вѣрой, а не знаніемъ, въ составъ научно-разработаннаго міровоззрѣнія надо вводить только такую вѣру, въ пользу которой можно привести какіе нибудь мотивы,

хотя бы они и не составляли доказательствъ и не обращали нашей вѣры въ знаніе. Вѣдь въ составъ *научныхъ* воззрѣній могутъ входить только или такія мысли, которыя будутъ вполнѣ доказанными, или же такія, про которыя мы научнымъ путемъ убѣдились, что онѣ и недоказуемы, и неопровержимы, почему именно недоказуемы, и про которыя мы все таки можемъ дать отчетъ, почему же тѣмъ не менѣе мы предпочитаемъ ихъ всѣмъ другимъ столь же недоказуемымъ и неопровержимымъ, мыслямъ. Такимъ образомъ, въ составъ философіи непремѣнно войдетъ и будетъ играть въ ней наиважнѣйшую роль *изученіе самого факта* знанія, именно: философія должна будетъ *выяснить тѣ условія, благодаря которымъ существуетъ безспорно признаваемое знаніе (математика и естественныя науки), дабы посредствомъ знанія этихъ условій выяснить, до какихъ предѣловъ (или границъ) можетъ простираться наше знаніе, такъ что, перейдя эти границы, мы попадемъ въ область, въ которой возможны лишь одинаково недоказуемыя и одинаково неопровержимыя мнѣнія, т. е. вѣра, а не знаніе.*

Сначала неизбѣжность для философіи этой задачи можетъ оставаться незамѣтной (такъ оно и было въ исторіи философіи), но, рано или поздно, должно выясниться, что безъ предварительнаго изученія знанія съ указанной точки зрѣнія наше міровоззрѣніе не можетъ быть разработаннымъ *научно*; т. е., безъ этого условія философія не можетъ имѣть *научнаго* характера; и потому только что охарактеризованное ученіе о знаніи становится важнѣйшей задачей философіи. И такое *ученіе о знаніи, выясняющее условія, благодоря которымъ становится возможнымъ безспорно существующее знаніе, и въ зависимости отъ этихъ условій устанавливающее границы, до которыхъ можетъ простираться какое бы то ни было знаніе и за которыми открывается область одинаково неопровержимыхъ и одинаково недоказуемыхъ мнѣній*, принято называть *„теоріей познанія“* или *„гносеологіей“*. „Гносеологія“ — слово греческое. Въ переводѣ на русскій языкъ оно означаетъ „ученіе о познаніи“. Употребляютъ же его у насъ въ Россіи наряду съ терминомъ — „теорія познанія“, какъ его синонимъ, по той причинѣ, что отъ послѣдняго термина нельзя образовать прилагательное безъ насилія надъ русскимъ языкомъ (слово „теоретикопознавательный“ крайне неуклюжее); а отъ слова „гносеологія“ легко образуется прилагательное „гносеологическій“.

В) *Исторически.* Такимъ образомъ, философія должна быть прежде всего гносеологіей, и въ исторіи философіи мы находимъ этому другое доказательство. На первыхъ порахъ своего существованія, въ VI и въ первой половинѣ V Вѣка до *Р.* Х., философія обходилась безъ теоріи познанія, слѣдствіемъ чего было возникновеніе среди, такъ называемыхъ, софистовъ (подъ каковымъ именемъ въ V вѣкѣ подразумѣвалась особая, только что сложившаяся, профессія платныхъ преподавателей уже извѣстныхъ научныхъ свѣдѣній, особенно же риторики) отрицанія возможности какого бы то ни было знанія, а вмѣстѣ съ ней возможности научно переработаннаго міро-

воззрѣнія. Одни изъ софистовъ утверждали, что всѣ мнѣнія о любомъ предметѣ одинаково истинны, а другіе—что всѣ мнѣнія о немъ одинаково ложны. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ получается одинъ выводъ: ни о чемъ не можетъ быть такого знанія, которое имѣло бы общеобязательное значеніе, такъ что не стоитъ заниматься ни научными изслѣдованіями, ни научной переработкой нашего міровоззрѣнія; ибо обо всемъ можно доказать или опровергнуть любое мнѣніе (а нѣкоторые софисты полагали, что о каждомъ предметѣ можно и доказать, и опровергнуть любое мнѣніе). Поэтому единственно, чѣмъ стоило заниматься, по мнѣнію этихъ отрицателей возможности знанія, такъ это только искусствомъ посредствомъ рѣчи доводить своихъ слушателей до согласія съ любымъ мнѣніемъ,—риторикой. Такими взглядами на знаніе софисты V вѣка принудили своего современника—знаменитаго Сократа (ум. въ 399 г. до Р. Х.), а вслѣдъ за нимъ его ученика Платона (ум. въ 347 г.) и ученика послѣдняго—Аристотеля (ум. въ 322 г.), подвергнуть изученію и самое знаніе; и какъ только Сократъ ввелъ въ составъ философіи всего только одни лишь начатки теоріи познанія, развитые дальше Платономъ и Аристотелемъ, то философія тотчасъ же достигла въ лицѣ этихъ трехъ мыслителей небывалого то той поры процвѣтанія и вліянія. Сходныя явленія повторяются и въ исторіи новой философіи. Въ XVII и XVIII в. в. философія отличается сильнымъ развитіемъ и вліяніемъ на умы современниковъ, а этимъ она обязана перевороту, произведенному въ теоріи познанія Декартомъ (ум. въ 1650 г.) и Фр. Бекономъ (ум. въ 1624 г.), подобно тому какъ въ XIX столѣтіи весь ея характеръ измѣнился подъ вліяніемъ новаго переворота въ теоріи познанія, произведеннаго Кантомъ (ум. въ 1804 г.), основавшимъ, такъ называемое, критическое направленіе въ гносеологіи. Всѣ эти факты исторически доказываютъ, что теорія познанія составляетъ наиважнѣйшій отдѣлъ философіи.

Слѣдовательно, и опредѣлять философію надо такъ: *философія есть міровоззрѣніе, научно переработанное при помощи теоріи познанія* или иначе—*философія есть теорія познанія съ присоединеніемъ связанной съ нею и основанной на почвѣ добытыхъ ею результатовъ системы научно-разработаннаго міровоззрѣнія*. Замѣтимъ: философія не можетъ быть охарактеризована, какъ всего только теорія познанія, потому что теорія познанія *сама по себѣ* не будетъ имѣть иного значенія или смысла, кромѣ удовлетворенія любознательности; а всякая наука должна имѣть какое-нибудь важное значеніе, такъ что и теорія познанія должна изучаться не ради нея самой, не ради того, чтобы заниматься ею, какъ особымъ умственнымъ спортомъ, а для улучшенія міровоззрѣнія.

Противъ только что указаннаго опредѣленія философіи можно, пожалуй, возразить, что оно страдаетъ плеоназмомъ, потому что задача построенія *научно* разработаннаго міровоззрѣнія можетъ быть разрѣшена лишь при помощи теоріи познанія, такъ что, пожалуй, незачѣмъ *особо* упоминать о послѣдней въ опредѣленіи философіи. Но *если* даже и справедливо, будто бы это опредѣленіе страдаетъ нѣкоторымъ плеоназмомъ (въ чемъ можно

сильно сомнѣваться)*),зато оно крайне удобно, потому что, придерживаясь его, мы будемъ въ состояніи легко рѣшить, относится ли данный вопросъ къ области философіи или нѣтъ, а именно: мы обратимъ, главнымъ образомъ, вниманіе на то, касается ли данный вопросъ теоріи познанія, или на то, рѣшается ли онъ съ ея помощью. Если какой-нибудь вопросъ принадлежитъ къ теоріи познанія или не можетъ быть рѣшенъ безъ нея, то онъ навѣрняка относится къ философіи; въ остальныхъ же случаяхъ онъ или принадлежитъ какой-нибудь другой наукѣ, или же разсужденія по поводу него могутъ составить (если они отличаются особенной глубиной и мудростью) всего только матеріалы для философіи, но еще не составляютъ философіи въ томъ научномъ значеніи этого слова, какъ оно установилось исторически, которое, какъ научное и исторически установившееся, имѣетъ „общеобязательное“ значеніе. Такъ, напримѣръ, сочиненія Л. Толстого содержатъ важные матеріалы для философіи; но они еще не составляютъ философіи въ общеобязательномъ значеніи этого слова. Конечно, никто не можетъ препятствовать намъ, если мы вздумаемъ называть философіей любыя разсужденія (даже всевозможное пустомельство и резонерствованія) по поводу вопросовъ, входящихъ въ составъ міровоззрѣнія. Болѣе того: въ большой публикѣ такъ обыкновенно и поступаютъ. Но при этомъ слово „философія“ утрачиваетъ всякій опредѣленный смыслъ; ибо каждый при этомъ считаетъ истинными и, слѣдовательно, философіей только такія разсужденія, какія ему лично приходится по вкусу, а всѣ иные взгляды, какъ бы ни были они мудры и глубоки, объявляетъ вздорными, незаслуживающими имени философіи. Только теорія познанія придаетъ строго-опредѣленное, а потому и общеобязательное значеніе термину „философія“.

Нерѣдко даютъ философіи иныя опредѣленія, чѣмъ указаное нами. Конечно, ни въ одномъ изъ нихъ не говорятъ ничего такого, чего бы не было въ философіи, ничего ложнаго; но всѣ они по своей неясности крайне неудобны. Разсмотримъ одно изъ нихъ, наиболѣе распространенное. Оно говоритъ, что философія составляетъ науку о высшихъ (основныхъ или самыхъ общихъ) принципахъ или началахъ. (Принципомъ или началомъ называется все то, что лежитъ въ основѣ чего-нибудь; напримѣръ, принципами нравственной дѣятельности будутъ лежащія въ ея основѣ понятія о добрѣ и злѣ; принципами механики—понятія массы, матеріи, и т. и.)

Конечно, это опредѣленіе не высказываетъ про философію ничего ложнаго. Вѣдь изучая условія и границы возможности нашего познанія и пересматривая для этой цѣли всѣ тѣ идеи, которымъ нашъ умъ склоняется приписывать значеніе познанія, намъ незачѣмъ разсматривать всѣ безъ исключенія идеи, а достаточно разсмотрѣть лишь тѣ, которыя служатъ принципами или началами, потому что достовѣрность всѣхъ выводныхъ идей зависитъ

*) Вѣдь не сразу видно, что научностью переработки міровоззрѣнія требуется, чтобы эта переработка велась при помощи теоріи познанія: въ противномъ случаѣ философія возникла бы не иначе, какъ въ связи съ теріей познанія.

отъ достовѣрности тѣхъ началъ, изъ которыхъ онѣ вытекаютъ. Но во первыхъ, руководясь этимъ опредѣленіемъ, мы остаемся въ недоумѣніи: въ правѣ ли философія претендовать на *особое* мѣсто среди другихъ наукъ, т. е. считаться *особой* наукой? Вѣдь всѣ принципы въ большой или меньшей степени уже разсматриваются въ остальныхъ наукахъ; ибо каждая наука опирается на какіе нибудь принципы, такъ что всѣ остальныя науки взятыя вмѣстѣ, повидимому, разсматриваютъ всѣ безъ исключенія принципы, или начала; и для философіи, повидимому, не остается никакого дѣла. Во-вторыхъ, гдѣ провести границу между *самыми* высшими и *не самыми* высшими принципами, т. е. между философіей и другими науками? Очевидно, эта граница будетъ столь же произвольной, какъ и въ томъ случаѣ, если мы захотимъ отобрать изъ толпы людей самыхъ высокихъ (не одного самаго высокаго, но самыхъ высокихъ — въ множественномъ числѣ). Если же мы опредѣляемъ философію, какъ теорію познанія, соединенную съ системой научно-разработаннаго при ея помощи міровоззрѣнія, то намъ станутъ ясны и право философіи на особое мѣсто, и границы между философіей и другими науками: ибо ни одна наука не разрабатывается при помощи теоріи познанія, такъ что становится очевиднымъ право философіи на особое мѣсто среди другихъ наукъ. Далѣе, при нашемъ опредѣленіи указывается не произвольное количественное отличіе философіи отъ другихъ наукъ, но рѣзко замѣтное качественное отличіе — разработка міровоззрѣнія при помощи теоріи познанія.

Метафизика. Этотъ терминъ употребляютъ очень часто, особенно, когда въ спорахъ хотятъ выразить въ утонченной формѣ порицаніе мнѣніямъ своего противника; но мало кто знаетъ, какъ онъ возникъ, въ какомъ смыслѣ онъ употребляется въ наукѣ и когда онъ будетъ вполнѣ умѣстенъ. Все это большинству публики, несмотря на ея пристрастіе къ этому термину, еще такъ мало извѣстно, что можно часто встрѣтить людей, которые буквально всякій разъ, какъ только въ спорѣ ихъ, что называется, прижмутъ своими доводами къ стѣнкѣ, тотчасъ же стараются выпутаться изъ затруднительнаго положенія однимъ лишь тѣмъ, что начинаютъ упрекать своего противника, будто бы онъ вдается въ метафизику. Наилучшее орудіе противъ такихъ уловокъ — потребовать полнаго и точнаго объясненія этого термина.

Терминъ „метафизика“ возникъ совершенно случайно и первоначально онъ отнюдь не обозначалъ какого-либо отдѣла философіи. Въ первой половинѣ I вѣка до Р. Х. извѣстному въ то время своей ученостью послѣдователю аристотелевской философіи (называемой иначе перипатетической) Андронику Родосскому попалъ найденный незадолго передъ этимъ очень цѣнный экземпляръ сочиненій Аристотеля, нѣкогда принадлежавшій, по всей вѣроятности, самому Аристотелю и снабженный его собственноручными исправленіями, именно — составляемыя учениками Аристотеля записки его лекцій, лучшія изъ которыхъ онъ отбиралъ и перерабатывалъ, намѣреваясь

издать ихъ въ свѣтъ, но не успѣлъ этого сдѣлать. Какъ бы то ни было, экземпляръ, попавшій Андронику, цѣнился такъ высоко, что его изданіе (разумѣется, рукописное, какъ и всѣ изданія древности) сдѣлалось образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій сочиненій Аристотеля; и до насъ они дошли въ одномъ изъ списковъ съ изданія Андроника. Послѣдній нашелъ въ этомъ экземплярѣ нѣсколько статей, связанныхъ между собою по своему содержанію, но не имѣвшихъ ни своихъ особыхъ заглавій и никакого общаго для нихъ для всѣхъ заглавія. Андроникъ въ своемъ изданіи сочиненій Аристотеля помѣстилъ эти статьи послѣ сочиненія, озаглавленнаго „Физика“; и когда ему случалось упоминать о нихъ (напримѣръ, въ предисловіи къ своему изданію и т. п.), то онъ называлъ ихъ греческимъ выраженіемъ μετὰ τὰ φυσικά, т. е. „то, что послѣ физики“. Отсюда то и возникъ терминъ „метафизика“, который, какъ видимъ, сперва обозначалъ отнюдь не какой-либо отдѣлъ философіи, а всего лишь *мѣсто* нѣкоторыхъ статей Аристотеля въ изданіи его сочиненій. Но вслѣдствіе постояннаго называнія этихъ статей метафизикой, это слово въ концѣ концовъ привыкли употреблять, какъ названіе *ученія*, изложеннаго въ этихъ статьяхъ. Такое употребленіе термина „метафизика“ впервые попадается лишь въ IV вѣкѣ послѣ Р. Хр. Раньше же это ученіе называли тѣмъ же именемъ, какъ называлъ его и самъ Аристотель—πρώτη φιλοσοφία, т. е, „первая философія“. А такъ какъ у Аристотеля первая философія, т. е. „ученіе изложенное въ статьяхъ, названныхъ Андроникомъ „то что послѣ физики“, или по-гречески „метафизика“) была посвящена двоякаго рода вопросамъ: съ одной стороны—ученію о первыхъ началахъ знанія (оттого то Аристотель и называлъ его „*первой философіей*“), а съ другой трансцендентнымъ вопросамъ (напримѣръ, одна изъ этихъ статей сплошь посвящена ученію о Богѣ), то и слово метафизика пріобрѣло двоякое значеніе: имъ стали называть и ученіе объ основныхъ принципахъ знанія (которое только въ XIX в. впервые окрестили именемъ теоріи познанія или гносеологіи), и ученіе о трансцендентныхъ предметахъ. Такая двойственность въ употребленіи термина „метафизика“ еще нерѣдко встрѣчается даже и теперь; а раньше—до Канта и во времена Канта она была общераспространеннымъ фактомъ.

Дѣло въ томъ, что до Канта рѣдко кто сомнѣвался въ возможности трансцендентныхъ ученій въ видѣ знанія; поэтому до Канта и нѣкоторое время послѣ Канта почти всегда теорія познанія тѣсно сливалась съ ученіемъ о трансцендентныхъ предметахъ, такъ что тогда еще не было надобности называть ихъ разными именами. Только во второй половинѣ XIX в., увѣренность, будто бы о трансцендентныхъ предметахъ возможно знаніе, а не одна лишь вѣра, сдѣлалась простымъ пережиткомъ прошлаго, хотя и часто попадающимся у тѣхъ людей, которые не умѣютъ отличить пріятности ученія (метафизическаго) отъ его, доказанности, сильной желательности какого либо знанія (трансцендентнаго) отъ его осуществимости, а вслѣдствіе этого не въ силахъ уразумѣть, что, можетъ быть, существуетъ и абсолютно непознаваемое и что о немъ возможна только вѣра, какъ бы ни были

необходимы какіе-нибудь трансцендентные взгляды въ составѣ цѣльнаго міровоззрѣнія. И только въ это время, именно—*во второй половинѣ XIX в. почувствовали необходимость употреблять различныя названія для теоріи познанія и для ученія о трансцендентныхъ предметахъ. И вотъ тогда-то, не раньше 60-хъ годовъ XIX вѣка, установилось выраженіе Erkentnisstheorie, которое на русскій языкъ перевели „теорія познанія“*; а послѣ того, какъ уже привыкли употреблять его по-русски, подмѣтили, что отъ него нельзя образовть прилагательнаго безъ насилія для русскаго уха, и поэтому стали употреблять терминъ „гносеологія“, не взамѣнъ термина „теорія познанія“,—ибо уже привыкли къ этому выраженію,—а наряду съ нимъ, какъ его синонимъ.

Что же касается ученія о трансцендентныхъ предметахъ, то безъ него, какъ мы видѣли, нельзя обойтись при построеніи *цѣльнаго* научно-переработаннаго міровоззрѣнія, гдѣ оно должно быть хотя бы въ видѣ морально обоснованной вѣры; поэтому оно тоже нуждается въ особомъ названіи. И вотъ, многіе (но еще не всѣ) современные философы стали называть это ученіе метафизикой (*условимся и мы поступать такъ*), вслѣдствіе чего на языкѣ такихъ философовъ слова „трансцендентный“ и „метафизическій“ сдѣлались синонимами. Два обстоятельства побудили ихъ назвать трансцендентныя ученія именно метафизикой, а не какъ иначе: 1) если вычесть изъ того, что прежде называли метафизикой (состоявшей изъ соединенія тогдашней теоріи познанія съ ученіемъ о трансцендентныхъ предметахъ), ту часть, которая получила теперь имя теорія познанія, то подъ рубрикой метафизики останутся трансцендентныя ученія; 2) этому же помогалъ и этимологическій смыслъ слова „метафизика“, которое, означая въ буквальномъ переводѣ „то, что послѣ физики“ (т. е. относящагося къ природѣ—къ φυσις), было очень удобно для обозначенія ученій о томъ, что лежитъ сзади какъ внѣшней, такъ и внутренней природы, т. е. за предѣлами всякаго возможнаго опыта.

Однако, еще и теперь не всѣ называютъ метафизикой одни лишь трансцендентныя ученія: нѣкоторые и до сихъ поръ все еще употребляютъ слово метафизика въ его старомъ, двойственномъ смыслѣ, причемъ лишь кое-кто изъ такихъ лицъ, чувствуя неудобство подобной двойственности термина, называютъ трансцендентныя ученія „трансцендентной метафизикой“. По всему этому необходимо при чтеніи любой книги, когда встрѣчается въ ней слово „метафизика“ давать себѣ отчетъ, въ какомъ смыслѣ употребилъ его авторъ: иначе можно превратно понять его или стать втупикъ. Напримѣръ, многіе становятся втупикъ, узнавъ, что Кантъ въ одномъ сочиненіи, именно въ „Критикѣ чистаго разума“, тщательнѣйшимъ образомъ доказываетъ невозможность метафизики въ видѣ *науки* или знанія, а вслѣдъ затѣмъ написалъ сочиненіе, озаглавленное „Prolegomena въ метафизикѣ, которая должна появиться въ видѣ *науки*“, т. е. вступленіе или предисловіе къ метафизикѣ въ видѣ *науки*. Но въ первомъ случаѣ онъ подъ метафизикой подразумѣваетъ трансцендентныя ученія, а во второмъ—теорію

познанія, какового термина еще не было въ его времена. А изъ всего сказаннаго вытекаетъ: *обучающіеся философіи должны безукоризненнымъ и прочнымъ образомъ усвоить исторію термина „метафизика“ и ясно понимать всѣ его значенія. А такъ какъ для его отчетливаго пониманія необходимо еще ясно понимать разницу между имманентнымъ и трансцендентнымъ, то надо и ее усвоить безошибочнымъ образомъ и умѣть пояснять разными примѣрами.* При этомъ необходимо еще запомнить, что у англичанъ нерѣдко научная терминологія отличается кое-какими особенностями отъ общеевропейской и что *нѣкоторые (но далеко не всѣ) англійскіе писатели употребляютъ слово метафизика взамѣнъ психологіи.* Напримѣръ, Милль поступаетъ такъ въ своей „Системѣ логики“.

Законы природы. Подъ „закономъ природы“ понимаются единообразія во взаимоотношеніяхъ явленій природы (внѣшней или внутренней, т. е. духовной — это безразлично), *состоящія въ томъ, что при повтореніи однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ, мы всегда и вездѣ въ ней встрѣчаемъ повтореніе однихъ и тѣхъ же строго опредѣленныхъ явленій.* Вотъ эти-то единообразія или порядокъ напоминаютъ собою тотъ порядокъ или тѣ единообразія, которыя устанавливаются законами государственными. Оттого наблюдаемыя въ явленіяхъ природы единообразія и назвали ея законами: природа разсматривалась при этомъ, какъ бы выполняющей въ своихъ явленіяхъ предписанія какого то существа, имѣющаго достаточно могущества, чтобы подчинить ее даннымъ имъ законамъ. Впослѣдствіи эта трансцендентно-метафизическая примѣсь отпала отъ понятія закона природы, и его содержаніе ограничилось одними лишь данными въ опытѣ единообразіями во взаимоотношеніи явленій природы. Можно еще иначе охарактеризовать законъ природы: *законъ природы есть такая связь между явленіями природы, которая повторяется всегда и вездѣ или при всякихъ обстоятельствахъ, или при повтореніи однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ.* Возьмемъ, напримѣръ, законъ Маріотта: „объемъ газовъ при одинаковыхъ температурахъ обратно пропорціоналенъ ихъ упругости.“ Здѣсь, очевидно, мыслится такая связь между двумя явленіями природы — измѣненіями въ объемѣ газа и его упругости, которая при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ (при одинаковыхъ температурахъ) всегда и вездѣ повторяется. Нѣчто подобное можно сказать и про законъ Ньютона: „всякія двѣ матеріальныя частицы сближаются между собою съ ускореніями, прямо пропорціональными ихъ массамъ и обратно пропорціональными квадратамъ ихъ разстояній“. И въ этомъ законѣ также мыслится всегда и вездѣ повторяющаяся связь между явленіями природы (сближеніемъ — съ одной стороны и величиной массы и разстояніемъ — съ другой), причемъ эта связь повторяется уже при всякихъ обстоятельствахъ.

Законы природы называются также *законосообразной* связью явленій природы; ибо они состоятъ въ связи явленій, установленной и повторяемой

какъ бы *сообразно* съ чьимъ-либо *предписаніемъ* или закономъ. Законосообразную связь явленій по-русски часто называютъ *закономѣрной* связью; а отъ этихъ прилагательныхъ образуютъ существительныя „законосообразность“ и „закономѣрность“. Слова „законосообразный„ и „законосообразность“ болѣе соотвѣтствуютъ духу русскаго языка: термины „закономѣрный“ и „закономѣрность“ возникли путемъ буквальнаго перевода нѣмецкихъ терминовъ „gesetzmässig“ и „Gesetzmässigkeit“; но если мы термины „zweckmässig“ и „Zweckmässigkeit“ переводимъ словами „цѣлесообразный“ и „цѣлесообразность“, а не „цѣломѣрный“ и „цѣлемѣрность“, то нѣтъ основанія переводить „gesetzmässig“ словомъ „закономѣрный“.

4. Физіологическія свѣдѣнія.

При современномъ состояніи психологіи, физіологіи и психофизіологіи для изученія психологіи, если съ ней не смѣшиваютъ психофизіологію, нѣтъ надобности въ обширныхъ свѣдѣніяхъ по физіологіи; но безъ всякаго знакомства съ ней все таки нельзя обойтись при анализѣ душевныхъ явленій. Поэтому мы изложимъ здѣсь нѣкоторыя изъ физіологическихъ свѣдѣній, подтверждая ихъ наипростѣйшими доводами и ограничиваясь матеріаломъ, лишь самымъ необходимымъ при изученіи курса основной психологіи.

Наиболѣе важное значеніе для психологіи имѣютъ два слѣдующихъ психо-физіологическихъ положенія: *a) Всякое душевное явленіе такъ связано съ опредѣленными тѣлесными явленіями, что никогда не можетъ возникнуть безъ возникновенія этихъ послѣднихъ. b) Ближайшимъ образомъ эта связь душевныхъ явленій съ тѣлесными сказывается въ головномъ мозгу*, а именно: всякое душевное явленіе оказываетъ вліяніе на состояніе нашего тѣла не иначе, какъ вызывая опредѣленныя тѣлесныя явленія въ головномъ мозгу; и наоборотъ, всякое тѣлесное явленіе вліяетъ на ходъ душевной жизни тѣмъ путемъ, что дѣйствуетъ на головной мозгъ. Другими словами ту же самую мысль можно выразить и такимъ образомъ: *органомъ душевной жизни служитъ головной мозгъ*. Но, выражая ее въ этомъ положеніи, его отнюдь не надо понимать метафизически, т. е. не слѣдуетъ истолковывать его ни въ смыслѣ матеріализма, ни въ смыслѣ дуализма, ибо мы отказались въ психологіи отъ *всякихъ* метафизическихъ толкованій. Подразумѣвать же подъ нимъ надо лишь то, что всякое душевное событіе непремѣнно *сопровождается* опредѣленными процессами въ головномъ мозгу, и наоборотъ, всякое событіе въ головномъ мозгу, такъ или иначе, *отражается* на ходѣ душевной жизни, т. е. процессы головного мозга и душевныя явленія идутъ параллельно одни другимъ. Эта точка зрѣнія, чуждая *всякой* метафизики, называется *принципомъ параллелизма*, а иногда принципомъ психофизическаго параллелизма, хотя вѣрнѣе было бы говорить о психофизіологическомъ параллелизмѣ.

Всего важнѣе убѣдиться въ справедливости этого принципа относительно

познавательныхъ душевныхъ явленій: вѣдь у нихъ (кромѣ ощущеній) связь съ тѣлесными, или физіологическими процессами такъ мало замѣтна, что съ перваго взгляда кажется, будто бы нѣкоторыя изъ нихъ (напримѣръ—мышленіе) совершаются независимо отъ какихъ бы то ни было тѣлесныхъ процессовъ, безъ всякой связи съ ними.

А въ томъ, что познавательныя явленія связаны съ нѣкоторыми опредѣленными процессами, происходящими въ головномъ мозгу (т. е., что органомъ всякой познавательной дѣятельности служитъ головной мозгъ), насъ убѣждаетъ слѣдующій рядъ фактовъ:

1) Усиленная умственная дѣятельность сопровождается болью въ головѣ. А такъ какъ при усиленной работѣ болитъ всегда та часть, которая усиленно работала, то ясно, что при умственной дѣятельностм работаетъ голова; но вѣдь не кожа и не кости, а, очевидно, головной мозгъ.

2) Цѣлый рядъ фактовъ доказываетъ, что воздѣйствіе на головной мозгъ, даже самое грубое (каковы, напримѣръ, удары о черепъ, сотрясеніе мозга и т. п.), отражается на умственной жизни. Такъ, одинъ англичанинъ, сильно ударившись о мостовую головой, забылъ греческій языкъ. Наоборотъ, одинъ русскій митрополитъ, отличавшійся сначала при ученіи въ бурсѣ дурными способностями, пріобрѣлъ блестящія умственныя способности послѣ того, какъ ему бурсаки проломили голову во время драки.

3) Кромѣ того, рядъ фактовъ, добытыхъ экспериментальнымъ путемъ, изъ которыхъ мы возьмемъ наипростѣйшіе, свидѣтельствуетъ, что всякая дѣятельность познавательнаго характера сопровождается: а) притокомъ крови къ головному мозгу, b) повышеніемъ его температуры и с) продуктами разложенія головного мозга. а) Первое обстоятельство обнаружили разнообразные опыты извѣстнаго физіолога Моссо. Одинъ изъ нихъ очень простъ и состоялъ въ слѣдующемъ. Рука испытуемаго субъекта погружалась въ наполненный водою сосудъ, съ которымъ сообщалась тоненькая вертикальная трубочка. Затѣмъ въ испытуемомъ лицѣ возбуждали усиленіе умственной дѣятельности, заставляя его рѣшать сложныя ариѳметическія задачи или читать трудную книгу. При этомъ было замѣчено, что какъ только умственная дѣятельность усиливалась, такъ тотчасъ уровень воды въ тоненькой трубочкѣ понижался. Пониженіе уровня воды происходило, очевидно, потому, что кровь отливала отъ руки. А такъ какъ подобные опыты показали, что она отливала при усиленной умственной дѣятельности и отъ другихъ членовъ тѣла, напримѣръ—отъ ногъ, то ясно, что она направлялась въ этихъ случаяхъ къ головному мозгу. b) Сопровожденіе же усиленія умственной дѣятельности повышеніемъ температуры головного мозга можно предполагать уже заранѣе, коль скоро выяснено сопровожденіе ея притокомъ крови къ мозгу. Но это же оправдывается и прямымъ экспериментальнымъ путемъ. Такъ, Шиффъ производилъ надъ собаками слѣдующіе опыты: въ наружную часть (корку) большихъ полушарій ихъ головного мозга погружались иголки термоэлектрическаго столбика (а онѣ, какъ извѣстно, обладаютъ тѣмъ свойствомъ, что при нагрѣваніи столбика замѣ-

чается уклоненіе магнитной стрѣлки, сообщающейся съ даннымъ приборомъ). И вотъ, какъ только умственная дѣятельность собаки чѣмъ-нибудь возбуждалась, такъ тотчасъ же приборъ показывалъ болѣе или менѣе значительное уклоненіе магнитной стрѣлки. Особенно интересно, что это уклоненіе было въ полномъ соотвѣтствіи съ большей или меньшей степенью умственнаго возбужденія животнаго. Такъ, напримѣръ, когда къ собакѣ подносили листъ бѣлой бумаги, то уклоненіе стрѣлки было не особенно сильно; если же подносили бумагу, на которой положенъ кусокъ мяса, то уклоненіе значительно увеличивалось. Или другой примѣръ: если передъ глазами собаки проводили закрытымъ зонтикомъ, уклоненіе стрѣлки было слабо; но стоило въ то же время внезапно раскрыть зонтикъ, чтобы сразу вызвать сильное уклоненіе. c) Что касается до продуктовъ разложенія головного мозга, то обнаруженіе ихъ достигается довольно простымъ путемъ: производится анализъ выдѣленій человѣческаго организма послѣ усиленной умственной работы, и въ нихъ получаются въ усиленномъ составѣ противъ обычнаго тѣ вещества, которыя входятъ въ составъ головного мозга.

4) Изъ всего сказаннаго съ ясностью вытекаетъ, что познавательные процессы ближайшимъ образомъ отражаются на дѣятельности головного мозга, *хотя до сихъ поръ еще не удалось выяснить вполнѣ точно, въ чемъ именно состоятъ процессы, происходящіе въ головномъ мозгу, которыми сопровождаются различныя познавательныя явленія, возникающія въ душевной жизни.* О существованіи же ихъ связи съ дѣятельностью головного мозга можно заключать даже на основаніи слѣдующаго факта: размѣры головного мозга оказываются *въ общемъ* идущими параллельно съ интеллектуальнымъ развитіемъ человѣка. Говоримъ *въ общемъ* потому, что въ отдѣльныхъ случаяхъ не всегда удается установить такой параллелизмъ. Наиболѣе убѣдительны подобныя наблюденія, производимыя надъ различными націями. Такъ, объемъ черепа современнаго парижанина равняется, въ среднемъ, 1560 куб. сан.; у китайца эта цифра достигаетъ только 1520 куб. сан.; у нубійцевъ, стоящихъ еще ниже негровъ западной Африки, объемъ черепа составляетъ только 1330 куб. сан. Кромѣ того, есть еще любопытная цифра, показывающая, что объемъ черепа у парижанина XII вѣка былъ ниже современнаго объема.

Прибавимъ къ сказанному еще нѣсколько замѣчаній физіологическаго характера.

Человѣческій организмъ имѣетъ чрезвычайно сложное строеніе: онъ состоитъ изъ соединенія нѣсколькихъ разнородныхъ частей, каковы: 1) органы (напр., пищеваренія, дыханія, кровообращенія и т. д.), служащіе для чисто растительной жизни (такъ принято называть эти отправленія въ отличіе отъ животной жизни, слагающейся изъ чувствъ и движеній); 2) образованія, назначенныя для твердой поддержки всего организма (т. е. скелетъ, состоящій изъ костей, большая часть которыхъ движется другъ около друга, вродѣ рычаговъ), и 3) органовъ, назначенныхъ для вызова движеній, ощущеній и т. д.

Скелетъ, состоя отчасти изъ костей, которыя могутъ двигаться одна возлѣ другой, еще служитъ во-1) для перемѣщенія всего организма, во-2) для измѣненія относительнаго положенія его частей и въ-3) для воздѣйствія на внѣшніе предметы, напр., для перемѣщенія ихъ съ мѣста на мѣсто. Но сами по себѣ кости безсильны, онѣ не могутъ двигаться, а потому нуждаются въ органахъ или приспособленіяхъ, которыя приводили бы ихъ въ движеніе. Къ числу этихъ приспособленій принадлежитъ, между прочимъ, *мускульная система*, т. е. совокупность всѣхъ мускуловъ.

Мускулы состоятъ изъ очень тонкихъ, короткихъ веретенообразныхъ волоконецъ, невидимыхъ простымъ глазомъ. Эти волоконца соединены пучками въ волокна и окружены общей оболочкой; волокна же, въ свою очередь, соединяются въ мускульные пучки, уже доступные для невооруженнаго глаза. Вотъ такимъ образомъ и слагаются мускулы, которые въ общежитіи называемъ мясомъ. Особенность всѣхъ мускульныхъ волоконъ состоитъ въ томъ, что они сокращаются подъ вліяніемъ извѣстныхъ нервныхъ дѣйствій, а черезъ это сокращается и весь мускулъ, вслѣдствіе чего и возникаютъ въ тѣлѣ различныя движенія. Напримѣръ, если мускулъ расположенъ такъ, что однимъ концомъ своимъ онъ прикрѣпленъ къ одной кости, а другимъ къ другой, соединенной съ первой въ видѣ рычага, то понятно, что при сокращеніи мускула эти двѣ кости будутъ сближаться, напримѣръ, такъ бываетъ при сгибаніи руки въ локтѣ. Если же волокна мускула расположены кольцеобразно вокругъ какого-нибудь отверстія, такъ что мускулъ образуетъ кольцо, окружающее это отверстіе, или часть кольца, то при сокращеніи волоконъ это кольцо будетъ съуживаться; такъ, вокругъ зрачка находятся подобные кольцеобразные мускулы; они-то сокращеніемъ своихъ волоконъ и вызываютъ съуженіе зрачка. Словомъ, всѣ движенія, которыя происходятъ въ частяхъ тѣла относительно другъ друга, вызываются сокращеніемъ мускуловъ.

Каждый мускулъ вызываетъ движеніе только своимъ сокращеніемъ, а движеніе, обратное данному, вызывается сокращеніемъ какого-нибудь другого мускула. Напримѣръ: разгибаніе вызывается сокращеніемъ мускула, прикрѣпленнаго къ тѣмъ же костямъ, но съ другой стороны, къ которымъ прикрѣпленъ и мускулъ, вызывающій сгибаніе (именно — если двѣ кости соединены своими концами между собою, а по обѣ стороны ихъ соединенія прикрѣплены мускулы, то одинъ изъ нихъ своимъ сокращеніемъ будетъ вызывать сгибаніе, а другой — разгибаніе такого сочлененія костей). Мускулы, производящіе два противоположныхъ движенія, называются относительно другъ друга *мускулами-антагонистами*. У кольцеобразныхъ мускуловъ роль антагонистовъ исполняютъ радіальныя мускульныя волокна, т. е. расположенныя по радіусамъ кольца, окруженнаго кольцеобразнымъ мускуломъ. Они-то своимъ сокращеніемъ и вызываютъ расширеніе этого кольца.

Мускулы сами по себѣ сокращаться не могутъ: ими управляютъ *нервы*, которые заканчиваются въ нихъ и отъ раздраженія которыхъ наступаетъ сокращеніе мускуловъ.

Нервная система состоитъ изъ центральныхъ частей — массы бѣлаго и сѣраго вещества, расположенной въ черепѣ и каналѣ спинного хребта, и нервовъ — серебристыхъ нитей, выходящихъ изъ головнаго и спинного мозга. Центральныя части, головной и спинной мозгъ, отстоящій на равномъ разстояніи отъ всѣхъ органовъ движенія — состоятъ во-1) изъ *нервныхъ клѣтокъ* и во-2) изъ *соединяющихъ ихъ между собою нервныхъ волоконъ*.

Нервныя клѣтки суть микроскопическія тѣльца, имѣющія закругленную форму, иногда приближающуюся къ грушевидной формѣ, съ однимъ или нѣсколькими отростками. Какъ онѣ малы, можно судить по тому, что въ объемѣ куба, сторона котораго равна $^1/_1$ дм. (т. е. въ $^1/_{64}$ куб. дм.), умѣщается до 100.000 нервныхъ клѣтокъ.

Нервныя волокна суть очень тонкія нити. Какъ они тонки, можно видѣть изъ того, что пучекъ волоконъ въ 1 дм. въ діаметрѣ содержитъ въ себѣ отъ 10 милл. до 100 милліоновъ этихъ волоконъ.

Что же касается собственно нервовъ, то подъ микроскопомъ видно, что они состоятъ изъ первныхъ волоконъ, которыя идутъ, не *прерываясь*, отъ самаго начала до конца, такъ что когда первъ развѣтвляется, то это значитъ, что нервныя волокна, шедшія прежде вмѣстѣ, теперь разошлись въ разныя стороны, а никакъ не означаетъ, чтобы въ развѣтвленіяхъ нерва появлялись новыя волокна. Та часть нерва, которая примыкаетъ къ центральнымъ частямъ нервной системы, называется *центральной*, а противоположная ей часть, т. е. другой конецъ нерва, *периферической*. Вся совокупность периферическихъ концовъ всѣхъ нервовъ называется *периферіей нервой системы*.

Разсмотримъ теперь, какое значеніе для душевной жизни имѣютъ разныя части нервной системы.

На первыхъ порахъ можетъ представиться, что органомъ душевной жизни служитъ вся нервная система, ибо ея поврежденія почти всегда отзываются нѣкоторыми перемѣнами въ ходѣ душевной жизни. Но, какъ мы уже упомянули, множество фактовъ отсылаютъ насъ, какъ къ непосредственному органу душевной жизни, къ головному мозгу; а сейчасъ мы изложимъ рядъ другихъ фактовъ, которые показываютъ, что остальная часть нервной системы, именно — нервы и спинной мозгъ, отзываются на той душевной жизни, которая доступна нашему самонаблюденію, лишь постольку, поскольку ихъ состоянія и происходящіе въ нихъ процессы отзываются на процессахъ головного мозга. А изъ всего этого вмѣстѣ взятаго ясно слѣдуетъ, что *ближайшимъ* или *непосредственнымъ* органомъ, иначе — *центромъ* той душевной жизни, которая доступна нашему самонаблюденію (о причинахъ этой оговорки см. ниже, что говорится про спинной мозгъ), служитъ головной мозгъ. Эти слова: „ближайшій“, „непосредственный“, „центръ“, вотъ что означаютъ: *каждое душевное явленіе всегда сопровождается какимъ-нибудь строго опредѣленнымъ процессомъ въ головномъ мозгу, съ которымъ оно такъ связано, что на ходъ душевной жизни отзывается и всякая перемѣна, испытываемая этимъ процессомъ, и наоборотъ* —

душевная жизнь отзывается на этихъ процессахъ; но дѣйствовать на другія части тѣла, напримѣръ—на мускулы, душевная жизнь можетъ не иначе, какъ черезъ посредство головного мозга, т. е. только въ томъ случаѣ, если неотдѣлимые отъ нея, сопровождающіе ее процессы головного мозга отзовутся на этихъ частяхъ; равно какъ и всякое тѣлесное явленіе можетъ подѣйствовать на ходъ душевной жизни не иначе, какъ тоже чрезъ посредство головного мозга, т. е. не иначе, какъ вызвавъ въ немъ какіе-либо процессы, способные измѣнить ходъ тѣхъ процессовъ головного мозга, которые неотдѣлимымъ образомъ связаны съ душевными явленіями.

Нервы же сами по себѣ не порождаютъ (вѣрнѣе—измѣненія ихъ состояній не сопровождаютъ) ни одного душевнаго явленія, равно какъ они не вызываютъ и того процесса, который служитъ *первоначальной* причиной мускульныхъ сокращеній. *Всѣ нервы служатъ только проводниками нѣкоторыхъ матеріальныхъ процессовъ или возбужденій, идущихъ или къ центральнымъ частямъ нервной системы отъ периферіи или наоборотъ.* Роль нервовъ состоитъ лишь въ томъ, что одни нервы служатъ проводниками нѣкоторыхъ опредѣленныхъ процессовъ или возбужденій, идущихъ отъ периферіи къ центральнымъ частямъ нервной системы, причемъ, когда эти возбужденія достигнутъ головного мозга, то возникаетъ ощущеніе вмѣстѣ съ тѣми процессами головного мозга, которые возбуждены въ немъ этими дошедшими изъ нерва возбужденіями. Другіе же нервы проводятъ опредѣленное возбужденіе или опредѣленный матеріальный процессъ отъ центра къ периферіи нерва, при чемъ, если это возбужденіе достигаетъ до мускуловъ, то вызываетъ ихъ сокращеніе, а если нервъ оканчивается въ железкахъ, то вызываетъ ихъ выдѣленія и т. д.

Уже самое строеніе нервовъ—то, что они состоятъ изъ *непрерывающихся* нитей, намекаетъ на то, что роль нервовъ сводится къ тому, чтобы служить проводниками на подобіе телеграфной проволоки. Такое предположеніе оправдывается и явленіями, которыя наблюдаются при перерѣзанныхъ нервахъ. Если мы перерѣжемъ нервъ, назначеніе котораго—передавать возбужденіе отъ периферіи къ центральнымъ частямъ и этимъ путемъ вызывать ощущенія, и начнемъ раздражать периферическій отрѣзокъ, то ощущенія не будетъ; слѣдовательно, самъ по себѣ, лишенный возможности провесть къ головному мозгу свое возбужденіе, нервъ еще не вызываетъ ощущенія. Если же раздражать центральный отрѣзокъ, который остается еще соединеннымъ съ головнымъ мозгомъ, то ощущеніе получается; слѣдовательно, ощущеніе получается *только тогда*, когда нервное раздраженіе доходитъ до нервныхъ клѣтокъ головного мозга. Теперь возьмемъ нервъ, идущій отъ головного или спинного мозга къ мускуламъ, перерѣжемъ его и будемъ раздражать центральный отрѣзокъ,—мускулы не сократятся; раздраженіе же периферическаго отрѣзка этого нерва поведетъ за собой сокращеніе мускуловъ. Слѣдовательно—возбужденіе нерва, пока оно идетъ еще всего только по нерву, но не передается мускуламъ, еще ничего не

вызываетъ; оно должно дойти до мускула, чтобы вызвать движеніе. Отсюда ясно, что нервы служатъ всего только проводниками какихъ-то возбужденій отъ периферіи къ центру, и наоборотъ.

Этотъ же выводъ подтверждается еще слѣдующимъ доказательствомъ. Если справедливо, что нервы служатъ всего только проводниками, то надо ждать, что они, подобно телеграфнымъ и другимъ проводникамъ, способны проводить возбужденіе *какъ въ ту, такъ и* въ другую сторону. Дѣйствительно, такъ и оказывается, какъ это видно изъ опыта Поля Бера. Онъ содралъ кожу съ кончика хвоста живой крысы и воткнулъ этотъ обнаженный конецъ въ разрѣзъ, сдѣланный на спинѣ. Когда ранка зажила и хвостъ, такимъ образомъ, вросъ въ спину, онъ отрѣзалъ хвостъ у его корня (который теперь сталъ, какъ-бы, концомъ хвоста). Когда и эта ранка зажила, онъ сталъ раздражать бывшій корешокъ хвоста, сдѣлавшійся теперь концомъ хвоста и замѣтилъ, что крыса чувствуетъ боль: она визжала и огрызалась при такомъ опытѣ. Значитъ—нервы, сращенные теперь въ обратномъ направленіи, сравнительно съ прежнимъ, такъ же проводятъ раздраженіе, какъ и раньше, а слѣдовательно—нервы одинаково способны проводить раздраженіе *въ обѣ стороны*. А это снова подтверждаетъ наше заключеніе о роли нервовъ.

Смотря по тому, въ какую сторону проводится раздраженіе нервомъ въ его нормальномъ состояніи, (а не въ такомъ, какъ у только что описанной крысы), всѣ нервы раздѣляются на двѣ группы: 1) *центростремительные или приводящіе* или *чувствующіе*: они приводятъ къ центральнымъ частямъ нервной системы возбужденіе и когда оно доходитъ до головного мозга, то возникаетъ ощущеніе; и 2) *центробѣжные* нервы, проводящіе возбужденіе отъ центральныхъ частей нервной системы къ ея периферіи, при чемъ эти нервы заканчиваются либо въ мускулахъ, проводя къ нимъ возбужденіе, идущее отъ центральныхъ частей нервной системы, и тогда они называются *двигательными* нервами, такъ какъ вызываютъ сокращеніе мускуловъ, а чрезъ это и движенія, либо эти центробѣжные нервы заканчиваются въ органахъ растительной жизни, напримѣръ, въ железахъ, проводя къ нимъ возбужденіе, идущее отъ центральныхъ частей нервной системы, и тогда дѣятельность нервовъ обусловливаетъ дѣятельность этихъ органовъ, напримѣръ, выдѣленія этихъ железокъ. *Въ чемъ состоитъ нервный процессъ, проводимый нервами, который мы все время называли возбужденіемъ, до сихъ поръ во всѣхъ подробностяхъ еще неизвѣстно, т. е. мы еще не знаемъ съ полной точностью, изъ какихъ именно физическихъ и химическихъ явленій слагается этотъ процессъ*; но для психологіи это и не важно. Для нея важнѣе всего лишь роль нервовъ, особенно же роль двигательныхъ и чувствующихъ нервовъ.

Наблюдая дѣятельность нервовъ, замѣтили, что *одинаковыя* раздраженія *разныхъ* нервовъ производятъ *различныя* послѣдствія; напримѣръ, электрическій разрядъ по слуховому нерву даетъ всегда слуховое ощущеніе, но отъ этого же самаго разряда по зрительному нерву получаются всегда

только зрительныя ощущенія. И наоборотъ—*разныя раздраженія* (напр., кислотой и электричествомъ) *одного и того же нерва даютъ всегда одинъ и тотъ же результатъ*, глядя по нерву—или всегда движенія, или ощущенія извѣстнаго рода и т. д. Отчего это происходитъ? Съ перваго взгляда можно думать, что каждый нервъ самъ по себѣ можетъ порождать только одинъ, *ему одному свойственный результатъ*, что составило бы *специфическую энергію самихъ нервовъ*. Но разъ выяснилось, что нервы суть только проводники, то уже ясно, что специфичность результата раздраженія зависитъ не отъ самихъ нервовъ, а отъ концевыхъ аппаратовъ, помѣщающихся на периферическомъ и центральномъ концѣ нервовъ. Напримѣръ концевой аппаратъ глазного нерва устроенъ не такъ, какъ концевой аппаратъ слуховыхъ нервовъ, и только поэтому результатъ раздраженія слухового нерва долженъ быть не таковъ, какъ результатъ раздраженія глазного нерва. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо допустить, что специфичность результата чувствующихъ нервовъ зависитъ какъ отъ *центральныхъ* концевыхъ аппаратовъ (т. е. отъ нервныхъ клѣтокъ, въ которыхъ заканчиваются чувствующіе нервы), такъ и отъ *периферическихъ*. Первое доказывается тѣмъ, что если вырѣзать глазъ и раздражать глазной нервъ, то все-таки получатся зрительныя ощущенія (правда, не столь разнообразныя, какъ при здоровомъ глазѣ); слѣдовательно, они обусловлены теперь центральными концевыми аппаратами. Второе же доказывается тѣмъ, что отъ *любого* раздраженія двигательнаго нерва получается лишь сокращеніе мускула. И если наша гипотеза вѣрна, то съ перемѣной нерва результатъ раздраженія не долженъ измѣняться, лишь бы остался тотъ же концевой аппаратъ, т. е. если мы къ какому нибудь концевому аппарату прикрѣпимъ новый нервъ (не тотъ, который былъ прежде), то раздраженіе послѣдняго будетъ давать прежній результатъ. Такъ оно и оказывается на дѣлѣ, какъ это выяснилось изъ эксперимента Вюльпіана и Филиппо. Филиппо и Вюльпіанъ, воспользовавшись тѣмъ, что въ языкѣ сходятся близко два нерва (а также и тѣмъ, что нервы, перерѣзанные и сложенные вмѣстѣ, срастаются)—двигательный и чувствующій, срастили у собаки периферическій конецъ двигательнаго нерва, перерѣзавъ его, съ центральнымъ отрѣзкомъ чувствующаго и, раздражая *послѣдній*, т. е. отрѣзокъ *чувствующаго* нерва, они въ языкѣ вызывали точно такія движенія, которыя были въ немъ, когда двигательный нервъ былъ цѣлъ. Слѣдовательно, чувствующій нервъ, вслѣдствіе пріобрѣтенія концевого аппарата двигательнаго, сталъ играть роль двигательнаго нерва.

Изъ всего этого вытекаетъ прекурьезное слѣдствіе, котораго, конечно, нельзя провѣрить прямымъ путемъ, но съ которымъ необходимо согласиться на основаніи всего сказаннаго о дѣятельности нервовъ. Именно: если бы было возможно, перерѣзавъ зрительный и слуховой нервъ, срастить периферическій конецъ перваго (заканчивающійся въ *глазу*) съ центральнымъ второго (заканчивающимся въ такихъ частяхъ головного мозга, отъ раздраженія которыхъ возбужденіемъ, приходящимъ по этому нерву, получа-

ются *звуковыя* ощущенія), то отъ раздраженія *глаза* свѣтовыми волнами мы испытывали бы *звуковыя* ощущенія, т. е. *слышали бы не ухомъ, а глазомъ*, но, разумѣется, слышали бы не раздѣльные звуки (ибо ихъ раздѣльность зависитъ отъ концевыхъ аппаратовъ, находящихся въ ухѣ), а общій шумъ или звонъ. Точно также при сращеніи периферическаго отрѣзка слухового нерва (заканчивающагося въ *ухѣ*) съ центральнымъ зрительнаго (заканчивающагося въ такихъ частяхъ головного мозга, отъ раздраженія которыхъ возбужденіемъ, приходящимъ къ нимъ по этому зрительному нерву получаются *зрительныя* ощущенія), то отъ раздраженія *уха* воздушными колебаніями мы испытывали бы *зрительныя* ощущенія, т. е. *видѣли бы ухомъ, а не глазомъ*, конечно, видѣли бы не отдѣльные предметы и даже, можетъ быть, не цвѣта, а просто потоки свѣта или искръ, ибо ощущеніе разныхъ цвѣтовъ и видѣніе предметовъ зависитъ отъ концевыхъ аппаратовъ зрительнаго нерва, находящихся въ глазу. Во всякомъ случаѣ *возможность, хотя и неосуществимая на дѣлѣ, видѣть ухомъ и слышать глазомъ* составляетъ неизбѣжное слѣдствіе зависимости специфическаго результата дѣятельности нервовъ отъ ихъ центральныхъ концевыхъ аппаратовъ и способности нервовъ къ сращенію.

Въ настоящее время признается всѣми *гипотеза специфической энергіи нервовъ;* но, вопреки такому названію ея, подъ этой гипотезой подразумѣваютъ ученіе о томъ, что специфичность результата раздраженія нерва зависитъ не отъ самого нерва, а отъ тѣхъ концевыхъ аппаратовъ, съ которыми онъ соединенъ, причемъ въ деталяхъ этой гипотезы есть кое что спорнаго (о чемъ можно подробно узнать въ „Физіологической психологіи“ Вундта).

Обращаемся теперь къ спинному мозгу. *Въ той душевной жизни, которую мы сознаемъ въ себѣ и которую изучаемъ посредствомъ самонаблюденія* (почему мы говоримъ не просто о душевной жизни, а съ такой оговоркой, почти сейчасъ же станетъ яснымъ) *спинной мозгъ не играетъ прямой роли*, доказательствомъ чего служитъ слѣдующее: если поврежденъ спинной мозгъ у человѣка, то, конечно, нерѣдко онъ умираетъ отъ этого, но до тѣхъ поръ, пока онъ живъ, душевная жизнь его не нарушается, кромѣ какъ черезъ приливъ болѣзненныхъ ощущеній. *Для той душевной жизни, которую мы сознаемъ въ себѣ и изучаемъ посредствомъ самонаблюденія, спинной мозгъ играетъ такую же роль, какъ нервы*, т. е. роль проводника. Весьма немногіе нервы выходятъ непосредственно изъ головного мозга (напр., глазные, вкусовые, слуховые и нѣкоторые другіе); большая же часть нервовъ выходитъ изъ спинного мозга и только посредствомъ него соединяется съ головнымъ. Такъ, напримѣръ, чувствующіе нервы ноги не выходятъ изъ головного мозга; слѣдовательно, для того, чтобы получить ощущеніе прикосновенія какого-нибудь предмета къ ногѣ, надо, чтобы нервный процессъ, возбужденный этимъ прикосновеніемъ въ нервахъ ноги, дошелъ до головного мозга черезъ спинной. Подобнымъ же образомъ нервный процессъ, возбуждаемый хотѣніемъ, доходитъ

до мускуловъ ноги черезъ посредство спинного мозга. Слѣдовательно, онъ въ обоихъ случаяхъ играетъ роль проводника.

Но относительно спинного мозга у психофизіологовъ все еще идетъ вотъ какой споръ: не служитъ ли онъ органомъ *особой* душевной жизни, которую мы не сознаемъ, но которая существуетъ наряду съ той и сверхъ той, органомъ которой служитъ головной мозгъ, т. е. наряду съ сознаваемой нами и изучаемой посредствомъ самонаблюденія? На такой вопросъ навели физіологовъ наблюденія надъ рефлексами, происходящими у лягушки, лишенной головного мозга.

Сверхъ движеній произвольныхъ или *умышленныхъ* (которыя иначе называютъ, хотя это очень неудобно, *сознательными*) и *автоматическихъ* (хорошо заученныхъ и оттого ставшихъ автоматическими, напр., ходьба), есть еще группа движеній, называемыхъ *рефлективными* (т. е. движеніями отраженными), или *рефлексами*. *Рефлексы суть движенія, которыя возникаютъ безъ всякаго предварительнаго заучиванія, чѣмъ они отличаются отъ автоматическихъ,—тѣмъ путемъ, что раздраженіе чувствующаго нерва черезъ спинной или головной мозгъ передается прямо двигательному и вызываетъ движеніе безъ всякого хотѣнія, или даже противъ нашего хотѣнія, а иногда даже вовсе не отражаясь въ сознаніи въ видѣ ощущенія, соотвѣтствующаго раздраженію чувствующаго нерва.* Возникая такимъ путемъ, рефлексы, очевидно, составляютъ *неумышленныя движенія*. Всѣ рефлексы дѣлятся на рефлексы или спинного или головного мозга, глядя по тому, гдѣ именно передается раздраженіе съ чувствующаго нерва на двигательный. И тѣ и другіе рефлексы совершаются какъ будто бы съ цѣлью прекратить раздраженіе, которое вызываетъ ихъ. Напримѣръ: къ рефлексамъ принадлежитъ отдергиваніе ноги при прикосновеніи къ подошвѣ, чиханіе, непроизвольный кашель, непроизвольное движеніе руки, направленное къ тому, чтобы согнать муху, сѣвшую на щеку, миганіе вѣками при приближеніи къ глазу, отдергиваніе головы въ это время и т. д. Такимъ образомъ, рефлексы оказываются *цѣлесообразными* непроизвольными дѣйствіями: они приноровлены къ цѣли, состоящей въ прекращеніи вызывающаго ихъ *раздраженія*.

При осторожномъ вырѣзаніи головного мозга у лягушки она еще живетъ нѣкоторое время; но тогда въ ея рефлексахъ наблюдаются такія особенности, что какъ будто бы въ ней еще есть душевная жизнь. А такъ какъ съ удаленіемъ головного мозга въ ней могутъ быть только рефлексы *спинного*, то, допустивъ въ этой лягушкѣ душевную жизнь, органомъ или центромъ послѣдней придется считать спинной мозгъ. Вотъ что наблюдается въ подобной лягушкѣ: если смазать у нея брюшко кислотой, то она будетъ счищать эту кислоту, и непремѣнно ближайшей лапкой, т. е. той, которой всего удобнѣе. Если же отрѣзать эту лапку, то лягушка пытается сначала счищать кислоту отрѣзкомъ лапки, и потомъ, какъ бы убѣдившись, что онъ слишкомъ коротокъ для этой цѣли, она начинаетъ счищать кислоту другой лапкой. И замѣчательно, что въ послѣднемъ случаѣ *движе-*

нія этой лапки по мѣрѣ ихъ повторенія постепенно совершенствуются, становятся точнѣе, какъ будто бы они постепенно заучиваются, какъ будто бы лягушка сначала этой ушибленной лапой дѣлаетъ попытки къ различнымъ движеніямъ и, выбирая изъ нѣсколькихъ возможныхъ движеній наиболѣе подходящія, запоминаетъ ихъ и послѣ того производитъ только ихъ.

Физіологи, разсматривая эти явленія, установили до сей поры двѣ гипотезы. Нѣкоторые говорятъ, что рефлексы, происходящіе у лягушки, лишенной головного мозга, такъ цѣлесообразны и отъ повтореній столь замѣтно совершенствуются, что они непремѣнно должны считаться умышленными, порожденными душевной жизнью, но такой, для которой органомъ или центромъ служитъ *спинной* мозгъ, а не отсутствующій головной, причемъ этотъ органъ или центръ, а съ нимъ и его душевная жизнь, подчинены главному органу или центру, т. е. головному мозгу, когда этотъ послѣдній существуетъ, а разъ его нѣтъ, то во второмъ органѣ или центрѣ, т. е. въ спинномъ мозгу, душевная жизнь уже идетъ *самостоятельно*. Почему же, говорятъ они, въ самомъ дѣлѣ, спинному мозгу и не быть органомъ своей особой душевной жизни? Вѣдь онъ имѣетъ много сходства въ своемъ строеніи съ головнымъ. Переживать же прямо въ самомъ себѣ то, что дѣлается въ душевной жизни спиннаго мозга, сознаніе или душевная жизнь головного мозга можетъ столь же мало, насколько одинъ человѣкъ можетъ *прямо* переживать въ себѣ то, что дѣлается въ душевной жизни другого, ибо это—два сознанія или двѣ души. Поэтому мы сознаемъ и изучаемъ посредствомъ самонаблюденія только ту душевную жизнь, органомъ которой служитъ головной мозгъ, о душевной же жизни спиннаго мозга должны узнавать посредствомъ заключенія на основаніи тѣхъ фактовъ, которые наблюдаются нами, когда она освобождается отъ подчиненія головному мозгу, т. е. при его удаленія. Такое ученіе иногда называютъ *теоріей спинномозговой души*.

Противники же этой теоріи утверждаютъ, что всѣ факты наблюдаемые въ лягушкѣ, лишенной головного мозга, должны объясняться чисто физіологическими законами, безъ предположенія душевной жизни въ спинномъ мозгу; ибо, во-первыхъ, всѣ рефлексы вообще цѣлесообразны, такъ что всѣ рефлексы этой лягушки должны быть направлены на устраненіе кислоты, вызывающей ея рефлексы; во-вторыхъ, если лягушка взамѣнъ обрѣзанной лапы начинаетъ стирать кислоту другой лапой, то это показываетъ всего только, въ какихъ направленіяхъ *распространяется* по нервной системѣ вызываемое кислотой и пораждающее рефлексъ возбужденіе, (т. е. чисто матеріальный процессъ), которое нестертая кислота все еще вызываетъ въ чувствующемъ нервѣ; (ибо обрѣзанная лапа не устраняетъ кислоты); въ третьихъ, если же движеніе цѣльной лапы совершенствуется, то это объясняется только тѣмъ, что нервная система *привыкаетъ* къ этимъ движеніямъ.

Не будемъ взвѣшивать, какой изъ этихъ двухъ взглядовъ вѣрнѣе, и вопросъ о томъ, существуетъ ли душевная жизнь въ спинномъ мозгу замѣ-

нимъ другимъ вопросомъ (который, однако, разсмотримъ не сейчасъ, а нѣсколько дальше—см. объ объективныхъ признакахъ одушевленности), именно: *какія матеріальныя явленія могутъ навѣрняка служить показателемъ душевной жизни?* Коль скоро мы выяснили бы такія явленія, то при ихъ помощи мы въ состояніи были бы навѣрняка узнать, что еще кромѣ насъ самихъ одушевленно, а что неодушевленно.

5. Методы психологіи: самонаблюденіе, и, такъ называемое, объективное наблюденіе душевныхъ явленій.

Учащіеся должны обратить особенное вниманіе на ученіе о методахъ психологіи. Задачи университетскаго преподованія вовсе не въ томъ, чтобы только снабдить учащихся свѣдѣніями, прочно установленными въ той или другой наукѣ. Напротивъ университетъ въ правѣ предполагать, что умѣнье пріобрѣтать путемъ самостоятельнаго чтенія и систематически связывать другъ съ другомъ прочно установленныя положенія уже усвоено въ средней школѣ. Университетъ же долженъ выработать въ своихъ слушателяхъ либо умѣнье самимъ заново установить научныя положенія, т. е. самостоятельно работать надъ наукой, либо, по крайней мѣрѣ, умѣнье самостоятельно критически относиться ко всѣмъ взглядамъ предлогаемымъ работниками науки. Конечно, и для той, и для другой цѣли нужно самое основательное знакомство съ методами науки, вполнѣ ясное пониманіе какъ причинъ, по которымъ необходимо или, по крайней мѣрѣ, полезно употребленіе того или другого метода, такъ и степени пригодности каждаго изъ нихъ и ихъ взаимнаго отношенія. Вотъ почему учащіеся должны отнестись самымъ вдумчивымъ образомъ къ изложенному здѣсь ученію о методахъ психологіи. Къ тому же надо имѣтъ въ виду, что всѣ учебники психологіи, и сжатые, и подробные, ставятъ своей цѣлью дать общій обзоръ или инвентарь всего выработаннаго въ психологіи до сихъ поръ—либо съ указаніемъ того, надъ чѣмъ она еще пока работаетъ въ данное время, либо безъ такого указанія. Имѣя же въ виду такую регистрирующую задачу, о методахъ психологіи они говорятъ очень сжато, отнюдь не задаваясь цѣлью научить вполнѣ сознательно относится къ употребленію каждаго изъ нихъ; а эта-то задача и должна стоять на первомъ планѣ въ университетскомъ преподаваніи. И для ея полнаго осуществленія, конечно еще недостаточно, чтобы учащіеся ограничивались лишь наглядным знакомствомъ съ употребленіемъ на дѣлѣ разныхъ методовъ изучаемой ими науки, а надо, чтобы они и теоретически осмыслили употребленіе каждаго изъ нихъ. Если историки признали теперь необходимымъ помимо и даже раньше нагляднаго ознакомленія съ методами исторіи также и ихъ теоретическое изученіе, то по тѣмъ же самымъ причинамъ необходимо подробное описаніе методовъ и въ психологіи. Не мѣшаетъ къ тому же замѣтить, что нѣкоторыхъ пунктовъ излагаемаго здѣсь ученія о методахъ нельзя найти не только въ учебникахъ психологіи, даже въ самыхъ подробныхъ, но и вообще въ научной литературѣ. Таково, напримѣръ,

объясненіе крайне важнаго, часто употребляемаго, но какъ то никѣмъ незамѣчаемаго и употребляемаго поэтому какъ бы инстинктивно, а не сознательно, метода состоящаго въ изученіи явленій посредствомъ разсмотрѣнія ихъ въ томъ видѣ, какъ они воображаются нами. Такова постановка и рѣшеніе вопроса о причинахъ, по которымъ экспериментальная психологія занимаетъ какое то странное положеніе: не то она очень важна, не то имѣетъ ничтожное значеніе. Расчлененіе этого вопроса на отдѣльныя части—въ примѣненіи къ психофизіологіи и къ чистой физіологіи и т. д.

Какими методами должна пользоваться психологія, чтобы рѣшить всѣ намѣченныя нами задачи? Въ логикѣ подъ именемъ методовъ индуктивныхъ или эмпирическихъ наукъ описываются въ общемъ видѣ всѣ методы, которые должны употреблять науки, изучающія данные въ опытѣ факты. При этомъ описаніи упоминается, что эти методы могутъ нѣсколько видоизмѣняться въ разныхъ наукахъ въ зависимости отъ особенностей предметовъ, изучаемыхъ той или другой наукой, и что эти видоизмѣненія сводятся къ различію въ тѣхъ пріемахъ или методахъ, посредствомъ которыхъ мы собираемъ и разсматриваемъ данныя опыта, изучаемыя въ той или другой наукѣ; а послѣ того, какъ эти данныя опыта собраны и описаны, для изслѣдованія ихъ причинъ и управляющихъ ими законовъ примѣняются такіе пріемы или методы, которые остаются одинаковыми для всѣхъ наукъ и которые, какъ общіе для всѣхъ этихъ наукъ, описываются въ логикѣ, а видоизмѣненія этихъ методовъ, зависящія отъ особенностей предметовъ, изучаемыхъ въ той или другой наукѣ, описываются въ ученіи о методахъ каждой отдѣльной науки. Слѣдовательно, если мы не хотимъ повторять все то, что мы уже знаемъ изъ логики относительно методовъ индуктивныхъ (или эмпирическихъ) наукъ (а, разумѣется, въ такомъ повтореніи нѣтъ никакой надобности), то, говоря здѣсь о методахъ психологіи и ихъ особенностяхъ, намъ достаточно описать только тѣ методы, посредствомъ которыхъ психологія въ зависимости отъ особенностей изучаемыхъ ею предметовъ должна собирать и разсматривать изучаемыя ею данныя опыта. При этомъ описаніи, разумѣется, мы должны выставить на видъ, въ чемъ состоятъ въ зависимости отъ особенностей душевныхъ явленій, особенности этихъ методовъ сравнительно съ тѣми, которые употребляются въ другихъ наукахъ, тоже изучающихъ данные въ опытѣ факты, напримѣръ, въ физіологіи, физикѣ, химіи и т. п.

Очевидно, проще всего и естественнѣе всего вести собираніе и описаніе явленій душевной жизни путемъ наблюденія этихъ явленій *въ самомъ себѣ*. Такое наблюденіе душевныхъ явленій (т. е. наблюденіе надъ ними въ самомъ себѣ) называется *самонаблюденіемъ*, или *внутреннимъ наблюденіемъ*, или *интроспекціей*; систематическое же употребленіе самонаблюденія для научныхъ цѣлей называется *субъективнымъ* или *интроспективнымъ методомъ*, въ отличіе отъ *объективнаго наблюденія*, состоящаго въ наблюденіи душев-

ныхъ явленій, происходящихъ въ другомъ одушевленномъ существѣ, т. е. въ наблюденіи *чужой* душевной жизни, причемъ систематическое примѣненіе объективнаго наблюденія называется *объективнымъ методомъ*.

Замѣтимъ при этомъ, что не слѣдуетъ съ понятіемъ субъективнаго метода *въ психологіи* соединять то, что мы подразумѣваемъ, говоря о субъективномъ методѣ въ *соціологіи*. Въ послѣдней субъективный методъ обозначаетъ такое изученіе соціальныхъ явленій, которое сопровождается ихъ оцѣнкой; психологія же, изучаетъ ли она душевныя явленія субъективнымъ или объективнымъ методомъ, всегда разсматриваетъ ихъ безъ всякой оцѣнки. Точно также, когда употребляютъ слово „субъективный“ въ смыслѣ „произвольный“ или „зависящій отъ личнаго вкуса, отъ личныхъ наклонностей и т. п.“, то ему придаютъ совсѣмъ не то значеніе, въ какомъ онъ употребляется, когда мы говоримъ о субъективномъ методѣ въ психологіи: въ послѣднемъ нѣтъ ровно ничего произвольнаго, зависящаго отъ личнаго вкуса, и свое названіе онъ получилъ оттого, что при его употребленіи познающее лицо, т. е. познающій *субъектъ*, разсматриваетъ то, что происходитъ въ немъ же самомъ, т, е. въ самомъ же познающемъ *субъектѣ*, между тѣмъ какъ при объективномъ методѣ познающій субъектъ разсматриваетъ то, что есть не въ немъ, а въ томъ, что противостоитъ ему, какъ предметъ или *объектъ* его познанія.

Такъ какъ употребленіе самонаблюденія для изученія душевной жизни естественнѣе всего приходитъ въ голову, то понятно, что психологія со времени Аристотеля (ум. въ 322 г. до Р. Х.), т. е. съ того времени какъ стали ею заниматься не мимоходомъ, а систематически, всегда пользовалась, главнымъ образомъ, самонаблюденіемъ, лишь изрѣдка употребляя въ видѣ добавочнаго средства объективное наблюденіе. Но до второй половины XIX в., она не отдавала себѣ яснаго отчета, слѣдуетъ ли такъ поступать, а если слѣдуетъ, то почему именно. Такой отчетъ сталъ необходимъ для нея въ XIX в., когда впервые, по почину основателя позитивизма—Огюста Конта, возникъ вопросъ о самой возможности самонаблюденія и о его достоинствахъ и недостаткахъ сравнительно съ объективными наблюденіемъ. А именно—въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія Контъ напечаталъ свое сочиненіе: „Курсъ позитивной философіи“, въ которомъ, анализируя методы различныхъ наукъ, пришелъ къ совершенному отрицанію самой возможности самонаблюденія надъ мышленіемъ (не надъ чувствами и волей, но только надъ мышленіемъ) и утверждалъ, что самонаблюденіе къ изученію мышленія совершенно непримѣнимо, и только къ чувствованіямъ и хотѣніямъ еще можно примѣнять кое какъ его, но отнюдь не къ мышленію. Это положеніе онъ доказываетъ слѣдующими соображеніями:

1) *Органъ не можетъ наблюдать за своей собственной дѣятельностью*, напр., глазъ не можетъ видѣть самъ въ себѣ свою дѣятельность. А органомъ мышленія служитъ головной мозгъ; мышленіе есть дѣятельность не сердца и чего-нибудь другого, а головного мозга. А такъ какъ, наблюдая надъ чѣмъ бы то ни было, надо и мыслить (ибо цѣнное для науки наблю-

деніе не есть чисто пассивное подмѣчиваніе, но подмѣчиваніе, связанное съ обсужденіемъ подмѣчиваемаго), то выходитъ, что при самонаблюденіи надъ мышленіемъ головной мозгъ долженъ наблюдать за *своей собственной* дѣятельностью; а это такъ же невозможно, какъ невозможно, напримѣръ, то, чтобы глазъ наблюдалъ за тѣмъ, какъ онъ видитъ. Слѣдовательно, головной мозгъ можетъ наблюдать только за чувствованіями и хотѣніями, и то постольку, поскольку ихъ органомъ служитъ не мозгъ, а что-нибудь другое, напримѣръ, сердце и т. п.

2) Второй аргументъ Конта сводится къ тому, что *наше мыслящее Я не можетъ раздваиваться*, ибо оно единично. При самонаблюденіи же надъ мышленіемъ оно должно раздвоиться, ибо оно должно быть сразу наблюдаемымъ и наблюдающимъ; а значитъ—мышленіе путемъ самонаблюденія изучать нельзя.

Въ заключеніе Контъ высказываетъ еще такую добавочную мысль: если бы даже самонаблюденіе надъ мышленіемъ и было возможно, то, въ силу обычной безпорядочности нашей мысли, къ нему не стоило бы прибѣгать; будетъ гораздо цѣлесообразнѣе вмѣсто внутренняго наблюденія надъ нашимъ собственнымъ мышленіемъ, которое большей частью безпорядочно, изучать путемъ объективнаго наблюденія образцы научнаго мышленія, изложенные въ классическихъ научныхъ произведеніяхъ.

Такимъ образомъ, Контъ пришелъ къ отрицанію употребленія субъективнаго метода въ важнѣйшемъ для философіи случаѣ — въ изученіи мышленія.

Мысли, высказанныя Контомъ, какъ слишкомъ оригинальныя, по обыкновенію, какъ и все неожиданно новое, встрѣтили много послѣдователей, и среди многихъ распространилось пренебреженіе уже ко всякому употребленію субъективнаго метода. Стали отрицать отчасти возможность, а отчасти—цѣлесообразность употребленія самонаблюденія при изученіи не одного лишь мышленія, но и вообще душевныхъ явленій. Одинъ изъ аргументовъ Конта усилили и придали ему такую форму: *развѣ, спрашивали, возможно, чтобы наше Я при какомъ бы то ни было самонаблюденіи, а не только при самонаблюденіи надъ мышленіемъ, раздваивалось на наблюдающее и наблюдаемое? Очевидно, въ силу единства нашего Я это невозможно; а это неизбѣжно при самонаблюденіи; слѣдовательно, оно неосуществимо вообще, а не только въ примѣненіи къ мышленію.* А изъ этого дѣлали тотъ выводъ, что душевныя явленія надо изучать, *какъ и физіологическія*, путемъ внѣшняго наблюденія, т. е. черезъ наблюденіе ихъ не въ самомъ себѣ, а въ другомъ лицѣ. А такъ какъ при этомъ мы, главнымъ образомъ, будемъ имѣть дѣло съ дѣятельностью нервной системы, то, заключали отсюда, и *психологію надо разсматривать, какъ часть физіологіи нервной системы.* Психологія утрачивала всѣ свои отличія отъ физіологіи и изъ науки философской обращалась въ одну изъ біологическихъ наукъ, между тѣмъ какъ при употребленіи самонаблюденія *она связана съ философіей не только сродствомъ задачъ, но еще и единствомъ важнѣйшаго метода;* ибо и логика, и теорія познанія, и этика и т. д.,

имѣя дѣло съ душевными явленіями, должны примѣнять для ихъ изученія самонаблюденіе. По Конту же ее связываетъ съ *біологіей* и сродство задачъ, и единство метода.

По всему этому неудивительно, что Контъ, построивъ въ дополненіе къ своему закону трехъ фазисовъ знаменитую классификацію наукъ, которая должна указывать, между прочимъ, въ какомъ порядкѣ науки переходятъ въ позитивный фазисъ, пропускаетъ въ ней психологію. Если взять науки, не ограничивающіяся одними лишь простыми описаніями данныхъ опыта, а устанавливающія законы, управляющіе этими данными, то, по мнѣнію Конта, ихъ можно расположить въ слѣдующій рядъ: 1) математика (раньше всѣхъ достигшая позитивнаго фазиса); 2) астрономія; 3) физика; 4) химія; 5) біологія; 6) соціологія (не вполнѣ еще освободившаяся, по мнѣнію Конта, въ его время даже и отъ теологическаго фазиса). Въ этой классификаціи нѣтъ психологіи, хотя она тоже изучаетъ и объясняетъ данныя опыта; но это оттого, что, по мнѣнію Конта, она составляетъ часть біологіи.

Впрочемъ, это увлеченіе объективнымъ методомъ въ психологіи продолжалось недолго; скоро раздались голоса, доказывавшіе невозможность ограничиваться въ психологіи однимъ лишь объективнымъ методомъ и выставлявшіе на видъ не только необходимость самонаблюденія, но и его главенство въ психологіи передъ объективнымъ наблюденіемъ. Въ западной Европѣ литературный споръ о значеніи самонаблюденія давно уже окончился: субъективный методъ признанъ не только возможнымъ, но считается необходимымъ и притомъ основнымъ методомъ психологіи. Въ Россіи же отголоски контовскихъ мнѣній нѣтъ-нѣтъ да попадутся еще и въ настоящее время, особенно среди молодежи. А въ 70-хъ годахъ профессоръ физіологіи Сѣченовъ не только хотѣлъ упразднить въ психологіи субъективный методъ, но даже предлогалъ чуть не запретить заниматься преподаваніемъ психологіи не-физіологамъ. Что же касается до полемики, возникшей противъ Конта и его послѣдователей въ западной Европѣ, то тамъ особенно поучительно то обстоятельство, что въ защиту субъективнаго метода выступили, между прочимъ, и такія лица, которыя раздѣляли почти всѣ другія мнѣнія Конта, каковы—Милль, Льюисъ. Эта поучительность усугубляется касательно Льюиса еще тѣмъ, что онъ сперва усвоилъ даже и мнѣніе Конта о необходимости изгнать изъ психологіи самонаблюденіе, но впослѣдствіи убѣдился въ неосуществимости подобнаго предпріятія и неизбѣжности субъективнаго метода; на дѣлѣ оказывалось, что и при употребленіи, такъ называемаго, объективнаго метода, т. е. при, такъ называемыхъ, наблюденіяхъ чужой душевной жизни мы всегда исподтишка отправляемся отъ самонаблюденія. И вотъ, въ концѣ концовъ, вызванное Контомъ пренебреженіе къ самонаблюдню повсюду прошло, и всѣ единогласно признали, что его возраженія неосновательны. И дѣйствительно, легко убѣдиться, что Контъ заблуждался со всѣми своими послѣдователями.

Вѣдь самонаблюденіе, даже надъ мышленіемъ, очевиднымъ и неоспоримымъ образомъ существуетъ: иначе мнѣ нельзя было бы самому узнать

и разсказывать другимъ, что я чувствую, думаю и т. п., а надо было бы всякій разъ спрашивать объ этомъ у другихъ. Контъ же, не обращая на это вниманія, хотѣлъ, такъ сказать, отфилософствовать этотъ фактъ существованія самонаблюденія, подобно тому, какъ въ древности нѣкоторые философы (Элейская школа) хотѣли отфилософствовать фактъ движенія, также несомнѣнно даннаго намъ въ опытѣ, и ошибочными разсужденіями доказывали, что движеніе невозможно. Разумѣется, ихъ опровергали довольно просто: показывали движеніе и говорили: „разъ оно существуетъ, то оно и возможно.“ Подобно этому несомнѣнное существованіе самонаблюденія доказываетъ, что оно возможно и что въ доводахъ Конта непремѣнно скрываются какія-то ошибки. Надо только вскрыть ихъ. Онѣ таковы:

1) Первое его возраженіе (что органъ мышленія, головной мозгъ, не можетъ наблюдать за своей дѣятельностью, подобно тому, какъ глазъ —органъ зрѣнія, не можетъ слѣдить за своей) построено имъ на аналогіи глаза и головного мозга, на перенесеніи на головной мозгъ того, что подмѣчено въ глазу. Не будемъ распространяться, что вообще-то къ выводамъ по аналогіи слѣдуетъ относиться осторожно: они всегда отличаются не достовѣрностью, а всего лишь нѣкоторой вѣроятностью. Но этого мало: въ данномъ случаѣ аналогія, если бы даже она вообще была способна давать надежные выводы, здѣсь оказалась бы непригодной къ этому; ибо здѣсь она неправильно проведена. Дѣйствительно, Контъ говоритъ: глазъ не можетъ наблюдать за своей дѣятельностью. Но за какой дѣятельностью? За тѣлесной, т. е. за тѣми *физіологическими* процессами, которые въ немъ происходятъ; ибо никакихъ другихъ процессовъ Контъ не приписываетъ глазу. Конечно, отсюда можно заключить по аналогіи, что и головной мозгъ также не можетъ наблюдать за своей дѣятельностью. Но за какой? Слѣдовало бы сказать при правильной аналогіи: за такой же какую мы имѣли въ виду, говоря о глазѣ, т. е. за физіологической (за питаніемъ мозга, за перемѣнами въ его волокнахъ и т. д.). А Контъ говоритъ: за дѣятельностью мышленія. Въ правѣ ли онъ дѣлать подобное заключеніе? Конечно, не въ правѣ; ибо мышленіе есть дѣятельность *психическая*, а въ доводѣ, на который ссылается Контъ, говорится лишь о дѣятельности физіологической. Итакъ, аналогія, проводимая Контомъ, неправильна; а слѣдовательно, и сдѣланный имъ выводъ остается не доказаннымъ, вполнѣ произвольнымъ даже и въ томъ случаѣ, если бы заключенія по аналогіи были вообще надежными.

2) Ошибка же второго возраженія Конта, гласящаго, что наше Я не можетъ раздваиваться на наблюдающее и наблюдаемое, и обобщеннаго послѣдователями Конта на всѣ случаи самонаблюденія (не только надъ мышленіемъ), заключается въ перенесеніи безъ всякихъ доказательствъ на душевную дѣятельность закона внѣшнихъ наблюденій. При внѣшнихъ наблюденіяхъ, дѣйствительно, необходима двойственность, существованіе *двухъ* вещей сразу — наблюдающаго органа и наблюдаемаго предмета (напр., нельзя осязать что-либо, если нѣтъ сразу и осязаемой вещи и осязающаго органа).

Но явленія внѣшняго міра совершенно не похожи на душевныя; а потому и законовъ, управляющихъ внѣшними наблюденіями, нельзя безъ всякихъ доказательствъ, какъ бы самоочевидную истину, переносить на внутренній міръ — на дѣятельность сознанія. Послѣднюю дѣятельность надо брать такой, какъ объ ней свидѣтельствуетъ факты. А факты показываютъ, что мы знаемъ свои душевныя состоянія, никого не спрашивая о нихъ, т. е. имѣемъ самонаблюденіе; слѣдовательно, оно вполнѣ возможно. А сверхъ того, факты показываютъ, что при этомъ наше Я вовсе не раздваивается. Да и нѣтъ надобности для самонаблюденія въ такомъ раздвоеніи; ибо душевныя явленія обладаютъ одной особенностью, которая называется сознательностью и которая устраняетъ необходимость такого раздвоенія. Она состоитъ въ томъ, что, переживая душевное явленіе, мы то же время черезъ это самое и какъ бы невольно созерцаемъ его, т. е. отъ одного лишь переживанія душевнаго явленія уже *знаемъ*, какое именно душевное явленіе мы переживаемъ и знаемъ, что это именно мы, а не кто другой, переживаемъ его (т. е. переживая душевныя явленія, мы въ то же время всегда относимъ ихъ къ своему Я). Въ тѣлесныхъ явленіяхъ дѣло стоитъ иначе: напримѣръ, о пищевареніи мы узнаемъ лишь изъ науки, хотя переживаемъ его каждый день; а потому они называются безсознательными. *Сознательность душевныхъ явленій и дѣлаетъ возможнымъ употребленіе самонаблюденія безъ всякаго раздвоенія нашего Я.*

Но изъ всего сказаннаго вытекаетъ только одно: вопреки мнѣнію Конта и его послѣдователей, самонаблюденіе оказывается вещью вполнѣ возможной, т. е. осуществимой. А необходимо ли употреблять его для разработки психологіи или цѣлесообразнѣе замѣнить объективнымъ наблюденіемъ? У душевныхъ явленій есть еще одна особенность, которая дѣлаетъ совершенно неизбѣжнымъ употребленіе самонаблюденія для ихъ изученія и узнавъ которую, тотчасъ приходится поставить вопросъ, стоитъ ли употреблять, напротивъ, такъ называемое, объективное наблюденіе, — именно: душевныя явленія сознаются или воспринимаются *только* тѣмъ лицомъ, которое ихъ переживаетъ: чужія же мысли, чувства, хотѣнія, вообще чужія душевныя явленія воспринимать мы не можемъ. (Матеріальныя же явленія могутъ восприниматься *одновременно* и цѣлой массой лицъ).

Это положеніе можетъ сначала показаться не совсѣмъ правильнымъ: вѣдь нерѣдко приходится слышать такія фразы, какъ: „я читаю насквозь въ его душѣ“, „я вижу его мысли“,—фразы, какъ бы убѣждающія въ противномъ; да и въ психологіи говорится, что существуетъ объективное наблюденіе душевной жизни и что оно состоитъ въ наблюденіи, какъ она происходитъ въ другомъ лицѣ, а не въ самомъ наблюдателѣ. Но нетрудно убѣдиться, что мы *въ дѣйствительности воспринимаемъ не самыя чужія душевныя явленія, но только тѣ тѣлесные процессы, которые ихъ сопровождаютъ и тѣ внѣшнія условія, при которыхъ возникаютъ эти процессы*, и отправляясь отъ всего этого, какъ отъ знаковъ душевныхъ явленій, мы всего только *заключаемъ о связанныхъ съ ними душевныхъ явленіяхъ*. Такъ,

мы неможемъ видѣть самого чужого горя, самой чужой радости, т. е. самихъ душевныхъ состояній, называемыхъ этими именами; мы видимъ только проявленія ихъ въ тѣлесныхъ процессахъ, именно — видимъ только слезы. смѣхъ, выраженіе глазъ (т. е. ихъ своеобразный блескъ), игру физіономіи, извѣстные жесты и т. п., и тѣ внѣшнія условія, которыя вызываютъ эти физіологическія проявленія того или другого изъ этихъ чувствованій, а по всему этому, какъ по знакамъ, всего лишь заключаемъ о душевныхъ событіяхъ, вызывающихъ эти физіологическія проявленія при данныхъ условіяхъ. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ намъ бываетъ достаточно подмѣтить лишь тѣ тѣлесныя проявленія, въ которыхъ воплощаются разныя душевныя состоянія, чтобы безошибочно заключить о наступленіи послѣднихъ, такъ какъ мы уже заранѣе посредствомъ самонаблюденія убѣдились, что такія тѣлесныя проявленія бываютъ не иначе, какъ при опредѣленныхъ душевныхъ состояніяхъ. Напримѣръ, видя, что у даннаго человѣка сверкаютъ глаза, хмурятся брови, стискиваются зубы и т. д., мы смѣло заключаемъ объ его гнѣвѣ и рѣдко ошибаемся; ибо когда намъ случалось наблюдать въ самихъ себѣ (посредствомъ самонаблюденія) то душевное состояніе, которое называется гнѣвомъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ подмѣчали, что подобныя тѣлесныя явленія, происходящія въ насъ самихъ, служатъ воплощеніемъ нашего гнѣва Но иногда намъ, на первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ, еще недостаточно подмѣтить въ другомъ существѣ одни лишь тѣлесныя воплощенія душевныхъ состояній, чтобы заключить о послѣднихъ, а нужно еще видѣть, какія внѣшнія событія вызываютъ эти тѣлесныя воплощенія. Такъ, если кто въ первый разъ наблюдаетъ собакъ, кто еще не встрѣчалъ ихъ раньше, тотъ, конечно, еще не знаетъ, что у нихъ виляніе хвостомъ обозначаетъ радостное возбужденіе: ибо человѣкъ посредствомъ прежнихъ наблюденій надъ самимъ собою не могъ подмѣтить, при какомъ душевномъ состояніи начинаетъ вилять хвостъ. Но если онъ, видя виляніе хвоста, въ то же время видитъ тѣ внѣшнія, извнѣ наблюдаемыя условія, которыя вызываютъ это виляніе, то на основаніи прежнихъ наблюденій надъ самимъ собою заключаетъ, что въ немъ самомъ было бы при этихъ условіяхъ радостное возбужденіе, а послѣ того уже считаетъ виляніе собаки хвостомъ за воплощеніе такого возбужденія. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ (т. е. и тогда, когда достаточно наблюдать одни лишь воплощенія душевныхъ состояній, чтобы заключать о нихъ, или еще недостаточно), мы не наблюдаемъ самихъ чужихъ душевныхъ состояній, а всего лишь заключаемъ о нихъ по наблюдаемымъ нами матеріальнымъ явленіямъ.

А изъ этого слѣдуетъ, что, такъ называемое, объективное наблюденіе или, такъ называемое, наблюденіе чужой душевной жизни вовсе не составляетъ наблюденія самихъ чужихъ душевныхъ явленій, какъ мы его опредѣляемъ ради краткости. Его и называть то не слѣдовало бы объективнымъ наблюденіемъ душевныхъ явленій или наблюденіемъ чужой душевной жизни; употребленіе такихъ названій есть лишь уступка привычному языку. Въ дѣйствительности же, *такъ называемое, объективное наблюденіе душевныхъ*

явленій сводится къ наблюденію однихъ лишь матеріальныхъ явленій, соединенному съ ихъ истолкованіемъ, какъ показателей душевныхъ явленій, производимому нами на основаніи тѣхъ знаній о связи душевныхъ явленій съ матеріальными, которыя мы успѣли пріобрѣсть раньше посредствомъ самонаблюденія. Въ этомъ можно еще разъ убѣдиться, если разсмотрѣть тотъ самый примѣръ, который приводитъ Контъ, говоря о нецѣлесообразности самонаблюденія надъ мышленіемъ и о необходимости замѣнить его объективнымъ наблюденіемъ образцовыхъ научныхъ произведеній. Вотъ это то объективное наблюденіе чужихъ мыслей и составляетъ наблюденіе однихъ лишь матеріальныхъ фактовъ въ соединеніи съ ихъ истолкованіемъ, какъ показателей мышленія, основанномъ на знаніяхъ, которыя мы уже пріобрѣли посредствомъ самонаблюденія. Въ самомъ дѣлѣ, Контъ упустилъ изъ виду, что, наблюдая образцовыя научныя произведенія, мы въ дѣйствительности будемъ наблюдать не мышленіе, не мысли и не связь мыслей, а однѣ лишь написанныя или напечатанныя буквы: глаза наши способны видѣть лишь буквы, но видѣть мысли они неспособны. Конечно, сочетанія буквъ, слова, обозначаютъ разныя понятія, но обозначаютъ только для того, кто знаетъ языкъ, которому принадлежатъ эти слова. А что значитъ знать языкъ? Это значитъ, услышавъ или прочитавъ слова (т. е. звуки или буквы) этого языка, умѣть воспроизвести въ самомъ себѣ обозначаемыя ими понятія. Поэтому, если я наблюдаю мысли и способы мышленія, изложенные въ классическихъ научныхъ произведеніяхъ, то я дѣлаю это только тѣмъ путемъ, что сперва воспроизвожу эти мысли и способы мышленія въ своемъ умѣ, наблюдаю ихъ въ своемъ собственномъ умѣ и приписываю читаемому мной автору, и этимъ путемъ мы истолковываемъ то, что наблюдается нашими глазами, т. е. буквы и ихъ сочетанія, какъ показатели или знаки чужихъ мыслей, которыхъ мы въ это время отнюдь не наблюдаемъ и не можемъ наблюдать; ибо у самаго то читаемаго нами автора въ это самое время, навѣрное, въ головѣ совсѣмъ другія мысли: онъ, можетъ быть, въ эту минуту думаетъ не о наукѣ, а заказываетъ себѣ обѣдъ, если онъ живъ еще; а большая часть классическихъ научныхъ произведеній принадлежитъ уже умершимъ авторамъ.

Если же всякое объективное наблюденіе состоитъ изъ соединенія наблюденія однихъ лишь матеріальныхъ явленій съ ихъ истолкованіемъ, основанномъ на тѣхъ знаніяхъ, которыя мы пріобрѣтаемъ посредствомъ самонаблюденія, то отсюда слѣдуетъ, что 1) *самонаблюденіе не только не излишне въ психологіи, но совершенно неустранимо* и его никоимъ образомъ нельзя замѣнить однимъ лишь объективнымъ наблюденіемъ; 2) что само-то, такъ называемое, объективное наблюденіе будетъ давать намъ тѣмъ лучшіе результаты, чѣмъ лучше и шире производимъ мы тѣ самонаблюденія, на основаніи которыхъ мы истолковываемъ наблюденія матеріальныхъ явленій, входящія въ составъ, такъ называемаго, объективнаго наблюденія, такъ что самонаблюденіе оказывается для психологіи не только не устранимымъ и по этому одному уже основнымъ методомъ, но основнымъ методомъ

еще и въ томъ смыслѣ, что *отъ нашего искусства въ самонаблюденіи зависитъ и успѣхъ въ примѣненіи объективнаго наблюденія*; 3) что даже можно теперь усомниться: цѣлесообразно ли примѣнять такой сложный и окольный путь для изученія душевныхъ явленій, какъ объективное наблюденіе? Что составъ объективнаго наблюденія сложный, мы уже видѣли; а что оно—окольный путь,ясно изъ того, что въ концѣ то концовъ мы при объективномъ наблюденіи все-таки опираемся на самонаблюденіе же, но не прямо ссылаемся на него,а дѣлаемъ это косвеннымъ образомъ. Такъ не проще ли въ психологіи употреблять одно лишь самонаблюденіе?

Но на этотъ вопросъ надо отвѣчать отрицательно: въ психологіи, какъ основнымъ методомъ, надо пользоваться самонаблюденіемъ; но объективное наблюденіе неизбѣжно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ добавочный методъ; ибо самонаблюденіе иногда наталкивается на такія затрудненія, которыя можно преодолѣть лишь посредствомъ, такъ называемаго, объективнаго наблюденія. Для доказательства изучимъ всѣ слабыя стороны всѣхъ видоизмѣненій самонаблюденія, и тогда эти случаи сдѣлаются для насъ вполнѣ понятными.

Самонаблюденіе можетъ быть двоякимъ: 1) *личнымъ* и 2) *сравнительнымъ или коллективнымъ*. Подъ личнымъ самонаблюденіемъ подразумѣвается наблюденіе, совершаемое психологомъ надъ самимъ собою (безъ справокъ о томъ, какъ наблюдаемыя имъ явленія происходятъ у другихъ лицъ). Подъ коллективнымъ же самонаблюденіемъ подразумѣвается самонаблюденіе, совершаемое многими лицами, причемъ данныя, полученныя путемъ личнаго наблюденія каждаго изъ нихъ, сравниваются между собой для ихъ взаимной провѣрки и пополненія.

Должны ли мы пользоваться обязательно обоими методами самонаблюденія, или же можно ограничиться лишь однимъ изъ нихъ? Да, обоими; ибо 1) методъ личнаго самонаблюденія страдаетъ важными недостатками, для устраненія которыхъ необходимо прибѣгать къ коллективному самонаблюденію. 2) Безъ личнаго же самонаблюденія, наоборотъ, тоже нельзя обойтись: безъ него у насъ не было бы знанія собственной душевной жизни; а безъ предварительнаго знанія собственной душевной жизни нельзя даже понять и тѣ выраженія, которыя употребляются другими лицами для *ихъ* собственной душевной жизни; вѣдь значеніе этихъ выраженій я могу понять не иначе, какъ присматриваясь къ тому, что означаютъ они въ примѣненіи къ моей собственной душевной жизни.

А все это, вмѣстѣ взятое, показываетъ еще также, что прежде всего мы должны пользоваться личнымъ самонаблюденіемъ, которое поэтому является самымъ основнымъ методомъ психологіи; но для исправленія и пополненія его данныхъ надо обращаться къ наблюденію сравнительному, какъ методу добавочному.

Недостатки же личнаго наблюденія слѣдующіе:

1) *При одномъ лишь личномъ самонаблюденіи у насъ мало средствъ для борьбы противъ вліянія предвзятыхъ взглядовъ*, которые накопляются

невольнымъ образомъ относительно душевныхъ явленій уже въ обыденной жизни и къ которымъ еще присоединяется теорія, созданная психологомъ при изученіи этихъ явленій. Составленные наспѣхъ, эти взгляды обыденной жизни зачастую ошибочны; а они все-таки заставляютъ насъ быть пристрастными при наблюденіи душевной жизни, мѣшая правильному и точному самонаблюденію. Ограничиваясь при изученіи душевной жизни однимъ лишь личнымъ самонаблюденіемъ, мы являемся, такъ сказать, и судьей своей психологической теоріи, и заинтересованной стороной; а потому можемъ несознательно пропускать безъ вниманія или игнорировать въ душевныхъ явленіяхъ все, что противорѣчитъ этой теоріи, и якобы подмѣчать то, чего въ дѣйствительности не происходитъ.

2) Ограничиваясь однимъ лишь личнымъ самонаблюденіемъ, *мы имѣемъ дѣло только съ однимъ психологическимъ типомъ* — съ тѣмъ типомъ, которому принадлежимъ мы сами. И эти недостатки личнаго самонаблюденія оба сразу нельзя вполнѣ устранить никакими его видоизмѣненіями, какъ это ясно изъ знакомства съ ними. Эти видоизмѣненія слѣдующія: 1) *методъ прямого личнаго самонаблюденія и 2) методъ непрямого личнаго самонаблюденія.*

Сущность перваго метода заключается въ наблюденіи въ себѣ душевнаго явленія въ тотъ самый моментъ, когда оно въ насъ происходитъ. Благодаря этому методу, первый недостатокъ личнаго самонаблюденія — подчиненіе предвзятымъ взглядамъ, хотя и не устраняется вполнѣ, но все же значительно ослабляется, такъ какъ мы здѣсь стоимъ лицомъ къ лицу передъ фактами, противорѣчащими нашимъ предвзятымъ взглядамъ. Зато второй недостатокъ — знакомство только съ однимъ психологическимъ типомъ — остается здѣсь во всей своей силѣ. Замѣтимъ кстати, что методъ прямого личнаго самонаблюденія неудобенъ еще въ двухъ слѣдующихъ отношеніяхъ: а) наши душевныя явленія обладаютъ такимъ свойствомъ, что въ минуты наивысшаго ихъ напряженія мы менѣе всего склонны ихъ наблюдать (въ сильномъ гнѣвѣ, напримѣръ, мы забываемъ объ интересахъ психологіи); б) нѣкоторые душевныя явленія при наблюденіи значительно задерживаются или ослабѣваютъ (хотя не всѣ: такъ, напримѣръ, замѣчено, что наблюденіе за болевыми ощущеніями вызываетъ ихъ усиленіе). Если мы, напримѣръ, радуясь или тоскуя, захотимъ наблюдать въ себѣ эти чувствованія, то они начнутъ ослабѣвать и могутъ даже совершенно исчезнуть. Это свойство личнаго самонаблюденія было замѣчено еще аскетами, которые поэтому всегда совѣтывали своимъ послѣдователямъ наблюдать ходъ страстей, чтобы ослабить послѣднія. Наблюдая же за мышленіемъ, мы задерживаемъ его ходъ. Эти недостатки метода прямого самонаблюденія тоже заставляютъ прибѣгать къ самонаблюденію непрямому.

Методъ *непрямого* личнаго самонаблюденія заключается въ наблюденіи своихъ душевныхъ явленій или 1) путемъ *вспоминанія о нихъ*, или 2) путемъ *воображенія*, т. е. въ томъ, чтобы наблюдать ихъ, какъ они намъ воображаются. Въ пригодности перваго вида непрямого самонаблю-

денія не можетъ быть никакихъ сомнѣній, если не поднимать чисто гносеологическаго вопроса о томъ, по какому праву мы вообще довѣряемъ памяти, хотя въ концѣ концовъ всякая ея провѣрка опирается опять таки на чью-нибудь память. Что же касается до второго вида, то здѣсь можетъ возникнуть слѣдующій вопросъ: какимъ образомъ наука, не имѣющая ничего общаго съ игрой фантазіи, допускаетъ методъ, разсматривающій не дѣйствительные, а воображаемые факты? Впослѣдствіи, разсматривая воображеніе, мы увидимъ, что оно есть ничто иное, какъ переживаніе въ слабой степени воображаемаго душевнаго явленія. Слѣдовательно, для изученія *качественной* стороны душевныхъ явленій оно вполнѣ пригодно, хотя совершенно непригодно въ наукахъ, изучающихъ внѣшній матеріальный міръ. Теперь же мы можемъ убѣдиться, по крайней мѣрѣ, въ фактическомъ употребленія этого метода, доказавъ его частое и плодотворное употребленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда мы изучаемъ душевныя явленія и помимо психологіи.

Читая какой-нибудь романъ, мы судимъ о правдоподобности выведенныхъ тамъ лицъ, критикуемъ автора и часто приходимъ къ *единогласной* его оцѣнкѣ, чѣмъ доказывается ея правильность, а равно и правильность метода, который приводитъ насъ къ ней. Но какимъ же образомъ составляемъ мы себѣ столь единогласное понятіе о душевной жизни дѣйствующихъ лицъ романа? Очевидно, ставя, путемъ воображенія, самихъ себя на ихъ мѣсто, воображая себѣ, что мы сами пережили въ своемъ прошломъ все то же, что и они, и находимся теперь въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и они, и воображая, что нашего дѣйствительнаго прошлаго у насъ не было. Далѣе, видя, что ходъ душевной жизни описаннаго въ романѣ лица таковъ, какимъ онъ воображается нами, если-бы мы сами находились при такихъ же обстоятельствахъ, какъ и описанное лицо, мы утверждаемъ, что описаніе этого хода, данное въ романѣ правдиво. А если всѣ или очень многія лица согласны въ такомъ утвержденіи, то, значитъ, и выводъ этотъ проченъ и правиленъ, а потому правиленъ и методъ, которымъ онъ полученъ. Такимъ образомъ, изученіе душевныхъ явленій при помощи воображенія вполнѣ возможно. Да историки, напримѣръ, часто употребляютъ его, когда стараются проникнуть въ душу изучаемаго ими историческаго дѣятеля: вѣдь они воображаютъ самихъ себя, поставленными въ условія этого дѣятеля и по тому, что они находятъ въ своей воображаемой душевной жизни, они судятъ о немъ.

По всему этому не удивительно, что въ психологическихъ изслѣдованіяхъ чуть не на каждомъ шагу въ видѣ довода приглашаютъ *представить или вообразить себѣ*, что наступитъ въ нашей душѣ при такихъ и такихъ то условіяхъ. Болѣе того: разсмотрѣніе *воображаемыхъ* картинъ душевной жизни — одинъ изъ самыхъ частыхъ методовъ психологіи. Оттого то въ психологическихъ сочиненіяхъ и попадается такъ много ссылокъ на беллетристическую литературу, ссылокъ, служащихъ не для простого поясненія (или иллюстраціи), но и *для подтвержденія* сказаннаго.

Каковы же достоинства и недостатки непрямого метода? Методъ непря-

мого самонаблюденія при помощи воображенія еще не такъ сильно страдаетъ вторымъ недостаткомъ личнаго наблюденія: онъ при богатомъ воображеніи можетъ еще дать намъ кое-какія свѣдѣнія и о возможности (но только о возможности, но не о фактическомъ осуществленіи) другихъ психологическихъ организацій, чѣмъ наша собственная, но за то первый недостатокъ— подчиненіе предвзятымъ взглядамъ — проявляется при всякомъ непрямомъ самонаблюденіи (и памятью, и воображеніемъ) во всей своей силѣ, такъ какъ и воспоминаніе, и особенно воображеніе, даютъ полный просторъ вліянію такихъ взглядовъ. Такъ, гнѣвъ окрашиваетъ въ духѣ внушенныхъ имъ взглядовъ всѣ воспоминанія разгнѣвавшагося человѣка. А когда плохо знающій самого себя человѣкъ заранѣе воображаетъ, какъ онъ поступитъ при встрѣчѣ съ тѣмъ, кого онъ долженъ почему либо потребовать къ отвѣту за его поступки, то иногда становится прямо комичной противоположность между дѣйствительнымъ поведеніемъ и тѣмъ, какое невообразилъ себѣ такой человѣкъ подъ вліяніемъ предвзятыхъ взглядовъ о своемъ мужествѣ, рѣшительности и т. п.

Разсмотрѣніе этихъ методовъ прямого и непрямого самонаблюденія показываетъ, что ни при одномъ изъ нихъ присущіе личному самонаблюденію недостатки не устраняются, а только ослабѣваютъ, причемъ даже не оба сразу, а порознь. Слѣдовательно, кромѣ личнаго самонаблюденія, необходимо употреблять и самонаблюденіе коллективное для возможно большаго устраненія этихъ недостатковъ.

Методъ *коллективнаго или сравнительнаго самонаблюденія* состоитъ въ собираніи и въ сравненіи данныхъ самонаблюденія, накопленныхъ не однимъ лицомъ, а множествомъ, и можетъ производиться двоякимъ путемъ: 1) безъ помощи новаго опроса другихъ лицъ, ограничиваясь лишь прежде накопившимися психологическими документами и 2) при помощи новаго опроса, приноровленнаго къ цѣлямъ даннаго изслѣдованія, что составитъ *опросный* или, какъ его называютъ еще иначе, *анкетный методъ* отъ французскаго слова *enquête*—разслѣдованіе, изслѣдованіе; ибо самый опросъ, приноровленный къ опредѣленнымъ цѣлямъ, называется анкетой. Такимъ образомъ, можетъ быть два метода коллективнаго самонаблюденія: 1) методъ, пользующійся одними лишь готовыми психологическими документами, и 2) опросный или анкетный методъ, причемъ, разумѣется, каждый изъ нихъ можно комбинировать съ другимъ, а также и съ различными другими методами.

Въ видѣ готовыхъ психологическихъ документовъ, кромѣ сочиненій по психологіи, можно пользоваться еще разнообразнѣйшими источниками, каковы напримѣръ: 1) множество философскихъ сочиненій, особенно по гносеологіи, этикѣ и эстетикѣ. Дѣло въ томъ, что философія, какъ мы уже говорили (см. выше стр. 23), для своихъ построеній, часто нуждается въ различныхъ психологическихъ положеніяхъ. Въ дѣйствительности же всегда или, по крайней мѣрѣ, почти всегда авторы философскихъ произведеній не черпали ихъ въ готовомъ видѣ изъ психологіи, а впервые сами устанавливали ихъ, послѣ чего большая или меньшая часть ихъ пере-

носилась въ составъ содержанія психологіи. Поэтому, кто хочетъ выработать изъ себя дѣйствительнаго, а не кажущагося только знатока и самостоятельнаго работника въ психологіи, тотъ долженъ прежде всего запастись общефилософскимъ образованіемъ, чтобы оно сдѣлало доступной и понятной для него всю философскую литературу. И это тѣмъ необходимѣе, что она даже и теперь еще далеко не использована въ смыслѣ психологическихъ документовъ, напримѣръ: еще вовсе не использованы въ смыслѣ психологическихъ документовъ сочиненія философовъ мистическаго направленія, утверждавшихъ, что они переживали прямыя непосредственныя воспріятія Бога. 2) Религіозно-нравственная литература тоже нуждается въ психологическихъ самонаблюденіяхъ и переполнена ими: на нихъ то и основываются всѣ излагаемые въ ней совѣты относительно способовъ преуспѣянія въ духовной жизни, поднятія на высшую степень духовнаго совершенства. Между тѣмъ эта литература остается тоже еще далеко не использованной въ смыслѣ психологическихъ документовъ. Напримѣръ еще Владиславлевъ (въ I т. стр. 94 своей „Психологіи“) отмѣтилъ, что остались совершенно неиспользованными сочиненія аскетовъ и подвижниковъ (Исаака и Ефрема Сирянъ, аввы Дорофея, Іоанна Лѣствичника и др.), хотя они внимательно погружались въ самихъ себя, тщательно изучая изгибы сердца и желаній, гнѣзда и корни грѣховныхъ наклонностей и помысловъ 3) Беллетристическая литература, а именно — произведенія тѣхъ лицъ, которыя обладаютъ выдающимся психологическимъ талантомъ (Шекспиръ, Толстой, Достоевскій и другіе). 3) Данныя языка, въ которыхъ разсѣяны наблюденія, производимыя цѣлымъ народомъ, отразившіяся не только во многихъ пословицахъ, поговоркахъ и т. п., а даже и въ образованіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словъ: анализъ такихъ словъ, какъ „представленіе“ (ставить нѣчто передъ собой), „понятіе“ (при помощи котораго мы что то понимаемъ, схватываемъ), ясно показываетъ отраженіе психологическихъ наблюденій въ языкѣ. 4) Записи самонаблюденій, производимыхъ какимъ-либо лицомъ въ видахъ его личнаго интереса, каковы: самонаблюденія въ формѣ признанія врачу, священнику, литературныя исповѣди, дневники и т. п.

Но, несмотря на такое обиліе источниковъ, которыми можно пользоваться въ видѣ психологическихъ документовъ въ цѣляхъ коллективнаго самонаблюденія, все таки данныхъ, полученныхъ на основаніи однихъ лишь готовыхъ документовъ, можетъ часто оказаться недостаточно для пополненія личнаго самонаблюденія, что заставляетъ прибѣгать къ другому видоизмѣненію коллективнаго самонаблюданіе — къ коллективному самонаблюденію, вызываемому и направляемому самимъ изслѣдователемъ при помощи опроса, направленнаго къ его изслѣдованію. Этотъ опросъ или анкета можетъ производиться двоякимъ способомъ: устно или письменно. Къ первому прибѣгаютъ, когда по роду изслѣдованій надо наблюдать явленіе не иначе, какъ въ самый моментъ его возникновенія (т. е. не иначе, какъ посредствомъ прямого личнаго наблюденія); ко второму же — къ письменному опросу посредствомъ вопросника, отпечатаннаго въ достаточномъ числѣ экземпля-

ровъ, можно обращаться во всѣхъ случаяхъ, когда явленіе можетъ изучаться спустя нѣкоторое время по своемъ возникновеніи (т. е. когда можно изучать его посредствомъ непрямого личнаго самонаблюденія.) Разумѣется, какъ то, такъ и другое средство встрѣчаетъ свои затрудненія: устный опросъ требуетъ очень много времени; письменный же, хотя и не страдаетъ такимъ неудобствомъ, за то встрѣчаетъ не малое препятствіе въ лѣни и нелюбви къ писанію со стороны тѣхъ лицъ, которымъ разсылаютъ вопросники. Одинъ изслѣдователь констатируетъ, что имъ было разослано 5000 вопросниковъ, а на нихъ получены отвѣты только отъ 30 лицъ.

Какъ при устномъ, такъ при письменномъ опросѣ надо обезпечить себя отъ напраснаго довѣрія къ умышленно и неумышленно ложнымъ отвѣтамъ Нѣкоторые могутъ умышленно дурачить изслѣдователя, другіе же могутъ дать ложные отвѣты неумышленно, а искажая данныя своего самонаблюденія подъ вліяніемъ предвзятыхъ взглядовъ. Слѣдовательно, при всякой психологической анкетѣ необходима провѣрка полученныхъ отвѣтовъ. Она можетъ быть двоякой. Первая сводится къ контролирующимъ вопросамъ. Подъ ними подразумѣваются вопросы, которые такъ подбираются (съ такимъ особеннымъ содержаніемъ) въ добавленіе къ главнымъ вопросамъ, чтобы лицо, давшее ложный отвѣтъ на главный вопросъ, изобличило само себя своимъ отвѣтомъ на контрольный вопросъ. Разумѣется, это средство употребляется такъ, чтобы испытуемый не догадывался о контролѣ. И, разумѣется, содержаніе контролирующихъ вопросовъ находится въ зависимости отъ особенностей каждаго изслѣдованія, такъ что относительно ихъ содержанія нельзя установить никакихъ общихъ правилъ, и такой способъ провѣрки, разумѣется, не всегда примѣнимъ. Другимъ средствомъ для провѣрки (которое оказывается единственно пригоднымъ при всякомъ изслѣдованіи) служитъ 1) постоянное согласіе даннаго лица съ самимъ собою, даже при такихъ условіяхъ, когда оно не можетъ быть результатомъ обмана и 2) согласіе нѣсколькихъ лицъ между собою. Когда допрашиваемый, поставленный въ такія условія, что обманувши одинъ разъ, онъ не можетъ запомнить въ точности своего обмана, все таки показываетъ всегда вполнѣ одно и то же, или же когда одинъ и тотъ же отвѣтъ повторяется различными лицами, ненаходившимся въ сношеніяхъ другъ съ другомъ, то согласіе такихъ отвѣтовъ, конечно, можетъ служить порукой въ ихъ истинности. Вѣдь нельзя же предполагать, чтобы разныя лица умышленно или неумышленно искажали факты одинаковымъ образомъ. Что же касается до согласія другъ съ другомъ отвѣтовъ того же самаго лица, поставленнаго въ такія условія, при которыхъ онъ не въ состояніи запомнить въ точности своего обмана, то разъяснимъ на слѣдующемъ примѣрѣ, какъ можно ставить его въ такія условія. Предположимъ, что мы хотимъ изслѣдовать явленіе окрашиванія звуковъ,—явленіе, мало извѣстное, но довольно распространеннее и состоящее въ томъ, что нѣкоторыя лица воспринимаютъ звуки, слова, тембръ голоса, какъ бы окрашенными въ извѣстные цвѣта. Здѣсь для контроля предлагаютъ допрашиваемому лицу указать, въ какой цвѣтъ окра-

шены извѣстные звуки, напр. гласные, при помощи карточекъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ вполнѣ одинаковыхъ, но окрашенныхъ въ разные цвѣта и разные оттѣнки того же цвѣта. Показанія эти записываются, потому что на задней сторонѣ карточекъ есть номера, которые однако остаются неизвѣстными испытуемому, и вмѣстѣ съ тѣмъ не дозволяется допрашиваемому дѣлать помѣтки на карточкахъ и т. п. Черезъ нѣсколько времени его подвергаютъ прежнему же допросу; и если по истеченіи достаточнаго промежутка времени допрашиваемое лицо указываетъ для даннаго звука все-таки на тѣ же самыя карточки, какъ и прежде, то, очевидно, онъ говоритъ правду; ибо при умышленномъ обманѣ онъ не могъ бы запомнить свои первоначальныя показанія. Вѣдь запомнить въ точности цвѣтъ и его оттѣнокъ даже на корòткій промежутокъ времени такъ трудно, что невозможно безъ ошибки подобрать матерію опредѣленнаго цвѣта, если нѣтъ въ рукахъ образчика этого цвѣта.

Покончивъ съ разсмотрѣніемъ всѣхъ видоизмѣненій объективнаго метода, уже легко понять, въ какой мѣрѣ имѣетъ значеніе и необходимъ, такъ называемый, объективный методъ при изученіи душевной жизни, именно:

1) *Объективный методъ совершенно неизбѣженъ въ большей части вопросовъ, изучаемыхъ сравнительной психологіей.* Конечно, когда мы изучаемъ особенности душевной жизни различныхъ довольно взрослыхъ и душевно-здоровыхъ лицъ, т. е. индивидуальную психологію, то намъ лучше всего прибѣгнуть къ коллективному самонаблюденію, особенно къ опросному или анкетному методу. Но и тутъ уже мы можемъ встрѣтить затрудненія, состоящія въ томъ, что о многомъ будутъ неохотно вступать съ нами въ откровенности, такъ что и тутъ даже придется прибѣгать къ помощи объективнаго наблюденія. Когда же мы хотимъ узнать типы психическихъ организацій, сильно отличающіеся отъ нашего собственнаго, напримѣръ—душевно-больного, или ребенка, или животнаго, то уже рѣшительно нельзя обойтись безъ, такъ называемыхъ, объективныхъ наблюденій, хотя они въ дѣйствительности составляютъ всего лишь осложненный способъ самонаблюденія.

2) *Необходимы объективныя наблюденія и при изученіи коллективной психологіи.* Когда изслѣдователь подчиняется тѣмъ вліяніямъ, исходящимъ изъ соединенія многихъ лицъ въ одинъ конгломератъ, которыя измѣняютъ ходъ душевной жизни лицъ, образующихъ этотъ конгломератъ, когда, напримѣръ, онъ самъ попадаетъ въ толпу, подчинившуюся измѣненію въ обычномъ ходѣ душевной жизни, то обыкновенно онъ находится въ такихъ условіяхъ, что внимательное самонаблюденіе становится прямо таки невозможнымъ: увлеченный настроеніями толпы, онъ занятъ тѣмъ же, чѣмъ и толпа, а не психологіей. Далѣе, если же у него такой философскій складъ характера, что онъ остается независимымъ отъ измѣняющихъ его душевную жизнь вліяній толпы, то его личному самонаблюденію нечего дѣлать для коллективной психологіи.

Подводя общій итогъ всему сказанному о методахъ психологіи, мы находимъ, что въ основной или, такъ называемой, общей психологіи приходится употреблять личное самонаблюденіе, коллективное же здѣсь пригодно только для провѣрки полученныхъ нами выводовъ. Въ сравнительной же психологіи отчасти примѣнимо коллективное самонаблюденіе, именно — оно удобно, особенно въ видѣ анкетнаго метода въ индивидуальной психологіи, а въ остальныхъ случаяхъ необходимо объективное наблюденіе. Въ коллективной же психологіи примѣнимо лишь объективное наблюденіе.

И такъ какъ основная психологія изучаетъ самые основные вопросы психологіи: составъ душевныхъ явленій, законы, управляющіе ихъ составомъ и взаимнымъ вліяніемъ, т. е. вопросы, безъ рѣшенія которыхъ нельзя приступить къ другимъ задачамъ психологіи, то ясно, что *личное самонаблюденіе во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ является наиважнѣйшимъ, основнымъ методомъ психологіи, и искусство въ его употребленіи составляетъ наиважнѣйшее орудіе въ рукахъ психолога*, при помощи котораго онъ узнаетъ все основное въ психологіи. *Особенно же важно личное самонаблюденіе для того, кто изучаетъ психологію ради ея философскаго значенія*; ибо для философіи, разумѣется, важнѣе всего, хотя не единственно важно, узнать законы, управляющіе всякой душевной жизнью, независимо отъ ея видоизмѣненій въ разныхъ существахъ и въ разныхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ—вродѣ душевныхъ заболѣваній, соединеній людей въ толпу и т. п. Поэтому изученіе психологіи вообще, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда она изучается ради ея философскаго значенія, должно быть направлено на развитіе въ себѣ искуснаго личнаго самонаблюденія и умѣнья такъ анализировать его данныя, чтобы приходить къ знанію общихъ законовъ, управляющихъ душевной жизнью. Къ этому то и должно направляться преподаваніе психологіи съ кафедры философіи, а все прочее имѣетъ въ этомъ случаѣ лишь вспомогательное значеніе. Да и для педагога, очевидно, важнѣе всего выработать въ себѣ искусство личнаго самонаблюденія.

6. Методы психологіи: экспериментированіе и внушеніе во время гипноза.

Кромѣ наблюденія для изученія явленій природы можно употреблять еще и экспериментированіе, которое составляетъ столь важный методъ, что наше знаніе *внѣшней* природы тотчасъ же измѣнило весь свой обликъ, какъ только наука стала пользоваться экспериментомъ. Спрашивается: какъ слѣдуетъ относиться къ эксперименту въ психологіи—въ наукѣ объ явленіяхъ *внутренней* природы? Сперва, конечно, мы должны выяснить, что такое вообще экспериментъ, какія у него преимущества передъ наблюденіемъ т. е. почему онъ содѣйствуетъ болѣе быстрому развитію науки, и какими путями они осуществляются. Предварительно напомнимъ, что въ нефилософскихъ наукахъ, напримѣръ въ физикѣ, химіи и т. п., его называютъ опы-

томъ; философія же употребляетъ слово опытъ въ родовомъ смыслѣ — для обозначенія и экспериментовъ, и наблюденій *). И для общей характеристики особенностей и значенія эксперимента у каждаго изъ насъ въ рукахъ много поясняющаго матеріала въ видѣ опытовъ, употребляемыхъ въ физикѣ, которая потому и необходима въ составѣ средняго образованія, чтобы на ней наглядно выучивались пониманію эксперимента.

Экспериментъ по существу своему вовсе не противоположенъ наблюденію, а составляетъ лишь особый, частный случай наблюденія. *Экспериментъ состоитъ въ наблюденіи того, что бываетъ при обстоятельствахъ, умышленно подбираемыхъ нами съ цѣлью испытать или испробовать, т. узнать, что именно придется наблюдать намъ при этихъ обстоятельствахъ.* Напримѣръ: надъ электризаціей тѣлъ мы эксперементируемъ, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ: мы натираемъ сукномъ кусокъ янтаря, стеклянную, желѣзную палочку и т. п., т. е. произвольно ставимъ ихъ въ новыя обстоятельства, и наблюдаемъ, что при этомъ происходитъ съ ними, какія изъ этихъ тѣлъ пріобрѣтутъ электрическія свойства, а какія нѣтъ. Другой примѣръ: экспериментированіе надъ преломленіемъ свѣта состоитъ въ томъ, что мы наблюдаемъ, каковъ будетъ путь свѣтового луча, если онъ станетъ проходить чрезъ тѣла, нами самими подобранныя въ родѣ, напримѣръ. стеклянной призмы и т. п. Третій и послѣдній примѣръ: экспериментированіе надъ колебаніями маятника состоитъ въ наблюденіяхъ надъ этими колебаніями, происходящихъ то при разной измѣняемой нами длинѣ маятника, то при разныхъ грузахъ образующихъ маятникахъ и т. п., словомъ при разныхъ обстоятельствахъ, устанавливаемыхъ нами же самими съ цѣлью испытать, что произойдетъ съ колебаніями маятника при томъ или другомъ условіи. Гдѣ нѣтъ умышленнаго подбора обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ наблюденіе, тамъ, разумѣется, не можетъ быть рѣчи объ эксперимдитѣ. Такъ, никто не назоветъ экспериментомъ, если намъ приходится внезапно наблюдать паденіе метеора, внезапно разразившуюся бурю и т. п. Но еще недостаточно одного лишь умышленнаго подбора обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ наблюденіе, чтобы ны могли называть его экспериментомъ, а необходимо, чтобы этотъ подборъ былъ произведенъ именно съ цѣлью узнать (или испытать, испробовать), что придется наблюдать при этихъ обстоятельствахъ. Такъ движенія свѣтилъ наблюдаются обыкновенно при помощи телескопа, слѣдовательно при обстоятельствѣ, нами же самими подобранномъ; но такъ какъ это обстоятельство при астрономическихъ наблюденіяхъ подбирается лишь съ цѣлью облегчить наблюденія, а не съ цѣлью узнать или испытать, что придется наблюдать именно при немъ, то этихъ наблюденій никто не назоветъ экспериментомъ. Но когда Галилей устраивалъ телескопъ и съ этой

*) Впрочемъ, О. Д. Хвольсонъ въ своемъ трехтомномъ «Курсѣ физики» уже усвоилъ дѣленіе опыта на наблюденіе и экспериментъ, ссылаясь на то, что оно принято въ философіи.

цѣлью устанавливалъ два оптическихъ стекла на разныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, глядя сразу сквозь нихъ обоихъ на разные предметы, въ томъ числѣ и на планеты, то онъ экспериментировалъ надъ своимъ зрѣніемъ; ибо онъ устанавливалъ обстоятельство, при которомъ производилъ свое наблюденіе (то или другое разстояніе данныхъ стеколъ), какъ разъ съ цѣлью узнать, что именно придется ему наблюдать въ своемъ зрѣніи при этомъ обстоятельствѣ. При этомъ не слѣдуетъ думать, будто бы при экспериментѣ мы обязательно должны наблюдать что нибудь новое, еще не существовавшее до эксперимента: мы можемъ при экспериментѣ наблюдать и отсутствіе какихъ либо новыхъ явленій при подобранныхъ обстоятельствахъ. Натеревъ металлическую палочку сукномъ, мы не замѣчаемъ въ ней тѣхъ явленій, какія обнаруживаются при подобныхъ же обстоятельствахъ въ янтарѣ; тѣмъ не менѣе наше наблюденіе надъ ней все-таки называется въ физикѣ экспериментомъ.

Итакъ экспериментъ по существу своему тоже самое, что и наблюденіе, частный случай наблюденія. Оттого то и происходитъ, что иной разъ эксперименты называютъ также и наблюденіями. Проф. Петрушевскій озаглавилъ свою книгу „Курсъ *наблюдательной* физики“, чтобы отличить ее отъ математической, хотя тамъ излагалась физика, основанная сплошь на экспериментахъ. Но въ тѣ времена, въ 70-хъ годахъ XIX вѣка, слово „экспериментъ“ у насъ еще не было въ ходу а выраженіе „опытная физика“ для русскаго уха напоминаетъ скорѣе опытныхъ людей, чѣмъ экспериментальную физику. Далѣе: про учителей мы почти всегда говоримъ, что они *наблюдаютъ* учениковъ и ихъ успѣхи, хотя умышленно пробуя задавать уроки то побольше, то поменьше, умышленно употребляя при объясненіи уроковъ то одни, то другіе пріемы преподаванія и дѣлая все это съ цѣлью узнать, какіе успѣхи придется имъ наблюдать, они несомнѣнно экспериментируютъ надъ учениками и ихъ успѣхами.—Если бы мы захотѣли быть педантически точными въ нашихъ выраженіяхъ, то намъ слѣдовало бы говорить не объ экспериментѣ и наблюденіи, какъ о какихъ то двухъ противоположныхъ другъ другу или, по крайней мѣрѣ, разнородныхъ способахъ пріобрѣтенія знанія, но о простомъ и экспериментирующемъ наблюденіи: тогда сразу было бы ясно, что экспериментъ есть частный случай наблюденія.

Но хотя экспериментъ по существу своему то же самое, что и наблюденіе, тѣмъ не менѣе, какъ орудіе для изслѣдованій, онъ пріобрѣтаетъ большія преимущества предъ наблюденіемъ, преимущества, возникающія именно оттого, что экспериментируя мы производимъ наблюденія при обстоятельствахъ, подбираемыхъ нами же самими: а разумѣется мы всегда постараемся такъ подбирать ихъ, какъ это будетъ выгодьѣе для нашихъ изслѣдованій; при простомъ же наблюденіи мы принуждены ограничиваться лишь тѣми случаями, которые возникаютъ сами собой, безъ нашего умысла и вліянія, и которые поэтому далеко не всегда бываютъ удобны для нашихъ изслѣдованій. Поэтому *экспериментъ можетъ быть охаракте-*

ризованъ, какъ наблюденіе, не случайно, не независимо отъ нашей воли, но умышленно поставленное въ условія, болѣе благопріятныя для нашихъ изслѣдованій. Конечно, подобныя условія могутъ осуществиться и при простомъ наблюденіи; но не всегда можно разсчитывать на это, а при экспериментѣ мы сами добиваемся этого. Оттого то употребленіе эксперимента и могло иногда быстро измѣнить весь прежній обликъ науки.—Въ чемъ же состоятъ ближайшимъ образомъ преимущества эксперимента? И какъ они осуществляются?

1) *Одно изъ важнѣйшихъ, если не самое важное, преимущество эксперимента состоитъ въ томъ, что онъ служитъ орудіемъ, которое часто открываетъ намъ новыя, еще ненаблюдавшіяся до той поры, явленія;* ибо пробуя или испытывая, что придется наблюдать намъ при томъ или другомъ обстоятельствѣ, мы, разумѣется, можемъ нерѣдко встрѣтиться и съ явленіями, совершенно новыми, еще никогда ненаблюдавшимся до той поры. Замѣтимъ мы говоримъ: новыя *явленія*, не *законы* явленій, а сами явленія; и экспериментъ прежде всего важенъ тѣмъ, что очень часто открываетъ еще ненаблюдавшіяся прежде *явленія*. Дѣйствительно, всѣ электрическія явленія открыты экспериментомъ, всѣ химическія тоже экспериментомъ: диффракція, поляризація свѣта, химическіе элементы, ихъ соединенія и т. д.—все это открыто благодаря экспериментированію. Безъ него и въ физикѣ, и въ химіи сумма извѣстныхъ намъ явленій ограничивалась бы лишь тѣми, съ какими мы сталкиваемся въ обыденной жизни. Если бы мы ограничивались при ихъ изученіи одними лишь наблюденіями, то знали бы физическихъ и химическихъ явленія даже меньше, чѣмъ знаютъ ихъ теперь люди, вовсе неучившіеся ни физикѣ, ни химіи. Дѣло въ томъ, что теперь въ составъ свѣдѣній, доставляемыхъ обыденной жизнью, проникло уже много и такихъ свѣдѣній, которыя были открыты благодаря экспериментированію. Напримѣръ: свѣдѣнія о потрясеніи, причиняемомъ организму электрическимъ разрядомъ, о расширяющемъ дѣйствіи пара, о свойствахъ магнита и т. д., такъ что если бы ни физика, ни химія никогда не употребляли экспериментовъ, то у насъ не было бы даже и такихъ свѣдѣній. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно и то, что, дѣйствительно, экспериментъ служитъ орудіемъ для открытія новыхъ явленій, и то, какъ важно это преимущество эксперимента. *Это едвали не самое важное его преимущество: оно то и мѣняло весь обликъ науки тотчасъ же, какъ только она начинала систематически пользоваться экспериментомъ. Вѣдь, разумѣется, прежде, чѣмъ устанавливать зависимость явленій другъ отъ друга, ихъ составъ и управляющіе ими законы, нужно узнать самый фактъ существованія этихъ явленій; безъ эксперимента же онъ былъ бы извѣстенъ лишь объ очень немногихъ явленіяхъ, именно о такихъ, которыя доступны простому, не экспериментирующему наблюденію;* а несомнѣнно, что такихъ явленій уже и теперь гораздо меньше, чѣмъ открытыхъ посредствомъ экспериментированія, при чемъ число вторыхъ безпрерывно растетъ, между тѣмъ какъ число первыхъ остается безъ перемѣны.

2. *Эксперимент позволяет наблюдать изучаемое явление сколько угодно раз, в том же самом виде и через это облегчает нам возможность в точности описать его.* Это осуществляется тѣмъ путемъ, что мы заставляемъ повторяться тѣ же самыя обстоятельства, при которыхъ происходитъ изучаемое явленіе; и такъ какъ отъ нихъ то и зависитъ его возникновеніе, то оно и повторяется передъ нами въ прежнемъ видѣ. И легко понять важность такого повторенія. Вѣдь послѣ того, какъ мы установили фактъ существованія изучаемаго явленія, первѣйшій шагъ науки долженъ состоять, съ одной стороны, въ точнѣйшемъ вниканіи во всѣ частности этого явленія, а съ другой — въ томъ, чтобы посредствомъ коллективнаго наблюденія провѣрить и, если понадобится, исправить указаніе этихъ частностей, дабы на немъ не сказалось никакого вліянія предвзятыхъ взглядовъ. Безъ точнаго вниканія въ изучаемое явленіе невозможно никакое дальнѣйшее изученіе этого явленія. А извѣстно, какъ трудно точно подмѣтить сразу въ наблюдаемомъ явленіи всѣ его подробности. Поэтому важность повторныхъ наблюденій изучаемаго явленія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Даже какъ то неловко распространяться объ этомъ. И чѣмъ сложнѣе явленіе, тѣмъ важнѣе его повторныя наблюденія. При простомъ же наблюденіи мы должны поджидать явленіе, а при экспериментированіи мы можемъ и сами заставить его повторяться передъ нами, да еще въ томъ же самомъ видѣ, какъ прежде.

3. *Эксперимент облегчает выясненіе причинъ, вызывающихъ изучаемое явленіе.* Явленія природы чаще всего возникаютъ при сложныхъ обстоятельствахъ, т. е. ихъ возникновеніе чаще всего сопровождается множествомъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ. Поэтому если мы ограничиваемся наблюденіями, безъ помощи эксперимента, крайне трудно разобрать, какое изъ этихъ обстоятельствъ служитъ причиной изучаемаго нами явленія. Напримѣръ, возникло передъ нами явленіе X, но возникло такъ, что при этомъ были разныя другія явленія или обстоятельства — и A, и B, и C. Какъ же намъ узнать, какія изъ нихъ служатъ его причиной, а какія лишь случайно присутствуютъ здѣсь? Конечно, иногда мы можемъ во всемъ этомъ разобраться и безъ помощи эксперимента. Именно: если мы наблюдали, что явленіе X возникало при разнообразныхъ и точно подмѣченныхъ нами обстоятельствахъ, то среди нашихъ наблюденій могутъ встрѣтиться и такіе случаи, чрезъ сопоставленіе которыхъ другъ съ другомъ намъ станетъ вполнѣ яснымъ, что именно служитъ причиной изучаемаго нами явленія X. Напримѣръ, если это X возникало передъ нами много разъ и при томъ такъ, что всякій разъ при обстоятельствѣ A, между тѣмъ какъ среди другихъ обстоятельствъ, бывшихъ при этихъ возникновеніяхъ, нѣтъ ни одного такого, которое повторялось бы во всѣхъ этихъ случаяхъ возникновенія явленія X, то мы можемъ отсюда заключить, что A служитъ причиной явленія X. И это заключеніе будетъ особенно надежнымъ, если мы вмѣстѣ съ тѣмъ успѣли подмѣтить, что при вполнѣ аналогичныхъ обстоятельствахъ, но отличающихся только тѣмъ, что среди нихъ A отсутствовало, это

X не возникало. Но, конечно, если мы въ нашихъ изслѣдованіяхъ ограничиваемся лишь простыми наблюденіями, то мы можемъ и не встрѣтиться съ подобными случаями. При экспериментированіи же мы можемъ просто испробовать, будетъ ли A или любое другое обстоятельство вызывать X или нѣтъ. Такъ, мы можемъ прямо испробовать, сдѣлается ли данное тѣло теплѣе отъ тренія, отъ ряда ударовъ по немъ и т. п. Поэтому очевидно, что экспериментъ долженъ облегчать выясненіе причинъ, вызывающихъ изучаемыя явленія. Вмѣстѣ съ тѣми нельзя сомнѣваться, что намъ необходимо такое облегченіе; ибо далеко не всегда наши наблюденія будутъ настолько удачны, чтобы доставить намъ случаи, подходящіе для нашихъ цѣлей.

4. *Экспериментъ облегчаетъ возможность выяснить, какъ зависятъ количественныя перемѣны изучаемаго явленія отъ того или другого обстоятельства, и чрезъ это облегчаетъ возможность установить точные, математически формулированные законы природы.* При простомъ наблюденіи обыкновенно приходится имѣть дѣло съ такими количественными измѣненіями изучаемаго явленія, которыя совершаются при множествѣ обстоятельствъ, такъ что нельзя разобрать, отъ какого изъ нихъ и въ какой именно степени зависятъ эти перемѣны. При экспериментированіи же мы облегчаемъ себѣ эту возможность тѣмъ путемъ, что подвергаемъ нѣсколькимъ измѣненіямъ только одно изъ обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ изучаемое нами явленіе, заставляя всѣ остальныя сохраняться въ прежнемъ видѣ—безъ всякой перемѣны; ибо наблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ изучаемое нами явленіе, мы удостовѣряемся такимъ образомъ, зависитъ ли оно отъ этого единственно измѣняющагося обстоятельства (т. е. отражаются ли на немъ перемѣны этого обстоятельства) или нѣтъ; и если зависитъ, то при достаточно большомъ рядѣ измѣненій этого явленія, сопровождаемыхъ перемѣнами въ одномъ лишь этомъ обстоятельствѣ, зачастую можно выяснить, какъ именно зависятъ первыя отъ послѣднихъ, т. е., выразить эту зависимость въ видѣ математически формулированнаго закона природы. Напримѣръ: такимъ именно путемъ Галилей выяснилъ, отъ чего и какъ именно зависитъ продолжительность отдѣльныхъ колебаній маятника. Какъ бы ни измѣняли мы величину груза, образующаго нашъ маятникъ, продолжительность его отдѣльныхъ колебаній не мѣняется, коль скоро въ это время остаются безъ перемѣны всѣ остальныя обстоятельства: мѣсто, гдѣ производятся эксперименты, длина маятника, матеріалъ его груза и форма послѣдняго (дабы не мѣнялось съ перемѣной формы сопротивленіе воздуха.— Чтобы легче соблюдать это условіе, проще всего брать въ видѣ груза, какъ это дѣлалъ и Галилей, какую нибудь коробку, которую можно наполнять различными количествами того или другого вещества). Отсюда ясно, что продолжительность колебаній маятника не зависитъ отъ величины груза, образующаго маятникъ. Измѣняя же матеріалъ груза и оставляя безъ перемѣны всѣ остальныя обстоятельства, мы убѣждаемся въ независимости продолжительности колебаній маятника и отъ его матеріала. Но измѣняя

длину маятника въ то время, какъ всѣ остальныя обстоятельства остаются безъ перемѣны, мы тотчасъ же замѣчаемъ, что продолжительность отдѣльнаго колебанія находится въ какой то прямой зависимости отъ длины маятника, т. е., увеличивается съ ея увеличеніемъ и уменьшается съ ея уменьшеніемъ. Измѣряя же каждый разъ продолжительность колебанія и соотвѣтственную длину маятника и сопоставляя между собой достаточное число подобныхъ наблюденій въ то время, какъ всѣ остальныя обстоятельства при нихъ кромѣ длины маятника остаются безъ перемѣны, мы находимъ, что продолжительность отдѣльнаго колебанія маятника прямо пропорціональна квадратному корню изъ длины маятника, т. е. выражаемъ зависимость колебаній маятника отъ его длины въ видѣ математически формулированнаго закона природы. Такимъ образомъ ясно, что экспериментъ, облегчая намъ возможность при наблюденіяхъ оставлять безъ перемѣнъ всѣ обстоятельства кромѣ одного, измѣняемаго по нашему произволу, этимъ самымъ облегчаетъ намъ возможность выяснить, какъ зависятъ количественныя измѣненія наблюдаемаго (или изучаемаго) явленія отъ этого обстоятельства. И легко понять, почему при подобныхъ экспериментахъ, которые мы можемъ назвать измѣрительными, потому что они не могутъ обходиться безъ измѣреній, нужно измѣнять непремѣнно только одно обстоятельство (именно то, о зависимости отъ котораго въ изучаемомъ явленіи идетъ рѣчь): если бы одновременно съ нимъ измѣнялось еще какое нибудь другое обстоятельство, то мы не могли бы разобраться, отъ какого же изъ нихъ зависятъ наблюдаемыя нами измѣненія изучаемаго явленія. Болѣе того: если бы даже оно осталось и безъ измѣненій, то мы не могли бы разобраться, происходитъ ли это оттого, что оно не зависитъ ни отъ одного изъ этихъ двухъ обстоятельствъ, или же, напротивъ, оттого, что оно съ одинаковой силой, но въ разныхъ направленіяхъ зависитъ отъ каждаго изъ нихъ — отъ перемѣнъ одного увеличивается во столько же разъ, во сколько уменьшается отъ перемѣнъ другого. И врядъ ли нужно разъяснять, какъ важно только что описанное преимущество эксперимента: число и мѣра—душа точнаго знанія. Наше знаніе тѣмъ точнѣе, чѣмъ больше у насъ математически формулированныхъ законовъ природы. Конечно, мы можемъ иногда устанавливать ихъ и безъ помощи измѣрительнаго экспериментированія. Примѣромъ можетъ служить столь точная наука, какъ астрономія, которая разрабатывается посредствомъ наблюденій. Но важно то, что экспериментъ облегчаетъ эту возможность и тамъ, гдѣ мы не въ состояніи осуществить ее посредствомъ наблюденій.

Наука прежде всего, разумѣется, должна подмѣтить (или открыть) явленія, принадлежащія къ той области, которую она собирается изучать; потомъ тщательно описать ихъ (дабы при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ не говорить того, что справедливо для однихъ явленій, про другія); выяснить, какими причинами они порождаются, а какія обстоятельства не оказываютъ на нихъ никакого вліянія, хотя бы даже и всегда присутствовали при ихъ возникновеніи; наконецъ установить математически формулированные законы,

управляющіе зависимостью количественной стороны изучаемыхъ явленій отъ разныхъ обстоятельствъ. И мы разсмотрѣли, какую роль играетъ экспериментъ при каждой изъ этихъ задачъ науки. Поэтому мы можемъ быть увѣренными, что исчерпали всѣ его *основныя* преимущества сравнительно съ наблюденіемъ и что всѣ его остальныя преимущества будутъ лишь слѣдствіями или комбинаціями указанныхъ нами.

Если же экспериментированіе обладаетъ только что описанными, несомнѣно важными, преимуществами предъ наблюденіемъ, то естественно ожидать, что каждая наука, изучающая данныя опыта, будетъ стремиться къ тому, чтобы развиваться при помощи экспериментированія. И понятно, что какъ только какая нибудь наука начинала примѣнять экспериментированіе, то она всегда дѣлала огромные шаги въ своемъ развитіи и въ два или три десятилѣтія достигала блестящихъ результатовъ. Примѣромъ можетъ служить физика и физіологія, которыя съ тѣхъ поръ, какъ стали примѣнять экспериментированіе, чрезвычайно быстро сдѣлали громадные шаги впередъ, стали совсѣмъ неузнаваемыми по новизнѣ своего содержанія. А по всему этому понятно, что и въ психологіи должны были уже давно мечтать о примѣненіи экспериментированія. И, дѣйствительно, объ этомъ мечтали нѣкоторые нѣмецкіе ученые уже въ XVIII в., но осуществить это удалось приблизительно *лишь съ 1860 г., который и считается началомъ существованія экспериментальной психологіи, такъ какъ въ этомъ году появилось сочиненіе лейпцигскаго профессора Фехнера „Элементы психо-физики“*, въ которомъ онъ описывалъ множество экспериментовъ, продѣланныхъ имъ надъ ощущеніями. Съ этого времени экспериментированіе надъ душевными явленіями стало примѣняться все болѣе и болѣе, а въ 1878 г. Вильгельмъ Вундтъ основалъ даже въ Лейпцигѣ особое учебно-ученое учрежденіе, названное имъ „Психологическимъ Институтомъ“, гдѣ производятся психологическія изслѣдованія при помощи экспериментированія. Послѣ того при многихъ университетахъ стали учреждать подобныя учрежденія подъ разными названіями. У насъ въ Россіи чаще всего ихъ называютъ „психологическими кабинетами“. Такихъ учрежденій въ настоящее время въ Европѣ и Америкѣ существуетъ, кажется, уже больше сотни, откуда видно, что экспериментальной психологіей стали послѣ 1878 г. заниматься очень усердно. Это подтверждается еще и тѣмъ, что съ той поры стали появляться нѣкоторые журналы, спеціально посвященные экспериментальной психологіи.

Въ чемъ же состоятъ методы психологическаго экспериментированія? Они очень разнообразны и каждый изъ нихъ приноравливается особеннымъ образомъ къ особенностямъ изучаемыхъ явленій. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются замѣчательной простотой, не требуютъ для своего примѣненія никакихъ приборовъ или инструментовъ, точнѣе—такими приборами служатъ предметы, всегда находящіеся подъ руками. Другіе же, какъ, напримѣръ, измѣренія скоростей душевныхъ явленій, такъ называемая, психометрія, хотя и легки сами по себѣ, но требуютъ особыхъ, до тонкости приспособленныхъ приборовъ, особыхъ, назначенныхъ для экспериментовъ, помѣщеній

и т. п. Эти-то послѣднія изслѣдованія и составляютъ raison d'être психологическихъ кабинетовъ. Разумѣется, не стоитъ ихъ устраивать для такихъ экспериментовъ, для производства которыхъ можно пользоваться любымъ помѣщеніемъ и приспособленіями, состоящими изъ предметовъ, употребляемыхъ въ обыденной жизни. Вслѣдствіе разнобразія методовъ экспериментальной психологіи съ ихъ подробностями можно ознакомиться лишь при ознакомленіи съ отдѣльными случаями примѣненія того или другого метода; а въ ихъ общемъ описаніи приходится ограничиться лишь примѣрами, поясняющими ихъ разнообразіе, да слѣдующими общими чертами.

Въ общемъ итогѣ *техническая сторона психологическихъ экспериментовъ, т. е. самые способы, какъ они производятся, не труднѣе, а еще легче, чѣмъ въ физикѣ.* Даже въ тѣхъ частяхъ физики, которыя составляютъ предметъ гимназическаго преподаванія, гораздо труднѣе научиться правильно обращаться со всѣми приборами и удачно самому производить описанные въ книгѣ эксперименты, чѣмъ въ экспериментальной психологіи. Поэтому напрасно страшатся самостоятельно заниматься экспериментальной психологіей, а тѣмъ болѣе самостоятельно слѣдить за ея литературой. Кто въ гимназіи ясно понялъ (а не зазубрилъ къ экзамену одними лишь словами безъ яснаго пониманія) всѣ приборы и эксперименты, упоминаемые въ физикѣ, тотъ безъ всякаго труда пойметъ и описаніе всѣхъ психологическихъ приборовъ. А кто и самъ продѣлывалъ физическіе эксперименты и уже привыкъ обращаться съ физическими приборами, хотя бы въ предѣлахъ гимназическаго курса, (а тѣмъ болѣе, если кто на первомъ курсѣ въ университетѣ не растратилъ попусту досуга, какой въ это время въ значительныхъ размѣрахъ предоставляется студенту для пополненія его общаго образованія, а поработалъ, между прочимъ, и надъ измѣрительными приборами физики), тотъ сразу сумѣетъ обращаться со всѣми психологическими приборами, какъ только разсмотритъ ихъ устройство, и сумѣетъ производить при ихъ помощи психологическіе эксперименты. Къ тому же среди приборовъ, употребляемыхъ экспериментальной психологіей, не мало употребляемыхъ и физикой, заимствованныхъ у нея. Такъ, не говоря уже о множествѣ вспомогательныхъ приборовъ (въ родѣ коммутаторовъ, замыкателей и размыкателей тока, кимографіяхъ, т. е. вращающихся цилиндрахъ, на которые натягивается закопченная бумага, какъ при изученіи колебаній камертона), въ экспериментальной психологіи употребляются тѣ же приборы, какъ и въ физикѣ, для смѣшенія цвѣтовъ, для полученія звуковъ и т. д. Что же касается психологическихъ экспериментовъ, не требующихъ спеціальныхъ приборовъ, то, разумѣется, можно производить ихъ и не умѣя обращаться ни съ какими приборами. А такихъ экспериментовъ не мало въ психологіи. Словомъ: техническая сторона экспериментальной психологіи очень легка и доступна всякому образованному человѣку, если подъ образованностью не понимать одного лишь заучиванья къ экзамену пройденныхъ предметовъ безъ всякаго вниканія въ ихъ смыслъ.

Говоря, что техника психологическихъ экспериментовъ (т. е. самые

способы, какими они производятся) очень легка, мы вовсе еще не хотимъ этимъ сказать, будто бы она всегда требуетъ и малой затраты времени. Напротивъ: *очень часто, если не чаще всего, психологическіе эксперименты требуютъ значительной затраты времени на многократное повтореніе одинаковыхъ дѣйствій, состоящихъ или изъ многократныхъ одинаковыхъ по существу экспериментовъ (а иногда даже изъ многократнаго повторенія того же самаго эксперимента), или, по крайней мѣрѣ, изъ многократныхъ однообразныхъ вычисленій, а чаще всего соединяется и то, и другое — и многократные эксперименты, и многократныя вычисленія.* Всѣ эти эксперименты и вычисленія очень легки, и каждый отдѣльно требуетъ немного времени; но обыкновенно ихъ приходится производить въ значительномъ количествѣ. Обыкновенно то, что мы называемъ выводомъ изъ измѣрительнаго эксперимента (*единственное* число) того или другого ученаго представляетъ собой средній ариѳметическій выводъ изъ множества произведенныхъ имъ одинаковыхъ измѣрительныхъ экспериментовъ. Дѣло въ томъ, что на всякое измѣряемое явленіе можетъ дѣйствовать множество обстоятельствъ измѣняя его величину и въ ту, и въ другую сторону, т. е. то увеличивая ее, то уменьшая, обстоятельствъ, отъ воли экспериментатора независящихъ и потому совершенно неустранимыхъ, въ родѣ невольно возникающихъ во время эксперимента у испытуемаго лица воспоминаній, обусловленныхъ ими настроеній и т. п. Поэтому на одно лишь измѣреніе изучаемаго нами явленія еще нельзя полагаться, съ какой бы точностью ни производилось это измѣреніе. Чтобы сгладить эти неустранимыя побочныя вліянія, сказывающіяся на результатѣ нашего измѣренія, мы должны произвесть цѣлый рядъ измѣреній изучаемаго явленія, заставляя его повторяться такъ, чтобы *всѣ зависящія* отъ нашей воли обстоятельства оставались безъ всякой перемѣны (*всѣ безъ исключенія*, а не то, что бы всѣ кромѣ одного), и взять средній ариѳметическій выводъ изъ всѣхъ этихъ измѣреній; ибо при значительномъ числѣ подобныхъ измѣреній увеличивающія ихъ результатъ и уменьшающія его вліянія обстоятельствъ, возникающихъ во время нашего эксперимента независимо отъ нашей воли, уравновѣсятъ другъ друга; и на полученный средній ариѳметическій выводъ мы въ правѣ будемъ смотрѣть, какъ на почти точное выраженіе величины, которую имѣетъ изучаемое явленіе при установленныхъ нами обстоятельствахъ. Напримѣръ: измѣрялось при экспериментально психологическихъ изслѣдованіяхъ, между прочимъ, время, протекающее между концомъ вопроса, въ которомъ предлагалось сравнить два предмета (такъ: „сравните столъ и стулъ, или кошку и собаку, или воду и квасъ“ и т. п.) и началомъ отвѣта, который испытуемый давалъ тотчасъ же, какъ только ему пришло въ голову самое первое сравненіе. Это время при каждомъ вопросѣ оказывалось неодинаковымъ. Напримѣръ, у женщины-врача 28 лѣтъ: на требованіе сравнить столъ и стулъ отвѣтъ („оба деревянные“) начался черезъ 1 секунду послѣ конца вопроса; кошку и собаку („оба животныя“) черезъ 2 секунды; воду и квасъ

(„жидкости“) черезъ 1,5 секунды и т. д. Изслѣдованіе поэтому производилось такимъ образомъ, что тотъ же экспериментъ (но, разумѣется, каждый разъ съ разными по содержанію вопросами въ родѣ трехъ указанныхъ) повторялся надъ *тѣмъ же самымъ* лицомъ 100 разъ (при чемъ для устраненія вліяній со стороны утомленія они были раздѣлены на 4 дня по 25 въ каждомъ), и изъ нихъ былъ сдѣланъ средній выводъ, который оказался у этой 28 лѣтней женщины - врача 2 секунды. А если бы мы захотѣли узнать, по какому закону или правилу измѣняется продолжительность измѣреннаго здѣсь времени въ зависимости отъ какого нибудь зависящаго отъ нашей воли обстоятельства, то мы должны были бы измѣнять послѣднее и при каждомъ его измѣненіи произвесть по 100 подобныхъ экспериментовъ для одного и того же лица, при чемъ число перемѣнъ въ этомъ обстоятельствѣ, въ свою очередь, должно быть настолько большимъ, чтобы можно было подмѣтить, по какому правилу связаны перемѣны въ измѣряемомъ явленіи съ перемѣнами, производимыми нами въ этомъ обстоятельствѣ. Но этого еще мало; всякій полученный описаннымъ путемъ средній ариѳметическій выводъ имѣетъ значеніе лишь для того лица, надъ которымъ мы производили нашъ экспериментъ (точнѣе говоря — сотню или нѣсколько сотенъ экспериментовъ): на этомъ выводѣ сказывается еще индивидуальность испытуемаго лица. И чтобы придать нашему среднему выводу общее значеніе, чтобы освободить его отъ вліянія отдѣльной индивидуальности (или, какъ часто выражаются въ этомъ случаѣ, чтобы элиминировать въ немъ индивидуальныя вліянія), мы должны взять болѣе или менѣе значительное число испытуемыхъ лицъ, каждое изъ нихъ подвергнуть всѣмъ описаннымъ экспериментамъ и сдѣлать общій средній выводъ изъ всѣхъ среднихъ выводовъ. Такимъ образомъ каждый изъ этихъ экспериментовъ очень легокъ; ибо для измѣренія короткихъ промежутковъ времени есть особые приборы, обращаться съ которыми очень легко (секундомѣры и хроноскопы — они скоро будутъ описаны). Очень легки и вычисленія, которыя нужно дѣлать при этихъ экспериментахъ; они тѣмъ легче, что существуютъ счетныя машины, механизмъ которыхъ безошибочно производитъ всѣ ариѳметическія дѣйствія надъ числами, отмѣчаемыми на машинѣ посредствомъ передвиженія особыхъ рычаговъ. Но легкихъ повторныхъ экспериментовъ и легкихъ вычисленій набирается обыкновенно столько, что на нихъ уходитъ множество времени. Поэтому не удивительно, что Эббингаузъ на свои экспериментальныя изслѣдованія памяти (опубликованныя имъ въ брошюрѣ „Ueber das Gedächtniss“, вышедшей въ 1885 г.) потратилъ три года времени, хотя они состояли изъ небольшого лишь числа экспериментовъ (но повторныхъ) и производились имъ только надъ самимъ собой. Правда, такой продолжительный срокъ зависѣлъ здѣсь еще оттого, что нельзя было заниматься этими экспериментами подолгу въ одинъ и тотъ же разъ (дабы результаты измѣренія не осложнялись вліяніемъ утомленія) и вмѣстѣ съ тѣмъ Эббингаузъ производилъ всѣ эксперименты въ одинаковые часы дня, ведя во всѣ три года педантически

размѣренную жизнь, дабы перемѣны въ ней или во времени дня не заслоняли собой вліянія на память того обстоятельства, зависимость отъ котораго въ дѣятельности памяти онъ хотѣлъ выяснить. (Съ нѣкоторыми экспериментами Эббингауза мы встрѣтимся въ разныхъ мѣстахъ нашего курса и увидимъ, что по своей техникѣ они очень легки). Но значительная затрата времени, безъ которой не можетъ обойтись большинство экспериментально психологическихъ изслѣдованій, конечно, еще не дѣлаетъ трудными ни самихъ психологическихъ экспериментовъ, ни тѣмъ болѣе ихъ описаній, такъ что незачѣмъ страшиться не только самостоятельнаго изученія экспериментально-психологической литературы, но даже и самостоятельныхъ экспериментовъ, если бы они понадобились.

Если что и трудно въ экспериментальной психологіи, то не экспериментальная ея сторона, а сама психологическая, именно: умѣнье правильно понять найденный при экспериментѣ фактъ душевной жизни, умѣнье понять, какіе выводы изъ него дѣйствительно вытекаютъ, а какіе непозволительно дѣлать. Такое умѣнье, дѣйствительно, не всякому дается. Но умѣнье правильно анализировать психологическіе факты, конечно, не зависитъ отъ того, какимъ путемъ добыты эти факты — наблюденіемъ или экспериментированіемъ, и вырабатывается поэтому независимо отъ умѣнья производить психологическіе эксперименты. Не мѣшаетъ даже замѣтить, что лица, занимающіеся психологическимъ экспериментированіемъ, зачастую удивительно поверхностно относятся къ истолкованію экспериментовъ: зачастую они дѣлаютъ изъ своихъ экспериментовъ такіе выводы, къ которымъ эти эксперименты еще вовсе не уполномочиваютъ. Поэтому, пользуясь литературой экспериментальной психологіи, никогда не слѣдуетъ принимать прямо указанные авторомъ выводы, а надо всегда самостоятельно и тщательно провѣритъ, вытекаютъ ли они съ логической необходимостью изъ описанныхъ имъ экспериментовъ, или же ихъ можно оспаривать, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ иногда изъ этихъ экспериментовъ нельзя сдѣлать ровно никакихъ выводовъ, а иногда все таки можно, но только гораздо скромнѣе, чѣмъ указанные авторомъ. Только при такой предосторожности и полезно чтеніе экспериментально-психологической литературы; безъ нея же усердное глотаніе ея можетъ прямо таки притупить способность къ психологическому анализу — образовать привычку поверхностно относиться къ нашимъ выводамъ изъ фактовъ. Поэтому къ самостоятельному изученію экспериментально психологической литературы (а тѣмъ болѣе къ самостоятельнымъ экспериментально-психологическимъ изслѣдованіямъ) полезно обращаться лишь послѣ того, какъ навыкъ къ психологическому анализу уже развился посредствомъ изученія основной психологіи, ея литературы, основанной на наблюденіяхъ и главное — посредствомъ философскаго образованія.

Съ многими экспериментами мы встрѣтимся по мѣрѣ изложенія нашего курса. Теперь же приведемъ примѣры и болѣе простыхъ, и болѣе сложныхъ экспериментовъ съ цѣлью показать лишь ихъ разнообразіе и его зависимость отъ особенностей явленій, которы[illegible] подвергаются экспериментирова[illegible]

Къ числу простѣйшихъ принадлежатъ эксперименты одной американки Лотти Стефенсъ надъ зависимостью скорости заучиванія отъ способа заучиванія, описанные ею въ журналѣ Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane томъ 22. Напримѣръ, между ними были столь простые эксперименты (очевидно, нетребующіе ровно никакихъ приспособленій), какъ слѣдующіе: она давала семи испытуемымъ лицамъ заучивать вслухъ стихи въ 9 строкъ, оба раза — конечно, однороднаго содержанія (чаще всего брались отрывки изъ Чайльдъ-Гарольда), но одинъ разъ предоставляя имъ полную свободу заучиванія, а въ другой разъ прося ихъ заучивать по указанному ею способу. И оказалось, что всѣ испытуемые, когда заучиваютъ стихотвореніе по своему, то-есть какъ имъ самимъ кажется лучше, разбиваютъ его для заучиванія на части, которыя повторяютъ по нѣскольку разъ, при чемъ каждый дѣлаетъ эти раздѣленія и повторенія по своему; но на все заучиваніе каждый изъ нихъ тратилъ нѣсколько больше времени (отъ 4 секундъ до 1 минуты 12 секундъ), чѣмъ, если онъ заучиваетъ стихотвореніе такой же величины, читая нѣсколько разъ его все цѣликомъ. Другіе же ея эксперименты состояли въ разныхъ способахъ заучиванія ряда слоговъ, необразующихъ своими сочетаніями ровно никакого смысла. Для такихъ опытовъ нужны только куски картона, на которыхъ были бы написаны отдѣльные слоги или буквы и т. п.

Болѣе сложные психологическіе эксперименты попадаются въ психометріи. Подъ этимъ именемъ подразумѣвается часть психологіи, изучающая продолжительность различныхъ душевныхъ процессовъ. Для измѣренія времени употребляются при этомъ особые приборы, устройство которыхъ приноровлено къ измѣренію очень малыхъ промежутковъ времени. Они бываютъ двухъ родовъ: одни, назначенные для болѣе грубыхъ измѣреній, показываютъ промежутки времени, начиная всего лишь съ пятой части секунды и называются чаще всего *секундомѣрами*; другіе же, назначенные для болѣе тонкихъ измѣреній, показываютъ промежутки времени, начиная съ тысячной части секунды, и чаще всего называются *хроноскопами*. При этомъ не мѣшаетъ запомнить, что для сокращенія обозначеній времени, измѣреннаго хроноскопомъ или вообще въ тысячныхъ доляхъ секунды, принято всѣми психологами называть и письменно обозначать тысячную часть секунды греческой буквой σ — „*сигма*“. Вмѣсто того, чтобы говорить триста семьдесятъ двѣ тысячныхъ секунды, или вмѣсто того, чтобы писать 0,372 секунды, говорятъ и пишутъ 372 σ. Когда же составляютъ таблицы изъ показаній хроноскопа, то упомянувъ однажды, что въ нихъ время выражается въ сигмахъ (или въ σ), уже пишутъ одни лишь числа сигмъ, безъ знака σ.

Секундомѣры по своимъ размѣрамъ и вообще по внѣшнему виду сходны съ мужскими карманными часами съ той лишь разницей, что на ихъ циферблатѣ нѣтъ дѣленій, соотвѣтствующихъ часамъ, и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обозначались бы часы, сдѣланы надписи: 5, 10, 15 и т. д., кончая 60. Промежутки между этими надписями, какъ и на часахъ, раздѣ-

лены на пять равныхъ частей. Но каждая изъ послѣднихъ подраздѣлена болѣе мелкими линіями еще на пять частей (чего уже нѣтъ въ карманныхъ часахъ), такъ что на всемъ циферблатѣ крупныхъ дѣленій помѣщается всего 60 (ихъ счетъ то и обозначается находящимися на циферблатѣ надписями: 5, 10, 15 и т. д. до 60), а мелкихъ подраздѣленій — 300. Въ простѣйшихъ секундомѣрахъ есть только двѣ стрѣлки, помѣщенныхъ тамъ же, гдѣ часовая и минутная стрѣлка часовъ; но часовой механизмъ устроенъ такъ, что одна изъ этихъ стрѣлокъ описываетъ полный кругъ на циферблатѣ въ часъ (какъ минутная стрѣлка часовъ), такъ что каждое крупное дѣленіе она проходитъ въ минуту и поэтому для нея цифры на циферблатѣ (5, 10, 15 и т. д.) обозначаютъ число минутъ; другая же стрѣлка описываетъ полный кругъ циферблата въ одну минуту, такъ что каждое крупное подраздѣленіе она проходитъ въ $^1/_{60}$ часть минуты, т. е, въ секунду, а мелкое подраздѣленіе въ $^1/_5$ часть секунды и для ея движенія написанныя на циферблатѣ цифры означаютъ число секундъ. Такимъ образомъ въ простѣйшихъ секундомѣрахъ есть только двѣ стрѣлки, минутная и секундная, помѣщенныя на той же оси, гдѣ въ карманныхъ часахъ помѣщается часовая и минутная. Сверхъ того секундомѣръ отличается еще тѣмъ, что въ головкѣ, въ которой находится колечко для шнурка или часовой цѣпочки, есть пружина, безъ нажатія на которую стрѣлки не начнутъ своего движенія, а будутъ стоять на нулевомъ дѣленіи (гдѣ написано 60), хотя часовой механизмъ будетъ заведенъ. При первомъ же нажатіи на эту пружину обѣ стрѣлки одновременно приходятъ въ движеніе съ только что указанными скоростями. При вторичномъ же нажатіи этой пружины обѣ стрѣлки одновременно останавливаются и остаются неподвижными. И такъ какъ онѣ начали свое движеніе съ нулевого дѣленія, то по цифрамъ циферблата мы тотчасъ же узнаемъ, сколько минутъ, секундъ и пятыхъ частей секунды прошло между первымъ и вторымъ нажатіемъ пружины. Безъ такого приспособленія было бы крайне трудно слѣдить за движеніемъ секундной стрѣлки. При третьемъ же нажатіи обѣ стрѣлки возвращаются къ нулевому дѣленію и остаются тамъ неподвижными, пока мы не нажмемъ пружины снова. Въ секундомѣрѣ самыя мелкія дѣленія показываютъ пятыя части секунды; но если секундная стрѣлка остановится между двумя такими дѣленіями, то на глазомѣръ мы легко опредѣляемъ, двигалась ли она послѣ перехода послѣдняго дѣленія больше или меньше половины пятой части секунды, т. е. больше или меньше $^1/_{10}$ секунды; если больше, то прибавляемъ къ пройденному ею числу дѣленій $^1/_{10}$ секунды, а если меньше, то не обращаемъ вниманія на этотъ излишекъ. Поэтому обыкновенно показанія секундомѣра выражаютъ въ десятыхъ доляхъ секунды, считая каждую пятую за двѣ десятыхъ.

Легко понять, какъ можно измѣрять такимъ секундомѣромъ продолжительность какихъ либо процессовъ. Допустимъ, что мы условились съ испытуемымъ лицомъ, чтобы онъ намъ отвѣчалъ тотчасъ же, какъ только ему придетъ въ голову самое первое сравненіе двухъ предметовъ, которые

мы будемъ называть ему. Условившись въ этомъ мы, обращаемся къ нему съ фразами, въ родѣ слѣдующей: „сравните собаку и кошку“. И какъ только кончимъ нашу фразу, нажимаемъ пружину заведеннаго секундомѣра, т. е. пускаемъ въ ходъ его стрѣлки. Пусть испытуемый отвѣчаетъ намъ: „оба домашнія животныя“. При началѣ его отвѣта мы снова нажимаемъ пружину секундомѣра, чѣмъ останавливаемъ въ немъ движеніе стрѣлокъ, которыя своимъ положеніемъ покажутъ съ точностью до $^1/_5$ секунды, а на глазомѣръ даже до $^1/_{10}$ секунды, сколько времени ушло на процессъ возникновенія этого сравненія.

Оказывается, что въ среднемъ выводѣ подобныя сравненія у душевно здоровыхъ людей успѣваютъ возникнуть въ 2,8 секунды. При чемъ это число получено изъ экспериментовъ надъ пятью испытуемыми, изъ которыхъ каждый подвергался 100 подобнымъ экспериментамъ, раздѣленнымъ (для устраненія чрезмѣрнаго утомленія) на четыре дня по 25 въ каждомъ. Почти одинаковое число было получено и для 12 испытуемыхъ, страдающихъ нарастающимъ паралитическимъ слабоуміемъ, которые подвергались такому же числу тѣхъ же самыхъ экспериментовъ, производимыхъ надъ ними почти съ такимъ же распредѣленіемъ, какъ и у здоровыхъ. Но все таки обнаружилась слѣдующая разница: „утомленіе не оказывало вліянія на скорость и качество отвѣтовъ у больныхъ, между тѣмъ какъ у здоровыхъ подъ вліяніемъ утомленія скорость отвѣтовъ увеличивалась, а содержаніе отвѣтовъ дѣлалось болѣе однообразнымъ, иногда высказывались неподходящія сравненія и т. п.; отвѣты утомленныхъ походили на отвѣты больныхъ по качеству“. (См. стр. 224 Л. С. Павловской „Экспериментально-психологическое изслѣдованіе надъ больными съ нарастающимъ паралитическимъ слабоуміемъ“, Спб. 1907 г.).

Но устраиваютъ еще и такіе секундомѣры, въ которыхъ обѣ упомянутыя стрѣлки — секундныя, т. е. обѣ описываютъ полный кругъ въ минуту, а каждое большое дѣленіе (тоже подраздѣленное на пять мелкихъ) проходятъ въ секунду, и въ которыхъ есть еще третья маленькая минутная стрѣлка, двигающаяся по маленькому циферблату, помѣщенному внутри большого примѣрно на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ часахъ помѣщаютъ секундную стрѣлку. А чтобы показанія минутной стрѣлки были замѣтнѣе, маленькій циферблатъ, по которому она двигается, раздѣляется не на 60 (какъ въ секундномъ циферблатѣ карманныхъ часовъ), но только на 30 дѣленій, дабы они вышли покрупнѣе и замѣтнѣе, а часовой механизмъ устраивается такъ, чтобы полный оборотъ эта стрѣлка дѣлала въ тридцать минутъ, такъ что каждое дѣленіе она проходитъ въ одну минуту. И въ такихъ секундомѣрахъ дѣлается въ ободкѣ двѣ пружины, при помощи которыхъ, нажимая то на ту, то на другую, можно: а) одновременно пустить въ ходъ всѣ стрѣлки, начиная съ нулевыхъ дѣленій, на которыхъ онѣ до этого стоятъ неподвижно, хотя секундомѣръ заведенъ; b) остановить одну изъ секундныхъ стрѣлокъ въ то время, какъ другая секундная будетъ продолжать свое движеніе, такъ что посредствомъ первой секундной

стрѣлки, остановленной нами, мы получимъ какъ бы запись продолжительности какого либо процесса, выраженную въ секундахъ и пятыхъ (а при раздѣленіи на глазомѣръ самыхъ мелкихъ дѣленій циферблата и въ десятыхъ доляхъ) секунды; c) остановить послѣ того движеніе и второй секундной стрѣлки, такъ что посредствомъ нея можно будетъ получить какъ бы запись продолжительности процесса, начавшагося одновременно съ окончаніемъ перваго, измѣреннаго при помощи первой секундной стрѣлки. (При этомъ минутная стрѣлка останавливается либо одновременно съ первой секундной, либо одновременно со второй); d) наконецъ, можно всѣ стрѣлки привесть снова къ нулевымъ дѣленіямъ, послѣ чего секундомѣръ будетъ готовъ къ вторичному употребленію.

Съ помощью такого секундомѣра легко измѣряется порознь продолжительность двухъ примыкающихъ другъ къ другу процессовъ или двухъ примыкающихъ другъ къ другу частей процесса. Такъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ сравненія двухъ предметовъ мы можемъ производить измѣреніе слѣдующимъ образомъ: какъ только мы кончимъ нашу фразу (напримѣръ, „сравните кошку и собаку“), мы пускаемъ въ ходъ всѣ стрѣлки секундомѣра; какъ только испытуемый началъ отвѣчать, мы останавливаемъ первую секундную стрѣлку; какъ только онъ произнесъ послѣднее слово отвѣта мы останавливаемъ вторую секундную стрѣлку. Тогда положеніе первой секундной на циферблатѣ укажетъ намъ, сколько прошло времени отъ конца вопроса до начала отвѣта, а положеніе второй—отъ конца вопроса до конца отвѣта. Вычитая же первое время изъ второго мы найдемъ, сколько времени продолжался отвѣтъ испытуемаго. И въ упомянутыхъ экспериментахъ надъ сравненіемъ у здоровыхъ испытуемыхъ въ среднемъ выводѣ отъ конца вопроса до конца отвѣта протекало 3,5 секунды, такъ что продолжительность отвѣтовъ составляла $3{,}5 - 2{,}8 = 1{,}7$ секунды. У больныхъ же испытуемыхъ продолжительность отвѣтовъ (но, какъ мы уже говорили на стр. 75, не скорость, съ какой они начинались) была значительно больше — секундъ 10 — 15, при чемъ, какъ было раньше упомянуто, ихъ отвѣты часто бываютъ нелѣпы по содержанію, какъ, напримѣръ: „собака есть охотничья, кошка граціозна, собака изящнѣе“ (l. c. стр. 138).

Секундомѣръ-аппаратъ, сравнительно грубый: при немъ ошибки на нѣсколько десятыхъ долей секунды совершенно неизбѣжны; ибо крайне трудно нажать его пружину безошибочно въ надлежащій моментъ. Поэтому, когда надо измѣрять явленія, вся то продолжительность котораго меньше секунды, секундомѣръ уже не годится и необходимо пользоваться хроноскопомъ, хотя это не значитъ, чтобы хроноскопъ не былъ годенъ для измѣренія болѣе длинныхъ промежутковъ времени: хроноскопъ Гиппа измѣряетъ промежутки времени до 10 секундъ. Есть нѣсколько системъ устройства хроноскопа, называемыя по именамъ изобрѣвшихъ ихъ мастеровъ или ученыхъ. Наиболѣе распространенъ хроноскопъ Гиппа. Его существенныя особенности слѣдующія: на стѣнкѣ ящика, заключающаго въ себѣ часовой механизмъ и нѣкоторыя другія приспособленія, находятся

рядомъ два циферблата, каждый изъ которыхъ раздѣленъ на 100 частей. По каждому изъ нихъ двигается своя особая стрѣлка. Одна изъ нихъ описываетъ полный кругъ въ 0,1 часть секунды, такъ что каждое дѣленіе проходитъ въ теченіи сигмы, т. е. 0,001 части секунды, и при ея помощи можно отсчитывать по циферблату тысячныя и сотыя части секунды. Стрѣлка же другого циферблата описываетъ полный кругъ въ 10 секундъ, такъ что каждое дѣленіе проходитъ въ 0,1 секунды, и при ея помощи можно отсчитывать на циферблатѣ десятыя части секунды и цѣлыя секунды до 10. Въ часовомъ механизмѣ хроноскопа есть такое приспособленіе, что, хотя онъ и заведенъ, стрѣлки все таки остаются неподвижными до тѣхъ поръ, пока чрезъ это приспособленіе не будетъ пущенъ электрическій токъ. Тогда тотчасъ же одновременно начинаютъ двигаться обѣ стрѣлки, при чемъ ихъ движеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока токъ не будетъ прерванъ: тогда обѣ онѣ останавливаются, такъ что зная (записавъ) первоначальныя показанія на циферблатѣ и положеніе, въ которомъ онѣ остановились съ перерывомъ тока, мы легко узнаемъ, сколько времени продолжалось движеніе тока *). Если же мы при помощи вспомогательныхъ аппаратовъ устроимъ дѣло такъ, чтобы процессъ, продолжительность котораго мы хотимъ измѣрить, начинался въ тотъ же моментъ, какъ замыкается токъ, идущій чрезъ механизмъ хроноскопа, а кончался вмѣстѣ съ перерывомъ этого тока, то стрѣлки хроноскопа укажутъ намъ продолжительность этого процесса.

Устроить же совпаденіе начала измѣряемаго процесса съ замыканіемъ тока и конца съ размыканіемъ дѣло вовсе не трудное. Напримѣръ: пусть мы хотимъ измѣрить промежутокъ времени, протекающій съ момента, когда начинаетъ дѣйствовать электрическій звонокъ, до момента, когда испытуемый въ знакъ того, что онъ уже успѣлъ услышать звонъ, *тотчасъ же* двинетъ пальцемъ. *Для этой цѣли поступаютъ слѣдующимъ образомъ*: тотъ же самый токъ, который проходитъ чрезъ механизмъ хроноскопа, приводитъ въ дѣйствіе и звонокъ, такъ что это дѣйствіе начинается одновременно ,съ движеніемъ стрѣлокъ хроноскопа. Этотъ токъ вмѣстѣ съ тѣмъ проходитъ чрезъ замыкатель, устроенный такъ, что токъ остается замкнутымъ, пока палецъ испытуемаго надавливаетъ на ручку этого замыкателя, хотя бы самымъ легкимъ образомъ, и посредствомъ пружины тотчасъ же размыкается, какъ только испытуемый сдвинетъ палецъ съ размыкателя. Испытуемый еще до начала эксперимента кладетъ палецъ на размыкатель; послѣ этого пускаютъ токъ, который приводитъ въ дѣйствіе и звонокъ, и стрѣлки хроноскопа; испытуемый же сдвигаетъ палецъ съ размыкателя тотчасъ же, какъ только услышитъ звонъ,

*) Въ новыхъ экземплярахъ хроноскопа Гиппа приспособленіе, о которомъ мы сейчасъ говорили, устраивается такъ, что, по нашему произволу, стрѣлки хроноскопа могутъ двигаться то только что описаннымъ способомъ, т. е. движеніе начинается при замыканіи тока и прекращается при размыканіи, то наоборотъ—начинается при размыканіи и прекращается при замыканіи.

вслѣдствіе чего токъ размыкается, а стрѣлки хроноскопа останавливаются.

Надо замѣтить, что при экспериментахъ съ хроноскопомъ употребляются въ видѣ вспомогательныхъ приборовъ разнаго рода замыкатели. Напримѣръ; звуковые замыкатели, которые замыкаютъ (или, наоборотъ, размыкаютъ) токъ посредствомъ колебаній перепонки, возникающихъ въ ней оттого, что передъ ней произносятъ какое нибудь слово; губные замыкатели, которые замыкаютъ токъ оттого, что ихъ держатъ въ слегка сжатыхъ губахъ, и поэтому тотчасъ же размыкаютъ его, какъ только мы начнемъ говорить что нибудь; свѣтовые замыкатели, въ которые предварительно помѣщается карточка съ какой либо надписью или изображеніемъ или окрашенная въ какой либо цвѣтъ, при чемъ она сначала остается закрытой для испытуемаго непрозрачной пластинкой; но эта самая пластинка одновременно съ тѣмъ, какъ открываетъ карточку, замыкаетъ (или размыкаетъ) токъ; есть замыкатели, которые одновременно и замыкаютъ (или размыкаютъ) токъ, и производятъ легкій уколъ на кожу испытуемаго и т. д. Предварительная установка этихъ вспомогательныхъ приборовъ для опыта, необходимость употреблять при хроноскопѣ электрическія батареи, а также какой либо особый контрольный аппаратъ, выясняющій истинное значеніе времени, которое показываетъ роноскопъ въ сигмахъ и которое нерѣдко мѣняется отъ температурый и т. п., все это дѣлаетъ аранжировку экспериментовъ съ хроноскопомъ (т. е. предварительную установку всѣхъ приборовъ) настолько хлопотливой, что нельзя производить эксперименты съ хроноскопомъ иначе, какъ въ особо приспособленныхъ помѣщеніяхъ, гдѣ вся сдѣланная установка приборовъ оставалась бы нетронутой для произвольно большого числа повтореній того же эксперимента и гдѣ быстро можно было бы замѣнять одни вспомогательные приборы другими. И вотъ, при помощи хроноскопа прежде всего измѣряется время, такъ называемой, простой реакціи, которое служитъ исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ измѣреній.

Время простой реакціи. Этимъ именемъ называютъ продолжительность акта, состоящаго въ условленной реакціи на испытанное ощущеніе какого бы то ни было характера. Напримѣръ, уговариваются съ испытуемымъ, что, какъ только онъ услышитъ какой бы то ни было звукъ, то, онъ сдѣлаетъ отвѣтное движеніе, состоящее въ сниманіи пальца съ размыкателя тока. Время, которое проходитъ между звукомъ и отвѣтнымъ движеніемъ, называется физіологическимъ временемъ или, чаще всего, временемъ простой реакціи.

Относительно времени простой реакціи изучали отдѣльно различныя обстоятельства, входящія въ ея составъ; видоизмѣняли ихъ всевозможными способами, чтобы узнать дѣйствіе, производимое ими на продолжительность реакціи. Масса вопросовъ изучалась долговременно съ боязливой заботливостью. Такъ, было изслѣдовано вліяніе, оказываемое природой впечатлѣнія, на которое должно реагировать испытуемое лицо, т. е. были изслѣдованы реакціи, получаемыя чрезъ различные органы чувствъ, для каж-

даго чувства съ различной интенсивностью и съ различнымъ мѣстомъ раздраженія того или другого органа. Измѣняли и характеръ движенія, которымъ испытуемый отвѣчалъ на раздраженіе: то это было сгибаніе, то сжиманіе, то оно дѣлалось правой рукой, то лѣвой, то ногой, ртомъ, губами бровями, то выражалось въ словѣ. Хотѣли даже узнать, будутъ ли реакціи одинаковыми, когда испытуемый стоитъ, сидитъ или лежитъ, когда онъ лежитъ на правомъ боку, и когда на лѣвомъ. Равнымъ образомъ старались видоизмѣнить экспериментъ, измѣняя физическое состояніе испытуемаго: измѣряли время реакціи послѣ пріема алкоголя, кофе, чая, гашиша, въ различныхъ состояніяхъ гипноза, въ состояніи бодрствованія, во время разсѣянности испытуемаго, обусловленной или необычнымъ шумомъ, или необходимостью исполнять въ это же время другой отличный актъ, напр., читать или считать въ умѣ и т. п.

Изучались также и перемѣны во времени простой реакціи, какія получаются въ зависимости отъ того, сосредоточиваетъ ли испытуемое лицо свое вниманіе во время ожиданія впечатлѣнія, на которое оно должно реагировать, на самомъ ожидаемомъ впечатлѣніи (точнѣе на представленіи этого впечатлѣнія, напримѣръ на представленіи звука, на который надо реагировать) или на томъ движеніи, какимъ условлено отвѣчать на этотъ звукъ (точнѣе на представленіи этого движенія). И обѣ формы простой реакціи, отличающіяся другъ отъ друга подобнымъ направленіемъ вниманія испытуемаго, получили въ психометріи разныя названія: реакція при сосредоточеніи вниманія на ожидаемомъ впечатлѣніи называется, по предложенію Вундта, *сенсорной*, а при сосредоточеніи его на отвѣтномъ движеніи—*моторной* или *мускульной* или *двигательной*. При измѣреніяхъ той и другой оказалось, что у каждаго человѣка *сенсорная реакція значительно длиннѣе моторной*. Такъ одесскій профессоръ Н. Н. Ланге изъ своихъ измѣреній вывелъ слѣдующія среднія величины той и другой формы для трехъ видовъ простой реакціи (см. стр. 9 его „Психологическихъ изслѣдованій“ Одесса 1893 г.), при чемъ числа выражены въ сигмахъ, т. е. въ тысячныхъ частяхъ секунды:

Реакція.	Сенсорная.	Моторная.
Слуховая	209	152
Осязательная	207	171
Зрительная	297	229

Почему же такъ усердно изучали этотъ крошечный уголокъ психологіи? *Время простой реакціи служитъ исходнымъ пунктомъ для измѣренія времени многихъ душевныхъ процессовъ.* Въ этомъ и состоитъ значеніе точныхъ измѣреній времени простой реакціи, хотя очевидно, что въ составъ этого времени входятъ и физіологическіе процессы; они, несомнѣнно, даже занимаютъ въ немъ наибольшую часть. Именно, это время слагается: 1) изъ того времени, которое необходимо, чтобы вызванное впечатлѣніемъ

возбужденіе чувствующаго нерва успѣло дойти отъ периферіи нерва до головнаго мозга; 2) изъ времени, занимаемаго душевнымъ процессомъ, который испытуемое лицо переживаетъ вслѣдствіе уговора реагировать на какое бы то ни было впечатлѣніе опредѣленнаго рода, напримѣръ на какое бы то ни было слуховое впечатлѣніе и т. п. (именно—оно должно сознать это впечатлѣніе и начать исполненіе отвѣтнаго движенія); 3) изъ времени, въ которое вызванное испытуемымъ возбужденіе двигательнаго нерва пройдетъ отъ головнаго мозга до мускуловъ, производящихъ движеніе. И конечно, у насъ нѣтъ средствъ выяснить надежнымъ образомъ, какъ велика часть времени простой реакціи, занимаемая самимъ душевнымъ процессомъ входящимъ въ составъ этой реакціи. Тѣмъ не менѣе временемъ простой реакціи можно пользоваться, какъ отправнымъ пунктомъ для измѣренія душевныхъ процессовъ, если мы такъ поставимъ экспериментъ, что бы испытуемое лицо производило реакцію болѣе сложнаго характера, именно такую, время которой состояло бы изъ соединенія времени простой реакціи и времени, занятаго еще какимъ либо душевнымъ процессомъ, переживаемымъ при этой же сложной реакціи; ибо вычитая заранѣе извѣстное намъ время простой реакціи, входящей въ составъ этой сложной, изъ времени послѣдней, въ остаткѣ получимъ время добавочнаго душевнаго процесса, пережитаго при сложной реакціи. Такимъ путемъ измѣряется время выбора, время возникновенія воспоминанія, вызываемаго испытываемымъ впечатлѣніемъ, время сужденія и т. п. Объяснимъ, какъ измѣряются сложныя реакціи, въ составъ которыхъ входитъ каждое изъ только что названныхъ временъ.

Время выбора. При простыхъ реакціяхъ бываетъ только одинъ сигналъ, на который долженъ отвѣчать испытуемый. Въ реакціяхъ же, называемыхъ *реакціями выбора*, употребляются два сигнала и болѣе. Испытуемому сообщаютъ объ нихъ и условливаются съ нимъ, что онъ будетъ отвѣчать только на одинъ изъ нихъ, а при другомъ останется неподвижнымъ. Допустимъ, что назначено два слѣдующихъ сигнала: одинъ изъ нихъ звонъ колокольчика, другой глухой звукъ отъ удара молотка по куску дерева. Испытуемаго предупреждаютъ, что онъ долженъ реагировать только тогда, когда услышитъ звонъ колокольчика. Такъ какъ ему заранѣе не указано, въ какомъ порядкѣ будутъ даны эти два сигнала, то онъ долженъ каждый разъ, когда услышитъ одинъ изъ нихъ, выбрать, какъ ему вести себя при этомъ сигналѣ, такъ что время реакціи выбора кромѣ времени простой реакціи будетъ заключать въ себѣ и время, занятое этимъ выборомъ. Понятно, что при этихъ экспериментахъ время сложной реакціи можетъ быть измѣняемо въ зависимости отъ большаго числа факторовъ, которые мы введемъ въ составъ эксперимента, напримѣръ—въ зависимости отъ числа условленныхъ сигналовъ, даваемыхъ испытуемому: легче отличать одинъ заранѣе назначенный сигналъ изъ трехъ, чѣмъ три заранѣе назначенныхъ изъ девяти. Затѣмъ надо принимать во вниманіе и разницу между сигналами: чѣмъ больше похожи они другъ на друга, тѣмъ труднѣе отличить тотъ, который одинъ только и долженъ вызвать движеніе. Въ эти эксперименты вводятъ еще новое осложненіе

заставляя испытуемаго давать отвѣты различнаго свойства, смотря по сигналу; напримѣръ, на одинъ сигналъ испытуемый долженъ реагировать движеніемъ указательнаго пальца, на другой сигналъ движеніемъ срелняго пальца, на третій—движеніемъ безъимяннаго и т. д.

Время возникновенія воспоминанія измѣрялось многими экспериментаторами слѣдующимъ образомъ: предъ испытуемымъ произносили какое-нибудь слово и онъ долженъ былъ реагировать на него, какъ только ему удавалось вспомнить по поводу этого слова какое либо представленіе. Траутшольдтъ (Trautscholdt), ученикъ Вундта, нашелъ что конкретныя названія производятъ напоминающее дѣйствіе скорѣе, чѣмъ названія дѣйствій, а послѣднія—скорѣе, чѣмъ названія абстрактныхъ свойствъ. Онъ даетъ слѣдующія цифры: конкретныя имена—0,717σ; дѣйствія—0,838σ; абстрактныя свойства—0,872σ. Иногда заранѣе ограничиваютъ кругъ тѣхъ идей, какія испытуемый могъ бы связать въ своей памяти съ даннымъ впечатлѣніемъ. Напримѣръ: можно, какъ это дѣлалъ Бурдонъ, просить испытуемаго связать данное слово съ какимъ-нибудь другимъ словомъ или буквой, или цвѣтъ съ буквой, или одно названіе вещи съ другимъ названіемъ вещи, или названіе акта съ другимъ такимъ же названіемъ и т. д. Въ этомъ случаѣ ограниченіе касается рода вещей. Можно еще болѣе съузить кругъ возможныхъ воспоминаній, ограничивая ихъ особымъ способомъ. Такъ, напримѣръ, показываютъ испытуемому послѣдовательно пять изображеній, а послѣ того пять знаковъ или словъ; затѣмъ показываютъ одно изъ изображеній и спрашиваютъ, какое слово или какой знакъ изъ числа показанныхъ онъ вспомнитъ при этомъ изображеніи.

Время сужденія и другихъ явленій мышленія. Труднѣе всего измѣрять время явленій мышленія, такъ какъ трудно поручиться, что испытуемый переживаетъ тотъ самый актъ, который нуженъ экспериментатору, а не какой либо другой душевный актъ, который испытуемый ошибочно принимаетъ за требуемый экспериментаторомъ. Напримѣръ, испытуемому ставятъ слѣдующій вопросъ: кто болѣе великій философъ-Кантъ или Юмъ? И если онъ отвѣчаетъ на нашъ вопросъ словами: „Кантъ“ или „Юмъ“, то изъ одного этого еще не видно, размышлялъ ли испытуемый, прежде чѣмъ отвѣтить, и если размышлялъ, то въ какой мѣрѣ, такъ что остается еще неизвѣстнымъ, что же именно подверглось измѣренію—дѣйствительно ли сужденіе, или же только скорость чисто словеснаго отвѣта, даннаго на память. Правда, мы можемъ разспросить испытуемаго, что именно переживалось имъ, пока онъ далъ отвѣтъ. Но вѣдь самонаблюденіе надъ мышленіемъ не всякому доступно. Конту даже казалось, будто бы оно вовсе невозможно. Это не то, что самонаблюденіе надъ тѣмъ, какое воспоминаніе возникнетъ прежде всѣхъ вообще или прежде всѣхъ изъ опредѣленнаго круга воспоминаній. Поэтому если у испытуемаго нѣтъ способности и навыка къ психологическому наблюденію, то онъ безъ всякаго желанія обмануть насъ можетъ намъ разсказывать не то, что дѣйствительно было имъ пережито при экспериментѣ а то, что, по его мнѣнію, онъ былъ *долженъ* пережить. Къ тому же, какъ

довесть испытуемаго до полнаго и точнаго пониманія того, о чемъ говоритъ съ нимъ экспериментаторъ, если испытуемый не изучалъ у него психологіи мышленія. Вѣдь сами психологи отличаются очень разнообразными взглядами по поводу мышленія. По всему этому вполнѣ понятно, что Л. С. Павловской, ученицѣ проф. А. И. Введенскаго и проф. В. М. Бехтерева, выпустившей осенью 1907 г. „Экспериментально психологическое изслѣдованіе надъ больными съ наростающимъ паралитическимъ слабоуміемъ", пришлось закончить обзоръ экспериментально-психологическихъ работъ надъ мышленіемъ у здоровыхъ людей, сдѣланныхъ до 1907 г. разными учеными, такими словами: „изъ приведеннаго очерка литературы видно, что вопросъ объ экспериментально психологическомъ изслѣдованіи мышленія почти совсѣмъ не разработанъ; не выработано сколько нибудь опредѣленнаго метода изслѣдованія; каждый изъ приведенныхъ выше авторовъ примѣняетъ иной способъ изслѣдованія; выводы, къ которымъ приходятъ авторы, тоже различные; да и пониманіе мышленія, большей частью, неодинаковое" (см. стр. 47 ея книги). Замѣтимъ, что это — подведенный ею итогъ работъ надъ мышленіемъ *здоровыхъ* людей; и его не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ ея итогомъ, съ которымъ мы встрѣтимся въ слѣдующей главѣ и, который касается работъ надъ мышленіемъ и ассоціаціями *душевнобольныхъ*.

Характеризуя разнообразіе методовъ экспериментированія надо упомянуть еще объ одномъ пріемѣ, который одно время нѣкоторые физіологи и врачи усиленно совѣтовали употреблять при изученіи душевныхъ явленій, какъ наиважнѣйшій пріемъ экспериментированія. Именно: нѣкоторыя лица думали, что психологія двинется очень быстро впередъ, если въ число своихъ методовъ введетъ эксперементированіе при помощи гипнотизированія, которое они считали могущественнымъ средствомъ для анализа душевныхъ явленій. При помощи гипнотическаго внушенія, говорили они, мы можемъ задержать или усилить извѣстныя явленія, и можемъ совершенно видоизмѣнить душевную жизнь человѣка. Такъ, мы можемъ устранить, напримѣръ, всѣ воспоминанія, или внушить помнить то, чего на самомъ дѣлѣ не было, и т. п. При этомъ нѣкоторые увлекались этой идеей до того, что утверждали, будто бы можно, внушивъ испытуемому забыть идею причинности, или идею количества и т. п., проникнуть въ то, какимъ было бы сознаніе безъ этихъ идей. Эти предположенія, хотя высказывались и такими лицами, изъ которыхъ нѣкоторыя пріобрѣли даже впослѣдствіи видное мѣсто въ психологіи,—на дѣлѣ себя не оправдали. Кромѣ того, Вундтъ подвергъ этотъ планъ строгой критикѣ и вскрылъ его несостоятельность. Въ своей статьѣ, озаглавленной: „Гипнотизмъ и внушеніе" *), онъ, возставая противъ примѣненія такого метода, высказалъ слѣдующія, весьма вѣскія соображенія. Основнымъ методомъ психологіи является самонаблюденіе, а всѣ другіе методы-лишь видоизмѣненія его. Въ состояніи же гипноза испытуемое лицо не можетъ дать точнаго отчета въ томъ, что происходитъ въ

*) Ея русскій переводъ г-жи Колубовской былъ изданъ журналомъ «Вопросы философіи и психологіи» въ видѣ отдѣльной брошюры, вышедшей въ 1893 г.

немъ, не можетъ точно наблюдать себя.. Да въ виду его ненормальнаго состоянія трудно положиться на его слова: ему незамѣтнымъ образомъ легко внушить такой, а не другой отвѣтъ. Проснувшись же онъ не можетъ даже вспомнить явленій, пережитыхъ имъ во время гипноза, если ему не будетъ сдѣлано спеціальное внушеніе о томъ, чтобы онъ припомнилъ ихъ. Но внушаемость у загипнотизированныхъ такъ сильна, что мы незамѣтнымъ для себя образомъ, во время этого спеціальнаго внушенія можемъ внушить имъ неосмотрительнымъ словомъ, тономъ, жестомъ и т. п. ложный характеръ воспоминанія о пережитомъ ими во время гипноза. По всему этому самонаблюденіе при гипнозѣ или вовсе непримѣнимо, или же не имѣетъ цѣны. Сверхъ того Вундтъ детально показалъ негодность внушенія, какъ метода экспериментированія, для изученія тѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ, къ которымъ казалось бы возможнымъ примѣнять этотъ методъ съ пользой для дѣла.

Теперь психологія пользуются гипнозомъ и внушеніемъ не какъ средствомъ экспериментированія для рѣшенія вопросовъ основной психологіи, но какъ средствомъ для психологическаго изученія явленій, переживаемыхъ при гипнозѣ, относя это изученіе не къ основной психологіи, но къ психопатологіи. Конечно, о нихъ можно упоминать и въ основной психологіи; но это по той же причинѣ, по которой она вообще позволяетъ себѣ дѣлать вылазки въ область болѣзненныхъ душевныхъ явленій. Онѣ дѣлаются потому, что у больного, какъ и у здороваго, дѣйствуютъ одни и тѣ же законы природы, которые никогда не могутъ быть нарушены. А если это такъ и если наша задача состоитъ въ изученіи законовъ, управляющихъ нашей *душевной дѣятельностью, то очевидно, что мы въ правѣ изучать эти законы* и на явленіяхъ болѣзненнаго характера; а это очень часто бываетъ удобнѣе оттого, что болѣзненныя явленія обнаруживаютъ иногда законы природы съ большей рѣзкостью или наглядностью. Интересующимся этимъ вопросомъ рекомендуется книга Штеринга: „Психопатологія въ ея примѣненіяхъ къ психологіи“, переведенная на русскій языкъ г. Крогіусомъ, а также монографіи Рибо, о памяти, волѣ, вниманіи и т. д.: онѣ изучаютъ эти способности при помощи обширнаго психопатологическаго матеріала.

7. Современное и будущее значеніе психологическаго экспериментированія. Необходимость противопоставлять измѣрительную психологію неизмѣрительной, а не экспериментальную наблюдательной.

Экспериментальная психологія существуетъ уже полстолѣтія, срокъ—не малый. Какія же услуги оказало экспериментированіе въ примѣненіи къ изученію душевныхъ явленій?

Эти услуги для психофизіологіи, для рѣшенія вопросовъ, пограничныхъ между психологіей и физіологіей, внѣ всякаго сомнѣнія. Онѣ настолько очевидны, что ими все еще поддерживается ошибочное отожествленіе понятій экспериментальной психологіи и психофизіологіи. Но иначе стоитъ дѣло относительно примѣненія экспериментированія къ вопросамъ чисто психологическаго

характера. О нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, относительно коллективной психологіи, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи, чтобы изучать ихъ посредствомъ экспериментированія. Но и тамъ, гдѣ оно примѣнимо и уже давно примѣнялось какъ, напримѣръ, въ основной психологіи, экспериментированіе даетъ очень мало новаго. Оно здѣсь имѣетъ всего лишь добавочное или вспомогательное значеніе. Самое большее, что мы узнаемъ здѣсь новаго посредствомъ экспериментированія, сводится къ кое какимъ частностямъ или деталямъ. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ оно не даетъ никакого новаго знанія, а лишь новое подтвержденіе того знанія, которое уже давно пріобрѣтено посредствомъ наблюденія, при чемъ далеко не всегда, а, напротивъ, въ меньшинствѣ случаевъ это добавочное, экспериментальное доказательство бываетъ легче и быстрѣе, чѣмъ основанное на наблюденіяхъ. И не трудно убѣдиться, что для чистой психологіи экспериментированіе оказываетъ мало услугъ и имѣетъ въ ней лишь добавочное или вспомогательное значеніе:

1) Всѣ университетскіе учебники психологіи, составленные авторитетными психологами, каковы: Джемсъ, Гефдингъ, Вундтъ, по скольку они говорятъ о чисто психологическихъ вопросахъ, все еще содержатъ въ себѣ матеріалъ, основанный почти исключительно на наблюденіяхъ; результаты же экспериментированія играютъ въ нихъ лишь добавочную или вспомогательную роль. Особенно поучителенъ въ этомъ отношеніи учебникъ („Очеркъ психологіи“) Вундта, этого энергичнаго пропагандиста экспериментальной психологіи (см. выше стр. 68). Онъ больше всѣхъ долженъ въ своемъ учебникѣ обращать вниманіе на экспериментированіе. Но даже и у него результаты психологическаго экспериментированія затериваются среди матеріала, основаннаго на наблюденіяхъ, и относятся почти исключительно къ вопросамъ психофизіологическимъ, а не къ чисто психологическимъ.

2) Далѣе: присмотримся къ характеру статей по экспериментальной чистой психологіи, помѣщаемыхъ въ журналахъ, основанныхъ, если не съ единственной цѣлью, то какъ съ одной изъ главныхъ цѣлей, слѣдить за экспериментально психологическими работами, каковы напримѣръ: редактируемый Эббингаузомъ Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane или Вундтовскій Philosophische Studien, а также издаваемый Бони и Бине, начиная съ 1894 г., ежегодникъ l'Année psychologique, въ которомъ кромѣ самостоятельныхъ статей помѣщается систематическій перечень всѣхъ появившихся за годъ работъ по психологіи (на всѣхъ европейскихъ языкахъ, не исключая и русскаго) съ изложеніемъ содержанія важнѣйшихъ изъ нихъ. Оказывается, что авторы этихъ работъ въ большинствѣ случаевъ и не стремятся еще рѣшать чисто психологическіе вопросы по существу, а ограничиваются лишь методологическими задачами стараются отыскать методы экспериментированія, наиболѣе пригодные къ рѣшенію чисто психологическихъ вопросовъ. Ясно, что они еще не чувствуютъ подъ собой почвы, достаточно твердой для рѣшенія этихъ вопросовъ по существу: *еще нѣтъ плодотворныхъ методовъ чисто психологическаго экспериментированія.*

Прибавимъ ко всему этому, какъ высказываются авторитетные психо-

логи, принадлежащіе вмѣстѣ съ тѣмъ и къ большимъ знатокамъ экспериментальной психологіи, о современномъ ея положеніи. Вотъ что говоритъ Джемсъ въ своей „Психологіи въ бесѣдахъ съ учителями“ (стр. 4 перев. Ивановскаго Москва 1902 г.), предупреждая своихъ слушателей, чтобы они не преувеличивали значеніе психологіи для педагогики и не смущались передъ ссылками на „новую психологію“; „прежде всего, по моему скромному мнѣнію *нѣтъ* (курсивъ самого Джемса) никакой „новой психологіи“, достойной такого названія. Есть все та же старая психологія, которая зародилась во времена Локка *), плюсъ немножко физіологіи нервной системы и органовъ чувствъ, плюсъ эволюціонная теорія, плюсъ нѣсколько утонченныхъ показаній самонаблюденія, по большей части не имѣющихъ практическаго значенія для учителя“. Таково мнѣніе Джемса, доктора медицины, профессора спеціально психологіи въ самомъ обширномъ (и по числу учащихся, и по числу профессоровъ—болѣе 300 профессоровъ) американскомъ университетѣ—Гарвардскомъ (въ Кэмбриджѣ), при которомъ находится едва ли не самая богатая психологическая лабораторія, того самаго Джемса, который былъ однимъ изъ первыхъ насадителей экспериментальной психологіи въ Америкѣ.

Но что именно подразумѣваетъ Джемсъ подъ „новой психологіей“?. Отвѣтомъ служитъ слѣдующее мѣсто изъ той же самой книжки (l. c. стр. 15), мѣсто, сугубо интересное, потому что въ немъ приводится и мнѣніе Вундта: „Что касается, говоритъ Джемсъ, до нѣкоторыхъ ожиданій, которыя читающая публика возлагаетъ на „новую психологію“ (это выраженіе Джемсъ постоянно употребляетъ въ кавычкахъ), то поучительно прочесть слѣдующее необычайно чистосердечное признаніе основателя этой психологіи Вундта, сдѣланное имъ послѣ тридцати лѣтъ лабораторно-экспериментальныхъ изслѣдованій“. — Вслѣдъ за этими словами Джемсъ цитируетъ подлинныя слова Вундта изъ статьи послѣдняго, помѣщенной въ IX томѣ (стр. 121) Philosophische Studien. Вотъ что тамъ говоритъ Вундтъ: „сдѣлало ли до сихъ поръ экспериментирующее самонаблюденіе что нибудь важное? На этотъ вопросъ нельзя дать общаго отвѣта, такъ какъ въ виду незаконченности нашей науки *даже и въ области экспериментальныхъ изслѣдованій нѣтъ еще никакой общепризнанной системы психологическихъ истинъ*... При такой разноголосицѣ мнѣній (легко понятной въ ту эпоху, когда наука развивается неувѣренно и ощупью) *отдѣльный изслѣдователь можетъ заявить только то, какими точками зрѣнія*

*) Локкъ, англійскій философъ, умершій въ 1704 г., авторъ книги (переведенной на русскій языкъ г. Саниным—Москва 1898 г.) «Опытъ о человѣческомъ разумѣ». Въ этомъ сочиненіи онъ ставитъ себѣ такую задачу: посредствомъ изученія происхожденія нашихъ идей и вообще посредствомъ психологіи познавательныхъ явленій выяснить, доступно ли для насъ рѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ о безсмертіи души и т. п. Поэтому онъ долженъ былъ стараться строить психологію познавательныхъ явленій безъ всякаго предрѣшенія подобныхъ вопросовъ, такъ что его книга является первой попыткой неметафизической психологіи.

и взглядами онъ самъ обязанъ новымъ методамъ». Выходитъ по словамъ Вундта, что экспериментирующее самонаблюденіе не вырабатываетъ пока, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частностей или деталей, ничего общеобязательнаго ни въ смыслѣ системы прочно установленныхъ положеній, ни въ смыслѣ подсказанныхъ имъ точекъ зрѣнія: систематическаго свода экспериментально-психологическихъ положеній нѣтъ (слѣдовательно для тѣхъ изъ нихъ, которыя отличаются безспорнымъ характеромъ, мѣсто въ системѣ положеній, основанныхъ на наблюденіи), а точки зрѣнія экспериментированіе подсказываетъ разнымъ изслѣдователямъ разныя. Впрочемъ, о точкахъ зрѣнія не стоило бы и упоминать: слишкомъ ясно, что онѣ зависятъ не отъ того, экспериментируемъ ли мы, или нѣтъ, а прежде всего отъ того, съ какимъ складомъ нашего міровоззрѣнія и съ какими гносеологическими взглядами подходимъ мы къ обсужденію фактовъ. И къ той точкѣ зрѣнія, о которой упоминаетъ Вундтъ (непозволительность разсматривать душевную жизнь, какъ соединяющуюся изъ комбинацій независимыхъ другъ отъ друга неизмѣняемыхъ частей), къ которой, по его словамъ, самъ онъ прошелъ благодаря экспериментированію, многіе приходятъ безъ всякихъ экспериментовъ.

Наконецъ, упомянемъ еще о мнѣніи одного извѣстнаго психолога. Завѣдующимъ психологической лабораторіей при Гарвардскомъ университетѣ долгое время былъ, а можетъ быть — еще и теперь состоитъ, Мюнстербергъ (тоже докторъ медицины), который, какъ психологъ, пріобрѣлъ себѣ извѣстность именно экспериментальными изслѣдованіями и который свою „Психологію“ (I томъ вышелъ въ 1900 г.; слѣдующій еще не появился) начинаетъ такими словами: „путь къ психологіи долженъ отправляться отъ *философіи*“, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой объемистой книгѣ онъ подвергаетъ самой строгой критикѣ мнѣніе о важности уже существующаго чисто психологическаго экспериментированія.

Очень интересно и поучительно, что Мюнстербергъ, докторъ медицины, начавшій свою психологическую карьеру только, какъ экспериментаторъ, дошелъ до убѣжденія, высказаннаго имъ въ словахъ: „путь къ психологіи долженъ отправляться отъ философіи“. Это показываетъ, что тѣ превращенія, которыя пережилъ Вундтъ, какъ ученый, вовсе не случайность, а вызваны тѣмъ, что путь къ психологіи можетъ отправляться только отъ философіи. Большая публика знаетъ Вундта только, какъ философа. и его прежняя ученая дѣятельность такъ мало извѣстна ей, что когда встрѣчаютъ его „Учебникъ физіологіи человѣка“ (Lehrbuch der Physiologie des Menschen), вышедшій первымъ изданіемъ въ 1865 г., то думаютъ, будто бы эта-книга какого то другого Вундта. Между тѣмъ первоначально онъ былъ врачемъ, далѣе профессоромъ медицинскаго факультета, а теперь занимаетъ кафедру философскихъ наукъ и извѣстенъ не только, какъ авторъ „Физіологической Психологіи“, но и какъ авторъ капитальныхъ трудовъ, озаглавленныхъ: „Логика“ (2 тома), „Психологія Народовъ“ (2 тома) „Система Философіи“ и т. д.; словомъ—какъ философъ. Не случайность,

очевидно, и то, что докторъ медицины Джемсъ на нашихъ глазахъ вслѣдствіе занятій психологіей окончательно утратилъ всякую связь съ медициной и, оставаясь искуснѣйшимъ психологомъ самонаблюдателемъ (см. о немъ во второмъ приложеніи „Мышленіе безъ образовъ“ отзывъ Бине, предпочитающаго быть психологомъ экспериментаторомъ), вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ все болѣе и болѣе становится чистѣйшимъ философомъ (изъ нихъ на русскій языкъ переведена пока только „Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи“ Спб. 1904 г.).

Повидимому, экспериментированіе быстро могло бы оказать многочисленныя услуги психопатологіи: экспериментируя надъ душевно-больными, повидимому, можно было бы, по крайней мѣрѣ, установить относительно душевныхъ явленій самыя точныя цифровыя данныя, характеризующія различныя душевныя заболѣванія и служащія имъ неоспоримыми симптомами. Ждать такихъ услугъ отъ экспериментированія было бы тѣмъ естественнѣе, что первоначально занялись психологическимъ экспериментированіемъ врачи и физіологи; лишь впослѣдствіе принялись за него и философы. Между тѣмъ экспериментальная психологія для психопатологіи все еще не дала ничего надежнаго. Л. С. Пав-ловская, въ своей книгѣ, о которой уже было упомянуто на стр. 82, излагая свои собственныя экспериментальныя изслѣдованія надъ душевнобольными, должна была предпослать своему изложенію обзоръ подобныхъ же изслѣдованій, произведенныхъ до нея, и вотъ какой итогъ извлекаетъ она изъ этого обзора: „такимъ образомъ экспериментально психологическимъ изслѣдованіемъ душевно-больныхъ занимались многіе авторы; работы ихъ очень разнообразныя, методы неопредѣленные, выводы не только различные, но часто противорѣчивые Изъ душевныхъ явленій больше всего изслѣдовались ассоціаціи. Изслѣдовали ассоціаціи у больныхъ съ вихремъ идей и пришли къ заключенію, что у больныхъ въ маніакальномъ состояніи время ассоціацій не ускорено и преобладаютъ ассоціаціи по внѣшней связи и по созвучію“ (l. c. стр. 62). Другими словами — пришли къ двумъ заключеніямъ: во-первыхъ, преобладаютъ у такихъ больныхъ тѣ самыя ассоціаціи, преобладаніе которыхъ кидается въ глаза при простомъ наблюденіи; во-вторыхъ, у такихъ больныхъ нѣтъ того, чего нельзя подмѣтить простымъ наблюденіемъ, но что казалось бы самымъ естественнымъ по характеру ихъ болѣзни, — ускоренія времени ассоціацій, т. е. *до 1907 г. посредствомъ экспериментально-психологическихъ изслѣдованій еще не было установлено никакихъ цифръ, которыя могли бы служить симптомами душевныхъ заболѣваній.* Небогатые же результаты работъ „многихъ“ авторовъ. Не богаты они и у самой Л. С. Павловской. Но за ея книгу Женскій Медицинскій Институтъ все таки далъ ей степень доктора медицины *), и на ея диспутѣ проф. В. М. Бехтеревъ пояснилъ, что такія

*) Это первая русская женщина, получившая и высшее образованіе въ Россіи (сначала историко-филологическое на С.-Петербургскихъ В. Ж. Курсахъ, а затѣмъ медицинское въ Женск. Мед. Институтѣ), и въ Россіи же степень доктора медицины. Вмѣстѣ съ тѣмъ это первое присужденіе ученой степени Женск. Медиц. Институтомъ.

работы пока еще должны оцѣниваться главнымъ образомъ съ методологической точки зрѣнія, какъ усовершенствованіе методовъ экспериментированія.

Когда возникла экспериментальная психологія, то скоро стали возлагать на нее большія надежды, что она окажетъ огромныя услуги педагогикѣ, подвергнетъ ее коренному преобразованію и сдѣлаетъ ее вполнѣ точнымъ искусствомъ. Но за истекшее полстолѣтіе эти ожиданія все еще не оправдались на дѣлѣ: можно смѣло сказать, что экспериментальная психологія для педагогики не дала ровно ничего. Конечно, это не мѣшаетъ появленію сочиненій, въ которыхъ педагогическія заключенія обосновываются, какъ будто, на показаніяхъ эксперимента; но либо послѣднія притягиваются сюда за волосы, либо ими обосновываются такія педагогическія положенія, которыя уже давно извѣстны и давно прочно обоснованы, иногда даже посредствомъ простыхъ житейскихъ наблюденій, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: „для поддержанія вниманія ученика необходимо заботиться объ устраненіи изъ его сознанія такихъ воспріятій и представленій, которыя могли бы дѣйствовать развлекающимъ образомъ“. Обосновано же это такой ссылкой: „экспериментальныя изслѣдованія показали, что, направляя вниманіе на одно раздраженіе, мы этимъ самымъ отвлекаемъ его отъ другого“. (А. П. Нечаевъ. Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія Спб. 1901 г. стр. 109).

Да и заранѣе видно, что современная экспериментальная психологія не могла еще оказать никакихъ услугъ педагогикѣ по двумъ причинамъ: во 1-хъ) экспериментированіе и въ самой то психологіи все еще не оказало никакихъ крупныхъ успѣховъ, чтобы повліять на педагогику; во 2-хъ) какъ бы ни стояло дѣло въ будущемъ, но *пока что экспериментальная психологія работаетъ надъ душевными явленіями, поставленными совсѣмъ въ другія условія, чѣмъ тѣ, о которыхъ говоритъ педагогика*; *по этому на экспериментально психологическихъ выводахъ (чисто психологическаго характера) нельзя основывать никакихъ педагогическихъ заключеній.* Напримѣръ: можно ли дѣлать *какія бы то ни было* педагогическія заключенія о наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ заучиванія на основаніи уже упомянутыхъ нами (см. выше стр. 73) экспериментовъ Лотти Стефенсъ? Вѣдь заучиваніе, которое происходимо при нихъ, было совсѣмъ не то, съ какимъ хочетъ имѣть дѣло педагогъ: для послѣдняго важно прежде всего вниканіе въ смыслъ заучиваемаго. При экспериментахъ же Стефенсъ имѣлась въ виду просто скорость заучиванія, независимо отъ того, въ какой степени были поняты и усвоены всѣ оттѣнки мысли въ заучиваемомъ матеріалѣ. Это — такое заучиваніе, привычки къ которому въ ученикахъ педагоги опасаются, называя его, усвоеннымъ отъ школьниковъ терминомъ, „зазубриваніе“.

Правда, Г. Нечаевъ въ только что цитированной книгѣ пишетъ (l. c. стр. 154): „*привычный способъ заучиванія не всегда оказывается самымъ удобнымъ для даннаго лица.* При опытахъ, произведенныхъ американкой Стеффенсъ, обнаружилось, что испытуемые сами давали совер-

менно неправильную сравнительную оцѣнку полученныхъ при этомъ результатовъ, признавая наиболѣе экономнымъ способомъ тотъ, который на самомъ дѣлѣ требовалъ большаго времени. *Школа должна научить своихъ питомцевъ работѣ запоминанія: она должна показать имъ цѣлесообразные способы заучиванія*". Но даже и такихъ выводовъ, какъ отмѣченные курсивомъ въ началѣ и концѣ этой цитаты, нельзя дѣлать изъ экспериментовъ Стеффенсъ. Вѣрны ли эти выводы по существу или нѣтъ, оставимъ въ сторонѣ; но изъ этихъ экспериментовъ не вытекаетъ *ровно никакихъ* педагогическихъ заключеній. Вѣдь одно дѣло заучивать, *неизвѣстно зачѣмъ*, въ психологическомъ кабинетѣ, и другое заучивать съ цѣлью *наиболѣе прочнаго* запоминанія *при наименьшей тратѣ времени, усилій и съ наименьшей скукой*. Для педагога важно только послѣднее заучиваніе (да еще сопровождаемое вниканіемъ въ смыслъ заучиваемаго, но это обстоятельство оставимъ въ сторонѣ); а естественно, что каждый изъ насъ на практикѣ узналъ, какой способъ заучиванія *съ цѣлью самаго прочнаго запоминанія* оказывается *для него лично* наиболѣе цѣлесообразнымъ въ смыслѣ *соединенія наибольшей скорости съ наименьшей утомительностью и наименьшей скукой*. И нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ способъ заучиванія окажется на нѣсколько секундъ (даже и минутъ) продолжительнѣе какого-нибудь другого, подобраннаго въ психологическомъ кабинетѣ безъ всякихъ соображеній и объ его утомительности, скучности, и объ его пригодности для цѣлей школы и жизни. Да и сама Стеффенсъ вовсе не претендуетъ на то, что бы она открыла наиболѣе *удобный* для даннаго лица способъ заучиванія. Вотъ что она говоритъ (l. c. стр. 335): „замѣчу, что степенью утомленія, котораго требуютъ разные способы заучиванія, и всѣми связанными съ нимъ вопросами, я не зачималась". А въ другомъ мѣстѣ: „иное дѣло, какой способъ заучиванія будетъ самымъ благопріятнымъ для удерживанія (Behalten — т. е., благопріятнымъ въ смыслѣ прочности). Но изслѣдованіе этого вопроса не входитъ въ мою задачу" (ibid. стр. 368).

И это не единичное мнѣніе проф. А. И. Введенскаго — о полной непригодности нынѣшней экспериментальной психологіи для обоснованія педагогическихъ заключеній. Не то же ли самое говоритъ и Джемсъ? Вотъ его слова (l. c. стр. 112 и 113): „то общее впечатлѣніе, какое вдумчивый учитель выноситъ изъ знакомства съ ученикомъ, съ его невнимательностью, бойкостью и т. д., съ тѣмъ, легко или трудно выполняетъ онъ свою школьную работу, — окажется гораздо болѣе существеннымъ, чѣмъ всѣ quasi — экспериментальныя испытанія, всѣ эти педантическія измѣренія усталости, памяти, ассоціацій, вниманія и т. д., которыя навязываются намъ въ качествѣ единственнаго основанія истинно научной педагогики... Ни одно лабораторное измѣреніе не можетъ пролить свѣта на дѣйствительную силу человѣка, какъ дѣятеля, такъ какъ никакимъ отдѣльнымъ опытомъ нельзя измѣрить то, что имѣетъ самое существенное значеніе, а именно: его эмоціональную и нравственную энергію. Ихъ можно узнать только послѣ долгаго изуче-

нія данной личности". И Джемсъ чрезвычайно удачно иллюстрируетъ эту мысль ссылкой на *экспериментальныя* же данныя. Романесъ дѣлалъ эксперименты надъ большимъ количествомъ лицъ, „заставляя ихъ прочитывать главу, какъ только они могутъ быстро и затѣмъ немедленно излагать на письмѣ все, что они въ состояніи воспроизвести изъ ея содержанія". И оказалось, что быстрѣе всего читающіе и лучше всего воспроизводящіе вовсе еще „не самые способные въ умственномъ отношеніи" и что многіе „очень выдающіеся дѣятели въ области науки и искусства", принадлежатъ къ „разряду медленно читающихъ", хотя какъ общее правило, было найдено, что „тѣ, кто всего быстрѣе прочитывали, всего лучше и воспроизводили". (Не оттого ли только, прибавимъ отъ себя, и могло у нихъ безпрепятственно выработаться умѣнье быстро читать?). „Измѣренія, заключаетъ Джемсъ, могутъ дать намъ полезныя указанія *только* въ томъ случаѣ, если мы будемъ комбинировать ихъ съ наблюденіями, полученными безъ помощи инструментовъ и основанными на общемъ поведеніи изучаемаго индивидуума".—Далѣе: Мюнстербергъ, который, подобно Джемсу, вообще предупреждаетъ, чтобы не преувеличивали значенія психологіи для педагогики, (см. Grundzüge der Psychologie I томъ, глава 5, отд. 3, Psychologie und Pädagogik), объ экспериментальной психологіи высказывается съ неменьшей рѣшительностью, чѣмъ Джемсъ: „тѣ педагоги, говоритъ онъ, которые съ разочарованіемъ покинули Гербарта*), ждутъ прямо таки съ нетерпѣніемъ, чтобы сдѣлались полезными новѣйшія открытія экспериментальной лабораторной психологіи и психофизіологическихъ изслѣдованій. Кто не даетъ сбить себя съ толку пустыми словами, съ самаго начала относется къ этому скептически" (l. c. 195). Наконецъ, послѣдній отзывъ одного изъ не менѣе извѣстныхъ, чѣмъ Джемсъ и Мюнстербергъ, но германскихъ психологовъ экспериментаторовъ—Цигена (Ziehen), высказанный имъ въ его Physiologische Psychologie: „мнѣ хотѣлось бы, говоритъ онъ, предостеречь противъ, такъ сказать, моднаго, но преждевременнаго примѣненія въ педагогическомъ дѣлѣ экспериментальныхъ, къ тому же крайне поверхностныхъ, изслѣдованій".

Но почему же экспериментальная чистая психологія все еще не оправдала надеждъ, которыя возлагались на нее? Почему для чисто-психологическаго экспериментированія оказалась мало полстолѣтія, что бы сдѣлать хоть нѣсколько важныхъ пріобрѣтеній, между тѣмъ какъ въ другихъ наукахъ экспериментированіе и въ меньшей срокъ успѣвало преобразить весь обликъ прежней науки, а послѣ того оно каждое десятилѣтіе приводитъ къ какому нибудь важному научному пріобрѣтенію (то Рентгеновскіе лучи, то электрическія волны и т. д.)? Лѣтъ 20—15 тому назадъ еще можно было кое-какъ объяснять это ссылками на однѣ лишь временныя, чисто историческія причины

*) Гербартъ (ум. въ 1840 г.)—германскій философъ, первый систематически примѣнившій психологію къ обоснованію педагогики и пріобрѣвшій среди педагоговъ такое вліяніе, что въ Германіи и до сихъ поръ оно еще довольно сильно, несмотря на сильную полемику противъ основнаго направленія психологіи Гербарта.

и самоувѣренно утѣшать себя (какъ все это прежде и дѣлалъ на своихъ лекціяхъ проф. А. И. Введенскій), что съ ихъ устраненіемъ дѣло сразу перемѣнится. Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе приходилось сомнѣваться въ достаточности такихъ объясненій: слѣдя за экспериментальной психологіей, все болѣе и болѣе приходилось убѣждаться, что кромѣ этихъ историческихъ, чисто временныхъ причинъ (давно уже прекратившихся) есть еще какія то внутреннія, коренящіяся въ особенностяхъ душевной жизни, которыя навсегда осуждаютъ экспериментальную чистую психологію занимать въ наукѣ лишь второстепенное мѣсто.

Двѣ исторически сложившіяся причины препятствовали большее или меньшее время пріобрѣтѣніямъ чистой психологіи посредствомъ экспериментированія:

а) Первоначально его примѣненіемъ къ психологіи занялись не психологи изъ философовъ, а врачи и натуралисты, которые естественно прежде всего преслѣдовали интересы *физіологіи*, а въ психологіи должны были заинтересоваться областями, пограничными съ физіологіей. Къ тому же, не обладая психологическимъ чутьемъ и способностью къ самонаблюденію, которыя у нихъ нерѣдко значительно ослабѣваютъ постояннымъ направленіемъ вниманія на *внѣшнія явленія*, многіе изъ нихъ, естественно, и не могли даже достичь особенно плодотворныхъ результатовъ въ области чистой психологіи, если бы стали ею заниматься. Вѣдь экспериментированіе можетъ имѣть для психологіи значеніе самонаблюденія, умышленно поставленнаго въ болѣе благопріятныя условія (см. выше стр. 64); а у натуралистовъ способность къ самонаблюденію очень часто бываетъ притуплена вслѣдствіе привычки разсматривать одинъ лишь внѣшній или матеріальный міръ, *отвлекаясь отъ внутренняго или душевнаго*. Такимъ образомъ, въ своихъ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ они могли сдѣлать много важнаго для психофизіологіи, но никакъ не для чистой психологіи.

в) Родиной экспериментальной психологіи служитъ Германія, гдѣ довольно долгое время примѣнялся не совсѣмъ правильный способъ экспериментальныхъ изслѣдованій. А именно—тамъ изслѣдователи стремились прежде всего къ полученію множества цифръ, выражающихъ какія-либо перемѣны въ душевныхъ явленіяхъ, и при этомъ совершенно игнорировали душевныя явленія, которыя сопровождаютъ изучаемое явленіе въ сознаніи. Напримѣръ, изслѣдованія нерѣдко велись слѣдующимъ образомъ: въ назначенный для эксперимента день и часъ испытуемаго приглашаютъ въ темную комнату, гдѣ и оставляютъ его одного, предоставляя ему сообщаться съ экспериментаторомъ не непосредственно, а при помощи электрическихъ звонковъ. Всѣ отвѣты его сводятся, напримѣръ, къ тремъ: равно, больше, меньше. Никакого комментарія къ этимъ отвѣтамъ онъ не можетъ прибавить по той простой причинѣ, что передаетъ отвѣты при помощи электрическихъ звонковъ (одинъ ударъ, напримѣръ, значитъ—равный, два—большій, три—меньшій). Такимъ образомъ, отъ испытуемаго не требуютъ никакого отчета въ общемъ состояніи его сознанія, не заставляютъ его обращать вниманіе на тѣ внутрен-

ніе процессы, которые происходятъ въ сознаніи одновременно съ изучаемымъ явленіемъ, и самонаблюденіе оказывается сведеннымъ почти къ нулю. Черезъ полчаса, когда испытуемый усталъ (надо замѣтить, что утомленіе при экспериментированіи наступаетъ очень быстро), прекращаютъ изслѣдованіе до слѣдующаго дня. Не трудно замѣтить, что въ подобномъ способѣ изслѣдованія кроется большая ошибка: подвергая измѣненіямъ одно изъ душевныхъ явленій и измѣряя ихъ, экспериментаторы не устраняютъ возникновенія другихъ перемѣнъ въ сознаніи, а просто игнорируютъ ихъ, потому что ни одно душевное явленіе въ дѣйствительности не происходитъ безъ связи съ другими; и всегда надо принимать въ разсчетъ при изученіи перемѣнъ каждаго явленія измѣненія, происходящія вмѣстѣ съ ними въ другихъ душевныхъ явленіяхъ.

Но эти историческія причины уже перестали дѣйствовать, такъ какъ послѣ учрежденія Вундтомъ въ 1878 г. психологическаго института за разработку экспериментальной психологіи принялись не только врачи и физіологи, но и философы, а недостатки нѣмецкой школѣ сразу были замѣчены и устранены французскими психологами, какъ только они принялись за психологическое экспериментированіе.

Они, вопервыхъ, тщательно *допрашиваютъ испытуемаго* о пережитыхъ имъ во время эксперимента состояніяхъ сознанія; и во вторыхъ, раньше, чѣмъ подвергать другихъ какому либо эксперименту, *сами подвергаются* ему, дабы подготовиться и къ правильной постановкѣ его, и къ полному пониманію того, что будетъ говорить испытуемый. Такимъ путемъ экспериментированіе они превратили въ *сравнительное самонаблюденіе*, поставленное въ болѣе благопріятныя условія (именно—какъ бы въ анкетный методъ); между тѣмъ какъ методъ экспериментированія, несопровождающагося подобными разспросами испытуемаго лица и предпринимаемаго такъ, что самъ экспериментаторъ не подвергается предварительно тѣмъ же экспериментамъ, почти совпадаетъ съ экспериментирующимъ *объективнымъ* наблюденіемъ. По примѣру же французскихъ психологовъ стали поступать и нѣмецкіе.

Словомъ: теперь если и задерживаютъ развитіе экспериментальной психологіи какія либо причины, то уже не временныя, историческія, а *постоянныя, внутреннія*, коренящіяся въ самомъ изучаемомъ предметѣ, въ такихъ особенностяхъ душевной жизни, *вслѣдствіе которыхъ преимущества эксперимента предъ наблюденіемъ при чисто психологическихъ вопросахъ одни вовсе не могутъ быть осуществлены, а другія могутъ быть осуществлены лишь въ сравнительно немногихъ случаяхъ, и тому подобное.* Все дѣло въ томъ, дѣйствительно ли существуютъ такія постоянно дѣйствующія причины: если существуютъ, то экспериментальная чистая психологія навсегда осуждена занимать второстепенное мѣсто и имѣть лишь добавочное зна-

ченіе. Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, мы должны вспомнить каждое изъ преимуществъ эксперимента и тщательно обсудить его примѣнительно къ чистой психологіи.

Первое (и какъ мы уже говорили—едва ли не самое важное) преимущество эксперимента, что онъ служитъ орудіемъ, открывающимъ новыя явленія, въ примѣненіи, по крайней мѣрѣ, къ *основной* психологіи, очевидно неосуществимо. Основная психологія при своихъ изслѣдованіяхъ должна имѣть дѣло съ душевной жизнью человѣка; ея методъ— самонаблюденіе и даже премущественно личное (см. выше стр. 61). Но, очевидно невозможно, чтобы экспериментальная психологія открыла въ душевной жизни человѣка существованіе новыхъ, еще никогда ненаблюдавшихся, явленій (говоримъ, какъ и на стр. 64 о самихъ *явленіяхъ*, а не объ ихъ законахъ), коль скоро душевныя явленія отличаются сознательностью, вслѣдствіе чего фактъ ихъ существованія уже всегда извѣстенъ тому, кто ихъ переживаетъ. Мы, конечно, можемъ не обращать на нихъ вниманія, не интересоваться ими, какъ это и дѣлаютъ люди, незанимающіеся психологіей. Но привлечь къ нимъ вниманіе, заставитъ насъ разсматривать ихъ, все это не тоже самое, что открыть двойное преломленіе свѣта, поляризацію свѣта, гальваническія явленія, новые химическіе элементы, новыя ихъ соединенія и т. п. Даже если слово „открытіе“ употреблять въ переносномъ смыслѣ „привлеченія вниманія“ къ переживаемому явленію, то и здѣсь въ примѣненіи къ человѣку могла бы быть рѣчь только о привлеченіи вниманія къ рѣдкимъ индивидуальнымъ особенностямъ въ родѣ окраски звуковъ и т. п.; ибо общіе для всѣхъ людей процессы душевной жизни и ея составъ издавна разсматривались психологами съ величайшимъ вниманіемъ. Открытій же новыхъ душевныхъ явленій въ строгомъ смыслѣ слова можно ждать лишь въ зоопсихологіи: наблюдая и экспериментируя надъ жизнью животныхъ, можетъ быть, удастся установить у нихъ новые инстинкты или способность чувствовать то, что не чувствуется человѣкомъ, въ родѣ близости и направленія воды и т. п. Изъ всего этого вытекаютъ два слѣдствія:

1) Первое и важнѣйшее преимущество эксперимента предъ наблюденіемъ въ основной психологіи вовсе не осуществимо, а если оно и можетъ быть до нѣкоторой степени осуществлено гдѣ либо въ чистой психологіи, то въ точномъ смыслѣ слова — только въ зоопсихологіи, а въ переносномъ смыслѣ (въ смыслѣ привлеченія вниманія къ рѣдкимъ и неизучавшимся ранѣе индивидуальнымъ особенностямъ) — въ индивидуальной психологіи.

2) По этой причинѣ присоединеніе экспериментальной психологіи къ наблюдательной не могло и *никогда* не можетъ измѣнить общаго облика чистой психологіи въ такой степени, какъ это было съ другими науками вслѣдствіе примѣненія къ нимъ экспериментированія, гдѣ послѣднее открывало и все еще открываетъ новыя, еще ненаблюдавшіяся до той поры, *явленія* (сравн. выше стр. 64). Оцѣнивая же, насколько экспериментированіе могло бы измѣнить прежній обликъ чистой психологіи, надо не упускать изъ виду, что послѣдняя прежде всего состоитъ изъ основной

психологіи, а зоопсихологія — часть лишь второстепенная въ ней, если не третьестепенная.

А какъ стоитъ дѣло съ двумя преимуществами эксперимента, состоящими одно въ облегченіи описанія явленій, а другое въ облегченіи выясненія причинъ, которыя порождали бы ихъ? Никто не скажетъ, чтобы описаніе душевныхъ явленій, а равно знаніе *психическихъ* причинъ (о психофизіологіи мы молчимъ здѣсь), которыя порождали бы разныя душевныя явленія, (напримѣръ психическихъ причинъ страха, гнѣва, возникновенія воспоминаній или разныхъ хотѣній и т. п.) улучшилось именно вслѣдствіе присоединенія къ прежней психологіи, которую принято называть наблюдательной, экспериментальной психологіи, а не по другимъ причинамъ, напримѣръ—не потому, что бы беллетристы и философы выработали соединенными усиліями для психологіи языкъ, сравнительно съ прежнимъ, болѣе гибкій и болѣе годный для описанія душевныхъ явленій и т. п. Но почему же присоединеніе экспериментальной психологіи къ наблюдательной осталось не при чемъ и въ улучшеніи описанія характера переживаемыхъ нами душевныхъ явленій, и въ выясненіи ихъ психическихъ причинъ? Это оттого, что по двумъ причинамъ *чистая психологія относительно этихъ двухъ преимуществъ эксперимента находится въ положеніи, неимѣющемъ ни малѣйшаго сходства съ другими науками.* Дѣйствительно:

1. Каждый изъ насъ переживаетъ множество разъ любое душевное явленіе, такъ что у каждаго изъ насъ невольно накопляется множество самыхъ подробныхъ воспоминаній о нихъ, позволяющихъ намъ составить точныя описанія любого изъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ любое изъ душевныхъ явленій переживаются нами при самыхъ разнообразныхъ психическихъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе чего въ запасѣ нашихъ воспоминаній всегда найдется достаточно матеріалу, чтобы путемъ сопоставленія разныхъ случаевъ возникновенія любого изъ душевныхъ явленій выяснить, какими психическими причинами порождается оно. Матеріальныя явленія происходятъ такъ, что они остаются неизвѣстными для насъ, если не наблюдаются умышленно, при чемъ еще приходится эти явленія либо разыскивать, либо поджидать, устраивая для ихъ безпрепятственнаго наблюденія различныя учрежденія, въ родѣ астрономическихъ и метеорологическихъ обсерваторій, клиникъ, акваріумовъ, ботаническихъ садовъ и т. п. Душевныя же явленія происходятъ въ насъ самихъ; чтобы наблюдать ихъ намъ незачѣмъ ни путешествовать, ни устраивать такія учрежденія, какъ обсерваторіи: каждый изъ насъ уже носитъ самъ въ себѣ весь міръ душевныхъ явленій, и каждый изъ насъ уже составляетъ психологическую обсерваторію. Вмѣстѣ съ тѣмъ душевныя явленія оставляютъ въ насъ воспоминанія о нихъ, т. е. становятся намъ извѣстными даже и въ томъ случаѣ, если мы ихъ не наблюдали во время ихъ переживанія. По всему этому для составленія точныхъ описаній этихъ явленій и для выясненія психическихъ причинъ, которыя заставляютъ ихъ возникать, мы нуждаемся не въ наблюденіяхъ, которыя доставлялись бы намъ экспериментомъ, а въ такомъ искусствѣ, безъ ко-

тораго намъ не принесетъ пользы никакой экспериментъ и которое развивается безъ помощи эксперимента, — въ искусствѣ владѣть словомъ и удачно сопоставлять между собой наблюденія, которыми мы въ избыткѣ располагаемъ и безъ помощи эксперимента.

2. Важнѣйшая же причина, вслѣдствіе которой чистая психологія находится относительно двухъ разсматриваемыхъ преимуществъ эксперимента совсѣмъ въ другомъ положеніи, чѣмъ остальныя науки, состоитъ въ томъ, что *чистая психологія (да и вообще изученіе душевныхъ явленій въ любой философской наукѣ — и въ логикѣ, и въ гносеологіи, и въ этикѣ) всегда широко пользовалась экспериментированіемъ тотчасъ же, какъ только возникла*. Въ 1860 г. возникло вовсе не экспериментированіе *вообще*, а всего только *особый видъ психологическаго экспериментированія*, именно экспериментированіе, направленное на *измѣреніе* душевныхъ явленій, на *выясненіе зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ въ количественной сторонѣ того или другого душевнаго явленія*. Поэтому психологію, какой она стала, начиная съ 1860 г., надо отличать отъ прежней не какъ экспериментальную отъ наблюдательной, но какъ *измѣрительную отъ неизмѣрительной; ибо съ 1860 г., началось всего только измѣрительное экспериментированіе*. Называютъ же психологію, возникшую съ 1860 г., вообще экспериментальной только оттого, что привыкли психологію, бывшую до 1860 г., называть наблюдательной; эта же привычка, въ свою очередь, была обусловлена тѣмъ, что до Конта психологія вообще не вникала, какіе методы приходится ей употреблять, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ обыденной жизни мы охотно называемъ наблюденіемъ и то, что вполнѣ подходитъ подъ понятіе эксперимента (см. стр. 68). Споръ же, возбужденный Контомъ относительно методовъ психологіи, ограничился лишь тѣмъ, употреблять ли психохогіи *наблюденіе* субъективное или объективное, такъ что и послѣ этого спора по привычкѣ, усвоенной въ обыденной жизни, попрежнему называли наблюдательными, всѣ науки, изучающія душевныя явленія; между тѣмъ какъ на дѣлѣ и психологія, и логика, и гносеологія, и этика всегда широко пользовались экспериментированіемъ. Эта мысль сначала кажется очень странной, но въ ней не трудно убѣдиться.

Вспомнимъ отличія эксперимента отъ наблюденія. Они состоятъ только въ томъ, что при экспериментѣ мы производимъ наблюденіе, во первыхъ, при обстоятельствѣ, нами самими устанавливаемомъ, и во вторыхъ—устанавливаемомъ съ цѣлью узнать, что именно придется намъ наблюдать при этомъ обстоятельствѣ (см. стр. 62). Слѣдовательно *мы имѣемъ дѣло съ экспериментомъ всякій разъ, какъ только мы испытываемъ или пробуемъ, что именно придется намъ наблюдать при обстоятельствѣ, установленномъ нами самими съ цѣлью этого испытанія или пробы*. Если же я рѣшилъ представить себѣ какой либо предметъ, напримѣръ Казанскій соборъ, съ цѣлью узнать составъ этого представленія, то ясно, что я экспериментирую; ибо я самъ установилъ въ себѣ это обстоятельство, представленіе Казанскаго собора, и установилъ съ цѣлью узнать, что именно я

буду наблюдать въ немъ. А такимъ то именно путемъ, такъ называемая, наблюдательная психологія устанавливаетъ свое ученіе о составѣ образовъ или единичныхъ представленій. Если же этотъ пріемъ изслѣдованія на самомъ дѣлѣ составляетъ экспериментъ, а только называется наблюденіемъ, то экспериментомъ будетъ и сопоставленіе другъ съ другомъ самонаблюденій разныхъ лицъ, произведенныхъ по моей просьбѣ надъ вызываемыми ими образами съ цѣлью разсмотрѣть ихъ составъ; а такимъ путемъ изучаются индивидуальныя особенности образовъ въ, такъ называемой, наблюдательной психологіи. Далѣе: развѣ не вполнѣ подходитъ подъ понятіе эксперимента, если я съ цѣлью узнать, какъ вліяютъ представленія на ходъ дальнѣйшихъ мыслей, вызову въ себѣ какое либо представленіе, хотя бы того-же Казанскаго собора, и послѣ того, предоставивъ своимъ мыслямъ двигаться вполнѣ свободно, наблюдаю, какую мысль вызоветъ во мнѣ это представленіе? А этимъ путемъ, такъ называемая, наблюдательная психологія устанавливаетъ законы, управляющіе вліяніемъ содержанія переживаемыхъ нами представленій на возникновеніе въ сознаніи новыхъ представленій (законы ассоціацій представленій). Вполнѣ подходитъ подъ понятіе эксперимента и если я умышленно пробую разсуждать то объ одномъ, то о другомъ предметѣ съ цѣлью подсмотрѣть, всегда ли будутъ у меня возникать образы тѣхъ предметовъ, о которыхъ я разсуждаю, и если не всегда, то чѣмъ они замѣняются въ моемъ сознаніи. А такой пріемъ издавна употреблялся (еще со времени Аристотеля) въ, такъ называемой, наблюдательной психологіи для рѣшенія вопроса о связи мышленія съ образами. Далѣе: если я умышленно направлю вниманіе на какое либо раздраженіе съ цѣлью наблюсти, какъ вслѣдствіе этого будутъ восприниматься остальныя, дѣйствующія одновременно съ нимъ, то развѣ это не экспериментъ? А такимъ именно путемъ не только въ психологіи, существовавшей еще до 1860 г., но и въ обыденной жизни было давно извѣстно, „что направляя вниманіе на одно раздраженіе, мы этимъ самымъ отвлекаемъ его отъ другого“ (сравн. выше стр. 88): всякая нянька отвлекаетъ вниманіе ушибившагося ребенка, направляя его на какой либо другой предметъ. Все это доказываетъ, что такъ называемая, наблюдательная психологія подъ именемъ наблюденія всегда широко пользовалась экспериментомъ. Къ этому прибавимъ еще, что одинъ изъ могущественныхъ и излюбленныхъ пріемовъ психологіи состоитъ въ, такъ называемомъ, наблюденіи надъ душевной жизнью, которая воображается поставленной въ тѣ или другія условія; а онъ, очевидно, представляетъ собой чистѣйшій экспериментъ, хотя и называется наблюденіемъ. Вѣдь отъ моей же воли зависитъ, стану ли я воображать свою душевную жизнь не такой, какова она сейчасъ, и отъ меня же зависитъ, въ какія условія поставлю я ее своимъ воображеніемъ, при чемъ все это я дѣлаю съ цѣлью испытать или испробовать, что именно придется наблюдать мнѣ въ ходѣ моей душевной жизни, поставленной моимъ воображеніемъ въ такія условія.

И не одна лишь психологія подъ именемъ наблюденія (точнѣе самонаблюденія) издавна широко пользуется экспериментированіемъ, а вообще

всѣ науки, изучающія душевныя явленія, хотя бы и съ не психологической точки зрѣнія. Напримѣръ, какимъ путемъ логика установила свои удивительно точныя правила силлогизмовъ? При изученіи послѣднихъ мы беремъ два сужденія, подвергаемъ ихъ всевозможнѣйшимъ видоизмѣненіямъ (беремъ каждое изъ нихъ то въ утвердительной, то въ отрицательной, то въ общей, то въ частной формѣ и т. п.), *пробуя* вмѣстѣ съ тѣмъ, будетъ ли при взятыхъ нами видоизмѣненіяхъ этихъ сужденій вытекать изъ нихъ какой либо выводъ и какой именно; и такимъ то путемъ мы узнаемъ, при какихъ условіяхъ (т. е. при соблюденіи какихъ правилъ) изъ двухъ сужденій можно сдѣлать правильный выводъ и какъ зависитъ его форма отъ формы посылокъ (будетъ ли онъ общимъ или частнымъ и т. п.). Развѣ это не экспериментъ надъ нашимъ мышленіемъ? Вѣдь я самъ устанавливаю здѣсь тѣ обстоятельства, при которыхъ будетъ работать мое мышленіе (два сужденія и ту или другую форму каждаго изъ нихъ) и устанавливаю съ цѣлью испробовать, каковы будутъ результаты мышленія при этихъ обстоятельствахъ. Да и вся логика составляетъ ничто иное, какъ систематическое экспериментированіе надъ нашимъ мышленіемъ, производимое нами съ цѣлью выяснить, при какихъ условіяхъ мышленіе даетъ общеобязательные результаты и какимъ характеромъ отличаются они при тѣхъ или другихъ условіяхъ. Употребляется экспериментъ и въ теоріи познанія, когда, напримѣръ, она пробуетъ сомнѣваться во всемъ, пока не натолкнется на то, что не поддается никакому сомнѣнію (напримѣръ, существованіе самого сомнѣвающагося или переживаемыхъ имъ душевныхъ состояній), или когда она, отвергнувъ какой либо основной принципъ знанія (напримѣръ, законъ причинности), пробуетъ, есть ли возможность удостовѣриться въ его истинности, не впадая въ заколдованный кругъ при этихъ попыткахъ, и т. п. Что же касается этики, то, очевидно, мы экспериментируемъ надъ своимъ нравственнымъ чувствомъ, когда мы умышленно представляемъ себѣ тотъ или другой поступокъ и смотримъ, какъ онъ будетъ оцѣненъ нашимъ нравственнымъ чувствомъ. Подобно тому, какъ логика строится при помощи систематическаго экспериментированія надъ мышленіемъ, такъ этика систематически экспериментируетъ надъ нравственнымъ чувствомъ.

Широкое примѣненіе экспериментированія (хотя и подъ ошибочнымъ названіемъ самонаблюденія) къ изученію душевныхъ явленій съ того самаго времени, какъ только ихъ стали изучать, внѣ всякаго сомнѣнія. И такое экспериментированіе всегда въ нашемъ распоряженіи: для него не требуется никакихъ приспособленій и никакихъ учрежденій. *Каждый человѣкъ представляетъ собой не только психологическую обсерваторію*, (вслѣдствіе безпрерывнаго переживанія множества душевныхъ явленій и сохраненія въ нашей памяти воспоминаній о нихъ, какъ бы записей въ журналахъ обсерваторіи, (см. стр. 95), *но также и психологическую лабораторію* (вслѣдствіе постоянной возможности экспериментировать надъ своими душевными явленіями только что описанными путями). Правда, ни эта обсерваторія, ни эта лабораторія не имѣютъ въ своемъ распоряженіи измѣрительныхъ

приборовъ. Но вѣдь далеко не всѣ научныя наблюденія и эксперименты нуждаются въ такихъ приборахъ: прежде, чѣмъ измѣрять какія либо явленія, надо еще изучить ихъ качественную сторону и рождающія ихъ причины. Въ химіи прежде количественнаго анализа надо еще научиться качественному. Въ физикѣ прежде, чѣмъ измѣрять электрическія явленія, надо еще изучить ихъ качественную сторону и т. д.

Если же остается незамѣтнымъ и даже какъ то странно звучитъ, что наука издавна экспериментировала надъ душевными явленіями, и что всякій человѣкъ составляетъ психологическую лабораторію, въ которой ежеминутно и безъ всякихъ хлопотъ можно производить множество важныхъ экспериментовъ въ примѣненіи къ чисто-психологическимъ вопросамъ, то все это зависитъ только отътого, что мы очень наклонны судить о вещахъ по ихъ названіямъ; а психологія издавна привыкла называть употреблявшіеся въ ней до 1860 г. методы наблюденіемъ. Если же не поддаваться дѣйствію этой наклонности, то надо согласиться, что съ 1860 г. возникло не психологическое *экспериментированіе вообще*, а лишь *новый видъ* психологическаго экспериментированія, именно *измѣрительное экспериментированіе*. Конечно, нѣкоторые изъ экспериментовъ, изобрѣтенныхъ послѣ 1860 г. и назначенныхъ для чисто-психологическихъ (а не психофизіологическихъ) вопросовъ, не принадлежатъ къ числу измѣрительныхъ; но ихъ очень мало, и не они составляютъ характерную особенность, такъ называемой, экспериментальной психологіи, возникшей съ 1860 г. Даже „Основы психофизики“ Фехнера, годъ появленія которыхъ считается годомъ возникновенія экспериментальной психологіи, посвящены попыткѣ установить математически формулированный законъ зависимости силы ощущеній отъ раздраженій. Правда, это законъ не чисто-психологическій, а психофизіологическій; но и въ чистой психологіи экспериментированіе, возникшее въ 1860 г. оказывается почти исключительно измѣрительнымъ. А изъ всего этого вытекаютъ слѣдующія заключенія:

Разработка, такъ называемой, экспериментальной (точнѣе измѣрительной) психологіи не могла и никогда не будетъ въ состояніи произвесть въ чистой психологіи такія глубокія перемѣны, какія происходили въ другихъ наукахъ вслѣдствіе начавшагося употребленія экспериментированія: въ послѣднихъ до той поры дѣло дѣйствительно ограничивалось одними лишь наблюденіями; въ чистой же психологіи подъ именемъ наблюденія издавна извлекали изъ эксперимента всемоможную пользу, какую онъ можетъ приносить для изученія *качественной* стороны явленій, т. е. *тамъ, гдѣ нѣтъ надобности въ измѣреніяхъ*, такъ что *надолю, такъ называемой, экспериментальной психологіи осталась всего лишь часть той работы, которая можетъ быть производима посредствомъ экспериментированія*. Иное дѣло психофизіологія: въ ней не было экспериментированія, ошибочно называемаго наблюденіемъ, пока не возникла, такъ называемая, экспериментальная психологія; и въ ней послѣдняя должна была производить цѣликомъ всю ту работу, которая неосуществима одними

лишь наблюденіями. Поэтому вполнѣ понятно, что въ то время, какъ психофизіологія, начиная съ 1860 г., т. е. со времени и вслѣдствіе возникновенія, такъ называемой, экспериментальной психологіи сдѣлала сравнительно значительныя пріобрѣтенія и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ тѣсно связана съ экспериментированіемъ, что многіе долго смѣшивали понятіе экспериментальной психологіи съ психофизіологіей, ничего подобнаго нельзя сказать про чистую психологію: послѣдняя пока еще почти ничѣмъ не обязана возникновенію, такъ называемой, экспериментальной психологіи. Да и въ будущемъ, какъ мы сейчасъ убѣдились, *чистая психологія можетъ ждать услугъ отъ, такъ называемой, экспериментальной психологіи лишь такихъ, какія доставляются измѣрительнымъ экспериментированіемъ.*

Можетъ быть, намъ возразятъ, что мы слишкомъ расширили понятіе эксперимента, что оно возникло при изученіи *внѣшней* природы, что оно должно подразумѣвать въ себѣ умышленную установку непремѣнно *внѣшняго*, а не любого обстоятельства и что поэтому описанные нами пріемы психологіи, логики и т. п. не должны называться экспериментомъ. Это названіе, скажутъ намъ, примѣнимо *только* тамъ, гдѣ мы устанавливаемъ какое либо *внѣшнее* (а отнюдь не психическое) обстоятельство съ цѣлью испытать или испробовать, что именно придется наблюдать при немъ. Можно было-бы легко опровергнуть это возраженіе и по существу *); но это будетъ споръ о словахъ, о названіяхъ—вещь не только крайне скучная, а еще такая, которую въ наукѣ слѣдуетъ избѣгать и въ большинствѣ случаевъ можно избѣжать безъ всякаго ущерба для дѣла. Пусть же насъ обяжутъ *называть* только что описанные пріемы психологіи, логики, гносеологіи и этики вмѣсто экспериментированія наблюденіемъ. Это нисколько не измѣнитъ нашихъ выводовъ по существу. Ихъ придется только иначе редактировать. При этомъ условіи мы скажемъ, что въ чистой психологіи, логикѣ и т. д. издавна широко употребляются и такіе пріемы *наблюденія*, которые для изученія качественной стороны душевныхъ явленій имѣютъ *тоже самое значеніе, что и экспериментъ*, и которые по этому способны давать удивительно точные результаты въ родѣ правилъ силлогизма (гдѣ, конечно, этому не препятствуетъ чрезмѣрная сложность изучаемыхъ явленій); вслѣдствіе же этого, скажемъ мы дальше, экспериментированіе въ примѣненіи къ чисто психологическимъ вопросамъ можетъ сдѣлать какія либо крупныя пріобрѣтенія лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно будетъ *измѣрительнымъ* экспериментированіемъ, такъ что, такъ называемую, экспериментальную психологію, очевидно, все таки необходимо противопоставлять прежней, какъ измѣрительную неизмѣрительной. Но гораздо вѣрнѣе говорить, что наука (психологія, логика, гносеологія, этика и т. д.) подъ именемъ на-

*) 1. Конечно, понятіе эксперимента заимствовано изъ изученія внѣшней природы; но оттуда же заимствовано и понятіе наблюденія. 2. Научные пріемы отличаются другъ отъ друга не по тому случайному признаку, примѣняются ли они къ внѣшнему міру или внутреннему, а по тому значенію, какое они имѣютъ для развитія знанія.

блюденія издавна широко примѣняла къ изученію душевныхъ явленій также и экспериментированіе, только не измѣрительное.

Но само то измѣрительное экспериментированіе въ состояніи оказать чистой психологіи неизмѣримо меньше услугъ, чѣмъ въ другихъ наукахъ; ибо то преимущество эксперимента, что онъ облегчаетъ возможность выяснить, какъ зависятъ количественныя измѣненія въ изучаемомъ явленіи отъ любого изъ обстоятельствъ, при которыхъ оно происходитъ, по двумъ причинамъ можетъ быть осуществлено лишь сравнительно рѣдко въ примѣненіи къ чисто психологическимъ вопросамъ, такъ что въ чистой психологіи для измѣрительнаго экспериментированія остается очень не широкая сфера примѣненія. Эти двѣ причины состоятъ: *А)* во первыхъ, въ крайней тѣсной связи разныхъ сторонъ душевной жизни другъ съ другомъ, и *В)* во вторыхъ, въ безпрерывной измѣнчивости душевной жизни. Разъяснимъ все это подробнѣе.

А) Для выясненія зависимости количественныхъ измѣненій въ наблюдаемомъ явленіи отъ какого либо обстоятельства надо, какъ мы уже знаемъ (см. стр. 67), подвергать измѣненіямъ одно лишь это обстоятельство, не допуская ни малѣйшаго измѣненія ни въ одномъ изъ остальныхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ наблюдаемое явленіе. Но *разнообразныя душевныя явленія такъ тѣсно связаны между собой, что только въ рѣдкихъ случаяхъ можно измѣнить одно изъ, не измѣняя остальныхъ, которыя находятся въ сознаніи вмѣстѣ съ нимъ.* Напримѣръ: обыкновенно измѣненіе въ познавательныхъ процессахъ тотчасъ же сказывается и на чувствахъ, и на волѣ и т. п. Такъ, если чисто механическую дѣятельность памяти, сказывающуюся въ заучиваніи наизусть ряда слоговъ, необразующихъ своими сочетаніями никакихъ осмысленныхъ словъ и фразъ, замѣнить дѣятельностью памяти, состоящей въ заучиваніи сочетаній слоговъ, образующихъ какой либо опредѣленный смыслъ,то такая замѣна тотчасъ же отразится и на вниманіи, и на чувствахъ, и на волѣ: дѣятельность вниманія отъ такой замѣны значительно облегчится; чувства будутъ такъ или иначе возбуждены содержаніемъ того смысла, который окажется въ заучиваемыхъ слогахъ; а чрезъ это и воля будетъ относиться къ процессу заучиванія иначе, чѣмъ прежде. Поэтому намъ не удастся выяснить, насколько перемѣна въ дѣятельности памяти зависѣла именно отъ произведенной нами перемѣны (отъ замѣны безсмысленнаго сочетанія слоговъ осмысленнымъ), а не отъ вліянія на память со стороны вниманія, чувствъ и воли.

И вотъ, вслѣдствіе столь тѣсной связи различныхъ сторонъ душевной жизни другъ съ другомъ съ перваго взгляда кажется даже вовсе неосуществимымъ въ примѣненіи къ чисто психологическимъ вопросамъ то преимущество эксперимента, что онъ облегчаетъ выясненіе зависимости количественной стороны изучаемаго явленія отъ любого изъ обстоятельствъ, при которыхъ оно происходитъ. Но такой выводъ будетъ ошибочнымъ. Эта особенность душевной жизни, конечно, должна значительно суживать сферу осуществленія измѣрительнаго экспериментированія, но еще не дѣлать его вполнѣ неосуществимымъ. Наприм.: оно будетъ вполнѣ осуществимымъ во всѣхъ случаяхъ, когда

мы имѣемъ дѣло съ крайне упрощеннымъ проявленіемъ душевной жизни, измѣняющимся въ зависимости отъ обстоятельства, отличающагося болѣе или менѣе внѣшнимъ характеромъ для нашей душевной жизни. Такъ, если мы предложимъ испытуемымъ лицамъ, испытавъ съ полнымъ вниманіемъ рядъ отдѣльныхъ зрительныхъ впечатлѣній (отъ показываемыхъ имъ другъ за другомъ разныхъ предметовъ), *тотчасъ же* записать на память видѣнные ими предметы, а послѣ того ихъ же заставимъ испытать столь же длинный рядъ впечатлѣній слуховыхъ (стуки объ разные предметы, свистъ и т. д.), отдѣленныхъ другъ отъ друга такими же промежутками времени, какъ и зрительныя впечатлѣнія, и воспринимаемыхъ тоже съ полнымъ напряженіемъ вниманія, то по точности ихъ записей, сдѣланныхъ *тотчасъ же*, мы въ правѣ заключить, какъ вліяетъ на воспроизведеніе тотчасъ же послѣ воспріятія двухъ рядовъ впечатлѣній принадлежность послѣднихъ къ числу зрительныхъ или слуховыхъ. Вѣдь здѣсь въ обоихъ экспериментахъ всѣ до одного обстоятельства оставались совершенно одинаковыми, неизмѣняемыми (и полное напряженіе вниманія, и сами испытуемые, и длина ряда впечатлѣній и т. п.) кромѣ одного—принадлежности впечатлѣній къ числу зрительныхъ или слуховыхъ; поэтому и разница въ точности записей могла зависѣть только отъ вліянія перемѣны въ этомъ обстоятельствѣ на дѣятельность памяти и больше ни отъ чего. Но это обстоятельство отличается внѣшнимъ характеромъ по отношенію къ душевной жизни, и перемѣны въ немъ составляютъ всего лишь перемѣны внѣшняго матеріала, надъ которымъ ей приходится работать, и ея проявленіе здѣсь крайне упрощено. Могутъ быть и другіе случаи, когда осуществимо въ чистой психологіи разсматриваемое преимущество эксперитента. Но, конечно, вслѣдствіе указанной особенности душевной жизни эти случаи не могутъ охватить всего разнообразія душевной жизни, а должны ограничиваться лишь нѣкоторыми изъ ея простѣйшихъ проявленій; ибо перемѣны въ проявленіяхъ характера высшаго обязательно отзовутся сразу на всѣхъ сторонахъ душевной жизни.

В). *Цѣлые: число тѣхъ случаевъ, когда въ примѣненіи къ чисто-психологическимъ вопросамъ все таки оказывается возможнымъ осуществить разсматриваемое преимущество эксперимента, уменьшается еще вслѣдствіе безпрерывнаго измѣненія нашей душевной жизни.* Чтобы установить законъ, указывающій зависимость количественныхъ измѣненій какого либо душевнаго явленія A отъ перемѣнъ въ X, одномъ изъ обстоятельствъ, входящихъ въ составъ душевной жизни, необходимо измѣрить цѣлый рядъ измѣненій этого душевнаго явленія A параллельно съ измѣреніями перемѣнъ въ обстоятельствѣ X, вызывающемъ эти измѣненія. Измѣрить въ явленіи A лишь два, три измѣненія, очевидно, еще недостаточно для нашей цѣли: они еще не обнаружатъ доказаннымъ образомъ закона, управляющаго этими измѣненіями. (Напримѣръ: для доказательства закона, по которому продолжительность колебанія маятника прямо пропорціональна квадратному корню изъ его длины, еще недостаточно двухъ, трехъ измѣреній). Для обнаруженія и доказательства этого закона, очевидно, нуженъ, болѣе или менѣе,

длинный рядъ такихъ измѣреній въ измѣненіяхъ явленія *A*, произведенныхъ параллельно съ измѣреніями перемѣнъ въ обстоятельствѣ *X*, при чемъ всѣ остальныя обстоятельства, при которыхъ происходятъ измѣненія явленія *A*, должны оставаться точь въ точь въ прежнемъ видѣ — безъ всякихъ перемѣнъ (иначе мы не будемъ знать, отъ перемѣнъ какихъ именно обстоятельствъ зависятъ измѣренныя нами измѣненія изучаемаго душевнаго явленія *A*). И вотъ, это требованіе вполнѣ осуществимо въ примѣненіи къ матеріальнымъ явленіямъ; ибо здѣсь предметъ, надъ которымъ мы производимъ свои эксперименты, не подвергается самъ собой въ промежуткахъ между ними никакимъ измѣненіямъ, и его смѣло можно замѣнять другимъ однороднымъ съ нимъ. Напримѣръ: нашъ маятникъ нисколько не измѣняется самъ собой въ промежуткахъ между нашими измѣреніями, когда мы изучаемъ зависимость продолжительности его колебаній отъ его длины; въ немъ происходятъ только тѣ перемѣны, которыя мы сами производимъ въ немъ въ видахъ нашего эксперимента, т. е. только перемѣны длины. И данный маятникъ смѣло можетъ быть замѣненъ безъ всякаго ущерба для эксперимента другимъ однороднымъ, т. е. сдѣланнымъ изъ того же матеріала, той же формы и т. п. Иначе стоитъ дѣло съ душевной жизнью: здѣсь сами собой въ промежуткахъ между отдѣльными измѣреніями какого-либо душевнаго явленія происходятъ двоякія перемѣны. Именно:

1) *Здѣсь испытуемый предметъ мѣняется самъ собой уже отъ одного того, что мы произвели надъ нимъ свой экспериментъ*; ибо отъ этого эксперимента остаются въ испытуемомъ лицѣ нѣкоторые слѣды, хотя бы въ видѣ воспоминаній объ испытанномъ экспериментѣ, которые присоединяются къ составу его душевной жизни и вносятъ въ нее при повтореніи того же эксперимента надъ ней новую перемѣну сверхъ той, какую мы сами производимъ въ ней въ видахъ нашего эксперимента. *Уже одно это обстоятельство во многихъ случаяхъ дѣлаетъ совершенно безполезнымъ измѣрительное экспериментированіе.* Напримѣръ, Киркпатрикъ производилъ слѣдующій экспериментъ: 380 ученикамъ въ одномъ случаѣ говорили рядъ изъ 10 словъ, а во второмъ съ тою же быстротой писали слова на доскѣ (при чемъ въ однихъ опытахъ стирали слово передъ тѣмъ, какъ написать слѣдующее, въ другихъ же оставляли всѣ слова написанными до конца ряда). Наконецъ, въ тѣхъ же классахъ ученикамъ показывали десять различныхъ предметовъ (перо, монету, карандашъ и др.). Ученики записывали на память все воспринятое и тотчасъ послѣ впечатлѣнія, и черезъ три дня, при чемъ послѣ записи тотчасъ ихъ оставляли въ убѣжденіи, что экспериментъ законченъ. Результаты, выраженные въ среднемъ выводѣ изъ того, что припомнилъ каждый ученикъ, оказались слѣдующими, гдѣ числа обозначаютъ правильныя припоминанія:

Тотчасъ: Слова услышанныя — 6,85. Слова написанныя — 6,92. Предметы — 8,28.

Черезъ три дня: Слова услышанныя 0,91. Слова написанныя — 1,89. Предметы — 6,38.

Отсюда ясно, что *разнаго рода припоминаніе* (предметовъ, словъ, услышанныхъ и написанныхъ) *съ теченіемъ времени ослабѣваетъ* различнымъ образомъ. Но стоитъ ли повторять этотъ опытъ надъ тѣми же учениками съ цѣлью установить для различныхъ родовъ памяти законы, управляющіе зависимостью отъ времени въ ослабленіи разныхъ родовъ припоминанія? Разумѣется, нѣтъ. Если мы заставимъ припоминать тѣ же самыя воспріятія, но черезъ разные промежутки времени, то каждое припоминаніе сверхъ этой разницы окажется еще оттого въ различныхъ условіяхъ, что каждое повтореніе припоминанія тѣхъ же самыхъ предметовъ составляетъ *лишнее* запоминаніе ихъ. Да кромѣ тѣхъ припоминаній, которыя будутъ возникать у испытуемыхъ учениковъ по нашему требованію, непремѣнно будутъ возникать въ промежутки между ними еще припоминанія, *независящія отъ насъ*. Такъ, ученики будутъ разсказывать домашнимъ и своимъ знакомымъ о томъ, что дѣлается въ ихъ классѣ, либо сами начнутъ сравнивать другъ съ другомъ, кто изъ нихъ точнѣе припомнилъ эти воспріятія; наконецъ, многіе изъ нихъ станутъ умышленно въ промежутки между повтореніями нашихъ экспериментовъ укрѣплять въ своей памяти то, что было ими воспринято при началѣ этихъ изслѣдованій, потому что, навѣрное, имъ захочется выставить свою память въ возможно лучшемъ видѣ. Всѣ эти независящія отъ воли экспериментатора умышленныя и неумышленныя припоминанія дѣлаютъ безполезной даже и ту постановку эксперимента, при которой мы для разныхъ промежутковъ времени, проходящаго между воспріятіемъ и припоминаніемъ, брали бы разныя, хотя и однородныя, воспріятія; напримѣръ, если бы мы для припоминанія, которое вызовемъ черезъ три дня, взяли десять однихъ словъ, а для припоминанія черезъ недѣлю десять другихъ словъ и т. д. Вѣдь и здѣсь перемѣны въ величинѣ промежутка между воспріятіемъ и припоминаніемъ будутъ осложняться припоминаніемъ, происходящимъ независимо отъ нашей воли, именно: возникающимъ при разговорахъ учениковъ между собой и съ своими домашними или знакомыми по поводу этихъ экспериментовъ, при умышленномъ укрѣпленіи въ памяти испытанныхъ воспріятій и т. п. Словомъ, вслѣдствіе перемѣны, производимой въ душевной жизни уже однимъ лишь тѣмъ, что она подвергалась экспериментированію, вполнѣ безполезно повтореніе опыта Киркпатрика надъ тѣми же самыми учениками. А что выйдетъ, если мы для каждаго промежутка времени, прошедшаго между воспріятіемъ и припоминаніемъ, будемъ брать новую группу учениковъ такого же возраста, заставляя каждую изъ нихъ испытывать воспріятія, одинаковыя съ остальными группами? Конечно, только что описанныя вредныя осложненія нашихъ экспериментовъ значительно ослабѣютъ (хотя все таки еще нельзя поручиться, чтобы они вполнѣ исчезли): такъ, умышленное укрѣпленіе въ памяти испытанныхъ воспріятій теперь отпадетъ, потому что испытуемые не будутъ знать, что чрезъ нѣкоторый промежутокъ времени послѣ воспріятій имъ придется припоминать ихъ. Но если бы даже эти осложненія и вполнѣ исчезли, то вмѣсто нихъ возникнутъ другія препятствія. При-

дется намъ брать группы испытуемыхъ, находящихся въ разныхъ условіяхъ, напримѣръ — обучающихся въ разныхъ школахъ (чтобы они не сообщали другимъ группамъ о производимыхъ надъ ними экспериментахъ); а эти условія (напримѣръ, обученіе въ той или другой школѣ) будутъ оказывать на развитіе памяти неодинаковое вліяніе. Къ тому же у насъ прямо таки не хватитъ испытуемыхъ: Киркпатикъ производилъ свой экспериментъ надъ группой въ 380 учениковъ; и коль скоро для каждаго измѣренія понадобится такая же большая новая группа учениковъ того же возраста и однородныхъ школъ, то, конечно, у насъ не хватитъ матеріала для составленія подобныхъ группъ. Производить же такія измѣренія надъ небольшими группами совершенно безполезно: дѣятельность памяти отличается различными индивидуальными особенностями, такъ что одни легче запоминаютъ и припоминаютъ одинъ родъ предметовъ или словъ, другіе другой и т. п., такъ что надо всякое измѣреніе точности припоминанія производить надъ большимъ числомъ испытуемыхъ, чтобы въ общемъ итогѣ различныя вліянія ихъ индивидуальныхъ особенностей въ дѣятельности памяти сгладили другъ друга. По всему этому мы не въ состояніи посредствомъ измѣрительнаго экспериментированія выяснить, какъ зависитъ припоминаніе разныхъ родовъ отъ времени, протекшаго между воспріятіемъ и припоминаніемъ. Единственная услуга, которую оказываетъ намъ въ этомъ вопросѣ, такъ называемая, экспериментальная психологія (точнѣе измѣрительное экспериментированіе), сводится къ тому, что мы лишній разъ, и при томъ самымъ наглядньимъ образомъ, подтверждаемъ то, что, болѣе или менѣе, уже извѣстно и на основаніи наблюденій, именно — что разнаго рода припоминаніе ослабѣваетъ съ теченіемъ времени различнымъ образомъ.

2) Мы разсмотрѣли пока только одно препятствіе, оказываемое примѣненію измѣрительнаго экспериментированія къ чисто психологическимъ вопросамъ со стороны безпрерывной измѣнчивости душевной жизни; и уже оно одно значительно сокращаетъ сферу примѣненія такого экспериментированія. *Но душевная жизнь безпрерывно мѣняется сразу во множествѣ направленій, даже безъ всякаго вліянія на нее со стороны экспериментированія надъ ней.* Постоянно растутъ, а впослѣдствіи ослабѣваютъ, но каждая по своему особому закону, всѣ душевныя способности: и вниманіе, и память, и разсудокъ, и воля и т. д. Содержаніе нашей личности, а вмѣстѣ съ нимъ наши интересы и наша отзывчивость на всѣ впечатлѣнія безпрерывно измѣняются подъ вліяніемъ образованія, чтенія, новыхъ знакомствъ, пережитыхъ нами личныхъ и общественныхъ событій и т. п. По словамъ Джемса*) дѣло доходитъ до того, что *„ни одно разъ минувшее состояніе сознанія не можетъ снова возникнуть и буквально повториться“* **). *Даже ощущенія, вызываемыя тѣми же самыми предметами, почти никогда не*

*) Здѣсь и вездѣ дальше ссылки на Джемса имѣютъ въ виду не прежде цитированное его сочиненіе („Психологія въ бесѣдахъ съ учителями“), а его университетскій курсъ: „Психологія“—переводъ И. И. Лапшина.

**) См. всѣ цитаты изъ Джемса въ его „Психологія“ глава XI „Потокъ сознанія“.

бываютъ одинаковыми: „наша чувственная воспріимчивость, справедливо говоритъ онъ, постоянно измѣняется, такъ что одинъ и тотъ же предметъ рѣдко вызываетъ въ насъ прежнее ощущеніе. Чувствительность наша измѣняется въ зависимости отъ того, бодры ли мы или насъ клонитъ ко сну, сыты мы или голодны, утомлены или чувствуемъ себя сильными; она различна днемъ и ночью, зимой и лѣтомъ, въ дѣтствѣ, зрѣломъ возрастѣ и въ старости". Если же мы не замѣчаемъ постоянной неодинаковости ощущеній, вызываемыхъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, то это только оттого, что мы пренебрегаемъ малыми различіями, какъ неимѣющими никакого значенія съ точки зрѣнія интересовъ обыденной жизни, и довольствуемся при сравненіи ощущеній самыми общими чертами. Такъ, возьмемъ собственный примѣръ Джемса: намъ кажется, будто бы цвѣтъ травы на тѣневой и солнечной сторонѣ тотъ же самый; „между тѣмъ художникъ, изображая эту траву на полотнѣ, чтобы вызвать своей картиной реальное впечатлѣніе, въ одномъ случаѣ употребляетъ темно-коричневую краску, а въ другомъ — свѣтло-желтую". Джемсъ выражается даже еще рѣшительнѣе и курсивомъ печатаетъ слѣдующія слова: *„внимательный анализъ не подтверждаетъ, чтобы токи чувствующихъ нервовъ когда либо вызывали въ насъ дважды абсолютно то же чувственное впечатлѣніе"*. Такая же безпрерывная измѣнчивость, по его мѣткимъ наблюденіямъ, царитъ и въ нашихъ мысляхъ: „каждая отдѣльная мысль о какомъ нибудь предметѣ, строго говоря, есть *innicum*... Когда повторяются прежніе факты, для насъ неизбѣжно думать о нихъ по новому, глядѣть на нихъ подъ другимъ угломъ, открывать въ нихъ новыя стороны, сравнительно съ прежними. И мысль, которою мы познаемъ эти факты, всегда есть мысль о предметѣ плюсъ новыя отношенія, въ которыя онъ поставленъ, мысль, связанная съ познаніемъ того, что сопровождаетъ ее въ видѣ неясныхъ деталей. Нерѣдко мы сами поражаемся странною перемѣной въ нашихъ взглядахъ въ разное время на одинъ и тотъ-же предметъ. Мы удивляемся, какъ мы могли думать извѣстнымъ образомъ о какомъ-нибудь предметѣ мѣсяцъ тому назадъ. Мы переросли возможность такого образа мыслей, а какъ—мы и сами не знаемъ. Съ каждымъ годомъ тѣ же явленія представляются намъ совершенно въ новомъ свѣтѣ. То, что казалось призрачнымъ, стало вдругъ важнымъ, и то, что прежде производило впечатлѣніе, теперь болѣе уже не привлекаетъ. Друзья, которыми мы дорожили больше всего на свѣтѣ, превратились въ блѣдныя тѣни прошлаго; женщины, казавшіяся намъ когда-то неземными созданіями, звѣзды, лѣса и воды со временемъ стали казаться скучными и прозаичными; юныя дѣвы, которыхъ мы нѣкогда окружали какимъ то небеснымъ ореоломъ, становятся съ теченіемъ времени въ нашихъ глазахъ самыми обыкновенными земными существами, картины безсодержательными, книги... но развѣ въ произведеніяхъ Гете такъ много таинственной глубины? Развѣ ужъ такъ содержательны сочиненія Джона Милля, какъ это намъ казалось прежде? Предаваясь менѣе прежняго наслажденіямъ, мы все болѣе и болѣе проникаемся сознаніемъ важности труда на пользу общества и другихъ общественныхъ обязанностей". Таковы подлинныя слова Джемса.

Какъ же при такихъ условіяхъ осуществить неизмѣняемость всѣхъ обстоятельствъ кромѣ одного при рядѣ измѣреній какого нибудь душевнаго явленія? Очевидно, что, строго говоря, это невозможно; и вмѣстѣ съ тѣмъ это необходимо при измѣрительномъ экспериментированіи. Отсюда слѣдуетъ, что послѣднее мы можемъ примѣнять съ пользой для дѣла *только въ тѣхъ случаяхъ, когда начало и конецъ ряда измѣреній будутъ отдѣлены другъ отъ друга лишь небольшимъ промежуткомъ времени, такъ что мы въ правѣ пренебречь тѣми измѣненіями, о которыхъ говоритъ справедливо Джемсъ*, какъ ничтожно малыми. Здѣсь дѣло стоитъ иначе, чѣмъ при изученіи матеріальнаго міра, гдѣ почти всегда измѣренія отдѣльныхъ перемѣнъ изучаемаго явленія могутъ безъ всякаго ущерба для дѣла производиться чрезъ какіе угодно промежутки времени.

Замѣтимъ кстати, въ видѣ иллюстраціи къ нашей главной темѣ, почему до сихъ поръ нѣтъ изслѣдованій, которыя посредствомъ измѣрительнаго экспериментированія установили бы точную, выраженную въ цифрахъ, картину перемѣнъ въ каждой *отдѣльно взятой* душевной способности въ зависимости отъ возраста. Такія измѣренія совершенно неосуществимы, потому что съ возрастомъ мѣняются *всѣ* душевныя способности, и при нашихъ измѣреніяхъ мы всегда получимъ числа, въ которыхъ будутъ сказываться не только проявленія перемѣнъ измѣряемой способности, но и всѣхъ тѣхъ вліяній со стороны другихъ способностей, которыя онѣ оказываютъ на дѣятельность измѣряемой. Потому то до сихъ поръ и приходится довольствоваться лишь тѣми знаніями о перемѣнахъ *отдѣльно взятыхъ* душевныхъ способностей по возрастамъ, какія мы имѣемъ на основаніи наблюденій.

Правда, г. Нечаевъ въ книгѣ „Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніяхъ къ вопросамъ школьнаго обученія. Спб. 1901 г.“ утверждаетъ, какъ бы въ видѣ открытія, вытекающаго изъ его экспериментовъ, будто бы „опытами совсѣмъ не подтверждается столь излюбленное многими педагогами положеніе, будто въ дѣтствѣ память оказывается особенно сильной. Эксперименты показываютъ совершенно другое“ *). Это было бы очень важнымъ открытіемъ со стороны экспериментальной психологіи; ибо распредѣленіе учебнаго матеріала по возрастамъ основано на предположеніи, что въ дѣтствѣ память бываетъ сильнѣе. Поэтому географія, напримѣръ, пріурочена къ младшимъ классамъ гимназій; а въ послѣднемъ классѣ ее повторяютъ всю сразу, чтобы усвоенное памятью пополнить пониманіемъ, требующимъ значительной подготовки посредствомъ знакомства съ исторіей и т. п. Но, къ сожалѣнію, опыты г. Нечаева производились надъ припоминаніемъ, дѣйствующимъ тотчасъ же послѣ воспринятаго впечатлѣнія — не позднѣй минуты или двухъ; а педагоги, говоря о силѣ дѣтской памяти, имѣютъ въ виду способность припоминать чрезъ продолжительное

*) Ту же мысль г. Нечаевъ утверждаетъ и въ своихъ «Очеркахъ психологіи для воспитателей и учителей» Спб. 1904.

время, а не черезъ одну или двѣ минуты. Опыты его состояли, напримѣръ, въ томъ, что передъ учениками разныхъ возрастовъ въ теченіи минуты (черезъ каждыя 5 секундъ) произносился рядъ въ 12 чиселъ или словъ, не составляющихъ никакихъ предложеній, или показывались 12 предметовъ и т. п.; дѣти *тотчасъ же* послѣ этого записывали, что они слышали или видѣли и т. п. И оказывается: чѣмъ моложе дѣти, тѣмъ чаще они ошибаются въ своихъ записяхъ, откуда г. Нечаевъ и заключаетъ, будто бы съ возрастомъ память, вопреки свидѣтельству педагоговъ, не слабѣетъ, а усиливается. Это заключеніе ошибочно не только тѣмъ, что педагоги говорятъ совсѣмъ не о тѣхъ проявленіяхъ памяти, какія имѣетъ въ виду г. Нечаевъ, но также и тѣмъ, что его эксперименты вовсе еще не составляютъ экспериментовъ надъ одной лишь памятью, и на основаніи ихъ еще нельзя дѣлать *ровно никакихъ* заключеній объ ея перемѣнахъ въ разные возрасты: здѣсь передъ нами *опыты надъ умѣньемъ давать отчетъ въ только что испытанныхъ впечатлѣніяхъ*. И мы безъ всякихъ экспериментовъ заранѣе знаемъ, что это умѣнье будетъ тѣмъ больше, чѣмъ старше ученикъ, особенно же, если дѣло идетъ о томъ, чтобы *дѣти* обнаружили это умѣнье посредствомъ *записи* испытанныхъ ими впечатлѣній. Въ умѣніи правильно записывать только что воспринятыя впечатлѣнія сказывается кромѣ памяти еще цѣлый комплексъ факторовъ, каждый изъ которыхъ усиливается по мѣрѣ возраста, особенно у дѣтей, воспитываемыхъ въ школахъ: навыкъ сосредоточивать вниманіе на воспринимаемыхъ впечатлѣніяхъ, навыкъ вникать и понимать предъявляемыя къ нимъ требованія, навыкъ тщательно исполнять эти требованія, навыкъ писать автоматически, не думая о процессѣ писанія и т. п. И отожествлять зависящее отъ возраста развитіе комплекса всѣхъ этихъ факторовъ съ развитіемъ одной лишь памяти значитъ приравнивать цѣлое къ своей части.

Подведемъ же итогъ всему сказанному объ экспериментѣ, какъ орудіи для рѣшенія чисто-психологическихъ вопросовъ: 1) Вслѣдствіе сознательности душевныхъ явленій экспериментъ въ основной психологіи никогда не можетъ служить орудіемъ для открытія *новыхъ* душевныхъ *явленій* (см. стр. 93). 2) Что же касается его преимуществъ, состоящихъ въ содѣйствіи описанію душевныхъ явленій и выясненію *психическихъ* причинъ, которыя порождали бы ихъ, то этими преимуществами эксперимента психологія пользовалась еще задолго до 1860 г., съ того самаго времени, какъ возникла (см. стр 95 и слѣдующ.). 3) Поэтому чистая психологія можетъ ждать замѣтныхъ услугъ лишь отъ измѣрительнаго экспериментированія, которое въ дѣйствительности и составляетъ сущность разработки психологіи, возникшей въ 1860 г., подъ именемъ экспериментальной, такъ что эту разработку вѣрнѣе противопоставлять прежней не какъ просто экспериментальную наблюдательной, а какъ измѣрительную неизмѣрительной (см. стран. 98); 4) Если же хотятъ измѣрительную психологію

непремѣнно называть просто экспериментальной, то надо твердо помнить, что вслѣдствіе двухъ особенностей душевной жизни: тѣсной связи разныхъ сторонъ ея другъ съ другомъ и ея безпрерывной измѣнчивости, эксперименту (точнѣе измѣрительному экспериментированію) для ея изученія приходится довольствоваться очень узкой сферой примѣненія, если не считать психофизіологическихъ вопросовъ, въ которыхъ вдобавокъ экспериментированіе, никогда не практиковалось и не практикуется подъ именемъ наблюденія (см. выше стр. 98 и слѣд.).

А изъ всего этого ясно, что экспериментальная психологія уже была и всегда будетъ въ силахъ оказывать *психофизіологіи* столь важныя услуги, что этой наукѣ *слѣдуетъ быть прежде всего экспериментальной, употребляющей наблюденіе, какъ добавочный методъ*. И *если* позволительно *мечтать* о томъ, чтобы сдѣлать экспериментированіе главенствующимъ или даже исключительнымъ методомъ (при которомъ не было бы надобности въ наблюденіи) и въ чистой психологіи, то это осуществимо лишь посредствомъ столь широкаго развитія психофизіологіи, чтобы мы пріобрѣли возможность никогда не разсматривать самихъ душевныхъ явленій, а судить объ ихъ составѣ и ходѣ по составу и ходу связанныхъ съ ними физіологическихъ явленій (сравн. стр. 14).

Но все это — однѣ лишь мечты о будущемъ, а пока есть необходимость въ изученіи душевныхъ явленій самихъ по себѣ, независимо отъ ихъ связи съ тѣлесными, т. е. пока есть необходимость въ чистой психологіи, то здѣсь дѣло стоитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ въ психофизіологіи: здѣсь услуги экспериментированія (кромѣ того, которое издавна практикуется здѣсь подъ именемъ наблюденія) могутъ быть только спорадическими, такъ что *чистая психологія навсегда осуждена пользоваться прежде всего наблюденіемъ (считая въ немъ и то экспериментированіе, которое и въ логикѣ, и въ психологіи и т. д. издавна практикуется подъ именемъ наблюденія); а экспериментированіе, какъ измѣрительное, можетъ имѣть въ ней лишь значеніе метода добавочнаго или дополнительнаго, который если и въ состояніи давать новыя цѣнныя знанія, то лишь спорадически (т. е. лишь кое гдѣ), а въ остальныхъ случаяхъ будетъ доставлять только либо лишнее подтвержденіе уже имѣющихся знаній, либо знанія, настолько обособленныя отъ всѣхъ остальныхъ и столь частнаго характера, что они не могутъ имѣть никакой цѣны — ни для примѣненія къ практической жизни, ни для построенія новыхъ выводовъ, получаемыхъ посредствомъ сопоставленія этихъ знаній съ другими.*

Но почему же множество авторовъ такъ грубо преувеличиваютъ значеніе экспериментированія для чистой психологіи и для педагогики (точнѣе было бы сказать — преувеличиваютъ значеніе измѣрительнаго экспериментированія, но они всегда называютъ то самоэкспериментированіе,

которое издавна практиковалось и въ психологіи, и въ логикѣ и т. д. самонаблюденіемъ)? При этомъ одни изъ нихъ, нисколько не закрываютъ глазъ на жалкое современное состояніе чистой экспериментальной психологіи, но возлагаютъ на нее огромныя надежды въ будущемъ, срока наступленія котораго, конечно, не предсказываютъ. Другіе же даже и въ настоящемъ до того преувеличиваютъ значеніе чисто-психологическаго экспериментированія, что настаиваютъ строить уже и теперь при его помощи истинно-научную педагогику, выставляютъ его по словамъ Джемса (см. выше стр. 89) единственной основой истинной педагогики. И изъ той горячности и даже язвительности (см. выше стр. 89 о quasi — экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ), съ какой Джемсъ, полемизируетъ противъ нихъ, видно, что въ Америкѣ не мало лицъ, страдающихъ столь сильнымъ преувеличеніемъ. Попадаются они и въ Западной Европѣ, и въ Россіи, хотя по всему замѣтно, что ихъ особенно много въ Америкѣ, странѣ, которая пріобщилась къ основательному изученію философскихъ наукъ еще позднѣе, чѣмъ Россія.

Чѣмъ же объяснить всѣ эти преувеличенія? Два рода причинъ рождаютъ ихъ, и каждый изъ нихъ можетъ породить при благопріятныхъ условіяхъ сразу оба вида преувеличенія. Одинъ родъ — причины чисто интеллектуальныя, а другой — причины нравственныя, о которыхъ скажемъ подъ конецъ и лишь вкратцѣ; ибо первыя гораздо важнѣе, да съ ними и бороться нужнѣе всего. Интеллектуальныя причины вотъ каковы:

1. Говоря о значеніи экспериментированія для психологіи не отличаютъ психофизіологіи отъ чистой психологіи, поэтому несомнѣнную важность его для первой ошибочно распространяютъ на вторую.

2. Говоря же о значеніи экспериментированія въ *чистой* психологіи упускаютъ изъ виду, что, поскольку оно обходится безъ измѣреній, оно издавна употреблялось въ ней подъ именемъ самонаблюденія, личнаго или коллективнаго. Если же не хотятъ называть его экспериментированіемъ, то нужно такъ сказать: постоянно упускаютъ изъ виду, что въ числѣ пріемовъ самонаблюденія есть и такіе, которые по существу своему вполнѣ однородны съ неизмѣрительнымъ экспериментированіемъ. (См. выше стр. 95 и слѣд.). Но какъ бы мы ни выражались, это невнимательное отношеніе къ издавна употреблявшимся методамъ психологіи постоянно заставляетъ упускать изъ виду, что при оцѣнкѣ значенія чистой экспериментальной психологіи (подразумѣвая подъ ней, какъ это всегда и дѣлается, психологію, возникшую съ 1860 г.) надо вести рѣчь лишь о значеніи *измѣрительнаго* экспериментированія для чистой психологіи. А вслѣдствіе такого недосмотра ждутъ отъ него всѣхъ тѣхъ услугъ, которыя можетъ оказывать экспериментированіе *вообще* — и измѣрительное, и неизмѣрительное, т. е. сразу преувеличиваютъ значеніе экспериментированія, возникшаго съ 1860 г.

3. Говоря же *спеціально объ измѣрительномъ* экспериментированіи и объ его важности, оставляютъ безъ изслѣдованія, нѣтъ ли въ душевной

жизни такихъ особенностей, которыя сильно ограничивали бы услуги, какія можно отъ него ждать для чистой психологіи. (Сравн. выше стр. 100 и слѣд.). А вслѣдствіе этого невольно преувеличиваютъ и важность для чистой психологіи самого то измѣрительнаго экспериментированія, *какъ такового* (т. е. еще помимо того, что ждутъ отъ него услугъ, какъ бы отъ экспериментированія вообще). Отъ него ошибочно ждутъ примѣрно такихъ же услугъ, какъ и въ другихъ наукахъ.

4. Возникающее только что описаннымъ путемъ преувеличеніе важности измѣрительнаго экспериментированія, *какъ такового*, давно уже усиливалось еще однимъ обстоятельствомъ. Четверть вѣка назадъ Эббингаузъ производилъ свои чисто психологическіе эксперименты надъ памятью, обнародованные имъ въ 1885 г. въ книжкѣ „Ueber das Gedächtniss“. Эксперименты его производились надъ чисто-механической дѣятельностью памяти, надъ заучиваніемъ безсмысленныхъ сочетаній слоговъ. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, гдѣ при надлежащей постановкѣ экспериментовъ препятствіе, оказываемое измѣрительному экспериментированію со стороны тѣсной связи разныхъ сторонъ душевной жизни другъ съ другомъ явно отпадаетъ. И вотъ, кто не принимаетъ во вниманіе, что въ другихъ то случаяхъ это препятствіе окажется неустранимымъ, да еще всплыветъ на сцену другое, состоящее въ безпрерывной измѣнчивости душевной жизни, тому нѣкоторыя изъ изслѣдованій Эббингауза должны были внушать мысль, что при достаточномъ усердіи къ измѣрительному экспериментированію вся чистая психологія (по крайней мѣрѣ — основная, къ которой относились и эксперименты Эббингауза) рано или поздно будетъ выражена въ видѣ системы математически формулированныхъ чисто-психологическихъ законовъ, при помощи которыхъ мы въ состояніи даже будемъ вычислять, какъ пойдетъ ходъ душевныхъ явленій при тѣхъ или другихъ условіяхъ. Дѣйствительно изъ нѣкоторыхъ изслѣдованій Эббингауза вытекало, что онъ уже уловилъ и математически формулировалъ кое-какіе изъ чисто-психологическихъ законовъ, управляющихъ дѣятельностью памяти. Въ видѣ примѣра возьмемъ здѣсь лишь два изъ его изслѣдованій. (Впослѣдствіи же мы упомянемъ еще о двухъ другихъ, такъ какъ они служатъ лишнимъ и при томъ очень убѣдительнымъ подтвержденіемъ нѣкоторыхъ выводовъ, которые мы установимъ посредствомъ наблюденій).

Первое. Эббингаузъ заучивалъ вполнѣ безсмысленный рядъ, состоящій изъ 16 слоговъ, образованныхъ чрезъ соединеніе одной согласной съ одной гласной, при чемъ буквы, написанныя на карточкахъ, вынимались наудачу изъ двухъ ящиковъ. Если случайно выходили сочетанія слоговъ, имѣющія какой либо смыслъ, то они отбрасывались и замѣнялись новыми. Заучиваніе состояло въ томъ, что онъ прочитывалъ этотъ рядъ разъ за разомъ постоянно съ одинаковой скоростью (для чего сначала Эббингаузъ сталъ было пользоваться метрономомъ, но быстро убѣдился, что скорость чтенія легко регулировать, взглядывая отъ времени до времени на карманные часы). Такое повторное чтеніе указаннаго ряда продолжалось такъ

долго, чтобы Эббингаузъ могъ тотчасъ же по окончаніи послѣдняго чтенія сказать этотъ рядъ два раза наизустъ безъ всякихъ ошибокъ и съ такой же скоростью, съ какой его читалъ при заучиваніи. — *Условимся для краткости* во всемъ послѣдующемъ изложеніи заучиваніе, доведенное до *этой* степени, называть *безошибочнымъ заучиваніемъ* — *Тотъ же самый* рядъ Эббингаузъ опять заучивалъ въ тѣ же часы на другой день, потомъ на третій день и т. д., прочитывая его въ данный день лишь столько разъ, сколько нужно было, чтобы въ этотъ день снова заучить его *безошибочно*. Конечно, заранѣе можно было предвидѣть, что время, употребляемое на подобныя заучиванія, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе будетъ уменьшаться, какъ это и оказалось на дѣлѣ. Но суть-то дѣла здѣсь въ томъ, что сравнивая величины времени, выраженнаго *въ минутахъ*, нужныя для каждаго изъ этихъ повторныхъ заучиваній, Эббингаузъ замѣтилъ, что онѣ подчинены слѣдующему закону: *сосѣднія разности временъ, употребленныхъ на такое заучиваніе въ два сосѣднихъ дня постояно образуютъ другъ съ другомъ равныя геометрическія отношенія*. Для знающихъ прогрессіи проще будетъ выражать это такъ: разности временъ, употребляемыхъ на такое заучиваніе въ два сосѣднихъ дня, образуютъ геометрическую прогрессію. Такъ, назовемъ время, употребленное на первое безошибочное заучиваніе этого ряда, буквой A; время, употребленное на безошибочное заучиваніе того же самаго ряда на другой день, буквой B; на третій день — C; на четвертый — D; на пятый — E и т. д. Тогда выходитъ:

$$(A - B) : (B - C) = (B - C) : (C - D) = (C - D) : (D - E) = \ldots\ldots n.$$

Или получается такая геометрическая прогрессія:

$$(A - B) : (B - C) : (C - D) : (D - E) : \ldots\ldots = n.$$

Второе изслѣдованіе. Изъ перваго изслѣдованія Эббингаузу сдѣлалось извѣстнымъ, сколько повторныхъ прочитываній надо, чтобы безошибочно (въ условномъ смыслѣ этого слова) заучить въ первый разъ рядъ въ 16 слоговъ. Назовемъ число такихъ повтореній чтенія черезъ X. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему стало извѣстно, сколько разъ надо прочесть *тотъ же самый* рядъ на другой день, чтобы снова безошибочно заучить его. Назовемъ число этихъ повтореній того же ряда черезъ Y, при чемъ, конечно, Y будетъ меньше, чѣмъ X. Конечно, заранѣе видно, да Эббингаузъ осторожности ради подтвердилъ добавочными контрольными опытами, что изъ какихъ бы слоговъ ни составляли мы ихъ безсмысленные ряды, однородная работа (напримѣръ, работа для перваго безошибочнаго заучиванія) надъ рядами одинаковой длины (напримѣръ, каждый въ 16 слоговъ) будетъ одинаковой, лишь бы ряды слоговъ оказывались вполнѣ безсмысленными и лишь бы слоги составлялись одинаковыми способами (напримѣръ изъ одной согласной и одной гласной, а не такъ, чтобы въ одномъ ряду они были составлены этимъ способомъ, а въ другомъ изъ двухъ или трехъ согласныхъ

и одной гласной и т. п.). Поэтому, если на одинъ безсмысленный рядъ въ 16 слоговъ для перваго безошибочнаго заучиванія требовалось X повтореній, а для безошибочнаго заучиванія того же самаго ряда на второй день Y повтореній, то и для всякаго ряда въ 16 слоговъ, составленныхъ такимъ же способомъ, какъ въ первомъ, понадобятся тѣ же самыя числа повтореній и въ первый, и во второй день, какъ для перваго ряда. Принявъ это во вниманіе Эббингаузъ сталъ заучивать новый, незнакомый для его памяти, рядъ въ 16 слоговъ, составленныхъ такъ же, какъ и при первомъ изслѣдованіи, прочитывая его однако *большее* число разъ, чѣмъ это нужно для безошибочнаго заучиванія, напримѣръ вмѣсто X разъ онъ повторялъ этотъ рядъ $X+6$ разъ. На другой день въ тѣ же самые часы дня онъ снова заучивалъ тотъ же рядъ, но повторяя *лишь столько* разъ, чтобы снова заучить его безошибочно. И оказалось, что для этой цѣли нужно теперь не Y повтореній, какъ это бываетъ съ рядами, заученными наканунѣ безъ лишнихъ повтореній (противъ тѣхъ X, какія нужны для безошибочнаго заучиванія), а только $Y-2$. Продѣлавъ нѣсколько подобныхъ экспериментовъ съ разными по содержанію буквъ *такими же* рядами, Эббингаузъ нашелъ для *этихъ* рядовъ (т. е. для рядовъ, каждый въ 16 слоговъ, составленныхъ изъ одной согласной и одной гласной) слѣдующій законъ: *если вмѣсто X повтореній, необходимыхъ для перваго безошибочнаго заучиванія подобнаго ряда сдѣлать $X+m$ повтореній, то на другой день въ тѣ же часы понадобится для безошибочнаго заучиванія того же ряда не Y повтореній, какія нужны были бы, если бы наканунѣ не было никакихъ лишнихъ повтореній, но всего только $Y-\frac{m}{3}$*, т. е. на каждыя три *лишнихъ* повторенія наканунѣ уменьшается на другой день на единицу число повтореній, необходимыхъ для второго безошибочнаго заучиванія того же ряда.

Однако, замѣтимъ кстати, Эббингаузъ убѣдился, что такая пропорціональность между лишними повтореніями при первомъ безошибочномъ заучиваніи уменьшеніемъ повтореній при второмъ ограничена какими то предѣлами; ибо сколько лишнихъ повтореній ни дѣлалъ бы онъ при первомъ заучиваніи (т. е. какъ бы ни было велико число m), ему никогда не удавалось дойти до того, чтобы Y, т. е. число повтореній, необходимыхъ для безошибочнаго заучиванія того же ряда на другой день, обратилось въ нуль. Всегда надо было прочесть его хоть одинъ разъ, чтобы получить возможность сказать его безъ всякихъ ошибокъ два раза наизусть и съ такой же скоростью, какъ при заучиваніи. Обстоятельство, которое лишній разъ подтверждаетъ постоянное наблюденіе, что какъ бы ни напрягалось чисто механическая дѣятельность памяти, ея результаты все таки подвергаются разрушительному дѣйствію забвенія, и никакими чисто механическими усиліями ихъ нельзя сдѣлать вовсе неподдающимися забвенію. Основанное на однихъ лишь наблюденіяхъ знаніе этого обстоятельства сказывается уже въ томъ, что многіе учащіеся (конечно, не всѣ), какъ бы хо-

рошо ни приготовились они къ экзамену, считаютъ рѣшительно невозможнымъ приступить къ нему безъ всякаго повторенія пройденнаго, если онъ будетъ отложенъ, хотя бы даже всего лишь на недѣлю; а если его отложатъ на мѣсяцъ и болѣе, то свою первую подготовку считаютъ совсѣмъ напрасно пропавшей.

Конечно, эти два найденныхъ Эббинггаузомъ закона имѣютъ столь узкое значеніе, что имъ нельзя приписывать никакой научной цѣнности — ни теоретической, ни прикладной. Вѣдь эти два закона имѣютъ значеніе лишь для такой чисто-механической дѣятельности памяти, которая сказывается при заучиваніи только безсмысленныхъ рядовъ слоговъ, да еще рядовъ, состоящихъ каждый изъ 16 слоговъ, да еще составленныхъ изъ одной согласной и одной гласной, да еще заучиваемыхъ съ такой же скоростью, съ такой же силой чисто-механической дѣятельности памяти, какъ у самого Эббингауза, да еще при такомъ же напряженіи вниманія, какъ было у него, (а онъ, чтобы избѣжать вліянія колебаній вниманія на скорость заучиванія, всегда напрягалъ его при заучиваніи и при воспоминаніяхъ до наивысшей степени) и т. д. Но тѣмъ, кто упускаетъ изъ виду, что вслѣдствіе крайне тѣсной связи другъ съ другомъ разныхъ сторонъ душевной жизни и ея безпрерывной глубокой измѣнчивости кругъ годности измѣрительнаго экспериментированія въ примѣненіи къ чисто-психологическимъ вопросамъ всегда будетъ крайне ограниченнымъ, тѣмъ должно было казаться, что стоитъ только поусерднѣе заняться чисто-психологическимъ экспериментированіемъ, какъ психологія быстро наполнится *также и важными* математически формулированными законами душевной жизни. Особенно же легко могли пропитаться такими ожиданіями, кто подъ вліяніемъ Гербарта, а отчасти другихъ философовъ, привыкъ разсматривать душевную жизнь, какъ бы состоящую изъ комбинацій постоянно сохраняющихся въ неизмѣняемомъ видѣ элементовъ (въ родѣ того, какъ тѣла въ нѣкоторыхъ гипотезахъ считаются состоящими изъ комбинацій неизмѣняемыхъ атомовъ), а всѣ перемѣны душевной жизни, какъ перемѣны въ ихъ комбинаціяхъ, — взглядъ, глубоко ошибочный; ибо ничто въ душевной жизни, кромѣ ея законовъ, не остается неизмѣняемымъ, да и, такъ называемые, ея элементы — ничто иное, какъ наши абстракціи разныхъ сторонъ душевныхъ состояній, сторонъ, которыя существуютъ только тогда, когда на дѣлѣ переживаются эти состоянія.

5. Перечень интеллектуальныхъ причинъ, порождающихъ преувеличеніе значенія даже современной экспериментальной психологіи, надо закончить указаніемъ, что *многихъ сбиваетъ съ толку двусмысленное слово „опытъ“*, обозначающее то только экспериментъ, какъ, напр., у физиковъ, физіологовъ и т. д. у всѣхъ натуралистовъ, то совокупность какъ экспериментовъ, такъ и наблюденій, какъ это принято у философовъ. Подъ вліяніемъ этого двусмысленнаго слова многіе авторы приписываютъ въ видѣ заслуги психологическому эксперименту то, что въ дѣйствительности добыто посредствомъ наблюденія. Напримѣръ: многіе, перечисляя заслуги экспериментальной психологіи, ставятъ за ея счетъ результаты, добытые посредствомъ анкетнаго

метода, или систематическихъ разспросовъ (т. е. посредствомъ приглашенія къ самонаблюденію). Отъ этого экспериментальная психологія, конечно, кажется имѣющей гораздо больше значенія, чѣмъ сколько у нея на дѣлѣ. Правда, анкетный методъ вполнѣ подходитъ подъ понятіе *экспериментированія*, но такого, которое издавна употреблялось въ психологіи подъ именемъ наблюденія; да говорятъ то при этомъ о значеніи не такого экспериментированія, а возникшаго лишь съ 1860 г. Такимъ смѣшеніемъ разныхъ значеній термина „опытъ“ особенно часто отличаются французы, у которыхъ слово „*experience*“ означаетъ и экспериментъ, и опытъ вообще, а „*experimental*“ — основанный и на экспериментѣ, и на опытѣ вообще, при чемъ это прилагательное употребляется издавна, какъ бы произведенное отъ „experience“, а терминъ „*experiment*“ принадлежитъ къ числу неологизмовъ, лишь недавно сталъ употребляться у нихъ. И вовсе неудивительно, что французы писали курсы „*экспериментальной*“ психологіи еще задолго до 1860 г. Дѣло объясняется тѣмъ, что подъ *experimental* они подразумѣвали психологію, основанную вовсе не на экспериментѣ, а на опытѣ (т. е. на самонаблюденіи), и въ отличіе отъ метафизической психологіи говорящую лишь о томъ, что дано въ опытѣ. По всему этому, читая что либо объ экспериментальной психологіи и ея значеніи, слѣдуетъ обращать вниманіе, не употребляетъ ли авторъ вмѣсто „экспериментъ“ слово „опытъ“ и не смѣшиваетъ ли подъ вліяніемъ его двусмысленности услугъ, такъ называемой, наблюдательной (слѣдовало бы говорить — неизмѣрительной) психологіи съ услугами, такъ называемой, экспериментальной (слѣдовало бы говорить — измѣрительной).

Въ связи съ этимъ указаніемъ на небрежное обращеніе съ терминомъ „опытъ“ будетъ кстати упомянуть *о крайнемъ преувеличеніи значенія для дидактики не современной экспериментальной психологіи, но экспериментальнаго метода*. Мы имѣемъ въ виду книгу одного нѣмецкаго педагога *Лая* «*Экспериментальная дидактика*», появившуюся и на русскомъ языкѣ (Спб. 1906 г.). Авторъ ея, убѣдившись, что современная экспериментальная психологія ровно ничего не даетъ для дидактики (для той части педагогики, которая занимается теоріей обученія), объясняетъ это тѣмъ, что психологи интересуются не такими изслѣдованіями, которыя были бы нужны для учителей, да къ тому же и не знакомы съ многими вопросами, возникающими въ учительской практикѣ. Отсюда онъ заключаетъ, что дидактикѣ не слѣдуетъ питаться лишь крупицами, падающими со стола психологіи, но она „*должна стараться самостоятельно разрѣшать психологическіе вопросы дидактическаго свойства*“. Это его подлинныя слова (l. c. стр. 444). Въ этомъ, замѣтимъ кстати, и состоитъ его отличіе отъ книги г. Нечаева, вышедшей нѣсколько раньше: „Современная экеперименталъная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія“ (Спб. 1901), которую самъ авторъ тоже характеризуетъ, какъ опытъ экспериментальной дидактики: г. Нечаевъ хочетъ поставить положенія дидактики въ связь съ *экспериментальной психологіей*, а Лай отрицаетъ под-

ность послѣдней для дидактики. Настаивая, чтобы дидактика самостоятельно рѣшала психологическіе вопросы дидактическаго свойства, Лай рекомендуетъ ей для этой цѣли *экспериментальный* методъ и съ большимъ пренебреженіемъ относится къ существующей до него дидактикѣ. Но что онъ называетъ экспериментальнымъ методомъ? Вотъ его подлинныя слова: „наблюденія, массовыя изслѣдованія (enquête) и экспериментъ... такой методъ дидактическаго изслѣдованія можно во всякомъ случаѣ въ общемъ назвать экспериментальнымъ. Дидактику, которая старается рѣшить свои задачи главнымъ образомъ при помощи эксперимента и массового изслѣдованія въ соединеніи съ наблюденіемъ, мы назвали экспериментальной дидактикой“ (l. c. стр. 444 и 445). Конечно, если экспериментальнымъ методомъ *назвать*, какъ это дѣлаетъ Лай, *всякій* методъ, какой только можетъ приносить пользу наукѣ, то легко доказать, что экспериментальный методъ употребляется и въ астрономіи (въ наукѣ чисто-наблюдательной) и даетъ восхитительные результаты въ видѣ точнѣйшихъ астрономическихъ предсказаній и точнѣйшихъ вычисленій времени уже давно совершившихся явленій. Но слѣдуетъ ли такъ обращаться съ терминомъ „экспериментальный“, какъ это дѣлаетъ Лай?

Заговоривъ объ его книгѣ, отвѣтимъ заодно на часто предлагаемый вопросъ: „какъ относиться къ ней?“ — Съ большой осторожностью: человѣкъ, свѣдующій въ дѣлѣ, извлечетъ изъ нея кое-что полезнаго; ибо авторъ — педагогъ съ многолѣтней опытностью и несомнѣнно большой начитанностью (хотя не все хорошо уварилось у него въ головѣ — можетъ быть, онъ читалъ больше, чѣмъ успѣвалъ думать); но въ его книгѣ наряду съ цѣнными вещами много удивительнаго вздора, который для малосвѣдущаго читателя тѣмъ хуже, что Лай обо всемъ говоритъ съ поразительнымъ апломбомъ. Какъ примѣръ вздора, достаточно привесть такія мѣста изъ его книги: „теорія познанія требуетъ, чтобы въ практикѣ обученія, при составленіи учебныхъ плановъ, организацій школъ было принято во вниманіе, что цѣль преподаванія составляетъ не логическое доказательство, но чувственное убѣжденіе. Наивысшую степень убѣжденія даетъ не формальная достовѣрность отвлеченныхъ положеній, но матеріальная достовѣрность сужденій воспріятія, средствомъ достиженія которой является преподаваніе реальныхъ свѣдѣній“ (l. c. стр. 217). Потому-то элейская школа и была убѣждена въ невозможности движенія на основаніи логическихъ доказательствъ, а Коперникъ удостовѣрился благодаря имъ и вопреки достовѣрности воспріятія въ подвижности земли?! Другой примѣръ: „дидактика должна вмѣсто силлогизма, примѣнять теорію умозаключеній, соотвѣтствующую современной наукѣ“ (ibid). Впрочемъ, все это, можетъ быть, оттого только и кажется страннымъ, что и мы примѣняемъ къ дѣлу силлогизмы, и дѣти невольно, по природѣ, поступаютъ такъ, а надо и самимъ отвыкнуть отъ такой дурной наклонности, и дѣтей отучить: можетъ быть, тогда все вздорное въ книгѣ Лая покажется мудрымъ и глубокомысленнымъ. Впрочемъ книга Лая имѣетъ одну несомнѣнно цѣнную сторону: она

служитъ превосходнымъ подтвержденіемъ, что современная экспериментальная психологія не имѣетъ ни малѣйшаго значенія для педагогики, по крайней мѣрѣ — для дидактики. Вѣдь Лай страстно жаждетъ усовершенствовать дидактику посредствомъ психологическаго экспериментированія, и онъ горячо вѣритъ въ эту возможность; поэтому было бы вполнѣ естественнымъ, если бы онъ преувеличивалъ значеніе современной экспериментальной психологіи, если бы онъ дѣлалъ изъ нея такія дидактическія заключенія, къ которымъ она еще не уполномочиваетъ. Но онъ принужденъ разсчитывать не на нее, а на то психологическое экспериментированіе, которое будетъ производиться помимо экспериментальной психологіи, самой же дидактикой. И такой судъ надъ нынѣшней экспериментальной психологіей произнесенъ не учеными въ родѣ Джемса, Мюстерберга и Цигена, крупными, авторитетными, да неимѣвшими, можетъ быть, никакой педагогической практики, но педагогомъ — практикомъ, у котораго почти двадцатилѣтняя педагогическая опытность. Это — хорошій знакъ, показывающій, что правильное отношеніе къ вопросу о значеніи экспериментальной психологіи для педагогики стало проникать изъ среды спеціалистовъ — теоретиковъ и въ среду спеціалистовъ — практиковъ.

Теперь же нѣсколько словъ о причинахъ нравственнаго характера, которыя могутъ побуждать къ сильному преувеличенію значенія экспериментированія для рѣшенія чисто-психологическихъ или же педагогическихъ вопросовъ. Всѣ онѣ сводятся къ тому, что такого рода экспериментированіе (т. е. чисто-психологическое или же педагогическое) даетъ возможность неизмѣримо легче, чѣмъ другими научными работами, тѣшить свое самолюбіе — пропитавшись убѣжденіемъ, будто бы этимъ путемъ навѣрное содѣйствуешь научному прогрессу. Большая публика знаетъ, основываясь на примѣрѣ физики и химіи, что экспериментированіе составляетъ могучее орудіе для научныхъ изслѣдованій, а нѣтъ ли причинъ, которыя дѣлали бы его примѣненіе къ нѣкоторымъ вопросамъ безплоднымъ, въ этомъ она не можетъ разобраться и принимаетъ съ полнымъ довѣріемъ все, что ей подносится съ ссылкой на экспериментъ, хотя бы притянутый за волосы. Вмѣстѣ съ тѣмъ психологическое экспериментированіе, особенно въ его кажущихся примѣненіяхъ къ педагогикѣ, вещь крайне, легкая. И по всему этому изъ самой же публики выходитъ (*явленіе, неповторяющееся въ другихъ экспериментальныхъ наукахъ*) цѣлая масса экспериментальныхъ психологовъ, такъ же мало подготовленныхъ къ научной дѣятельности, какъ и большая публика въ ея цѣломъ, относящихся къ эксперименту съ такимъ же ничѣмъ не ограниченнымъ благоговѣніемъ, какъ и она, и подъ вліяніемъ этого благоговѣнія твердо убѣжденныхъ, что они несомнѣнные сотрудники научнаго прогресса — вотъ это то ихъ и соблазняетъ. И легко понять, какую атмосферу преувеличенія значенія экспериментальной психологіи должна создать эта армія психологовъ и какъ она должна дѣй-

ствовать на умы тѣхъ, кто склоняется голоса не взвѣшивать, а всего только считать: словно снѣжный комъ, постоянно увеличивающійся въ своихъ размѣрахъ, катится все дальше и дальше молва о необычайной важности даже нынѣшней экспериментальной психологіи. А если у кого возникнуть сомнѣнія оттого, что онъ натолкнется на мнѣнія Джемса, Вундта и т. п., то его быстро успокоятъ соображеніемъ, что психологія, какъ только стала пользоваться экспериментированіемъ, должна была, подобно всѣмъ экспериментальнымъ наукамъ, сдѣлаться столь живой и подвижной наукой, что нерѣдко относящаяся къ ней книга успѣваетъ устарѣть даже во время своего печатанія; а всѣ эти мнѣнія, хотя и высказаныя столь авторитетными учеными, да и книги, въ которыхъ они изложены успѣли *устарѣть*: ибо съ той поры появилось и каждый годъ появляется множество экспериментально-психологическихъ работъ. И дѣйствительно—множество; но научнымъ то значеніемъ изъ нихъ обладаютъ, какъ и полстолѣтія назадъ, только тѣ, которыя вовсе не гонятся за рѣшеніемъ психологическихъ вопросовъ по существу, а ограничиваются лишь методологическими задачами, стараются, пользуясь разсматриваемымъ вопросомъ *всего лишь какъ примѣромъ*, добиться лучшихъ методовъ чисто-психологическаго экспериментированія, чѣмъ существующіе до сихъ поръ. И если психологи изъ публики направятъ въ одну лишь эту сторону свои усилія, то они дѣйствительно окажутся сотрудниками научнаго прогресса: но для этого, конечно, необходимо прежде всего научиться тщательнѣйшимъ образомъ анализировать факты душевной жизни, какими бы путями они ни были констатированы—наблюденіемъ ли или экспериментомъ. Безъ такого умѣнья нельзя и отличить, къ какимъ выводамъ данный экспериментъ можетъ уполномочивать, а къ какимъ нѣтъ, и нельзя подмѣтить, въ чемъ именно нужно усовершенствовать употребляемый при немъ пріемъ экспериментированія. *Усовершенствованіе же нынѣшнихъ пріемовъ экспериментированія полезно уже и тѣмъ, что оно дастъ возможность точнѣе очертить границы годности экспериментированія въ чисто-психологическихъ вопросахъ*; въ настоящее время это, кажется, можетъ быть исполнено только въ такихъ приблизительныхъ контурахъ, какъ сдѣлано выше (см. выше, въ частности стр. 101, 102 и 106).

Въ заключеніе замѣтимъ, что всякому, кто хочетъ изучать чистую психологію, необходимо быть нѣсколько освѣдомленнымъ и относительно ея экспериментальной части, а не оставлять ее безъ всякаго вниманія, поджидая, пока въ ней выработаютъ что нибудь болѣе важное, чѣмъ добавочное подтвержденіе выводовъ, добываемыхъ и посредствомъ наблюденій. Тогда уже его не собьютъ съ толку никакими преувеличеніями значенія чисто-психологическаго экспериментированія, чѣмъ бы ни вызывались эти преувеличенія. Къ тому же надо быть приготовленнымъ сразу понять и усвоить все болѣе важное, что можетъ быть впослѣдствіи добыто посредствомъ экспериментированія. А не надо упускать изъ виду, что еще нельзя вполнѣ

отрицать возможности появленія спорадическихъ, болѣе или менѣе важныхъ услугъ съ его стороны даже и въ основной психологіи: изъ всѣхъ нашихъ соображеній вытекаетъ лишь, что если и можно ждать ихъ, то только въ небольшомъ числѣ, *именно — какъ спорадическія*, а вовсе не то, чтобы онѣ были рѣшительно невозможны. Еще вѣрнѣе ждать ихъ въ психопатологіи, гдѣ экспериментированіе можетъ установить выраженные въ цифрахъ симптомы разныхъ заболѣваній; ибо когда рѣчь идетъ не о томъ, чтобы выяснить зависимость количественныхъ перемѣнъ даннаго душевнаго явленія отъ какого-либо обстоятельства, а только о томъ, чтобы пользоваться собранными цифрами, какъ симптомомъ заболѣванія, то измѣрительное экспериментированіе не можетъ считаться безплоднымъ только оттого, что нельзя разобраться, проявленія какихъ именно душевныхъ способностей сказываются въ этихъ цифрахъ, лишь бы онѣ имѣли симптоматическое значеніе. Можетъ быть, на дѣлѣ лишь крайне рѣдко или даже вовсе не удастся добывать путемъ эксперимента такія симптоматическія цифры; но заранѣе, по крайней мѣрѣ, еще не видно никакихъ непреодолимыхъ препятствій въ этомъ направленіи. Только длинный рядъ безплодныхъ и въ то же время крайне разнообразныхъ попытокъ могъ бы доказать ошибочность такихъ ожиданій. Точно также пока еще нѣтъ основаній заранѣе отвергать возможность посредствомъ комбинаціи широко поставленныхъ наблюденій съ психологическимъ экспериментированіемъ установить симптоматическія цифры, при помощи которыхъ можно было бы быстро и точно распознавать наступленіе важныхъ для педагога душевныхъ состояній ученика въ родѣ, напримѣръ, такой степени утомленія, при которой полезно перейти къ работѣ другого рода и т. п. Словомъ: нельзя сомнѣваться въ необходимости пополнять изученіе чистой психологіи нѣкоторымъ знакомствомъ и съ экспериментальной чистой психологіей, пусть даже хотя бы для одного того, чтобы намъ никто не могъ пустить ею пыль въ глаза. Поэтому учащимся слѣдуетъ вникнуть во всѣ приводимые въ курсѣ эксперименты, а не относиться къ нимъ, какъ къ примѣрамъ, которые при пониманіи поясняемаго ими текста могли бы быть и пропущены. Съ этого то, въ связи съ общей характеристикой психологическаго экспериментированія и причинъ его слабыхъ успѣховъ, пусть и начнется знакомство съ нимъ. Не лишнее будетъ вникнуть и въ эксперименты, изложенные въ „Индивидуальной психологіи“ Бине и Виктора Анри. Послѣ же изученія всего курса основной психологіи слѣдить самостоятельно за тѣмъ, что дѣлается въ экспериментальной психологіи, вслѣдствіе ея легкости, будетъ каждому доступно.

8. Направленія психологіи по вопросу о существованіи души.

Въ составъ изученія каждой науки должно входить и знакомство съ основными направленіями, въ которыхъ она разрабатывается. Познакомиться же при изученіи психологіи съ ея основными направленіями тѣмъ необхо-

дѣлѣе, что психологической литературой надо пользоваться не такъ, чтобы пополнять свои свѣдѣнія, просто присоединяя ихъ другъ къ другу изъ разныхъ книгъ по психологіи; ибо часто взгляды, которые вѣрны съ точки зрѣнія одного направленія, неумѣстны съ точки зрѣнія другого, такъ что надо умѣть выдѣлять изъ нихъ чисто фактическое содержаніе, редактируя изложеніе послѣдняго либо независимо отъ какого бы то ни было направленія, либо въ духѣ своего собственнаго.

Направленія въ разработкѣ психологіи различаются: 1) по вопросу существованіи души и 2) по вопросу о составѣ душевной жизни.

Что касается вопроса о существованіи души, то одно изъ направленій можно назвать „*психологіей безъ души*“ или „*критической психологіей*“. Оно ничего ровно не высказываетъ относительно вопроса о существованіи души, не отрицаетъ, но и не утверждаетъ его и вообще ничего не говоритъ относительно причины существованія душевной жизни. Всѣ свои положенія оно формулируетъ и редактируетъ такъ, чтобы они были одинаково пріемлемы при всѣхъ взглядахъ по вопросу о существованіи души, признаютъ ли они его или отрицаютъ. Это направленіе, конечно, не отрицаетъ того факта, что всякое душевное явленіе связано съ тѣлеснымъ; но оно признаетъ его просто, какъ фактъ, какъ законъ, управляющій душевными явленіями, безъ всякаго метафизическаго истолкованія. Такая точка зрѣнія на связь душевныхъ явленій съ тѣлесными, воздерживающаяся отъ всякаго метафизическаго объясненія этой связи, но допускающая параллелизмъ душевныхъ явленій съ телѣсными просто, какъ одинъ изъ основныхъ законовъ душевной жизни, называется *принципомъ психофизическаго параллелизма*. Наконецъ, вмѣсто того, чтобы объяснять душевныя явленія метафизически, критическая психологія вообще объясняетъ ихъ лишь законами душевной жизни, которымъ они подчинены, объясняя нѣкоторые изъ этихъ законовъ тѣмъ, что они служатъ слѣдствіями другихъ основныхъ, а основные допускаетъ просто, какъ засвидѣтельствованный опытамъ фактъ.

Но почему же не назвать этого направленія позитивнымъ или позитивной психологіей? Вѣдь позитивизмъ тоже отрицаетъ метафизику въ видѣ знанія и требуетъ, чтобы мы всѣ факты объясняли не посредствомъ предположенія о сущностяхъ, рождающихъ факты, а посредствомъ законовъ природы, которымъ они подчиняются? Но на дѣлѣ онъ самъ, хотя и отрицаетъ метафизику въ видѣ знанія, исподтишка впадаетъ въ метафизику матеріалистическую, а слѣдовательно и атеистическую, при чемъ и въ ту, и въ другую какъ бы саму собой разумѣющуюся для него. Позитивизмъ отличается отъ критицизма тѣмъ, что всю свою теорію познанія ограничиваетъ лишь закономъ трехъ фазисовъ. Онъ говоритъ о томъ, какъ развивались науки въ различное время, и безъ всякихъ доказательствъ считаетъ послѣдній фазисъ высшимъ фазисомъ развитія. Разъ что послѣдній фазисъ считается высшимъ только оттого, что онъ послѣдній, то на позитивизмъ должны были вліять тѣ умственныя теченія, которыя были, если и не господствующими, то самыми новыми въ странѣ, гдѣ онъ возникъ, т. е. во

Франціи; а тамъ какъ разъ новѣе другихъ было матеріалистическое теченіе. Отъ всего этого и вышло, что хотя Огюстъ Контъ отрицалъ всякую метафизику, все-таки на дѣлѣ придерживался матеріализма; и у его послѣдователей позитивизмъ тоже былъ несвободенъ отъ примѣси матеріалистической метафизики, такъ что многимъ стало даже казаться, что будто бы по своему существу позитивизмъ и матеріализмъ—одно и то же. До какой степени онъ несвободенъ отъ безсознательной и исподтишной метафизики, уже видно изъ того, какъ онъ характеризуетъ свой первый фазисъ. Онъ называетъ его богословскимъ, такъ какъ въ этомъ фазисѣ наука объясняетъ факты природы силами божественныхъ существъ,—сперва многихъ, а потомъ одного. Но этотъ же фазисъ онъ называетъ другимъ именемъ—„богословскимъ“ *или* „фиктивнымъ“; слѣдовательно, фиктивный *или* богословскій для него—одно и то же. Въ глазахъ основателя позитивизма объясненіе волей божества есть ничто иное, какъ завѣдомая *фикція, выдумка*. Слѣдовательно, позитивизмъ заблаговременно, заранѣе, уже въ своей теоріи познанія, занялъ партійное положеніе въ метафизическомъ ученіи о Богѣ. Вотъ потому-то, что онъ несвободенъ отъ примѣси матеріализма, и нельзя критическое направленіе въ психологіи называть вмѣстѣ съ тѣмъ и позитивнымъ.

Догматическія или метафизическія направленія въ психологіи все-таки еще не исчезли, что объясняется нашей сильнѣйшей наклонностью къ метафизикѣ. Намъ очень трудно навсегда освободиться отъ тщетныхъ попытокъ рѣшать въ видѣ знанія трансцендентные вопросы. Подобно тому, какъ мы можемъ знать доказательство невозможности рѣшить геометрическимъ путемъ задачу трисекціи угла, т. е. дѣленія угла на три равныхъ части, и все-таки пытаться ее рѣшить,—то же самое съ метафизикой: она касается такихъ глубокихъ и важныхъ для человѣка вопросовъ, что ее постоянно пытаются построить въ видѣ знанія, несмотря на существованіе критической теоріи познанія.

Опишемъ же теперь метафизическія направленія, существующія въ психологіи. Ихъ всего три: 1) матеріализмъ, 2) спиритуализмъ (онъ же дуализмъ) и 3) психо-психическій монизмъ.

Матеріализмомъ называется отрицаніе самостоятельности духовнаго начала, т. е. существованія души, вслѣдствіе чего матеріализмъ утверждаетъ, что всѣ душевныя явленія—продукты одной только матеріи, именно—матеріи, организованной въ видѣ головного мозга. Онъ подтверждаетъ себя указаніемъ на связь душевныхъ явленій съ матеріальными, на то, что возникновеніе первыхъ зависитъ отъ возникновенія вторыхъ, при чемъ *эту* зависимость душевныхъ явленій отъ матеріальныхъ истолковываетъ, какъ *причинную*. Этимъ-то истолкованіемъ матеріализмъ объясняетъ тотъ фактъ, что всякое душевное явленіе оказывается въ связи съ матеріальнымъ. Но какъ объяснить случаи обратной зависимости—тѣлесныхъ явленій отъ душевныхъ, напр., когда хотѣніе рождаетъ движеніе? Матеріализмъ считаетъ зависимость матеріальныхъ явленій отъ душевныхъ

всего только кажущейся: одинъ и тотъ же мозговой процессъ порождаетъ и хотѣніе, и движеніе одновременно, и такъ какъ мы сознаемъ лишь хотѣніе и движеніе, а того мозгового процесса, который порождаетъ и то, и другое, не сознаемъ, то намъ и кажется, будто бы хотѣніе — причина движенія. Точно также и такіе случаи, какъ исцѣленіе вѣрой, легко, по мнѣнію матеріалистовъ, объяснить тѣмъ, что вѣра связана съ опредѣленными мозговыми процессами: они то и вызываютъ тѣлесное исцѣленіе вѣрой, а не само психическое состояніе, называемое вѣрой.

Матеріализмъ, какъ и всякая метафизика, неопровержимъ, но и недоказуемъ, въ чемъ мы скоро убѣдимся (см. ниже). Если же онъ отличается отъ другихъ метафизическихъ ученій, то не тѣмъ, что прочнѣе обоснованъ, чѣмъ они, а всего лишь своей легкостью и простотой, что отнюдь еще не свидѣтельствуетъ объ истинѣ. Считать легкость и простоту признакомъ истины—это заблужденіе, однородное съ тѣмъ, въ какое впадали древніе греки, которые признакомъ истинности считали эстетическое совершенство: они нерѣдко думали, что вещи непремѣнно будутъ такими, какъ это выйдетъ эстетически совершеннѣе. Произвольно и нелѣпо утверждать, будто бы, что проще, то будетъ и вѣрнѣе; какъ будто бы только для того и существуетъ вселенная, чтобы попроще изучать ее! Легкость и простота — понятія очень измѣнчивыя: то, что просто, легко сегодня, было не просто и не легко раньше. Въ греческой наукѣ были удивительные взгляды на природу, которые грекамъ казались легкими и простыми, а мы удивляемся ихъ сложности. Многимъ легче себѣ представлять, что земля стоитъ на какой-то подставкѣ, а подставкой служитъ слонъ что-ли, а слонъ стоитъ на черепахѣ, плавающей въ океанѣ, а намъ это трудно понять. Значитъ, если простота вещей относительна, измѣнчива, то она не можетъ никакъ считаться критеріемъ истины.

Въ прежнія времена нерѣдко матеріализмомъ увлекались сознательно, думая, будто бы онъ представляетъ собой вполнѣ доказанную теорію. Теперь же никто не рѣшится высказать такой взглядъ; умышленно или сознательно теперь никто не проводитъ матеріализма въ психологіи. Зато безсознательно, не давая себѣ въ этомъ отчета, нѣкоторые авторы впадаютъ въ матеріализмъ, какъ, напр., Рибо въ своей монографіи „Память“, заслуживающей большого вниманія по талантливости изложенія и по множеству излогаемыхъ въ ней фактовъ. Далѣе, „Всеобщая психологія“ Сикорскаго тоже склоняется безсознательно въ матеріалистической точкѣ зрѣнія. Но наиболѣе яркій примѣръ безсознательнаго матеріализма представляетъ введеніе къ „Психіатріи“ Ковалевскаго, которое было издано и отдѣльной брошюрой, озаглавленной „Основы механизма душевной дѣятельности“, гдѣ авторъ излогаетъ ученіе о нормальной душевной дѣятельности, явно примыкая къ матеріализму, но не давая себѣ въ этомъ отчета.

Другое метафизическое направленіе въ психологіи носитъ названіе *спиритуализма* или *дуализма*. Почему оно носитъ такое двойственное названіе, станетъ яснымъ, когда мы познакомимся съ тѣмъ, что такое спи-

ритуализмъ и въ какихъ видоизмѣненіяхъ онъ можетъ осуществляться въ психологіи. *Спиритуализмомъ называется съ середины XVIII вѣка ученіе, допускающее существованіе самостоятельнаго, несводимаго на матеріальное, духовнаго начала, т. е. существованіе духовныхъ сущностей.* Нужно, употребляя это слово, не упускать изъ виду, что есть ученіе ненаучнаго характера, называемое спиритизмомъ. Такъ какъ оно не пользуется успѣхомъ, а спиритуализмъ находитъ всегда не мало поклонниковъ, то спириты, чтобы какъ-нибудь помочь спиритизму, стали его называть спиритуализмомъ, на что они, конечно, не имѣютъ никакого права, ибо терминъ „спиритуализмъ“ давно уже имѣетъ исторически установившееся значеніе, нисколько не совпадающее со спиритизмомъ.

Спиритуализмъ существуетъ въ трехъ видоизмѣненіяхъ:

1) *Дуализмъ*, по которому духовныя сущности существуютъ наряду съ матеріальными, и человѣкъ состоитъ изъ двухъ началъ: матеріи и души.

2) *Панпсихизмъ*, который нерѣдко называютъ еще „*монистическимъ спиритуализмомъ*“. Онъ учитъ, что существуютъ только духовныя сущности, а матеріальныхъ нѣтъ, именно: въ основѣ каждой внѣшней вещи, каждаго тѣла, лежитъ комплексъ духовныхъ сущностей, который только кажется матеріальнымъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, и поэтому намъ кажется, будто бы весь міръ распадается на двѣ стороны — матеріальную и духовную; на самомъ же дѣлѣ этого въ дѣйствительности нѣтъ. А такъ какъ этотъ взглядъ утверждаетъ, что повсюду разлита духовная жизнь, то онъ и называется панпсихизмомъ, т. е. повсюдная духовность, вседушіе.

3) *Идеализмъ* утверждаетъ существованіе только душъ, а внѣшній міръ, по ученію идеалистовъ, не состоитъ ни изъ матеріальныхъ, ни изъ духовныхъ сущностей, а на дѣлѣ вовсе не существуетъ, а только кажется существующимъ: внѣшній міръ представляетъ собой какъ бы безпрерывную галлюцинацію человѣческихъ душъ. Идеализму противоположенъ *реализмъ*, который допускаетъ реальность внѣшняго міра, при чемъ и дуализмъ, и матеріализмъ, и панпсихизмъ суть виды реализма.

Идеализмъ въ этомъ метафизическомъ смыслѣ слова не слѣдуетъ смѣшивать съ идеализмомъ въ этикѣ, эстетикѣ, исторіи литературы, и въ обыденной жизни. Здѣсь повсюду слово „идеализмъ“ получаетъ значенія, неимѣющія ничего общаго съ метафизическимъ идеализмомъ и при томъ столь различныя, что будетъ грубой ошибкой стараться привесть ихъ къ одному знаменателю. Точно также будетъ грубой ошибкой смѣшивать матеріализмъ, о которомъ мы сейчасъ говорили (т. е. метафизическій), съ матеріализмомъ въ этическомъ смыслѣ. Подъ послѣднимъ подразумѣвается предпочтеніе матеріальныхъ благъ остальнымъ, приписываніе первымъ болѣе важнаго значенія, чѣмъ остальнымъ. Отсюда и возникло выраженіе „историческій или экономическій матеріализмъ“ для обозначенія марксизма. Можно быть метафизическимъ идеалистомъ и въ то же самое время безъ всякаго противорѣчія въ мысляхъ допускать этическій, даже экономическій матеріализмъ;

и наоборотъ—отрицая послѣдній можно быть метафизическимъ матеріалистомъ. Что же касается слова „идеализмъ“, то въ эстетикѣ подъ этимъ подразумѣвается ученіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ называется и реализмомъ, которое утверждаетъ, что красота зависитъ не только отъ формы, но и отъ содержанія (отсюда названіе реализмъ), именно отъ воплощенія той или другой идеи (отсюда названіе идеализмъ). Взглядъ же обратный, утверждающій, что красота зависитъ только отъ формы, называется формализмомъ. Въ этикѣ же, въ исторіи литературы и нерѣдко въ обыденной жизни идеализмомъ называютъ стремленіе къ возвышеннымъ цѣлямъ, при чемъ въ обыденной жизни употребляютъ еще и въ смыслѣ фантазерства. При этомъ надо замѣтить, что въ этическомъ смыслѣ термины: „идеализмъ“ и „матеріализмъ“, употребляютъ лишь при вульгарныхъ, грубыхъ разсужденіяхъ объ этическихъ направленіяхъ; при научномъ же изложеніи этики этихъ терминовъ не употребляютъ, а замѣняютъ, гдѣ нужно, другими, болѣе опредѣленными и болѣе понятными выраженіями. Хорошо было бы, если бы по примѣру научныхъ изложеній этики не употребляли слова „реализмъ“ нигдѣ кромѣ метафизики, въ которой оно возникло раньше всего и имѣетъ болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было: тогда меньше болтали бы вздору, происходящаго отъ смѣшенія разныхъ значеній этого слова и отъ расплывчатости или неопредѣленности его при его употребленіи внѣ метафизики. Но всегда будутъ люди, для которыхъ расплывчатыя, неопредѣленныя названія необходимы, потому что у нихъ мысли то такія расплывчатыя и неопредѣленныя, что ихъ никакъ нельзя облечь въ ясныя и точныя выраженія. Въ заключеніе этой замѣтки о терминахъ прибавимъ, что въ метафизикѣ (точнѣе—въ ея исторіи) надо отличать современное употребленіе (возникшее съ половины XIX вѣка) термина „реализмъ“ отъ средневѣковаго, когда еще никто не отрицалъ существованія внѣшняго міра, такъ что этотъ терминъ еще не могъ тогда имѣть нынѣшняго значенія. Но тогда шелъ споръ, соотвѣтствуютъ ли общимъ понятіямъ (напримѣръ: человѣкъ вообще, добро, справедливость, растеніе вообще и т. д.) какія-либо еще другія реальности, чѣмъ единичные предметы (чѣмъ, напримѣръ, Иванъ, Петръ, Марья, *вотъ этотъ* добрый или справедливый поступокъ, *вотъ это* стоящее предъ моимъ окномъ дерево и т. д.). Тѣ, кто подобно древнему философу Платону (ум. въ 347 г. до Р. Х.), отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, т. е. допускалъ такія реальности, назывались за это реалистами, а ихъ взглядъ — реализмомъ; а тѣ, кто отрицалъ такія реальности, кто говорилъ, что общимъ понятіямъ внѣ нашего ума соотвѣтствуютъ кромѣ единичныхъ вещей, подходящихъ подъ эти понятія, еще только названія или имена этихъ понятій (по латынѣ имена nomina), назывались номиналистами, а ихъ ученіе—номинализмомъ. И Платонъ есть примѣръ реалиста, какъ на средневѣковомъ, такъ и на современномъ языкѣ; ибо, съ одной стороны, онъ признаетъ эти реальности, а съ другой—нисколько не сомнѣвается въ существованіи внѣшняго міра. Если же его часто называютъ идеалистомъ, то дѣлаютъ это, либо примѣняя къ его философіи вульгарно-этическое значеніе

термина идеализмъ, либо вевсе не давая себѣ отчета, какъ слѣдуетъ употреблять терминъ идеализмъ.

Хотя спиритуализмъ въ метафизикѣ попадается въ трехъ видоизмѣненіяхъ: дуализма, панпсихизма и идеализма, но въ психологіи встрѣчается только дуализмъ. Это оттого, что панпсихизмъ и идеализмъ суть ученія о *матеріальномъ* мірѣ, до котораго психологіи нѣтъ дѣла. Конечно, ей приходится затронуть и связь душевныхъ явленій съ матеріальными, но даже здѣсь для нея безразлично, каковъ самъ-то матеріальный міръ—состоитъ ли онъ изъ духовныхъ сущностей, или же изъ матеріальныхъ, или же ни изъ тѣхъ и ни изъ другихъ, а всего только кажется существующимъ; ибо, какъ бы мы ни смотрѣли на дѣло, все-таки нельзя отрицать связь душевныхъ явленій съ матеріальными, хотя бы послѣднія имѣли лишь кажущееся существованіе. По всему этому, какого бы видоизмѣненія спиритуализма ни держались мы, *въ психологіи все равно приходится намъ разсуждать такъ, какъ если бы мы были дуалистами.*

Дуализмъ, для своего оправданія, опирается на фактъ несходства душевныхъ явленій съ матеріальными. Напримѣръ, никто не усомнится, что мысль о столѣ и самый столъ или другое матеріальное явленіе—вещи, совершенно разнородныя. Отсюда дуализмъ заключаетъ, что душевныя явленія непремѣнно должны порождаться такой сущностью, которая совершенно не похожа на матерію (буде послѣдняя существуетъ) и которая для отличія отъ матеріи (предполагаемой или дѣйствительно существующей) должна называться душой. Но такъ какъ душа находится въ связи съ тѣломъ (хотя бы и кажущимся), то и всякое душевное явленіе должно возникать не иначе, какъ въ связи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ тѣлеснымъ явленіемъ. Такова суть дуалистическаго направленіи въ психологіи. Къ этому надо добавить что *нѣкоторые* дуалисты, считая тѣло и весь внѣшній міръ состоящимъ изъ матеріи (а не изъ духовныхъ сущностей и не кажущимся только), полагаютъ, что душа оказывается организующимъ тѣло началомъ, что она его организуетъ такъ, чтобы оно служило ей орудіемъ или органомъ для ея дѣйствій на внѣшній міръ. Матеріализмъ появляется теперь лишь безсознательно; дуализмъ же еще и теперь иногда проводится умышлено, напр., проф. Снегиревымъ въ его книгѣ „Психологія“, вышедшей въ началѣ 90-хъ годовъ.

Третье и послѣднее метафизическое направленіе въ психологіи называется *„психофизическимъ монизмомъ“*, который предполагаетъ, что человѣкъ есть лишь одна сущность съ двумя сторонами—духовной и матеріальной. Матеріальная ея сторона неотдѣлима отъ духовной, и всякая перемѣна въ этой сущности отражается одновременно и въ тѣлесной, и въ духовной сторонѣ, при чемъ эта сущность извнѣ кажется матеріальной, а извнутри духовной. Всѣми этими допущеніями психофизическій монизмъ объясняетъ и разнородность душевныхъ явленій съ тѣлесными, и постоянную связь первыхъ съ послѣдними. *Отъ психофизическаго монизма слѣдуетъ отличать психофизическій параллелизмъ*, который просто признаетъ, какъ фактъ, связь душевныхъ явленій съ тѣлесными (т. е. что каждое душевное явле-

ніе сопутствуется опредѣленнымъ тѣлеснымъ), но воздерживается при этомъ отъ всякаго метафизическаго толкованія этого параллелизма. Первымъ представителемъ психофизическаго монизма въ психологіи былъ Спиноза (ум. въ 1677 году), изложившій это ученіе въ своей „Этикѣ“, которая, несмотря на это заглавіе, обнимаетъ всю философскую систему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и психологію Спинозы. Въ новой литературѣ представителемъ психофизическаго монизма является Гефдингъ—въ своихъ „Очеркахъ психологіи, основанной на опытѣ“.

Другая группа направленій въ психологіи возникаетъ по поводу вопроса о составѣ душевныхъ явленій, при чемъ самъ-то этотъ вопросъ возникаетъ по поводу наиболѣе распространенной классификаціи душевныхъ явленій.

9. Классификація душевныхъ явленій.

Классификація есть научный пріемъ, который состоитъ въ томъ, что предметы извѣстнаго рода распредѣляются на группы на основаніи ихъ сходства и различія такъ, чтобы сходные съ извѣстной точки зрѣнія предметы оказались въ одной группѣ, а несходные съ той же точки зрѣнія—въ разныхъ группахъ. Напримѣръ, позвоночныя животныя по сходству и различію въ ихъ организаціи дѣлятся на 4 группы: на млекопитающихъ, птицъ, рыбъ и гадовъ. Классификація есть важный вспомогательный пріемъ при изученіи множества предметовъ даннаго рода, именно: она помогаетъ намъ оріентироваться среди изучаемыхъ предметовъ; такъ, она помогаетъ не пропускать ни одного предмета изъ числа изучаемыхъ, легче запоминать все, что говорится о нихъ, описывать ихъ съ меньшей затратой труда (ибо мы сразу можемъ говорить о томъ, что будетъ вѣрно относительно цѣлой группы предметовъ, а не будемъ повторять эти общія для всей группы черты при описаніи каждаго отдѣльнаго предмета, въ описаніи котораго мы можемъ тогда ограничиться лишь его *отличительными* особенностями) и т. п. Разумѣется, *одни и тѣ же предметы можно классифицировать различно;* ибо сходства и несходства между тѣми же самыми предметами можно указывать съ разныхъ точекъ зрѣнія, при чемъ предметы, сходные съ одной точки зрѣнія, будутъ непохожими съ другой. Такъ, позвоночныхъ животныхъ, кромѣ только что указаннаго дѣленія по организаціи, можно дѣлить также еще по мѣсту обитанія на сухопутныхъ и водяныхъ. *И для разныхъ цѣлей, которыя мы можемъ имѣть въ виду при изученіи тѣхъ же предметовъ, могутъ быть полезны разныя классификаціи.* Поэтому и душевныя явленія можно классифицировать различнымъ образомъ, и каждая классификація будетъ вѣрна и полезнѣе другихъ при разсмотрѣніи этихъ явленій съ какой-либо особой точки зрѣнія.

Уже въ обыденной жизни мы находимъ готовую классификацію душевныхъ явленій; ибо еще до изученія психологіи мы всѣ душевныя явленія пріурочиваемъ къ тремъ душевнымъ способностямъ: уму, волѣ и сердцу.

При этомъ подъ словомъ „сердце“ подразумѣвается способность къ чувствамъ въ смыслѣ душевныхъ состояній. Нужно вообще имѣть въ виду, что слово *„чувство“ обозначаетъ либо способность къ ощущеніямъ* (чувство зрѣнія, слуха и вообще, такъ называемыя, внѣшнія чувства), *либо душевныя состоянія* (любовь, удовольствіе, страданіе и т. д.), *которыя разнородны съ ощущеніями*. Вслѣдствіе того, что слово „чувство“ имѣетъ два смысла, многіе русскіе психологи для обозначенія чувства въ смыслѣ состоянія употребляютъ слово *„чувствованіе“*. Нѣкоторые же, по примѣру англійскихъ ученыхъ, стали чувства въ смыслѣ состояній называть *„эмоціями“*; но при этомъ одни называютъ эмоціями не всѣ чувства (въ смыслѣ душевныхъ состояній), а лишь нѣкоторыя, другія же прилагаютъ это слово ко всѣмъ чувствамъ. Зато, если не всѣ, то почти всѣ, *прилагательное „эмоціональный“ примѣняютъ ко всѣмъ чувствамъ въ смыслѣ состояній*, такъ какъ трудно образовать подходящее прилагательное отъ словъ „чувство“ или „чувствованіе“. Слѣдуетъ замѣтить, что вообще слово „чувствованіе“ излишне употреблять кромѣ какъ въ заглавіяхъ: всегда по связи рѣчи ясно, идетъ ли рѣчь о способности къ ощущеніямъ или о душевныхъ состояніяхъ. Мы будемъ относить слово „эмоціональный“ ко всѣмъ чувствамъ въ смыслѣ состояній.

Хотя эта классификація, очевидно, очень удобна, коль скоро установлена самой жизнью, но, вглядываясь въ нее, мы замѣчаемъ въ ней крупные недостатки. Во-первыхъ, она пропускаетъ цѣлый классъ душевныхъ состояній, называемыхъ ощущеніями (ощущенія цвѣта, звука, тепла, холода и т. д.): ихъ вѣдь нельзя отнести ни къ уму, ни къ волѣ, ни къ сердцу. Во-вторыхъ, употребляемый этой классификаціей терминъ *«умъ»* двусмысленъ: *въ широкомъ смыслѣ онъ означаетъ всѣ способности познавательнаго характера, кромѣ внѣшнихъ чувствъ*; *въ узкомъ* — *одну изъ познавательныхъ способностей ума въ широкомъ смыслѣ, именно ту, которую приходится допустить сверхъ памяти и воображенія*. Умъ въ узкомъ смыслѣ долженъ контролировать и память, и воображеніе; слѣдовательно, это одна изъ познавательныхъ способностей, которыя входятъ въ составъ ума въ широкомъ смыслѣ слова. Классификація обыденной жизни, конечно, имѣетъ въ виду умъ въ широкомъ смыслѣ; только это не сразу ясно, а надо избѣгать неясностей. Въ-третьихъ, эта классификація основана на различіи не самихъ душевныхъ явленій, но на различіи тѣхъ душевныхъ способностей, которымъ они приписываются. Она даже внушаетъ ложную мысль, будто бы при изученіи душевныхъ явленій должны мы отправляться отъ предварительнаго изученія душевныхъ способностей и устанавливать различія душевныхъ явленій на основаніи различій душевныхъ способностей. На самомъ же дѣлѣ мы можемъ придти къ мысли о душевныхъ способностяхъ и ихъ различіяхъ лишь послѣ и на основаніи разсмотрѣнія душевныхъ явленій, которыя мы имъ приписываемъ; ибо *самихъ душевныхъ способностей и ихъ дѣятельностей нельзя наблюдать, а доступны наблюденію только приписываемыя имъ нами душевныя явленія*, такъ что только

по нимъ и можно судить о душевныхъ способностяхъ, ихъ свойствахъ и дѣятельности. Напримѣръ, самой памяти мы не наблюдаемъ, а наблюдаемъ лишь душевныя состоянія, которыя мы приписываемъ памяти, т. е. воспоминанія; по нимъ мы и судимъ о памяти. Не будь у насъ воспоминаній, не было бы и мысли о существованіи памяти, какъ душевной способности. Далѣе: только оттого, что мы наблюдаемъ существованіе прочныхъ, точныхъ, неточныхъ и т. д. воспоминаній, мы приходимъ къ мысли о различныхъ видахъ памяти — прочной, точной, неточной и т. д. Словомъ, характеризовать различія душевныхъ способностей можно только на основаніи различій въ тѣхъ душевныхъ явленіяхъ, которыя мы приписываемъ той или другой душевной способности. *Если же о различіи самихъ-то душевныхъ способностей мы можемъ судить лишь настолько, насколько подмѣтимъ разницу въ тѣхъ душевныхъ явленіяхъ, которыя приписываемъ этимъ способностямъ, то ясно, что нельзя основывать классификацію душевныхъ явленій на разницѣ въ душевныхъ способностяхъ, какъ это дѣлаетъ обыденная жизнь, но нужно основывать ее на сходствахъ и различіяхъ самихъ душевныхъ явленій, независимо отъ того, какимъ душевнымъ способностямъ и дѣятельностямъ мы ихъ приписываемъ.*

Если же вмѣстѣ съ тѣмъ классификація обыденной жизни оказывается настолько удобной, что она выработалась у всѣхъ народовъ, то отсюда слѣдуетъ, что лучше пользоваться все таки ею же, но исправивъ ее такъ, чтобы въ ней были устранены всѣ указанные недостатки. Послѣ этихъ исправленій у насъ получится такое дѣленіе душевныхъ явленіе на три класса:

1) *явленія познавательныя*, куда будутъ относиться не только тѣ явленія, которыя приписываются обыденной жизнью уму въ широкомъ смыслѣ слова, но и ощущенія;

2) *волевыя явленія*; къ нимъ же будутъ относиться не только приписываемыя волѣ (подъ которой обыкновенно подразумѣваютъ способность къ дѣйствіямъ, руководимымъ *знаніемъ* и совершаемымъ *по выбору* между нѣсколькими возможными дѣйствіями), но и всѣ однородныя съ ними, т. е. которыя окажутся похожими на нихъ и непохожими на два другихъ класса, если мы всѣ душевныя явленія разсматриваемъ независимо отъ того, какимъ способностямъ мы приписываемъ ихъ,—таковы, напримѣръ, инстинктивныя дѣйствія;

3) *эмоціональныя явленія*, при чемъ подъ эмоціональнымъ, какъ уже сказано, будемъ всегда подразумѣвать относящійся ко *всѣмъ* чувствамъ въ смыслѣ душевныхъ *состояній* (удовольствіе, неудовольствіе, радость, гнѣвъ и т. д.), а не въ смыслѣ душевныхъ способностей (не къ внѣшнимъ чувствамъ, т. е. не къ способностямъ переживать разныя ощущенія—вродѣ цвѣта, запаха и т. д.).

Теперь уже нѣтъ въ нашей классификаціи ни пропусковъ, ни двусмысленныхъ терминовъ, и она основана на сходствѣ и разницѣ самихъ

душевныхъ явленій, а не на сравненіи душевныхъ способностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта классификація самая удобная для первоначальной оріентировки во всемъ многообразномъ обиліи душевныхъ явленій. Ею-то обыкновенно и руководствуются при изложеніяхъ цѣльныхъ обзоровъ психологіи, не ограничивающихся какими-либо отдѣльными, спеціальными вопросами. Но, конечно, для какихъ-нибудь особыхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ разными изложеніями психологіи, можетъ оказаться удобнѣе какая-нибудь другая классификація, такъ что этой не слѣдуетъ считать единственно существующей въ наукѣ. Но при первомъ изученіи основной психологіи въ ея цѣльномъ видѣ эта классификація—самая удобная. Ея мы и будемъ держаться. Но по поводу нея нужно еще сдѣлать два поясните льныхъ примѣчанія:

1) Называя первый классъ душевныхъ явленій познавательными, мы еще не говоримъ этимъ, что они будутъ знаніемъ, что психологія изучаетъ знаніе. Она, какъ естественная исторія душевныхъ явленій, этого не дѣлаетъ. *Познавательныя явленія это такія явленія, которыя могутъ и не оказаться знаніемъ, но знаніе то состоитъ не иначе, какъ изъ нихъ.* Вѣдь оно состоитъ не изъ волевыхъ и эмоціональныхъ явленій, а, напримѣръ, изъ мыслей и ощущеній; но мысли и ощущенія еще могутъ и не составлять знанія, быть ложными. И составятъ они его или нѣтъ, это для психологіи безразлично: она изучаетъ эти явленія, *сами по себѣ*, безъ всякаго стремленія обращать ихъ въ знаніе и безъ всякаго желанія изучать знаніе, а только *называетъ* ихъ познавательными, какъ наиболѣе удобнымъ именемъ. Конечно, иногда ей придется обратить вниманіе и на то, составляютъ ли эти явленія знаніе въ томъ или другомъ случаѣ; но на это она должна обращать вниманіе лишь настолько, насколько черезъ такое разсмотрѣніе сдѣлаются яснѣе для насъ сами-то изучаемыя явленія—ихъ составъ и взаимодѣйствіе съ другими душевными явленіями.

2) На первый взглядъ кажется, что мы имѣемъ въ этой классификаціи указаніе на *отдѣльное* существованіе трехъ родовъ явленій душевной жизни: познавательныхъ, волевыхъ и эмоціональныхъ. Но отнюдь не слѣдуетъ думать, будто бы встрѣчаются явленія, которыя будутъ только познавательными, или только волевыми, или же только эмоціональными. Въ каждомъ душевномъ состояніи всѣ эти три рода явленій слиты и нельзя ихъ переживать отдѣльно другъ отъ друга; но въ разныхъ душевныхъ состояніяхъ тотъ или другой элементъ бываетъ сильнѣе, выступаетъ на первый планъ, а другіе остаются въ тѣни, вслѣдствіе чего и кажется, будто-бы мы въ данное время переживаемъ лишь одинъ какой нибудь родъ явленій. Если мы, напр., рѣшаемъ задачу (познавательное явленіе), то либо съ удовольствіемъ, либо съ неудовольствіемъ (эмоціональное явленіе), и при этомъ или должны принуждать себя усиліями воли этимъ заняться, или подъ вліяніемъ удовольствія намъ само собой хочется продолжать это дѣло (волевое явленіе); но здѣсь на первый планъ выступаетъ познавательный элементъ, и оттого мы это явленіе относимъ къ познавательнымъ. Въ явленіи же, гдѣ волевой элементъ выступаетъ на видъ, онъ всегда соединенъ

съ познавательнымъ и эмоціональнымъ: вѣдь воля направляется или на предметъ воспринимаемый или представляемый (познавательное явленіе въ обоихъ случаяхъ), и кромѣ того нашу волю возбуждаетъ при этомъ чувство удовольствія или неудовольствія, испытываемое отъ этого воспріятія или представленія предмета (эмоціональное явленіе). Что же касается эмоціональныхъ явленій, то они всегда дѣйствуютъ такъ или иначе на волю (напр., гнѣвъ, нѣжность, удовольствіе и неудовольствіе и т. д.), т. е. переживаются въ связи съ волевыми, а возникаютъ въ связи съ ощущеніями или представленіями (т. е. съ познавательными) и въ зависимости отъ нихъ. Такимъ образомъ, *каждое дѣйствительно переживаемое душевное явленіе имѣетъ всегда сразу три стороны: познавательную, эмоціональную и волевую; но для удобства ихъ изученія, мы мысленно отвлекаемъ или абстрагируемъ каждую изъ сторонъ отъ двухъ другихъ и разсматриваемъ ея перемѣны, какъ если бы онѣ происходили отдѣльно отъ другихъ.* Вотъ эти-то измѣненія въ одной изъ сторонъ каждаго душевнаго явленія, не встрѣчающейся въ дѣйствительности безъ другихъ (по крайней мѣрѣ наше самонаблюденіе никогда не встрѣчаетъ ея отдѣльно отъ другихъ), но мысленно отдѣляемой отъ нихъ, мы и называемъ явленіями познавательными, или эмоціональными, или волевыми, глядя по тому, какую изъ неотдѣлимыхъ въ дѣйствительности сторонъ мысленно отдѣлили мы отъ двухъ другихъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что *наша трехчленная классификація на дѣлѣ составляетъ классификацію не самихъ душевныхъ состояній, но абстрактно мыслимыхъ ихъ неотдѣлимыхъ другъ отъ друга сторонъ, которыя кажутся основными элементами всѣхъ душевныхъ состояній или основными процессами душевной жизни.*

10. Направленія психологіи по вопросу о составѣ душевной жизни.

Теперь займемся вопросомъ: сколько въ дѣйствительности основныхъ элементовъ или основныхъ процессовъ душевной жизни—три или больше, или же меньше? На основаніи нашей классификаціи кажется, что ихъ три. Но, можетъ быть, ихъ и больше: можетъ быть, надо допустить въ составѣ познавательнаго элемента ощущенія и мысли, какъ разнородные, несводимые другъ на друга, элементы. А можетъ быть, ихъ и меньше, потому что одинъ изъ кажущихся элементовъ можетъ оказаться видоизмѣненіемъ другого, а чего добраго, и всѣ могутъ оказаться лишь видоизмѣненіями какого-нибудь одного основного элемента. Вотъ такимъ-то образомъ возникаютъ различныя направленія въ психологіи относительно ученія о составѣ душевной жизни, которыя можно раздѣлить на *монистическія* и *немонистическія*. Слово „монистическій“ происходитъ отъ греческаго *монос*—одинъ и означаетъ такія ученія, которыя объясняютъ какое-либо разнообразіе однимъ началомъ. Въ психологіи монистическія направленія

все разнообразіе душевной жизни сводятъ къ видоизмѣненіямъ одного основного элемента или процесса душевной жизни. Немонистическія же направленія утверждаютъ, что душевная жизнь состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ или процессовъ—разнородныхъ и несводимыхъ другъ на друга, по крайней мѣрѣ, болѣе, чѣмъ изъ одного. Разумѣется, какъ монистическія, такъ и немонистическія направленія могутъ комбинироваться съ тѣмъ или другимъ направленіемъ по вопросу о существованіи души. Поэтому нѣкоторыя изъ книгъ, которыя будутъ теперь упомянуты, упоминались уже при обзорѣ направленій о существованіи души.

Замѣтимъ при этомъ, что *нѣкоторые авторы вопросъ о составѣ душевной жизни называютъ вопросомъ о сущности души: считать ли душу простой или сложной сущностью?* И про тѣхъ, кто рѣшаетъ его монистически, говорятъ, что они считаютъ душу простой сущностью, а про тѣхъ, кто немонистически, что они считаютъ ее сложной сущностью. Конечно, такія названія возникли подъ вліяніемъ метафизической разработки психологіи, между тѣмъ, какъ вопросъ объ основныхъ элементахъ или процессахъ душевной жизни вовсе не принадлежитъ къ числу трансцендентныхъ, такъ что не слѣдовало бы его называть вопросомъ о сущности души. Но иногда его называютъ такъ даже и тѣ, кто не хочетъ заниматься метафизикой: подъ душой они подразумѣваютъ просто всю совокупность душевныхъ явленій, а подъ сущностью души ихъ основные элементы или процессы, остающіеся въ предѣлахъ возможнаго опыта, а не что-либо трансцендентное.

Монистическія направленія всегда возникали подъ вліяніемъ какой-либо метафизической теоріи, при чемъ каждое изъ нихъ легче всего, а нѣкоторыя видоизмѣненія даже неизбѣжнымъ образомъ, мирятся лишь съ опредѣленными, а не любымъ метафизическимъ направленіемъ. Ихъ всего три: интеллектуализмъ, сенсуализмъ и волюнтаризмъ.

Интеллектуализмъ (отъ латинскаго слова intellectus — умъ, разумъ, разсудокъ, интеллектъ), впервые сложился въ лицѣ Декарта (ум. въ 1650 г.) подъ вліяніемъ его метафизики. Согласно съ послѣдней въ душѣ могутъ возникать только такія состоянія, которыя служатъ видоизмѣненіями ея сущности, а сущность души, по мнѣнію Декарта, мышленіе. Вслѣдствіе этого въ первоначальномъ интеллектуализмѣ всѣ душевныя явленія разсматривались, какъ видоизмѣненія мышленія, какъ однородныя другъ съ другомъ и отличающіяся другъ отъ друга не качественно, а только количественно, какъ разныя степени ясности и смутности мышленія. Такъ, и ощущенія, и чувства суть смутныя, неясныя мысли; отъ того то ощущенія звуковъ и кажутся качественно отличающимися другъ отъ друга, между тѣмъ какъ научное мышленіе, т. е. мышленіе вполнѣ ясное и отчетливое, ясно видитъ, что звуки отличаются другъ отъ друга только количественно — числами воздушныхъ волнъ. Точно также и воля составляетъ видоизмѣненія мышленія; ибо она сводится къ одобренію или неодобренію, которыя ничто иное, какъ утвердительное (одобреніе) или отри-

цательное (неодобреніе) сужденія, т. е. виды мышленія. Таковъ первоначальный видъ интеллектуализма.

Впослѣдствіи интеллектуализмъ сталъ сводить всю душевную жизнь не къ мышленію вообще, а къ взаимодѣйствіямъ *представленій*, причемъ стали разсматривать ихъ, какъ всегда сохраняющіяся въ душѣ въ неизмѣняемомъ видѣ, а не какъ существующія лишь въ то время, когда мы ихъ сознаемъ. Поэтому интеллектуализмъ сталъ допускать наряду съ сознаваемыми нами представленіями и безсознательныя, которыя разъ возникши, хранятся навсегда цѣлыми въ нашей душѣ, но остаются за порогомъ сознанія. При этомъ одни изъ представленій, находящіяся въ сознаніи, вытѣсняютъ другъ друга за порогъ сознанія, а другія, напротивъ, помогаютъ имъ удерживаться въ сознаніи и вмѣстѣ съ тѣмъ вытягиваютъ изъ-за порога сознанія нѣкоторыя другія представленія, которыя и безъ того, уже сами собой, всегда стремятся всплыть изъ-за порога сознанія. Въ такой-то борьбѣ и взаимодѣйствіи представленій и состоятъ всѣ безъ исключенія явленія душевной жизни — и чувствъ, и воли, и памяти, и воображенія и т. д. Напримѣръ: желаніе ничто иное, какъ стремленіе представленія, находящагося за порогомъ сознанія, проникнуть въ сознаніе и т. п. Типичнымъ примѣромъ такого видоизмѣненія интеллектуализма служитъ „Психологія“ Гербарта (есть русскія переводъ г. Нечаева). При этомъ надо замѣтить, что Гербартъ не отрицалъ качественныхъ различій между представленіями, а поэтому не отрицалъ ихъ и въ ощущеніяхъ, которыя онъ считалъ наипростѣйшими по своему составу представленіями. Въ виду этого его уже нельзя считать столь строгимъ монистомъ, какъ прежнихъ интеллектуалистовъ. Его монизмъ ограничивается лишь тѣмъ, что въ основѣ душевной жизни у него лежатъ *однородные* элементы, именно интеллектуальные элементы — представленія.

Наконецъ, отмѣтимъ, что интеллектуализмъ и въ старомъ — декартовскомъ, и въ новомъ — гербартовскомъ видѣ складывался подъ вліяніемъ метафизики, подъ вліяніемъ метафизическаго убѣжденія, что душа есть сущность простая, неразлагающаяся на отдѣльныя части, такъ что всѣмъ ея дѣятельностямъ естественнѣе всего сводиться къ видоизмѣненіямъ единой основной дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и наоборотъ: кто исповѣдывалъ интеллектуализмъ, всегда на ряду съ этимъ допускалъ спиритуалистическую метафизику, хотя въ этомъ еще нѣтъ логической необходимости; матеріализмъ тоже могъ бы допустить, что мышленіе есть основной процессъ душевной жизни, но само то мышленіе, прибавитъ онъ, порождается одними лишь матеріальными процессами, а не душой. Но интеллектуализмъ сводитъ все разнообразіе душевной жизни къ видоизмѣненіямъ одного лишь интеллектуальнаго процесса съ такимъ насиліемъ надъ фактами, что имъ нельзя соблазниться иначе, какъ подъ вліяніемъ спиритуалистической метафизики, такъ что интеллектуалисту естественнѣе всего быть спиритуалистомъ: если я убѣжденъ въ существованіи души, то въ виду ея полной разнородности съ матеріей, естественно считать ее простой сущностью, неразлагающейся

ни на какія части, и естественно думать поэтому, что всѣ дѣйствія души должны сводиться къ видоизмѣненіямъ одной основной дѣятельности. Мышленіе же, повидимому, отличается настолько духовнымъ характеромъ, какъ бы независимостью отъ тѣла, что довольно естественно принять его за проявленіе внутренней сущности души. Это не то, что ощущенія, относительно которыхъ сразу видно, что они возникаютъ подъ вліяніемъ матеріальныхъ, именно физіологическихъ процессовъ, и которыя поэтому соблазнительно разсматривать, какъ видоизмѣненія мышленія, возникающія въ немъ вслѣдствіе связи души съ тѣломъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что въ духѣ гербартовскаго интеллектуализма на нѣмецкомъ языкѣ еще и теперь появляются учебники психологіи и среди нѣмецкихъ педагоговъ это направленіе еще не исчезло. (Сравн. выше стр. 90 подстрочное примѣчаніе).

Сенсуализмъ (отъ латинскаго sensus—ощущеніе, чувство) сводитъ всю душевную жизнь къ разнообразнѣйшимъ комбинаціямъ ощущеній, которыя, конечно, считаются имъ качественно отличающимися другъ отъ друга и несводимыми другъ къ другу. Поэтому онъ не составляетъ столь строгаго монизма, какъ первоначальный видъ интеллектуализма. Монизмъ сенсуализма, подобно интеллектуализму Гербарта, монистиченъ лишь тѣмъ, что сводитъ всю душевную жизнь на комбинаціи *однородныхъ* душевныхъ явленій, но не интеллектуальныхъ, какъ у Гербарта, а психофизіологическихъ, именно—ощущеній. Всѣ представленія (а съ ними вмѣстѣ дѣятельность памяти и воображенія) состоятъ изъ слабыхъ оживаній такихъ ощущеній, которыя были бы нами пережиты при воспріятіи представляемаго (воспоминаемаго или воображаемаго предмета). Всѣ сужденія суть соединенія такихъ (т. е. состоящихъ изъ однихъ лишь слабыхъ ощущеній) представленій, а потому состоятъ только изъ комбинацій слабыхъ ощущеній безъ всякой примѣси какого либо разнороднаго съ ними элемента, такъ что всѣ явленія мышленія (возникновеніе представленій, сужденій и составленныхъ изъ нихъ умозаключеній) разлагаются цѣликомъ на одни лишь ощущенія. Ощущенія же бываютъ либо пріятныя, либо непріятныя, вслѣдствіе чего разныя душевныя состоянія отличаются соединеніемъ съ ними эмоціональныхъ состояній, что въ связи съ явленіями, которыя мы называемъ волевыми, даетъ жизнь чувствъ (въ смыслѣ состояній). Организмъ же нашъ такъ устроенъ, что онъ стремится удерживать тѣ предметы, которые вызываютъ пріятныя ощущенія, и избѣгать вызывающихъ непріятныя. Въ этихъ органическихъ стремленіяхъ и состоятъ волевыя явленія.

Таковъ сенсуализмъ. По его ученію въ душевной жизни нѣтъ ничего, кромѣ ощущеній съ ихъ пріятностью и непріятностью. Почти всегда въ исторіи философіи онъ появлялся въ соединеніи съ матеріализмомъ, хотя надо согласиться, что въ такомъ соединеніи еще нѣтъ логической необходимости. Дѣйствительно: ничто не мѣшаетъ намъ считать всю душевную жизнь разложимой на ощущенія (пріятныя и непріятныя) и утверждать вмѣстѣ съ тѣмъ, что сами то ощущенія не могутъ возникнуть иначе, какъ при участіи души, что тѣ нервные, т. е. матеріальные процессы, безъ кото-

рыхъ никогда не возникаютъ ощущенія, составляютъ условіе, хотя и необходимое для возникновенія ощущеній, но еще недостаточное для этой цѣли, а становятся они уже достаточными лишь въ томъ случаѣ, когда къ нимъ присоединится испытывающая ихъ дѣйствія душа. Но, конечно, проще всего для сенсуализма соединяться съ матеріализмомъ; ибо вся роль души при сенсуализмѣ ограничивается только тѣмъ, чтобы подъ вліяніемъ дѣйствій на нее со стороны нервныхъ процессовъ порождать ощущенія. Если же душа больше низачѣмъ не нужна, то наша теорія о составѣ душевной жизни сдѣлается гораздо проще, если мы отбросимъ душу и скажемъ, что сами же нервные процессы рождаютъ ощущенія; вѣдь пока послѣднія еще не возникли мы имѣемъ дѣло съ физіологіей, для которой душа вообще не нужна; а когда ощущенія уже возникли, начинается психологія, но душѣ въ ней нечего дѣлать, если мы сенсуалисты, и очевидно проще — всего отбросить ее.

Сенсуализмъ возникъ еще въ древнія времена и послѣ того то исчезалъ, то снова возникалъ. Самымъ типичнымъ представителемъ сенсуализма былъ французскій писатель Кондильякъ, умершій въ 1780 г., изложившій свою теорію въ сочиненіи, озаглавленномъ „Traité des sensations“, въ которомъ онъ человѣка изображаетъ, какъ неодушевленную статую, постепенно пріобрѣтающую одно ощущеніе за другимъ, и показываетъ, какъ изъ этихъ ощущеній сложится все разнообразіе душевной жизни и статуя превратится въ одушевленное существо. И когда въ литературѣ попадается выраженіе „статуя (или кукла) Кондильяка“, то надо имѣть въ виду только что описанную статую (конечно, если авторъ желаетъ говорить только то, что самъ понимаетъ. Но вѣдь есть любители бормотать разныя словечки, малопонятнаго характера, особенно иностранныя, въ ошибочной увѣренности, будто бы отъ этого ихъ рѣчь станетъ не глупѣе, чѣмъ она могла бы быть, а глубокомысленнѣе; у такихъ авторовъ „статуя Кондильяка“ можетъ обозначать всякій туманъ, который застелетъ имъ голову). Въ настоящее время сенсуализмъ настолько же не въ модѣ, какъ и матеріализмъ. Откровенно никто теперь не объявитъ себя сенсуалистомъ, кромѣ тѣхъ людей, чье невѣжество такъ велико, что додумавшись до сенсуализма они воображаютъ, будто бы они первые открыли такую точку зрѣнія, и поэтому торопятся облагодѣтельствовать міръ такимъ открытіемъ. Философская литература вообще богаче, чѣмъ какая другая научная литература, ежегодно появляющимися произведеніями подобныхъ благодѣтелей человѣческаго рода, въ десятый разъ открывающими какую либо покинутую Америку. Но подобно матеріализму сенсуализмъ въ настоящее время появляется безсознательно, т. е. такъ, что авторъ вовсе не добивается этого, а незамѣтнымъ для себя образомъ становится на сенсуалистическую точку зрѣнія. Очень близка къ сенсуализму книга Тиченера „Очерки психологіи“, а еще ближе П. И. Ковалевскаго „Основы механизма душевной дѣятельности“.

Въ заключеніе упомянемъ, что въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ все еще употребляютъ терминъ „сенсуализмъ“ не только для обозначенія описаннаго сейчасъ *психологическаго* направленія, а также и для обозначенія одного

изъ *гносеологическихъ* направленій, именно такого, которое утверждаетъ, что *надежное знаніе должно ограничиваться простымъ констатированіемъ данныхъ опыта, да еще логически неизбѣжными слѣдствіями изъ нихъ*. Но въ новѣйшей философской литературѣ почти всѣ стали называть такое гносеологическое направленіе *эмпиризмомъ* (отъ греческаго слова ἐμπειρία—опытъ), а терминъ „сенсуализмъ“ стали употреблять только для обозначенія одной изъ психологическихъ теорій о составѣ душевной жизни. И стали поступать такъ вотъ почему: нѣтъ никакой логической необходимости исповѣдывать эту психологическую теорію, если я эмпиристъ, т. е. если я утверждаю, что надежное *знаніе* состоитъ лишь изъ простого констатированія данныхъ опыта да логически неизбѣжныхъ слѣдствій изъ нихъ. Пусть душевная жизнь, скажетъ эмпиристъ, состоитъ изъ какихъ угодно элементовъ сверхъ ощущеній, да для знанія то годятся только два указанныхъ (при чемъ констатированіе данныхъ опыта, конечно, не ограничивается однимъ лишь внѣшнимъ опытомъ, а распространяется и на внутренній). Наоборотъ, если я сенсуалистъ, т. е. если я убѣжденъ, что душевная жизнь сполна разлогается на одни лишь ощущенія, то меня еще ничто не обязываетъ быть эмпиристомъ: пусть мои мысли и разлогаются на ощущенія, но почему же мнѣ не имѣть, хотя бы нѣкоторыхъ, правильныхъ мыслей и о Богѣ, и о душѣ, и т. д. Не надо забывать, что *сенсуализмъ, какъ и всякая психологическая теорія, есть безоцѣночное ученіе* (о составѣ душевной жизни), *а эмпиризмъ, какъ и всякая гносеологическая теорія, сводится къ оцѣнкѣ* претензій служить знаніемъ, предъявляемыхъ со стороны разныхъ идей, къ оцѣнкѣ, производимой надъ ними, каковъ бы ни былъ ихъ *психологическій* составъ. И понятно, что если мы не позволилъ себѣ смѣшивать психологическую, т. е. безоцѣночную, и гносеологическую, т. е. оцѣночную, точку зрѣнія, то ни эмпиризмъ, ни сенсуализмъ еще не могутъ насъ обязывать другъ къ другу. Поэтому теперь ихъ стали называть разными именами; прежде же, когда гносеологіей занимались не съ такимъ усердіемъ, какъ теперь, и когда еще недостаточно рѣзко отличали психологическую точку зрѣнія отъ разныхъ оцѣночныхъ точекъ зрѣнія, въ томъ числѣ и отъ гносеологической (когда, напримѣръ, даже психологія чувствъ не столько хотѣла просто знать ихъ, сколько либо хвалить, либо порицать, т. е. не понимала своего отличія отъ этики), тогда называли сенсуализмомъ и эмпиризмъ, и только что описанную психологическую теорію о составѣ душевной жизни.

По поводу сказаннаго объ отличіи эмпиризма отъ сенсуализма можетъ возникнуть недоумѣніе не одно ли и то же эмпиризмъ и критицизмъ? Нѣтъ, между ними большая разница. Послѣдовательно проведенный эмпиризмъ обязанъ отрицать возможность знать законы природы, предсказывать на основаніи ихъ будущія явленія (напримѣръ — астрономическія), заключать по наблюдавшимся кѣмъ нибудь явленіямъ о тѣхъ, которыя произошли такъ, что никому не довелось ихъ наблюсти и т. п. Самое большее, что можетъ допустить послѣдовательно проведенный эмпиризмъ это чисто-повѣ-

ствовательное знаніе, сводящееся исключительно къ формуламъ, построеннымъ по такому образцу: тогда-то, тамъ то, въ присутствіи такихъ то очевидцевъ было то-то. Но эмпиризмъ почти никогда не бываетъ послѣдовательнымъ и допускаетъ въ большей или меньшей степени знаніе, выходящее за предѣлы чисто-повѣствовательнаго. И такъ какъ при этой непослѣдовательности у него не можетъ быть критерія, показывающаго, какое знаніе, выходящее за предѣлы чисто-повѣствовательнаго, можно допускать, а какого нельзя, то эмпиризмъ обыкновенно допускаетъ и метафизику въ видѣ знанія. Критицизмъ же утверждаетъ, что если мы допустимъ достовѣрность математики и знанія законовъ природы, (а съ ними достовѣрность основанныхъ на нихъ предсказаній будущихъ явленій и заключеній о такихъ прошлыхъ явленій, очевидцевъ которыхъ не было), то *въ составъ такого знанія кромѣ простого констатированія данныхъ опыта и логически неизбѣжныхъ слѣдствій изъ нихъ надо еще допустить нѣсколько такихъ общихъ сужденій, что ихъ опытомъ не отвергнешь, но за то и не докажешь, не впадая въ заколдованный кругъ. (Ибо при нашихъ доказательствахъ намъ придется опираться на эти же самыя сужденія, какъ на основные принципы нашего знанія.* Сюда относятся, напримѣръ, принципъ причинности и т. п.). Условія же, прибавляетъ критицизмъ, при которыхъ эти общія сужденія могутъ считаться завѣдомо годными для знанія, таковы, что на эти сужденія можно полагаться только въ примѣненіи къ имманентнымъ предметамъ, а отнюдь не къ трансцендентнымъ, откуда слѣдуетъ, что мы должны выбирать одно изъ двухъ: или отрицать достовѣрность математики, знанія физическихъ, химическихъ, астрономическихъ и т. д. законовъ природы, а также достовѣрность астрономическихъ предсказаній, заключеній объ явленіяхъ, происшедшихъ не на глазахъ какихъ либо очевидцевъ и т. д., или же отказаться отъ всякой надежды рѣшать метафизическіе вопросы въ видѣ знанія.

Волюнтаризмъ (отъ латинскаго Voluntas—воля)—самое новое изъ всѣхъ монистическихъ направленій. Онъ понимаетъ невозможность свести все разнообразіе душевной жизни къ видоизмѣненіямъ лишь одного основного элемента и отнюдь не пытается сводить ее къ простымъ видоизмѣненіямъ воли, такъ что онъ монизмъ не въ томъ смыслѣ слова, какъ интеллектуализмъ и сенсуализмъ. Его монизмъ ограничивается утвержденіемъ, что въ душевной жизни воля *важнѣе*, чѣмъ всѣ остальные душевные процессы, и что въ *этомъ* смыслѣ слова она составляетъ основной элементъ или процессъ душевной жизни. Одно же изъ видоизмѣненій волюнтаризма утверждаетъ даже, что воля первѣе всего не только въ смыслѣ важности, но и по времени: волевыя явленія возникаютъ раньше всѣхъ другихъ, а послѣднія образуются и развиваются лишь на почвѣ первыхъ, хотя и не сводятся къ ихъ видоизмѣненіямъ. Волюнтаризмъ сильнѣе всего сталъ распространяться (хоть появлялся и раньше) подъ вліяніемъ метафизики Шопенгауера (умершаго въ 1860 г.), утверждавшаго, что все въ мірѣ, въ томъ числѣ и душевная жизнь, служитъ обнаруженіемъ или про-

явленіемъ всеединой міровой воли, которая образуетъ всеобщую внутреннюю сущность всѣхъ вещей. Извнутри все есть единая міровая воля, и только извнѣ вещи кажутся матеріальными. При такомъ взглядѣ на вещи надо было и сущностью или основой душевной жизни считать волю. Поэтому Шопенгауеръ, когда мимоходомъ затрогивалъ психологическіе вопросы, уже выставлялъ ее, какъ самую важную сторону душевной жизни.

Нашъ же современникъ, берлинскій профессоръ Паульсенъ, попробовалъ обосновать этотъ же взглядъ на душевную жизнь не откровенно метафизическимъ путемъ, какъ у Шопенгауера, а психологическими доводами, (изложенными также въ его „Введеніи въ философію“, имѣющемся и въ русскомъ переводѣ г. Титовскаго—Москва 1894 г.; есть и второе изданіе). Но это не значитъ, чтобы до Паульсена не встрѣчалось это психологическое направленіе и чтобы раньше никто не пробовалъ обосновать его одними психологическими доводами. Волюнтаризмъ встрѣчается еще до появленія Шопенгауера (родившагося въ 1788 г.), уже въ самомъ началѣ XIX вѣка у французскаго философа — самоучки Мена де-Бирана (умершаго въ 1824 г.; важнѣйшія же его сочиненія вышли „Memoire sur l'influence de l'habitude“ въ 1802 г., а „Memoire sur la decomposition de la faculté de penser“ въ 1805 г.). Менъ де-Биранъ первоначально ознакомился изо всей философіи только съ господствовавшимъ въ его время во Франціи сенсуализмомъ, соединившимся, какъ это бываетъ чаще всего, съ матеріализмомъ. Враждебно относясь къ послѣднему Менъ де-Биранъ старался обосновать спиритуализмъ, а для этого разрушить сенсуализмъ, который казался ему логически связаннымъ съ матеріализмомъ, и углубляясь въ самонаблюденіе, т. е. пользуясь психологическими доводами, онъ выставляетъ первичнымъ фактомъ душевной жизни „волевое усиліе“ (effort voulu). Усвоивъ же вмѣстѣ съ тѣмъ панпсихическую точку зрѣнія, считая весь міръ состоящимъ изъ духоподобныхъ существъ, Менъ де-Биранъ сущностью каждой изъ нихъ считаетъ активность и волю. Такимъ образомъ у него уже встрѣчаются психологическія доказательства волюнтаризма. Словомъ: иниціаторами волюнтарнаго направленія въ психологіи являются для Франціи Менъ де-Биранъ, а для Германіи и Россіи Шопенгауеръ (подъ вліяніемъ котораго находится и „Психологія“ Владиславлева, вышедшая въ 1881 г.). Паульсену же принадлежитъ только изобрѣтеніе названія для этого направленія—„волюнтаризмъ“ и сводъ вмѣстѣ всѣхъ существовавшихъ доводовъ въ пользу этого направленія, которые онъ суммируетъ въ видѣ трехъ слѣдующихъ доказательствъ;

1) Въ развитіи животнаго міра воля появляется раньше всѣхъ другихъ душевныхъ процессовъ. У простѣйшихъ животныхъ встрѣчаются только слѣпыя стремленія безъ всякихъ другихъ душевныхъ явленій. Лишь у болѣе высшихъ животныхъ присоединяются къ стремленіямъ ощущенія и чувства. Также и у ребенка прежде всего возникаетъ одна лишь волевая жизнь. И лишь постепенно присоединяется къ ней и познавательная. Все это кажется Паульсену вполнѣ очевиднымъ, если наблюдать развитіе жи-

вотнаго міра и дѣтей. Отсюда выходитъ, что *волевыя явленія составляютъ первичный, а потому и основной фактъ душевной жизни, остальныя же душевныя явленія — фактъ позднѣйшій, хотя никто изъ волюнтаристовъ не рѣшается утверждать, что всѣ душевныя явленія образуются изъ волевыхъ.*

2) *У взрослаго же человѣка первичность воли обнаруживается въ ея главенствѣ надъ всѣми остальными душевными явленіями*: цѣли нашихъ поступковъ устанавливаются волей. Ею обусловливается все наше поведеніе. Она направляетъ наше вниманіе и этимъ путемъ доводитъ до сознанія одни ощущенія и не допускаетъ другихъ, а также этимъ путемъ господствуетъ надъ ходомъ нашихъ мыслей, заставляя ихъ идти по избранному ею направленію. Даже и то, что нами запоминается и что забывается, зависитъ отъ того интереса, съ какимъ относится наша воля къ тому или другому матеріалу.

3) Наконецъ, *по мнѣнію Паульсена, волюнтаризмъ гораздо лучше соединяется съ спиритуалистической метафизикой, чѣмъ другія направленія*, мнѣніе — явно ошибочное (ибо всѣ направленія, кромѣ развѣ сенсуализма, соединяются съ спиритуализмомъ также легко, какъ и волюнтаризмъ), мнѣніе, которое доказываетъ только то, что для волюнтаристовъ психологія интересна не сама по себѣ, а лишь, какъ средство для разработки метафизики. Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы не будемъ обращать никакого вниманія на это доказательство: психологическій вопросъ о составѣ душевной жизни нужно рѣшать съ такой же независимостью отъ метафизики, какъ и вопросъ о химическомъ составѣ любого тѣла. Вѣдь и Паульсенъ не позволитъ своей кухаркѣ рѣшать вопросъ: нѣтъ ли въ покупаемомъ ею маслѣ примѣси сала или маргарина, въ зависимости отъ того, какое изъ этихъ рѣшеній благопріятнѣе для той или другой метафизики.

Паульсенъ изобрѣлъ удачный терминъ „волюнтаризмъ“ — терминъ, необходимый для психологіи, коль скоро въ ней существуетъ волюнтарное направленіе, и этимъ оказалъ услугу научному языку. Но Паульсенъ въ то же время причинилъ и вредъ ему; ибо наблюдая одну лишь современную ему *германскую* психологію, въ которой главное мѣсто занималъ гербартовскій интеллектуализмъ, онъ сталъ терминъ „интеллектуализмъ“ употреблять, какъ противоположность „волюнтаризму“, какъ будто бы нѣтъ ничего другого, кромѣ интеллектуализма и волюнтаризма, такъ что онъ, а по его примѣру и остальные *волюнтаристы стали называть интеллектуализмомъ все, что не волюнтаризмъ, слѣдовательно и подлинный интеллектуализмъ, и сенсуализмъ, и всѣ немонистическія направленія.* Такое словоупотребленіе выгодно для волюнтаризма, потому что интеллектуализмъ (подлинный) опровергается очень легко: нельзя свести чувства къ интеллектуальнымъ процессамъ. Послѣдній поддерживается только какой нибудь предвзятой метафизической теоріей. Поэтому, называя интеллектуализмомъ все, что не волюнтаризмъ, мы создаемъ видимость легкаго опро-

верженія всего, что не волюнтаризмъ. Но такое словоупотребленіе логически непозволительно, ибо, вопервыхъ, *терминъ „интеллектуализмъ“ исторически установился еще раньше «волюнтаризма» и имъ обозначали лишь одно изъ монистическихъ направленій*, а отнюдь не употребляли его (и при отсутствіи термина „волюнтаризмъ“ не могли даже употреблять), какъ противоположность волюнтаризму. А всякій авторъ для предупрежденія вавилонскаго смѣшенія языковъ обязанъ употреблять термины не какъ попало, но въ ихъ исторически установившемся значеніи, если они успѣли его пріобрѣсти. Во вторыхъ, сваливать въ кучу все, что не волюнтаризмъ, объединяя все это подъ однимъ общимъ названіемъ, да еще названіемъ, которое по своему этимологическому смыслу пригодно только для одного изъ неволюнтарныхъ направленій, а не для всѣхъ, это значитъ вносить сбивчивость въ наши понятія: вѣдь необходимо же среди неволюнтарныхъ направленій отличать столь противоположныя, какъ монистическія и немонистическія, а среди монистическихъ столь противоположныя, какъ интеллектуализмъ и сенсуализмъ. Волюнтаристы же по примѣру Паульсена смѣшали все это въ какую то неразличимую массу. И эта сбивчивость понятій, начатая Паульсеномъ, усугублена еще Вундтомъ, построившимъ новое видоизмѣненіе волюнтаризма, которое онъ однако называетъ просто „волюнтаризмомъ“, а слово „интеллектуализмъ“, по примѣру Паульсена, употребляетъ, какъ противоположность волюнтаризму. И вышло, что слово „волюнтаризмъ“ имѣетъ теперь два значенія, а „интеллектуализмъ“ обозначаетъ все, что не волюнтаризмъ. Все это легко объясняется тѣмъ, что въ Германіи волюнтаризмъ возникъ въ видѣ реакціи противъ господства интеллектуализма Гербарта, изъ за котораго пренебрегали всѣми остальными направленіями и вліяніе котораго въ Германіи не исчезло еще и до сихъ поръ, особенно среди педагоговъ, хотя уже значительно ослабѣло. Даже и Вундтъ еще не вполнѣ освободился изъ подъ него. Но мы не будемъ подражать волюнтаристамъ въ ихъ сбивчивой терминологіи и терминъ „интеллектуализмъ“ будемъ употреблять въ томъ же смыслѣ, какъ его употребляли до Паульсена, т. е. будемъ обозначать имъ только то направленіе, которое сводитъ всю душевную жизнь къ видоизмѣненіямъ чисто-интеллектуальныхъ явленій; въ волюнтаризмѣ же будемъ отличать вундтовскій отъ паульсеновскаго (точнѣе шопенгауровскаго, см. выше).

Вундтъ не допускаетъ существованія волевыхъ явленій безъ познавательныхъ и эмоціальныхъ. Въ этомъ его рѣзкое отличіе отъ паульсеновскаго волюнтаризма и сходство съ немонистическими направленіями. Его волюнтаризмъ состоитъ прежде всего въ утвержденіи, что *волевой процессъ есть типическій процессъ душевной жизни, т. е. такой, по образцу котораго протекаютъ всѣ остальныя душевныя явленія.* Отсюда Вундтъ выводитъ: вопервыхъ, *требованіе разсматривать всякое душевное явленіе, какъ процессъ, протекающій во времени и существующій лишь тогда, когда мы его переживаемъ* (требованіе которое мы въ правѣ и даже обязаны предъявлять и въ томъ случаѣ, если мы не волюнтаристы),

а не такъ, какъ разсматривалъ Гербартъ представленія, считавшій ихъ постоянно существующими въ неизмѣняемомъ видѣ, по находящимися то въ сознаніи, то за предѣлами сознанія. Вовторыхъ—требованіе не только допускать въ каждомъ душевномъ процессѣ волевую сторону этого процесса, но и разсматривать ее, какъ главнѣйшую; ибо только при этомъ условіи и можно говорить, что этотъ процессъ протекаетъ по образцу волевого. Втретьихъ, характеризуя эту волевую сторону, какъ *активную* сторону каждаго душевнаго процесса и считая ее важнѣйшей и основной стороной Вундтъ *сознаніе* въ которомъ происходятъ всѣ эти процессы, характеризуетъ, *какъ активное начало* (что, очевидно, противорѣчитъ матеріализму, такъ что Вундтъ, очевидно, развиваетъ свои взгляды не независимо отъ всякой метафизики, а подчиняясь нѣкоторымъ опредѣленнымъ метафизическимъ воззрѣніямъ). Ко всему этому Вундтъ могъ бы прибавить еще одно требованіе, вытекающее изъ его основного принципа: описывать любое душевное явленіе въ терминахъ, приноровленныхъ къ описанію волевыхъ явленій. Онъ впрочемъ этого не высказываетъ, а за то и онъ, и всѣ психологи, находящіеся подъ его вліяніемъ поступаютъ сообразно съ этимъ требованіемъ: у нихъ постоянно при описаніи душевныхъ явленій фигурируютъ чьи то акты, выборы, дѣйствія разныхъ наименованій, какъ то связываніе, соединеніе и т. п. Отъ этого и зависитъ трудность изложенія въ сочиненіяхъ волюнтарнаго направленія: языкъ, приноровленный къ одному лишь роду душевныхъ явленій, приходится примѣнять и къ другимъ.

Для ознакомленія съ волюнтаризмомъ на русскомъ языкѣ могутъ служить: Вундта „Очеркъ психологіи“; Гефдинга„ Очерки психологіи основанной на опытѣ“ по направленію своему близко подходятъ къ вундтскому волюнтаризму; Н. О. Лосскаго „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма“ примыкаютъ къ вундтовскому, но сбиваются до нѣкоторой степени и на паульсеновскій волюнтаризмъ и явно пропитаны метафическими взглядами.

Обращаясь къ оцѣнкѣ монистическихъ направленій, мы должны ихъ всѣ признать ошибочными: ни интеллектуализму, ни сенсуализму не удается свести всю душевную жизнь къ одному основному элементу, будетъ ли то мышленіе, представленіе или ощущеніе безразлично. Всегда въ душевной жизни получается остатокъ, несводимый на одинъ изъ этихъ элементовъ.

Волюнтаризмъ же и не пытается выставлять всю душевную жизнь, какъ простыя видоизмѣненія воли. За то въ лицѣ Паульсена онъ рѣшается говорить, будто бы волевыя явленія существуютъ *раньше* всѣхъ другихъ, т. е. безъ другихъ, и что чувства, ощущенія и представленія присоединяются къ нимъ *послѣ*. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права на такое утвержденіе: ибо въ самихъ себѣ мы наблюдаемъ волевыя явленія не иначе, какъ въ связи съ другими. Только въ своей абстракціи отдѣляемъ мы волю отъ другихъ сторонъ душевной жизни, и мы даже не въ силахъ наглядно представить, въ чемъ она могла бы состоять, если на ряду съ ней нѣтъ ни познавательныхъ явленій, ни эмоціальныхъ. Въ простѣйшихъ жи-

вотныхъ мы или представляемъ себѣ ихъ стремленія въ связи съ ощущеніями (показывающими имъ предметъ стремленій) и чувствами, пріятными или непріятными, или же называемъ именемъ стремленія одни лишь тѣлесныя движенія. Что касается другого доказательства Паульсена главенства воли, доказательства, основаннаго на томъ, что воля опредѣляетъ наши цѣли, управляетъ чрезъ посредство вниманія ощущеніями и т. п., то Паульсенъ забываетъ, что здѣсь и воля, въ свою очередь, управляется мыслями. Что же изъ нихъ считать болѣе важнымъ и первичнымъ при такихъ условіяхъ? Мысль или волю? А можетъ быть—вѣрнѣе будетъ не считать болѣе важнымъ и первичнымъ ни той, ни другой, а относиться и къ той, и къ другой, какъ къ *неотдѣлимымъ фактически* сторонамъ каждаго душевнаго переживанія, которыя мы раздѣляемъ только въ своей абстракціи?

Волюнтаризмъ же Вундта и его послѣдователей не утверждаетъ, чтобы волевыя явленія существовали безъ другихъ. Но все-таки и онъ настолько же произволенъ и недоказанъ, какъ и волюнтаризмъ Паульсена. Вѣдь если волевыя явленія никогда не бываютъ безъ другихъ, напримѣръ, безъ познавательныхъ, то съ одинаковымъ правомъ можно сказать и то, что всякій душевный процессъ протекаетъ по образцу волевого акта и то, что онъ протекаетъ по образцу неотдѣлимаго отъ него познавательнаго акта. Почему же, спрашивается, первое предпочитать послѣднему? Еслибы это сказалъ Паульсенъ, утверждающій, что бываютъ волевые акты, безъ познавательныхъ, то было бы понятно, на чемъ онъ основываетъ свое предпочтеніе. Но Вундтъ не допускаетъ волевыхъ актовъ безъ познавательныхъ. Оба акта составляютъ на дѣлѣ неотдѣлимыя стороны одного и того же душевнаго процесса.

Почему же онъ говоритъ, что всякій душевный процессъ протекаетъ по образцу такой, а не другой стороны? И почему не будетъ вѣрнѣе говорить, что ни одна изъ этихъ сторонъ ни чѣмъ не важнѣе другой, коль скоро онѣ существуютъ не иначе, какъ вмѣстѣ? Если вдуматься въ слова Вундта, что волюнтаризмъ, требуетъ разсматривать всякое душевное явленіе, въ томъ числѣ и представленіе, какъ процессъ во времени, начинающійся, развивающійся и оканчивающійся, а не какъ какой то постоянно существующій въ неизмѣняемомъ видѣ атомъ душевной жизни, какими считалъ представленія Гербартъ, то становится понятнымъ, почему Вундтъ предпочитаетъ волюнтаризмъ: у него есть наклонность къ психологическому атомизму, какъ выражается Джемсъ, наклонность разсматривать представленія, какъ ихъ разсматривалъ Гербартъ; и Вундтъ нуждается въ вспомогательствомъ средствѣ, гипотезѣ, напоминающей ему объ ошибочности этой наклонности. Но рабочей гипотезы не слѣдуетъ смѣшивать съ описаніемъ дѣйствительности. Послѣднее должно быть подтверждено самонаблюденіемъ и должно дать обстоятельный отвѣтъ на вопросъ: если въ каждомъ душевномъ процессѣ волевой актъ неотдѣлимъ отъ познавательнаго, то почему же этотъ процессъ надо считать протекающимъ по образцу перваго, а не

второго? У Вундта нѣтъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Слѣдовательно, его волюнтаризмъ недоказанъ.

Иногда выставляютъ волюнтаризмъ, какъ наилучшую рабочую гипотезу, которая одна только и можетъ помочь намъ отвыкнуть отъ психологическаго атомизма, какъ его называетъ Джемсъ, которая одна только и доведетъ насъ до пониманія текучести всякаго душевнаго явленія. Но это явная нелѣпость. Ни Вундтъ, ни кто другой не дошелъ до столь яснаго пониманія ошибочности психологическаго атомизма, какъ Джемсъ, утверждающій, что наша душевная жизнь представляетъ собой *поток*, въ которомъ каждое душевное явленіе оказывается совершенно новымъ, болѣе или менѣе похожимъ на одно изъ прежнихъ, но отнюдь не служащее возвращеніемъ этого сохранившагося стараго явленія въ сознаніе изъ какой то безсознательной области. Одинъ лишь Джемсъ ясно понялъ, *что даже ощущенія, хотя бы вызываемыя тѣми же самыми предметами, почти никогда не бываютъ одинаковыми* и что каждая отдѣльная мысль, хотя бы о томъ же самомъ предметѣ, строго говоря, есть Unicum. Между тѣмъ Джемсъ вовсе не волюнтаристъ, а просто внимательный самонаблюдатель, вовсе незаботящійся о томъ, чтобы разыскать сущность душевной жизни. Слѣдовательно достоинство волюнтаризма, какъ рабочей гипотезы, остается недоказаннымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это вовсе не такая гипотеза, которая облегчала бы изложеніе и изученіе психологіи. „Очеркъ психологіи“ Вундта едва ли не самый трудный учебникъ психологіи *). Не считается легкой и книга Гефдинга. Да и понятно, что изложеніе психологіи во всемъ ея объемѣ (особенно познавательныхъ явленій) не можетъ быть въ волюнтаризмѣ легкимъ: приходится познавательную сторону душевной жизни описывать, какъ протекающую по образцу волевой, между тѣмъ какъ для этого нѣтъ ни малѣйшаго основанія.

Если же волюнтаризмъ Вундта требуетъ считать сознаніе активнымъ началомъ, то этимъ онъ обнаруживаетъ свою догматичность, потому что не со всякой метафизикой примиримъ такой взглядъ; ибо онъ противорѣчитъ матеріализму. Свободная же отъ метафизики психологія, т. е. критическая психологія, должна быть одинаково пріемлема при всякомъ метафизическомъ направленіи. Въ заключеніе замѣтимъ, что волюнтаризмъ сугубо догматиченъ; ибо онъ не только сливается съ метафизикой, но еще считаетъ первымъ и основнымъ элементомъ душевной жизни такой элементъ, существованіе котораго оказывается спорнымъ. Многіе психологи не допускаютъ, чтобы мы сознавали въ себѣ самостоятельный, несводимый на видоизмѣненія другихъ, волевой элементъ. Этимъ, конечно, не отрицается существованіе волевыхъ явленій; но въ нихъ нѣтъ особаго волевого элемента, а состоятъ они лишь изъ комбинацій другихъ элементовъ.

---

*) Впрочемъ „Очеркъ психологіи“ Вундта труденъ еще и по другой причинѣ: Вундтъ опровергаетъ психологическій атомизмъ, а во всей конструкціи своего изложенія поддается его вліянію, излагая дѣло такъ, что изъ психическихъ элементовъ (описываемыхъ въ I отдѣлѣ) образуются (II отдѣлъ) психическія образованія, а изъ нихъ (III отдѣлъ) сочетанія психическихъ образованій.

Немонистическія направленія разсматриваютъ *всякое фактическое* переживаніе нашего сознанія, какъ состоящее сразу изо всѣхъ основныхъ элементовъ, которыхъ допускается не менѣе двухъ, при чемъ каждый изъ нихъ считается нисколько не важнѣе остальныхъ. Каждый изъ нихъ обособляется отъ другихъ лишь нашей абстрагирующей мыслью, такъ что пытаться дѣлать его основнымъ элементомъ душевной жизни это значитъ строить реально существующія вещи изъ нашихъ абстракцій отъ вещей. Немонистическія направленія, разумѣется, могутъ отличаться другъ отъ друга глядя по тому, сколько и какихъ именно основныхъ элементовъ допускаютъ они въ душевной жизни. Наиважнѣйшая же разница между ними въ современной психологической литературѣ сводится къ слѣдующему: одни изъ авторовъ явно отрицаютъ, чтобы въ составъ душевной жизни входило сознаніе самостоятельнаго, несводимаго на другіе, волевого элемента, чѣмъ, конечно, вовсе не отрицается существованіе явленій, которыя *называются* волевыми, и всѣ подобныя названія не упраздняются, а употребляются, какъ и прежде, но только у этихъ авторовъ особымъ образомъ объясняется составъ того душевнаго переживанія, который нами сознается при этихъ явленіяхъ. (Таковы: „Очерки психологіи“ Тиченера и монографіи Рибо). Другіе же авторы, хотя и не дѣлаютъ этого явно, но изъ ихъ изложенія все таки выходитъ, что нѣтъ самостоятельнаго волевого элемента (Психологіи Фонсегрива и Бена) или, по крайней мѣрѣ, остается неяснымъ, допускаетъ ли его авторъ или нѣтъ (Психологія Джемса). Третьи же, наконецъ, явно утверждаютъ его существованіе въ сознаніи (Руководство психологіи Іерузалема).

Послѣ знакомства съ различными направленіями въ психологіи становится вполнѣ яснымъ, что пользуясь какимъ либо психологическимъ сочиненіемъ прежде всего необходимо выяснить, въ какомъ направленіи изложено оно. Для этого, разумѣется, необходимо ознакомиться съ нимъ въ его цѣломъ. Нельзя брать и просто прибавлять другъ къ другу отдѣльно выхваченную главу изъ одного курса психологіи и соотвѣтственную главу изъ *любого* другого. Путемъ такого механическаго присоединенія другъ къ другу положеній, заимствованныхъ изъ разныхъ книгъ, можетъ получаться иногда даже явная нелѣпость; стоитъ только попробовать соединить ученіе о волѣ Тиченера, горячо отрицающаго существованіе самостоятельнаго волевого элемента въ сознаніи, съ ученіемъ о волѣ Вундта или Іерузалема и т. п. Выяснивъ же направленіе автора, нужно умѣть отдѣлить въ его изложеніи факты, какъ они даны самонаблюденію, отъ ихъ освѣщенія или даже описанія въ духѣ опредѣленнаго направленія. По всему этому учащіеся напрасно, готовясь къ экзамену, глотаютъ въ теченіи одного семестра, а иногда даже мѣсяца—двухъ, множество разнообразныхъ пособій по психологіи, надѣясь путемъ такого бѣглаго чтенія усвоить все основное и важное. Безъ указанной аналитической работы отъ такого чтенія получается только сумбуръ въ головѣ. И гораздо полезнѣе не только для экзамена, а

для образованія, выбравъ сперва одно какое нибудь пособіе, тщательно проштудировать его, такъ чтобы все стало въ немъ яснымъ и понятнымъ, а послѣ того перейти къ изученію по разнымъ сочиненіямъ такого спеціальнаго вопроса, который покажется интереснѣе другихъ, и при его изученіи принимать во вниманіе разницу направленій разныхъ авторовъ. Но это изученіе надо вести не торопясь, а вникая, какъ отзывается то или другое направленіе автора на всѣхъ частностяхъ даннаго вопроса, т. е. независимо отъ подготовки къ экзамену. И торопливость здѣсь тѣмъ неумѣстнѣе, что послѣ знакомства съ разнообразіемъ направленій въ разработкѣ психологіи становится гораздо понятнѣе истина, гласящая: „путь къ психологіи долженъ отправляться отъ философіи“. Чтобы вполнѣ правильно разобраться въ разнообразныхъ освѣщеніяхъ любого психологическаго вопроса необходимо и знакомство съ философіей, и тщательное взвѣшиваніе, къ какому освѣщенію того или другого психологическаго вопроса обязываетъ то или другое философское направленіе.

11. Неопровержимость и недоказуемость матеріализма, дуализма и психофизическаго монизма.

Мы сказали, что любое изъ метафизическихъ направленій въ психологіи: матеріализмъ, дуализмъ и психофизическій монизмъ, одинаково неопровержимы и одинаково недоказуемы. Покажемъ теперь это, начиная съ матеріализма, но не тѣмъ путемъ, какъ это дѣлаетъ критическая теорія познанія, которая въ самомъ общемъ видѣ показываетъ невозможность, чтобы какая бы то ни было метафизика (т. е. какое бы то ни было ея направленіе) обратилась въ знаніе. (см. объ этомъ выше стр. 135). Пойти такимъ путемъ значило бы, покинувъ психологію, посвятить назначенное для нея время на теорію познанія. Мы же поступимъ гораздо проще: мы разсмотримъ, осуществимы ли тѣ пути, какими можно было бы попробовать опровергнуть или доказать каждое изъ этихъ трехъ ученій. Напомнимъ сперва, что каждую теорію можно опровергнуть только двумя путями: или обнаруживъ въ ней какое нибудь неустранимое противорѣчіе съ данными опыта, или же обнаруживъ въ допускаемыхъ ею предположеніяхъ что либо явно несостоятельное, напримѣръ, внутреннее противорѣчіе въ ихъ содержаніи, либо противорѣчіе съ основными принципами знанія и т. п., словомъ, обнаруживъ внутреннюю несостоятельность опровергаемой теоріи. И вотъ сначала спросимъ себя: можно ли опровергнуть матеріализмъ путемъ доведенія его до противорѣчія съ данными опыта?

Неотдѣлямость возникновенія каждаго душевнаго явленія отъ опредѣленнаго процесса въ головномъ мозгу дѣлаетъ невозможнымъ найти такіе данные въ опытѣ факты душевной жизни, которые противорѣчили бы матеріализму и этимъ опровергали бы его. Напротивъ, въ этой связи душев-

ныхъ явленій съ тѣлесными, показывающей, что возникновеніе первыхъ зависитъ отъ возниковенія вторыхъ, онъ видитъ свое подтвержденіе; ибо онъ истолковываетъ эту несомнѣнно существующую зависимость, какъ причинную зависимость, какъ порожденіе душевныхъ явленій процессами, происходящими въ головномъ мозгу. Для опроверженія матеріализма посредствомъ указанія противорѣчащихъ ему данныхъ опыта надо было бы найти такія душевныя явленія, которыя не зависили бы отъ матеріальныхъ, возникали бы безъ всякой связи съ матеріальными; но такихъ явленій нѣтъ.

Правда, вмѣсто того существуетъ рядъ разнообразнѣйшихъ фактовъ, показывающій, что и душевная жизнь, въ свою очередь, вліяетъ на тѣлесную, а не только подвергается ея вліяніямъ, что и возникновеніе нѣкоторыхъ тѣлесныхъ явленій зависитъ въ свою очередь отъ душевныхъ явленій. Простѣйшій примѣръ: хотѣніе поднять руку вызываетъ ея движеніе. Далѣе: убѣжденіе, что мы приняли рвотное, какъ бы обращаетъ простую подслащенную воду въ рвотное (опытъ въ Лондонской больницѣ); другіе случаи внушеній и самовнушеній — пилюли изъ чистаго хлѣбнаго мякиша, какъ сильное слабительное; исцѣленія вѣрой; заболѣванія отъ порчи и т. д. Сборникъ подобныхъ хорошо провѣренныхъ фактовъ см. въ книгѣ Хэкъ-Тьюка — "Духъ и тѣло. Вліяніе психики и воображенія на тѣлесную жизнь" и въ книгѣ Карпентера „Физіологія ума". Но матеріализмъ говоритъ, что во всѣхъ этихъ фактахъ душевныя явленія только кажущимся образомъ вліяютъ на тѣлесныя, что на самомъ дѣлѣ вліяютъ на послѣднія не само душевное явленіе, а неотдѣлимая отъ него его физіологическая сторона, т. е. вліяетъ на тѣлесную жизнь лишь то матеріальное явленіе, съ которымъ связано данное душевное явленіе (хотѣніе поднять руку, убѣжденіе въ наступленіи исцѣленія и т. п.), а не душевное явленіе. Слѣдовательно, во всѣхъ этихъ фактахъ нѣтъ противорѣчія матеріализму, и онъ ими не опровергается.

Напрасно ищутъ такого противорѣчія и опроверженія въ законѣ сохраненія энергіи. Разсуждаютъ такъ: душевныя явленія, не имѣя въ себѣ ничего матеріальнаго (ни массы, ни движенія, ни даже способности на самомъ дѣлѣ вызывать движенія), поэтому не представляютъ собой ни малѣйшаго запаса энергіи, если употреблять слово „энергія" въ томъ же смыслѣ, въ какомъ мы беремъ его, когда говоримъ о законѣ сохраненія энергіи (ибо энергія есть способность къ работѣ, а работа — движеніе, преодолѣвающее препятствія). Это заключеніе вполнѣ правильное, и съ нимъ матеріалисты должны согласиться. Если же душевныя явленія порождаются матеріальными, продолжаютъ противники матеріализма, то, значитъ, взамѣнъ той энергіи, которая расходуется матеріей при этомъ порожденіи, не возникаетъ вопреки закону сохраненія энергіи никакого новаго запаса энергіи, такъ что матеріализмъ противорѣчитъ закону сохраненія энергіи. Но это разсужденіе невѣрно, и его слѣдовало бы вотъ какъ вести: такъ какъ ни одно душевное явленіе не представляетъ собой ни малѣйшаго запаса энергіи, то при порожденіи душевныхъ явленій матеріей, послѣдняя не расходуетъ на душевныя явленія ни капли своей энергіи; ибо энергія, по закону сохра-

нія энергіи, можетъ расходоваться только на такія явленія, которыя и сами образуютъ собой запасъ энергіи, а не на то, что не составляетъ никакой энергіи. Вѣдь расходъ энергіи состоитъ всего только въ *преобразованіи* одной формы энергіи въ другую; а гдѣ нѣтъ такого преобразованія, тамъ нѣтъ и расхода, т. е. уменьшенія энергіи.

Но развѣ самый актъ порожденія душевнаго явленія матеріей не требуетъ отъ нея расхода энергіи? Нѣтъ; и такой отвѣтъ доказывается доводами и чисто-физическими, и гносеологическими. Физическіе: 1) по закону сохраненія энергіи при порожденіи однимъ матеріальнымъ явленіемъ, напримѣръ—теплотой, другого, напримѣръ—движенія, въ первомъ уменьшается количество энергіи лишь на столько, сколько ея окажется послѣ этого порожденія во второмъ: энергія въ формѣ теплоты уменьшится лишь въ той мѣрѣ, въ какой она возникнетъ въ формѣ движенія. Отсюда видно, что самый актъ порожденія одного явленія другимъ не сопровождается затратой энергіи, а тратится она не на порожденіе, но на порождаемое явленіе (не на порожденіе движенія теплотой или теплоты движеніемъ, а на самую теплоту или на само движеніе). 2) Если бы тратилась энергія и на самый актъ порожденія явленія, а не только на самое явленіе, то ея запасъ въ природѣ, вопреки закону сохраненія энергіи, быстро исчерпался бы, потому что порожденіе массы новыхъ явленій совершается безпрерывно.

Гносеологическій доводъ: порожденіе одного явленія другимъ на самомъ дѣлѣ вовсе не дано намъ въ опытѣ, а составляетъ лишь нашу *мысль*, присоединяемую самими нами къ тому, что дано намъ въ опытѣ; въ опытѣ же дается намъ только *отношеніе во времени* двухъ явленій, именно—когда мы говоримъ, что одно явленіе порождаетъ другое, то это значитъ, что вмѣстѣ съ возникновеніемъ перваго (или одновременно съ нимъ, или тотчасъ послѣ него) обязательно возникаетъ другое явленіе. Ничего другого, кромѣ этой постоянной послѣдовательности или постоянной единовременности въ возникновеніи двухъ явленій, опытъ не обнаруживаетъ, т. е. ничего другого намъ въ немъ на дано или нами не воспринимается, кромѣ этого отношенія во времени; а ужъ мы сами отъ себя прибавляемъ мысль о порожденіи къ тому, что воспринимается нами въ опытѣ. Если же порожденіе одного явленія другимъ въ опытѣ не дано, а примышляется самими нами къ даннымъ опыта, то энергія, заключающаяся въ данныхъ въ опытѣ явленіяхъ, не можетъ тратиться на это порожденіе: она тратится только на то, что совершается въ опытѣ, а не на то, что мы думаемъ о немъ, или примышляемъ къ нему.

Если же матеріализмъ ни въ чемъ не противорѣчитъ даннымъ опыта, то его можно опровергнуть только чрезъ обнаруженіе невозможности допускаемыхъ имъ предположеній. Лейбницъ († 1716 г.) опровергалъ его ссылкой на *невыводимость душевной жизни изъ матеріи*, откуда онъ заключалъ о невозможности порожденія душевной жизни матеріей. Невыводимость же первой изъ послѣдней явствуетъ изъ полнѣйшаго несходства душевныхъ явленій съ матеріальными, различія столь сильнаго, что его можно назвать

полной несоизмѣримостью тѣхъ и другихъ: все матеріальное связано съ протяженіемъ, наполненіемъ нѣкотораго объема, фигурой, вѣсомъ или массой и т. п.; а въ душевныхъ явленіяхъ нѣтъ ничего подобнаго. Доводомъ Лейбница постоянно пользуются и до сихъ поръ противники матеріализма, мечтающіе не только обнаружить его недоказуемость, а еще окончательно опровергнуть его (въ томъ числѣ и Челпановъ въ своемъ „Введеніи въ философію“, а равно въ книгѣ „Мозгъ и душа“). И надо сознаться, что это — очень сильный доводъ, вполнѣ уничтожающій матеріализмъ, если исподтишка исповѣдывать раціонализмъ. Раціонализмомъ называется гносеологическое направленіе, которое началось съ Декарта (умершаго въ 1650 г. и господствовало на континентѣ Европы до середины XVIII в., когда оно было окончательно разрушено критицизмомъ. Лейбницъ тоже былъ раціоналистомъ. *Сущность же раціонализма состоитъ въ догматической и ошибочной увѣренности* (которую раціоналисты исповѣдывали безъ всякой провѣрки и доказательствъ, — какъ бы вещь, само собой разумѣющуюся), *будто бы всѣ реальныя (т. е., существующія въ бытіи) связи и отношенія сполна разлагаются на одни лишь логическія связи и отношенія.* Напримѣръ: *истинная* причинная связь, по мнѣнію раціоналистовъ, должна быть чисто логической, и слѣдствіе должно непремѣнно подразумѣваться въ причинѣ. Если же мы встрѣчаемся съ двумя явленіями, такъ связанными другъ съ другомъ, что съ возникновеніемъ одного изъ нихъ обязательно возникаетъ и другое (напримѣръ — съ возникновеніемъ нагрѣванія обязательно возникаетъ и расширеніе), а логической связи между ними все таки нѣтъ, то, говоритъ раціонализмъ, эти два явленія не находятся въ истинной причинной связи другъ съ другомъ: одно изъ нихъ только кажется причиной другого; истинная же причина того обстоятельства что съ возникновеніемъ перваго изъ нихъ обязательно возникаетъ и другое, остается навсегда скрытой отъ насъ сзади данныхъ опыта. Она имѣетъ трансцендентный или метафизическій характеръ; и она уже находится въ чисто логической связи съ порождаемымъ ею слѣдствіемъ. Сходнымъ образомъ поступаетъ раціонализмъ и относительно всѣхъ остальныхъ реальныхъ (т. е. присущихъ самому бытію) связей и отношеній.

Конечно, если мы исподтишка исповѣдуемъ раціонализмъ, то, пользуясь доводомъ Лейбница, должны признать матеріализмъ внутренне несостоятельнымъ: коль скоро всѣ реальныя отношенія должны разлагаться на чисто-логическія, то не можетъ быть такого дѣйствія или слѣдствія, порождаемаго матеріей, которое оказалось бы логически невыводимымъ изъ нея; а душевныя явленія, какъ вполнѣ разнородныя съ матеріальными, логически невыводимы изъ нихъ. Но для насъ этотъ доводъ уже гносеологически непозволителенъ; ибо 1) раціонализмъ не только исторически обнаружилъ свою несостоятельность, но 2), какъ мы знаемъ изъ курса логики, онъ противорѣчитъ законамъ логики (онъ былъ бы допустимъ только въ томъ случаѣ, если бы можно было выводить общія синтетическія сужденія изъ аналитическихъ безъ помощи синтетическихъ). Поэтому ссылкой на невыводимость

душевной жизни изъ матеріи матеріализмъ опровергается столь же мало, какъ и сила всемірнаго тяготѣнія ссылкой на невыводимость взаимнаго притяженія двухъ тѣлъ изъ существованія этихъ тѣлъ. Если существуетъ законъ природы, по которому всякая пара тѣлъ взаимно сближается съ ускореніями, зависящими отъ ихъ массъ и разстояній, хотя ничто не толкаетъ этихъ тѣлъ, то нѣтъ ничего недопустимаго и въ существованіи закона природы, по которому при опредѣленныхъ условіяхъ матерія порождала бы душевныя явленія, хотя не было бы при этомъ никакой помощи со стороны духовной сущности.

Остальные же доводы, которыми стараются обнаружить внутреннюю несостоятельность матеріализма, т. е. непозволительность допускаемыхъ имъ предположеній, страдаютъ логическими ошибками и нерѣдко очень грубыми. Такъ, напримѣръ, Кудрявцевъ въ своихъ „Начальныхъ основаніяхъ философіи“ разбиваетъ матеріализмъ, побѣдоносно доказывая нематеріальность души; нелѣпо, по его словамъ, приписывать душѣ какую либо фигуру и т. д., откуда онъ выводитъ, что нельзя считать душу матеріальной, а потому ошибоченъ матеріализмъ, такъ какъ, приписывая душевныя явленія матеріальнымъ сущностямъ, онъ черезъ это дѣлаетъ душу (т. е. то, что порождаетъ душевную жизнь) матеріальной. Но здѣсь такая же ошибка, какъ и въ разсужденіи: „коса земледѣльческое орудіе; у всякаго китайца есть на головѣ коса; слѣдовательно у каждаго китайца есть земледѣльческое орудіе“. (Она называется въ логикѣ quaternio terminorum—учетвереніе терминовъ). Дѣйствительно: въ первомъ случаѣ у Кудрявцева подъ душой подразумѣвается духовная сущность, а во второмъ *вообще* то, что порождаетъ душевныя явленія, будетъ ли это духовная или матеріальная сущность, безразлично, т. е. терминъ „душа“, употребляется (какъ и коса) въ двухъ разныхъ смыслахъ, но такъ, какъ будто бы онъ обозначалъ одно и тоже понятіе. Итакъ, матеріализмъ неопровержимъ.

Мы сейчасъ упомянули, въ чемъ состоитъ догматическое направленіе въ теоріи познанія, называемое раціонализмомъ, а теперь скажемъ нѣсколько подробнѣе, почему онъ оказывается ложнымъ. *Вопервыхъ, уже собственная исторія раціонализма обнаружила его полную несостоятельность.* Проникнутые убѣжденіемъ, будто бы всѣ реальныя связи сполна разлогаются на чисто-логическія, раціоналисты перепробовали всѣ возможныя гипотезы относительно взаимодѣйствія души съ тѣломъ, какія только были для нихъ позволительны при этомъ убѣжденіи, стараясь разложить это взаимодѣйствіе на чисто-логическія связи, и повсюду потерпѣли неудачу: пришлось въ концѣ концовъ допускать это взаимодѣйствіе просто, какъ засвидѣтельствованный опытомъ законъ природы (если кто допускаетъ существованіе души), безъ всякой надежды разложить его на чисто-логическія связи, хотя изъ понятія души вовсе еще не вытекаетъ, чтобы она должна была дѣйствовать на тѣло, а изъ понятія тѣла не вытекаетъ, что оно должно дѣйствовать на душу. Эта неулача подорвала вѣру въ раціонализмъ, обнаруживъ ошибочность его основного убѣжденія. *Во вторыхъ, ложь ра-*

гіоналізма доказывается и чисто-логическимъ путемъ. Впрочемъ это требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ поясненій.

Всѣ наши сужденія по содержанію тѣхъ понятій, которыя служатъ въ нихъ подлежащимъ и сказуемымъ, раздѣляются на аналитическія и синтетическія. Аналитическими называются такія сужденія, въ которыхъ содержаніемъ сказуемаго служитъ *часть содержанія подлежащаго и больше ровно ничего*, т. е. такія сужденія, въ которыхъ сказуемое все цѣликомъ уже содержится или подразумѣвается въ подлежащемъ. Напримѣръ: „квадратъ есть прямоугольникъ“ или „всякое тѣло протяжено“ и т. п. Схематически условіе принадлежности сужденія къ числу аналитическихъ можетъ быть такъ выражено: *сужденіе «S есть P» будетъ аналитическимъ, если въ немъ* $S = P + X$; ибо это значитъ, что содержаніе его сказуемаго P составляетъ часть содержанія подлежащаго S. (Здѣсь X есть прибавка къ P, которая находится въ составѣ подлежащаго S наряду съ P). Содержаніемъ же понятія называется совокупность признаковъ образующихъ данное понятіе, и оно указывается опредѣленіемъ понятія. Такъ, содержаніе понятія квадрата указывается его опредѣленіемъ, гласящимъ, что онъ есть *прямоугольникъ*, имѣющій равныя стороны. Поэтому аналитическія сужденія можно еще и такъ опредѣлить: *аналитическими называются такія сужденія, въ которыхъ сказуемое все цѣликомъ входитъ въ опредѣленіе подлежащаго.* Въ синтетическихъ сужденіяхъ въ составъ содержанія сказуемаго входятъ признаки, которыхъ нѣтъ въ содержаніи, т. е. въ опредѣленіи подлежащаго. Напримѣръ: „всѣ тѣла вѣсомы“. Въ опредѣленіе понятія тѣла не входитъ вѣсомость, такъ что это сужденіе синтетическое. Другой примѣръ: „квадратъ имѣетъ взаимноперпендикулярныя діагонали“. Въ опредѣленіи квадрата ничего не говорится объ его діагоналяхъ, т. е. ихъ взаимная перпендикулярность не входитъ въ содержаніе понятія квадрата, такъ что это сужденіе тоже синтетическое. Надо обратить особое вниманіе, что *сужденія дѣлятся на аналитическія и синтетическія вовсе не по происхожденію*, какъ это нерѣдко думаютъ, руководствуясь одними лишь ихъ названіями, т. е. вовсе не на основаніи того, возникаютъ ли они въ нашемъ умѣ посредствомъ анализа или посредствомъ синтеза: *это дѣленіе основывается только на составѣ содержанія подлежащаго и сказуемаго, а вопросъ о способѣ возникновенія сужденія оставляется въ сторонѣ.* И для того, что-бы разобрать, находится ли передъ нами аналитическое или синтетическое сужденіе, надо обращать вниманіе вовсе не на то, какъ возникло оно (посредствомъ ли анализа или синтеза), но только на опредѣленія его подлежащаго и сказуемаго. Можетъ быть, спросятъ: почему же не считать этого дѣленія основаннымъ на томъ, что одни сужденія возникаютъ посредствомъ анализа, а другія посредствомъ синтеза? По очень простой причинѣ: это дѣленіе установлено критической теоріей познанія, какъ въ высшей степени важное для нея, тотчасъ же, какъ только она возникла, именно самимъ ея основателемъ — Кантомъ; а критическая теорія познанія нуждается въ дѣленіи сужденій, основанномъ

не на ихъ происхожденіи, но на ихъ составѣ. Самъ Кантъ постоянно подчеркивалъ, что его теорія познанія говоритъ только о составѣ разныхъ мыслей, а вовсе не объ ихъ происхожденіи. Если же какая либо наука установила термины въ опредѣленномъ значеніи, при чемъ *раньше Канта никто не употреблялъ этихъ терминовъ*, то для предупрежденія вавилонскаго смѣшенія языковъ, всѣ обязаны употреблять эти термины въ томъ самомъ смыслѣ, какъ ихъ установила эта наука. Если же кто хочетъ зачѣмъ нибудь раздѣлить сужденія по происхожденію, т. е. на основаніи того, возникаютъ ли они посредствомъ анализа или синтеза, то онъ обязанъ придумать для своего дѣленія особыя названія, а не употреблять для этого терминовъ „аналитическій“ и „синтетическій“. Но надо замѣтить, что на самомъ дѣлѣ не бываетъ ни анализа, а безъ синтеза, ни синтеза безъ анализа, такъ что нельзя дѣлить сужденія на основаніи того, возникли ли они въ нашемъ умѣ посредствомъ анализа или синтеза.

Теперь посмотримъ, въ чемъ состоитъ раціонализмъ, если для его характеристики употреблять выраженія: „аналитическія и синтетическія сужденія“. Онъ убѣжденъ, что всѣ реальныя (т. е. существующія въ бытіи) связи и отношенія разлагаются на чисто логическія. Логическая же связь это такая связь, которой нельзя отрицать и замѣнить обратной безъ *явнаго* противорѣчія съ однимъ изъ членовъ, соединенныхъ этой связью. Логическія же связи мыслится только въ аналитическихъ сужденіяхъ, а не въ синтетическихъ. Въ аналитическихъ сужденіяхъ: „тѣла протяжены“, „квадратъ есть прямоугольникъ“, мыслится логическая связь подлежащаго съ сказуемымъ: ибо послѣднее подразумѣвается въ первомъ. И безъ явнаго противорѣчія съ понятіемъ тѣла нельзя отрицать перваго сужденія, т. е. мыслить, что тѣла непротяжены. Точно также будетъ явнымъ противорѣчіемъ съ понятіемъ квадрата, если мы станемъ мыслить, что онъ не прямоугольникъ. Но въ синтетическомъ сужденіи „тѣла вѣсомы“ нѣтъ логической связи между подлежащимъ и сказуемымъ, и безъ всякаго противорѣчія съ понятіемъ тѣла можно мыслить, что они не вѣсомы: только опытъ показываетъ намъ ихъ вѣсомость, а вовсе еще не содержаніе понятія тѣла. Въ синтетическомъ сужденіи „квадратъ имѣетъ взаимно-перпендикулярныя діагонали“ нѣтъ логической связи *у самого* подлежащаго съ сказуемымъ, и безъ всякаго противорѣчія *съ самымъ* содержаніемъ, т. е. опредѣленіемъ понятія квадрата можно говорить, что у него неперпендикулярныя діагонали: не содержаніе понятія квадрата, *взятое само по себѣ*, заставляетъ насъ признавать взаимную перпендикулярность его діагоналей, а лишь разныя геометрическія теоремы дѣлаютъ это неизбѣжнымъ, и безъ нихъ мы могли бы смѣло отрицать ее. Логическая связь у взаимной перпендикулярности діагоналей существуетъ не просто съ понятіемъ квадрата само по себѣ, но съ соединеніемъ понятія квадрата и нѣсколькихъ теоремъ, подобно тому, какъ и вѣсомость логически связана не съ понятіемъ тѣла, взятымъ само по себѣ, но съ соединеніемъ понятія тѣла и указаній опыта. Если же раціонализмъ убѣжденъ въ разложимости всѣхъ реальныхъ связей на чисто-логическія, а послѣднія

мыслятся только въ видѣ аналитическихъ сужденій, значитъ—*раціонализмъ сводится къ убѣжденію, что всякая реальная связь можетъ быть выведена, какъ слѣдствіе, вытекающее изъ однихъ лишь аналитическихъ сужденій.*

Но это убѣжденіе ошибочное. Всѣ реальныя связи представляютъ собой общія синтетическія сужденія. Такъ: „нагрѣваніе металла вызываетъ его расширеніе“, это—сужденіе общее (относящееся ко всѣмъ случаямъ нагрѣванія металла) и синтетическое; ибо въ нагрѣваніи (т. е. въ увеличеніи *температуры*) не подразумѣвается расширеніе (т. е. увеличеніе *объема*). Точно также „всякое душевное явленіе связано съ какимъ нибудь тѣлеснымъ“ принадлежитъ къ общимъ синтетическимъ сужденіямъ. Если же такъ, то *выходитъ—раціонализмъ былъ убѣжденъ, будто бы общія синтетическія сужденія можно выводить уже изъ однихъ аналитическихъ.* Но это невѣрно. Если пересмотрѣть (какъ это дѣлается въ логикѣ) систематически безъ пропусковъ всѣ видоизмѣненія нашихъ умозаключеній, то оказывается, что изъ однихъ лишь аналитическихъ сужденій можно правильно выводить только частныя синтетическія сужденія. Напримѣръ, изъ аналитическихъ посылокъ: „квадраты—четыреугольники, и квадраты—прямоугольники,“ вытекаетъ лишь частное синтетическое заключеніе, что нѣкоторые четыреугольники оказываются прямоугольниками. *Общее же заключеніе, правильно выведенное изъ однихъ лишь аналитическихъ сужденій, всегда окажется аналитическимъ.* Напримѣръ, изъ аналитическихъ сужденій: „всѣ квадраты—прямоугольники, а всѣ прямоугольники—параллелограмы„ вытекаетъ общее сужденіе—„всѣ квадраты—параллелограмы“, но оно аналитическое. Или покажемъ это схематически. Пусть въ умозаключеиіи: „всѣ S суть M; а всѣ M суть P; слѣдовательно, всѣ S суть P,“ обѣ посылки будутъ аналитическими сужденіями. Это значитъ (см. выше), что $S=M+a$ (прибавка) и что $M=P+b$ (прибавка), откуда $S=P+a+b$, т. е. въ выводѣ при нашемъ допущеніи подлежащее будетъ состоять изъ своего сказуемаго въ соединеніи съ какой то прибавкой; а это значитъ, что выводъ окажется сужденіемъ, хотя и общимъ, но аналитическимъ *).

*) Отмѣтимъ кстати здѣсь слѣдующій логическій законъ: *общее синтетическое сужденіе можно получить въ видѣ вывода, правильно вытекающаго изъ нашихъ посылокъ, только въ томъ случаѣ, если въ числѣ посылокъ находится хоть одно общее синтетическое сужденіе.* Онѣ могутъ быть и всѣ общими синтетическими сужденіями, но хотя одна то изъ нихъ должна быть таковымъ. Оттого въ геометріи мы и можемъ доказывать общія синтетическія сужденія, каковыми служатъ всѣ геометрическія теоремы, что при ихъ доказательствѣ мы всегда опираемся на другія общія синтетическія сужденія. Дѣйствительно: при доказательствѣ геометрическихъ теоремъ въ большинствѣ случаевъ мы опираемся на другія, именно—прежде доказанныя теоремы. А всѣ теоремы суть сужденія синтетическія: иначе ихъ незачѣмъ было бы и доказывать, такъ какъ аналитическія сужденія очевидны сами собой, коль скоро ихъ сказуемое уже подразумѣвается въ ихъ подлежащемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ геометрическія теоремы сужденія общія; ибо онѣ говорятъ обо всѣхъ фигурахъ извѣстнаго рода, обо всѣхъ линіяхъ и т. п., а не о нѣкоторой ихъ части. Такимъ образомъ, доказывая однѣ геометрическія теоремы посредствомъ другихъ,

Если же нельзя правильно выводить общія синтетическія сужденія изъ однихъ лишь аналитическихъ, а всѣ реальныя связи образуютъ собой общія синтетическія сужденія, то значитъ, раціонализмъ глубоко заблуждался, считая ихъ разложимыми на чисто логическія связи. Слѣдовательно, *мы не въ правѣ опровергать какую бы то ни было теорію ссылками на то, что она допускаетъ существованіе такихъ дѣйствій, которыя не подразумѣваются въ своей причинѣ, т. е. логически невыводимы изъ нея.* Подобно тому, какъ мы не вправѣ опровергать мнѣніе, что соединеніе водорода и кислорода рождаетъ воду, ссылкой на логическую невыводимость свойствъ воды изъ свойствъ водорода и кислорода, такъ точно мы не въ правѣ отвергать и матеріализмъ ссылкой на то, что духовное невыводимо изъ матеріальнаго. Нужно запомнить разъ навсегда, что *вопреки ложному мнѣнію раціонализма природа хотя и не противорѣчитъ логикѣ, но логикой не исчерпывается, а въ ней сверхъ логическихъ законовъ дѣйствуютъ еще какіе то другіе. И она сама посредствомъ опыта (т. е. наблюденій и экспериментовъ) должна показать намъ, каковы они.* Отъ наклонности же къ раціонализму надо себя отучить: она то и заставляла человѣчество долго и безплодно биться надъ неразрѣшимой задачей—построить метафизику въ видѣ *знанія* между тѣмъ, какъ цѣльное научно разработанное міровоззрѣніе можетъ состоять

мы доказываемъ одни общія синтетическія сужденія посредствомъ другихъ. Въ самыхъ же первыхъ теоремахъ мы при доказательствѣ опираемся, между прочимъ, на такія аксіомы, которыя принадлежатъ къ числу общихъ синтетическихъ. Такова, напримѣръ, аксіома, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Это общее сужденіе, потому что оно говоритъ обо всѣхъ прямыхъ линіяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это синтетическое сужденіе, такъ какъ въ его подлежащемъ говорится лишь о качествѣ линіи (объ ея формѣ), а въ сказуемомъ о количественномъ свойствѣ (о размырѣ); но количество въ качествѣ не подразумѣвается. Такимъ образомъ во всей геометріи общія синтетическія сужденія доказываются не иначе, какъ при помощи другихъ общихъ синтетическихъ сужденій. И это обстоятельство не случайность, которая была бы присуща одной лишь геометріи, а въ силу логическихъ законовъ мышленія повторяется во всѣхъ нашихъ умозаключеніяхъ. А отсюда слѣдуетъ, что и законы природы надо объяснять другими болѣе основными законами природы, а не разсчитывать на то, что будто бы посредствомъ метафизическихъ гипотезъ мы сумѣемъ разложить ихъ на чисто-логическія связи и такимъ путемъ сдѣлать ихъ насквозь понятными, между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ мы должны будемъ примириться съ допущеніемъ нѣсколькихъ основныхъ законовъ природы, хотя и засвидѣтельствованныхъ опытомъ, но такихъ, что причина ихъ существованія останется непонятной Всякое объясненіе и всякая понятность должны по законамъ логики закончится признаніемъ чего то фактически существующаго, но непонятнаго,—Въ заключеніе упомянемъ, что догматики пытаются иной разъ такъ отдѣлаться отъ непріятной (по своимъ слѣдствіямъ) для нихъ необходимости считать аксіому о прямой линіи синтетическимъ сужденіемъ: „какъ же называть его синтетическимъ, говорятъ они, если къ нему не придешь безъ помощи *анализа* понятія прямой линіи?“ Приходится еще разъ напомнить имъ, что дѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія основано не на происхожденіи сужденій, а на составѣ ихъ подлежащаго и сказуемаго, при чемъ вопросъ о происхожденіи оставляется въ сторонѣ.

не изъ одного лишь знанія, а изъ знанія въ соединеніи съ морально обоснованной *вѣрой* въ опредѣленную метафизику (см. выше стр. 18 и слѣд.), которая неопровержима, но и недоказуема.

Неопровержимость матеріализма еще не дѣлаетъ его доказаннымъ, т. е. еще не обращаетъ его въ знаніе. Доказательства истинности матеріализма всѣ кажущіяся. Они опираются или на гносеологически непозволительныя соображенія (таково доказательство отъ противнаго или апагогическое, т. е. состоящее въ опроверженіи противоположнаго взгляда), или же на произвольныя и недоказуемыя допущенія (таковы прямыя доказательства матеріализма). Ко всему этому присоединяется, что даже самое существованіе матеріальныхъ сущностей составляетъ недоказуемое метафизическое предположеніе, какъ это явствуетъ изъ невозможности опровергнуть идеализмъ, въ чемъ мы убѣдимся впослѣдствіи. Въ несостоятельности же апагогическаго доказательства матеріализма (т. е. доказательства отъ противнаго— этими именами въ логикѣ называются всѣ непрямыя доказательства чего бы то ни было) мы тоже скоро убѣдимся, именно—когда будемъ разсматривать неопровержимость спиритуализма, т. е. допущенія существованія духовныхъ сущностей. А теперь займемся лишь прямыми доказательствами матеріализма.

Ссылка на тотъ фактъ, что всякое душевное явленіе возникаетъ не иначе, какъ въ связи съ опредѣленнымъ матеріальнымъ процессомъ въ головномъ мозгу, еще не доказываетъ матеріализма; ибо отсюда вытекаетъ только то, что этотъ матеріальный процессъ служитъ условіемъ, *необходимымъ* для возникновенія даннаго душевнаго явленія, а остается еще неизвѣстнымъ, если не дѣлать произвольныхъ допущеній, будетъ ли этотъ процессъ условіемъ уже и *достаточнымъ* для возникновенія даннаго явленія. *Причиной же, порождающей данное явленіе, называется такое условіе возникновенія этого явленія, котораго вполнѣ достаточно для его возникновенія.* Усомниться же въ достаточности даннаго матеріальнаго процесса для порожденія связаннаго съ нимъ душевнаго явленія всегда возможно. Ибо когда мы доказываемъ при помощи данныхъ опыта, что душевное явленіе X (напримѣръ—ощущеніе) возникаетъ не иначе, какъ въ связи съ матеріальнымъ процессомъ A (напримѣръ, съ возбужденіемъ, вызываемымъ въ головномъ мозгу раздраженіемъ чувствующаго нерва), то до возникновенія душевнаго явленія X (ощущенія) *уже* была и продолжаетъ течь душевная жизнь тамъ, гдѣ возникло это явленіе отъ того, что въ головномъ мозгу возникъ процессъ A (возбужденіе, вызванное раздраженіемъ чувствующаго нерва). Поэтому, безъ всякаго противорѣчія съ данными опыта, мы всегда *можемъ* утверждать, что условіемъ не только необходимымъ, но и достаточнымъ для порожденія душевнаго явленія X (ощущенія) служитъ *соединеніе* матеріальнаго процесса A (возбужденія въ головномъ мозгу) съ *уже существующей* душевной жизнью, а безъ нея этотъ матеріальный процессъ окажется условіемъ, хотя и необходимымъ, но еще недостаточнымъ для порожденія даннаго душевнаго

явленія. Онъ составляетъ только *часть* причины, порождающей данное душевное явленіе, а потому, какъ часть *причины*, и необходимъ для возникновенія этого явленія: оно не возникнетъ тамъ, гдѣ еще нѣтъ этой части причины. Но полная причина, порождающая данное душевное явленіе, состоитъ изъ соединенія этой части съ уже существующей душевной жизнью. Если же встать на такую точку зрѣнія, то очевидно, что душевная жизнь въ первый разъ неможетъ быть порождена какими либо матеріальными процессами безъ всякой помощи со стороны духовной сущности. А эта точка зрѣнія нисколько не противорѣчитъ ни логикѣ, ни даннымъ опыта и можетъ быть опровергнута только ссылкой на невыводимость вновь возникающаго душевнаго явленія изъ *соединенія* даннаго матеріальнаго процесса съ уже существующей душевной жизнью. Но такое опроверженіе было бы позволительно только въ томъ случаѣ, если бы былъ правъ раціонализмъ. Если же мы его отвергли, то коль скоро опытъ намъ показываетъ, что при такомъ соединеніи даннаго матеріальнаго процесса съ уже существующей душевной жизнью всегда возникаетъ данное душевное явленіе, то мы вправѣ считать это соединеніе причиной, порождающей данное душевное явленіе. Считать же полной причиной, порождающей данное душевное явленіе, т. е. условіемъ не только необходимымъ, но уже и достаточнымъ для возникновенія этого явленія, одинъ лишь матеріальный процессъ, безъ котораго оно не возникнетъ, это значитъ допускать произвольное и ничѣмъ недоказуемое предположеніе, будто бы для возникновенія этого явленія существованіе предшествующей душевной жизни не имѣетъ никакого значенія. Такимъ образомъ, когда считаютъ за доказательство матеріализма фактъ связи каждаго душевнаго явленія съ матеріальнымъ (фактъ зависимости перваго отъ послѣдняго), то доказываютъ матеріализмъ цѣной произвольнаго и недоказуемаго предположенія.

Для своего удачнаго прямого доказательства матеріализму надо было-бы показать при помощи опыта, что съ наступленіемъ опредѣленныхъ матеріальныхъ условій обязательно возникаетъ душевная жизнь тамъ, гдѣ ея не было прежде,—до наступленія этихъ условій. Если это намъ удастся, то эти матеріальныя условія мы съ такой же необходимостью должны будемъ признать за причину, рождающую душевную жизнь, съ какой нагрѣваніе тѣла должны признать за причину, рождающую его расширеніе, коль скоро при помощи опыта намъ показано, что при нагрѣваніи этого тѣла обязательно возникаетъ и его расширеніе тамъ, гдѣ его еще не было до нагрѣванія. Для построенія же такого прямого доказательства матеріализмъ долженъ употребить одинъ изъ двухъ слѣдующихъ пріемовъ: 1) или намъ слѣдуетъ разсмотрѣть разнообразнѣйшіе организмы, начиная съ низшихъ и кончая высшими, чтобы подмѣтить тѣ матеріальныя особенности, съ пріобрѣтеніемъ которыхъ организмы всегда оказываются одушевленными и до пріобрѣтенія которыхъ они остаются неодушевленными; эти то матеріальныя особенности мы и должны будемъ принять за причину, рождающую душевную жизнь. 2) Или же намъ

слѣдуетъ прослѣдить постепенное развитіе разныхъ индивидуумовъ одного и того же органическаго вида, напримѣръ, человѣка, со времени ихъ зачатія въ видѣ зародыша до того времени, когда въ нихъ впервые возникаетъ душевная жизнь, дабы—выяснить при наступленіи какихъ именно матеріальныхъ условій она обязательно возникаетъ, между тѣмъ какъ до наступленія этихъ условій ея еще не бываетъ; эти то условія мы и вправѣ будемъ объявить причиной, рождающей душевную жизнь. Для осуществленія же каждаго изъ этихъ методовъ прямого доказательства матеріализма надо имѣть въ рукахъ объективные (т. е. извнѣ, нашими внѣшними чувствами наблюдаемые) признаки одушевленности, другими словами—такія матеріальныя явленія, про которыя намъ было бы навѣрное извѣстно, что они бываютъ только въ одушевленныхъ предметахъ: вѣдь если у насъ нѣтъ въ рукахъ такихъ (объективныхъ) признаковъ одушевленности, то мы не въ силахъ будемъ выяснить, въ какихъ именно организмахъ уже есть, а въ какихъ еще нѣтъ душевной жизни, равно какъ не въ силахъ выяснить, когда именно начинается душевная жизнь при развитіи индивидуума. Но, какъ мы убѣдимся изъ слѣдующей главы, нѣтъ никакихъ объективныхъ признаковъ одушевленности, вслѣдствіе чего безъ всякаго противорѣчія съ логикой и данными опыта каждый можетъ отрицать душевную жизнь всюду, кромѣ самого себя, а также можетъ и повсюду допускать ее, считая одушевленнымъ даже каждый атомъ, такъ что и это прямое доказательство матеріализма можетъ быть осуществлено только посредствомъ вполнѣ произвольнаго и ничѣмъ недоказуемаго предположенія либо о границахъ одушевленности (о томъ, какіе именно организмы одушевлены, а какіе неодушевлены), либо о времени ея возникновенія въ отдѣльныхъ индивидуумахъ. (См. слѣдующую главу).

Какъ только мы поняли, что матеріализмъ, хотя и неопровержимъ, но за то и недоказуемъ, то это же самое становится понятнымъ и относительно дуализма. Дѣйствительно: можно ли его опровергнуть черезъ указаніе въ немъ противорѣчій съ какими либо данными въ опытѣ фактами? Разумѣется, нѣтъ. Не будемъ уже говорить о томъ, что дуализмъ объясняетъ не хуже матеріализма всѣ данныя опыта: и разнородность душевныхъ явленій съ матеріальными, и зависимость первыхъ отъ вторыхъ, а равно обратную зависимость вторыхъ отъ первыхъ и т. п. (см. выше, стр. 124). Вмѣсто того остановимся вотъ на какомъ соображеніи: *если бы нашлись такія данныя опыта, которыя противорѣчатъ дуализму и опровергаютъ его этимъ путемъ, то они служили бы прямымъ доказательствомъ матеріализма*; но послѣдній прямымъ путемъ недоказуемъ; слѣдовательно, нѣтъ такихъ данныхъ опыта, которыя бы противорѣчили дуализму. Остается опровергать его лишь черезъ указаніе его внутренней несостоятельности, т. е. черезъ указаніе, что онъ допускаетъ какія либо непозволительныя предположенія. Догматически настроенные противники дуализма нерѣдко указываютъ, что онъ допускаетъ и долженъ допускать связь, т. е. соединеніе души съ тѣломъ, между тѣмъ какъ это соединеніе

совершенно непонятно, а потому и недопустимо: оно не вытекаетъ ни изъ понятія души, ни изъ понятія матеріи. Напротивъ, душа и матерія (или тѣло) столь разнородны, что между ними не можетъ быть никакой связи: ни душа не можетъ дѣйствовать на тѣло, ибо она что-то нетѣлесное, нематеріальное, такъ что и всѣ ея дѣйствія должны быть только нематеріальными), ни тѣло не можетъ дѣйствовать на душу (ибо оно, какъ матеріальное, можетъ производить только матеріальныя дѣйствія, дѣйствовать только на тѣло, а не на душу). Какъ же при такихъ условіяхъ могло бы осуществляться *соединеніе* души съ тѣломъ и ихъ *взаимодѣйствіе*? Развѣ возможно при такихъ условіяхъ, чтобы каждое душевное явленіе вмѣстѣ съ тѣмъ оказывалось тѣлеснымъ, и чтобы матеріальные процессы въ головномъ мозгу отзывались на душевной жизни? Но это — доводъ чисто раціоналистическій, доводъ, исходящій изъ ложнаго предположенія, будто бы всѣ реальныя связи и отношенія разлагаются на чисто логическія, такъ что, гдѣ нѣтъ логическаго подразумѣванія дѣйствія въ предполагаемой причинѣ, тамъ послѣдней и нельзя считать истинной причиной приписываемаго ей дѣйствія. Mutatis mutandis это—тотъ же самый доводъ, какой противники матеріализма выставляютъ противъ него, говоря, что матерія безъ помощи души не можетъ рождать душевныя явленія, такъ какъ духовное невыводимо изъ матеріальнаго. И если мы признали непозволительнымъ выставлять этотъ доводъ противъ матеріализма (т. е., если нельзя исходить въ борьбѣ съ нимъ изъ раціоналистическаго догмата о разложимости всѣхъ реальныхъ связей на чисто логическія), то нельзя выставлять его и противъ дуализма.

Такимъ образомъ, дуализмъ неопровержимъ. Но это еще не означаетъ, что онъ уже доказанъ. Онъ настолько же недоказуемъ, какъ и матеріализмъ. Дѣйствительно: *апагогическимъ путемъ дуализмъ можно было бы доказать только въ томъ случаѣ, если бы мы сумѣли опровергнуть матеріализмъ*; но матеріализмъ неопровержимъ. Остаются прямыя доказательства. Но *ссылка на полнѣйшее несходство душевныхъ явленій съ матеріальными еще не доказываетъ дуализма.* Эта ссылка убѣдительна лишь въ томъ случаѣ, если мы исподтишка держимся гносеологически непозволительнаго мнѣнія, будто бы дѣйствіе должно логически подразумѣваться въ причинѣ: тогда дѣйствіе должно состоять изъ того же самаго, что уже есть въ причинѣ. Но если отказаться отъ раціонализма, то въ предположеніи, что матерія порождаетъ явленія, совсѣмъ непохожія на матеріальныя (т. е. душевныя явленія), также мало противорѣчащаго законамъ природы, какъ и въ томъ, что соединеніе водорода съ кислородомъ рождаетъ воду — жидкость, совсѣмъ непохожую на соединившіеся газы. Да *коль скоро матеріализмъ не противорѣчитъ данными опыта, то нельзя найти никакихъ данныхъ опыта, которыя служили бы прямымъ доказательствомъ дуализма. И дуализмъ былъ бы доказанъ прямымъ путемъ только въ томъ случаѣ, если бы мы могли прямо въ опытѣ подглядѣть существованіе души*; но этотъ путь неосуществимъ по самому понятію души. По всему этому дуализмъ ровно настолько же и неопровержимъ, и недоказуемъ, какъ и матеріализмъ.

Также стоитъ дѣло и относительно психофизическаго монизма. *Если нѣтъ никакихъ данныхъ опыта, которыя противорѣчили бы матеріализму или дуализму, то не можетъ быть никакихъ данныхъ опыта, которыя противорѣчили бы психофизическому монизму.* Если безъ всякаго противорѣчія съ данными въ опытѣ фактами можно утверждать и то, что душевныя явленія рождаются матеріей безъ всякой помощи со стороны души, и то, что они рождаются душой, соединенной съ тѣломъ, то, очевидно, безъ всякаго противорѣчія съ данными въ опытѣ фактами можно утверждать и то, что они рождаются такой сущностью, которая сразу и духовна, и матеріальна, въ которой духовное и матеріальное составляютъ двѣ неотдѣлимыхъ другъ отъ друга стороны, различаемыхъ только въ абстракціи и воспринимаемыхъ одна внѣшнимъ чувствомъ, а другая внутреннимъ чувствомъ. Если и кажется, будто бы данные въ опытѣ факты не вполнѣ мирятся съ психофизическимъ монизмомъ, то это зависитъ только отъ одного, исподтишка допускаемаго, ничѣмъ недоказаннаго и, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, недоказуемаго безъ помощи заранѣе допущеннаго метафизическаго мнѣнія, будто бы мы *знаемъ*, что область матеріальнаго гораздо шире, чѣмъ область духовнаго: конечно, если, напримѣръ, душевная жизнь въ каждомъ одушевленномъ существѣ *возникаетъ впервые*, а не существуетъ искони вмѣстѣ съ матеріей, изъ которой образуется тѣло этого существа, въ видѣ какихъ либо смутныхъ ощущеній, чувствъ и т. п., то уже нельзя говорить о психофизическомъ монизмѣ. Но эта *увѣренность, будто бы намъ завѣдомо извѣстно, что область чисто-матеріальнаго шире духовнаго, что душевная жизнь въ каждомъ существѣ возникаетъ впервые*, а не преобразовывается изъ существовавшей раньше (вмѣстѣ съ матеріей, которая образуетъ тѣло даннаго существа) смутной душевной жизни, эта увѣренность *могла бы быть доказана только въ томъ случаѣ, если бы у насъ были въ рукахъ объективные (т. е. извнѣ наблюдаемые) признаки одушевленности*: тогда съ ихъ помощью мы могли бы легко разобрать, что именно на свѣтѣ одушевлено и что неодушевлено, а также разсмотрѣть, начинается ли когда либо душевная жизнь и если начинается, то при какихъ именно условіяхъ. Но, какъ мы убѣдимся въ слѣдующей главѣ, нѣтъ никакихъ объективныхъ признаковъ одушевленности. Если они и кажутся существующими, то только оттого, что мы подходимъ къ вопросу объ ихъ существованіи не независимо отъ всякой метафизики, а съ предвзятыми, ничѣмъ недоказанными метафизическими взглядами, для доказательства которыхъ и надо было бы имѣть въ рукахъ таковые признаки. Все это дѣлаетъ психофизическій монизмъ настолько же неопровержимымъ, какъ матеріализмъ съ дуализмомъ.

Но если онъ неопровержимъ, то это еще не дѣлаетъ его доказаннымъ. Доказать его апагогическимъ путемъ невозможно; ибо для этого пришлось бы опровергнуть матеріализмъ и дуализмъ; а каждый изъ нихъ неопровержимъ. Прямое же доказательство психофизическаго монизма, разумѣется, неосуществимо; ибо мы не въ состояніи прямо подсмотрѣть, состоимъ ли мы только изъ матеріи, или изъ матеріи, соединенной съ душой, или же, наконецъ,

изъ единой сущности, имѣющей сразу двѣ стороны—духовную и матеріальную. По всему этому психофизическій монизмъ, хотя и неопровержимъ, но настолько же недоказуемъ, какъ и матеріализмъ съ дуализмомъ.

Разумѣется, методъ, который мы употребили для обнаруженія одинаковой недоказуемости и неопровержимости матеріализма, дуализма и психофизическаго монизма еще не уничтожаетъ окончательно надеждъ какъ нибудь доказать одинъ изъ этихъ взглядовъ. Кому очень хочется достичь этой цѣли, у того все-таки будетъ бродить мысль: „а можетъ быть, мнѣ повезетъ счастье, и я сумѣю построить новое и неопровержимое доказательство“. Поэтому окончательное обнаруженіе этой неопровержимости и недоказуемости требуетъ углубленія въ критическую теорію познанія, доказывающую невозможность метафизики въ видѣ знанія сразу для всѣхъ ея направленій и независимо отъ критическаго разбора *отдѣльныхъ* доводовъ, которыми можно было бы доказывать каждое изъ нихъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что даже математическія доказательства невозможности геометрическимъ путемъ раздѣлить уголъ на три равныхъ части (трисекція угла) или построить квадратъ, равновеликій данному кругу (квадратура круга), еще не лишаетъ нѣкоторыхъ людей надежды, что, можетъ быть, имъ все-таки повезетъ какое то особое счастье, и что, можетъ быть, имъ удастся рѣшить эти задачи, такъ что, зная доказательства невозможности этого рѣшенія, они все-таки дѣлаютъ новыя и новыя попытки ихъ рѣшенія. Но критическая оцѣнка разсмотрѣнныхъ нами доводовъ за и противъ матеріализма, дуализма и психофизическаго монизма вполнѣ достаточна, чтобы убѣдить насъ въ ихъ недоказуемости и неопровержимости, если только мы приступимъ къ дѣлу безъ всякаго пристрастія въ пользу одного изъ этихъ направленій, а не такъ, какъ профессоръ Московской Духовной Академіи — Кудрявцевъ, которому хотѣлось доконать матеріализмъ какой бы то ни было цѣной, такъ что онъ радъ былъ выставить противъ него даже и такой кажущійся доводъ, что душа нематеріальна, а если правъ матеріализмъ, то она выйдетъ матеріальной. Кто приступаетъ къ дѣлу съ такими предвзятыми взглядами въ пользу опредѣленнаго метафизическаго мировоззрѣнія, того такъ же мало переубѣдишь въ невозможности метафизики, какъ и тѣхъ, кому страстно хочется найти квадратуру круга, не убѣдишь въ невозможности ихъ затѣи.

Но почему многимъ такъ сильно хочется отстоять одно изъ этихъ направленій, что они радуются всѣмъ кажущимся доказательствамъ въ его пользу? Почему они не замѣчаютъ ошибочности всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами доказательствъ? Разныя причины содѣйствуютъ этому. Во первыхъ, ложно понятые религіозные интересы: религіозныя воззрѣнія, конечно, не мирятся съ матеріализмомъ. Нѣкоторымъ же людямъ кажется, что для религіи еще недостаточно вѣры, а непремѣнно надо обратить ее въ знаніе (такъ что выходитъ, хотя они и не замѣчаютъ этого, что не можетъ быть истинной религіозности у того, кто не подготовилъ себя къ метафизикѣ посредствомъ

предварительнаго изученія геометріи). Поэтому они не довольствуются одной лишь неопровержимостью матеріализма, а еще хотятъ во что бы то ни стало опровергнуть его. Во вторыхъ—смѣшеніе желательности съ доказанностью: многіе не мирятся съ невозможностью метафизики въ видѣ знанія. „Помилуйте, говорятъ они, это самое важное и самое интересное знаніе; я не могу обойтись безъ него. Какъ же согласиться съ его невозможностью?“ Многія метафизическія сочиненія опровергаютъ критицизмъ подобными восклицаніями. А отсюда возникаетъ желаніе показать, будто бы есть метафизическое знаніе, желаніе, которое не успокаивается до тѣхъ поръ, пока авторъ не запутаетъ самъ себя своими ошибочными разсужденіями; и это тѣмъ легче достигается, что, смѣшавъ съ самаго начала доказанность желательности метафизическаго знанія съ доказанностью его существованія, авторъ уже вступилъ на путь ошибочныхъ разсужденій. Въ третьихъ, смѣшеніе доказанности съ какимъ либо видомъ пріятности: одни считаютъ одинъ изъ метафизическихъ взглядовъ вѣрнѣе всѣхъ остальныхъ въ силу того, что для ихъ головы онъ кажется легче и проще всѣхъ остальныхъ, забывая, что простота и легкость гипотезы свидѣтельствуютъ еще не объ ея истинности (см. выше, стр. 121), а всего только объ удобствѣ употреблять ее въ видѣ рабочей гипотезы. Другимъ же тотъ или другой взглядъ пріятнѣе оттого, что онъ удовлетворяетъ ихъ эстетически, и имъ непремѣнно хочется видѣть его доказаннымъ, а поэтому они охотно вѣрятъ даже и самымъ слабымъ аргументамъ въ его пользу. А ко всему этому прибавимъ, что въ нашемъ умѣ есть сильнѣйшая наклонность къ раціонализму: намъ ужасно хотѣлось бы разложить всю вселенную на чисто логическія связи и отношенія.

12. Общій законъ одушевленности.

Объективные (т. е. извнѣ наблюдаемые) признаки одушевленности должны состоять изъ такихъ матеріальныхъ явленій, относительно которыхъ можно было бы неоспоримымъ образомъ доказать, что они не могутъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ душевной жизни. По этимъ то признакамъ и можно будетъ заключать, гдѣ она существуетъ, а гдѣ ея нѣтъ. Но результаты нашего изслѣдованія сведутся къ слѣдующимъ положеніямъ: ни одно объективно наблюдаемое, т. е. физіологическое явленіе не можетъ служить достовѣрнымъ признакомъ одушевленности, такъ что душевная жизнь не имѣетъ никакихъ объективныхъ признаковъ. Но такой результатъ получится, если мы будемъ ограничиваться одними данными внутренняго и внѣшняго опыта, воздерживаясь при ихъ обсужденіи отъ всякихъ метафизическихъ предпосылокъ.

Итакъ, мы хотимъ узнать, существуютъ ли объективные признаки одушевленности и каковы они. Простѣйшій, т. е. самый легкій (хотя и не единственный и не лучшій), пріемъ для рѣшенія этого вопроса таковъ:

начну я отрицать существованіе душевной жизни у кого бы то ни было, кромѣ самого себя, и постараюсь потомъ самъ себя опровергнуть тѣмъ путемъ, что найду въ другихъ людяхъ такія тѣлесныя явленія, которыхъ никоимъ образомъ нельзя объяснить безъ помощи душевной жизни, т. е. такія, которыя безъ нея были бы невозможны.

Наилучшимъ свидѣтельствомъ одушевленности я всегда считалъ рѣчь. Такъ пусть предо мной находится человѣкъ, въ одушевленности котораго я хочу удостовѣриться и котораго до той поры, пока я еще этого не сдѣлалъ, я буду считать только бездушной физіологической машиной. И вотъ, для удостовѣренія въ ея одушевленности я обращусь къ ней съ какимъ нибудь вопросомъ, напримѣръ—спрошу ее: „кто вы такой?“ Положимъ, что она мнѣ отвѣтитъ: „я (напримѣръ) врачъ NN“.

Но развѣ нельзя объяснить это слѣдующимъ образомъ? Раздраженіе, состоящее изъ движеній воздуха, вызванныхъ моимъ вопросомъ, подѣйствовало на барабанную перепонку изслѣдуемаго существа и вызвало въ ней опредѣленныя колебанія, которыя въ свою очередь, вызвали опять такіе опредѣленные же процессы въ другихъ частяхъ слухового органа; и все это произошло по чисто матеріальнымъ законамъ. Эти процессы, дѣйствуя въ свою очередь на слуховые нервы, вызвали въ нихъ опредѣленное (и притомъ чисто матеріальное) измѣненіе, которое прошло до головного мозга: тамъ оно перешло до двигательныхъ нервовъ, заканчивающихся въ органахъ голоса; дойдя до этихъ нервовъ оно распространилось по нимъ вплоть до соединяющихся съ ними мускуловъ и вызвало въ нихъ строго опредѣленныя сокращенія, результатомъ которыхъ были колебанія воздуха, составляющія отвѣтную фразу (я такой-то). Все это были матеріальные процессы, и для ихъ появленія нужна только цѣлость той физіологической машины, которую я называю человѣкомъ (чтобы она не была ни разрушена смертью, ни попорчена болѣзнью), а отнюдь не ея одушевленность: коль скоро въ ней происходятъ эти процессы, то будетъ ли она одушевлена или нѣтъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, дѣйствуя на эту машину тѣмъ же раздраженіемъ (звуками своего вопроса), я при одинаковыхъ условіяхъ получу одинаковый результатъ. Такимъ образомъ, есть возможность объяснить разсматриваемый фактъ, не допуская въ наблюдаемомъ человѣкѣ ни малѣйшей степени одушевленности.

Что возразить на эти разсужденія? Все то, что здѣсь описывается, какъ происшедшее въ изслѣдуемомъ мною человѣкѣ между моимъ вопросомъ и послѣдовавшимъ на него отвѣтомъ (колебанія барбанной перепонки, распространеніе возбужденія по слуховымъ нервамъ и т. д.), *дѣйствительно было*; въ этомъ удостовѣряютъ меня чисто физіологическія изслѣдованія. А этихъ явленій вполнѣ достаточно, чтобы породить разсматриваемый фактъ даже и въ такихъ существахъ, которыя вовсе не одушевлены.

Итакъ, первый отвѣтъ, взятый *отдѣльно* отъ другихъ, легко объясняется безъ помощи душевной жизни. Само собою разумѣется, что тѣ же разсужденія, въ которымъ я прибѣгалъ въ первомъ случаѣ, съ такимъ же

успѣхомъ могутъ быть примѣнимы мной и къ объясненію всякаго другого *отдѣльно взятаго* факта: напримѣръ, къ объясненію второго отвѣта (на вопросъ: „что вамъ угодно?“), или третьяго (существуетъ ли у него душевная жизнь).

Но на разные вопросы, предлогаемые мной существу, которое я считаю всего только физіологической машиной, она даетъ мнѣ разные отвѣты а это, повидимому, можно объяснить только тѣмъ, что она понимаетъ разницу содержанія моихъ вопросовъ, такъ что законы чисто матеріальной жизни, взятые сами по себѣ, безъ всякого участія пониманія, т. е. душевной жизни, не даютъ никакого средства для объясненія только что указаннаго обстоятельства (различія отвѣтовъ вслѣдствіе различія вопросовъ). Напротивъ, оно требуется уже и ими одними, какъ ихъ логически неизбѣжное слѣдствіе. Въ самомъ дѣлѣ, всякій даже неорганизованный кусокъ матеріи на *различныя* дѣйствія или раздраженія почти всегда реагируетъ при равенствѣ (полномъ или почти полномъ) прочихъ условій различно, а не одинаково: напримѣръ, результатомъ двухъ различныхъ толчковъ одного и того же покоящагося шара (скажемъ, снизу вверхъ въ одномъ случаѣ и справа налѣво — въ другомъ) будутъ два различныхъ движенія. А тѣ матеріальныя раздраженія, которыми я дѣйствовалъ на изслѣдуемую мной физіологическую машину, были неодинаковы и притомъ неодинаковы съ чисто матеріальной стороны. Дѣйствительно: первый вопросъ состоялъ изъ однихъ звуковъ, а второй и слѣдующій — изъ другихъ; если же и попадаются въ нихъ одинаковые звуки, то они составляютъ различныя сочетанія. А разница звуковъ и ихъ сочетаній соотвѣтствуетъ различію тѣхъ звуковыхъ волнъ, которыя дѣйствуютъ на ухо наблюдаемой мной физіологической машины; воздушныя же волны суть чисто матеріальныя раздражители. Такимъ образомъ, эта машина при разныхъ вопросахъ испытываетъ различныя матеріальныя дѣйствія, или раздраженія; а они должны вызвать въ ушахъ и въ нервной системѣ этой машины различные результаты; а отъ этого въ ней получаются при разныхъ вопросахъ неодинаковыя движенія языка. Слѣдовательно, въ этомъ пунктѣ тоже нечего думать мнѣ опровергнуть самого себя.

Но у меня осталась необъясненной еще одна особенность наблюдаемаго явленія: мои вопросы вызовутъ иной результатъ у тѣхъ, кого я обыкновенно называю незнающими по-русски или малообразованными и т. п. Но я могу объяснить это такъ: всякое даже неорганизованное тѣло подчинено слѣдующему закону — окончательный характеръ результата дѣйствующаго на тѣло раздраженія или, говоря общѣе, дѣйствія зависитъ не отъ характера этого дѣйствія, но также отъ характера прежде испытанныхъ имъ дѣйствій, если только отъ нихъ сохранились въ этомъ тѣлѣ какіе-либо слѣды. Такъ, окончательный результатъ толчка, испытываемаго какимъ-нибудь шаромъ, зависитъ не только отъ скорости и направленія этого толчка, но также и отъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ въ шарѣ движеній, возбужденныхъ прежде дѣйствовавшими силами; ибо вновь возникшее движеніе слагается вмѣстѣ съ ними. Этотъ законъ

и даетъ возможность объяснить отмѣченные факты, не допуская чужой душевной жизни. Если я у физіологической машины, всегда до той поры бывшей только въ Россіи, спрошу по-русски, существуютъ ли у нея „душевныя явленія“, то всегда получу какой-нибудь отвѣтъ на томъ же языкѣ (хотя бы въ видѣ требованія объяснить, почему я вздумалъ ей предложить подобный вопросъ); но взамѣнъ вопроса она выкажетъ то, что я называю жестомъ недоумѣнія, если она никогда не была въ Россіи. Я думалъ сперва, будто бы это можно объяснить только съ помощію психическихъ актовъ пониманія роднаго языка и т. п. и будто бы нѣтъ никакого другого средства. Но я упустилъ изъ виду, что само то, такъ называемое, пониманіе языка вырабатывается, какъ результатъ прежде дѣйствовавшихъ матеріальныхъ раздраженій. Вѣдь процессъ, такъ называемаго, усвоенія роднаго языка, состоитъ въ томъ, что на органы слуха повторно дѣйствуютъ извѣстныя звуковыя волны (названіе предмета), одновременно съ другими матеріальными раздраженіями (напримѣръ, на зрѣніе дѣйствуютъ свѣтовыя волны, посылаемыя называемымъ предметомъ). Потомъ этотъ процессъ осложняется; но онъ никоимъ образомъ не могъ бы существовать безъ дѣйствія на нервную систему матеріальныхъ раздраженій, при чемъ въ каждомъ языкѣ звуковыя, или воздушныя раздраженія при однихъ и тѣхъ же свѣтовыхъ (и другихъ) впечатлѣніяхъ различны. Поэтому они оставляютъ въ нервной системѣ неодинаковые слѣды; а отъ характера слѣдовъ или, что тоже, прежнихъ раздраженій, послѣ которыхъ остались эти слѣды, зависитъ окончательный характеръ результата вновь дѣйствующихъ раздраженій. Что же удивительнаго, если одинъ и тотъ же вопросъ, предложенный физіологической машинѣ, прожившей при звуковыхъ раздраженіяхъ русскаго языка, и машинѣ, никогда не жившей среди нихъ, вызываетъ разные результаты? Въ одномъ случаѣ я дѣйствую на машину такими звуковыми раздраженіями, отъ которыхъ сохранилось въ ея нервной системѣ множество слѣдовъ, а въ другомъ я дѣйствую на физіологическую машину новыми, еще не испытанными ею звуковыми раздраженіями. А отъ этого обѣ машины должны реагировать на мои раздраженія различно; ибо характеръ реакцій каждой машины будетъ зависѣть не только отъ теперешнихъ раздраженій, но и отъ характера прежде дѣйствовавшихъ, т. е. и отъ того, какія именно сочетанія звуковыхъ волнъ испытывала она прежде—русскія или китайскія. Такимъ образомъ, отмѣченная разница въ поведеніи машины, называемой человѣкомъ, не знающимъ по-русски, должна наступить даже и въ томъ случаѣ, когда она вполнѣ чужда одушевленности; слѣдовательно, эта разница, наблюдаемая мною въ томъ, какъ разные люди реагируютъ на одинъ и тотъ же вопросъ, еще вовсе не запрещаетъ мнѣ отрицать въ нихъ существованіе душевной жизни.

Подобнымъ же образомъ я могу объяснить и разницу въ поведеніи тѣхъ машинъ, которыя я для отличія ихъ другъ отъ друга называю образованнымъ и необразованнымъ человѣкомъ. На простолюдина звуковое раздраженіе, состоящее изъ звуковъ термина „душевныя явленія“, еще никогда

не дѣйствовало, такъ же, какъ на русскаго врача, съ которымъ я вздумалъ бы говорить по-китайски, еще никогда не дѣйствовали звуковыя волны китайской рѣчи, такъ что оба они въ этомъ отношеніи находятся въ одинаковыхъ условіяхъ. Отъ этого, какъ простолюдинъ на вопросъ о психическихъ явленіяхъ, такъ и врачъ на китайскую фразу, реагируютъ почти одинаково: оба отвѣчаютъ чѣмъ-нибудь въ родѣ мимики замѣшательства, недоумѣнія и т. п., т. е. они отвѣчаютъ иначе, чѣмъ на вопросъ: „кто вы такой?“, сдѣланный по-русски; ибо это раздраженіе многократно дѣйствовало на обоихъ и оставило въ нервной системѣ каждаго изъ нихъ соотвѣтствующіе слѣды, которые впередъ опредѣляютъ характеръ реакціи того и другого на вопросъ: „кто вы такой?“. Такимъ образомъ, ихъ поведеніе и въ этомъ случаѣ можно объяснить безъ помощи участія душевной жизни — одними лишь чисто матеріальными процессами и ихъ законами.

Но я могу сдѣлать себѣ еще такое возраженіе: передо мною человѣкъ, котораго я назову X и у котораго я рѣшаюсь отрицать существованіе душевной жизни, считая его бездушной физіологической машиной. Но этотъ X, когда я обращусь къ нему съ бранными словами, поступаетъ такъ же, какъ и я самъ поступаю во время гнѣва или негодованія. И вотъ, повидимому, коль скоро X поступаетъ по поводу моихъ словъ такъ же, какъ поступилъ бы и я самъ, то, значитъ, X тоже въ настоящую минуту переживаетъ гнѣвъ, слѣдовательно, онъ—одушевленное существо. Но это—скороспѣлое заключеніе. Пока другимъ путемъ еще не доказано, что X—одушевленное существо, то изъ его поведенія по поводу моихъ словъ позволителенъ только такой выводъ: если X—существо одушевленное (душевная жизнь котораго, вдобавокъ, течетъ по такимъ же законамъ, какъ и моя собственная), то онъ сейчасъ дѣйствительно переживаетъ гнѣвъ; а принадлежитъ ли онъ къ числу одушевленныхъ существъ, это пока еще неизвѣстно. Поэтому еще неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ гнѣвается или же онъ—только бездушная машина, которая устроена по такимъ же законамъ, какъ и мое собственное тѣло.

Одинъ натуралистъ, соглашаясь со всѣмъ предшествующимъ, дѣлалъ противъ всего этого такое возраженіе: всѣ живыя существа наслѣдуютъ свойства своихъ предковъ; поэтому, коль скоро я нахожу въ самомъ себѣ душевную жизнь, я долженъ допустить, что она передастся отъ меня моимъ дѣтямъ, отъ нихъ—внукамъ и т. д.; такимъ образомъ, я вынужденъ допустить существованіе чужой душевной жизни. Повидимому, очень сильный аргументъ. Въ дѣйствительности же—если я думаю, что существованіе во мнѣ душевной жизни составляетъ только мою собственную индивидуальную особенность, то эта особенность не можетъ передаваться по наслѣдственности; ибо передается по наслѣдственности только то, что не индивидуально; и если во всемъ мірѣ одинъ лишь я одушевленъ, то мои дѣти уже не наслѣдуютъ моей одушевленности.

Итакъ, въ результатѣ оказывается одинаково возможнымъ, разсматривая существа, одинаково со мною оргазизованныя предполагать, какъ то

что они одушевлены, такъ и то, что они неодушевлены. Слѣдовательно, вопросъ о томъ, есть ли существа одушевленныя помимо меня, неразрѣшимъ, если рѣшать его лишь при помощи фактовъ, данныхъ въ опытѣ, не дѣлая метафизическихъ предположеній.

Укажемъ другой пріемъ для рѣшенія вопроса о существованіи объективныхъ признаковъ одушевленности, болѣе трудный для непривычныхъ къ философскому мышленію, но за то болѣе короткій и болѣе убѣдительный. Предшествующій пріемъ обладаетъ естественнонаучнымъ, а не философскимъ характеромъ; ибо онъ сводится къ естественнонаучному объясненію каждаго факта, наблюдаемаго нами въ живыхъ существахъ,—къ объясненію, проводимому безъ всякой помощи предположенія объ ихъ одушевленности до тѣхъ поръ, пока только возможно. Достоинства этого пріема—въ его легкости и доступности всѣмъ и каждому. Стоитъ только при объясненіи каждаго факта помнить, что пока у насъ не выяснилось—существуетъ ли чужая одушевленность или нѣтъ, мы при объясненіи каждаго наблюдаемаго факта обязаны обращать вниманіе только на его физіологическую сторону, которая, какъ мы знаемъ, обязательно существуетъ при каждомъ душевномъ явленіи,—и только въ ней одной искать то, что не могло бы возникнуть по законамъ чисто матеріальныхъ явленій. А разумѣется, мы не найдемъ въ ней ничего подобнаго; ибо физіологическія явленія, будучи всего лишь матеріальными, должны и подчиняться насквозь всего лишь законамъ матеріальной природы, такъ что для ихъ полнаго объясненія, навѣрное, достаточно однихъ лишь этихъ законовъ, тѣмъ болѣе, что каждой физіологическое явленіе (въ томъ числѣ и то, которое служитъ физіологической стороной душевнаго явленія) представляетъ собой нѣкоторые запасъ энергіи, который можетъ быть порожденъ только матеріальнымъ явленіемъ, а не душевнымъ. Слабая же сторона этого пріема въ томъ, что сколько бы фактовъ, наблюдаемыхъ въ другомъ человѣкѣ, я ни объяснилъ одними лишь законами чисто матеріальной природы, все-таки, въ виду того, что я не пересмотрю при этомъ всѣхъ фактовъ безъ исключенія, какіе только можно объективно подмѣтить въ немъ, у меня всегда останется смутная надежда, что можетъ быть, встрѣтится когда-нибудь и такой фактъ, котораго не удастся объяснить безъ предположенія одушевленности разсматриваемаго существа.

Эта надежда окончательно уничтожается лишь при помощи другого пріема, который въ самомъ общемъ видѣ, безъ разсмотрѣнія и объясненія отдѣльно взятыхъ фактовъ, доказываетъ невозможность найти какимъ бы то ни было методомъ объективные признаки одушевленности. Какъ отправляющійся отъ разсмотрѣнія методовъ, пригодныхъ для расширенія нашего знанія, этотъ пріемъ обладаетъ чисто философскимъ характеромъ. Дурная же сторона его въ томъ, что онъ убѣдителенъ лишь для тѣхъ, кто въ состояніи понять его настолько, чтобы проникнуться имъ всѣмъ своимъ существомъ. А всякія общія разсужденія, отвлеченныя отъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ конкретныхъ примѣровъ, какія входятъ и въ составъ этого пріема, рѣдко кто

можетъ понять и усвоить сразу всѣмъ своимъ существомъ. Для этого нужна особая подготовка и даже особый природный складъ ума. Такъ, при изученіи математики многіе умѣютъ настолько понять и усвоить общія доказательства невозможности посредствомъ пріемовъ эвклидовой геометріи (т.-е. при помощи всего лишь линейки и циркуля) раздѣлить уголъ на три равныя части (трисекція угла), или построить кубъ, вдвое большій, чѣмъ данный (удвоеніе куба), что въ состояніи правильно передать другимъ эти доказательства, и тѣмъ не менѣе, такъ мало проникаются общимъ духомъ этихъ доказательствъ всѣмъ своимъ существомъ, что тотчасъ же, какъ только изложатъ ихъ, дѣлаютъ попытки найти рѣшеніе этихъ задачъ въ надеждѣ, что, можетъ быть въ видѣ особаго счастья, къ нимъ самимъ эти доказательства окажутся непримѣнимыми. И отъ этой надежды такіе люди окончательно отказываются только послѣ ряда многочисленныхъ собственныхъ неудачныхъ попытокъ, т. е. опровергнувъ мнимыя рѣшенія во множествѣ отдѣльныхъ случаевъ Такъ точно стоитъ дѣло и въ чисто философскомъ пріемѣ доказательства отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленности. Всякій съ большой легкостью понимаетъ и усваиваетъ это доказательство однимъ лишь умомъ, т. е. настолько, чтобы умѣть правильно передать его другимъ; но рѣдко кто понимаетъ это доказательство всѣмъ своимъ существомъ; и, узнавъ одни лишь доказательства несуществованія объективныхъ признаковъ одушевленности, изложенныя чисто философскимъ пріемомъ, большинство людей все таки дѣлаетъ попытки найти объективные признаки одушевленности, хотя невозможность рѣшенія этой задачи доказывается здѣсь разъ навсегда въ самомъ общемъ видѣ По всему этому, излагая и усваивая ученіе о несуществованіи объективныхъ признаковъ одушевленности, полезно употреблять оба пріема—и естественнонаучный и чисто-философскій, предпославъ первый изъ нихъ второму, дабы онъ посредствомъ опроверженія отдѣльныхъ попытокъ рѣшенія нашей задачи подготовилъ насъ къ болѣе глубокому усвоенію общихъ соображеній чисто философскаго пріема.

Чисто-философское доказательство невозможности найти объективные признаки одушевленности сводятся къ слѣдующему разсужденію: поставимъ себѣ вопросъ—*при помощи какого метода могла бы психологія, отказавшаяся отъ всякой метафизики, найти объективные признаки чужой одушевленности?* Послѣ такого отказа психологія вправѣ употреблять всего только два метода: субъективнаго и объективнаго наблюденія. Можно ли путемъ объективнаго наблюденія узнать, какія физіологическія явленія должны считаться объективными признаками чужой одушевленности? Для рѣшенія этой задачи нужно было бы сперва раздѣлить всѣ существа на одушевленныя и неодушевленныя и затѣмъ подглядѣть тѣ физіологическія явленія, которыя бываютъ у всѣхъ одушевленныхъ и при томъ только у нихъ: они то и составятъ объективные признаки одушевленности. Но для того, чтобы раздѣлить всѣ существа на одушевленныя и неодушевленныя, я уже заранѣе долженъ умѣть отличать первыя отъ

вторыхъ, а для этого я долженъ заранѣе знать, какими объективными признаками отличаются первыя отъ вторыхъ. Такимъ образомъ, желая отыскать объективные признаки одушевленности объективнымъ методомъ, мы попадаемъ въ *заколдованный кругъ*: *для отысканія объективныхъ признаковъ чужой одушевленности мнѣ нужно знать, какія существа одушевлены и какія нѣтъ; а для этого надо знать объективные признаки одушевленности.* Слѣдовательно, методъ объективнаго наблюденія для рѣшенія этого вопроса непригоденъ.

Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло съ методомъ самонаблюденія. Для того, *чтобы узнать путемъ самонаблюденія, какія физіологическія явленія служатъ признаками одушевленности, нужно было бы или прекратить въ себѣ душевную жизнь и посмотрѣть, какія физіологическія явленія исчезнутъ вмѣстѣ съ ней, или же употребить обратный способъ: подглядѣть, какія физіологическія явленія впервые возникаютъ одновременно съ возникновеніемъ душевной жизни.* Но если я прекращу свою душевную жизнь, то мнѣ нечѣмъ тогда производить самонаблюденіе. Второй же способъ тоже неосуществимъ, такъ какъ онъ предполагаетъ необходимость самонаблюденія въ такое время, когда во мнѣ душевная жизнь еще не возникала, дабы я могъ узнать, какія физіологическія явленія еще не существовали во мнѣ въ это время, а впервые возникли вмѣстѣ съ возникновеніемъ душевной жизни. Но пока во мнѣ еще нѣтъ душевной жизни мнѣ еще нечѣмъ производить самонаблюденіе. Такимъ образомъ, и методъ самонаблюденія оказывается столь же непригоднымъ для отысканія объективныхъ признаковъ одушевленности, какъ и объективное наблюденіе. А кромѣ самонаблюденія и объективнаго наблюденія психологія не имѣетъ никакихъ другихъ источниковъ для расширенія знанія.

Итакъ, существованіе объективныхъ признаковъ чужой одушевленности, а съ нимъ и сама чужая одушевленность (если не допускать метафизическихъ предпосылокъ) оказываются недоказуемыми. Поэтому, я вправѣ смѣло утверждать, что кромѣ самого меня ровно никто не одушевленъ во всей вселенной, безъ всякаго опасенія противорѣчить какимъ-либо завѣдомо существующимъ фактамъ: ни про одинъ фактъ, доступный моему объективному наблюденію, никогда нельзя доказать, чтобы онъ не могъ существовать въ неодушевленномъ существѣ, такъ что каждый изъ объективно наблюдаемыхъ фактовъ, съ большимъ или меньшимъ трудомъ (это вовсе не важно), можетъ быть вполнѣ объясненъ одними лишь законами чисто матеріальной природы. Но отсюда слѣдуетъ, что если въ мірѣ найдется еще какое нибудь одушевленное существо, кромѣ меня, то оно, пользуясь всѣми вышеизложенными доводами, смѣло можетъ утверждать безъ всякаго опасенія попасть въ противорѣчіе съ наблюдаемыми имъ во мнѣ фактами (разумѣется, объективнымъ путемъ, потому что моя душевная жизнь для его прямого наблюденія недоступна), будто бы я самъ неодушевленное существо, между тѣмъ, относительно существованія душевной жизни во мнѣ самомъ не можетъ быть ровно никакихъ сомнѣній. Существованіе моихъ собственныхъ

душевныхъ явленій есть самая несомнѣнная вещь, не нуждающаяся ни въкакихъ доказательствахъ; ибо сомнѣваться можно только въ томъ и доказывать требуется только то, чего нельзя подтвердить простымъ констатированіемъ данныхъ опыта. Можно усомниться, существуетъ ли эта бумага, но нельзя сомнѣваться, что я ее вижу (т. е. переживаю душевное явленіе видѣнія бумаги), или осязаю (т. е. переживаю душевное явленіе, называемое ощущеніемъ осязанія), какъ если бы она существовала; ибо это я прямо констатирую посредствомъ самонаблюденія. Такъ точно нельзя сомнѣваться, что во мнѣ есть душевное явленіе, называемое ощущеніемъ боли, или разныя мысли (хотя бы объ объективныхъ признакахъ одушевленности) и т. п.; ибо все это прямо констатируется моимъ самонаблюденіемъ. Болѣе того, если я и вздумаю сомнѣваться въ существованіи во мнѣ душевныхъ явленій, то этимъ самымъ я уже буду переживать и констатировать самонаблюденіемъ то душевное явленіе, которое называется сомнѣніемъ, т. е. этимъ самымъ сомнѣніемъ я обнаружу предъ самимъ собой свою одушевленность.

Если же существованіе моей собственной одушевленности составляетъ самую несомнѣнную истину, а всякое одушевленное существо, которое нашлось бы помимо меня и разсматривало бы меня при помощи своихъ объективныхъ наблюденій, могло бы безъ всякаго противорѣчія съ ними отрицать во мнѣ одушевленность, то значитъ *тамъ гдѣ навѣрное существуетъ душевная жизнь (т. е. во мнѣ самомъ), она всегда течетъ такимъ образомъ, что сопутствующія ей тѣлесныя явленія совершаются по собственнымъ матеріальнымъ законамъ такъ, какъ будто душевной жизни совсѣмъ не было тамъ, вслѣдствіе чего оказываются невозможными объективные признаки одушевленности.* Законъ этотъ, установленный проф. А. И. Введенскимъ въ его книгѣ „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“, можетъ быть названъ основнымъ закономъ одушевленности или закономъ отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленности. А какъ неизбѣжное слѣдствіе, изъ этого закона вытекаетъ, что *ограничиваясь одними лишь данными опыта и не позволяя себѣ ровно никакой метафизики, я не могу узнать, гдѣ есть одушевленность помимо меня и гдѣ ея нѣтъ, такъ что безъ всякаго противорѣчія съ наблюдаемыми мною фактами я могу всюду, гдѣ захочу, либо допускать, либо отрицать ее;* вѣдь гдѣ она существуетъ, она протекаетъ такъ, что матеріальныя явленія, сопутствующія ей, не обнаруживаютъ ея неоспоримымъ образомъ; а гдѣ ея нѣтъ, они все равно происходятъ по собственнымъ законамъ и объясняются ими одними такъ же, какъ и тамъ, гдѣ навѣрное есть душевная жизнь.

Отсюда понятно, почему искони и до настоящаго времени среди лицъ не изучившихъ критической философіи, идутъ безконечные споры о предѣлахъ одушевленности. Психо-физіологи не могутъ провести общепризнанной границы между существами одушевленными и неодушевленными; а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, не могутъ столковаться ни о томъ, съ какого момента въ человѣкѣ начинается душевная жизнь, ни о томъ, существуетъ

ли душевная жизнь въ спинномъ мозгу или нѣтъ; ибо эти вопросы входятъ въ вопросъ о границахъ одушевленности, рѣшеніе котораго зависитъ отъ знанія объективныхъ признаковъ одушевленности. И вслѣдствіе ихъ несуществованія по каждому изъ этихъ вопросовъ всегда высказываются діаметрально противоположные взгляды: напримѣръ, нѣкоторые думаютъ, что душевная жизнь разлита по всей вселенной, такъ что даже каждый атомъ одушевленъ (напримѣръ, Гекель, Вундтъ); другіе, напримѣръ Декартъ, страшно суживаютъ существованіе душевной жизни и, признавая ее только въ людяхъ, считаютъ животныхъ бездушными машинами и т. д. Оказывается даже возможнымъ признаніе одушевленности лишь въ себѣ самомъ и отрицаніе ее во всѣхъ прочихъ существахъ. И всѣ эти споры, очевидно, останутся нерѣшенными до тѣхъ поръ, пока не вмѣшается сюда метафизика. Но метафизика въ видѣ науки или доказаннаго знанія невозможна, а возможна лишь въ видѣ вѣры. Слѣдовательно, не стоитъ спорить въ наукѣ о границахъ одушевленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ не стоитъ спорить, существуетъ ли душевная жизнь въ спинномъ мозгу или нѣтъ (см. выше, стр. 44).

Объяснимъ здѣсь кстати неизбѣжность одного факта, который очень сильно поражаетъ многихъ и подталкиваетъ ихъ объяснять его метафизическими предположеніями. Это—параллелизмъ, или соотвѣтствіе между особенностями типовъ душевной жизни разныхъ животныхъ и особенностями ихъ тѣлесныхъ организацій, именно: чѣмъ ближе животное къ человѣку по своей тѣлесной организаціи, тѣмъ ближе и его душевная жизнь подходитъ къ человѣческой. Люди, не умѣющіе разстаться съ попытками строить метафизику въ видѣ знанія, объясняютъ этотъ параллелизмъ—одни матеріалистически (тѣмъ, что тѣлесныя организаціи своими дѣйствіями порождаютъ душевную жизнь безъ помощи души, а сходство дѣйствующихъ причинъ ложно приводитъ къ сходству порождаемыхъ ими и дѣйствій), другіе же—дуритуалистически (тѣмъ, что отъ самыхъ душъ зависитъ организація тѣла какъ орудія устраиваемаго душой, а потому типы душъ должны отражаться на типахъ устраиваемыхъ ими организацій). Но все это гораздо проще. Чужой душевной жизни мы прямо не наблюдаемъ, а взамѣнъ того наблюдаемъ лишь одни тѣлесныя явленія, происходящія въ другихъ существахъ. Даже самое существованіе чужой душевной жизни не можетъ быть доказано на основаніи этихъ явленій. *Представленіе же о характерѣ чужой душевной жизни тамъ, гдѣ мы допускаемъ ее, мы строимъ изъ элементовъ собственной душевной жизни* на основаніи тѣлесныхъ явленій, наблюдаемыхъ нами въ тѣхъ существахъ, которыя мы считаемъ одушевленными; и, разумѣется, мы строимъ это представленіе такъ, чтобы оно соотвѣтствовало наблюдаемымъ нами тѣлеснымъ явленіямъ и существующей въ насъ самихъ связи душевныхъ явленій съ тѣлесными; а *поэтому всегда долженъ получаться параллелизмъ между наблюдаемыми типами тѣлесной жизни и представленіями чужихъ душевныхъ жизней*, построенными самими же нами изъ элементовъ собственной душевной жизни по законамъ ея связи съ нашими собственными тѣлесными явленіями.

Но если вопросъ о границахъ, или предѣлахъ одушевленности остается неразрѣшимымъ, то, повидимому, не можетъ быть употребляемъ объективный методъ въ психологіи: вѣдь онъ, повидимому, исходитъ изъ недоказуемаго, хотя и неопровержимаго, предположенія, что есть душевная жизнь помимо изслѣдователя. Но на дѣлѣ объективный методъ все—таки примѣнимъ и именно въ силу того, что вслѣдствіе отсутствія объективныхъ признаковъ одушевленности у насъ есть одинаковая возможность безъ всякаго противорѣчія съ логикой и фактами разсматривать любое существо, кромѣ самого себя, и какъ одушевленное, и какъ неодушевленное. Эта возможность даетъ намъ неоспоримое право принять ту или иную точку зрѣнія, именно—такую, какая окажется легче и проще, только, конечно, мы должны выставлять ее въ наукѣ отнюдь не какъ доказанную истину, а всего лишь, какъ рабочую гипотезу — наиболѣе легкую и удобную для данной науки. Поэтому, какія существа намъ удобнѣе разсматривать, какъ одушевленныя, тѣ, въ видѣ рабочей гипотезы, и слѣдуетъ такъ разсматривать, и—наоборотъ. Въ психологіи же, конечно, удобнѣе въ видѣ рабочей гипотезы разсматривать не только всѣхъ людей, но даже и большую часть другихъ животныхъ, какъ существа одушевленныя. Поэтому психологія въ правѣ употреблять и объективныя наблюденія надъ душевной жизнью.

Но, могутъ возразить намъ, какой же смыслъ пользоваться въ видѣ рабочей гипотезы предположеніемъ существованія чужой одушевленности и, опираясь на эту гипотезу, примѣнять объективныя наблюденія, коль скоро ихъ назначеніе въ томъ, чтобы изучить складъ, особенности и ходъ чужой душевной жизни, а между тѣмъ само же существованіе этой душевной жизни остается навсегда недоказуемымъ? Смыслъ—хотя бы утилитарный. Конечно, примѣненіе объективныхъ наблюденій имѣетъ и философское значеніе; да оно станетъ понятнымъ лишь когда мы объяснимъ, какъ намъ быть при построеніи міровоззрѣнія съ вопросомъ о чужой одушевленности; утилитарное же значеніе психологическихъ объективныхъ наблюденій сразу кидается въ глаза. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что намъ гораздо легче, по крайней мѣрѣ, теперь—при современномъ состояніи физіологіи, предсказывать поступки другихъ людей и животныхъ, а поэтому легче и управлять ими, если въ своихъ предсказаніяхъ исходить, какъ изъ рабочей гипотезы, изъ предположенія ихъ одушевленности, чѣмъ изъ предположенія, что они—чисто-физіологическія машины. А поэтому надо знать, какія особенности душевной жизни слѣдуетъ приписать каждому изъ нихъ, исходя изъ перваго предположенія; а для достиженія этой цѣли необходимы психологическія объективныя наблюденія.

Но почему же и теперь, послѣ всѣхъ доказательствъ, даже послѣ философскаго, все-таки кажется, будто бы можно найти данныя опыта, которыя доказывали бы одушевленность нѣкоторыхъ другихъ существъ, кромѣ меня? Это, кромѣ вышеуказанной причины (неумѣнья для нѣкоторыхъ лицъ усвоить непривычныя общія соображенія всѣмъ своимъ существомъ), зависитъ еще отъ двухъ причинъ: во первыхъ, отъ того, что до сей поры я при-

выкъ вѣрить въ существованіе объективныхъ признаковъ одушевленности. А извѣстно, что отъ привычныхъ мыслей крайне трудно отдѣлаться, даже и въ томъ случаѣ, если ихъ опровергли съ математической строгостью. Нужно нѣкоторое время, чтобы я, убѣдившись въ ошибочности привычнаго мнѣнія, сжился съ этимъ новымъ для меня убѣжденіемъ и совсѣмъ отсталъ отъ прежняго взгляда; а до той поры невольно будешь склоняться къ нему и незамѣтно для самого себя повсюду подсовывать его *).

Во вторыхъ, пока я не изучалъ философіи, я привыкъ не только обсуждать факты при помощи какихъ-либо метафизическихъ предположеній, но еще привыкъ думать, будто бы существуетъ метафизика не въ видѣ вѣры, а въ видѣ доказаннаго знанія. (При этомъ, конечно, свою собственную метафизику я и считалъ доказаннымъ знаніемъ; ибо или я прочелъ книжку, въ которой она изложена, а я не могъ не вѣрить печатной книжкѣ, или услышалъ эту метафизику отъ тѣхъ людей, слова которыхъ привыкъ принимать, какъ святую истину, или, наконецъ, она принята если не всѣми, то большинствомъ тѣхъ людей, среди которыхъ я вращаюсь, а я привыкъ думать, что большинство всегда право). Отъ привычки же обсуждать факты при помощи метафизическихъ предположеній мнѣ тоже трудно отдѣлаться, и я исподтишка снова буду подсовывать эти предположенія. А тѣ метафизическіе взгляды, которыхъ я держался до сей поры (это — или матеріализмъ, или обычный дуализмъ), обязываютъ меня нѣкоторыя тѣлесныя явленія считать объективными признаками одушевленности, какъ это будетъ сейчасъ доказано. Поэтому, если я эти взгляды подсовываю исподтишка при обсужденіи фактовъ опыта, то мнѣ будетъ казаться, что есть и такіе факты, которые служатъ обективными признаками одушевленности. Но, чтобы избавиться отъ наклонности подсовывать свои привычные метафизическіе взгляды при разыскиваніи объективныхъ признаковъ одушевленности, мнѣ надо твердо помнить два положенія: 1) пока я не нашелъ объектив-

*) Къ тому же, хотя всякій готовъ кричать, что и онъ умный человѣкъ, но на *собственный*-то умъ, т. е. на *свое* мышленіе, въ дѣйствительности рѣдко кто полагается, а гораздо чаще живутъ и мыслятъ чужимъ умомъ, именно: взамѣнъ самыхъ строгихъ доказательствъ, гораздо охотнѣе люди довѣряютъ или привычности мысли, или тому, что съ нею согласно большинство, или же тому, что съ ней согласенъ тотъ, на кого они рѣшили слѣпо полагаться, какъ на авторитетъ въ извѣстномъ дѣлѣ. Поэтому, когда мысль непривычна и въ то же время еще не успѣла привлечь на свою сторону ни большинство, хотя бы и глупыхъ людей, ни знакомый намъ авторитетъ, тогда и ея самыя строгія доказательства намъ всегда кажутся настолько подозрительными, что если въ ихъ изложеніи замѣчено будетъ неудачное выраженіе или буква ѣ окажется не на мѣстѣ, то ужъ одного этого будетъ достаточно, что бы мы съ торжествомъ объявили ихъ уже за одно это ошибочными. Поэтому въ книгѣ А. И. Введенскаго «О предѣлахъ и признакахъ одушевленія» приведены ссылки на авторитеты въ подтвержденіе несуществованія объективныхъ признаковъ одушевленности, да еще на авторитететы заграничные; это сдѣлано исключительно для тѣхъ, кто на *свое* мышленіе не полагается, а съ нетерпѣніемъ прислушивается, какъ будетъ приказано ему смотрѣть на тотъ или другой вопросъ.

ныхъ признаковъ одушевленности, я не вправѣ считать доказаннымъ, что одушевленъ еще кто нибудь, кромѣ меня. 2) Во мнѣ самомъ я, хотя и долженъ допустить параллелизмъ душевныхъ явленій съ тѣлесными, но я не въ правѣ истолковывать его въ духѣ какой бы то ни было метафизики, такъ что причины этого параллелизма остаются мнѣ неизвѣстными. Когда я буду твердо помнить и то, и другое, то значительно ослаблю свою наклонность къ ошибочнымъ взглядамъ относительно объективныхъ признаковъ одушевленности.

Сейчасъ было сказано, что метафизика, которую я прежде исповѣдывалъ, обязываетъ меня допускать существованіе объективныхъ признаковъ одушевленности. Въ самомъ дѣлѣ, прежде я всегда исповѣдывалъ или матеріализмъ, или тотъ видъ дуализма, при которомъ предполагается, что сама душа вліяетъ на жизнь и устройство тѣла, до нѣкоторой степени формируетъ его, какъ свое орудіе, для сношенія съ другими душами и для жизни на землѣ. Если я держусь матеріализма, то тѣ тѣлесные, т. е. объективно наблюдаемые, процессы, которые я считаю полной причиной душевныхъ явленій, должны служить объективными признаками чужой одушевленности. Вѣдь всюду, гдѣ окажется полная причина какого-нибудь явленія, должно быть ея дѣйствіе, т. е. это самое явленіе; поэтому всюду, гдѣ наблюдаются матеріальные процессы, служащіе полной причиной, рождающей душевную жизнь, должна быть и душевная жизнь, какъ дѣйствіе, такъ что присутствіе этихъ матеріальныхъ процессовъ будетъ служить несомненными (и объективно наблюдаемыми) признаками присутствія душевной жизни, скрывающейся за этими процессами. Если же я держусь *только что описаннаго* дуализма, то объективными признаками одушевленности надо считать въ моемъ тѣлѣ все то, что, по моему мнѣнію, въ немъ устраивается душой, какъ-то: органъ рѣчи, его дѣйствія и т. п. *)

Въ заключеніе посмотримъ, какого рода вопросъ объ объективныхъ признакахъ одушевленности. Онъ совпадаетъ съ вопросомъ о существованіи чужой душевной жизни. Но чужая душевная жизнь составляетъ ли предметъ возможнаго опыта или нѣтъ? Конечно, нѣтъ, потому что чужой душевной жизни мы не можемъ воспринимать; сама она всегда остается внѣ предѣловъ возможнаго опыта. Слѣдовательно, вопросъ объ ея существованіи есть вопросъ трансцендентный, или метафизическій, а потому неразрѣшимый въ видѣ науки или знанія. Такимъ образомъ въ недоказуемости существованія объективныхъ признаковъ одушевленности, а съ нимъ и въ недоказуемости существованія чужой душевной жизни, нѣтъ ничего удивительнаго: мы здѣсь встрѣчаемъ одинъ изъ примѣровъ, наглядно показывающихъ невозможность метафизики въ видѣ науки или знанія. Вѣдь *скажу*

*) Слова «*только что описанный*» (дуализмъ) подчеркнуты въ главномъ текстѣ по той причинѣ, что есть другіе виды дуализма, которые нисколько не обязываютъ къ допущенію существованія объективныхъ признаковъ одушевленности. Напримѣръ, Декартъ держался дуализма, необязывающаго къ ихъ признанію. Также и окказіоналисты тоже не обязывались къ ихъ признанію, хотя они и дуалисты.

ли я, что есть душевная жизнь, кромѣ моей, или что ея нигдѣ нѣтъ, кромѣ меня, я и въ томъ и въ другомъ случаѣ выскажу метафизическій взглядъ; ибо буду говорить о томъ, что по существу своему никогда не можетъ быть воспринято среди данныхъ опыта, какъ бы ни изощрялъ я свои чувства, гдѣ бы и когда бы я ни производилъ свои наблюденія. Такова же и вся метафизика: со всѣми фактами опыта можно помирить и то, что душа есть и что ея нѣтъ, что міръ былъ сотворенъ и не былъ сотворенъ и т. д.

13. Чужая одушевленность, какъ примѣръ морально-обоснованной вѣры.

Теперь намъ уже не трудно разобраться въ вопросѣ, который невольно возникаетъ по поводу всего сказаннаго. Онъ сводится вотъ къ чему: для науки, конечно, безразлично, что существованіе чужой душевной жизни одинаково и неопровержимо, и недоказуемо; ей нетрудно примириться съ неразрѣшимостью вопроса о чужой одушевленности, и это тѣмъ легче для нея, что любой отвѣтъ на этотъ вопросъ она въ правѣ употреблять въ видѣ рабочей гипотезы; а какъ намъ быть съ вопросомъ о существованіи чужой душевной жизни при построеніи цѣльнаго научно-переработаннаго міровоззрѣнія? Но мы уже знаемъ, какъ намъ поступать при исполненіи этой задачи со всѣми трансцендентными вопросами, къ числу которыхъ относится, какъ мы сейчасъ видѣли, и вопросъ о существованіи чужой душевной жизни. Отвѣты на нихъ надо вводить въ составъ цѣльнаго научно-переработаннаго міровоззрѣнія въ видѣ морально обоснованной вѣры. И если здѣсь еще можно о чемъ спрашивать, то только о слѣдующемъ: при какомъ взглядѣ на нравственный долгъ станетъ логически обязательной вѣра въ существованіе чужой одушевленности? Чтобы освѣтить сколько нибудь этотъ вопросъ, скажемъ сперва о тѣхъ основныхъ взглядахъ на характеръ обязательности нравственнаго долга, которые оказываются единственно возможными.

Какъ бы сильно ни отличались другъ отъ друга наши взгляды на нравственный долгъ, они всегда сводятся только къ двумъ основнымъ взглядамъ: одинъ изъ нихъ утверждаетъ, что существуетъ *безусловно* обязательный нравственный долгъ, т. е. долгъ, требующій отъ меня, чтобы я совершалъ одни поступки и не совершалъ, другихъ *независимо* отъ всякихъ соображеній объ *условіяхъ* моихъ удовольствій и неудовольствій, или, что то же, объ условіяхъ моей пользы и вреда. (Вѣдь польза сводится къ увеличенію удовольствій и уменьшенію неудовольствій: поэтому взамѣнъ пользы и вреда мы можемъ прямо говорить объ удовольствіи и неудовольствіи). Сообразно съ разъясняемымъ взглядомъ, нравственный долгъ предписываетъ намъ свои повелѣнія въ безусловной формѣ. Потому-то онъ и называется безусловно обязательнымъ нравственнымъ долгомъ или *категорическимъ императивомъ, т. е. безусловнымъ повелѣніемъ*; ибо онъ не говоритъ:

„*если* ты хочешь въ общемъ итогѣ твоей жизни увеличить сумму твоихъ удовольствій и уменьшить сумму неудовольствій, то поступай такъ-то". Напримѣръ, онъ не говоритъ: „помогай другимъ, *если* ты хочешь застраховать себѣ самому помощь на случай нужды". Напротивъ, онъ прямо требуетъ: „помогай всякому, *независимо* отъ разсчетовъ на помощь съ его стороны, или со стороны другихъ лицъ". Болѣе того: онъ требуетъ помочь нуждающемуся даже въ томъ случаѣ, если мы навѣрное знаемъ, что наша помощь ему будетъ осмѣяна всѣми, кто узнаетъ про нее, или — тотъ, кто воспользуется ею теперь, отплатитъ намъ за нее зломъ. Безусловно обязательный нравственный долгъ требуетъ оказывать помощь нуждающемуся независимо отъ того условія—пріятно-ли это намъ или нѣтъ, любимъ ли мы его или ненавидимъ. даже независимо отъ всякихъ разсчетовъ на награды и наказанія въ будущей жизни. Разсчеты на загробныя награды и наказанія съ точки зрѣнія *безусловно* обязательнаго нравственнаго долга по существу дѣла ничѣмъ не отличаются отъ разсчетовъ на удовольствія земной жизни; вся разница только въ томъ, что, разсчитывая на награды въ будущей жизни, мы предпочитаемъ съ процентами получить то, что теряемъ въ земной жизни.

Таковъ одинъ изъ основныхъ взглядовъ на нравственность. Другой же, который условимся называть *ученіемъ объ относительной нравственности*, состоитъ въ отрицаніи категорическаго императива, т. е. въ отрицаніи безусловной обязательности нравственнаго долга. Это ученіе говоритъ, что мы ровно ни къ чему не обязаны безусловнымъ образомъ, и что нѣтъ ничего безусловно непозволительнаго. Сообразно съ этимъ взглядомъ нравственный долгъ состоитъ въ *совокупности тѣхъ условій, при правильномъ пониманіи и исполненіи которыхъ каждый изъ насъ въ зависимости отъ законовъ общей и соціальной природы въ общемъ итогѣ своей жизни увеличиваетъ сумму своихъ удовольствій или, по меньшей мѣрѣ, уменьшаетъ сумму неудовольствій.* При этомъ подъ удовольствіемъ и неудовольствіемъ надо подразумѣвать не одни лишь грубыя наслажденія и страданія, но всѣ тѣ, которыя можетъ переживать человѣкъ подъ вліяніемъ законовъ природы какъ общей, такъ и соціальной, такъ что сюда относятся и наслажденія научныя, эстетическія, наслажденія дружбой, семьей, добрымъ именемъ, славой, популярностью, общественной и государственной дѣятельностью, безкорыстіемъ, преданностью и т. д. Такимъ образомъ, сообразно съ этимъ взглядомъ, обязательность или необязательность нравственныхъ правилъ всегда зависитъ только отъ тѣхъ условій, при которыхъ мы находимся, главнымъ образомъ — отъ соціальныхъ условій. Напримѣръ, въ то время, какъ съ точки зрѣнія безусловно обязательнаго нравственнаго долга никогда не позволяется разсматривать человѣческую личность, какъ только средство, а надо всегда, кромѣ средства, видѣть въ ней *также и цѣль, цѣнную саму по себѣ*, ученіе объ относительныхъ обязанностяхъ говоритъ совсѣмъ иное. По его словамъ, никакая личность сама по себѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть

никакой цѣны въ чужихъ глазахъ. И если намъ кажется обратное, то только оттого, что мы живемъ сейчасъ при такихъ условіяхъ, при которыхъ интересы каждаго отдѣльнаго лица требуютъ такого отношенія къ другимъ людямъ. Но перемѣнятся эти условія, и получатся другіе результаты. Такъ, представимъ себѣ, что двое людей, изъ которыхъ одинъ значительно сильнѣе другого, перенесены на необитаемый островъ, и имъ навѣрное извѣстно, что больше они никогда не встрѣтятъ другихъ людей. Тогда, сообразно съ ученіемъ объ относительныхъ обязанностяхъ, каждый изъ нихъ получаетъ полное право относиться къ другому, какъ только къ средству, какъ къ бездушной вещи; это право доходитъ то того, что каждому изъ нихъ вполнѣ позволительно убить, изжарить и съѣстъ слабѣйшаго. И если этого не слѣдуетъ дѣлать, то только потому, что находится множество путей устроиться еще выгоднѣе для каждаго изъ нихъ: напримѣръ, для каждаго изъ нихъ будетъ выгоднѣе, если тотъ, который во всѣхъ отношеніяхъ сильнѣе другого, обратитъ слабѣйшаго въ своего раба. А когда между ними окончательно установятся и сдѣлаются привычными такія отношенія, то они тоже будутъ казаться имъ безусловно обязательными, такъ же, какъ теперь, при существующихъ общественныхъ условіяхъ, рабство кажется безусловно непозволительнымъ, нарушающимъ самыя священныя права личности.

Таковъ второй основной взглядъ на нравственный долгъ. Само собой разумѣется, что онъ можетъ сильно видоизмѣняться и разнообразиться; ибо онъ ставитъ всю нравственность въ зависимость отъ удовольствій и неудовольствій. Но и тѣ и другія въ значительной степени зависятъ отъ личныхъ вкусовъ и наклонностей. Поэтому одни изъ авторовъ ученія объ относительной нравственности могутъ выставлять на первое мѣсто одни изъ удовольствій, какъ болѣе важныя въ общемъ итогѣ жизни, напримѣръ— научныя, эстетическія, а другіе авторы—другія удовольствія, хотя бы, напримѣръ, альтруистическія удовольствія, при чемъ въ этихъ удовольствіяхъ можно отдать первое мѣсто либо тѣмъ, либо другимъ. Такъ, одни могутъ считать наиболѣе важными въ общемъ итогѣ жизни удовольствія альтруистическія, проявляющіяся въ видѣ семейнаго чувства, а другіе—въ видѣ альтруизма сословнаго, классоваго, государственнаго, національнаго. Наконецъ, возможны, и даже часто встрѣчаются, такія ученія объ относительной нравственности, которыя ставятъ ее въ зависимость, главнымъ образомъ, отъ удовольствій и неудовольствій загробной жизни. Дѣло въ томъ, что хотя и нѣтъ логической необходимости допускать безсмертіе и Бога, коль скоро мы признаемъ одну лишь относительную нравственность, но и нѣтъ никакого логическаго препятствія къ этому. Поэтому, если намъ нравится или если это требуется другими нашими взглядами, мы можемъ въ своемъ ученіи объ относительной нравственности поставить ее въ главную зависимость отъ удовольствій и неудовольствій загробной жизни, можемъ даже сдѣлать самаго Бога всего только охранителемъ семейныхъ, сословныхъ, классовыхъ, государственныхъ и національныхъ удовольствій. И не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что учителя относительной нравственности нерѣдко такъ

и поступаютъ; нерѣдко у нихъ роль Бога ограничивается ролью ревностнаго городового. Но какъ бы ни видоизмѣнялись ученія объ относительной нравственности, ихъ общая сущность состоитъ въ отрицаніи категорическаго императива, въ отрицаніи безусловныхъ обязанностей и въ проповѣди однѣхъ лишь условныхъ, зависящихъ отъ разсчета на удовольствія и неудовольствія.

Ученіе *о безусловной обязательности нравственнаго долга съ логической необходимостью обязываетъ насъ допускать существованіе чужой душевной жизни. Безусловныя* нравственныя обязанности или должны быть обязанностями относительно другого одушевленнаго существа, или же взамѣнъ истины считаться явной безсмыслицей. По отношенію къ самому себѣ безусловныя обязанности, конечно, возможны, но возможны не иначе, какъ только въ томъ смыслѣ, чтобы я заботился о самомъ себѣ, какъ средствѣ, назначенномъ для исполненія безусловныхъ обязанностей относительно другихъ одушевленныхъ существъ (напримѣръ, для этой цѣли я обязанъ поддерживать свое здоровье, жизнь и т. д.). Но вѣдь такая безусловная обязанность относительно самого себя уже предполагаетъ существующими безусловныя обязанности относительно другихъ одушевленныхъ существъ. Если же я допущу, что нигдѣ во вселенной ровно ничего не одушевлено, кромѣ меня, то сразу исчезнутъ и мои безусловныя обязанности относительно меня самого. Я тогда долженъ заботиться о самомъ себѣ не въ силу того, что на мнѣ лежатъ безусловныя обязанности относительно другихъ существъ (ибо невозможны такія обязанности относительно міра, состоящаго изъ однѣхъ только неодушевленныхъ вещей): я не буду больше обязанъ сохранять себя, какъ средство для исполненія безусловныхъ обязанностей относительно другихъ существъ; напротивъ, заботы о себѣ самомъ будутъ тогда дѣломъ, предоставленнымъ моему личному усмотрѣнію, въ которомъ я въ правѣ руководствоваться исключительно разсчетомъ наибольшей выгоды относительно моихъ удовольствій въ общемъ итогѣ моей жизни. Я тогда даже и не обязанъ сохранять свою жизнь, а въ правѣ прекратить ее, когда захочу: ибо тогда уже нѣтъ такого лица, передъ которымъ я обязанъ былъ бы сохранять свою жизнь, какъ средство для исполненія моихъ безусловныхъ обязанностей по отношенію къ этому лицу. Такимъ образомъ, выходитъ одно изъ двухъ: или я логически обязанъ отказаться отъ убѣжденія въ абсолютной обязательности нравственнаго долга, или же логически обязанъ наряду въ этимъ убѣжденіемъ вѣровать, что не я одинъ одушевленъ во вселенной. *Но иначе стоитъ дѣло съ доктриной относительной нравственности. Не при всякомъ ея видоизмѣненіи возникаетъ необходимость вѣровать въ существованіе чужой душевной жизни.* Для каждаго ея видоизмѣненія этотъ вопросъ надо разсматривать отдѣльно. Напримѣръ, если я лишенъ альтруистическихъ наклонностей — и семейныхъ, и соціальныхъ, и государственныхъ (а отрицая абсолютную обязательность нравственнаго долга, я уже ничѣмъ не обязываюсь культивировать къ себѣ такія наклонности), такъ что предпочитаю лишь самый грубый видъ эгоизма, то для меня лучше вѣровать въ отсутствіе чужой оду-

шевленности: при такихъ условіяхъ мнѣ легче будетъ отвыкнуть отъ инстинктивной жалости, которая мѣшаетъ мнѣ третировать другія существа, какъ всего только средство для моихъ грубо эгоистическихъ наслажденій, мнѣ легче будетъ обращать людей въ своихъ рабовъ, насильничать надъ ними и т. д. (Рабовладѣльцы обыкновенно сомнѣвались, вполнѣ ли одушевлены ихъ рабы).

Но, скажутъ мнѣ, почему же я и теперь говорю только о вѣрѣ да о вѣрѣ? Развѣ нельзя вѣру въ существованіе чужой душевной жизни или вѣру въ ея отсутствіе обратить въ знаніе, доказавъ тотъ или иной взглядъ на нравственный долгъ? Нѣтъ, нельзя, потому что никоимъ образомъ нельзя доказать ни необходимости признать, ни необходимости отрицать безусловную обязательность нравственнаго долга; каждый изъ этихъ взглядовъ на нравственность составляетъ отнюдь не знаніе, но всего только вѣру, хотя и неопровержимую, да недоказуемую.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ могли бы мы доказать необходимость признавать или отрицать безусловную обязательность нравственнаго долга? Очевидно, выведя либо тотъ, либо другой взглядъ, какъ слѣдствіе изъ нашего знанія. Но знаніе всегда говоритъ только о томъ, что было или есть сейчасъ, или будетъ, или, наконецъ, какъ это говорится въ законахъ природы, о томъ, что бываетъ всегда и вездѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. *А изъ одного того, что было, есть, будетъ, бываетъ, никоимъ образомъ не вытекаетъ логически ни то, чему безусловно слѣдетъ быть, ни отсутствіе безусловныхъ обязанностей.* Напримѣръ, если даже всѣ люди обманываютъ и насильничаютъ, то можно ли изъ этого вывесть, что есть безусловная нравственная обязанность обманывать и насильничать? Наоборотъ, если никто не относится къ человѣческой личности, какъ къ цѣнной самой по себѣ цѣли, то можно ли изъ одного этого вывесть, что нѣтъ подобной безусловной нравственной обязанности? Она можетъ и быть, да ея не понимаютъ и не исполняютъ. Слѣдовательно, *изъ знанія нельзя вывесть ни необходимости признавать, ни необходимости отрицать безусловную обязательность нравственнаго долга.*

Важнѣйшая причина, навсегда обусловливающая эту невозможность, состоитъ вотъ въ чемъ: по законамъ логики *въ составъ правильныхъ выводовъ всегда входятъ тѣ же самыя понятія, которыя уже были и въ посылкахъ, только въ иныхъ комбинаціяхъ, чѣмъ въ посылкахъ.* И это одинаково соблюдается какъ въ дедуктивныхъ, такъ и въ индуктивныхъ, выводахъ. Напримѣръ, — посылки таковы: „ртуть — жидкость; а всѣ жидкости упруги“. Правильный выводъ, вытекающій отсюда: „ртуть упруга“, состоитъ изъ тѣхъ же понятій, которыя уже были въ посылкахъ. Но изъ этихъ посылокъ нельзя сдѣлать выводъ: „душа смертна или безсмертна“, ибо онъ состоитъ изъ понятій, какихъ еще не было въ посылкахъ. По той же причинѣ нельзя вывесть изъ этихъ посылокъ, что ртуть—металлъ; ибо въ немъ есть понятіе (металлъ), котораго еще не было въ посылкахъ. Другой примѣръ и притомъ—индуктив-

наго умозаключенія: изъ посылокъ—„и ртуть, и желѣзо, и серебро, и золото, и свинецъ, и мѣдь суть хорошіе проводники электричества: но всѣ они въ то же время—металлы“ — вытекаетъ выводъ: „всѣ металлы суть хорошіе проводники электричества“, состоящій изъ понятій, которыя уже попадались въ посылкахъ. Но изъ этихъ посылокъ никакъ нельзя вывесть, что ртуть упруга или не упруга. А если наши посылки, составляя знаніе, взятое безъ всякой примѣси вѣры, говорятъ только о томъ, что есть, было, будетъ и всегда бываетъ, другими словами — если въ нихъ еще нѣтъ понятія безусловной обязанности нравственнаго долга ни въ утвердительной, ни въ отрицательной связи съ другими понятіями, то какъ же оно проникнетъ въ нашъ правильный выводъ, въ какой бы то ни было связи? Очевидно, это можетъ быть сдѣлано только путемъ логической ошибки, только путемъ скрытаго круга въ доказательствѣ, именно тѣмъ путемъ, чтобы въ доказывающія посылки мы исподтишка подсунули ничѣмъ не мотивированный взглядъ, который мы еще хотимъ доказать этими посылками.

Конечно, при помощи знанія часто можно доказать, что въ составъ безусловно обязательнаго нравственнаго долга не можетъ войти такое или другое правило, обладающее строго опредѣленнымъ содержаніемъ, именно — доказавъ посредствомъ знанія, что данное правило завѣдомо неисполнимо для всѣхъ людей. Но на основаніи этого не слѣдуетъ думать, будто-бы можно доказать, что *вообще* нѣтъ безусловно-обязательнаго нравственнаго долга: одно изъ другого не вытекаетъ. Изъ нашего доказательства будетъ слѣдовать только то, что *данное* правило ошибочно разсматривать, какъ безусловно обязательный нравственный долгъ, но вовсе не то, что всѣ требованія безусловно обязательнаго нравственнаго долга—завѣдомый вздоръ.

14. Мысли. Воспріятія. Ощущенія. Зависимость воспріятій отъ мыслей. Иллюзіи и галлюцинаціи.

Изученіе душевныхъ явленій въ основной психологіи всегда начинаютъ съ познавательныхъ явленій. Такъ поступимъ и мы по двумъ слѣдующимъ причинамъ:

Во-первыхъ, черезъ ихъ изученіе легче всего ознакомиться съ тѣмъ, какъ работаетъ психологія и каково ея современное положеніе, какъ многаго заставляетъ оно желать, т. е. какъ еще мало мы знаемъ душевную жизнь и какъ сильно пропитаны мы относительно нея всевозможными предвзятыми взглядами, которые намъ подсовываетъ обыденная жизнь, которые заставляютъ насъ видѣть душевную жизнь въ ложномъ видѣ и отдѣлаться отъ которыхъ мы можемъ только въ томъ случаѣ, если нашъ путь къ психологіи отправляется отъ философіи, именно отъ теоріи познанія. Подмѣтить все это при изученіи познавательныхъ явленій легче, чѣмъ при другихъ, оттого, что познавательныя явленія изучены все таки гораздо

лучше, чѣмъ остальныя. А это въ свою очередь зависитъ отъ того, что знаніе познавательныхъ явленій нужнѣе всего для философіи, коль скоро ея главный отдѣлъ—теорія познанія, а психологія пока строилась тѣмъ путемъ, что душевныя явленія изучались въ философской литературѣ по мѣрѣ того, какъ въ этомъ встрѣчалась надобность для философіи, а ужъ отсюда результаты ихъ изученія переносились въ психологію (сравн. стр. 57). По всему этому предварительное изученіе познавательныхъ явленій и легче всякаго иного порядка изученія психологіи, и служитъ хорошей подготовкой къ изученію остальныхъ душевныхъ явленій.

Во-вторыхъ, вполнѣ возможно отвлечь познавательныя явленія отъ всѣхъ остальныхъ (эмоціональныхъ и волевыхъ) и разсматривать первыя такъ, какъ если бы послѣднія вовсе не существовали (хотя на дѣлѣ никогда не бываетъ такихъ переживаній душевной жизни, которыя состояли бы только изъ познавательныхъ явленій). Но нельзя этого сказать относительно эмоціональныхъ и волевыхъ явленій: и тѣ, и другія всегда предполагаютъ познавательныя явленія, такъ что нѣтъ никакой возможности говорить ни о тѣхъ, ни о другихъ, не упоминая какихъ либо научно установленныхъ свѣдѣній о познавательныхъ явленіяхъ.

Познавательныя явленія дѣлятся на два главныхъ класса: воспріятія и мысли, при чемъ терминъ мысль уже твердо установленъ въ обыденной жизни, и поэтому мы должны употреблять его въ томъ же смыслѣ, какъ и она. Въ ней же *мы называемъ мыслями всѣ познавательныя явленія, которыя мы переживаемъ сверхъ воспріятій: и воспоминанія, и образы фантазіи, и сужденія и т. д.*

Терминъ же *воспріятіе* установленъ наукой и составляетъ буквальный переводъ латинскаго perceptio, переведеннаго на нѣмецкій — Wahrnehmung, а во французскомъ и англійскомъ передаваемаго perception. *Воспріятіями называются тѣ душевныя переживанія, которыя обыденная жизнь считаетъ изображеніями въ сознаніи внѣшнихъ предметовъ, проникающими въ него черезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, при чемъ сознаніе при этихъ изображеніяхъ остается, по мнѣнію обыденной жизни, чисто пассивнымъ — ничего не вноситъ отъ себя въ эти изображенія, такъ что послѣднія считаются точными копіями внѣшняго міра и его перемѣнъ.* Замѣтимъ здѣсь слѣдующее:

1. Нельзя говорить: воспріятія суть (или составляютъ) чисто пассивныя изображенія внѣшнихъ предметовъ, т. е. изображенія, при переживаніи которыхъ сознаніе остается чисто пассивнымъ, потому что, какъ мы скоро убѣдимся, они въ дѣйствительности не таковы, а только *считаются* обыденной жизнью изображеніями въ сознаніи, при которыхъ оно остается чисто пассивнымъ.

2. Нельзя выражаться и такъ: обыденная жизнь *называетъ* воспріятіями то, что она считаетъ изображеніями внѣшнихъ предметовъ и т. д.;

ибо терминъ „воспріятіе“, имѣющій въ психологіи общее, т. е. родовое значеніе, ею вовсе не употребляется. Она имѣетъ названія только для нѣкоторыхъ видовъ воспріятія, напримѣръ — видѣніе для зрительнаго воспріятія. слушать или слышать для слухового и т. д.

3. Сообразно съ (чисто-номинальнымъ) нашимъ опредѣленіемъ воспріятій, ихъ будетъ столько родовъ, сколько органовъ чувствъ: зрительныя, слуховыя, вкусовыя, обонятельныя и осязательныя.

Уже и въ обыденной жизни употребляется терминъ ощущеніе, но не въ точно установленномъ, а какъ бы въ колеблющемся значеніи. Приближаясь въ главныхъ чертахъ къ житейскому употребленію этого слова *прежняя психологія условилась подразумѣвать подъ ощущеніями тѣ составныя части воспріятія, которыя обыденная жизнь считаетъ изображеніями въ нашемъ сознаніи однихъ лишь качествъ внѣшнихъ вещей (цвѣта, твердости, запаха и т. д.) или же качествъ ихъ состояній (нагрѣтости, звука и т. д.) и той силы съ какой сознаются эти качества.* Пока будемъ такъ понимать ощущенія и мы.

Чтобы сдѣлать болѣе ясной разницу между воспріятіемъ и ощущеніемъ, пояснимъ ее на парѣ примѣровъ. Когда, смотря на какой-нибудь предметъ, напримѣръ, на столъ, мы видимъ его со всѣми его особенностями, т. е. величиной, формой, разстояніемъ, цвѣтомъ, шероховатостью и т. д., то это—воспріятіе. Если же мы отвлечемъ отъ этого воспріятія только цвѣтъ, напр., желтизну, независимо отъ того, чья она и гдѣ отвлекается, даже независимо отъ той поверхности, по которой она разлита, то это—ощущеніе. Точно также, когда мы воспринимаемъ звуки чьего-нибудь голоса, какъ исходящіе изъ какого-нибудь мѣста или предмета—это воспріятіе. Если же мы отвлеченно разсматриваемъ только характеръ звуковъ и ихъ отличіе отъ другихъ звуковъ, независимо отъ того, чьи они и откуда идутъ, такъ что въ звукѣ останется только его качество (именно—тембръ съ высотой) и сила, то это ощущеніе. Словомъ: чтобы получить ощущеніе, надо отъ качества предмета или его состоянія (отъ цвѣта, или отъ нагрѣтости, или отъ звучанія и т. п.) отвлечь все, что есть въ этомъ предметѣ, кромѣ даннаго качества и той силы, съ какой оно нами ощущается, такъ что въ понятіи ощущенія не слѣдуетъ мыслить ничего, кромѣ качества и силы, съ какой оно нами ощущается.

Взглядъ обыденной жизни на воспріятія называется въ философіи (именно въ теоріи познанія) наивнымъ реализмомъ На основаніи всего сказаннаго ясно, что наивный реализмъ состоитъ изъ трехъ убѣжденій, каждое изъ которыхъ имъ принимается на вѣру безъ всякой провѣрки. Именно:

1. Изъ убѣжденія, что внѣшній міръ существуетъ и на дѣлѣ, а отнюдь не обладаетъ только кажущимся существованіемъ, какъ это думаетъ идеализмъ. Вотъ за это-то убѣжденіе разсматриваемый взглядъ и называется реализмомъ (сравн. стр. 122). Наивнымъ же онъ называется отчасти оттого, что онъ не только не пытается опровергнуть идеализмъ, а даже и не про-

тивопоставляетъ себя ему: возможность идеализма даже и не приходитъ намъ въ голову, пока мы находимся на уровнѣ наивнаго реализма. Отчасти же онъ называется наивнымъ оттого, что исповѣдуетъ еще два слѣдующихъ убѣжденія, изъ которыхъ каждое опровергается очень легко между тѣмъ, какъ наивный реализмъ этого не видитъ и ему даже не приходитъ въ голову провѣрить ихъ.

2. Одно изъ нихъ состоитъ въ убѣжденіи, что воспріятіе есть *чисто пассивное изображеніе* внѣшнихъ предметовъ въ сознаніи, т. е. такое изображеніе, при которомъ сознаніе остается чисто-пассивнымъ, т. е. всего только испытывающимъ это изображеніе, но ничего отъ себя въ него не вносящимъ. Вотъ такое то изображеніе мы для краткости будемъ называть чисто-пассивнымъ.

3. Какъ слѣдствіе отсюда получается другое убѣжденіе,—будто бы внѣшній міръ существуетъ помимо нашего сознанія въ точно такомъ же видѣ, какъ онъ нами воспринимается, будто бы наши воспріятія служатъ точными копіями вещей, существующихъ помимо нашего сознанія.

Словомъ, говоря образно: наивный реализмъ убѣжденъ, вопервыхъ, въ существованіи внѣшняго міра, вовторыхъ, — въ томъ, что наше сознаніе составляетъ, какъ бы всего только зеркало, и втретьихъ—зеркало, безукоризненно изображающее въ себѣ предметы, находящіеся помимо него.

Прежде всего займемся убѣжденіемъ будто бы воспріятія составляютъ чисто-пассивныя изображенія предметовъ въ сознаніи. Оно сразу оказывается невѣрнымъ и *воспріятія оказываются продуктами нашего сознанія, которые зависятъ отъ нашихъ мыслей*, вслѣдствіе чего воспріятія иногда и бываютъ не правильными, а искаженными до неузнаваемости (чего, замѣтимъ кстати, не могло бы быть, если бы воспріятія были чисто пассивными изображеніями въ сознаніи).

Что воспріятія нельзя считать чисто-пассивными изображеніями и что на ихъ характеръ вліяютъ наши мысли, доказывается прежде всего тѣмъ, что *правильнымъ воспріятіямъ надо выучиваться.*

Положеніе, гласящее, что правильному воспріятію надо выучиваться, что умѣнье правильно воспринимать вещи пріобрѣтается путемъ упражненія, опирается на наблюденія, производимыя надъ оперированными слѣпорожденными и маленькими дѣтьми. Неумѣнье правильно воспринимать вещи съ особенной рельефностью проявляется первое время у оперированныхъ слѣпорожденныхъ, которые, по ихъ собственнымъ словамъ, въ первое время послѣ операціи, снабжающей ихъ зрѣніемъ, переживаютъ слѣдующія явленія: а) вещи, отдаленныя отъ нихъ, они часто воспринимаютъ, какъ очень близкія, какъ бы касающіяся ихъ глазъ, а близкія, какъ отдаленныя, даже наталкиваются на нихъ. b) Кромѣ того, зачастую они не могутъ опредѣлить, находятся ли передъ ними трехмѣрныя вещи или же ихъ плоскія изображенія. Наблюденія надъ слѣпорожденными, провѣренныя посредствомъ ихъ опроса, ясно показываютъ, что мы выучиваемся правильно воспринимать предметы, а не обладаемъ сразу такимъ умѣньемъ.

Подобныя же явленія, какъ у слѣпорожденныхъ, замѣчаются и при наблюденіи надъ маленькими дѣтьми. Не умѣя правильно оцѣнивать разстоянія, дѣти часто тянутся за недоступными предметами (напримѣръ, за звѣздами, луной, или за тѣмъ, что на другомъ концѣ комнаты) и не умѣютъ взять близкихъ отъ нихъ вещей, протягивая за ними руки слишкомъ далеко. Итакъ, умѣнье правильно воспринимать вещи является не сразу, но мы научаемся ему путемъ упражненія. А такъ какъ при упражненіи, во всякомъ случаѣ, дѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, память, то, значитъ, она во всякомъ случаѣ дѣйствуетъ и на составъ воспріятія, и его нельзя разсматривать, какъ чисто пассивное изображеніе предмета въ сознаніи. Но очевидно, что при этихъ упражненіяхъ дѣйствуютъ и сужденія (т. е. мышленіе), при помощи которыхъ мы на основаніи пережитыхъ ошибочныхъ воспріятій, судимъ о томъ, какъ относиться къ новымъ, и выучиваемся правильно воспринимать. Слѣдовательно, ясно, что на воспріятія вліяютъ мысли, порождаемыя памятью и мышленіемъ.

Другое доказательство положенія, что воспріятіе нельзя считать чисто — пассивнымъ изображеніемъ въ сознаніи, получается еще изъ анализа иллюзій. Сперва объяснимъ, что такое иллюзіи. Въ обыденной жизни термины: иллюзія и галлюцинація, часто употребляютъ, какъ синонимы. Да и въ наукѣ до начала прошлаго столѣтія не считали нужнымъ дѣлать разницу между ними. Но съ начала XIX вѣка психіатры стали отмѣчать ими различные роды явленій, смѣшивать которые мы не имѣемъ права. Теперь на психологическомъ языкѣ иллюзіей называется искаженное воспріятіе, т. е. воспринимаемое нами не въ такомъ видѣ, въ какомъ оно должно бы нами восприниматься; галлюцинаціей же — воспріятіе мнимое или насквозь ложное, т. е. котораго въ дѣйствительности совсѣмъ не должно бы быть. Напримѣръ, если на стѣнѣ виситъ бѣлое полотенце, а вмѣсто него видятъ мертвеца въ бѣломъ саванѣ, это — иллюзія. Если же видятъ мертвеца тамъ, гдѣ нѣтъ ровно ничего, напоминающаго его, это — галлюцинація. Обыкновенно считаютъ иллюзіи болѣзненнымъ явленіемъ, что происходитъ вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ галлюцинаціями: но это невѣрно. Галлюцинаціи, особенно — если онѣ часты и упорны, дѣйствительно, являются несомнѣннымъ признакомъ болѣзненнаго состоянія; иллюзіи же не содержатъ въ себѣ ничего болѣзненнаго, и можно даже сказать, что мы живемъ среди иллюзій и явленій, вполнѣ однородныхъ съ иллюзіями; ибо, какъ мы сейчасъ увидимъ, всякое воспріятіе представляетъ собою процессъ, вполнѣ однородный съ иллюзіями.

Разсматривая иллюзіи, мы должны отмѣтить прежде всего, что есть *два рода иллюзій*: постоянныя, всегда возникающія при опредѣленныхъ внѣшнихъ условіяхъ и не исчезающія даже и тогда, когда мы вполнѣ убѣдились въ иллюзорномъ характерѣ нашего воспріятія (ихъ примѣры скоро встрѣтятся) и временныя, которыя при однихъ и тѣхъ же внѣшнихъ обстоятельствахъ то возникаютъ, то нѣтъ, и непременно исчезаютъ, какъ

только мы убѣдимся, что это иллюзія. Уже изъ одного этого описанія временныхъ иллюзій ясно, что онѣ зависятъ только отъ причинъ внутреннихъ, т. е. отъ переживаемыхъ нами познавательныхъ явленій. Поэтому для нашей цѣли, для выясненія зависимости воспріятій отъ нашихъ мыслей, онѣ гораздо интереснѣе, чѣмъ постоянныя иллюзіи, такъ что мы займемся лишь временными иллюзіями.

Вглядываясь въ нихъ легко замѣтить, что на ихъ характеръ (т. е. на характеръ искаженія воспріятій при временныхъ иллюзіяхъ) вліяетъ то, какія представленія уже находятся въ нашемъ сознаніи, почему бы то ни было. Именно — при этихъ иллюзіяхъ искаженіе воспріятій подчиняется слѣдующему закону, прекрасно изложенному Джемсомъ. Эти искаженія происходятъ: 1) или въ сторону такихъ представленій, которыя мы раньше привыкли воспринимать при данныхъ условіяхъ; или же 2) въ сторону тѣхъ представленій, какими въ данное время почему-либо заполнено наше сознаніе. Первый видъ искаженія воспріятій доказываетъ дѣйствіе на новыя воспріятія старыхъ воспріятій, т. е. дѣйствіе памяти; второй же видъ доказываетъ вліяніе на воспріятіе представленій, наполняющихъ въ данное время сознаніе, вслѣдствіе дѣйствія какой бы то ни было способности, будетъ ли она памятью или воображеніемъ (т. е. фантазіей), безразлично. Такимъ образомъ, если мы докажемъ дѣйствіе этого закона при иллюзіяхъ, то мы этимъ самымъ докажемъ, что на характеръ воспріятій вліяетъ не только память, но и вообще способность создавать представленія, хотя бы не воспоминаемыя, а воображаемыя.

Для доказательства же этого закона разсмотримъ слѣдующіе примѣры:

1) Даже самые опытные корректоры, какъ ни напрягаютъ свое вниманіе, часто *видятъ* слово напечатаннымъ правильно, между тѣмъ какъ оно въ дѣйствительности не таково. Слѣдовательно, они переживаютъ иллюзію и такую, при которой искаженіе происходитъ въ сторону представленій, какія они *привыкли* получать при воспріятіи даннаго печатнаго слова. И какъ при этихъ иллюзіяхъ, называемыхъ „корректорскими“, важно именно вліяніе привычныхъ представленій или образовъ, подтверждается фактомъ, сообщаемымъ нѣмецкимъ психологомъ—Лацарусомъ. Одинъ преподаватель еврейскаго языка просилъ своего пріятеля, который вполнѣ свободно владѣлъ этимъ языкомъ, помогать ему при исправленіи ученическихъ тетрадей. Но оказалось, что этотъ болѣе знающій подмѣчаетъ ошибки хуже, чѣмъ самъ менѣе знающій учитель. Первый невольно воспринималъ слова въ такомъ видѣ, какъ онъ привыкъ ихъ постоянно видѣть.

2) Вспомнимъ вышеуказанную иллюзію съ мертвецомъ. Въ какую сторону мы здѣсь иллюзируемъ? Никто не станетъ спорить, что въ сторону представленій, которыми было занято наше сознаніе: мы тогда можемъ принять бѣлое полотенце за мертвеца, когда предрасположены къ этому предыдущими разговорами, страхомъ, воспоминаніями о привидѣніяхъ и т. п. Другой примѣръ: въ 60-хъ годахъ ночью загорѣлся одинъ изъ лондонскихъ

звѣринцевъ; собралась громадная толпа народу, и среди нея распространился слухъ, что одна изъ обезьянъ, любимица публики, убѣжала на крышу сосѣдняго зданія, которая уже загорѣлась и должна была сгорѣть вмѣстѣ съ нею. Толпа съ живѣйшимъ участіемъ слѣдила за этой обезьяной и видѣла всѣ движенія и ужимки животнаго. Но черезъ нѣсколько времени, когда достаточно разсвѣло, оказалось, что принимали за обезьяну флагъ, развѣвавшійся на крышѣ. Въ данномъ случаѣ вся толпа иллюзировала въ сторону того представленія, которымъ было занято ея сознаніе передъ наступленіемъ воспріятія. Этотъ примѣръ еще интересенъ, какъ примѣръ коллективной иллюзіи.

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы законъ Джемса распространялся на постоянныя иллюзіи. Правда, среди нихъ есть и такія, которыя подходятъ подъ него (но, конечно, только подъ его первую часть; ибо постоянныя иллюзіи не могутъ зависѣть отъ того, какими образами временно заполнено наше сознаніе); за то есть и такія, которыя прямо противорѣчатъ ему. Приведемъ примѣры тѣхъ и другихъ.

Подходитъ подъ законъ Джемса постоянная иллюзія, переживаемая при, такъ называемомъ, *опытѣ Аристотеля*. Она состоитъ въ томъ, что если скрестить указательный и средній пальцы и катать между ними какой-нибудь небольшой шарикъ, то онъ покажется двойнымъ. (Аристотель не указалъ, что можно водить по кончику носа и онъ покажется двойнымъ). Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ иллюзіей, направленной въ сторону тѣхъ образовъ, какіе мы привыкли получать при данныхъ ощущеніяхъ, а именно: мы привыкли къ такому положенію средняго и указательнаго пальцевъ, при которомъ ихъ наружныя стороны не обращены другъ къ другу, но находятся въ пространствѣ рядомъ и поэтому обыкновенно не касаются одновременно одного предмета, а всегда двухъ предметовъ. Въ данномъ же случаѣ одинъ предметъ сразу касается *обѣихъ* наружныхъ сторонъ; и въ силу привычки относить эти прикосновенія къ двумъ различнымъ частямъ пространства онъ и кажется намъ находящимся одновременно въ двухъ мѣстахъ, т. е. кажется двумя различными предметами. Ясно, что здѣсь мы иллюзируемъ въ сторону тѣхъ представленій, которыя оказываются привычными при данныхъ условіяхъ.

За то слѣдующая иллюзія явно противорѣчитъ закону Джемса: если я съ открытыми глазами поднимаю двѣ гирьки одинаковаго вѣса, сдѣланныя изъ одинаковаго снаружи матеріала, но съ сильно отличающимся объемомъ, то та изъ нихъ, которая меньше, кажется мнѣ значительно тяжелѣе другой. И эта иллюзія исчезаетъ только въ томъ случаѣ, если я поднимаю и сравниваю вѣсъ обѣихъ гирекъ съ закрытыми глазами и не зная, какая изъ нихъ больше, какая меньше. По закону же Джемса надо было бы ждать, что при открытыхъ глазахъ меньшая гирька покажется мнѣ легче; ибо я привыкъ, что при одинаковомъ матеріалѣ меньшіе предметы легче большихъ. Здѣсь иллюзія объясняется вліяніемъ обманутаго ожиданія, которое заставляетъ казаться еще большимъ то, что оказалось зна-

чительно большимъ, чѣмъ я ожидалъ: отъ меньшей гирьки меньшаго вѣса я получаю на дѣлѣ впечатлѣніе, значительно большее, чѣмъ я ожидалъ, вслѣдствіе чего это впечалѣніе кажется еще больше, чѣмъ оно на дѣлѣ.

Изъ всего сказаннаго о временныхъ иллюзіяхъ ясно видно, что на нихъ вліяютъ то память, то воображеніе, а иногда, конечно, вмѣстѣ и то, и другое. *Временная иллюзія состоитъ изъ двухъ частей, слитыхъ въ одно воспріятіе: изъ ощущеній (или одного ощущенія), испытываемыхъ отъ воспринимаемаго предмета, и изъ представленія, въ составъ котораго входятъ такія же ощущенія, какъ и испытываемыя отъ этого предмета, причемъ это представленіе оказывается столь же сильнымъ или живымъ какъ и испытываемыя ощущенія.* Напримѣръ: иллюзія мертвеца въ саванѣ состоитъ изъ ощущенія *бѣлизны*, испытываемаго отъ полотенца, и столь же сильнаго, какъ и это ощущеніе, слитаго съ нимъ представленія человѣческой фигуры, покрытой *бѣлымъ* саваномъ.

Замѣтимъ кстати, что говоря объ иллюзіяхъ часто выражаются въ психологическихъ сочиненіяхъ такъ, какъ будто бы иллюзія слагается изъ трехъ слѣдующихъ другъ за другомъ фазисовъ: 1) новое воспріятіе вызываетъ въ насъ какой-нибудь образъ или представленіе, сходное съ нимъ, 2) послѣ того этотъ образъ усиливается и становится настолько же живымъ, какъ воспринимаемое ощущеніе, и 3), наконецъ, сливается съ истиннымъ воспріятіемъ и, уподобляя его себѣ въ это время, поглощаетъ его. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ съ мертвецомъ истинное воспріятіе бѣлаго полотенца во-1) пробуждаетъ въ насъ образъ мертвеца, покрытаго бѣлымъ саваномъ; 2) этотъ образъ пріобрѣтаетъ такую же живость, какъ и ощущеніе бѣлизны отъ полотенца, послѣ чего 3) сливается съ дѣйствительнымъ воспріятіемъ и, уподобляя его себѣ, поглощаетъ. Но ни при одной иллюзіи никто не можетъ подмѣтить въ своемъ сознаніи слѣдованіе другъ за другомъ трехъ этихъ фазисовъ. Напротивъ: при иллюзіяхъ воспріятіе оказывается искаженнымъ сразу, а не такъ, чтобы предварительно были пройдены эти три фазиса. Описывать же, какъ происходящее въ сознаніи, то, чего никто не сознаетъ, значитъ-фантазировать. Поэтому *самое правильное говорить не о фазисахъ въ развитіи процесса иллюзіи, но просто объ окончательномъ составѣ иллюзіи.* Каковъ же этотъ *окончательный* составъ, сейчасъ было сказано.

Узнавъ составъ иллюзій уже никакимъ образомъ нельзя считать воспріятія чисто-пассивными изображеніями внѣшнихъ предметовъ въ сознаніи. Въ значительной своей части *воспріятіе оказывается продуктомъ, порождаемымъ самимъ же сознаніемъ, а вовсе не служащимъ чисто-пассивнымъ изображеніемъ внѣшняго предмета въ сознаніи.* Если еще и можно что либо считать въ воспріятіи чисто-пассивнымъ изображеніемъ, то только тѣ ощущенія, которыя оказываются въ составѣ воспріятія слитыми съ представленіемъ.

Но здѣсь можетъ возникнуть слѣдующее сомнѣніе. Вѣдь иллюзіи—не обыкновенныя, а *искаженныя* воспріятія; поэтому въ правѣ ли мы переносить то, что замѣчаемъ въ *искаженныхъ* воспріятіяхъ, на *всякія* во-

спріятія? Не будетъ ли въ такомъ обобщеніи логическаго скачка? Но мы въ правѣ такъ поступать. Дѣло въ томъ, что *тотъ самый* составъ, благодаря которому при иллюзіяхъ получается *искаженное воспріятіе*, оказывается и при всѣхъ нашихъ правильныхъ воспріятіяхъ. Составъ правильныхъ воспріятій тоже обнаруживаетъ *вліяніе на нихъ со стороны памяти т. е.* прежнихъ представленій: *правильное воспріятіе тоже состоитъ изъ усиленнаго представленія слитаго, съ дѣйствительно переживаемымъ ощущеніемъ, такъ что по существу дѣла иллюзіи и воспріятія ничѣмъ не отличаются, и вся разница между ними состоитъ лишь въ томъ, что при иллюзіи съ ощущеніями, испытываемыми нами отъ внѣшняго предмета, слито представленіе несоотвѣтствующее этому предмету, а въ составъ правильныхъ воспріятій входитъ, наряду съ ощущеніями, испытываемыми отъ даннаго предмета, представленіе, соотвѣтствующее этому предмету.*

Что сліяніе представленія съ ощущеніемъ оказывается обычнымъ не только для искаженныхъ, но и для всѣхъ воспріятій вообще, это легче всего доказать, если заставить какое-нибудь лицо читать не очень длинную, но и не очень короткую надпись, освѣщая ее повторнымъ образомъ быстро исчезающими электрическими искрами. Тогда мы подмѣтимъ слѣдующее явленіе: при первомъ освѣщеніи испытуемый субъектъ не прочтетъ всей надписи, а схватитъ только нѣкоторыя слова. Поэтому при каждомъ послѣдующемъ освѣщеніи онъ точно также не можетъ поспѣть замѣтить всѣ слова, ибо продолжительность освѣщенія равна продолжительности перваго. Слѣдовательно, онъ опять долженъ схватить лишь *нѣкоторыя*, отчасти прежнія, отчасти новыя слова. Но послѣ нѣсколькихъ повторныхъ освѣщеній оказывается, что въ каждый изъ моментовъ освѣщенія онъ начинаетъ видѣть *всю* надпись *сразу*, тогда какъ раньше при *такомъ же* мгновенномъ освѣщеніи онъ не могъ схватить *всей* надписи, а только отдѣльныя слова. Ясно, что послѣдній видъ надписи, когда она прочитывается вся сразу, получается отъ того, что воспріятіе подверглось здѣсь *вліянію представленій*, накопившихся у насъ при прежнихъ освѣщеніяхъ надписи: эти представленія слились съ дѣйствительно переживаемыми ощущеніями и стали столь же живыми, какъ и эти ощущенія.

Такое же доказательство, хотя и не столь легкое, можно найти и помимо экспериментированія — путемъ простого самонаблюденія. *При внимательномъ самонаблюденіи не трудно убѣдиться, что мы при чтеніи воспринимаемъ только первыя части словъ, другія же пропускаемъ не глядя на нихъ, а дополняя ихъ отъ себя, но намъ кажется будто-бы мы ихъ дѣйствительно видѣли* Оттого то чтеніе на родномъ языкѣ идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ на иностранномъ, *хотя бы мы читали даже чисто механически т. е. не обращая вниманія на смыслъ читаемаго.* Чѣмъ же инымъ объяснить это? Повидимому, при *механическомъ чтеніи*, когда не нужно улавливать смыслъ читаемаго и когда поэтому понятность родного языка сравнительно съ иностраннымъ не играетъ никакой роли,

чтеніе должно было бы идти и тамъ, и тутъ одинаково быстро; а на дѣлѣ выходитъ не такъ. Не ясно ли, что вслѣдствіе привычности словъ, напечатанныхъ на родномъ языкѣ, намъ легче, пропуская части слова, дополнять ихъ своими представленіями.

Такимъ образомъ, и при правильныхъ воспріятіяхъ ихъ составъ выходитъ вполнѣ однороднымъ съ тѣмъ, какой бываетъ при искаженныхъ, т. е. при иллюзіяхъ. *Но какъ при иллюзіяхъ нельзя говорить, что онѣ образуются посредствомъ трехъ слѣдующихъ одинъ за другимъ фазисовъ, такъ точно это невѣрно и про правильныя воспріятія; и тамъ и здѣсь нѣтъ трехъ фазисовъ, а есть только вліяніе памяти и воображенія на характеръ воспріятія*, т. е. уже слившійся съ ощущеніемъ образъ.

Итакъ, надо отказаться отъ принятаго въ обыденной жизни наивнаго реализма и надо перестать считать воспріятіе чисто—пассивнымъ изображеніемъ внѣшняго предмета въ сознаніи. И разстояніе отъ насъ воспринимаемаго нами предмета, и его стереометрическая форма, и весь характеръ воспріятій—все это отнюдь не составляетъ чисто-пассивныхъ изображеній внѣшняго міра въ сознаніи. Что же тогда считать чисто-пассивнымъ изображеніемъ въ сознаніи? Повидимому, прежде всего ощущенія. Дѣйствительно, пусть при иллюзіяхъ переживаются и такія ощущенія, которыхъ никакъ нельзя считать чисто пассивными изображеніями въ сознаніи; ибо они образуютъ элементъ *представленія*, т. е. продукта сознанія, входящаго въ составъ иллюзіи. Во всякомъ случаѣ даже и при иллюзіяхъ нами переживаются ощущенія, испытываемыя отъ предмета, по поводу котораго возникаетъ иллюзія. Вотъ эти то *ощущенія, повидимому, даютъ намъ знать качества самихъ внѣшнихъ вещей или ихъ состояній, т. е., повидимому, служатъ чисто пассивными изображеніями этихъ качествъ въ сознаніи.* Съ ощущеніями же связаны протяжность, т. е. пространственность, такъ что и пространство (не разстояніе отъ насъ и геометрическая форма предметовъ, а само пространство), повидимому, можно считать чисто-пассивнымъ изображеніемъ въ сознаніи. Но изучивъ ощущенія, при чемъ мы поведемъ рѣчь сначала въ предположеніи, будто бы ощущенія даютъ намъ знать о качествахъ самихъ внѣшнихъ вещей или ихъ состояній, мы убѣдимся, что нельзя такъ смотрѣть на ощущенія, т. е. даже и ихъ нельзя считать чисто-пассивными изображеніями въ сознаніи; а вслѣдъ за тѣмъ въ томъ же самомъ мы убѣдимся и относительно пространства. *И пространство, и ощущенія суть продукты, создаваемые сознаніемъ, но такіе продукты, которые по его законамъ кажутся ему не созданными имъ самимъ, а находящимися помимо него и извнѣ изображающимися въ немъ.*

15. Простота и качественная сторона ощущеній.

Въ противоположность воспріятіямъ, ощущенія, если подъ ними подразумѣвать, какъ мы условились элементы внѣшнихъ воспріятій, доводящіе

насъ до знанія качествъ внѣшнихъ вещей и ихъ состояній, являются совершенно *простыми*, душевными состояніями, неразложимыми ни на какіе составные элементы. Правда, тутъ можетъ возникнуть такое сомнѣніе: нѣкоторыя ощущенія, какъ напримѣръ, ощущеніе бѣлаго цвѣта, называютъ *сложными* и говорятъ, что ощущеніе бѣлаго цвѣта слагается или изъ какихъ-нибудь двухъ ощущеній дополнительныхъ цвѣтовъ, или изъ ощущеній семи спектральныхъ цвѣтовъ. А такъ какъ мы вообще склонны понимать названія въ буквальномъ смыслѣ, цвѣтъ же есть названіе качества ощущенія, то мы часто готовы сбиться и считать сложными самыя ощущенія. Но если бѣлый цвѣтъ и называютъ сложнымъ, то это вовсе не означаетъ, чтобы самое душевное состояніе, называемое ощущеніемъ бѣлаго цвѣта, было сложнымъ и слагалось изъ двухъ или болѣе ощущеній. Это названіе означаетъ лишь слѣдующее: *если нашъ органъ зрѣнія — глазъ подвергнуть одновременному дѣйствію двухъ причинъ, которыя взятыя порознь даютъ два разныхъ ощущенія, напримѣръ, одна — ощущеніе желтаго цвѣта, другая—ощущеніе синяго цвѣта, то при одновременномъ дѣйствіи этихъ двухъ причинъ мы взамѣнъ этихъ двухъ ощущеній, получимъ всего только одно ощущеніе, на нихъ непохожее, именно— ощущеніе бѣлаго цвѣта* [1]), т. е. здѣсь оказывается сложнымъ не само ощущеніе, а лишь вызывающія его внѣшнія причины. И въ этомъ легко убѣдиться двоякимъ путемъ: 1) изъ того, что, ощущая бѣлый цвѣтъ, мы переживаемъ такое же простое душевное состояніе, какъ и при ощущеніяхъ другого какого-нибудь цвѣта (ибо, ощущая бѣлый цвѣтъ, мы вѣдь ощущаемъ не два разныхъ, а одинъ цвѣтъ), и 2) изъ того, что, переживая ощущеніе бѣлаго цвѣта, нельзя сказать, изъ какихъ именно цвѣтовъ оно сложено: изъ ощущеній ли синяго и желтаго цвѣта, или изъ ощущеній краснаго и зелено-голубого и т. п., хотя въ физикѣ и доказывается, что бѣлый цвѣтъ можетъ получиться изъ смѣшенія какъ этой, такъ и другой пары цвѣтовъ. Слѣдовательно, въ самомъ *ощущеніи* бѣлаго цвѣта нѣтъ никакой сложности, ибо нѣтъ слагающихъ элементовъ; *сложно не само ощущеніе бѣлаго цвѣта, а физическія или физіологическія условія, при которыхъ оно возникаетъ*. Названіе же „сложное ощущеніе“ составляетъ *неточный способъ выраженія*, который употребляется лишь для краткости и неточность котораго остается незамѣтной отъ того, что мы впервые узнаемъ о сложности цвѣтовъ изъ физики; она же, интересуясь ощущеніями не съ *психической* стороны, а съ внѣшней, *физической* стороны, нисколько не страдаетъ отъ этого неточнаго въ психологическомъ отношеніи выраженія. Точный же смыслъ этого неточнаго, но краткаго названія слѣдующій: *сложнымъ ощущеніемъ называется ощущеніе, возникающее при соединеніи такихъ внѣшнихъ условій, которыя, взятыя*

[1]) Цвѣта желтый и синій—дополнительные другъ для друга до бѣлаго. А красный и зеленовато-голубой—тоже дополнительные другъ для друга. Вообще дополнительными цвѣтами называются тѣ, которые при смѣшеніи даютъ бѣлый цвѣтъ.

порознь, порождаютъ отдѣльныя, отличающіяся отъ него самого и другъ отъ друга ощущенія.

То, что сказано о сложныхъ ощущеніяхъ, вовсе не упраздняетъ ощущеній *смѣшанныхъ*, съ которыми мы постоянно встрѣчаемся. Такъ, мы имѣемъ съ ними дѣло, когда ощущаемъ сразу два звука, или когда, прикасаясь къ какой-нибудь поверхности, сразу воспринимаемъ ее, какъ и плоскую, и теплую, и гладкую и т. п.

Мы хотимъ изучать ощущенія, а они никогда не переживатся нами сами по себѣ, а всегда только, какъ элементы воспріятій; сами по себѣ ощущенія составляютъ только абстракцію изъ воспріятій. Если же такъ, то возможно ли разсматривать и изучать ощущенія сами по себѣ, т. е. независимо отъ воспріятій? Само собой разумѣется, что это возможно. Вѣдь любое ощущеніе, напр., цвѣтъ предмета, можетъ оставаться однимъ и тѣмъ же, а всѣ остальныя части воспріятія, какъ-то: величина предмета, разстояніе его отъ насъ и т. п., могутъ въ это время измѣняться, и наоборотъ—можетъ измѣняться въ воспріятіи одно лишь это ощущеніе, а все остальное можетъ оставаться въ предметѣ неизмѣняемымъ. Это показываетъ, что ощущенія можно разсматривать и изучать *вполнѣ самостоятельно*, хотя на дѣлѣ то они самостоятельно никогда не переживаются, а всегда встрѣчаются только, какъ составныя части воспріятія.

Сообразно съ тѣмъ, какъ у насъ возникло понятіе ощущенія, мы въ самомъ ощущеніи можемъ отличать только двѣ стороны—*качественную* и *количественную* и ничего иного не найдемъ въ ощущеніи. Поэтому, изучая ощущенія, мы должны разсмотрѣть качественную и количественную сторону, при чемъ понятно можно еще обращать вниманіе и на то, какое значеніе имѣютъ разныя ощущенія въ зависимости отъ особенностей своего качества для общаго строя нашей душевной жизни.

Начнемъ съ качественной стороны и, прежде всего, намѣтимъ тѣ вопросы, которые мы должны здѣсь имѣть въ виду. Было бы естественнѣе всего, разсматривая ощущенія съ качественной стороны, систематически описать качества всѣхъ безъ исключенія ощущеній. Но такъ какъ каждое ощущеніе просто и неразложимо, то ясно, что *описать* качество какого бы то ни было ощущенія невозможно, и узнать качество того или другого ощущенія можно не иначе, какъ на дѣлѣ переживъ его. Напримѣръ, никакими описаніями нельзя довесть слѣпорожденнаго до пониманія, что такое красный, зеленый и т. д. цвѣтъ. Отсюда ясно, что наше изученіе качества ощущеній въ сущности должно сводиться всего лишь къ двумъ вопросамъ: 1) *къ вопросу о классификаціи ощущеній по качеству*, т. е. мы должны будемъ дать отчетъ, *на сколько основныхъ группъ или классовъ естественнѣе всего раздѣлить ощущенія по ихъ качеству;* и 2) *къ вопросу о причинахъ, обусловливающихъ качество каждаго ощущенія.* Но мы займемся только первымъ вопросомъ, т. е одной лишь классификаціей ощущеній, такъ какъ со вторымъ вопросомъ мы уже отчасти знакомы изъ физики—изъ ея ученія о свѣтѣ, звукѣ и теплотѣ, а

вполнѣ этотъ вопросъ долженъ изучаться въ психо-физіологіи, въ которой подробно описывается устройство и отправленія всѣхъ органовъ ощущеній; а вѣдь отъ этихъ-то органовъ и ихъ отправленій и зависятъ различныя качества ощущеній. Такимъ образомъ, изученіе качественной стороны ощущеній въ курсѣ основной психологіи можетъ смѣло сосредоточиться на классификаціи ощущеній по качеству, къ чему можно прибавить еще указанія различнаго значенія разныхъ ощущеній для общаго строя душевной жизни.

Если руководствоваться такимъ понятіемъ ощущенія, какое у насъ возникаетъ тотчасъ же, какъ только мы начинаемъ разсматривать составъ воспріятія, то у насъ окажется только пять родовъ ощущеній, рѣзко отличающихся другъ отъ друга своими качествами, именно: *зрительныя*, *слуховыя*, *осязательныя*, *обонятельныя и вкусовыя*. Прежняя психологія и насчитывала только эти пять родовъ ощущеній; но современная психологія оказалась вынужденной пополнить эту классификацію указаніемъ еще нѣсколькихъ родовъ ощущеній, рѣзко отличающихся по качеству, какъ другъ отъ друга, такъ и отъ пяти прежнихъ родовъ ощущеній. А вмѣстѣ съ этимъ *современной психологіи приходится исправить и прежнее опредѣленіе понятія ощущенія, говорящее, что ощущенія суть такія душевныя состоянія, посредствомъ которыхъ мы узнаемъ качества внѣшнихъ вещей.* Теперь это опредѣленіе оказывается слишкомъ узкимъ, ибо подъ него не подходятъ нѣкоторые изъ новыхъ родовъ ощущеній.

Такъ какъ къ прежнимъ пяти родамъ ощущеній нѣсколько новыхъ причисляются, главнымъ образомъ, но не исключительно, на основаніи сходства ихъ физіологической стороны съ прежними ощущеніями, то неизбѣжно прежде всего ознакомиться, хотя бы въ самомъ общемъ видѣ съ физіологической стороной прежнихъ пяти родовъ ощущеній. Она сводится вотъ къ чему. У каждаго рода ощущеній есть свой особый органъ: глазъ, ухо, кожа (для осязанія) и т. д., и для возникновенія ощущенія надо чтобы на ту часть чувствующаго нерва, которая заканчивается въ этомъ органѣ и называется *периферической*, подѣйствовалъ какой-нибудь механическій, химическій и физическій процессъ. Этотъ процессъ называется *раздражителемъ*, и его дѣйствіе на периферію чувствующаго нерва — *раздраженіемъ* нерва. Раздраженіе вызываетъ въ нервѣ своеобразное *возбужденіе*, которое, распространяясь по чувствующему нерву, доходитъ (или прямо или черезъ спинной мозгъ) до головного мозга и, въ свою очередь, вызываетъ въ немъ своеобразные, но мало еще изслѣдованные процессы, благодаря которымъ и возникаетъ въ нашемъ сознаніи *ощущеніе*.

Такова физіологическая сторона давно установленныхъ пяти родовъ ощущеній. Итакъ, она сводится къ двумъ обстоятельствамъ: 1) *у каждаго рода ощущеній свой особый органъ, чрезъ раздраженіе котораго какимъ-либо процессомъ возникаетъ это ощущеніе*; 2) *оно возникаетъ только тогда, когда вызванное этимъ раздраженіемъ возбужденіе чувствующаго нерва дойдетъ до головного мозга*. Запомнимъ же это.

Но вотъ оказывается, что, сверхъ пяти старыхъ родовъ *ощущеній*, у насъ есть *душевныя переживанія* (мы еще не называемъ ихъ ощущеніями), которыя имѣютъ одинаковую съ ощущеніями физіологическую сторону и въ соединеніи съ осязательными ощущеніями даютъ даже знать о новыхъ качествахъ вещей, хотя безъ соединенія съ другими ощущеніями дають сознанію *чувствовать* прямо безъ помощи зрѣнія и осязанія *взаимное положеніе частей нашего тѣла, ихъ покой или движенія относительно другъ друга, равно какъ величину, направленіе и скорость этого движенія*. Но когда эти душевныя состоянія соединяются съ осязательными ощущеніями, то даютъ намъ знать о такихъ качествахъ внѣшнихъ вещей, о какихъ мы не узнали бы изъ однихъ осязательныхъ ощущеній, каковы: твердость, мягкость, липкость и т. д. Вѣдь объ этихъ свойствахъ можно узнать не иначе, какъ при помощи осязанія, сопровождаемаго тѣми душевными состояніями, которыя переживаются при попыткахъ сломать вещь, разорвать ее и т. п., т. е. душевными состояніями, переживаемыми при движеніяхъ частей тѣла относительно другъ друга.

Если же эти душевныя состоянія помогаютъ намъ узнавать качества внѣшнихъ вещей т. е. играютъ такую же роль въ общемъ строѣ душевной жизни, какъ и пять старыхъ родовъ ощущеній, то нѣтъ никакого основанія не причислять этихъ душевныхъ состояній къ ощущеніямъ. Такимъ образомъ, у насъ получается новый родъ ощущеній, требующій своего особаго названія, хотя *эти ощущенія и отличаются той особенностью, что переживаемыя безъ всякаго соединенія съ другими ощущеніями, они показываютъ отнюдь не качества внѣшнихъ вещей, а даютъ только чувствовать положеніе, покой или движеніе частей нашего тѣла относительно другъ друга*. Эти ощущенія чаще всего называютъ *моторными* (т. е. двигательными) ощущеніями: а нѣкоторые изъ психологовъ и физіологовъ, напр, Вундтъ въ своихъ „Очеркахъ психологіи“ (Grundriss der Psychologie) называютъ ихъ *внутренне-осязательными*. Мы будемъ называть ихъ вмѣстѣ съ большинствомъ моторными. Теперь мы должны доказать все то, что мы сейчасъ говорили по поводу душевныхъ переживаній, которыя приходится считать моторными ощущеніями.

Въ прежнее время моторныя ощущенія считали за простое видоизмѣненіе осязательныхъ ощущеній, полагая, что черезъ послѣднія мы узнаемъ также и о различномъ положеніи, и о различныхъ движеніяхъ частей нашего тѣла. Но уже въ началѣ XIX столѣтія нѣкоторые шотландскіе психологи путемъ тщательнаго анализа душевной жизни (именно зрительныхъ воспріятій) пришли къ убѣжденію въ необходимости отличать эти ощущенія отъ осязательныхъ. Путь, которымъ они дошли до этого заключенія, очень сложенъ, и мы не будемъ описывать его; ибо въ настоящее время необходимость отличать осязательныя ощущенія отъ моторныхъ выяснена на основаніи вполнѣ убѣдительныхъ и очень простыхъ фактовъ. Эти факты доставляются наблюденіями надъ лицами, страдающими нѣкоторыми видами паралича. Значеніе слова „параличъ“ въ наукѣ и въ обыденной жизни не

одно и то же. Въ послѣдней подъ словомъ „параличъ“ мы подразумѣваемъ только потерю способности движенія; въ наукѣ же параличемъ называютъ пониженіе дѣятельности и *всякаго нерва* (какъ двигательнаго, такъ и чувствующаго), *и всякаго мускула, и всякаго другого органа*, при чемъ пониженіе это можетъ имѣть различныя степени, начиная съ небольшого ослабленія и кончая полной бездѣятельностью нерва, мускула или другого органа. Что же касается явленій паралича, доказывающихъ отличія душевныхъ состояній, дающихъ намъ чувствовать положенія и движенія частей тѣла относительно другъ друга, отъ осязательныхъ ощущеній, то они таковы:

Во-первыхъ, оказывается, что нѣкоторые паралитики сохраняютъ сознаніе положенія частей своего тѣла даже и въ то время, какъ окончательно теряютъ способность ощущать прикосновенія къ ихъ кожѣ, т. е. утрачиваютъ осязательныя ощущенія. А это обнаруживается, напримѣръ, въ такихъ фактахъ: если касаться ихъ руки, если жечь, щипать ее, такъ, чтобы они не видѣли этого, они ничего не ощущаютъ. Но въ то же время съ закрытыми глазами и безъ всякаго самоощупыванія они будутъ давать отчетъ о положеніи частей своего тѣла или вполнѣ точно производить любое движеніе, о которомъ ихъ попросятъ. Отсюда можно заключить, что у нихъ окончательно потеряны осязательныя ощущенія, но сохранились ощущенія движенія и положенія частей тѣла относительно другъ друга, т. е. ощущенія моторныя. А слѣдовательно, осязательныя и моторныя ощущенія—далеко не одно и то же, и, очевидно, имѣютъ разные органы для своего возникновенія: органъ осязательныхъ здѣсь парализованъ, а органъ моторныхъ не парализованъ.

Во-вторыхъ, необходимость отличать моторныя ощущенія отъ осязательныхъ, приписывая тѣ и другія различнымъ органамъ усугубляется еще тѣмъ, что наблюдаются и обратные факты—исчезновенія моторныхъ при сохраненіи осязательныхъ ощущеній. Это обнаруживается въ слѣдующемъ рядѣ явленій: всякое, даже самое легкое, прикосновеніе къ кожѣ, напримѣръ—уколъ, температуру прикасающагося тѣла и т. п., такіе больные ощущаютъ но, въ то же время, безъ помощи глазъ и безъ помощи самоощупыванія, они не могутъ дать отчета въ положеніи частей ихъ тѣла. А когда такихъ больныхъ просятъ сдѣлать то или другое движеніе, не наблюдая за нимъ ни глазами, ни самоощупываніемъ, то они, дѣлаютъ его не въ томъ размѣрѣ, какъ ихъ просятъ, ошибаются такъ грубо, какъ это никогда не наблюдается у здоровыхъ, а иногда дѣлаютъ и совсѣмъ другое движеніе.

Всѣ эти факты, взятые вмѣстѣ, неоспоримымъ образомъ доказываютъ необходимость отличать моторныя ощущенія отъ осязательныхъ, какъ особый родъ ощущеній, т. е. отличать такъ, чтобы причислить моторныя ощущенія все таки къ ощущеніямъ, а не къ какому-либо иному классу душевныхъ состояній. И дѣйствительно, моторныя ощущенія имѣютъ одинаковую со всѣми прежними ощущеніями физіологическую сторону, т. е.

имѣютъ свой *особый* органъ и возникаютъ въ силу раздраженія такихъ нервовъ, которые оканчиваются въ этомъ органѣ. А въ то же время они все-таки даютъ знать кое-что о внѣшнемъ мірѣ и его свойствахъ. Слѣдовательно, они—ощущенія, а не какой-либо другой классъ душевныхъ состояній; а такъ какъ они возбуждаются другимъ органомъ, чѣмъ осязательныя ощущенія, то это, очевидно, новый родъ ощущеній.

Надо замѣтить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ между психо-физіологами, а вслѣдъ за ними и между психологами (хотя этотъ вопросъ не чисто психологическій), еще былъ споръ о физіологической сторонѣ моторныхъ ощущеній. Нѣкоторые изъ ученыхъ съ Вундтомъ во главѣ, утверждали, будто бы эти ощущенія возникаютъ не отъ раздраженія *периферіи чувствующаго* нерва, а, наоборотъ, отъ раздраженія *центральной* части *двигательнаго* нерва, такъ что раздраженіе возникаетъ въ головномъ мозгу, а затѣмъ передается двигательному нерву, вслѣдствіе чего въ этомъ нервѣ возникаетъ возбужденіе, идущее къ мускулу, въ которомъ заканчивается этотъ червъ, и вызывающее сокращеніе этого мускула. Такое *раздраженіе, производимое какими-то процессами головного мозга въ двигательномъ нервѣ, вслѣдствіе которыхъ послѣдній испытываетъ возбужденіе, вызывающее сокращеніе связаннаго съ нимъ мускула, называется иннерваціей.* Такимъ образомъ, Вундтъ и ученые, которые были согласны съ нимъ, утверждали, будто бы моторныя ощущенія переживаются въ то самое время, когда происходитъ иннервація двигательнаго нерва, вслѣдствіе чего они и моторныя ощущенія называли обыкновенно *иннерваціонными* ощущеніями. Другіе же психологи и психофизіологи утверждали, что и моторныя ощущенія, подобно всѣмъ остальнымъ, периферическаго происхожденія, а поэтому нѣтъ надобности называть ихъ иннервацiонными, а слѣдуетъ называть ихъ моторными (т. е. двигательными), или же *мускульными*. Именно: эти ученые утверждали, что такія ощущенія возникаютъ въ насъ слѣдующимъ образомъ: мускулы своими сокращеніями (а надо замѣтить, что всѣ мускулы всегда, кромѣ какъ во время сна, находятся въ нѣсколько напряженномъ состояніи) раздражаютъ периферію заканчивающихся въ нихъ чувствующихъ нервовъ, вслѣдствіе чего въ послѣднихъ возникаетъ возбужденіе, доходящее до головного мозга и вызывающее послѣ этого въ нашемъ сознаніи моторное ощущеніе. Такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ ученыхъ, органомъ, возбуждающимъ моторныя ощущенія, служатъ мускулы, вслѣдствіе чего эти ученые и стали называть моторныя ощущенія мускульными. Но въ настоящее время, въ виду множества психо-физіологическихъ фактовъ, о которыхъ мы не станемъ упоминать, споръ о способѣ возникновенія моторныхъ ощущеній можетъ считаться вполнѣ оконченнымъ; ибо лица, защищавшія гипотезу центральнаго происхожденія моторныхъ ощущеній, отбросили ее, ставъ на противоположную точку зрѣнія. Такимъ образомъ, всѣ пришли къ убѣжденію, что физіологическая сторона моторныхъ ощущеній одинакова со всѣми другими; и даже Вундтъ, прежде горячо защищавшій гипотезу центральнаго проис-

хожденія моторныхъ ощущеній, въ своихъ послѣднихъ изданіяхъ „Физіологической психологіи“, а равно въ „Очеркахъ психологіи“, явно отбросилъ эту гипотезу и сталъ даже называть моторныя ощущенія *внутренне-осязательными*, а не иннерваціонными, какъ онъ дѣлалъ прежде. Но въ сочиненіяхъ 80-хъ и даже начала 90-хъ годовъ XIX вѣка еще можно встрѣтить и терминъ „иннерваціонныя ощущенія“, и споры о происхожденіи моторныхъ ощущеній. И кто пользуется этими сочиненіями (въ которыхъ, разумѣется, все-таки можно найти очень много полезнаго), долженъ знать, какъ относиться ко всему этому.

Что же касается современнаго состоянія знаній о моторныхъ ощущеніяхъ, то надо замѣтить, что ихъ теперь многіе, хотя еще не всѣ, ученые раздѣляютъ на три вида, отличающіеся другъ отъ друга особыми органами, именно: на *мускульныя, сухожильныя и суставныя;* ибо чувствующіе нервы заканчиваются не только въ мускулахъ, а также и въ сухожиліяхъ и въ суставахъ, и должны эти нервы раздражаться не только отъ мускульныхъ сокращеній, а также отъ движенія поверхностей суставовъ одна возлѣ другой, а равно и отъ растяженія сухожилій. Всѣ же вмѣстѣ эти три вида, разумѣется, удобнѣе всего называть какимъ-нибудь общимъ именемъ; и такимъ именемъ оказывается вполнѣ пригоднымъ названіе „*моторныя* ощущенія“.

Итакъ, общій итогъ всего сказаннаго тотъ, что наряду съ прежними пятью родами ощущеній надо допускать еще моторныя ощущенія, значеніе которыхъ для общаго склада нашей душевной жизни отличается той особенностью, что, взятыя самостоятельно, они не даютъ намъ знать о качествахъ внѣшнихъ предметовъ, зато въ соединеніи съ осязательными ощущеніями знакомятъ насъ съ такими качествами, которыхъ при помощи однихъ осязательныхъ ощущеній мы не могли бы узнать. О какихъ же новыхъ качествахъ сообщаютъ намъ моторныя ощущенія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо сначала выяснить *чисто осязательныя* ощущенія. Къ послѣднимъ, очевидно, относятся только такія ощущенія, которыя могутъ быть пережиты *безъ всякой помощи чувства движенія частей тѣла относительно другъ друга*. Если же такъ, то чисто-озязательныхъ ощущеній будетъ только четыре вида: 1) ощущенія *давленія на кожу*, 2) ощущенія *прикосновенія*, 3) ощущенія *тепла и холода* и 4) *болевыя* ощущенія. Что же касается ощущеній твердости, шероховатости и тому подобныхъ качествъ, то знаніе о нихъ, очевидно, пріобрѣтается не одними осязательными, но черезъ соединеніе осязательныхъ ощущеній съ моторными. Дѣйствительно, ощущеніе твердости получается не только отъ одного лишь прикосновенія къ предмету, т. е. не изъ однихъ лишь осязательныхъ ощущеній, но черезъ соединеніе прикосновенія съ сжиманіемъ предмета, слѣдовательно — чрезъ соединеніе осязательныхъ и моторныхъ ощущеній. Подобныя же соединенія осязательныхъ ощущеній съ моторными даютъ намъ знать о тягучести, липкости, мягкости и т. п.

Но значеніе моторныхъ ощущеній не ограничивается тѣмъ, что въ

соединенiи съ осязательными они даютъ намъ знать о новыхъ качествахъ внѣшнихъ вещей. Благодаря моторнымъ ощущенiямъ, мы оцѣниваемъ еще величину, геометрическую форму и разстоянiе предметовъ отъ нашего глаза. Въ самомъ дѣлѣ, прямо, непосредственно всего этого мы не воспринимаемъ однимъ лишь зрѣнiемъ, а научаемся оцѣнивать все это лишь постепенно, посредствомъ упражненiй, какъ это доказывается наблюденiями надъ оперированными слѣпорожденными и малолѣтними дѣтьми (см. объ этомъ въ предшествующей главѣ), а также часто дѣлаемыми нами ошибками въ оцѣнкѣ разстоянiя и величины предметовъ, какъ-то: на морѣ плывущее вблизи нашей лодки, мы иногда принимаемъ за силуэтъ корабля, находящагося на горизонтѣ, а иногда, наоборотъ, судно на горизонтѣ—за находящееся вблизи бревно, муху, пролетавшую вблизи—за далеко пролетѣвшую птицу и т. д.; луна при восходѣ, когда ея лучамъ приходится проходить больше слоевъ воздуха, чтобы попасть въ нашъ глазъ, кажется гораздо больше, чѣмъ позднѣе, особенно, если мы смотримъ на нее съ горы. Монертюи, физiологъ конца XVIII вѣка, во время подъема на одну изъ альпiйскихъ горъ упалъ въ обморокъ отъ испуга, не узнавъ восходящей луны, которая показалась ему какимъ-то гигантскимъ огненнымъ шаромъ.

Какъ же мы узнаемъ хотя бы о величинѣ и разстоянiи предметовъ, коль скоро мы научаемся узнавать все это, а не видимъ всего этого прямо или непосредственно однимъ лишь зрѣнiемъ? Очевидно, здѣсь дѣло не обходится безъ помощи моторныхъ ощущенiй. Чтобы судить о разстоянiи предмета, мы должны чувствовать, въ какой степени сведены наши глаза, которые сводятся ближе зрачками при разсматриванiи болѣе близкихъ предметовъ и не столь сильно сводятся при разсматриванiи болѣе удаленныхъ предметовъ. А чувствовать степень этого сведенiя, называемаго *конвергенцiей* глазъ (равно какъ ихъ разведенiе – *дивергенцiей*), мы можемъ только посредствомъ моторныхъ ощущенiй, возникающихъ отъ сокращенiя мускуловъ, управляющихъ движенiями глазныхъ яблокъ. Сверхъ моторныхъ ощущенiй, вызываемыхъ конвергенцiей глазныхъ яблокъ, судить о разстоянiи предмета намъ помогаютъ еще моторныя ощущенiя, возникающiя *при аккоммодацiи хрусталика*, т. е. того прозрачнаго, чечевицеобразнаго тѣла, находящагося сзади зрачка, которое въ глазу играетъ такую же роль, какъ объективное стекло въ камера-обскурѣ, и которое посредствомъ прикрѣпленныхъ къ нему мускуловъ дѣлается менѣе выпуклымъ при разсматриванiи удаленныхъ предметовъ и болѣе выпуклымъ при разсматриванiи болѣе близкихъ предметовъ; а вслѣдствiе сокращенiя этихъ мускуловъ, получаются особыя моторныя ощущенiя. Такiя перемѣны въ степени выпуклости хрусталика называются его *аккоммодацiей*. (*А зачѣмъ она нужна, всѣ студенты и курсистки обязаны знать*; ибо во всѣхъ среднеучебныхъ курсахъ физики всегда объясняется строенiе глаза и роль хрусталика. А учащiеся обязаны не вышвыривать изъ головы прежде пріобрѣтенныхъ знанiй и не отнѣкиваться на экзаменахъ отъ отвѣтовъ, касающихся

прежнихъ знаній, но освѣжать ихъ, дабы на этой почвѣ строить свое дальнѣйшее высшее образованіе). Что же касается величины предмета, то судить о ней помогаютъ уже, между прочимъ, и моторныя ощущенія, возникающія при движеніи глазъ, которое надо сдѣлать, чтобы ясно увидѣть и верхнія и нижнія части предмета, и которое мѣняется въ зависимости отъ величины предмета.

Такимъ образомъ, значеніе моторныхъ ощущеній троякое: 1) взятыя отдѣльно отъ всѣхъ другихъ ощущеній, они даютъ намъ чувствовать положеніе и движеніе относительно другъ друга частей тѣла; 2) въ соединеніи съ осязательными ощущеніями, они показываютъ такія качества внѣшнихъ вещей, для знанія которыхъ надо одновременно и прикасаться къ предмету, и дѣлать какія-либо движенія или усилія, направленныя къ тому, чтобы вызвать движенія частей тѣла относительно другъ друга, какъ-то: твердость, тягучесть, липкость и т. д.; 3) въ соединеніи съ зрительными ощущеніями, они помогаютъ намъ оцѣнивать величину и разстояніе отъ насъ предметовъ, а черезъ это и пространственныя ихъ формы.

Разъ мы признали наряду съ пятью старыми родами, какъ особый родъ, еще моторныя ощущенія, то уже нѣтъ основанія не относить къ ощущеніямъ и другихъ душевныхъ состояній, похожихъ на моторныя ощущенія по своему значенію и по оказываемымъ ими услугамъ. Это — различныя состоянія чувства *равновѣсія*. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что чувство равновѣсія нашего тѣла, взятаго въ его цѣломъ или же чувство выхода тѣла изъ состоянія равновѣсія, напримѣръ — чувство вращенія, качанія и т. п., получается при помощи осязательныхъ и моторныхъ ощущеній, но при внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что такія чувства составляютъ особаго рода душевныя переживанія, имѣющія свой особый органъ. Въ то время, какъ органомъ осязательныхъ ощущеній служитъ кожа, а моторныхъ — мускулы, суставы и сухожилія, *органомъ чувства равновѣсія нашего тѣла является три согнутыхъ трубки, называемыхъ полукружными каналами, наполненныхъ жидкостью и находящихся во внутреннихъ частяхъ нашего уха.* Дѣйствительно, каждое поврежденіе этого органа вызываетъ у животнаго такія движенія, которыя показываютъ, что чувство равновѣсія у него нарушено: по его поведенію видно (а если это человѣкъ, то онъ самъ говоритъ о томъ), что оно переживаетъ ощущенія вращенія пола, или шатанія своего тѣла, или головокруженія и т. п. Понять, почему пригоденъ такой органъ для ощущенія равновѣсія нетрудно: эти трубки, наполненныя жидкостью, представляютъ собою какъ бы систему трехъ нивеллировъ, *расположенныхъ въ трехъ взаимно-перпендикулярныхъ плоскостяхъ*, и, слѣдовательно, являются органомъ, прекрасно приспособленнымъ къ тому, чтобы на немъ отражались всякія перемѣны въ равновѣсіи или вращеніи тѣла, взятаго въ его цѣломъ; ибо перемѣщеніе положенія нашего тѣла отзывается на жидкости, которая производитъ давленіе на концы примыкающихъ къ полукруглымъ каналамъ чувствующихъ нервовъ и вызываетъ въ нихъ нервные

токи, т. е. такія возбужденія, которыя, дойдя по этимъ нервамъ до головного мозга, вызываютъ въ нашемъ сознаніи чувства головокруженія, шатанія и т. п.

Отсюда видно, что эти чувства получаются такимъ же физіологическимъ путемъ, какъ и осязательныя и моторныя, съ той только разницей, что у нихъ оказывается свой особый органъ. Значитъ, тѣ состоянія сознанія, благодаря которымъ мы чувствуемъ равновѣсіе или вращеніе нашего тѣла, должны быть вдвойнѣ отнесены къ ощущеніямъ, ибо: 1) ихъ значеніе для общаго строя нашей душевной жизни вполнѣ однородно съ значеніемъ моторныхъ ощущеній (и тѣ, и другія даютъ чувствовать то, что дѣлается съ положеніемъ нашего тѣла въ пространствѣ); 2) у нихъ одинаковая со всѣми (а не только съ моторными) ощущеніями физіологическая сторона. Такимъ образомъ, у насъ получился еще новый родъ ощущеній — *ощущенія равновѣсія*, или, какъ ихъ еще иначе называютъ, *статическія ощущенія*. Способность же переживать ихъ называютъ по аналогіи съ чувствомъ зрѣнія и т. п., *чувствомъ равновѣсія* или *статическимъ чувствомъ*.

Обратимъ теперь вниманіе, какія же черты оказываются настолько общими для всѣхъ ощущеній безъ исключенія, чтобы ихъ можно было считать отличительными признаками всѣхъ ощущеній сразу. Сюда принадлежатъ теперь уже только: *одинаковая у всѣхъ ощущеній физіологическая сторона, состоящая въ томъ, что ощущенія возникаютъ лишь при томъ условіи, чтобы на периферію чувствующаго нерва дѣйствовалъ какой-либо раздражитель, состоящій либо въ физіологическихъ процессахъ, происходящихъ въ нашемъ тѣлѣ, или въ физическихъ процессахъ, происходящихъ внѣ тѣла (какъ то: звуковыя и свѣтовыя волны и т. п.)*. Больше найденныя нами ощущенія не имѣютъ ничего общаго для нихъ для всѣхъ сразу. Поэтому *и всѣ тѣ душевныя переживанія, въ которыхъ окажется эта отличительная черта найденныхъ нами ощущеній, тоже должны быть причислены къ ощущеніямъ. А эта отличительная черта присуща множеству разнообразнѣйшихъ душевныхъ переживаній, дающихъ чувствовать благосостояніе или неблагосостояніе разныхъ органовъ нашего тѣла, взятыхъ отдѣльно, а равно разныя степени напряженія ихъ дѣятельности, каковы, напримѣръ: чувство голода, сытости, пресыщенія, жажды, удушья, свободнаго дыханія, тошноты, утомленія глазъ, мускуловъ, боли въ разныхъ органахъ и т. д.*, ибо они возникаютъ отъ раздраженія периферіи чувствующихъ нервовъ различными физіологическими процессами, происходящими въ разныхъ органахъ нашего тѣла. Такимъ образомъ, мы получаемъ еще цѣлый рядъ ощущеній, которыя условимся называть *органическими*. Впрочемъ, надо замѣтить, этотъ терминъ нѣкоторыми учеными употребляется и въ болѣе широкомъ смыслѣ: иногда органическими ощущеніями называютъ не только эти ощущенія, а также и статическія; нѣкоторые же ученые даже и моторные ощущенія называютъ органическими, такъ что этимъ именемъ у нихъ обозна-

чаются всѣ ощущенія, кромѣ пяти старыхъ родовъ. Мы же условливаемся называть органическими лишь тѣ ощущенія, которыя надо допустить сверхъ пяти старыхъ родовъ, моторныхъ и статическихъ.

Вслѣдствіе расширенія числа родовъ ощущеній, т. е. вслѣдствіе присоединенія къ числу ощущеній моторныхъ, а также статическихъ и органическихъ, многія изъ нихъ теперь уже не подходятъ подъ наше первоначальное опредѣленіе ощущеній; слѣдовательно необходимо такъ расширить это опредѣленіе, чтобы оно охватило всѣ ощущенія. И теперь мы обязаны опредѣлить *ощущенія*, какъ такія *душевныя состоянія, которыя возникаютъ вслѣдствіе дѣйствія на периферію чувствующаго нерва какихъ-нибудь раздражителей, лежащихъ внѣ или внутри нашего тѣла*, при чемъ эти раздражители вызываютъ въ периферіи нерва особенное возбужденіе, распространяющееся до головного мозга, достигнувъ котораго, оно вызываетъ это душевное состояніе, а сами *эти душевныя состоянія либо показываютъ намъ качества внѣшнихъ вещей, либо даютъ чувствовать различныя состоянія частей нашего тѣла.*

И *ощущенія* въ настоящее время всѣми психологами принято раздѣлять на два главныхъ класса: *внѣшнія и внутреннія*. И надо имѣть въ виду, что это дѣленіе имѣетъ значеніе съ обѣихъ точекъ зрѣнія: съ физіологической, и съ психологической. Дѣйствительно, *разница между внутренними и внѣшними ощущеніями оказывается двоякой: и въ раздражителяхъ, и въ значеніи тѣхъ и другихъ ощущеній для общаго строя душевной жизни*: 1) раздражителями для внѣшнихъ ощущеній служатъ процессы, происходящіе внѣ тѣла, такъ, напр., свѣтовыя волны, приходящія извнѣ относительно нашего тѣла. Для внутреннихъ ощущеній раздражителями являются физіологическіе процессы, сопутствующіе жизненнымъ явленіямъ и происходящіе внутри нашего тѣла, какъ, напримѣръ, движеніе жидкости въ полукружныхъ каналахъ для статическаго ощущенія. 2) Другая разница въ ихъ значеніи. Внѣшнія ощущенія показываютъ качество внѣшнихъ предметовъ или ихъ состояній, а внутреннія ощущенія этого знанія непосредственно не даютъ: они, и то не всѣ, а лишь моторныя, могутъ дать его только въ соединеніи съ внѣшними ощущеніями, сами же по себѣ даютъ лишь чувствовать измѣненія въ состояніяхъ частей нашего тѣла, какъ, напримѣръ, ощущенія голода или статическія, моторныя и т. д. Каждый классъ ощущеній—и внѣшнія, и внутреннія—подраздѣляются на подчиненные имъ роды; внѣшнія на пять старыхъ родовъ, а внутреннія могутъ быть раздѣлены сперва на три группы: моторныя, статическія и органическія, при чемъ двѣ изъ этихъ группъ подраздѣляются еще дальше на подчиненные имъ роды. И такимъ образомъ можно насчитать всего до 14 родовъ ощущеній и даже болѣе, ибо въ одномъ изъ нихъ придется помѣстить слишкомъ разнородныя органическія ощущенія, которыя происходятъ отъ утомленія или заболѣваній самыхъ разнообразныхъ органовъ. При чемъ нѣкоторые роды могутъ быть раздѣлены еще дальше на виды. Тогда окончательная классификація всѣхъ полученныхъ нами ощущеній можетъ быть изоб-

ражена въ видѣ слѣдующей таблицы, въ которой при нѣкоторыхъ родахъ ощущеній указаны ихъ виды, а при нѣкоторыхъ видахъ—раздраженія, вызывающія ихъ.

Ощущенія.

Внѣшнія.			Внутреннія.
1) Зрительныя	Свѣто-тѣни. Цвѣта.	Моторныя или внутреннеосязательныя.	1) Мускульныя (сокращеніе мускуловъ). 2) Сухожильныя (растяженіе или напряженіе сухожилья). 3) Суставныя (треніе или сближеніе поверхностей суставовъ.
2) Слуховыя	Шума (отъ смѣшанныхъ колебаній воздуха). Звука (отъ періодическихъ колебаній частицъ воздуха).	Статическія.	4) Равновѣсія (отъ давленія жидкости въ полукружныхъ каналахъ)
3) Обонятельныя.			
4) Вкусовыя.			
5) Осязательныя	Давленія на кожу. Прикосновенія къ кожѣ. Боли отъ раздраженія кожи. Температуры прикасающагося къ кожѣ предмета (тепла и холода).	Органическія.	5) Ощущенія пищепріемнаго канала (глоточныя, пищевода, желудка). 6) Кровообращательныя. 7) Дыхательныя. 8) Половыя. 9) Ощущенія отъ утомленія или заболѣванія разныхъ органовъ, не исключая и органовъ внѣшнихъ чувствъ.

По поводу этой таблицы необходимо сдѣлать слѣдующія добавочныя замѣчанія:

1) Къ видамъ внѣшнихъ ощущеній надо относить и такія, которыя иногда, подъ вліяніемъ смѣшенія раздраженій съ ощущеніями, привыкаютъ вовсе не считать особыми ощущеніями, именно—къ числу зрительныхъ ощущеній надо, кромѣ ощущеній цвѣтовъ, относить и ощущенія свѣто-тѣни, а къ осязательнымъ—и ощущеніе холода, какъ самостоятельное сравнительно съ ощущеніемъ тепла. Дѣло въ томъ, что подъ вліяніемъ знакомства съ физикой, учащей о томнотѣ и черномъ цвѣтѣ, какъ объ отсутствіи и свѣта и цвѣта, т. е. какъ объ отсутствіи свѣтовыхъ волнъ или внѣшнихъ раздраженій, у насъ невольно возникаетъ привычка разсматривать даже и *ощущеніе* чернаго цвѣта, какъ *отсутствіе* какого бы то ни было зрительнаго *ощущенія*. Но подобный взглядъ на ощущеніе чернаго цвѣта совершенно неправиленъ: *ощущеніе* чернаго цвѣта, т. е. темнота и черный цвѣтъ, разсматриваемые съ *психологической* стороны, есть *такое же самостоятельное душевное состояніе*, какъ и ощущеніе краснаго, зеленаго и другихъ цвѣтовъ, и представляется нашему сознанію *такимъ же качественно отличающимся ощущеніемъ*, какъ и всякое другое зрительное ощу-

щеніе. Убѣдиться въ справедливости этого положенія можно изъ того обстоятельства, что *мы легко сознаемъ разницу между ощущеніемъ чернаго цвѣта и отсутствіемъ всякаго зрительнаго ощущенія.* Напримѣръ, за спиной, дѣйствительно, отсутствуетъ всякое зрительное ощущеніе, а это, конечно, не все равно, что испытывать ощущеніе темноты или чернаго цвѣта. Такимъ образомъ, черный цвѣтъ и темнота есть особое ощущеніе, а не отсутствіе ощущенія. Равнымъ образомъ, и степени чернаго цвѣта или темноты, иначе — свѣто-тѣни, суть тоже зрительныя ощущенія, если разсматривать ихъ съ психологической точки зрѣнія. Поэтому, говоря о зрительныхъ ощущеніяхъ, рядомъ съ цвѣтовыми ощущеніями нужно считать еще ощущенія свѣто-тѣни, т. е. разныхъ степеней черноты или темноты. Что же касается осязательныхъ ощущеній, то надо замѣтить, что мы склонны къ ложному взгляду относительно термическихъ ощущеній. А именно — современная физика разсматриваетъ холодъ, какъ низшую степень тепла; ибо процессы, допускаемые ею въ холодномъ тѣлѣ, считаются тѣми же движеніями, которыя возбуждаютъ ощущенія тепла, но происходящими въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ тепломъ тѣлѣ. И вотъ, подъ вліяніемъ этого взгляда, иногда и въ психологіи склоняются къ той мысли, будто бы ощущеніе холода есть ощущеніе слабой степени тепла. Но это совершенно невѣрно съ психологической точки зрѣнія: ощущенія тепла и холода должны быть признаны самостоятельными, качественно разнородными ощущеніями; ибо качество ощущенія, получаемаго отъ соприкосновенія съ холоднымъ тѣломъ, совсѣмъ другое, чѣмъ отъ соприкосновенія съ теплымъ тѣломъ.

2) Вполнѣ возможно, что при дальнѣйшемъ изученіи психо-физіологіи ощущеній придется во внутреннихъ ощущеніяхъ установить еще новые роды отличающіеся отъ всѣхъ названныхъ нами, напримѣръ, разбивъ какой-нибудь изъ названныхъ родовъ еще на два или даже болѣе, вродѣ того, какъ это произошло съ осязательными ощущеніями, которыя раздѣлили на моторныя и чисто-осязательныя, или, какъ это было съ моторными, которыя подраздѣляютъ на три вида и т. п..

По поводу органическихъ ощущеній надо разсмотрѣть слѣдующее недоумѣніе: они возникаютъ подъ вліяніемъ любого физіологическаго процесса, происходящаго въ какомъ бы то ни было органѣ тѣла. А такъ какъ во всякомъ органѣ тѣла всегда совершается какой-либо физіологическій процессъ, способный дѣйствовать, какъ раздражитель, на чувствующіе нервы, заканчивающіеся въ этомъ органѣ, то каждое мгновенье мы должны были бы испытывать цѣлую массу самыхъ разнообразныхъ органическихъ ощущеній. Въ дѣйствительности же мы или совсѣмъ не замѣчаемъ въ себѣ органическихъ ощущеній, или же у насъ одновременно бываетъ лишь одно, два органическихъ ощущенія, но никогда наше сознаніе не бываетъ занято одновременно множествомъ различныхъ органическихъ ощущеній. Куда же дѣваются они? По всему видно, что всѣ эти ощущенія сливаются въ одно сложное органическое ощущеніе, показывающее общее благосостояніе или неблагосостояніе всего нашего тѣла въ его цѣломъ, при чемъ слова „сложное ощу-

щеніе" и „сливаются" употребляются здѣсь не въ буквальномъ смыслѣ, а ради краткости выраженія: мы здѣсь позволяемъ себѣ такую же вольность, какъ и въ томъ случаѣ, когда мы говоримъ, что ощущенія зеленаго и краснаго цвѣта сливаются въ сложное ощущеніе бѣлаго цвѣта: конечно, сложны лишь раздражители, а не само ощущеніе.

Для подтвержденія же сказаннаго обратимъ вниманіе прежде всего на то обстоятельство, что мы всегда чувствуемъ и безъ всякой помощи зрѣнія и самоосязанія фактъ связи съ нашимъ „я" нашего тѣла, присутствіе послѣдняго при насъ, при нашемъ „я". Мало того: мы чувствуемъ еще одновременно съ этимъ и общее благосостояніе всего своего организма, въ его цѣломъ, что сознается нами, какъ-бы какое-то тѣлесное настроеніе. Напримѣръ, всѣмъ изъѣстно чувство общаго тѣлеснаго недомоганія или чувство хорошаго здоровья. Вотъ это-то ощущеніе различныхъ видоизмѣненій общаго благосостоянія и неблагосостоянія своего тѣла принято называть *самочувствіемъ*, иначе *общимъ чувствомъ*, *чувствомъ жизни или ценестезіей*, причемъ послѣдній терминъ (по латыни coenaestesia) представляетъ собой облатынившееся греческое слово κοινὴ αἰσθησις, что означаетъ общее чувство. И вотъ, про это то самочувствіе мы утверждаемъ, что оно есть сложное органическое ощущеніе, возникающее путемъ сліянія всѣхъ единовременно возникающихъ въ насъ органическихъ ощущеній, пока нѣкоторыя изъ нихъ не сдѣлаются настолько сильными, что станутъ сознаваться и отдѣльно на ряду съ самочувствіемъ.

Доказывается же это тѣмъ, что тѣ самыя вліянія, которыя измѣняютъ отдѣльныя органическія ощущенія, измѣняютъ и наше самочувствіе. Дѣйствительно: а) Всякій болѣзненный процессъ въ какой-либо части нашего организма, вызывая своеобразныя органическія ощущенія, одновременно съ этимъ дѣйствуетъ и на общій характеръ нашего самочувствія. Не трудно замѣтить, что даже при столь легкомъ заболѣваніи, какъ насморкъ, вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ органическихъ болѣзненныхъ ощущеній мѣняется нѣсколько и все наше самочувствіе. в) Далѣе: голодъ, жажда вызываютъ перемѣну въ самочувствіи. Мало того: можно замѣтить такой любопытный фактъ, что самочувствіе измѣняется даже при процессахъ пищеваренія и послѣ обѣда бываетъ инымъ, чѣмъ до него; оно зависитъ даже отъ того, была-ли пища принята легко варимая или нѣтъ и т. п. Точно также и душный воздухъ, измѣняя органическія ощущенія, измѣняетъ вмѣстѣ съ этимъ и наше самочувствіе. с) Въ смѣнѣ нѣкоторыхъ органическихъ ощущеній и въ смѣнѣ самочувствія замѣчается извѣстное соотношеніе. Когда какое-либо отдѣльное непріятное органическое ощущеніе быстро прекращется, то съ нимъ не просто прекращается непріятное состояніе, т. е. оно не замѣняется всего только простымъ отсутствіемъ прежняго ощущенія, но на смѣну ему наступаетъ столь же реальное другое, но пріятное ощущеніе, напримѣръ, чувство облегченія и т. п. (утоленіе голода вызываетъ пріятное ощущеніе сытости, а не замѣняется простымъ лишь отсутствіемъ голода; прекращеніе зубной боли замѣняется необычайно пріятнымъ чувствомъ облегченія, а не

простымъ отсутствіемъ боли). Подобное же явленіе замѣчается и въ самочувствіи. Такъ, напримѣръ, когда больной быстро поправляется, онъ не просто утрачиваетъ тяжелое, болѣзненное самочувствіе, но еще переживаетъ особое внутреннее пріятное чувство выздоровленія, такъ что прежнее непріятное самочувствіе не замѣнется простымъ лишь его отсутствіемъ, а новымъ пріятнымъ самочувствіемъ. d) Нѣкоторыя органическія ощущенія зависятъ отъ погоды, что особенно замѣтно у стариковъ и раненыхъ, которые въ дурную погоду чувствуютъ усиленіе болевыхъ ощущеній. Самочувствіе тоже измѣняется отъ состоянія погоды, какъ это каждый можетъ провѣрить даже и на самомъ себѣ и какъ это особенно ясно сказывается у дѣтей, стариковъ и нервныхъ субъектовъ: они въ дурную погоду или передъ грозой чувствуютъ рѣзко выраженное угнетенное самочувствіе.

Все это вмѣстѣ взятое подтверждаетъ, что *самочувствіе слагается изъ сліянія всѣхъ единовременныхъ органическихъ ощущеній, безпрестанно возникающихъ въ насъ вслѣдствіе* того, что въ каждомъ изъ органовъ тѣла безпрестанно происходятъ какіе-либо физіологическіе процессы, способные вызвать чрезъ посредство чувствующихъ нервовъ, заканчивающихся въ этомъ органѣ, органическія ощущенія, соотвѣтствующія этому органу. Но пока эти физіологическіе процессы вызываютъ лишь слабыя органическія ощущенія, послѣднія сливаются въ одно общее ощущеніе, называемое самочувствіемъ. *И каждое отдѣльное органическое ощущеніе начинаетъ выдѣляться изъ самочувствія въ особое душевное состояніе лишь въ томъ случаѣ, если значительно усиливается раздражитель (т. е. физіологическій процессъ), вызывающій это органическое ощущеніе*; а тогда именно чрезъ это самое усиленіе и выдѣленіе измѣняется нѣсколько и общій характеръ самочувствія. Объяснить же происхожденіе самочувствія какимъ либо другимъ путемъ нѣтъ никакой возможности въ виду только что указанныхъ фактовъ.

Противъ такого объясненія можно, пожалуй, сдѣлать слѣдующее возраженіе: самочувствіе такъ тѣсно соединено съ эмоціональнымъ элементомъ, придающимъ ему характеръ пріятности или непріятности, что его собственное качество, которое осталось бы въ немъ за вычетомъ этой эмоціональной примѣси, даже нельзя и уловить: оно ею такъ заслоняется, что, повидимому, ею же и исчерпывается. Какъ же объяснить эту особенность самочувствія?

Она объясняется двумя законами, которымъ подчинены всѣ ощущенія какъ внутреннія, такъ и внѣшнія: 1) *всякое ощущеніе почти всегда связано съ примѣсью эмоціональнаго элемента*, который сказывается легче всего въ видѣ пріятности или непріятности даннаго ощущенія. *Эта примѣсь называется чувственнымъ или эмоціональнымъ тономъ ощущенія. 2) Постоянство связи ощущенія съ эмоціональнымъ тономъ и замѣтность послѣдняго при первомъ находятся въ обратной зависимости отъ значенія этого ощущенія для развитія нашего знанія*, именно: чѣмъ больше содѣйствуетъ данный родъ ощущеній развитію нашего знанія, тѣмъ менѣе замѣтенъ въ немъ чувственный тонъ, а иногда онъ исчезаетъ; и чѣмъ меньше

содѣйствуетъ данный родъ ощущеній развитію нашего знанія, тѣмъ замѣтнѣе въ немъ эмоціональный тонъ, при чемъ послѣдній въ такихъ ощущеніяхъ непремѣнно присутствуетъ и доходитъ даже до того, что начинаетъ заслонять собой для сознанія собственное качество ощущенія, такъ что это качество въ концѣ концовъ исчерпывается всего лишь разными видами эмоціональнаго тона. Доказываются оба эти закона внимательнымъ самонаблюденіемъ надъ своими ощущеніями.

Дѣйствительно: а) даже въ ощущеніи любого цвѣта и звука, взятаго отдѣльно, безъ всякаго гармоническаго или негармоническаго соединенія съ другими, можно подмѣтить его эмоціональный тонъ, т. е., что этотъ цвѣтъ или звукъ пріятенъ или непріятенъ для насъ, дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ (красный цвѣтъ) или успокаивающимъ (голубой цвѣтъ), не говоря уже о томъ, что эмоціональный тонъ явно присутствуетъ въ ощущеніяхъ запаха, вкуса и во всѣхъ органическихъ ощущеніяхъ. b) Далѣе: наибольшее значеніе для развитія нашего знанія имѣютъ, разумѣется, ощущенія зрительныя и моторныя; и въ нихъ то труднѣе всего замѣтить присутствіе эмоціональнаго тона. Слѣдующее мѣсто по своему значенію для развитія знанія занимаютъ ощущенія слуховыя и осязательныя; и въ нихъ эмоціональный тонъ становится уже болѣе замѣтнымъ. Наименьшую цѣну для развитія знанія имѣютъ ощущенія вкусовыя и обонятельныя; и въ нихъ эмоціональный тонъ сказывается въ высшей степени рѣзко, особенно въ обонятельныхъ ощущеніяхъ, гдѣ онъ настолько заслоняетъ собой собственное качество обонятельныхъ ощущеній, что послѣдняго мы даже почти не различаемъ. Объ этой крайне малой различимости собственныхъ качествъ обонятельныхъ ощущеній свидѣтельствуетъ уже тотъ фактъ, что качества обонятельныхъ ощущеній не получили своихъ собственныхъ названій, а всегда замѣчаются только или черезъ указаніе того предмета, который издаетъ данный запахъ, какъ-то: запахъ крови, сѣна и т. д., или же черезъ указаніе производимаго ими дѣйствія на организмъ, какъ-то: одуряющій, удушливый запахъ и т. п. Между тѣмъ для другихъ внѣшнихъ ощущеній у всѣхъ народовъ придуманы свои особыя названія, характеризующія ихъ качества, какъ-то: черный, бѣлый, красный цвѣтъ и т. д., или высокіе и низкіе звуки, горькій, соленый, прѣсный и кислый вкусы и т. п. Въ органическихъ же ощущеніяхъ, которыя вовсе не имѣютъ значенія для развитія нашего знанія, чувственный тонъ почти исчерпываетъ собой все качество ощущенія, такъ что если вычесть изъ органическаго ощущенія его эмоціональный тонъ, то съ величайшимъ трудомъ можно подмѣтить, что же именно останется отъ ощущенія, чѣмъ оно отличалось бы отъ другихъ органическихъ ощущеній.

Въ виду всего этого вполнѣ понятно, что и самочувствіе, которое получается чрезъ сліяніе всѣхъ слабыхъ органическихъ ощущеній, должно сводиться къ видоизмѣненіямъ своего эмоціональнаго тона и прежде всего къ различнымъ видамъ пріятности и непріятности; ибо такой же особенностью въ большей или меньшей степени обладаютъ всѣ ощущенія, имѣющія мало значенія для развитія знанія, особенно же органическія, вовсе неимѣющія такого значенія.

Хотя само по себѣ самочувствіе служитъ всего только показателемъ благосостоянія или неблагосостоянія нашего организма въ его цѣломъ, но этимъ еще не исчерпывается его значеніе. *Самочувствіе образуетъ тотъ общій фонъ, на которомъ возникаютъ различныя состоянія сознанія, какъ познавательныя, такъ и эмоціональныя, а потому оно находится въ тѣсной связи съ тѣми и другими, а чрезъ нихъ посредство и съ волевыми явленіями.* Убѣдиться же въ тѣсной связи самочувствія съ 1) познавательной и 2) эмоціональной сторонами душевной жизни можно изъ слѣдующихъ фактовъ:

1. Тѣ воспоминанія, которыя были пріобрѣтены при извѣстномъ самочувствіи будутъ гораздо легче воспроизводиться при немъ же и гораздо труднѣй при другомъ самочувствіи, непохожемъ на прежнее, такъ что, если самочувствіе рѣзко измѣнится, то прежнія воспоминанія могутъ при новомъ самочувствіи даже и совсѣмъ не воспроизводиться, несмотря на всѣ усилія памяти. Это подтверждается многими явленіями, которыя были бы очень странными, если бы они не объяснились этимъ закономъ. Такъ, напримѣръ, все воспринимаемое въ состояніи гипноза сполна забывается и при всѣхъ усиліяхъ памяти никакъ не воспроизводится въ состояніи нормальномъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда загипнотизированному было сдѣлано особое внушеніе вспомнить то, что испытывалось имъ въ состояніи гипноза и по наступленіи нормальнаго состоянія. (Собственно въ этомъ послѣднемъ случаѣ можетъ быть даже и не будетъ истиннаго воспоминанія, а здѣсь будетъ лишь возникновеніе опредѣленной мысли, относительно которой было внушено, чтобы она возникла при наступленіи опредѣленныхъ условій и чтобы загипнотизированный относился къ ней въ это время, какъ къ своему воспоминанію). При повторномъ же возникновеніи гипнотическаго состоянія *само собою* вспоминается, что было пережито во время предшествующаго гипноза. А не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что состояніе самочувствія въ гипнозѣ совсѣмъ иное, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Слѣдовательно, тѣ воспоминанія, которыя были пріобрѣтены при опредѣленномъ самочувствіи, характеризующемъ гипнозъ, оказываются легко воспроизводимыми при немъ же и воспроизводимыми не иначе, какъ подъ вліяніемъ особаго внушенія, при нормальномъ, т. е. рѣзко отличающимся отъ прежняго, самочувствіи. Сходныя явленія наблюдаются и при другихъ состояніяхъ самочувствія ненормальнаго характера, напримѣръ, при самочувствіи, вызванномъ опьяненіемъ. Такъ, часто цитируется въ психологическихъ сочиненіяхъ случай, бывшій съ однимъ парижскимъ посыльнымъ, который, получивъ для доставки по опредѣленному адресу цѣнный пакетъ, напился пьянъ и, чтобы не потерять пакета, гдѣ-то спряталъ его; протрезвившись же онъ никакъ не могъ его найти, несмотря на всѣ усилія своей памяти; но, напившись съ горя снова, онъ тотчасъ же совершенно правильно припомнилъ, гдѣ онъ его спряталъ.

Вліяніе самочувствія на воспоминанія замѣтно и путемъ самонаблюденія въ обычныхъ условіяхъ при привычности къ этому послѣднему. Именно: свои сновидѣнія мы сравнительно легко вспоминаемъ лишь въ

первые моменты послѣ пробужденія; спустя же довольно долгій промежутокъ времени, т. е. послѣ того, какъ мы уже вполнѣ придемъ въ бодрственное состояніе, намъ уже трудно вспомнить ихъ, если мы не обратили на нихъ вниманія тотчасъ послѣ пробужденія. Мы вспоминаемъ лишь что „что-то“ намъ видѣлось во снѣ, а что именно, уже не въ силахъ припомнить. И вообще воспоминанія о сновидѣніяхъ какъ бы таютъ по мѣрѣ нашего перехода къ бодрственному состоянію. При нѣкоторой же наклонности и навыкѣ къ самонаблюденію можно подмѣтить, что впослѣдствіи, по мѣрѣ погруженія въ новое усыпленіе, часто вспоминается сновидѣнье прошлой ночи, о которомъ не было воспоминанья днемъ. Все это объясняется тѣмъ, что самочувствіе въ бодрственномъ состояніи совсѣмъ иное, чѣмъ во время сна, иное уже по одному тому, что въ сонномъ состояніи почти нѣтъ дѣйствія органовъ внѣшнихъ чувствъ, которые, конечно, тоже вліяютъ на характеръ самочувствія происходящими въ нихъ физіологическими процессами.

Изъ всего этого видна зависимость хода воспоминаній (а чрезъ нихъ всѣхъ нашихъ мыслей и волевыхъ явленій) отъ самочувствія. При этомъ кстати замѣтить, что *мы не имѣемъ ни малѣйшаго права безъ всякихъ дальнѣйшихъ основаній истолковывать такія состоянія, какъ обморокъ, безпамятство, столь глубокій сонъ, что не остается никакихъ воспоминаній о видѣнныхъ нами сновидѣніяхъ, какъ перерывы сознанія или душевной жизни.* Вполнѣ возможно, что во время этихъ состояній душевная жизнь вовсе не прерывается ни на одно мгновенье, но что въ это время наше самочувствіе черезчуръ рѣзко отличается отъ обычнаго, при возвращеніи котораго мы поэтому и не можемъ ничего вспомнить изъ пережитаго нами во время этихъ состояній. Конечно, такое объясненіе не неизбѣжное, но ровно настолько же допустимое, какъ и объясненіе этихъ состояній перерывами сознанія. Во всякомъ случаѣ, отсюда ясно, что одно лишь отсутствіе воспоминаній о какомъ-либо промежуткѣ времени еще нельзя считать признакомъ отсутствія у насъ душевной жизни за этотъ промежутокъ времени, подобно тому, какъ мы не считаемъ отсутствіе воспоминаній о самомъ первомъ дѣтствѣ признакомъ отсутствія у насъ душевной жизни за это время. Строго говоря, вопросъ, составляетъ ли, такъ называемое, безпамятство (какъ то: обморокъ, глубокій сонъ и т. п.) перерывъ сознанія или нѣтъ, есть вопросъ настолько же трансцендентный, какъ и вопросъ о чужой одушевленности; ибо путемъ самонаблюденія по только что указанной причинѣ (отсутствіе воспоминаній не есть признакъ перерыва) онъ не можетъ быть рѣшенъ.

2) Что же касается тѣсной связи самочувствія съ эмоціональной жизнью, то она обнаруживается изъ того, что, такъ называемыя, душевныя настроенія (какъ-то: радостное, гнѣвное, нѣжное, грустное и т. п.), т. е. предрасположенія къ опредѣленнымъ эмоціямъ (ибо это и называется душевными настроеніями), до такой степени характеризуются каждое своимъ особымъ самочувствіемъ, что даже трудно сказать, останется ли въ данномъ

настроеніи что-нибудь, если вычесть изъ него особое связанное съ нимъ самочувствіе и особый присущій этому настроенію характеръ теченія мыслей, такъ что *то или другое видоизмѣненіе самочувствія наряду съ особымъ ходомъ мыслей составляютъ исключительные элементы всякаго душевнаго настроенія*. Дѣйствительно, что такое, напр., радостное и гнѣвное настроеніе, какъ не особые виды возбужденнаго самочувствія, пріобрѣтающаго при каждомъ изъ этихъ настроеній какую то особую окраску и сопровождающагося при каждомъ изъ этихъ настроеній особымъ характернымъ для даннаго настроенія ходомъ воспоминаній и вообще мыслей, причемъ *каждое душевное настроеніе содѣйствуетъ возникновенію соотвѣтствующихъ этому настроенію воспоминаній и мыслей и неблагопріятно для возникновенія противоположныхъ мыслей*. Когда, напримѣръ, человѣкъ въ радостномъ настроеніи, то у него необычайно легко возникаютъ радостныя, веселящія его душу воспоминанія, а съ ними и вообще розовыя мысли, а все мрачное какъ то не удерживается надолго въ его сознаніи. При мрачномъ же настроеніи и воспоминанія, а съ ними и вообще всѣ мысли, начинаютъ сосредоточиваться на мрачныхъ предметахъ, а все радующее возникаетъ лишь на мгновенье, чтобы тотчасъ же исчезнуть. Въ гнѣвномъ настроеніи человѣкъ какъ будто только и способенъ вспоминать то, что можетъ питать его гнѣвъ, а въ нѣжномъ настроеніи, какъ будто только то, что можетъ питать его нѣжность и т. д. Въ этой связи настроенія съ мыслями особаго характера нѣтъ ничего удивительнаго, если другой элементъ настроенія состоитъ изъ самочувствія.

Уяснивъ себѣ связь самочувствія съ интеллектуальной и эмоціональной жизнью, не трудно объяснить тѣ явленія, которыя наблюдаются при наступленіи возмужалости (точнѣе половой зрѣлости): въ это время душевныя настроенія становятся крайне неустойчивыми, такъ что общій складъ характера напоминаетъ даже неустойчивость истеричныхъ людей; и вмѣстѣ съ нею необычайно легко разрушаются всѣ прежніе взгляды и убѣжденія, такъ что все міровоззрѣніе начинаетъ складываться заново. Все это происходитъ оттого, что съ наплывомъ новыхъ органическихъ ощущеній подвергается сильной перемѣнѣ наше самочувствіе, и испытываемыя имъ перемѣны отзываются и на душевныхъ настроеніяхъ, и на ходѣ воспоминаній, а съ ними и всѣхъ мыслей.

16. Количественная сторона ощущеній.

Въ каждомъ ощущеніи сверхъ качества можно отличить еще то, что мы называемъ силой или количественной стороной ощущенія. Количественная сторона ощущеній отличается отъ другихъ количествъ, напримѣръ, отъ величины линій, промежутковъ времени и т. п. Послѣднія количества предполагаютъ протяженность во времени или пространствѣ и могутъ быть разсматриваемы, какъ *слагающіяся* во времени или въ пространствѣ черезъ

прибавленіе одной части къ другой. Поэтому они называются величинами *экстенсивными*, т. е. *протяженными* (подразумѣвается въ пространствѣ или во времени). Количества же, которыя мы наблюдаемъ въ ощущеніяхъ, этимъ свойствомъ не обладаютъ, т. е. ихъ нельзя разсматривать, какъ слагающіяся во времени или въ пространствѣ. И они отличаются другъ отъ друга не суммой частей, а лишь своей *напряженностью*; а потому они называются величинами *интенсивными*, *т. е. напряженными*. Измѣненія же въ этой напряженности носятъ названіе *степеней*.

Изучая количественную сторону ощущеній, мы должны выяснить ея зависимость отъ разныхъ условій, слѣдовательно: 1) зависимость интенсивности, или силы, ощущеній, отъ явленій душевныхъ и 2) зависимость ея отъ явленій матеріальныхъ.

Наиважнѣйшимъ изъ всѣхъ явленій душевной жизни, оказывающимъ наибольшее вліяніе на силу ощущенія является *вниманіе*. Уже самыя простыя самонаблюденія показываютъ, *что чѣмъ больше сосредоточивается вниманіе въ данномъ ощущеніи, тѣмъ оно сознается сильнѣе, и чѣмъ больше отвлекается вниманіе отъ какого-нибудь ощущенія, тѣмъ слабѣе и слабѣе становится это послѣднее*, тѣмъ менѣе и менѣе оно сознается нами и иногда можетъ даже ослабѣть до нуля.

Извѣстно, напримѣръ, что ощущеніе боли тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше мы обращаемъ на него вниманія, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше мы думаемъ о немъ. Посредствомъ сосредоточенія вниманія на ощущеніи, мы можемъ выдѣлить послѣднее изъ массы другихъ ощущеній, съ которыми оно сливается, если не обращать на него вниманія. Такъ, посредствомъ сосредоточенія вниманія можно выдѣлить изъ оркестра какой нибудь инструментъ и слушать его, какъ будто бы онъ игралъ одинъ. А что сильное отвлеченіе вниманія можетъ низвести ощущеніе до нуля, свидѣтельствуютъ слѣдующіе примѣры: Паскаль, чтобы избавиться отъ зубной боли, обращался къ рѣшенію геометрическихъ задачъ и такъ углублялся въ нихъ, что совершенно забывалъ о мучившей его боли. Кантъ, страдая ревматизмомъ, старался въ это время заниматься разрѣшеніемъ трудныхъ философскихъ вопросовъ, и такъ отвлекалъ свое вниманіе отъ болѣзни, что переставалъ замѣчать ее. Часто на полѣ битвы раненый солдатъ, увлеченный выполненіемъ своей обязанности, не чувствуетъ раны и падаетъ лишь тогда, когда кровоизліяніе совершенно ослабитъ его.

Кромѣ закона вниманія сила ощущеній находится въ зависимости еще и отъ нѣкоторыхъ другихъ фактовъ душевной жизни, какъ это видно изъ *закона контрастовъ*. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: *сила противоположныхъ ощущеній увеличивается отъ ихъ сосѣдства въ пространствѣ или во времени*, т. е., если намъ приходится переживать противуположныя ощущенія рядомъ другъ съ другомъ, или одно тотчасъ за другимъ, то ихъ сила бываетъ больше, чѣмъ если бы мы переживали не противуположныя ощущенія. Напримѣръ, бѣлый цвѣтъ будетъ всего ярче рядомъ съ чернымъ цвѣтомъ; при переходѣ изъ теплой комнаты въ холодную ощущеніе холода

будетъ сильнѣе, чѣмъ если бы мы перешли изъ мало нагрѣтой комнаты въ холодную и т п.

Что же касается матеріальныхъ условій, вліяющихъ на силу ощущеній, то среди нихъ есть лишь изрѣдка дѣйствующія на нашъ организмъ. Къ числу таковыхъ относятся нѣкоторыя болѣзненныя состоянія организма, а также нѣкоторыя лекарственныя вещества. Они или повышаютъ чувствительность нѣкоторыхъ органовъ, вызывая, такъ называемую, гиперэстезію, или же понижаютъ ее, вызывая анестэзію, частный случай которой, извѣстный подъ именемъ аналгезіи, состоитъ въ пониженіи болевой чувствительности. Но такихъ вліяній, какъ изрѣдка встрѣчающихся, мы не будемъ разсматривать, а ограничимся лишь изученіемъ зависимости силы ощущенія отъ раздраженія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сила ощущенія находится въ прямой (хотя это еще не значитъ въ прямо пропорціональной) зависимости отъ силы раздраженія. И на первыхъ порахъ изученія зависимости силы ощущеній отъ раздраженій, конечно, являются только два вопроса: 1) всякое ли раздраженіе способно вызвать ощущеніе, или же оно должно обладать для этого нѣкоторой опредѣленной силой? 2) Какъ измѣняется сила ощущенія въ зависимости отъ измѣненія силы раздраженія?

Законъ пороговъ. Обратимся сначала къ первому вопросу. Уже тотъ фактъ, что мы не замѣчаемъ слишкомъ слабаго свѣта, очень слабыхъ звуковъ, небольшихъ примѣсей вкусовыхъ веществъ, убѣждаетъ насъ, что не всякое раздраженіе вызываетъ ощущеніе, и что для вызыва ощущенія, раздраженіе должно достичь извѣстной величины. Это и составляетъ, такъ называемый, законъ пороговъ. Та минимальная величина, которой должно достичь раздраженіе, чтобы вызвать ощущеніе называется порогомъ раздраженія; а соотвѣтствующую ему, т. е. только что замѣтную величину ощущенія, точнѣе сказать то ощущеніе, которое сознается впервые при ростѣ раздраженія, начиная съ нуля, нерѣдко называютъ порогомъ ощущенія. Каждое раздраженіе имѣетъ какъ бы свой порогъ, черезъ который оно должно переступить, чтобы проникнуть въ наше сознаніе, т. е. чтобы вызвать ощущеніе; если же раздраженіе будетъ ниже своего порога, то оно не вызоветъ ощущенія. Этотъ порогъ раздраженія называется абсолютнымъ, въ отличіе отъ порога разностнаго, показывающаго, какъ должно увеличиваться раздраженіе, чтобы вызываемое имъ ощущеніе измѣнилось на едва замѣтную величину.

Законъ пороговъ подтверждается тѣмъ, что нѣкоторыхъ раздраженій мы совсѣмъ не замѣчаемъ, т. е. не получаемъ отъ нихъ ощущеній, слѣдовательно, эти раздраженія такъ слабы, что не достигаютъ своихъ пороговъ. Напр., если я бросаю пробковый шарикъ на полъ и нахожусь отъ него на близкомъ разстояніи, то я ясно слышу шумъ при ударѣ его объ полъ; но, по мѣрѣ увеличенія разстоянія, ощущеніе шума ослабѣваетъ и даже совершенно можетъ исчезнуть. Между тѣмъ шарикъ продолжаетъ ударяться объ полъ, раздраженіе, значитъ, существуетъ; но оно не сознается

нами и перестаетъ ощущаться. Другой примѣръ: на нашу кожу безпрестанно садится пыль: эта пыль имѣетъ вѣсъ, но мы не ощущаемъ ея; если же положить на нашу кожу что нибудь потяжелѣе, то мы ощутимъ извѣстное давленіе.

Для каждаго рода ощущеній существуютъ свои пороги. Пороги эти, очевидно, крайне малы. Такъ, зрительный порогъ настолько малъ, что если положить листъ бѣлой бумаги (ради контраста) на черный бархатъ и освѣтить его свѣтомъ въ триста разъ слабѣе луннаго свѣта, то все же мы будемъ различать этотъ листъ бумаги еще на разстояніи 5 метровъ. Да не только зрительный порогъ, а и всѣ другіе очень низки. Напримѣръ, нѣкоторыми частями кожи (губами) мы можемъ воспринимать давленіе 1/2000 грамма. Звукъ, производимый паденіемъ пробковаго шарика, вѣсомъ въ одинъ миллиграмъ съ высоты одного миллиметра на стеклянную доску, слышенъ еще на разстояніи почти одного дециметра.

Не только роды, но и виды ощущеній имѣютъ разныя величины своихъ пороговъ. Голубой цвѣтъ, напримѣръ, имѣетъ болѣе низкій порогъ, чѣмъ красный. Это видно уже изъ того, что когда темнѣетъ, то красный цвѣтъ скорѣе дѣлается чернымъ, чѣмъ голубой; значитъ порогъ раздраженія голубого цвѣта ниже порога раздраженія краснаго.

Кромѣ того, величина порога зависитъ еще отъ той части органа, которой воспринимается данное раздраженіе. Напримѣръ, если цвѣтовое (но не свѣтовое) раздраженіе дѣйствуетъ на центральныя (болѣе чувствительныя) части сѣтчатой оболочки, то его порогъ ниже, если на боковыя — то его порогъ выше. Величина осязательнаго порога измѣняется по частямъ тѣла: такъ, кожа на лицѣ и рукахъ чувствительнѣе, т. е. осязательный порогъ здѣсь меньше. Еще величина порога зависитъ отъ состоянія органа: напримѣръ, порогъ для раздраженія глаза, уже смотрѣвшаго (работавшаго) раньше, больше, чѣмъ для глаза, находившагося предъ этимъ въ темнотѣ (бездѣйствовавшаго). Сверхъ того, величина порога зависитъ и отъ индивидуальности.

Законъ высшихъ точекъ. Помимо закона пороговъ ощущенія еще подчиняются закону высшихъ точекъ. Онъ заключается въ слѣдующемъ: коль скоро раздраженіе превыситъ нѣкоторую опредѣленную величину, называемую его высшей точкой, то вызываемое имъ ощущеніе перестаетъ усиливаться и взамѣнъ его возникаетъ новое, болевое, которое, усиливаясь, можетъ до такой степени отвлечь наше вниманіе отъ прежняго ощущенія, что послѣднее сдѣлается даже незамѣтнымъ. Напримѣръ, слишкомъ сильный свѣтъ перестаетъ усиливать ощущеніе свѣта, а, взамѣнъ того, вызываетъ болевое ощущеніе; также и сильный звукъ перестаетъ усиливаться и, вмѣсто того, мы чувствуемъ боль. При обжогѣ же чувство тепла совсѣмъ исчезаетъ и поглощается болевымъ ощущеніемъ.

При изслѣдованіи высшихъ точекъ приходится наталкиваться на почти непреодолимыя затрудненія, а потому и нѣтъ цифръ, характеризующихъ эти высшія точки. Мы про нихъ знаемъ только то, что онѣ существуютъ

Затрудненія эти сводятся къ тому, что, примѣняя здѣсь экспериментированіе, приходилось бы вызывать очень сильное раздраженіе, которое легко могло бы повредить данный органъ.

Теперь остается еще узнать, какъ именно измѣняется ощущеніе въ то время, какъ раздраженіе измѣняется между порогомъ и высшей точкой, т. е., не спускается ниже порога и не превышаетъ высшей точки. Какъ правильнѣе всего поставить этотъ вопросъ?

Но сперва посмотримъ, нужно ли его ставить. Вѣдь въ общежитіи предполагается, что ощущеніе вообще возрастаетъ пропорціонально раздраженію. Это мнѣніе существовало еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія и въ наукѣ. И если бы оно было вѣрно, то намъ не зачѣмъ было бы отыскивать постановку нашего вопроса: онъ былъ бы уже заранѣе рѣшенъ. Но такое мнѣніе невѣрно. Ощущеніе растетъ не пропорціонально раздраженію. Это доказывается уже фактомъ существованія пороговъ. Если бы ощущеніе измѣнялось пропорціонально раздраженію, то законъ пороговъ не могъ бы существовать. Въ самомъ дѣлѣ, если сила ощущенія пропорціональна силѣ раздраженія, то во сколько разъ мы не уменьшали бы данное раздраженіе, вызывающее, положимъ, ощущеніе A, мы никогда не дошли бы до того малаго раздраженія, которое совсѣмъ не способно было бы вызвать ощущеніе: сила ощущенія A ослабѣла бы во столько же разъ, во сколько ослабѣла и сила раздраженія, но никогда не достигла бы нуля, если бы раздраженіе не дошло до нуля. Въ дѣйствительности же бываетъ обратное: какъ только раздраженіе сдѣлается не нулемъ, а всего только ниже порога, ощущеніе уже совсѣмъ исчезаетъ.

Если же ощущеніе не пропорціонально раздраженію, то мы должны привести нашъ вопросъ въ самую удобную для его рѣшенія форму. И, повидимому, простѣйшей формой вопроса о связи измѣненій въ ощущеніяхъ съ измѣненіями раздраженій будетъ слѣдующая: какъ должно измѣняться раздраженіе, чтобы ощущеніе усилилось или уменьшилось въ 2, 3 или 4 раза?

Но такого рода вопроса поставить нельзя, ибо онъ безсмысленный. Дѣйствительно, что значитъ, что ощущеніе въ 2, 3, 4 раза больше другого? Если это сказать про линіи, величины экстенсивныя, то наши слова вполнѣ понятны: если одна линія больше другой въ три раза, значитъ на первой линіи мы можемъ уложить вторую три раза. Относительно же ощущеній это выраженіе не имѣетъ никакого смысла, потому что вѣдь не можемъ же мы ни уложить одно ощущеніе на другое, ни вообще сознавать, во сколько разъ одно больше другого.

Не имѣя возможности сознавать, во сколько разъ одно ощущеніе больше другого, мы, однако, легко можемъ сознавать въ ощущеніяхъ два обстоятельства: 1) будутъ ли два ощущенія равны между собой или различны; 2) рѣзко ли они отличаются другъ отъ друга, или же на едва замѣтную величину. А отсюда слѣдуетъ, что вполнѣ и единственно возможно поставить интересующій насъ вопросъ только въ такой формѣ: какъ должно

увеличиться раздраженіе, чтобы ощущеніе усилилось на едва замѣтную величину. Еще въ концѣ XVIII-го столѣтія этотъ вопросъ былъ поставленъ астрономомъ Буге по поводу свѣтовыхъ ощущеній, но тогда не обратилъ на себя достаточно вниманія психологовъ и физіологовъ. Да и Буге, какъ астрономъ, интересовался имъ только по поводу свѣтовыхъ ощущеній.

Законъ Вебера. Этотъ вопросъ былъ поднятъ въ болѣе широкой постановкѣ въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія извѣстнымъ физіологомъ Эрнестомъ Веберомъ, предпринявшимъ надлежащія изслѣдованія относительно трехъ видовъ ощущеній: a) свѣтовыхъ, b) осязательныхъ ощущеній давленія (т. е. давленія на кожу) и c) ощущеній, испытываемыхъ при подъемѣ тяжестей. Онъ установилъ для нихъ слѣдующій законъ: *для того, чтобы ощущеніе усилилось на едва замѣтную величину, раздраженіе должно увеличиться на одну и ту же, особую для каждаго вида ощущеній, часть своей первоначальной величины.*

Изслѣдованіе Вебера въ 60-хъ годахъ, когда Фехнеръ обнародовалъ свой математическій выводъ изъ закона Вебера, привлекли къ себѣ общее вниманіе и многіе ученые занялись ихъ провѣркой. Выяснилось: 1) что законъ Вебера вѣренъ только для ощущеній не слишкомъ близкихъ ни къ высшимъ точкамъ, ни къ порогамъ. Вблизи же тѣхъ и другихъ онъ сильно нарушается. Сильнѣе всего эти нарушенія бываютъ въ зрительныхъ ощущеніяхъ, даже на значительныхъ разстояніяхъ отъ порога и высшей точки. 2) Величина необходимыхъ согласно съ этимъ закономъ перемѣнъ въ раздраженіяхъ (чтобы ощущеніе усилилось на едва замѣтную величину) зависитъ отъ индивидуальности и другихъ нѣкоторыхъ условій, такъ что дробь, показывающая, на какую часть надо увеличить прежнее раздраженіе, чтобы сдѣлалась только что замѣтной разница въ ощущеніяхъ, должна считаться всегда только приблизительно вѣрной. Эту дробь принято называть *разностнымъ порогомъ* раздраженія, т. е. такимъ порогомъ, черезъ который должна какъ бы перешагнуть разность раздраженій, чтобы вызвать едва замѣтную перемѣну въ ощущеніи.

Разъяснимъ на примѣрѣ, въ чемъ состоитъ законъ Вебера и что такое разностный порогъ. Такъ, для того, чтобы мы могли едва замѣтить разницу въ свѣтовомъ ощущеніи, надо, чтобы раздраженіе зрительнаго нерва увеличилось на одну сотую своей первоначальной величины, т. е., если, напримѣръ, зажжено 200 свѣчей и мы хотимъ увеличить испытываемое нами ощущеніе свѣта на едва замѣтную величину, то мы должны прибавить къ прежнему раздраженію $^1/_{100}$ его величины, т. е. двѣ свѣчи, а не одну; при 300 свѣчахъ пришлось бы прибавить три свѣчи, а двухъ оказалось бы мало; при 400—4, а при трехъ ощущеніе не усилится вовсе, и т. д. Вотъ, одна сотая и есть разностный порогъ свѣтового раздраженія.

Замѣтимъ кстати, что разностный порогъ каждаго рода или вида ощущеній можетъ быть выраженъ двоякимъ образомъ: въ видѣ правильной и въ видѣ неправильной дроби. Такъ, въ данномъ случаѣ, разностный порогъ свѣтовыхъ ощущеній $^1/_{100}$ или $^{101}/_{100}$. Первая дробь обозначаетъ,

какую часть надо *прибавить* къ первоначальной величинѣ раздраженія, вторая—на какого множителя должна быть *умножена* первоначальная величина раздраженія, чтобы получилось едва замѣтное увеличеніе ощущеній.

Относительно цвѣтовыхъ ощущеній было найдено, что для каждаго цвѣта существуетъ особый разностный порогъ.

Наибольшей величины онъ достигаетъ для краснаго цвѣта ($^1/_{70}$ или $^{71}/_{100}$), наименьшей для желтаго ($^1/_{286}$ или $^{287}/_{286}$), слѣдовательно, измѣненіе силы желтаго цвѣта мы замѣчаемъ легче, чѣмъ краснаго. Для звуковыхъ ощущеній и для ощущеній давленія на кожу разностный порогъ $^1/_3$ или $^4/_3$, для чувства тяжести $^1/_{17}$ или $^{13}/_{17}$.

Выводъ или законъ Фехнера. По обширности трудовъ, предпринятыхъ съ цѣлью провѣрки закона Вебера, первое мѣсто занимаетъ только что упомянутый *Фехнеръ*, профессоръ астрофизики въ Лейпцигѣ. Въ своемъ сочиненіи „Elemente der Psychophysik“ (вышедшемъ въ 1860 г.) онъ провѣрилъ законъ Вебера въ примѣненіи еще къ звуковымъ и къ тѣмъ зрительнымъ ощущеніямъ, которыхъ не касалось изслѣдованіе самаго Вебера, для чего придумалъ еще новые косвенные способы сравненія раздраженій, вызывающихъ едва замѣтно отличающіяся другъ отъ друга ощущенія.

Провѣривъ законъ Вебера, Фехнеръ не остановился на этомъ, а попробовалъ облечь его въ математическую формулу. Для этого онъ счелъ всѣ *едва замѣтныя усиленія* даннаго ощущенія величинами *равными между собой* (ибо, разсуждалъ онъ, всѣ они одинаково едва замѣтны). Это смѣлое предположеніе дало ему возможность связать въ видѣ формулы количественныя измѣненія въ ощущеніяхъ съ количественными измѣненіями въ раздраженіяхъ

Чтобы вывесть эту формулу, Фехнеръ пользовался дифференціальнымъ и интегральнымъ исчисленіемъ, при помощи которыхъ она получается очень быстро. Но къ той же самой формулѣ можно придти и посредствомъ пріемовъ элементарной математики, предлогаемыхъ проф. А. И. Введенскимъ именно:

Условимся обозначать раздраженіе (по нѣмецки Reiz) буквой R, а вызываемое имъ ощущеніе (по нѣмецки Empfindung) буквой E. Возьмемъ такую величину R, которая составляетъ абсолютный порогъ нашего раздраженія, такъ что E будетъ величиной ощущенія, только что возникающаго въ нашемъ сознаніи. Увеличимъ теперь R на его разностный порогъ, который условимся обозначать правильной дробью $\frac{1}{q}$. Тогда мы получимъ раздраженіе R_1 при чемъ

$$R_1 = R + \frac{1}{q} R = R\left(1 + \frac{1}{q}\right)$$

Послѣ того R_1 мы тоже увеличимъ на его разностный порогъ, такъ что оно сдѣлается R_2, при чемъ

$$R_2 = R_1 + \frac{1}{q} R_1 = R_1\left(1 + \frac{1}{q}\right) = R\left(1 + \frac{1}{q}\right)^2$$

ибо вмѣсто R_1 мы можемъ подставить въ это равенство его величину, указанную въ предшествующемъ равенствѣ.

Путемъ тѣхъ же самыхъ разсужденій, т. е. предполагая, что раздраженіе R_2 мы увеличиваемъ на его разностный порогъ, вслѣдствіе чего оно становится R_3, а R_3, въ свою очередь, увеличиваемъ на разностный порогъ, вслѣдствіе чего оно становится R_4, и что мы поступаемъ такъ все дальше и дальше, мы получимъ рядъ слѣдующихъ равенствъ:

$$R_3 = R_2 + \frac{1}{q} R_2 = R_2\left(1+\frac{1}{q}\right) = R\left(1+\frac{1}{q}\right)^3$$
$$R_4 = R_3 + \frac{1}{q} R_3 = R_3\left(1+\frac{1}{q}\right) = R\left(1+\frac{1}{q}\right)^4$$
$$R_m = R_{m-1} + \frac{1}{q} R_{m-1} = \ldots = R\left(1+\frac{1}{q}\right)^m$$
$$R_n = R_{n-1} + \frac{1}{p} R_{n-1} = \ldots = R\left(1+\frac{1}{q}\right)^n$$

А что же происходитъ вслѣдствіе такихъ послѣдовательныхъ увеличеній взятаго нами раздраженія R съ вызываемымъ имъ ощущеніемъ E? Такъ какъ раздраженіе R каждый разъ увеличивается на свой разностный порогъ, то вызываемое имъ ощущеніе E при каждомъ изъ подобныхъ увеличеній должно усиливаться на едва замѣтную величину, относительно которой Фехнеръ допускаетъ, что она при всякой величинѣ измѣняющагося ощущенія бываетъ одинаковой. Условимся эту едва замѣтную прибавку къ прежней силѣ ощущенія обозначать черезъ d.

Тогда раздраженіе	R	вызываетъ ощущеніе	E	
„	R_1	„ „	$E_1 = E + d$	$= E + d$
„	R_2	„ „	$E_2 = E_1 + d$	$= E + 2d$
„	R_3	„ „	$E_3 = E_2 + d$	$= E + 3d$
„	R_m	„ „	$E_m = E_{m-1} + d$	$= E + md$
„	R_n	„ „	$E_n = E_{n-1} + d$	$= E + nd$

Если R есть абсолютный порогъ, то ощущеніе E будетъ едва отличаться отъ нуля, и мы можемъ принять его за нуль, такъ какъ едва замѣчаемъ его, а зачастую, при малѣйшемъ колебаніи вниманія, и вовсе не замѣчаемъ. Значитъ, мы сдѣлаемъ такую ошибку, отъ которой не гарантированы въ экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ и съ которой поэтому можно примириться. Тогда, руководствуясь всѣми этими равенствами, мы можемъ выразить въ математической формулѣ отношенія между ощущеніями какой бы то ни было величины. Возьмемъ два ощущенія E_m и E_n. Мы знаемъ изъ послѣднихъ равенствъ, что

$E_m = E + md = md$; ибо E принято за нуль.
$E_n = E + nd = nd$; ибо E принято за нуль.

Отсюда:

$$E_m : E_n = md : nd = m : n$$

Величину же отношенія $m : n$ мы можемъ выяснить изъ прежнихъ равенствъ (говорящихъ о величинѣ раздраженій) однимъ изъ двухъ слѣду-

ющихъ способовъ, приноровленныхъ къ различному уровню средняго образованія учащихся:

1) *Для незнающихъ логариѳмовъ* предлогается слѣдующій выводъ, взамѣнъ логариѳмическаго способа. Величины m и n, какъ это видно изъ равенствъ, говорящихъ о раздраженіяхъ, суть показатели тѣхъ *степеней* выраженія: $1+\frac{1}{q}$, т. е., разностнаго порога, выраженнаго въ видѣ неправильной дроби, на которыя надо умножить абсолютный порогъ R, чтобы получились раздраженія R_m и R_n, вызывающія ощущенія E_m и E_n. Дѣйствительно:

$$R_m = R\left(1+\frac{1}{q}\right)^m$$
$$R_n = R\left(1+\frac{1}{q}\right)^n$$

Слѣдовательно, *два ощущенія относятся другъ къ другу, какъ показатели тѣхъ степеней разностнаго порога (выраженнаго въ видѣ неправильной дроби), на которыя надо умножить абсолютный порогъ, чтобы получить раздраженія, вызывающія эти ощущенія.*

2) Для знающихъ логариѳмы предлогается слѣдующій пріемъ: логариѳмируя величины R_m и R_n получимъ изъ ряда раздраженій:

$$lgR_m = lgR + mlg\left(1+{}^1/_q\right)$$
$$lgR_n = lgR + nlg\left(1+{}^1/_q\right)$$

Опредѣлимъ отсюда m и n и раздѣливъ ихъ другъ на друга найдемъ:

$$m : n = \left(lg\,R_m - lg\,R\right) : \left(lg\,R_n - lg\,R\right) = lg\left(\frac{R_m}{R}\right) : lg\left(\frac{R_n}{R}\right)$$

А отсюда, въ связи съ равенствомъ:

$$E_m : E_n = m : n, \text{ выходитъ:}$$

$$E_m : E_n = m : n = lg\left(\frac{R_m}{R}\right) : lg\left(\frac{Rn}{R}\right)$$

Т. е. *два ощущенія относятся другъ къ другу, какъ логариѳмы ихъ раздраженій, раздѣленныхъ на величину абсолютнаго порога*, или какъ логариѳмы раздраженій, измѣренныхъ абсолютнымъ порогомъ, какъ единицей мѣры.

Этотъ выводъ называется *логариѳмическимъ закономъ Фехнера* или *логариѳмической формулой Фехнера*. Этотъ же выводъ высказываютъ и въ болѣе грубой формѣ, говоря, что ощущенія измѣняются въ ариѳметической прогрессіи, когда раздраженія измѣняются въ геометрической. Дѣло въ томъ, что когда числа (раздраженія) образуютъ геометрическую прогрессію, то ихъ логариѳмы (ощущенія) образуютъ ариѳметическую.

Законъ Фехнера обратилъ на себя всеобщее вниманіе, такъ какъ благодаря ему, повидимому, можно измѣрять силу ощущеній при помощи

измѣренія величины раздраженія, иначе говоря,—измѣрять *психическія* явленія посредствомъ измѣренія сопутствующихъ имъ *физическихъ*, а чрезъ это, повидимому, можно примѣнять вычисленія къ изученію душевныхъ явленій. Придавая своему закону именно такое значеніе, Фехнеръ озаглавилъ свое сочиненіе „Элементы *психофизики*“. Этотъ терминъ „психофизика“, введенный впервые Фехнеромъ, сдѣлался послѣ того общепринятымъ, при чемъ имъ стали обозначать совокупность всѣхъ изслѣдованій о зависимости ощущеній отъ раздраженій (а нѣкоторые ошибочно смѣшиваютъ его съ психофизіологіей). Обративъ на себя общее вниманіе, изслѣдованія Фехнера вызвали цѣлый рядъ другихъ. Чтобы узнать, насколько прочны основанія его закона, стали провѣрять, во-1) законъ Вебера, о чемъ мы уже упоминали; а во-2) тотъ выводъ, который сдѣлалъ Фехнеръ изъ закона Вебера. Въ этомъ привлеченіи вниманія къ закону Вебера, а равно и во всемъ томъ, что и самъ Фехнеръ сдѣлалъ для провѣрки Веберовскаго закона, состоитъ *несомнѣнная заслуга Фехнера*.

Недостатки же Фехнеровскаго окончательнаго вывода, т. е. доказательствъ его собственнаго закона, заключаются въ слѣдующемъ:

1) *Этотъ выводъ основанъ на произвольномъ предположеніи*, будто бы равны между собой тѣ едва замѣтныя перемѣны, которыя возникаютъ въ ощущеніяхъ, когда раздраженія измѣняются на такую часть своей первоначальной величины, которая соотвѣтствуетъ разностному порогу. Это предположеніе ничѣмъ нельзя доказать. *Многіе психологи считаютъ даже его завѣдомо ложнымъ*, а не только что произвольнымъ. Напримѣръ, Джемсъ утверждаетъ, что если я поднимаю 100 фунтовъ, то едва замѣтная прибавка въ моемъ ощущеніи тяжести больше того едва замѣтнаго увеличенія ощущенія, которое я испытываю при подъемѣ одного фунта. Трудно судить объ этомъ. Вѣдь подобная увѣренность можетъ возникать при опытахъ и подъ вліяніемъ самовнушенія: при подъемѣ большаго груза мы невольно ждемъ, что едва замѣтная прибавка въ ощущеніи тяжести должна быть больше, чѣмъ при подъемѣ меньшаго. Во всякомъ случаѣ допущенное Фехнеромъ предположеніе не можетъ быть доказано никакими путями. Если же Фехнеру не позволятъ считать равными между собой всѣ едва замѣтныя перемѣны ощущеній, то уже нельзя вывесть его формулу ни элементарными, ни высшими пріемами.

2) Присматриваясь къ тому, какъ Фехнеръ приходитъ къ своему закону, мы видимъ *противорѣчіе между окончательнымъ выводомъ и исходнымъ пунктомъ его разсужденій*. Въ началѣ своихъ изслѣдованій Фехнеръ, хотя не на словахъ, но всѣмъ своимъ поведеніемъ, призналъ, что ставить вопросъ о величинѣ ощущеній такъ, чтобы узнать, „во сколько разъ, одно ощущеніе, больше другого“, не имѣетъ смысла. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ примкнулъ къ изслѣдованіямъ Вебера, замѣнившаго вопросъ: „во сколько разъ одно ощущеніе больше другого“, какъ безсмысленный, другимъ вопросомъ: „при какихъ условіяхъ ощущенія измѣняются едва замѣтнымъ образомъ“. Въ окончательномъ же выводѣ онъ пришелъ къ такой

формулѣ (ощущеніе пропорціонально логарием раздраженія), въ которой уже нѣтъ ни малѣйшаго намека на едва замѣтныя измѣненія въ ощущеніяхъ и которая отвѣчаетъ исключительно на вопросъ: „во сколько разъ одно ощущеніе больше другого“, если только понимать ее не въ переносномъ смыслѣ, а въ буквальномъ значеніи.

Мы говоримъ, что въ этой формулѣ нѣтъ никакого намека на едва замѣтныя измѣненія въ ощущеніяхъ; ибо на основаніи ея можно было бы даже подумать, что ощущенія измѣняются непрерывно при непрерывномъ измѣненіи раздраженій. Между тѣмъ ощущенія измѣняются скачками на едва замѣтныя величины: пока перемѣна въ раздраженіи не достигнетъ разностнаго порога, еще не бываетъ перемѣны въ ощущеніяхъ.

Итакъ, формула Фехнера даетъ отвѣтъ на такой вопросъ, который онъ самъ вмѣстѣ съ Вебером счелъ безсмысленнымъ. Но если мы предъявляемъ противъ нея такое обвиненіе, то мы должны, какъ можно строже, доказать, что вопросъ о томъ, во сколько разъ одно ощущеніе больше или меньше другого, безсмысленный. Это, кромѣ соображеній, уже изложенныхъ раньше, доказывается еще слѣдующими фактами, показывающими, что выраженіе „вдвое, втрое.... больше, чѣмъ другое“, въ примѣненіи къ ощущеніямъ или остается совсѣмъ непонятнымъ, или же его понимаютъ только въ переносномъ значеніи.

Дѣйствительно: если предложить кому нибудь крикнуть вообще громче, чѣмъ это было сдѣлано, или же громче на едва замѣтную величину, или сдѣлать самое ощущеніе, а не одно лишь раздраженіе свѣта сильнѣе вообще или на едва замѣтную величину, то насъ всѣ поймутъ и исполнятъ наше требованіе. Если же попросимъ крикнуть вдвое, втрое громче, то нашъ собесѣдникъ или совсѣмъ откажется понимать, чего мы добиваемся (т. е. если отнесетъ наше требованіе къ самимъ ощущеніямъ, а не къ раздраженіямъ), или взамѣнъ усиленія ощущенія будетъ усиливать только раздраженіе (напримѣръ, удвоитъ число свѣчей, т. е. пойметъ наше требованіе не въ буквальномъ, а въ переносномъ значеніи *), или же, наконецъ, пойметъ наше желаніе въ какомъ нибудь другомъ, но все-таки переносномъ смыслѣ (напримѣръ, крикнетъ такъ, чтобы его было слышно на разстояніи вдвое, втрое большемъ, чѣмъ прежде).

Далѣе: если вызвать у кого нибудь ощущеніе давленія отъ 100 гр. и предложить ему подобрать такой вѣсъ, который вызвалъ бы вдвое большее ощущеніе давленія, то это лицо, какъ оказалось при опытахъ въ психологическихъ лабораторіяхъ, подбираетъ 205 гр., т. е., примѣрно вдвое большее раздраженіе, очевидно, понимая насъ въ переносномъ значеніи. (Вѣдь по формулѣ Фехнера для удвоенія ощущенія понадобилось бы не удвоить, а взять значительно большее раздраженіе).

---

*) Говоря въ общежитіи о силѣ ощущенія, мы именно такъ, т. е. переносно, и понимаемъ это выраженіе: мы подразумѣваемъ подъ нимъ силу раздраженія, а потому и утверждаемъ, будто бы сила ощущенія пропорціональна силѣ раздраженія.

Все это насъ убѣждаетъ, что Фехнеровскую формулу надо считать или безсмысленной, или же надо придавать ей не буквальное, а переносное значеніе, такъ какъ вопросъ о двойномъ, тройномъ и т. д. ощущеніи, исключительно на который она отвѣчаетъ, можетъ имѣть только переносное значеніе.

Но стоитъ ли употреблять ее въ переносномъ значеніи, если при ея выводѣ Фехнеръ опирался на недоказанное и прямымъ путемъ, очевидно, недоказуемое предположеніе, будто бы едва замѣтныя измѣненія ощущеній равны между собой? Вѣдь нельзя сравнивать между собой эти измѣненія, чтобы убѣдиться прямымъ путемъ въ ихъ равенствѣ. А безъ этого предположенія нельзя вывести формулу Фехнера.

Но хотя формула Фехнера и опирается на такое недоказанное, и даже недоказуемое прямымъ путемъ, предположеніе, все же она близко подходитъ къ какой то истинѣ. Для подтвержденія сошлемся на слѣдующій экспериментъ. У испытуемаго субъекта вызываютъ по близости другъ отъ друга (чтобы не имѣть дѣла съ такими участками кожи, у которыхъ разные пороги чувства давленія) два ощущенія давленія. Одно изъ нихъ вызывается раздраженіемъ въ 15 гр., а другое — раздраженіемъ въ 135 гр. Испытуемый долженъ подобрать, не зная вѣса давящихъ предметовъ, такое давленіе, которое вызвало бы ощущеніе средней величины между двумя прежними ощущеніями, т. е. если 15 гр. вызываютъ ощущеніе E_1, а 135 гр. E_3, то новое ощущніе E_2 должно быть такимъ, чтобы

$$E_3 - E_2 = E_2 - E_1$$

Оказывается, что для этой цѣли испытуемый подбираетъ раздраженіе, равное приблизительно 45 гр., такъ что 135 гр., 45 гр., 15 гр. составляютъ, какъ это и должно быть по закону Фехнера, геометрическую прогрессію, въ то время, какъ вызываемыя ими ощущенія составляютъ ариѳметическую прогрессію.

Этотъ фактъ, а равно и нѣкоторые другіе (распредѣленіе звѣздъ по величинѣ, принятое въ астрономіи и т. п.) доказываютъ, что хотя формула Фехнера не можетъ быть принята въ прямомъ смыслѣ, все же она близка къ какой то истинѣ, и поэтому можетъ оказаться полезной, если придать ей удачное переносное значеніе. Но какое именно переносное значеніе надо придать ей, чтобы пользоваться ею для дальнѣйшаго употребленія въ наукѣ, это неизвѣстно.

Крайне соблазнительно разсматривать только что описанный экспериментъ, какъ доказательство, что *при равныхъ, болѣе, чѣмъ едва замѣтныхъ* (по нѣмецки übermerkliche), усиленіяхъ ощущеній соотвѣтственныя раздраженія увеличиваются *въ одно и то же число разъ*. Вѣдь E_2 вызывается здѣсь раздраженіемъ въ 45 граммъ, которое *въ три раза* больше, чѣмъ раздраженіе въ 15 граммъ, вызывающее ощущеніе E_1. Далѣе: E_3 (которое *настолько* же больше, чѣмъ E_2, *насколько* само E_2 больше, чѣмъ E_1) вызывается раздраженіемъ въ 135 граммъ, которое тоже *въ три раза* больше, чѣмъ 45 гр. Нѣкоторые психологи, напримѣръ—Эббингаузъ, такъ

и смотрятъ на этотъ экспериментъ. Отсюда они заключаютъ, что Фехнеръ былъ правъ, допускавъ, что *едва замѣтныя* (по нѣмецки ebenmerkliche. т. е. только что замѣтныя) усиленія ощущеній, происходящія при умноженіи раздраженія на $1 + {}^1/_q$ (т. е. на разностный порогъ, выраженный въ видѣ неправильной дроби) будутъ равны между собой; ибо отъ такого умноженія раздраженіе постоянно увеличивается *въ одно и то же число разъ*. Поэтому Эббингаузъ считаетъ, какъ и Фехнеръ, возможнымъ точно измѣрять и вычислять величину ощущеній посредствомъ раздраженій.

Но другіе психологи, напримѣръ — искусный и осмотрительный психологъ-экспериментаторъ Мюнстербергъ, справедливо возражаютъ Эббингаузу и его единомышленникамъ, что мы не имѣемъ права въ этомъ экспериментѣ и во всѣхъ подобныхъ фактахъ (напримѣръ, при распредѣленіи звѣздъ на классы первой, второй и т. д. величины по ихъ блеску) принимать тѣ разницы между двумя ощущеніями, которыя намъ *кажутся* равными между собой, за дѣйствительно равныя. Такъ, въ описанномъ экспериментѣ мы еще не въ правѣ принимать остатокъ отъ вычитанія E_2 изъ E_3 за дѣйствительно равный остатку отъ вычитанія E_1 изъ E_2: вѣдь мы не можемъ въ *дѣйствительности произвесть эти вычитанія* и прямо сравнить между собой остатки, которые получатся при нихъ. О величинѣ каждаго изъ этихъ остатковъ мы лишь *гадаемъ* по силѣ того *перехода*, который переживается сознаніемъ, когда въ немъ взамѣнъ ощущенія E_1 возникаетъ ощущеніе E_2, и по силѣ еще того *перехода*, когда взамѣнъ E_2 возникаетъ ощущеніе E_3. Но такъ какъ *отправные пункты каждаго изъ этихъ переходовъ состояній сознанія* неодинаковы (ибо E_1 слабѣе, чѣмъ E_2), то вполнѣ возможно, что эти *переходы* сознанія отъ одного состоянія къ другому и отъ другого къ третьему будутъ казаться намъ и одинаковыми, между тѣмъ какъ дѣйствительный то *остатокъ* отъ вычитанія E_2 изъ E_3 оказался бы больше, чѣмъ отъ вычитанія E_1 изъ E_2. Кромѣ того, Мюнстербергъ справедливо отмѣчаетъ, что сильное ощущеніе не есть *соединеніе* нѣсколькихъ слабыхъ, а напротивъ—оно есть единое, цѣльное, своеобразное ощущеніе, неразложимое на нѣсколько слабыхъ и поэтому *несравнимое* съ ними. То, что мы называемъ усиленіемъ или ослабленіемъ ощущенія, составляетъ какъ бы появленіе еще какого то особаго качества въ ощущеніи наряду съ тѣмъ, изъ-за котораго и сильное, и слабое ощущеніе называется одинаковымъ по качеству. Отсюда Мюнстербергъ заключаетъ, что мы поступаемъ непсихологично, когда усиленіе ощущенія разсматриваемъ, какъ присоединеніе какого то прибавка къ прежнему ощущенію. По всему этому онъ считаетъ выводъ Фехнера основаннымъ на произвольномъ и непозволительномъ для психолога предположеніи и не находитъ возможнымъ измѣрять и вычислять ощущенія посредствомъ раздраженія.

При такомъ положеніи дѣлъ нисколько неудивительно, что хотя нѣкоторые авторы носятся съ закономъ Фехнера, говоря словами пословицы, какъ съ писанной торбой, многіе психологи, напримѣръ — Гефдингъ, обходятъ въ своихъ курсахъ психологіи этотъ законъ полнымъ молчаніемъ, а

упоминаютъ только о законѣ Вебера, давая этимъ понять, что основаннымъ на немъ разсужденіямъ Фехнера придаютъ лишь чисто-историческое значеніе. Джемсъ же такъ отзывается о выводѣ Фехнера: „психофизическая формула Фехнера, какъ онъ назвалъ ее, была подвергнута критикѣ со всѣхъ сторонъ; и такъ какъ на практикѣ рѣшительно ничего изъ нея не получилось, то мы не будемъ болѣе упоминать о ней. Главная заслуга книги Фехнера заключается въ томъ, что она представила экспериментальное подтвержденіе веберовскаго закона (который имѣетъ дѣло съ едва ощутимыми разницами и ни слова не говоритъ объ измѣреніи цѣлаго ощущенія) и выдвинула на первый планъ вопросъ о статистическихъ методахъ“ (Психологія. Перев. И. И. Лапшина, изд. 4-ое, стр. 18).

Дѣйствительно, на практикѣ изъ психофизической формулы Фехнера вышелъ только одинъ результатъ: иной не по разуму усердный поклонникъ экспериментальной психологіи, упорно игнорируя всѣ возраженія, выставленныя противъ Фехнера, съ важностью провозглашаетъ, будто бы экспериментальная психологія, какъ только возникла, тотчасъ же снабдила насъ средствомъ точнымъ образомъ измѣрять и вычислять одинъ изъ основныхъ процессовъ душевной жизни, именно — ощущенія, опираясь на измѣренія явленій, столь простыхъ и легко поддающихся измѣренію, какъ раздраженія. „Какъ же много, восклицаетъ онъ, надо ждать отъ нея въ будущемъ“! Чтобы застраховать себя отъ слѣпого довѣрія къ распространителямъ разныхъ нелѣпостей, конечно, еще недостаточно опираться на авторитетъ Джемса, Гефдинга, Мюнстерберга и другихъ (тѣмъ болѣе, что не по разуму усердные поклонники экспериментированія любятъ оглушать толпу тѣмъ, что съ апломбомъ объявляютъ всѣ несогласныя съ ними взгляды „устарѣвшими“), а надо самому тщательно вникнуть въ изслѣдованія Фехнера и во всѣ возраженія противъ него. Тогда станетъ вполнѣ яснымъ, что законъ Вебера, какъ вѣрный въ извѣстныхъ границахъ, уже и теперь можетъ занять свое мѣсто въ наукѣ, а формула Фехнера еще должна подождать, пока ей придадутъ какое либо удачное переносное значеніе, если оно окажется возможнымъ.

17. Субъективность внѣшнихъ ощущеній и ихъ пространственной формы.

Вернемся теперь къ вопросу: можно ли считать внѣшнія ощущенія, какъ это дѣлаетъ наивный реализмъ, чисто пассивными изображеніями въ нашемъ сознаніи качествъ внѣшнихъ вещей или ихъ состояній, т. е. такими изображеніями, при которыхъ сознаніе остается вполнѣ пассивнымъ, ничего не вносящимъ въ наши ощущенія?

Наивный реализмъ разсматриваетъ качество любого внѣшняго ощущенія, напримѣръ всякій цвѣтъ, запахъ, вкусъ и т. д., какъ находящееся въ самихъ внѣшнихъ вещахъ, т. е. во внѣшнихъ *объектахъ*, противостоящихъ нашему сознанію, такъ что, по мнѣнію наивнаго реализма, эти качества (цвѣта, запахи, вкусы и т. д.) сохраняются даже и тогда, когда ихъ никто не ощущаетъ. Ощущеніе же, по мнѣнію наивнаго реализма, и состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ чисто-пассивномъ изображеніи этихъ качествъ въ нашемъ сознаніи. Такимъ образомъ наивный реализмъ приписываетъ всѣмъ качествамъ внѣшнихъ ощущеній (цвѣтамъ, запахамъ, вкусамъ и т. д.) *объективное значеніе*. Мы же убѣдимся, что *эти качества субъективны. Субъективность внѣшнихъ ощущеній означаетъ слѣдующее: качества этихъ ощущеній находятся не въ самихъ вещахъ, существующихъ независимо отъ сознанія, но въ сознаніи же и составляютъ качества его состояній (но такія, которыя имъ объектируются, т. е. невольно сознаются, какъ бы находящимися помимо него)*. Если же качества внѣшнихъ ощущеній субъективны, то это доказываетъ, что они вовсе не чисто-пассивныя изображенія соотвѣтственныхъ качествъ внѣшнихъ вещей въ сознаніи, но *продукты, создаваемые сознаніемъ*, и что ощущенія суть ничто иное, какъ тѣ переживанія сознанія, во время которыхъ создаются въ немъ эти продукты.

Замѣтимъ, что любители щеголять иностранными словечками (а вѣрнѣе — прикрывать ими туманность своихъ мыслей) часто употребляютъ слово „субъективный“ въ смыслѣ произвольный, недостаточно обоснованный и т. п., а „объективный“ въ обратномъ смыслѣ. Нерѣдко, напримѣръ, говорятъ: „Это Вашъ субъективный взглядъ“. Наука же, когда говоритъ о субъективности ощущеній и отвергаетъ ихъ объективность, употребляетъ термины „субъективный“ и „объективный“ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ эти любители иностранныхъ словечекъ. Субъективный здѣсь означаетъ принадлежащій *субъекту, т. е. сознанію*, объективный же — принадлежащій *объекту, т. е. тому, что противостоитъ сознанію*. И субъективный здѣсь не имѣетъ ни малѣйшей связи съ мыслью о произволѣ, о недостаточной обоснованности и т. п. Краснота — субъективна, но это не значитъ, что она произвольна. — Вообще можно посовѣтовать всякому изучающему науку — забыть обо всѣхъ значеніяхъ, которыя обыденная жизнь приписываетъ разнымъ иностраннымъ словечкамъ, а встрѣчая въ наукѣ иностранный терминъ имѣть въ виду (по крайней мѣрѣ — во время занятій то наукой) только то значеніе, какое указано данной наукой. По наблюденіямъ проф. А. И. Введенскаго для нѣкоторыхъ ученіе о субъективности внѣшнихъ ощущеній (вещь — крайне легкая) только оттого и не дается въ руки, что они еще не отдѣлались отъ того туманнаго смысла слова субъективный, который имѣютъ въ виду, произнося фразу: „Это Ваше субъективное мнѣніе“.

Еще одно терминологическое замѣчаніе: неправильно поступаютъ тѣ, кто говоритъ и пишетъ, что ощущенія объективируются (вставляя слогъ „*ви*“ послѣ „*объекти*“). Надо говорить „*объектировать*“ (т. е. безъ

слога „ви“), *а не „объективировать“*; ибо въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о словѣ, которое происходитъ отъ термина „объектъ“, а не „объективъ“. Объектировать значитъ относить къ объекту, или опредмечивать; объективировать же значитъ относить къ объективу.

Слѣдующій рядъ доводовъ доказываетъ субъективность внѣшнихъ ощущеній:

1) Никому не придетъ въ голову, что какое-нибудь внутреннее ощущеніе, напримѣръ жажда, есть качество внѣшнихъ вещей или ихъ состояній: всѣ внутреннія ощущенія мы безъ всякаго колебанія признаемъ лишь за состоянія нашего сознанія. Мало того: даже для нѣкоторыхъ внѣшнихъ ощущеній, напримѣръ, для осязательно-болевыхъ (отъ укола и т. п.), мы держимся того же взгляда. Такъ, никому не придетъ въ голову разсматривать боль отъ укола, какъ качество самого колющаго предмета. Безъ всякихъ колебаній мы считаемъ ее всего лишь отзывомъ нашего сознанія на раздраженіе, причиняемое нашимъ нервамъ колющимъ предметомъ. Боль, какъ и жажда, находятся въ сознаніи, а не помимо сознанія. Но физіологическая сторона, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ ощущеній, всегда одинакова. Поэтому *каждое ощущеніе (все равно, будетъ ли оно внутреннимъ или внѣшнимъ), если его разсматривать физіологически, выйдетъ не чѣмъ инымъ, какъ отзывомъ нашего сознанія на опредѣленные процессы въ головномъ мозгу, вызываемые въ немъ раздраженіемъ чувствующихъ нервовъ.* Процессы же эти совсѣмъ не похожи на качества внѣшнихъ вещей. Поэтому и качества внѣшнихъ ощущеній столь же мало можно считать качествами внѣшнихъ вещей или ихъ состояній, какъ и внутреннія ощущенія. И тѣ, и другія суть отзывы сознанія на процессы головного мозга и находятся въ сознаніи, а не помимо него. Если же не соглашаться съ этимъ заключеніемъ, то нѣтъ никакихъ основаній не признавать за качества внѣшнихъ вещей и качества ощущеній внутреннихъ. Но это явная нелѣпость. Слѣдовательно, очевидно, мы должны приписывать внѣшнимъ ощущеніямъ не объективное значеніе, а субъективное, т. е. считать ихъ качества качествами не самого внѣшняго міра, а качествами отзывовъ воспринимающаго субъекта на дѣйствія, испытываемыя имъ со стороны головного мозга. Разница же между внѣшними и внутренними ощущеніями сведется тогда лишь къ тому, что первыя, будучи на дѣлѣ субъективными, невольнымъ образомъ нами объектируются, тогда какъ вторыя не только на самомъ дѣлѣ субъективны, но и сознаются нами, какъ таковыя.

2) Если сравнить процессы внѣшняго міра, про которые мы предполагаемъ, что они вызываютъ ощущенія, т. е. раздраженія, и качества вызываемыхъ ими ощущеній, то въ первыхъ не оказывается ничего похожаго на вторыя. Эта разнородность обнаруживается двоякимъ образомъ: во-первыхъ, тѣмъ, что качественнымъ различіямъ ощущеній соотвѣтствуютъ въ раздраженіяхъ одни лишь количественныя различія, а не качественныя. Напримѣръ, звуковыя ощущенія вызываются такими раздраженіями (воз-

душными волнами), которыя отличаются другъ отъ друга только количественно и не имѣютъ въ себѣ ничего сходнаго съ качествами звуковъ (высокихъ и низкихъ), такъ что качественныя различія послѣднихъ (ихъ высота), очевидно, находятся не внѣ сознанія слушающаго лица, а въ немъ самомъ. Во-вторыхъ, эта разнородность сказывается еще и въ томъ, что одно и то же ощущеніе вызывается раздраженіями, совершенно непохожими другъ на друга. Напримѣръ, свѣтовое ощущеніе можетъ быть вызвано при помощи не только тѣхъ физическихъ процессовъ, которые мы называемъ свѣтомъ, а также электрическимъ разрядомъ по глазному нерву, химическимъ раздраженіемъ нерва и даже механическимъ раздраженіемъ, напримѣръ — ударомъ по глазу. А это опять-таки показываетъ, что между сознаваемымъ нами качествомъ ощущеній и его причиной, которую мы предполагаемъ существующей внѣ нашего сознанія, нѣтъ никакого сходства. Слѣдовательно, качество этого внѣшняго ощущенія есть субъективный продуктъ сознанія, т. е. создается имъ самимъ, а не попадаетъ на него извнѣ, какъ изображеніе въ немъ качествъ вещей, находящихся помимо него.

3) Далѣе, мы можемъ привести еще такое соображеніе: если бы качества внѣшнихъ ощущеній имѣли не субъективное значеніе, а объективное, т. е. были бы качествами самихъ вещей внѣ насъ, тогда мы должны были бы наблюдать, что качества ощущеній не зависятъ отъ ощущающаго лица, такъ что у разныхъ лицъ при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ какачества ощущеній должны быть всегда одинаковыми; разница въ ихъ ощущеніяхъ могла бы быть только количественной (т. е. для однихъ то же ощущеніе было бы болѣе замѣтно, чѣмъ для другихъ); между тѣмъ есть факты, показывающіе, что качества внѣшнихъ ощущеній зависятъ отъ личныхъ свойствъ ощущающаго субъекта:

а) Таковъ, во-первыхъ, фактъ цвѣтовой слѣпоты, состоящій въ слѣдующемъ: есть лица, ощущающія одинъ и тотъ же цвѣтъ, т. е. какой-то одинаковый цвѣтъ, тамъ, гдѣ другія ощущаютъ два различныхъ цвѣта. Одинъ изъ самыхъ частыхъ случаевъ цвѣтовой слѣпоты носитъ названіе дальтонизма. Онъ характеризуется тѣмъ, что при немъ красный и зеленый цвѣтъ ощущаются одинаковыми, такъ что человѣку, подверженному дальтонизму, ягоды зрѣлой земляники и ея листья кажутся одинаковаго цвѣта. Дальтонизмъ впервые подмѣтили на химикѣ Дальтонѣ, который однажды явился въ торжественное засѣданіе не въ положенной зеленой, а въ ярко красной мантіи; отсюда и названіе этого вида цвѣтовой слѣпоты. Но бываютъ и другіе ея виды, т. е. смѣшенія другихъ цвѣтовъ: такъ, желтаго цвѣта не отличаютъ отъ голубого. Самая крайняя степень цвѣтовой слѣпоты состоитъ въ смѣшеніи всѣхъ цвѣтовъ между собою, причемъ весь внѣшній міръ воспринимается на подобіе фотографіи, отличаясь въ разныхъ мѣстахъ лишь разной интенсивностью одинаковой окраски. Вообще же случаи смѣшенія нѣкоторыхъ цвѣтовъ гораздо чаще, чѣмъ думаютъ, именно — дальтонизмъ доходитъ до 3% слишкомъ. Въ виду этого на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ различеніе сигналовъ по красному и зеленому цвѣтамъ чрезвычайно важно,

производится испытаніе всѣхъ вновь поступающихъ на службу. Тутъ и выяснилось, что количество страдающихъ цвѣтовой слѣпотой доходитъ до 3%. Замѣтимъ кстати, что у мужчинъ она чаще встрѣчается, чѣмъ у женщинъ, что объясняется, быть можетъ, однообразіемъ цвѣтовъ мужского костюма сравнительно съ женскимъ. Не слѣдуетъ называть дальтонизмомъ всякій случай цвѣтовой слѣпоты: подъ дальтонизмомъ подразумѣвается *только* слѣпота на красный и зеленый цвѣтъ, а всѣ остальные случаи неразличенія цвѣтовъ носятъ названіе не дальтонизма, но цвѣтовой слѣпоты вообще.

b) Подобныя же явленія повторяются и въ другихъ случаяхъ, помимо только что указанныхъ. Для живописца оттѣнки основныхъ цвѣтовъ, отличающіеся другъ отъ друга, могутъ доходить слишкомъ до 10,000, а для другихъ лицъ число этихъ оттѣнковъ не превосходитъ одной-двухъ тысячъ, а то и сотни. Другой однородный примѣръ: музыкантъ различаетъ самыя незначительныя уклоненія одного тона отъ другого; лица не музыкальныя часто не различаютъ даже полутона, а иногда и цѣлыхъ тоновъ. Слѣдовательно, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ два лица воспринимаютъ одинъ и тотъ же предметъ съ различными качествами. Сюда же относится общепризнанный фактъ, что запахъ и вкусъ однѣхъ и тѣхъ же вещей различными лицами ощущается различно.

c) Введеніе нѣкоторыхъ веществъ въ организмъ измѣняетъ качества цвѣтовыхъ ощущеній. Напримѣръ, вслѣдствіе пріема сантонина все кажется окрашеннымъ въ желтый цвѣтъ, хотя всѣ чисто внѣшнія условія остаются безъ перемѣны.

a) Примѣры неодинаковости качества ощущеній при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ можно наблюдать и въ области термическихъ ощущеній Тамъ, гдѣ однимъ людямъ жарко, другимъ холодно, и наоборотъ. Кромѣ того, можно самого себя заставить ощущать одновременно одинъ и тотъ же предметъ и какъ холодный, и какъ теплый. Достигается это слѣдующимъ путемъ: обѣ руки опускаются въ два сосуда съ водой различной температуры; затѣмъ обѣ погружаются одновременно въ третій сосудъ, также наполненный водой, но съ температурой, промежуточной между температурами двухъ другихъ сосудовъ. И вотъ, та рука, которая была прежде въ болѣе теплой водѣ, получитъ теперь ощущеніе холода, а та, которая была въ холодной,—ощущеніе тепла. Отсюда слѣдуетъ, что на качество ощущенія вліяетъ то состояніе сознанія, которое было пережито нами передъ дѣйствіемъ на насъ раздраженія, т. е. это качество субъективно.

Все сейчасъ сказанное воочію свидѣтельствуетъ о томъ, что качества внѣшнихъ ощущеній оказываются *даже относительными*, т. е. зависящими даже отъ личныхъ особенностей самого воспринимающаго субъекта. А если такъ, то, *тѣмъ болѣе*, мы должны признать ихъ не объективными, а субъективными.

Но сказанное объ относительности ощущеній можетъ вызвать такое недоразумѣніе: какъ же объяснить, что если не всегда, то, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ внѣшнія ощущенія у разныхъ лицъ обладаютъ оди-

наковыми качествами? Напримѣръ, почти всѣ, посмотрѣвъ на этотъ столъ, видятъ его желтымъ, а этотъ потолокъ видятъ бѣлымъ. Какъ объяснить эту одинаковость, хотя бы только у большинства лицъ, у всѣхъ, кто не страдаетъ цвѣтовой слѣпотой? Не указываетъ ли она на то, что качества ощущеній находятся внѣ насъ, а что цвѣтовая слѣпота и тому подобные факты должны быть объясняемы какъ-нибудь иначе, а не субъективностью внѣшнихъ ощущеній?

Прежде чѣмъ давать отвѣтъ на этотъ вопросъ, посмотримъ, дѣйствительно ли существуетъ фактъ, вызывающій наше недоумѣніе. Какъ убѣдиться въ томъ, что мы всѣ одинаковымъ образомъ видимъ то, что всѣ называютъ краснымъ, зеленымъ и т. д.? Въ этомъ фактѣ убѣдиться мы не можемъ никакимъ образомъ. Этотъ фактъ — вымышленный. Единственно, что въ немъ есть истиннаго, такъ это только то, что цвѣтъ одного и того же предмета всѣ люди называютъ одинаково; но нельзя убѣдиться, что они и видятъ, или ощущаютъ, его одинаково.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ я могу убѣдиться въ томъ, что NN воспринимаетъ данный предметъ въ такой же окраскѣ, какъ и я, если даже я нисколько не сомнѣваюсь въ его одушевленности, хотя ея нельзя доказать? Прямымъ путемъ въ этомъ убѣдиться нельзя, потому что ощущенія г-на NN доступны только его собственному самонаблюденію; а моему наблюденію доступно не чужое ощущеніе, а только мое собственное, такъ что прямымъ путемъ я не могу сравнить свое ощущеніе окраски даннаго предмета съ ощущеніемъ г-на NN. Слѣдовательно, мнѣ необходимо прибѣгнуть къ какому-нибудь косвенному способу. Напримѣръ, я долженъ разспросить NN, окрашеннымъ въ какой именно цвѣтъ онъ видитъ этотъ столъ. Онъ отвѣтитъ мнѣ — въ желтый, т. е. такъ же, какъ отвѣчу и я на этотъ вопросъ. Но можетъ ли этотъ отвѣтъ доказать, что NN видитъ этотъ столъ въ такой же окраскѣ, какъ и я, т. е. ощущаетъ ее одинаково со мной, что качество его ощущенія такое же, какъ и моего? Нѣтъ, этотъ отвѣтъ можетъ только доказать, что окраскѣ этого стола и я, и онъ даемъ одинаковое названіе. Значитъ, намъ надо убѣдиться еще въ томъ, что одинаковыя названія ощущеній соотвѣтствуютъ одинаковымъ качествамъ ощущеній. Какъ въ этомъ убѣдиться? Попросить NN описать свое ощущеніе? Но описывать цвѣта нѣтъ никакой возможности; напримѣръ, слѣпорожденному никакими описаніями нельзя передать, что такое желтый цвѣтъ. Остается для объясненія того, въ какой окраскѣ видитъ NN этотъ столъ, попросить его указать на другой предметъ, который онъ видитъ окрашеннымъ въ этотъ же цвѣтъ. Положимъ, онъ скажетъ, что цвѣтъ стола такой же, какъ и цвѣтъ другой какой-нибудь вещи, напр., скамейки. Но и этимъ путемъ мы узнаемъ только то, что NN воспринимаетъ столъ въ томъ же цвѣтѣ, какъ и скамейку, а не то, что онъ воспринимаетъ каждую изъ этихъ вещей такъ, какъ я. Вѣдь и я, и NN можемъ видѣть обѣ двѣ вещи окрашенными одинаково одна съ другой, но я могу видѣть эти двѣ вещи окрашенными иначе, чѣмъ какъ ихъ видитъ NN. Значитъ, и этимъ путемъ мы своего факта не доказали.

Но, спросятъ насъ, какъ же объяснить то, что мы хотя бы только называемъ два ощущенія одинаковымъ именемъ, если допустить, что мы ощущаемъ ихъ неодинаковымъ образомъ? Очень просто: усвоеніе одинаковыхъ названій происходитъ тѣмъ путемъ что, употребляя какое-нибудь названіе ощущенія, намъ показываютъ на предметъ, вызывающій это ощущеніе; поэтому мы можемъ запомнить, что окраска вотъ этого стола называется желтой, независимо отъ того, всѣ ли мы одинаковое ее ощущаемъ.

Такимъ образомъ, никакимъ путемъ нельзя убѣдиться въ томъ, что, большинство людей одинаково воспринимаютъ качества внѣшнихъ ощущеній, а потому непозволительно и ссылаться на этотъ фактъ, какъ на возраженіе противъ относительности ощущеній. Итакъ, мы имѣемъ нѣсколько вѣскихъ основаній, убѣждающихъ насъ въ томъ, что качество всѣхъ ощущеній имѣетъ субъективный, а не объективный характеръ, т. е., что качества ощущеній суть качества отзывовъ нашего сознанія на дѣятельность на него внѣшнихъ вещей, а не качества самихъ вещей. Возраженій же противъ этого заключенія мы не находимъ, кромѣ развѣ его непривычности. Но на этомъ возраженіи нѣтъ нужды останавливаться: для того люди и учатся, чтобы, между прочимъ, отучать свою голову отъ всѣхъ привычныхъ вздорныхъ мнѣній, отъ предвзятыхъ взглядовъ, отъ предразсудковъ и т. д.

Что качества всѣхъ ощущеній субъективны, многіе это очень удачно высказываютъ въ слѣдующихъ формулахъ: нѣтъ никакого цвѣта помимо того или безъ того, кто его видитъ; нѣтъ никакого звука помимо того, или безъ того, кто его слышитъ; нѣтъ запаха безъ обоняющаго, вкуса безъ вкушающаго, твердости и мягкости безъ ощупывающаго, словомъ—нѣтъ никакого качества ощущенія, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, безъ субъекта, ощущающаго это качество.

Выводъ субъективности ощущеній очень важенъ и съ гносеологической точки зрѣнія; ибо изъ него вытекаютъ два важныхъ гносеологическихъ слѣдствія: *1) внѣшній міръ, взятый въ томъ видѣ, какъ онъ намъ данъ въ опытѣ, состоитъ изъ субъективнаго матеріала; 2) поэтому въ опытѣ міръ данъ намъ не въ такомъ видѣ, каковъ онъ самъ по себѣ, но въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ кажется намъ вслѣдствіе устройства нашего сознанія.*

Сперва докажемъ первое слѣдствіе изъ субъективности внѣшнихъ ощущеній. *Матеріаломъ всякой внѣшней вещи, взятой въ томъ видѣ, какъ она намъ дана въ опытѣ, служитъ совокупность ощущаемыхъ нами качествъ, связанныхъ опредѣленнымъ образомъ другъ съ другомъ (такъ что изъ нихъ образуется одинъ комплексъ) и пріуроченныхъ къ опредѣленному мѣсту въ пространствѣ.* Такъ, любой внѣшній предметъ, напримѣръ, столъ, насколько мы его воспринимаемъ въ опытѣ, или разсматриваемый, какъ онъ данъ въ опытѣ, состоитъ изъ комплекса различныхъ ощущаемыхъ нами качествъ: твердости, гладкости, желтизны и т. д., связанныхъ вмѣстѣ и пріуроченныхъ къ опредѣленному мѣсту въ пространствѣ. Пространство и всѣ его видоизмѣненія (по величинѣ, формѣ и т. д.)

относятся не къ самому матеріалу внѣшняго предмета, а лишь къ формѣ, этого матеріала. Но вѣдь всѣ эти качества, образующія матеріалъ разсматриваемаго предмета,—субъективные элементы. Слѣдовательно, столъ, взятый въ томъ видѣ, въ какомъ мы его воспринимаемъ въ опытѣ, или какъ онъ намъ данъ въ опытѣ, состоитъ изъ субъективнаго матеріала. То же самое разсужденіе можно повторить про всякую вещь, входящую въ составъ внѣшняго міра. Слѣдовательно, матеріалъ всего внѣшняго міра, взятаго въ томъ видѣ, какъ мы его воспринимаемъ, имѣетъ субъективное значеніе и лишь невольнымъ образомъ нами объектируется, т. е. сознается, какъ бы находящимся внѣ нашего сознанія.

А ужъ отсюда само собою ясно и второе слѣдствіе, т. е. что весь внѣшній міръ данъ намъ въ опытѣ не въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, а въ томъ, въ какомъ онъ намъ кажется вслѣдствіе устройства нашего сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы взять или мыслить внѣшній міръ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, надо бы изъ міра, даннаго намъ въ опытѣ, вычесть всѣ цвѣта, запахи, звуки, словомъ—всѣ качества, ощущаемыя нами посредствомъ внѣшнихъ чувствъ; ибо они не существуютъ помимо сознанія. А между тѣмъ, въ опытѣ-то міръ данъ съ этими качествами; слѣдовательно, въ опытѣ онъ данъ не въ томъ видѣ, каковъ онъ самъ по себѣ.

Послѣ того, какъ мы пришли къ такому заключенію, мы должны различать во внѣшнемъ мірѣ двѣ стороны: 1) субъективную, какъ бы идущую изъ нашего сознанія, т. е. состоящую изъ совокупности продуктовъ сознанія, которые на самомъ дѣлѣ находятся въ сознаніи, но имъ невольнымъ образомъ объектируются, т. е. сознаются, какъ бы принадлежащими внѣшнимъ вещамъ; и 2) объективную сторону, т. е., ту сторону внѣшняго міра, которая существуетъ независимо отъ продуктовъ нашего сознанія, переносимыхъ во внѣшній міръ, такъ что принадлежитъ міру, мыслимому въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ.

Замѣтимъ здѣсь, что со времени возникновенія критической теоріи познанія, т. е. со времени Канта и подъ его вліяніемъ, *въ гносеологіи принято называть то, что находится въ сознаніи, но имъ объектируется (т. е. невольно сознается, какъ бы находящимся помимо него), явленіемъ (Erscheinung), а то, что существуетъ помимо сознанія, независимо отъ него, а не порождается имъ самимъ, какъ его объектированный продуктъ,—вещью въ себѣ (Ding an sich)*. И, говоря этимъ, принятымъ въ гносеологіи, языкомъ, мы должны сказать, что весь матеріалъ внѣшняго міра, взятаго въ томъ видѣ, какъ онъ намъ данъ въ опытѣ, или—какъ онъ воспринимается нами въ опытѣ (цвѣтъ, запахъ, твердость и т. д.) есть явленіе, а не вещь въ себѣ, ибо онъ субъективенъ. Обратимъ вниманіе, что въ гносеологіи слову "явленіе„ придается не тотъ смыслъ, какъ въ химіи, физикѣ, психологіи и другихъ наукахъ: въ послѣднихъ явленіемъ называется перемѣна или возникновеніе чего-нибудь новаго, а въ гносеологіи все то, что субъективно, но кажется объективнымъ. Поэтому въ гносеологіи

явленіями называются и *вещи*, взятыя въ томъ видѣ, какъ онѣ даны намъ, или сознаются нами, въ опытѣ; въ другихъ же наукахъ вещей никогда не называютъ явленіями.

Обратимъ вниманіе, что говоря о субъективности матеріала внѣшняго міра мы постоянно дѣлаемъ оговорки въ родѣ слѣдующихъ: „насколько онъ извѣстенъ въ опытѣ“, или „какъ онъ данъ въ опытѣ“, или „какъ мы его воспринимаемъ“ и т. п. Это оттого, что на основаніи нашихъ доводовъ мы еще не вправѣ заключить о субъективности матеріала внѣшняго міра, взятаго и въ томъ видѣ, какъ этотъ міръ существуетъ *самъ по себѣ*, помимо опыта, т. е. помимо воспріятій. Поэтому, кто хочетъ высказать не больше, чѣмъ его уполномачиваютъ наши доказательства, тотъ обязанъ дѣлать подобныя оговорки; иначе взамѣнъ доказаннаго положенія у него выйдетъ такое, котораго и доказать-то нельзя.

Если весь внѣшній міръ, насколько онъ намъ извѣстенъ въ опытѣ, насквозь состоитъ изъ субъективнаго матеріала, т. е. матеріаломъ внѣшняго міра, взятаго въ томъ видѣ, какъ мы его воспринимаемъ, служатъ только объектированные продукты сознанія, то спрашивается, что же можно считать объективнымъ въ воспріятіяхъ внѣшняго міра, т. е. что въ нихъ можно считать принадлежащимъ самимъ вещамъ въ себѣ и такъ изображающимся въ нашемъ сознаніи, что оно остается при этомъ изображеніи чисто пассивнымъ? Остается *попробовать* считать объективной, т. е. приписывать вещамъ въ себѣ, лишь ту форму, въ которой располагаются качества внѣшнихъ ощущеній (слово „попробовать“ потому подчеркнуто, что, какъ увидимъ, эта форма тоже субъективна). Такой формой служитъ пространство. Поэтому единственное, что еще можно попробовать считать въ воспріятіяхъ внѣшняго міра объективнымъ, т. е. идущимъ не изъ нашего сознанія, а извнѣ, это — пространственность, пространственную протяженность.

Отсюда становится понятнымъ тотъ историческій фактъ, что хотя въ исторіи философіи очень рано, еще въ V вѣкѣ до Р. Хр. догадались, что чувственныя качества вещей, т. е. цвѣта, запахи и т. д., субъективны, но еще очень долго (вплоть до XVIII столѣтія) всѣ приписывали самимъ вещамъ, какъ нѣчто объективное, пространственность. Первый, кто понялъ субъективность пространства, былъ Лейбницъ, умершій въ 1716 г., за нимъ Беркли, умершій въ 1753 г., а сдѣлалъ общеизвѣстной эту истину Кантъ, умершій въ 1804 г.

Однако можно убѣдиться, что даже и пространство, взятое въ томъ видѣ, какъ мы его воспринимаемъ въ опытѣ, мы должны считать вещью субъективной, т. е. создаваемой сознаніемъ и попадающей въ наши воспріятія не извнѣ, путемъ изображенія въ сознаніи, при которомъ оно оставалось бы чисто пассивнымъ, а извнутри, изъ самого сознанія, какъ его продуктъ, такъ что данное намъ въ опытѣ пространство принадлежитъ къ явленіямъ, а не вещамъ въ себѣ. Замѣтимъ, что относительно пространства во всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ тоже непремѣнно нужно дѣлать оговорки вродѣ:

„взятое въ томъ видѣ, какъ оно дано въ опытѣ“, или „какъ мы его воспринимаемъ въ опытѣ“ и т. п. Это по той причинѣ, что наши разсужденія относятся только къ тому пространству, которое мы воспринимаемъ въ опытѣ, а не къ пространству самому по себѣ, помимо воспріятій.

Вотъ два доказательства субъективности даннаго намъ въ опытѣ пространства:

1). Первое опирается на тотъ фактъ, что въ переживаемыхъ нами воспріятіяхъ и даже въ представленіяхъ ни ощущенія неотдѣлимы отъ пространственной протяженности, ни пространство отъ ощущеній. *Внѣшнія ощущенія, по крайней мѣрѣ—зрительныя и осязательныя, на дѣлѣ переживаются и даже представляются нами не иначе, какъ въ связи съ пространственной протяженностью.* Напримѣръ, ощущеніе желтизны переживается нами на дѣлѣ не иначе, какъ въ видѣ протяженной поверхности, занимающей опредѣленное мѣсто въ пространствѣ. Мы даже не въ состояніи и представить это ощущеніе иначе, какъ въ такомъ видѣ. Это только мы *въ абстракціи мыслимъ* желтизну, независимо отъ пространственной протяженности, произвольно сосредоточивая свое вниманіе на одномъ лишь качествѣ ощущенія (т. е. заставляя его выступать въ нашемъ сознаніи на первый планъ). Но на дѣлѣ это качество никогда не обособляется отъ пространственной протяженности ни въ дѣйствительно переживаемомъ, ни въ представляемомъ ощущеніи. Даже когда мы сосредоточиваемъ свое вниманіе на одномъ лишь его качествѣ, связанная съ нимъ пространственная протяженность не отпадаетъ отъ него, а только отступаетъ на задній планъ сознанія. Такимъ образомъ всякое внѣшнее ощущеніе (а зрительныя и осязательныя несомнѣнно) на дѣлѣ неотдѣлимы отъ пространственной протяженности — и не только при его переживаніи, но даже и въ представленіи. Поэтому *пространственная протяженность должна считаться настолько же субъективной (т. е. создаваемой самимъ же сознаніемъ, а не попадающей въ него путемъ изображенія извнѣ, при которомъ сознаніе оставалось бы вполнѣ пассивнымъ), насколько субъективны (т. е. создаются самимъ сознаніемъ) неотдѣлимыя отъ нея качества внѣшнихъ ощущеній.*

Признавать этотъ выводъ тѣмъ необходимѣе, что существуетъ и обратный фактъ. Сейчасъ мы основывались на томъ, что качества внѣшнихъ ощущеній (хотя бы только зрительныхъ и осязательныхъ) неотдѣлимы отъ пространственной протяженности; если первыя, говорили мы, субъективны, то субъективно и то, отъ чего *они* неотдѣлимы. Но, сверхъ того, легко замѣтить, что и наоборотъ: само-то пространство неотдѣлимо отъ ощущеній. Дѣйствительно: пространство, взятое само по себѣ, помимо всѣхъ вещей и ощущеній, мы воспринимать не можемъ; мы всегда воспринимаемъ лишь разныя качества ощущеній, какъ имѣющія протяженность и расположенныя въ пространствѣ. Да даже и представляется-то нами пространство не иначе, какъ въ связи съ тѣми или другими ощущеніями. Такъ, представляя себѣ шаръ, кубъ и т. п., мы или представляемъ себѣ, что ощупываемъ ихъ или что обѣ-

гаемъ глазами и т. п.; а у очень многихъ лицъ они представляются даже окрашенными. Итакъ, *пространство, взятое въ томъ видѣ, какъ оно воспринимается въ опытѣ, всегда связано съ ощущеніями, составляетъ неотдѣлимое отъ нихъ свойство нѣкоторыхъ нашихъ ощущеній. И дѣло такъ стоитъ не только въ воспріятіяхъ, но даже и въ представленіяхъ.* А отсюда вытекаетъ, что *насколько субъективны ощущенія, безъ которыхъ не можетъ быть воспринято пространство, настолько же субъективно и неотдѣлимое отъ нихъ свойство пространственности или пространство, въ которомъ они располагаются при воспріятіяхъ даннаго намъ въ опытѣ внѣшняго міра.* Напримѣръ, если субъективна желтизна, то столь же субъективна, т. е. идетъ изъ сознанія, а не извнѣ, и та протяженность, которая неотдѣлима отъ этой желтизны, т. е. которая никогда не воспринимается безъ связи либо съ желтизной, либо съ другимъ столь же субъективнымъ продуктомъ, какъ желтизна.

2) Второе доказательство состоитъ въ томъ, что субъективность пространства мы обязаны признать и на основаніи каждой изъ тѣхъ двухъ теорій, которыя созданы въ психологіи для объясненія причины, по которой наши воспріятія имѣютъ пространственно-протяженный характеръ — *нативистической и генетической, т. е. станемъ ли мы на сторону нативистовъ или генетистовъ, данное намъ въ опытѣ пространство и протяженность оказываются и въ томъ, и въ другомъ случаѣ субъективнымъ факторомъ нашихъ воспріятій, т. е. создаваемымъ самимъ же сознаніемъ, а не попадающимъ въ наши воспріятія извнѣ путемъ такого изображенія въ сознаніи, при которомъ оно оставалось бы пассивнымъ.* Объяснимъ сперва, въ чемъ состоятъ эти двѣ теоріи.

Нативизмъ сводится къ слѣдующему ученію: нашему сознанію съ перваго момента его существованія уже прирождена такая способность, что коль скоро оно порождаетъ внѣшнія ощущенія, то послѣднія, или, по крайней мѣрѣ, осязательныя и зрительныя, невольнымъ образомъ сознаются, какъ протяженныя располагаются на различныхъ, хотя не вполнѣ опредѣленныхъ, разстояніяхъ отъ насъ. Такимъ образомъ, и протяженность и какое нибудь разстояніе отъ насъ является неотдѣлимой принадлежностью нашихъ ощущеній, ихъ *прирожденнымъ* свойствомъ, откуда и получилось самое названіе этой теоріи. Конечно, въ виду фактовъ, изложенныхъ на стр. 179 и слѣд., нельзя допускать, будто бы съ самаго начала, воспринимая поверхности и ихъ разстоянія отъ насъ, мы умѣемъ уже въ точности оцѣнить величины тѣхъ и другихъ. Разумѣется, сначала тѣ и другія воспріятія бываютъ лишь крайне неопредѣленными, сбивчивыми, и лишь постепенно мы научаемся точно оцѣнивать по разнымъ соотношеніямъ зрительныхъ ощущеній между собой и съ моторными (переживаемыми при движеніи глазъ), или осязательныхъ съ моторными (при движеніи рукъ) — величины воспринимаемыхъ поверхностей и ихъ разстоянія отъ насъ.

Генетическая теорія или генетизмъ — таковъ: даже и протяженность какого бы то ни было ощущенія по ней вырабатывается въ нашихъ

ощущеніяхъ постепенно. Первоначально всѣ безъ исключенія наши ощущенія (даже зрительныя и осязательныя) не имѣютъ ничего пространственнаго, ничего протяженнаго. Но, постепенно связываясь между собой, они вступаютъ въ прочныя соединенія, и тогда у этихъ соединеній получаются (вродѣ того, какъ это бываетъ при химическомъ соединеніи простыхъ тѣлъ) новыя свойства, которыхъ не было въ самихъ соединившихся частяхъ, именно — протяженность, а потому и разстояніе, словомъ — всѣ пространственныя отношенія. Это образованіе новыхъ свойствъ генетисты называютъ или *психическимъ химизмомъ* или *психическимъ синтезомъ*.

Разумѣется, и та, и другая теорія стараются оправдать себя самыми разнообразными доводами, черпая ихъ отчасти изъ наблюденій надъ поведеніемъ новорожденныхъ дѣтей, не исключая животныхъ, и надъ поведеніемъ оперированныхъ слѣпорожденныхъ, отчасти изъ анализа фактовъ душевной жизни нормальнаго человѣка, добытыхъ и самонаблюденіемъ, и экспериментированіемъ, которое въ значительной степени относится здѣсь къ психофизіологіи. Тѣмъ не менѣе, есть основаніе думать, что нативистическая теорія въ концѣ концовъ восторжествуетъ. Генетизмъ дѣлаетъ теперь такія уступки нативизму, что все меньше и меньше отличается отъ него. Такъ, многіе генетисты отказались отъ теоріи психическаго химизма, такъ что протяженность ощущеній стали считать прирожденнымъ свойствомъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ ощущеній, а вырабатывается, по ихъ мнѣнію, лишь воспріятіе разстояній отъ насъ этихъ протяженныхъ поверхностей. Какъ на причину такого успѣха нативизма можно указать, что генетизмъ наталкивается на одно непреодолимое препятствіе: онъ обязанъ доказать, что изъ сліянія непротяженныхъ ощущеній, въ которыхъ есть только качества и степени, возникаетъ новое свойство—протяженность. Явной невозможности въ этомъ допущеніи нѣтъ; ибо не всегда въ цѣломъ бываетъ только то, что было въ частяхъ. Такъ, соединеніе химическихъ элементовъ пріобрѣтаетъ свойства, какихъ не было ни у одного изъ этихъ элементовъ. Но въ химическихъ элементахъ мы видимъ, что дѣло дѣйствительно такъ происходитъ при ихъ соединеніяхъ. А въ душевной жизни никогда нельзя подмѣтить, что бы изъ сліянія того, что имѣетъ лишь качества да степени, получилось протяженіе. Значитъ, допуская такое предположеніе при объясненіи пространственныхъ воспріятій, мы допускаемъ то, существованіе чего въ душевной жизни не можетъ быть доказано. Къ тому же мы даже не въ силахъ представить себѣ зрительныхъ или осязательныхъ ощущеній непротяженными.

Впрочемъ, слѣдить за споромъ генетизма съ нативизмомъ не входитъ въ задачу, такъ называемаго, общаго курса психологіи. Это — вопросъ, который можетъ составить предметъ особаго спеціальнаго (и въ то же время обширнаго) курса, разсчитаннаго на аудиторію, выбирающую философскія науки своей спеціальностью и имѣющую особую спеціальную подготовку.

Поэтому вернемся къ вопросу о субъективности даннаго намъ въ опытѣ пространства. Станемъ ли мы на сторону нативистовъ или генетистовъ,

пространственная протяженность, которая дана намъ въ опытѣ, оказывается и въ томъ, и въ другомъ случаѣ факторомъ субъективнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если признать нативизмъ, то пространство и протяженность, очевидно, выходятъ настолько же субъективными, какъ и ощущенія: ибо ясное дѣло — коль скоро субъективны ощущенія, то столь же субъективно (т. е. идетъ извнутри сознанія) и всякое прирожденное имъ и неотдѣлимое отъ нихъ свойство. А нативизмъ такимъ прирожденнымъ ощущеніямъ свойствомъ считаетъ пространство. Если же мы держимся чисто-генетической теоріи, то и тогда выходитъ, что пространство и протяженность суть факторы субъективные въ нашемъ воспріятіи внѣшняго міра. Вѣдь, по ученію чисто-генетической теоріи, у насъ первоначально воспріятій пространства и протяженности нѣтъ; и то, и другое вырабатывается самими же нами, нашимъ сознаніемъ, въ силу психическаго химизма, т. е. въ силу особой, присущей нашему сознанію способности, и притомъ вырабатывается изъ ощущеній, т. е. изъ субъективныхъ продуктовъ. А въ такомъ случаѣ вырабатываемые продукты должны находиться въ самомъ же сознаніи, т. е. быть субъективными, хотя и могутъ имъ объектироваться. Что же касается генетизма, отказывающагося отъ теоріи психическаго химизма, то онъ составляетъ смѣсь чистаго генетизма съ чистымъ нативизмомъ; и если каждый изъ послѣднихъ приводитъ къ необходимости считать пространство субъективнымъ, то къ такому же слѣдствію должна приводить и смѣсь этихъ теорій.

Итакъ, какой бы теоріи происхожденія пространственнаго воспріятія мы ни держались, выводъ получается одинъ и тотъ же: данныя намъ въ опытѣ пространство и протяженность—субъективные факторы, но, какъ и и внѣшнія ощущенія, они подвергаются объектированію. Это, конечно, еще не означаетъ, что бы во внѣшнемъ мірѣ, взятомъ или мыслимомъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ, помимо воспріятій, т. е. въ вещахъ въ себѣ, навѣрное не было ничего соотвѣтствующаго воспринимаемому нами пространству; но воспринимаемъ-то мы въ опытѣ лишь субъективное пространство, а не находящееся помимо сознанія.

Взглядъ наивнаго реализма, будто бы пространство проникаетъ въ наши воспріятія извнѣ путемъ изображенія въ сознаніи, при чемъ послѣднее остается вполнѣ пассивнымъ, такъ сильно укореняется въ насъ, что многимъ трудно сразу отвыкнуть отъ него и понять, что пространственная форма вносится въ наши воспріятія и представленія внѣшнихъ вещей самимъ же сознаніемъ. Чтобы помочь имъ освоиться съ этой мыслью мы употребимъ такой пріемъ: пусть они сначала взглянутъ на пространство глазами наивнаго реализма, т. е. пусть допустятъ, что оно проникаетъ въ наши воспріятія извнѣ путемъ чисто пассивнаго изображенія протяженныхъ вещей въ сознаніи. Тогда очень легкими соображеніями можно убѣдиться, что протяженность этихъ вещей, а равно ихъ разстоянія другъ отъ друга могутъ исчезнуть, обратиться въ нуль; мы же все таки будемъ воспринимать эти вещи съ прежнимъ протяженіемъ и разстояніями такой же вели-

чины, какъ и прежде, *лишь бы наше сознаніе работало по тѣмъ же законамъ, какъ и прежде.* Дѣйствительно: если бы при этомъ условіи размѣры всѣхъ воспринимаемыхъ вещей и ихъ розстоянія другъ отъ друга уменьшились вдвое, то мы не замѣтили бы во внѣшнемъ мірѣ ни малѣйшей перемѣны, потому что всѣ размѣры вещей и ихъ разстоянія мы оцѣниваемъ посредствомъ сравненія ихъ другъ съ другомъ. Положимъ же теперь, что всѣ вещи и ихъ разстоянія другъ отъ друга снова уменьшатся вдвое, потомъ снова вдвое и т. д. Тогда мы опять таки не замѣтимъ никакой перемѣны ни въ величинѣ воспринимаемыхъ вещей, ни въ ихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, потому что та единица мѣры, которой мы оцѣниваемъ всѣ эти величины, постоянно уменьшается во столько же разъ, какъ и величины, измѣряемыя ею. Но путемъ такого *безпрерывнаго* уменьшенія вдвое вся совокупность воспринимаемыхъ нами вещей: и солнце, и звѣзды, и земля и т. д., стянется въ одну математическую точку; а мы все таки будемъ воспринимать ихъ съ прежними величинами и прежними разстояніями.

Субъективность даннаго намъ въ опытѣ пространства является для всѣхъ, изучающихъ психологію, вещью, совершенно неожиданной. Это не то, что субъективность внѣшнихъ ощущеній: съ послѣдней насъ знакомитъ уже въ гимназіи физика своими ученіями о свѣтѣ, звукѣ и теплотѣ, какъ о разныхъ формахъ движенія. Поэтому сначала противъ субъективности даннаго намъ въ опытѣ пространства съ большой охотой дѣлаютъ два слѣдующихъ возраженія, которыя, однако, оказываются несостоятельными:

1) Если данное въ опытѣ пространство субъективно, т. е. составляетъ продуктъ нашего сознанія, то, скажутъ намъ, при воспріятіи пространства должны бы наблюдаться такія же индивидуальныя различія, какъ и при ощущеніяхъ. Почему же мы не наблюдаемъ никакихъ индивидуальныхъ различій въ воспріятіи пространства? Но на это возраженіе очень легко отвѣтить, именно: *понятіе субъективности еще не предполагаетъ непремѣнно индивидуальныхъ различій, а только не препятствуетъ имъ.* Все, что обладаетъ индивидуальными различіями, конечно, субъективно; но обратное не всегда будетъ вѣрно, подобно тому, какъ — кто человѣкъ, тотъ животное, но еще не всякое животное — человѣкъ. Поэтому вполнѣ возможно, что какой нибудь элементъ нашихъ воспріятій будетъ хотя и субъективнымъ у каждаго изъ насъ, т. е. идущимъ изъ сознанія каждаго человѣка, но въ то же время онъ окажется одинаковымъ у всѣхъ людей.

2) Пробуютъ нерѣдко (особенно люди, только что начинающіе изучать философію) опровергнуть субъективность пространства, ссылаясь еще на то обстоятельство, что мы ни одной вещи не можемъ не только воспринять, но даже представить себѣ безъ пространства. Думаютъ, будто бы эти два факта можно объяснить только слѣдующимъ путемъ: а) воспринимаемое нами въ опытѣ пространство существуетъ само по себѣ и попадаетъ въ наши воспріятія путемъ изображенія въ сознаніи извнѣ, а не изъ самого сознанія; поэтому мы ничего не можемъ воспринимать иначе, какъ въ пространствѣ;

б) и такъ какъ ни одной изъ внѣшнихъ вещей мы никогда не воспринимаемъ безъ пространства, то отъ этого, въ свою очередь, мы привыкли и представлять себѣ всѣ внѣшнія вещи не иначе, какъ въ пространствѣ. Но эти два факта можно объяснить, даже гораздо лучше, и въ томъ случаѣ, если данное намъ въ опытѣ пространство создается самимъ сознаніемъ, т. е. если оно субъективно. Стоитъ только допустить, что по законамъ нашего сознанія оно *неизбѣжнымъ образомъ* должно всѣ свои и внѣшнія представленія и воспріятія внѣшнихъ вещей связывать съ пространствомъ, которое имъ же и порождается въ то же самое время: тогда мы неизбѣжнымъ образомъ будемъ и представлять себѣ всѣ внѣшнія вещи, и воспринимать ихъ не иначе, какъ въ пространствѣ. Такое объясненіе гораздо лучше прежняго. Въ самомъ дѣлѣ, прежнее объясненіе, предполагающее, что въ воспріятія внѣшнихъ вещей пространство попадаетъ извнѣ, удовлетворительно объясняетъ лишь то, почему мы не можемъ ихъ воспринимать иначе, какъ находящимися въ пространствѣ. Но при этомъ предположеніи прескверно объяснено, почему же мы и представляемъ себѣ внѣшнія вещи не иначе, какъ въ пространствѣ. Говорятъ, это зависитъ отъ привычки, возникшей оттого, что мы всегда воспринимаемъ вещи не иначе, какъ въ пространствѣ. Но вѣдь отъ привычки можно было бы въ концѣ концовъ отучить себя, хотя бы не сразу и съ большимъ трудомъ; а отъ неумѣнья представлять себѣ вещи безъ пространства (представлять, а не мыслить) не отдѣлаешься никакими усиліями. У насъ же дѣло объясняется гораздо лучше: сообразно съ нашимъ объясненіемъ для насъ одинаково неизбѣжно и воспринимать, и представлять вещи не иначе, какъ въ пространствѣ.

По поводу сказаннаго надо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: ошибочно отождествлять между собой значеніе словъ „представлять“ и „мыслить“, какъ это часто дѣлаютъ люди, небрежно относящіеся къ своимъ выраженіямъ и дѣлающіе чрезъ это свои мысли сбивчивыми и туманными. Такъ, часто говорятъ вмѣсто: „нельзя представить“ или „непредставимо“, „немыслимо“. Въ дѣйствительности же это не одно и то же. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, изъ какихъ переживаній сознанія складывается то, что мы называемъ „представлять“ и „мыслить“. Обратимъ только вниманіе на тотъ несомнѣнный психологическій фактъ, что мы можемъ *мыслить* много такого, что не въ состояніи *представлять*. Такъ, мы можемъ мыслить четырехмѣрное пространство (т. е. такое, гдѣ чрезъ данную точку проходитъ не три, а четыре взаимно перпендикулярныхъ линіи), духовныя сущности въ родѣ души, триединаго Бога и т. п.; но мы не въ состояніи представлять себѣ все это. Точно также мы можемъ мыслить внѣшнія вещи безъ пространства, но представлять ихъ себѣ безъ него нельзя. Поэтому надо всегда взвѣшивать, гдѣ умѣстно слово „немыслимо“, а гдѣ слово „непредставимо“.

И съ какой точностью можно мыслить много такого, что мы не въ состояніи представить, видно, хотя бы изъ слѣдующаго примѣра: знаме-

нитый русскій математикъ *Лобачевскій* (умеръ въ 1856 г.) построилъ цѣлую новую систему геометріи на основаніи такого предположенія, котораго нельзя представить, но можно только мыслить, именно: геометрія Эвклида (преподаваемая въ гимназіяхъ) исходитъ изъ предположенія, *котораго никто до сей поры не можетъ доказать*, что чрезъ данную точку *A* можно провести только одну прямую линію, которая нигдѣ не пересѣчется съ данной намъ прямой *MN*. Это предположеніе извѣстно подъ именемъ одинадцатой аксіомы Эвклида. А Лобачевскій, въ виду недоказанности этого предположенія, сталъ строить геометрію, исходя изъ предположенія, что черезъ точку *A* можно провести цѣлый пучекъ линій, которыя нигдѣ не пересѣкутся съ прямой *MN*, такъ что, по его предположенію, съ ней не пересѣкутся нигдѣ ни одна изъ линій, лежащихъ внутри угла *DAF*. Представить себѣ это нельзя, а между тѣмъ оказалось, что, исходя изъ такого предположенія, можно построить новую систему геометріи, какъ это и сдѣлалъ Лобачевскій. Онъ эту новую систему назвалъ *„пангеометріей“*. Она-то и сдѣлала его имя всемірно извѣстнымъ.

Итакъ, у насъ есть вѣскія основанія считать то пространство, которое мы воспринимаемъ въ опытѣ, субъективнымъ, т. е. попадающимъ во внѣшнія воспріятія не извнѣ, а изъ нашего сознанія; а нѣтъ ни одного вѣскаго возраженія противъ такого взгляда. Поэтому мы должны данное намъ въ опытѣ, или воспринимаемое нами въ опытѣ, пространство считать субъективнымъ. Но, конечно, это не мѣшаетъ и тому, чтобы, кромѣ такого пространства, которое во всѣ внѣшнія воспріятія влагается нашимъ собственнымъ сознаніемъ, внѣ насъ существовало пространство и само по себѣ: ибо всѣ наши разсужденія относятся лишь къ пространству, содержащемуся въ нашихъ воспріятіяхъ и представленіяхъ; слѣдовательно, изъ нихъ вытекаетъ только то, что воспринимаемъ мы вовсе не то пространство, которое, можетъ быть, существуетъ само по себѣ, а лишь то пространство, которое въ наши внѣшнія воспріятія влагается самимъ нашимъ сознаніемъ. Зато изъ нашихъ разсужденій вытекаютъ четыре слѣдующихъ слѣдствія, очень важныхъ для гносеологіи.

1) *Пространство само по себѣ можетъ быть и совсѣмъ другимъ, чѣмъ то, которое въ наши внѣшнія воспріятія и представленія вкладывается нашимъ сознаніемъ.* Напримѣръ, пространство само по себѣ, можетъ быть, имѣетъ не три, а четыре измѣренія (т. е. черезъ каждую точку можно провести въ немъ четыре взаимно-перпендикулярныхъ линіи); *но мы все таки будемъ всегда воспринимать и представлять всѣ внѣшнія вещи въ такомъ пространствѣ, которое создается нашимъ сознаніемъ*, именно—въ трехмѣрномъ пространствѣ. Говоря о четырехмѣрномъ пространствѣ, конечно, отнюдь не слѣдуетъ пытаться представлять его себѣ: его можно только мыслить, а представлять въ образахъ всегда мы будемъ только пространство трехмѣрное; ибо только оно неизбѣжнымъ образомъ влагается нашимъ сознаніемъ во всѣ наши представленія внѣшняго міра. Но это не мѣшаетъ намъ мыслить, и любое другое пространство. Другой

примѣръ: пространство само по себѣ, можетъ быть, соотвѣтствуетъ геометріи Лобачевскаго, но мы никогда этого не замѣтимъ, потому что въ опытѣ мы всегда будемъ имѣть дѣло лишь съ тѣмъ пространствомъ, которое влагается въ наши воспріятія и представленія нашимъ сознаніемъ; а это пространство соотвѣтствуетъ геометріи Эвклида, ибо геометрію Лобачевскаго можно только мыслить, но не представлять и не воспринимать.

2) *Нѣтъ ничего невозможнаго, что даже совсѣмъ нѣтъ объективнаго пространства, а всѣ вещи въ себѣ существуютъ безъ пространства; ибо если дѣло и стоитъ такъ, то мы этого все-таки не замѣтимъ, потому что наше сознаніе неизбѣжнымъ образомъ вкладываетъ субъективное пространство во всѣ внѣшнія воспріятія и представленія.* Поэтому при каждомъ внѣшнемъ воспріятіи воспринимаемая вещь всегда будетъ казаться находящейся въ пространствѣ.—Кантъ даже былъ увѣренъ, что нѣтъ никакого объективнаго пространства и что вещи въ себѣ существуютъ независимо отъ пространства: не то, что онѣ непротяжены, суть точки, а совсѣмъ не имѣютъ ничего пространственнаго и не находятся ни въ какомъ пространствѣ.

3) *Наши воспріятія субъективны насквозь; ибо они состоятъ и изъ субъективнаго матеріала (изъ ощущеній), и изъ субъективной формы (изъ пространства).* Это, конечно, еще не даетъ права утверждать, будто бы они не соотвѣтствуютъ ничему объективному, никакимъ вещамъ въ себѣ. Очень можетъ быть, что даже каждое отдѣльное воспріятіе соотвѣтствуетъ какой-нибудь особой вещи въ себѣ; но воспринимаются нами не сами вещи въ себѣ, а только вызываемыя ими ощущенія, которыя субъективны, но неизбѣжнымъ образомъ объектируются нами (т. е. невольно сознаются) и въ то же время помѣщаются въ такомъ пространствѣ, которое тоже субъективно, но объектируется нами. Такимъ образомъ, весь внѣшній міръ, разсматриваемый въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ опытѣ, т. е. въ томъ видѣ, какъ онъ нами воспринимается, субъективенъ *насквозь*, и по своему матеріалу, и по формѣ. Другими словами: *все, что воспринимается нами, какъ находящееся во внѣшнемъ или матеріальномъ мірѣ, т. е. все, что дано во внѣшнемъ опытѣ, составляетъ всего лишь явленіе, а не вещь въ себѣ. Вещи же въ себѣ вовсе не воспринимаются нами, такъ что онѣ по самому понятію о нихъ навсегда остаются внѣ предѣловъ всякаго возможнаго опыта* (хотя бы онъ переживался нами гдѣ бы, когда бы то ни было и при какомъ бы то ни было изощреніи нашихъ чувствъ), *т. е. вещи въ себѣ, которыя, можетъ быть, скрываются за явленіемъ внѣшняго міра, составляютъ предметъ трансцендентный, а не имманентный.*

4) А отсюда ясно, что *всякій вопросъ о внѣшнемъ мірѣ, если подъ послѣднимъ подразумѣвается не совокупность данныхъ намъ въ внѣшнемъ опытѣ явленій (въ гносеологическомъ смыслѣ этого слова), а вещи въ себѣ, настолько же принадлежитъ къ числу трансцендентныхъ или метафизическихъ, какъ и вопросы о Богѣ или душѣ и т. п.* Поэтому неудивительно,

что безъ всякаго противорѣчія съ логикой и фактами, т. е. съ одинаковой неопровержимостью, но и съ одинаковой недоказуемостью, на вопросъ объ объективномъ существованіи внѣшняго міра, или объ его объективной реальности, т. е. объ его существованіи независимо отъ нашихъ воспріятій, въ видѣ вещей въ себѣ, существуютъ два діаметрально противоположныхъ отвѣта, изъ которыхъ каждый настолько же неопровержимъ и недоказуемъ, какъ и другой.

Одинъ изъ нихъ *реализмъ*, при чемъ для отличія отъ наивнаго реализма его называютъ то научнымъ реализмомъ, то критическимъ, но проще всего называть его или просто реализмомъ, какъ это и дѣлаютъ чаще всего (ибо по связи рѣчи всегда сразу видно, что рѣчь идетъ не о наивномъ реализмѣ), или же (если нужно подчеркнуть его отличіе отъ наивнаго реализма) ненаивнымъ реализмомъ. Состоитъ эта теорія въ утвержденіи, что хотя въ внѣшнемъ опытѣ мы имѣемъ дѣло лишь съ явленіями, т. е. съ завѣдомо субъективными продуктами нашего сознанія, которые подчинены закону объектированію, т. е. невольно сознаются, какъ бы существующіе помимо сознанія, но *воспріятія и явленія служатъ все таки знаками вещей въ себѣ.* Вещи въ себѣ, учитъ реализмъ, дѣйствуютъ на сознаніе и своими дѣйствіями возбуждаютъ въ немъ тѣ переживанія, которыя называются воспріятіями. Послѣднія, какъ переживанія сознанія, разумѣется, насквозь субъективны; ибо переживанія сознанія могутъ быть только въ субъектѣ, а не въ противостоящемъ ему объектѣ. Но, какъ возбуждаемыя дѣйствіями вещей въ себѣ, эти переживанія суть знаки вещей въ себѣ, такъ что разница и перемѣны въ явленіяхъ указываютъ на разницу и перемѣны въ вещахъ въ себѣ. Реализмъ у разныхъ метафизиковъ встрѣчается въ разнообразномъ видѣ. Одни, хотя и считаютъ вещи въ себѣ, соотвѣтствующія нашимъ воспріятіямъ, завѣдомо существующими, т. е. хотя и приписываютъ несомнную объективную реальность внѣшнему міру (которую иногда называютъ еще и *транссубъективной* реальностью), но объявляютъ непознаваемымъ, въ чемъ именно состоитъ эта реальность. Другіе же опредѣляютъ и ближайшимъ образомъ, какова природа вещей въ себѣ, образующихъ объективную (иначе транссубъективную) реальность внѣшняго міра, при чемъ, разумѣется, здѣсь встрѣчаются различные взгляды: такъ матеріализмъ, дуализмъ, панпсихизмъ, психофизическій монизмъ, все это — видоизмѣненія реализма, которыя, какъ метафизическія воззрѣнія, всѣ одинаково неопровержимы и одинаково недоказуемы.

Ученіе же, отрицающее объективную реальность внѣшняго міра, называется идеализмомъ. Онъ разсматриваетъ внѣшній міръ, какъ безпрерывную галлюцинацію, подчиненную тѣмъ законамъ, которые мы называемъ законами природы. Онъ, какъ и реализмъ, тоже встрѣчается въ различныхъ видоизмѣненіяхъ. Самымъ первымъ по времени былъ идеализмъ Беркли, утверждавшаго, что воспріятія возникаютъ въ душахъ оттого, что Богъ вызываетъ эти воспріятія, такъ что тотъ порядокъ, въ которомъ они возникаютъ одно послѣ другого и который мы называемъ проявленіями законовъ

природы, въ дѣйствительности составляетъ лишь порядокъ, въ какомъ Богъ возбуждаетъ въ насъ эти воспріятія. Напримѣръ, если мы говоримъ, что по законамъ природы вслѣдъ за восходомъ солнца становится теплѣе, то въ дѣйствительности это значитъ, что Богъ вслѣдъ за воспріятіемъ восхода солнца вызываетъ въ насъ воспріятіе согрѣванія земной атмосферы. Вещей же въ себѣ, которыя соотвѣтствовали бы этимъ воспріятіямъ вовсе нѣтъ: ихъ замѣняетъ здѣсь Богъ. Но, конечно, ничто не мѣшаетъ идеализму вмѣсто ссылокъ на Бога, который у Беркли дѣйствуетъ на сознаніе точно такъ же, какъ если бы дѣйствовали на него вещи въ себѣ, соотвѣтствующія нашимъ воспріятіямъ, объяснять возникновеніе послѣднихъ законами самого же сознанія. Но и послѣ этого идеализмъ можетъ развиваться различными путями, у которыхъ будетъ общимъ только то, что при каждомъ изъ нихъ отрицается объективная реальность внѣшняго міра. Такъ идеализмъ можетъ утверждать либо то, что каждое индивидуальное сознаніе вполнѣ самостоятельно, либо то, что каждое изъ нихъ представляетъ собой временно существующій проблескъ единаго, вѣчнаго, надъиндивидуальнаго сознанія, какъ это допускалъ, напримѣръ Фихте (ум. въ 1814 г., называемый для отличія отъ своего сына, менѣе извѣстнаго философа, Фихте старшимъ). Однимъ изъ видоизмѣненій идеализма служитъ направленіе, которое серьезно никѣмъ не исповѣдуется, а выставляется только, какъ одно изъ метафизическихъ ученій, настолько же неопровержимыхъ и недоказуемыхъ, какъ и всѣ остальныя, и которое называется *солипсизмомъ* (отъ латинскаго выраженія solus ipse sum, т. е. существую только я самъ). Оно состоитъ въ отрицаніи существованія чего бы то ни было, кромѣ самого философа, который понялъ и субъективность даннаго въ опытѣ внѣшняго міра, и недоказуемость чужой одушевленности. Солипсизмъ считаетъ существующимъ только самого себя, свое сознаніе; а все прочее, и внѣшній міръ, и чужія сознанія, лишь невольно кажется существующимъ его сознанію, въ дѣйствительности же не существуетъ.

Идеализмъ и реализмъ, оба составляютъ метафизическія воззрѣнія; ибо каждый изъ нихъ говоритъ о вещахъ въ себѣ, т. е. о трансцендентномъ предметѣ. Тотъ же взглядъ, котораго держались мы при изложеніи ученія, что наши воспріятія насквозь субъективны, и который впервые былъ установленъ Кантомъ, составляетъ не метафизическое, а чисто-гносеологическое воззрѣніе: ибо хотя мы и говоримъ, что въ опытѣ даны намъ одни лишь явленія и внѣшній міръ, взятый въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ опытѣ, есть явленіе, но мы этимъ еще вовсе не рѣшаемъ трансцендентнаго, или метафизическаго, вопроса о существованіи вещей въ себѣ и *оставляемъ его открытымъ съ обѣ стороны*. Этотъ взглядъ называется *критицизмомъ*, потому что и вся теорія познанія Канта называется *критической*. Самъ Кантъ иногда называлъ свой взглядъ тоже идеализмомъ; для отличія же отъ того идеализма, который состоитъ въ отрицаніи внѣшняго міра въ себѣ, Кантъ называлъ свою точку зрѣнія *критическимъ идеализмомъ*, а тотъ идеализмъ, который считаетъ несуществующими внѣ-

шнія вещи въ себѣ—*догматическимъ идеализмомъ*. Но, конечно, крайне неудобно называть однимъ и тѣмъ же именемъ идеализма, хотя бы съ прибавкой разныхъ прилагательныхъ, взгляды, такъ рѣзко отличающіеся другъ отъ друга, какъ критическій и догматическій идеализмъ: отъ этого можетъ возникнуть сбивчивость въ понятіяхъ. Поэтому гораздо удобнѣе условиться называть критическій идеализмъ критицизмомъ или критической точкой зрѣнія, а догматическій идеализмъ—просто идеализмомъ. Такъ многіе уже и поступаютъ, хотя, къ сожалѣнію, далеко еще не всѣ; такъ и мы условимся поступать во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи

Говоря о критицизмѣ не слѣдуетъ думать, будто бы онъ считаетъ неизвѣстнымъ только существованіе вещей въ себѣ, соотвѣтствующихъ *внѣшнимъ* явленіямъ, а существованія души не подвергаетъ никакому сомнѣнію. Напротивъ, считая матеріализмъ, хотя и недоказуемымъ, но неопровержимымъ, этимъ самымъ онъ выставляетъ и отрицаніе существованія души тоже неопровержимымъ, хотя и недоказуемымъ.

18. Неопровержимость и недоказуемость реализма и идеализма.

Что касается спора идеализма съ реализмомъ, то послѣдній намъ гораздо привычнѣе, чѣмъ идеализмъ; ибо въ обыденной жизни мы уже свыклись съ наивнымъ реализмомъ, а въ каждомъ видоизмѣненіи реализма содержится часть тѣхъ взглядовъ, которые входятъ въ составъ наивнаго реализма (см. объ его составѣ выше, стр. 178). Вслѣдствіе привычности реализма мы довольно охотно соглашаемся, что онъ неопровержимъ. Болѣе того: у насъ подъ вліяніемъ привычки къ наивному реализму (который состоитъ прежде всего изъ убѣжденія, что внѣшній міръ обладаетъ объективной реальностью) есть сильнѣйшая наклонность считать несомнѣнной объективную реальность внѣшняго міра. По всему этому мы не будемъ распространяться о неопровержимости реализма, которая совпадаетъ съ недоказуемостью идеализма.

Иначе стоитъ дѣло съ идеализмомъ. Въ дѣйствительности онъ настолько же неопровержимъ, какъ и реализмъ; но онъ непривыченъ для насъ, и поэтому намъ кажется, будто бы его легко опровергнуть. Чтобы показать его неопровержимость, мы разсмотримъ всѣ *основные* доводы, которые выставляютъ противъ него реалисты, ошибочно думающіе, будто бы они въ состояніи превратить свой реализмъ изъ неопровержимой вѣры въ доказанное знаніе. Изъ неопровержимости же идеализма становится очевидной недоказуемость реализма.

1) Очень охотно противъ идеализма ссылаются на то, что разные люди воспринимаютъ сразу и притомъ одинаковымъ образомъ однѣ и тѣ же вещи, напр., то же самое солнце, тѣ же звѣзды, тѣ же стѣны, столы и т. д. Эта одинаковость воспріятій внѣшняго міра у разныхъ людей, по мнѣнію противниковъ идеализма, можетъ быть объяснена только тѣмъ путемъ, что внѣшній міръ существуетъ въ какомъ-то видѣ и самъ по себѣ, помимо нашихъ воспріятій, даже и въ томъ случаѣ, если образующихъ его вещей

никто не воспринимаетъ: на всѣхъ насъ дѣйствуютъ однѣ и тѣ же вещи въ себѣ, и поэтому во всѣхъ насъ онѣ должны вызывать одинаковыя воспріятія, хотя послѣднія могутъ быть вовсе непохожи на вызвавшія ихъ вещи въ себѣ. Если же не допускать объективной реальности внѣшняго міра, говорятъ реалисты, то у каждаго изъ насъ долженъ бы быть свой особый внѣшній міръ, непохожій на внѣшній міръ, воспринимаемый другими лицами, подобно тому, какъ это бываетъ въ сновидѣніяхъ; ибо съ точки зрѣнія идеализма внѣшній міръ составляетъ всего только какъ бы галлюцинацію.

Въ этихъ соображеніяхъ состоитъ, такъ называемый, *соціальный аргументъ объективной реальности внѣшняго міра*. Этотъ аргументъ былъ построенъ для рѣшенія метафизическаго вопроса объ объективной реальности внѣшняго міра еще въ такое время, когда было неизвѣстно, что вопросъ о существованіи чужой одушевленности относится къ числу неразрѣшимыхъ въ видѣ знанія, между тѣмъ какъ этотъ аргументъ предполагаетъ этотъ вопросъ уже рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ; такимъ образомъ, *если даже и согласиться съ этимъ аргументомъ, то доказательство объективной реальности внѣшняго міра исходитъ здѣсь изъ такого предположенія (существованія чужой одушевленности), которое само-то можетъ быть всего только вѣрой, а не знаніемъ, такъ что и реализмъ былъ бы доказанъ этимъ аргументомъ всего только въ видѣ вѣры, а не знанія.*

Но этого мало: *нѣтъ никакой необходимости соглашаться съ этимъ аргументомъ даже и въ томъ случаѣ, если нами уже допущено существованіе чужой одушевленности.* Вѣдь идеализмъ предполагаетъ, что *галлюцинація, называемая внѣшнимъ міромъ, отличается законосообразнымъ характеромъ, а вслѣдствіе этого одинаковостью у всѣхъ людей. Въ этихъ двухъ особенностяхъ, по мнѣнію идеализма, и состоятъ отличія галлюцинаціи, называемой внѣшнимъ міромъ, отъ всѣхъ болѣзненныхъ галлюцинацій.* Болѣзненныя галлюцинаціи не обнаруживаютъ внутри себя законосообразности (тяжелыя вещи не падаютъ и т. п.) и поэтому каждымъ отдѣльнымъ лицомъ переживаются на свой ладъ. Правда, надо еще объяснить, можетъ ли та обычная при здоровомъ состояніи галлюцинація, которая называется внѣшнимъ міромъ, быть одинаковой для всѣхъ одушевленныхъ существъ.

Прежде всего не слѣдуетъ преувеличивать одинаковость воспріятій у разныхъ лицъ: за одинаковость качествъ внѣшнихъ ощущеній, т. е. за одинаковость матеріала галлюцинаціи, называемой внѣшнимъ міромъ, мы, какъ мы уже видѣли, никоимъ образомъ не можемъ поручиться. Напротивъ, все доказываетъ, что эти качества удивительно какъ отличаются у разныхъ индивидуумовъ (напримѣръ: разнообразнѣйшіе случаи цвѣтовой слѣпоты). Можетъ быть, даже за одинаковыми названіями скрываются у всѣхъ лицъ совершенно непохожія другъ на друга качества внѣшнихъ ощущеній (см. выше стр. 223). Такимъ образомъ, *одинаковость внѣшняго міра для разныхъ лицъ ограничивается лишь формами внѣшнихъ вещей, т. е. тѣмъ, что*

разныя по качеству внѣшнія ощущенія комбинируются въ видѣ вещей, имѣющихъ одинаковыя для разныхъ лицъ фигуры и одинаково расположенныхъ въ пространствѣ. Но эта одинаковость можетъ имѣть свою причину и не внѣ сознанія, а въ немъ же самомъ — въ законахъ, управляющихъ нашимъ сознаніемъ. Если оно одинаково у всѣхъ подчинено закону объектированія и одинаково у всѣхъ къ внѣшнимъ ощущеніямъ примѣшиваетъ форму трехмѣрнаго пространства, то нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, чтобы оно комбинировало внѣшнія ощущенія въ видѣ формально одинаковыхъ воспріятій. Мнѣніе, будто бы при отсутствіи вещей въ себѣ, возбуждающихъ внѣшнія воспріятія, послѣднія должны быть непремѣнно различными у разныхъ людей, основано на ложномъ предубѣжденіи, будто бы все идущее извнутри самого сознанія непремѣнно *должно* быть различнымъ у разныхъ лицъ, между тѣмъ какъ оно всего только *можетъ* быть таковымъ (сравн. выше стр. 230—о субъективности пространства). Это предубѣжденіе относится къ числу явно ошибочныхъ: напримѣръ, логическіе законы мышленія идутъ извнутри сознанія, ибо они — законы нашего мышленія, нашего ума, а между тѣмъ они для всѣхъ одинаковы; и пока люди сохраняютъ душевное здоровье, всѣ они одинаково чувствуютъ принудительную силу этихъ законовъ, а утрачиваютъ это чувство лишь при сумасшествіи. Если же такъ, то нѣтъ ничего невозможнаго (вполнѣ допустимо), что пока сознанія разныхъ лицъ находятся въ здоровомъ состояніи, они безъ всякаго вліянія на нихъ вещей въ себѣ, а исключительно подъ вліяніемъ причинъ, дѣйствующихъ въ самомъ же сознаніи и извнутри его (т. е. подъ вліяніемъ однихъ лишь законовъ сознанія), комбинируютъ свои ощущенія въ видѣ внѣшнихъ вещей, одинаковыхъ для разныхъ лицъ и одинаково расположенныхъ въ пространствѣ, такъ что всѣ люди какъ бы переживаютъ одинаковую галлюцинацію внѣшняго міра: разныя же галлюцинаціи начинаютъ переживаться только тогда, когда чье-либо сознаніе приходитъ въ болѣзненное состояніе. Такимъ образомъ, идеализмъ пока еще неопровергнутъ, т. е. реализмъ пока еще не доказанъ.

2) Но, возражаютъ противники идеализма, конечно, все это справедливо, если бы только идеализмъ не опровергался тѣмъ, что у каждаго изъ насъ есть сознаніе, что любая внѣшняя вещь, напр., Исаакіевскій соборъ, *продолжаетъ* существовать даже и въ то время, когда мы ея не воспринимаемъ. Какъ же объяснить съ идеалистической точки зрѣнія это *сознаніе продолженія существованія* (не просто существованія, но продолженія существованія) *внѣшней вещи въ то время, когда она никѣмъ не воспринимается?* Повидимому, съ точки зрѣнія идеализма, „существовать“ равно всего „лишь быть воспринимаемымъ,“ esse percipi *), такъ что если вещь никѣмъ не воспринимается, то она уже вовсе не существуетъ въ это время, и поэтому никто не можетъ въ это время сознавать ея существованіе. Если же

*) На самомъ дѣлѣ мы увидимъ, что для идеалиста ‹существовать› равно не просто тому, чтобы восприниматься въ какомъ попало порядкѣ, но ‹восприниматься *послѣ* переживанія опредѣленнаго ряда другихъ воспріятій›.

мы сознаемъ, что вещь продолжаетъ существовать и въ то время, когда мы ея не воспринимаемъ, то выходитъ, что идеализмъ опровергнутъ.

Прежде всего, это возраженіе уже оттого несостоятельно, что доказываетъ гораздо больше, чѣмъ собирается доказать, доказываетъ нехотя также и то, съ чѣмъ не соглашаются и сами представители этого возраженія. Они уже не сомнѣваются въ томъ, что запахи, вкусы, цвѣта и т. д. субъективны и существуютъ лишь тогда, когда кто-нибудь ощущаетъ ихъ. Между тѣмъ, наше сознаніе относится къ нимъ совершенно такъ же. какъ и вообще къ внѣшнимъ вещамъ: мы обыкновенно тоже, какъ будто бы, сознаемъ, что цвѣтъ вещи *продолжаетъ* существовать и въ то время, когда на нее никто не смотритъ. Выходитъ, что, опираясь на подобное сознаніе, мы должны отказаться и отъ ученія о субъективности качествъ внѣшнихъ ощущеній, на что однако никто не рѣшится. Не ясно ли, что въ ссылкѣ на сознаніе продолженія существованія никѣмъ не воспринимаемой вещи, употребляемой, какъ доводъ противъ идеализма, есть какая-то ошибка?

Разсмотримъ же хорошенько, въ чемъ состоитъ это сознаніе *продолженія* существованія *никѣмъ не воспринимаемой* вещи. Очевидно, ея существованіе въ это время сознается не такъ, какъ сознается существованіе вещи въ то время, когда она дѣйствительно воспринимается мной; оттого то, строго говоря, даже не слѣдовало бы называть это сознаніе *сознаніемъ* существованія вещи. Но въ чемъ же состоитъ это сознаніе? *Въ знаніи или увѣренности, что вещь о которой идетъ рѣчь*, напримѣръ, Исаакіевскій соборъ, *непремѣнно будетъ воспринята послѣ того, какъ я послѣдовательно переживу рядъ опредѣленныхъ ощущеній*, характеризующихъ тѣ состоянія сознанія, которыя я называю—„встать съ своего мѣста, повернуться къ дверямъ, выйти изъ дому, повернуть по направленію къ этому собору, дойти до него и взглянуть на него и т. д.“. Здѣсь дѣло стоитъ такъ же, какъ и съ такъ называемымъ (и называемымъ столь же неправильно) *сознаніемъ продолженія существованія цвѣта*, котораго никто не видитъ, запаха, котораго никто не обоняетъ; это сознаніе тоже состоитъ всего только въ знаніи или увѣренности, что я (или кто другой) навѣрное переживу ощущеніе этого цвѣта или запаха послѣ того, какъ будетъ пережитъ опредѣленный рядъ ощущеній, возникающихъ при тѣхъ состояніяхъ сознанія, которыя называются—„взглянуть на предметъ, понюхать его и т. п.“. Изъ присутствія же въ моемъ сознаніи такого знанія или увѣренности (каковое присутствіе, какъ видимъ, ошибочно называть *сознаніемъ* существованія вещи или качества какого-либо внѣшняго ощущенія) можно заключить только о томъ, что *въ смѣнѣ нашихъ ощущеній есть столь строгая законосообразность, что, подмѣтивъ ее, мы уже заранѣе и безошибочно ожидаемъ возникновенія строго опредѣленной группы ощущеній, послѣ того, какъ будетъ пережитъ рядъ другихъ опредѣленныхъ ощущеній.* Но изъ этого еще нельзя заключить, чѣмъ именно обусловливается существованіе такой закономѣрности въ смѣнѣ нашихъ ощущеній — извнутри ли сознанія, т. е. только его собственными

законами, безъ всякаго вліянія извнѣ со стороны вещей въ себѣ, или же, наоборотъ, дѣйствіемъ извнѣ вещей въ себѣ на сознаніе. И то, и другое одинаково возможно, такъ что идеализмъ все еще не опровергнутъ.

3) Иногда пытаются опровергнутъ идеализмъ указаніемъ на тотъ безспорный фактъ, что *знаніе было бы невозможно, если бы не существовалъ познаваемый предметъ*, откуда выводятъ, что коль скоро существуетъ естествознаніе, то изучаемый имъ предметъ, т. е. внѣшній міръ, долженъ существовать и самъ по себѣ, если даже его никто не воспринимаетъ, а значитъ—онъ есть вещь въ себѣ. Конечно, знаніе требуетъ, что бы существовалъ познаваемый предметъ; но этотъ предметъ можетъ быть и всего только явленіемъ, а его существованіе можетъ быть всего только субъективной, или эмпирической, а не объективной, или метафизической, реальностью. Если я, напримѣръ, переживаю даже и болѣзненную галлюцинацію, то я все-таки могу изучать ея составъ, управляющіе ею законы и т. п., хотя она завѣдомо не обладаетъ объективной реальностью. Для естествознанія безразлично, обладаетъ ли внѣшній міръ объективный реальностью; ибо задача естествознанія изучить законы, которымъ подчиненъ внѣшній міръ, взятый *въ томъ видѣ*, какъ онъ намъ данъ въ опытѣ, и посредствомъ этихъ законовъ предсказывать данныя намъ въ опытѣ явленія. А изученіе законовъ внѣшняго міра и основанныя на нихъ предсказанія будутъ все-таки возможны даже и въ томъ случаѣ, если внѣшній міръ составляетъ ничто иное, какъ галлюцинацію, которой не соотвѣтствуютъ ровно никакія вещи въ себѣ. Вѣдь изучать-то во всякомъ случаѣ естествознанію приходится не вещи въ себѣ, буде онѣ существуютъ, а только то, какъ онѣ сознаются нами, т. е. одни лишь явленія .Поэтому, не все ли равно, существуютъ ли вещи въ себѣ, соотвѣтствующія воспріятію огня и пальца, или же нѣтъ, коль скоро въ обоихъ случаяхъ долженъ дѣйствовать одинъ и тотъ же законъ, говорящій: какъ только я воспринимаю прикосновеніе моего пальца къ огню, я долженъ воспринять въ немъ обжогъ и всѣ его послѣдствія? Вѣдь и въ томъ, и въ другомъ случаѣ я могу правильно узнать этотъ законъ и при его помощи одинаково правильно предсказать, что произойдетъ отъ прикосновенія пальца къ огню.

4. Наконецъ, многіе очень охотно утверждаютъ, будто бы идеализмъ содержитъ въ себѣ противорѣчіе. Оно, по ихъ словамъ, состоитъ вотъ въ чемъ: идеализмъ утверждаетъ, что нѣтъ вещей въ себѣ, а что весь внѣшній міръ составляетъ только явленіе и больше ничего; но, говорятъ его противники, въ понятіи внѣшняго явленія уже подразумѣвается существованіе соотвѣтствующей ему вещи въ себѣ, ибо *тамъ, гдѣ явленіе, должна быть и вещь, съ которой связано это явленіе, т. е. явленіе всегда есть явленіе чего-нибудь такого, что уже не составляетъ явленія*; слѣдовательно, сколько различныхъ внѣшнихъ явленій, столько и различныхъ вещей въ себѣ, и каждое внѣшнее явленіе должно служить знакомъ какой-нибудь вещи въ себѣ. Вся суть дѣла въ этомъ разсужденіи состоитъ въ увѣренности, будто бы тамъ, гдѣ есть явленіе,

непремѣнно должна быть и та вещь, съ которой связано это явленіе, т. е. явленіе есть явленіе чего-нибудь такого, что уже не есть явленіе. Разсмотримъ, насколько это справедливо.

Не надо забывать, что слово „явленіе“ имѣетъ два совершенно различныхъ значенія: *во-первыхъ, явленіемъ называется всякое измѣненіе для отличія отъ того предмета, въ которомъ происходитъ это измѣненіе.* Въ этомъ смыслѣ мы употребляемъ слово „явленіе“, когда говоримъ объ явленіяхъ химическихъ, физическихъ, астрономическихъ и т. д. *Во-вторыхъ, подъ явленіемъ подразумѣвается все кажущееся, все то, что всего только кажется существующимъ.* Въ этомъ смыслѣ и употребляется слово „явленіе“, напримѣръ, въ слѣдующемъ выраженіи: „радуга есть только явленіе“.

Такъ вотъ, *когда слово „явленіе“ употребляется въ смыслѣ измѣненія, то вполнѣ справедливо, что гдѣ есть явленіе, тамъ есть и вещь, съ которой связано это явленіе*, т. е. въ этихъ случаяхъ явленіе всегда есть явленіе чего-нибудь такого, что уже не составляетъ явленія. Гдѣ есть химическое явленіе (напр., химическое соединеніе), должно быть и тѣло, въ которомъ происходитъ это явленіе (напр., тѣло, соединяющееся съ другимъ тѣломъ). Гдѣ есть астрономическое явленіе, тамъ должно быть какое-нибудь астрономическое тѣло. *Но, конечно, еще нѣтъ никакой надобности, чтобы вещь, въ которой происходитъ измѣненіе, была непремѣнно вещью въ себѣ, а не чистѣйшей галлюцинаціей*: вѣдь измѣненіе можетъ происходить и въ галлюцинаціи. Слѣдовательно, когда слово „внѣшнее явленіе“ употребляютъ въ смыслѣ измѣненія, то въ понятіи внѣшняго явленія еще не подразумѣвается вещь въ себѣ; и при такомъ употребленіи слова „явленіе“ разсматриваемый аргументъ неспособенъ опровергнуть идеализмъ.

Если же „явленіе“ означаетъ кажущееся существованіе, то вещь въ себѣ и подавно не можетъ подразумѣваться въ немъ. Вѣдь тогда подъ слово „явленіе“ подходитъ и чистѣйшая галлюцинація, которая по самому понятію своему не соотвѣтствуетъ ровно никакой вещи въ себѣ; и въ этомъ случаѣ остается чисто голословнымъ и не доказуемымъ утвержденіе, будто бы явленіе всегда есть явленіе чего-нибудь такого, что уже не есть явленіе, такъ что и при такомъ значеніи слова „явленіе“ разсматриваемый аргументъ негоденъ для опроверженія идеализма.

Такимъ образомъ, идеализмъ неопровержимъ, а поэтому реализмъ недоказуемъ (ровно настолько же, какъ идеализмъ); ибо удостовѣриться прямымъ путемъ въ существованіи вещей въ себѣ, соотвѣтствующихъ нашимъ воспріятіямъ, нельзя, такъ какъ мы въ опытѣ всегда будемъ встрѣчаться не съ самими вещами въ себѣ, а лишь съ явленіями, т. е. съ подвергшимися объектированію субъективными ощущеніями и съ ихъ субъективной пространственной формой, такъ что доказать реализмъ можно было бы только путемъ опроверженія идеализма. Если же послѣдній неопровержимъ, то, значитъ, реализмъ недоказуемъ. Но, конечно, нѣтъ ничего невозможнаго

въ томъ, чтобы явленія служили знаками вещей въ себѣ, т. е. нѣтъ ничего невозможнаго въ реализмѣ, такъ что хотя онъ недоказуемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неопровержимъ, а идеализмъ, въ свою очередь, неопровержимъ, но и недоказуемъ; ибо для его доказательства надо было бы опровергнуть реализмъ.

Ни идеализмъ, ни реализмъ не могутъ составить знанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ трудно надѣяться выставить то или другое направленіе въ видѣ морально обоснованной вѣры. *Для нравственной дѣятельности, повидимому, совершенно безразлично, обладаетъ ли внѣшній міръ объективной реальностью, или нѣтъ*; ибо почвой для проявленія нашей нравственной дѣятельности и въ томъ, и въ другомъ случаѣ будетъ служить лишь міръ явленій, а не міръ тѣхъ вещей въ себѣ, который соотвѣтствовалъ бы міру внѣшнихъ явленій. Вопросъ объ объективной реальности внѣшняго міра совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ вопросъ о существованіи чужой одушевленности. Послѣдняя составляетъ тотъ предметъ, безъ допущенія котораго нельзя допускать и безусловной обязательности нравственнаго долга (см. выше стр. 174). Поэтому вопросъ о существованіи чужой одушевленности легко можетъ быть рѣшенъ въ видѣ морально обоснованной вѣры. Вопросъ же объ объективной реальности внѣшняго міра, повидимому, имѣетъ лишь чисто теоретическое, а не морально практическое, значеніе.

Если же идеализмъ и реализмъ разсматривать, какъ рабочія гипотезы, то, конечно, преимущество окажется на сторонѣ реализма. Но въ чемъ оно состоитъ для психологіи? Не слѣдуетъ его преувеличивать. Оно вовсе не въ томъ, чтобы реализмъ содѣйствовалъ въ психологіи открытію новыхъ фактовъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя рабочія гипотезы въ другихъ наукахъ. Значеніе реализма для психологіи, если его разсматривать, какъ рабочую гипотезу, сводится только къ слѣдующему: во-первыхъ, вслѣдствіе давнишней привычки къ нему намъ легче вести всѣ свои разсужденія и соображенія съ точки зрѣнія реализма, чѣмъ съ точки зрѣнія идеализма. Во-вторыхъ, всѣ психологическія свѣдѣнія, накопляющіяся у насъ въ обыденной жизни, уже связаны съ реализмомъ: они редактируются всегда въ терминахъ, приспособленныхъ къ реализму (ибо въ обыденной жизни мы держимся даже наивнаго реализма), такъ что употреблять эти свѣдѣнія для дальнѣйшаго, уже научнаго, расширенія нашихъ психологическихъ знаній гораздо легче, если мы при этомъ расширеніи пользуемся, какъ рабочей гипотезой, не идеализмомъ, а реализмомъ. Въ-третьихъ, наконецъ, исходя изъ реализма легче поставить во взаимную связь знанія, доставляемыя, съ одной стороны, психологіей, а съ другой — всѣми остальными науками, именно — естествознаніемъ; ибо хотя для естествознанія по существу дѣла и безразлично, обладаетъ ли внѣшній міръ объективной реальностью, но представители естествознанія въ своей работѣ всегда держатся реализма (обыкновенно даже наивнаго реализма), какъ самаго привычнаго взгляда, при чемъ многіе даже и не понимаютъ возможности смотрѣть на внѣшній міръ иначе, чѣмъ реалистически. Конечно, далеко не всѣ натуралисты такъ чужды философіи: Гельмгольцъ, напримѣръ, прекрасно понималъ и явно

признавалъ всю неопровержимость идеализма. Такимъ образомъ, *всѣ преимущества реализма, какъ рабочей гипотезы, предъ идеализмомъ обусловлены только большей привычностью перваго сравнительно со вторымъ*: вслѣдствіе этой привычности намъ повсюду легче разсуждать въ духѣ реализма, чѣмъ въ духѣ идеализма.

19. Объясненія закона объектированія воспріятій.

Какого бы взгляда мы ни держались—реализма, идеализма или критицизма—и въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ передъ нами возникаетъ слѣдующая задача: наши воспріятія (и внѣшнія ощущенія, и ихъ пространственная форма, поскольку она дана намъ въ опытѣ) насквозь субъективны, но невольно сознаются нами, какъ бы существующіе независимо отъ нашего сознанія объекты, т. е. *воспріятія подчинены закону объектированія*. Какъ же объяснить существованіе этого закона? Другими словами: *почему нѣкоторые продукты нашего сознанія должны подвергаться объектированію*, а дѣло стоитъ не такъ, чтобы *всѣ безъ исключенія* продукты сознанія и сознавались, какъ находящіеся въ сознаніи же? При этомъ объясненіи мы, разумѣется, не должны обходить молчаніемъ двухъ фактовъ, подмѣчаемыхъ въ дѣйствіи закона объектированія. Во-первыхъ, онъ дѣйствуетъ безпрерывно, даже во время сновидѣній; ибо они состоятъ, несомнѣнно, изъ объектированныхъ представленій; значитъ, и во время сновидѣнія нѣкоторые продукты все таки подвергаются объектированію. Во-вторыхъ, самый процессъ или механизмъ, какимъ совершается объектированіе, недоступенъ нашему сознанію и самонаблюденію: подвергающіеся объектированію продукты сознанія мы сознаемъ *уже* объектированными, а не такъ, чтобы мы наблюдали механизмъ ихъ объектированія. Давая объясненіе закону объектированія, мы обязаны объяснить и эти два факта.

Психологія долго не замѣчала необходимости объяснить объектированіе воспріятій, хотя субъективность внѣшнихъ ощущеній всегда признавалась въ ней. Лишь съ середины XVIII вѣка возникаютъ попытки подобныхъ объясненій, но нѣкоторыя изъ нихъ таковы, что онѣ вовсе не объясняютъ его, а въ замаскированной формѣ ссылаются на него же самого, какъ на объясняющее основаніе, а въ другихъ объясненіяхъ выводимое ими слѣдствіе не вытекаетъ изъ предлагаемыхъ посылокъ. Первымъ недостаткомъ страдаетъ теорія инстинкта съ ея видоизмѣненіемъ—теоріей иллюзіи. Вторымъ же недостаткомъ страдаютъ ассоціаціонная теорія съ ея видоизмѣненіемъ—моторной теоріей—и теорія умозаключенія. Свободно же отъ каждаго изъ этихъ недостатковъ лишь объясненіе, которое въ чисто психологической литературѣ не упоминается, а попадается въ гносеологическихъ сочиненіяхъ Канта и Фихте старшаго,—объясненіе законами самосознанія.

Теорія инстинкта принадлежитъ Риду (ум. въ 1796 г.) и основанной имъ, такъ называемой, шотландской психологической школѣ. По этой

теоріи объектированіе есть дѣло особаго инстинкта, присущаго нашему сознанію: въ силу этого инстинкта сознаніе, переживая внѣшнія ощущенія, невольно сознаетъ ихъ объективными, и это происходитъ съ той же неизбѣжностью и безотчетностью, съ какой дѣйствуютъ всѣ инстинкты.

Очевидно, что законъ объектированія здѣсь вовсе не объясняется, а подъ именемъ (крайне неточнымъ) инстинкта просто указывается, какъ дѣйствующій въ сознаніи, или, если угодно, онъ объясняется ссылкой на него же самого, между тѣмъ, какъ мы знаемъ изъ логики, объяснить какой-либо законъ природы значитъ вывесть его, какъ слѣдствіе изъ другихъ болѣе общихъ законовъ. Такъ, напримѣръ, законъ тяжести объясняется, какъ частный случай дѣйствія закона всемірнаго тяготѣнія, именно — какъ тотъ случай, когда законъ всемірнаго тяготѣнія дѣйствуетъ между землей и находящимися на землѣ тѣлами. Поэтому и законъ объектированія можетъ быть объясненъ лишь тѣмъ путемъ, чтобы его вывесть, какъ неизбѣжное слѣдствіе другихъ, болѣе основныхъ, законовъ сознанія.

Теорія иллюзіи. Тэнъ (ум. въ 1892 г.), а за нимъ нѣкоторые изъ французскихъ психологовъ пытаются объяснить объектированіе, разсматривая внѣшнее воспріятіе, какъ родъ иллюзіи, или — даже галлюцинаціи. По ихъ мнѣнію, всякое внѣшнее ощущеніе на самомъ дѣлѣ субъективно, но оно стремится объектироваться и дѣйствительно объектируется. Такимъ образомъ, каждое воспріятіе имѣетъ въ сущности характеръ иллюзіи или, даже галлюцинаціи. Только эти иллюзіи, или галлюцинаціи, бываютъ и ложными, и истинными. Ложныя галлюцинаціи, которыя обыкновенно мы и называемъ галлюцинаціями для отличія отъ истинныхъ воспріятій, не согласуются между собою, отличаются безсвязностью и не могутъ быть подведены подъ опредѣленные законы. Если бы, напримѣръ, камень или кусокъ желѣза сгибались въ нашихъ рукахъ подобно воску, сохраняя всѣ остальныя свойства камня и желѣза, то такое ощущеніе, очевидно, было бы ложной галлюцинаціей. Напротивъ, истинныя галлюцинаціи, которыя мы въ обыденной жизни называемъ истинными воспріятіями, суть тѣ, которыя не только согласуются между собою въ настоящій моментъ, но еще соотвѣтствуютъ прошлымъ ощущеніямъ, такъ что въ ихъ связи сказываются, такъ называемые, законы природы.

Эта теорія, очевидно, является не болѣе, какъ повтореніемъ въ нѣсколько иныхъ словахъ и въ болѣе сложномъ видѣ теоріи Рида. Въ самомъ дѣлѣ: сказать, что всѣ ощущенія стремятся объектироваться, не значитъ ли повторить, вслѣдъ за Ридомъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ состояній инстинктивно сознаются нами, какъ бы находящіяся помимо сознанія? Указаніе, что подобная иллюзія бываетъ правильною, когда ощущенія связны, и ложною, когда они безсвязны, можетъ только установить разницу между истинными и мнимыми воспріятіями, но вовсе не можетъ объяснить, почему и связныя и несвязныя ощущенія стремятся объектироваться. Короче говоря, Тэнъ, какъ и Ридъ, объясняетъ законъ объектированія ощущеній этимъ же самымъ закономъ. Ощущенія объекти-

руются, говоритъ онъ намъ, потому, что они имѣютъ свойство объектироваться. *Ассоціаціонная теорія.* Психологи, склоняющіеся къ сенсуализму, поставлены въ вопросѣ объ объектированіи въ особенно затруднительное положеніе. Сенсуализмъ не можетъ допускать въ сознаніи никакихъ процессовъ кромѣ ощущеній и ихъ слабыхъ оживаній, называемыхъ представленіями. Поэтому сенсуализму не остается ничего другого, какъ объяснять объектированіе тѣмъ, что ощущенія и ихъ слабыя оживанія вступаютъ между собой въ нѣкоторыя прочныя соединенія, или ассоціаціи, хотя такія объясненія предлагаются часто и не сенсуалистами. Само собой разумѣется, что такія объясненія могутъ быть получены только той цѣной, чтобы, исподтишка, заранѣе былъ допущенъ объясняемый фактъ, вмѣсто того, чтобы вывесть его изъ объясняющихъ основаній. Очевидно, что если внѣшнія ощущенія первоначально сознаются, какъ субъективныя, то отъ одного того, что они вступили въ прочныя сочетанія между собой они не могутъ принять объективный характеръ, и по прежнему должны сознаваться, какъ субъективные же, но какъ *сложные* субъективные продукты. Иное дѣло, если мы исподтишка допустимъ, что нѣкоторые изъ соединяющихся другъ съ другомъ ощущеній уже заранѣе объектированы: тогда еще, можетъ быть (и то, еще, пожалуй, не навѣрное), будутъ объектироваться и тѣ ощущенія, которыя вступятъ съ ними въ прочныя соединенія. Если же такого незаконнаго допущенія не дѣлать, то изъ посылокъ этой теоріи (т. е. изъ допускаемыхъ ею ассоціацій) не будетъ вытекать выводимое ею заключеніе (объектированіе ассоціированныхъ ощущеній).

Моторная теорія. Тѣмъ же самымъ недостаткомъ страдаетъ и то видоизмѣненіе только что изложенной теоріи, которое возникло, когда уже стали обращать вниманіе на моторныя ощущенія, и которое для отличія отъ только что изложеннаго объясненія мы условимся называть моторной теоріей. Ея сущность та же самая, какъ и въ ассоціаціонной теоріи: объектированіе объясняется, какъ результатъ прочной ассоціаціи между различными ощущеніями; но здѣсь особенное вниманіе обращается на ощущенія движеній. Движеніе, по словамъ этой теоріи, заключаетъ въ себѣ идею разстоянія, промежутка. Всякое движеніе предполагаетъ пройденное пространство, или извѣстное удаленіе отъ исходной точки. Слѣдовательно, заключаетъ эта теорія, и ощущеніе, прочно ассоціированное съ движеніемъ, этимъ самымъ тоже ассоціируется съ идеей разстоянія. (Замѣтимъ, что эта теорія говоритъ прямо о движеніи, а не о моторномъ ощущеніи, посредствомъ котораго мы чувствуемъ это ощущеніе, между тѣмъ, пока нѣтъ объектированія, ассоціироваться между собой могутъ только ощущенія. Слѣдовательно, эта теорія заранѣе допускаетъ объектированіе вмѣсто того, чтобы вывесть его, какъ слѣдствіе указываемыхъ ею ассоціацій). Напримѣръ, говоритъ Рабье (Psychologie ch XXXI p. 422), это самое и переживаетъ слѣпорожденный, котораго операція снабдила зрѣніемъ. „Цвѣтной предметъ сперва кажется ему пятномъ на его глазу; но затѣмъ, когда онъ достаетъ рукой до этого предмета и посредствомъ движеній во всѣхъ

направленіяхъ измѣняетъ свое зрительное впечатлѣніе, онъ понимаетъ, что осязаемый предметъ есть причина этого впечатлѣнія. Съ этого момента зрительное впечатлѣніе ассоціируется съ идеей предмета, сливается съ послѣднимъ и такимъ образомъ оказывается проэцированнымъ на разстояніе."

Но не заключаетъ ли въ себѣ такое разсужденіе petitio principii, т. е. не допускаетъ ли оно въ видѣ объясняющаго основанія то самое, что нужно вывесть, какъ результатъ объясненія? Вѣдь весь вопросъ въ томъ и состоитъ, что бы объяснить, почему объектируются *какія бы то ни было* ощущенія. Здѣсь же вмѣсто этого показываютъ намъ, почему зрительныя ощущенія локализируются, т. е. сознаются помѣщенными, въ томъ же мѣстѣ пространства, гдѣ и ощущенія осязанія; но здѣсь вовсе не объясняютъ, почему сами-то мускульно-осязательныя ощущенія должны объектироваться — проэктироваться, или помѣщаться въ пространство внѣ насъ. Если мы напередъ допустимъ, что эти, т. е. мускульно-осязательныя, ощущенія проэктированы и объектированы, то все остальное, т. е. объектированіе зрительныхъ, можетъ быть, еще станетъ понятнымъ; но въ томъ-то именно и вопросъ, почему всѣ ощущенія, включая сюда и мускульно-осязательныя, должны объектироваться и проэктироваться. Если же не допускать произвольнымъ образомъ, что мускульно-осязательныя ощущенія заранѣе объектированы, то изъ посылокъ этой теоріи (изъ ассоціаціи мускульно-осязательныхъ ощущеній съ другими) не будетъ вытекать выводимое ею заключеніе (объектированіе ассоціированныхъ съ ними ощущеній).

Все это были объясненія, построенныя самой психологіей. Но гораздо удачнѣе объясняется дѣло въ гносеологической литературѣ. Тамъ встрѣчается два объясненія, изъ которыхъ одно, и при томъ самое удачное (основанное на законахъ самосознанія), вовсе не встрѣчается въ чисто-психологической литературѣ. Это — новый примѣръ, что философская литература остается еще недостаточно использованной со стороны психологовъ, желающихъ сдѣлать психологію наукой, вполнѣ самостоятельной, независимой отъ философіи. (Сравн. стр. 58). Другое же упоминается и въ чисто психологической литературѣ подъ именемъ теоріи умозаключенія.

Теорія умозаключенія создана Шопенгауеромъ (ум. въ 1860 г.); среди же психофизіологовъ, а за ними и — психологовъ, ее распространилъ, главнымъ образомъ, извѣстный физикъ и физіологъ Гельмгольцъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ Шопенгауера. Она объясняетъ объектированіе, какъ результатъ быстраго умозаключенія, основаннаго на прирожденномъ намъ знаніи закона причинности и примѣняемаго къ внѣшнимъ ощущеніямъ вслѣдствіе ихъ независимости отъ нашей воли. Возьмемъ, напримѣръ, зрительное ощущеніе бѣлаго цвѣта, которое я получаю отъ лежащей предо мной бумаги. Конечно, это ощущеніе возникаетъ въ моемъ сознаніи; однако, я чувствую, что оно не только возникаетъ помимо моей воли, но и не могло бы быть уничтожено мной, если бы я этого захотѣлъ. То же самое нужно сказать о шумѣ, который я слышу, о запахѣ, который я обоняю, о вкусѣ, который я ощущаю, объ осязательныхъ ощущеніяхъ,

которыя я испытываю. Между тѣмъ, наряду съ этими состояніями, которыя отличаются *устойчивостью* въ сознаніи и этимъ самымъ показываютъ, что они не зависятъ отъ моего „Я“, я констатирую въ своемъ сознаніи другія состоянія, которыя не только не обладаютъ устойчивостью, но еще явнымъ образомъ находятся въ моей власти. Своеобразныя особенности этихъ двухъ видовъ состояній сознанія неизбѣжно побуждаютъ меня различать и противополагать ихъ. Вотъ первая стадія возникновенія воспріятій—стадія простого *различенія* двухъ родовъ состояній сознанія, каждое изъ которыхъ всетаки сознается пока еще, какъ субъективное. Второю же стадіей является объектированіе одного изъ этихъ родовъ состояній. Своеобразныя особенности явленій, не зависящихъ отъ нашего „Я“, сами по себѣ еще не принуждаютъ насъ переносить ихъ за предѣлы нашего сознанія и разсматривать ихъ, какъ внѣшніе объекты. Такое принужденіе производитъ прирожденное намъ знаніе закона причинности. Мы какъ бы говоримъ сами себѣ: „то явленіе, которое, возникая въ насъ, вочію не зависитъ отъ нашего Я, не производится нами; слѣдовательно, это явленіе имѣетъ свою причину внѣ насъ, во внѣшнемъ объектѣ“. Такимъ образомъ возникаетъ мысль о существованіи внѣ меня какого-то объекта, служащаго причиной независимыхъ отъ моего Я состояній сознанія. Этой-то внѣшней, объективной причинѣ мы приписываемъ тѣ самыя качества, которыя свойственны данному психическому явленію—цвѣтъ, запахъ, вкусъ и проч., т. е. объектируемъ наши ощущенія и разсматриваемъ ихъ, какъ вещи или какъ свойства вещей. Такимъ образомъ, по этой теоріи объектированіе нѣкоторыхъ состояній нашего сознанія происходитъ путемъ быстраго умозаключенія, основаннаго на прирожденномъ намъ знаніи закона причинности. Противъ этой теоріи можно выставить два возраженія.

1. Эта теорія, для объясненія объектированія ощущеній, указываетъ, какъ на причину, порождающую его, на такое обстоятельство, изъ котораго объектированіе вовсе не вытекаетъ, какъ слѣдствіе. Именно—такое предположеніе дѣлается въ описаніи второй стадіи. Въ первой стадіи эта теорія подчеркиваетъ только независимость отъ моего Я моихъ внѣшнихъ ощущеній, заставляющую меня всего только *отличать* внѣшнія ощущенія отъ всѣхъ другихъ моихъ состояній сознанія, какъ особый родъ состояній сознанія. И если бы дѣло ограничилось этимъ, то я по прежнему сознавалъ бы внѣшнія ощущенія, какъ особый родъ *субъективныхъ* же, но независимыхъ отъ меня состояній, вродѣ того, какъ нехотя возникающій гнѣвъ, вызываемый однимъ лишь видомъ ненавистнаго человѣка, я хотя и сознаю, какъ независимый отъ моего Я, а всетаки онъ отъ одного лишь этого еще не объектируется. Главной же причиной объектированія, по словамъ разсматриваемой теоріи, служитъ то обстоятельство, что, подмѣтивъ независимость внѣшняго ощущенія, напр., бѣлизны, отъ моего Я, я умозаключаю на основаніи закона причинности (знаніе о которомъ эта теорія считаетъ прирожденнымъ) о томъ, что внѣ моего Я, т. е. помимо моего сознанія, есть причина, рождающая во мнѣ это ощущеніе. Но если я сдѣлаю такое умозаключеніе, то должно получиться вовсе не

объектированіе даннаго ощущенія, напр. бѣлизны, а лишь такой результатъ: *наряду* съ сознаніемъ бѣлизны, какъ состоянія *субъективнаго*, но независящаго отъ моего Я, должна еще быть *во мнѣ же*, т. е. сознаваться мной, какъ *субъективная*, мысль о лежащей внѣ меня причинѣ моего ощущенія бѣлизны. Вѣдь когда я подмѣчаю въ себѣ, возникающій независимо отъ моего Я, гнѣвъ и умозаключаю, что его причина лежитъ внѣ меня, то гнѣвъ отъ этого не объектируется, а по—прежнему сознается, какъ субъективный; но наряду съ нимъ сознается еще, какъ находящаяся во мнѣ же, мысль о причинѣ моего гнѣва, лежащей внѣ меня. Такимъ образомъ, теорія умозаключенія объясняетъ объектированіе такой причиной, которая не можетъ имѣть своимъ слѣдствіемъ объясняемый фактъ, т. е. выводимое этой теоріей слѣдствіе не вытекаетъ изъ указываемыхъ ею посылокъ.

2. *Эта теорія правильно учитъ, что объектированныя ощущенія всегда окажутся соединенными неизбѣжнымъ образомъ съ мыслью о дѣйствующей на мое Я причинѣ; но изъ ея посылокъ вытекаетъ, что эта мысль должна бы играть совсѣмъ иную роль, чѣмъ какую она играетъ въ дѣйствительности.* Дѣло въ дѣйствительности стоитъ слѣдующимъ образомъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться простымъ самонаблюденіемъ: *само же* объектированное *ощущеніе*, напримѣръ *сама же бѣлизна*, неизбѣжно мыслится нами, какъ *причина*, дѣйствующая на меня и этимъ дѣйствіемъ дающая мнѣ знать объ ея качествѣ; а вовсе—не такъ, чтобы это ощущеніе (напримѣръ — бѣлизна) мыслилось мною, какъ *дѣйствіе* на меня какой-то причины, находящейся внѣ меня. Напротивъ: если я сознаю бѣлизну, какъ объектъ, противостоящій моему сознанію, то это не означаетъ ничего иного, какъ то, что я невольнымъ и неизбѣжнымъ образомъ мыслю ее самое, какъ существующую независимо отъ меня и служащую *причиной* моего знанія о ней. *По теоріи же умозаключенія пришлось бы мыслить что-либо другое, какъ причину моего знанія о бѣлизнѣ, а не саму бѣлизну.* Точно также, если я сознаю пространство, какъ объективное, т. е. какъ бы существующее помимо сознанія и извнѣ дающее мнѣ знать о себѣ, то это значитъ, что я неизбѣжнымъ образомъ мыслю это пространство, какъ существующую независимо отъ меня *причину* моего знанія о немъ. По теоріи же умозаключенія мнѣ пришлось бы мыслить, какъ причину моего знанія о пространствѣ, не само пространство, но что-нибудь другое.

Здѣсь кстати отмѣтить слѣдующее обстоятельство: изъ сказаннаго сейчасъ видно, что *въ составѣ объектированнаго воспріятія кромѣ ощущеній и ихъ пространственной формы входятъ еще нѣкоторыя мысли (напримѣръ, мысль о причинѣ), подъ которыя оказываются подведенными неизбѣжнымъ образомъ воспріятія. Тѣ мысли, подъ которыя оказываются неизбѣжнымъ образомъ подведенными объектированныя воспріятія, Кантъ назвалъ категоріями*, каковое названіе и укрѣпилось за ними. Въ своей „Критикѣ чистаго разума“ онъ дѣлаетъ попытку (правда,

довольно неудачную) систематически выяснить категоріи всѣ до одной, при чемъ онъ насчитываетъ 12 категорій, въ числѣ которыхъ находится и понятіе причины. Выясненіе категорій гораздо важнѣе для теоріи познанія, чѣмъ для психологіи, потому что каждая категорія, напримѣръ — категорія причинности, коль скоро подъ нее оказывается подведеннымъ неизбѣжнымъ образомъ всякое объектированное воспріятіе, должна являться, т. е. неизбѣжно казаться, реализованной въ любомъ воспріятіи, *хотя бы даже она и не была реализована въ вещахъ въ себѣ*. Поэтому для изученія міра явленій, т. е. міра объектированныхъ воспріятій, или иначе — для изученія міра, взятаго въ томъ видѣ, какъ онъ намъ данъ въ опытѣ, мы смѣло можемъ полагаться на содержаніе категорій (напримѣръ, на категорію причинности), какъ на основные принципы, *завѣдомо реализованные* въ мірѣ *явленій*. Но, конечно, полагаться на эти принципы при изученіи вещей въ себѣ у насъ еще нѣтъ никакого права; ибо нѣтъ никакого основанія приписывать вещамъ въ себѣ свойства объектированныхъ воспріятій. Такимъ образомъ, выясненіе категорій служитъ, съ одной стороны, объясненіемъ нашего права полагаться при изученіи міра явленій на эти категоріи, какъ на основные принципы, а съ другой стороны, — указываютъ границы пригодности этихъ принциповъ. И то, и другое вполнѣ совпадаетъ съ задачами гносеологіи, а не психологіи. Вслѣдствіе же столь явной принадлежности ученія о категоріяхъ къ теоріи познанія въ психологіи намъ нѣтъ надобности останавливаться на перечнѣ ихъ всѣхъ до одной, а достаточно лишь мимоходомъ отмѣтить ихъ существованіе, т. е. отмѣтить, что *составъ объектированнаго воспріятія не ограничивается одними лишь ощущеніями съ ихъ пространственно протяженной формой, а заключаетъ въ себѣ еще кое-какія мысли, подъ которыя оказываются подведенными неизбѣжнымъ образомъ эти ощущенія съ ихъ пространственной формой.*

Изъ критики теоріи умозаключенія ясно видна *ошибочность сильно распространенной мысли* (ошибочность которой была впервые указана Кантомъ), *будто бы мы свой внутренній міръ сознаемъ прямо, непосредственно, а внѣшній посредствомъ умозаключенія*, т. е. будто бы мы объ существованіи міра внѣшнихъ явленій лишь заключаемъ по независимымъ отъ нашей воли состояніямъ сознанія, именно по внѣшнимъ ощущеніямъ. Напротивъ, сознаніе внѣшняго міра (если подъ послѣднимъ подразумѣвать не міръ вещей въ себѣ, съ которыми въ опытѣ мы не имѣемъ никакого дѣла, а данный намъ въ опытѣ міръ явленій,) ровно настолько же непосредственно, т. е. переживается безъ всякой помощи со стороны умозаключеній, какъ и сознаніе любого внутренняго явленія, напримѣръ любой мысли. Умозаключенія при нашихъ воспріятіяхъ имѣютъ лишь то значеніе, что помогаютъ намъ правильно пріурочивать ихъ къ разнымъ мѣстамъ пространства, но само-то объектированіе воспріятій, т. е. сознаніе ихъ содержанія, какъ бы существующимъ помимо моего сознанія, независимымъ отъ него, обходится безъ всякой помощи умозаключеній. Болѣе того:

впослѣдствіи мы увидимъ, что нельзя сознавать свое Я, а слѣдовательно и свои внутреннія явленія, безъ того, чтобы не сознавать въ тоже самое время чего-нибудь, какъ объектъ, какъ свое не—Я, т. е. какъ міръ, внѣшній для моего Я. Поэтому и сознаніе внутренняго міра и сознаніе внѣшняго міра находятся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ: оба предполагаютъ другъ друга; ниодно изъ нихъ не существуетъ безъ другого, и каждое изъ нихъ осуществляется одинаково непосредственнымъ путемъ, т. е. безъ посредства умозаключеній.

Объясненіе объектированія законами самосознанія, данное Кантомъ и Фихте. Другое объясненіе объектированія, встрѣчающееся въ гносеологической литературѣ, именно въ сочиненіяхъ Канта и Фихте старшаго, въ психологической не упоминается, и поэтому никто не далъ ему сжатаго названія вродѣ тѣхъ, какими нерѣдко называютъ предшествующія теоріи. Это объясненіе разсматриваетъ объектированіе нѣкоторыхъ продуктовъ нашего сознанія, какъ неизбѣжное слѣдствіе, съ одной стороны, того обстоятельства, что мы не воспринимаемъ вещей въ себѣ, а съ другой—двухъ законовъ самосознанія. *Самосознаніемъ же называется сознаніе своего Я.*

Одинъ изъ этихъ законовъ гласитъ, что *нѣтъ сознанія безъ самосознанія.* Это вотъ что значитъ: сознавая что бы то ни было, мы въ тоже самое время сознаемъ, хотя бы самымъ смутнымъ образомъ, и самихъ себя, т. е. свое Я. Сознаніе самого себя, своего Я, присутствуетъ въ каждомъ актѣ сознанія, хотя бы въ самомъ смутномъ видѣ. Это подтверждается и прямымъ самонаблюденіемъ, и слѣдующими соображеніями: сознавать что-нибудь значитъ либо относить то, что мы сознаемъ, къ своему Я, т. е. связывать съ нимъ, какъ переживаемое нашимъ Я состояніе и т. п., либо противопоставлять ему, какъ предметъ, воспринимаемый этимъ Я. Такъ, въ первомъ смыслѣ мы говоримъ, что сознаемъ свое чувствованіе: это значитъ—приписываемъ его своему Я, какъ его состояніе. Во второмъ смыслѣ мы сознаемъ цвѣтъ и т. п; это значитъ—мы противопоставляемъ сознаваемый предметъ своему Я, какъ предметъ, воспринимаемый этимъ Я. Но очевидно, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ наряду съ сознаніемъ какого-либо предмета должно, хотя и въ самомъ смутномъ видѣ сознаваться также и наше Я. Но наше вниманіе можетъ сосредоточиться не на сознающемъ Я, а на содержаніи переживаемаго имъ состоянія или воспріятія, и тогда присутствіе самосознанія сдѣлается почти незамѣтнымъ, хотя оно все таки должно присутствовать при сознаніи этого воспріятія или этого внутренняго состоянія.

Правда, относительно самосознанія существуютъ и такія теоріи, которыя утверждаютъ, будто бы въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ (которые столь рѣдки, что мало кому приходится переживать ихъ) должно быть сознаніе и безъ самосознанія. Но о такихъ теоріяхъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь примемъ за доказанное, что никогда не бываетъ сознанія безъ самосознанія, дабы посмотрѣть, годится ли этотъ законъ для объясненія объектированія воспріятій. Совершенно также поступимъ мы и съ дру-

гимъ закономъ самосознанія, объясняющимъ въ связи съ первымъ это объектированіе: мы его тоже примемъ за доказанный и покажемъ только, какъ онъ объясняетъ намъ объектированіе воспріятій. Этотъ другой законъ уже имѣется въ виду въ сочиненіяхъ Канта. Но съ особенной ясностью онъ выставленъ у Фихте, умершаго въ 1814 г., котораго для отличія отъ его сына (тоже философа, но менѣе извѣстнаго, чѣмъ его отецъ) называютъ Фихте старшимъ. Этому закону еще никто не далъ никакого опредѣленнаго названія. Но такъ какъ его легче запомнить, если назвать его опредѣленнымъ именемъ, то мы условимся называть его *закономъ Фихте*.

Законъ Фихте гласитъ: нѣтъ самосознанія безъ сознанія чего-нибудь, какъ своего не—Я, т. е. мы сознаемъ свое Я лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ тоже самое время сознавать что-нибудь, какъ свое не—Я. Въ нѣмецкой философской литературѣ часто ссылаются на этотъ законъ, при чемъ его нерѣдко формулируютъ такими словами *„нѣтъ субъекта безъ объекта“*. Но, если ужъ употреблять эти выраженія, гораздо точнѣе будетъ такъ выражаться: „нѣтъ сознанія субъекта (т. е. сознанія своего Я) безъ сознанія объекта“ (т. е. безъ сознанія чего-нибудь, какъ своего не—Я); ибо законъ Фихте говоритъ лишь о сознаніи, а не о вещахъ въ себѣ, не о субъектѣ въ себѣ и не объ объектѣ въ себѣ.

Вотъ эти-то два закона самосознанія и объясняютъ, т. е. дѣлаютъ неизбѣжнымъ, и объектированіе воспріятій, и все то, что замѣчается вмѣстѣ съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ: коль скоро мы сознаемъ что бы то ни было, напримѣръ какое-нибудь ощущеніе или внутреннее состояніе, мы неизбѣжно сознаемъ и свое Я; ибо нѣтъ сознанія безъ самосознанія. Сознавая же свое Я, мы должны, по закону Фихте, въ то же время сознавать и что-нибудь, какъ свое не-Я. Но изъ чего будетъ состоять это не-Я? *Если бы* мы могли воспринимать вещи въ себѣ, то онѣ-то и составили бы это не-Я. Но *если* вещи въ себѣ и существуютъ, то во всякомъ случаѣ *воспринимаемъ-то мы не ихъ самихъ, а только то*, что ихъ дѣйствія возбуждаютъ въ нашемъ сознаніи, т. е. ощущенія и субъективное пространство, *одни лишь субъективныя отраженія вещей въ себѣ въ нашемъ сознаніи*, субъективные продукты, порождаемые нашимъ сознаніемъ подъ вліяніемъ вещей въ себѣ на него. Слѣдовательно, *коль скоро мы сознаемъ свое Я, а самосознаніе подчинено закону Фихте, то нѣкоторые изъ продуктовъ сознанія должны невольно сознаваться нами, какъ наше не-Я, т. е. объектироваться*; ибо законъ Фихте еще не требуетъ, что бы предо мной и *на самомъ дѣлѣ* существовало какое-нибудь не-Я; а для его исполненія достаточно, что—бы *что-нибудь*, хотя бы и чисто субъективные продукты сознанія, *сознавалось* мной, какъ не-Я. Слѣдовательно, какъ скоро мы сознаемъ чтобы то ни было, должно быть и объектированіе нѣкоторыхъ продуктовъ сознанія.

Въ силу этого объясненія становится совершенно понятнымъ, что объектированіе совершается даже и въ сновидѣніяхъ, что объектируется и часть тѣхъ представленій, которые возникаютъ въ сознаніи во время сна.

Такъ оно и должно быть; ибо какъ скоро мы сознаемъ представленія, возникающія во время сна, то должны сознавать и свое Я; сознавая же его, мы должны сознавать и что-нибудь какъ свое не-Я, т. е. объектировать какіе-либо продукты сознанія. Но что же иное можетъ подвергнуться объектированію во время сна, какъ не представленія? Вѣдь это одно изъ отличій сна, что при немъ прекращаются воспріятія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на основаніи нашего объясненія закона объектированія становится вполнѣ понятнымъ и другой фактъ, о которомъ мы упомянули на стр. 243, какъ о постоянно замѣчаемомъ при объектированіи. Именно: *мы не въ состояніи, никогда не можемъ подсмотрѣть или наблюдать, какъ именно совершается объектированіе нашихъ воспріятій.* Причины этого факта въ томъ, что для самонаблюденія нужно сознавать себя и свои душевныя явленія, а это значитъ — надо уже сознавать свое Я; ибо всякій актъ сознанія чего бы то ни было сопровождается и самосознаніемъ, т. е. хотя бы самымъ смутнымъ сознаніемъ своего Я. Если же для самонаблюденія необходимо, что бы во мнѣ уже было сознаніе своего Я, то по закону Фихте, *въ то же самое время* во мнѣ уже должно быть и сознаніе чего-нибудь, какъ своего не-Я, т. е. объектированіе *въ это время* должно быть *уже совершившимся* фактомъ, такъ что я не могу подглядѣть самаго процесса возникновенія этого факта, а во время всякаго самонаблюденія нахожу его, а поэтому и явленіе внѣшняго міра, *уже существующимъ*. По той же причинѣ я не могу подглядѣть и объектированія тѣхъ представленій, изъ которыхъ образуются мои сновидѣнія.

Что же касается другихъ теорій, то онѣ не въ состояніи объяснить эти два факта. Теорія инстинкта и теорія иллюзій еще находятся въ лучшемъ положеніи сравнительно съ тремя остальными: имъ стоитъ только распространить на сновидѣнія дѣйствіе допускаемаго ими инстинкта объектированія. Невозможность же подглядѣть, какъ именно происходитъ объектированіе, уже подразумѣвается въ томъ, что оно приписывается прирожденному инстинкту. Но ассоціаціонная и моторная теоріи, а также теорія умозаключеній, своими объясненіями вовсе не упраздняютъ возможности, чтобы, хотъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, мы могли подсмотрѣть тотъ процессъ, который, по ихъ словамъ, производитъ объектированіе внѣшнихъ ощущеній: вѣдь этотъ процессъ, по ихъ собственнымъ словамъ, сначала бываетъ длительнымъ; лишь впослѣдствіи, когда мы сталкиваемся съ тѣми же самыми воспріятіями, какъ и прежде, онъ въ силу привычки происходитъ все быстрѣе и быстрѣе и становится чрезъ это незамѣтнымъ для насъ. Но въ новыхъ воспріятіяхъ, рѣзко отличающихся отъ всѣхъ прежнихъ, онъ долженъ былъ бы происходить замѣтнымъ для насъ образомъ, между тѣмъ мы никогда не замѣчаемъ его: всякое воспріятіе оказывается объектированнымъ уже въ тотъ самый моментъ, какъ только мы начинаемъ переживать его. Даже и оперированный слѣпорожденный, какъ только впервые увидитъ цвѣтовые пятна, хотя и помѣщаетъ ихъ въ пространствѣ крайне неправильно — либо на самой границѣ глаза, либо, наоборотъ, неизмѣримо дальше

отъ своего глаза, чѣмъ слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе никогда не относится къ нимъ, какъ къ находящимся въ его *сознаніи*, а тотчасъ же, какъ только начинаетъ видѣть ихъ, уже считаетъ ихъ существующими помимо его сознанія, т. е. тотчасъ же объектируетъ ихъ. И ему приходится постепенно выучиваться не самому процессу объектированія, а всего лишь правильной локализаціи въ пространствѣ своихъ цвѣтовыхъ ощущеній. Если же допускать теоріи ассоціаціонную и моторную, или теорію умозаключеній, то оперированный слѣпорожденный долженъ былъ бы сначала сознавать свои цвѣтовыя ощущенія, какъ чисто субъективныя, и могъ бы надмѣтить весь механизмъ ихъ объектированія. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти три теоріи рѣшительно не въ состояніи объяснить объектированіе сновидѣній: ихъ посылки не только не требуютъ этого факта, но даже противорѣчатъ ему. Сновидѣнія складываются изъ представленій, отличающихся величайшей подвижностью, между тѣмъ какъ ассоціаціонная и моторная теорія утверждаютъ, что объектированіе является слѣдствіемъ прочныхъ, часто повторявшихся соединеній между собой продуктовъ сознанія. Теорія же умозаключеній предполагаетъ устойчивость въ сознаніи объектируемыхъ продуктовъ; ибо эта-то устойчивость, по словамъ разсматриваемой теоріи, и вызываетъ мысль, что данные продукты моего сознанія порождены во мнѣ чѣмъ-то существующимъ независимо отъ меня; сновидѣнія же вовсе не отличаются устойчивымъ характеромъ.

20. Психологія мыслей. Постановка ея основныхъ вопросовъ и методъ ея изученія. Душевныя способности и дѣйствія.

Еще нельзя сказать, чтобы мы исчерпали всѣ вопросы, возбуждаемые воспріятіями, даже въ томъ случаѣ. если мы ограничиваемся одними лишь вопросами основной психологіи. Именно: *въ воспріятіяхъ подмѣчается еще двоякаго рода узнаваніе.* Вопервыхъ, подавляющее большинство воспріятій сопровождаются узнаваніемъ въ томъ смыслѣ этого слова, что мы воспринимаемый предметъ относимъ къ опредѣленному роду предметовъ. Напримѣръ: узнаемъ, что передъ нами человѣкъ, столъ, стулъ и т. п. или что мы услышали звукъ пушки, звонъ трамвая, а не конки и т. п. Во-вторыхъ, множество (если не большинство) предметовъ, воспринимаемыхъ уже не въ первый разъ, узнаются нами въ томъ смыслѣ, что ихъ воспріятіе сопровождается чувствомъ знакомства съ ними. Напримѣръ: мы узнаемъ; что передъ нами тотъ самый человѣкъ, съ которымъ мы вмѣстѣ учились, что передъ нами домъ, въ которомъ мы уже бывали; что раздается мелодія, которую мы когда-то уже слыхали и т. п. Изученіе воспріятій, хотя бы и ограничивающееся одними лишь вопросами основной психологіи, должно разсмотрѣть и узнаваніе воспріятій въ обоихъ смыслахъ слова. Но вполнѣ очевидно, что здѣсь намъ требуются предварительныя свѣдѣнія изъ психологическаго ученія о мысляхъ. Вѣдь узнаваніе въ смыслѣ отнесенія воспринимаемаго предмета къ опредѣленному классу составляетъ ничто иное,

какъ классифицирующее *сужденіе*, утверждающее, что это — такой то предметъ, напримѣръ: „это — человѣкъ“, „это трамвайный звонокъ“, „это — громъ“ и т. д. Поэтому узнаваніе воспріятій въ этомъ смыслѣ слова не требуетъ никакихъ *особыхъ* объясненій, и въ учебникахъ психологіи чаще всего о немъ вовсе не упоминаютъ. Но, конечно, небезполезно, все таки, указать мѣсто, занимаемое имъ въ ряду другихъ душевныхъ явленій, т. е. отмѣтить, что оно составляетъ одно изъ видоизмѣненій сужденія. Узнаваніе же въ смыслѣ признанія вновь воспринимаемаго предмета за воспринимавшійся прежде составляетъ одно изъ явленій *воспоминанія*; поэтому удобнѣе всего разсмотрѣть его при изученіи возникновенія воспоминаній. По всему этому мы теперь перейдемъ къ изученію мыслей; и прежде всего намѣтимъ важнѣйшіе вопросы, которые мы должны имѣть въ виду при этомъ изученіи. Они же, по мѣрѣ ихъ разсмотрѣнія, будутъ возбуждать новые вопросы и т. д.

Мыслями называются всѣ познавательныя явленія, которыя переживаются сознаніемъ сверхъ воспріятій. Уже обыденная жизнь подмѣтила, что онѣ раздѣляются на представленія и сужденія, такъ что психологія мыслей должна изучать порознь тѣ и другія. А такъ какъ логика упоминаетъ еще о понятіяхъ, то психологія должна обсудить, въ какомъ отношеніи находятся понятія къ представленіямъ и сужденіямъ, образуютъ ли они особый родъ мыслей, *психологически* отличающійся отъ всѣхъ остальныхъ, или же въ нихъ нѣтъ ничего психологически самостоятельнаго, а отличаются они лишь особой точкой зрѣнія, съ какой мы разсматриваемъ мысли. Такой вопросъ, конечно, можно рѣшить лишь послѣ изученія представленій и сужденій, такъ что психологія мыслей должна начинаться съ психологіи представленій и сужденій.

При этомъ *не слѣдуетъ смѣшивать психологію мыслей съ психологіей мышленія*: послѣдняя составляетъ всего лишь часть первой, потому что мышленіемъ называется дѣятельность, которая порождаетъ не всякія мысли, а лишь нѣкоторыя. Напримѣръ: порожденіе воспоминаній не приписывается мышленію, хотя воспоминанія тоже называются мыслями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтимъ, что всѣ мысли безъ различія часто называютъ *идеями*, такъ что это слово чаще всего служитъ синонимомъ слова „мысль“ и синонимомъ, совершенно излишнимъ. Съ какой стати предметъ, уже получившій въ родномъ языкѣ свое строго опредѣленное названіе, называть еще иностраннымъ словомъ, имѣющимъ то же самое значеніе, какъ и соотвѣтственное русское? Если же употребляется слово „идея“, какъ синонимъ мысли вообще, то это зависитъ оттого, что одни лица чувствуютъ вообще какое-то болѣзненное пристрастіе къ иностраннымъ словамъ, другія же просто напросто лѣнятся подыскать соотвѣтственныя русскія выраженія для вычитаннаго ими въ иностранныхъ книгахъ, а въ итогѣ тѣ и другія пріучили всѣхъ и каждаго къ употребленію слово „идея“

въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ, хотя и здѣсь можно было бы замѣнить его русскимъ словомъ „мысль". Такъ, всѣ привыкли говорить „навязчивая идея", „прирожденныя идеи" и т. п. вмѣсто „навязчивая мысль", „прирожденныя мысли" и т. д. Правда, слово „идея" употребляется еще въ другихъ смыслахъ, въ которыхъ его уже нельзя замѣнить выраженіемъ „мысль". Но тогда оно обозначаетъ то, что вовсе не относится къ психологіи. Таковы: „идеи" въ смыслѣ метафизическихъ сущностей — „идеи Платона", или „идеи" въ смыслѣ нормъ дѣятельности — „идея добра", „идея университета" и т. д. По всему этому психологія для обозначенія изучаемыхъ ею предметовъ вовсе не нуждается въ словѣ „идея"; и мы не будемъ употреблять его иначе, какъ въ скобкахъ (для напоминанія, какъ въ обыденной жизни большинство привыкло называть данный родъ мыслей), а повсюду будемъ замѣнять его выраженіемъ „мысль", такъ что если у насъ встрѣтится слово идея, стоящее не въ скобкахъ, то оно будетъ обозначать не то, что изучается психологіей, а что-нибудь другое, о чемъ придется намъ упомянуть мимоходомъ.

Мысли вообще — и представленія, и понятія и сужденія — отличаются неустойчивостью ихъ пребыванія въ сознаніи: онѣ безпрестанно смѣняютъ другъ друга, такъ что *психологія мыслей распадается на изученіе мыслей самихъ по себѣ, независимо отъ ихъ смѣны, и на изученіе ихъ смѣны, или ихъ движенія въ сознаніи.* Разумѣется, удобнѣе всего начать съ изученія мыслей (представленій, сужденій и отношенія къ нимъ понятій), независимо отъ ихъ смѣны, а послѣ того разсмотрѣть ихъ смѣну, или движеніе въ сознаніи. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы одинаково сталкиваемся съ вопросомъ о методѣ изученія мыслей: *изучать ли намъ мысли, отправляясь отъ разсмотрѣнія тѣхъ душевныхъ способностей, а также душевныхъ дѣйствій, или актовъ, которымъ можно приписать возникновеніе и всѣ особенности мыслей, или же какъ-нибудь иначе?*

Дѣло въ томъ, что разнообразіе мыслей, и вообще душевныхъ явленій, уже и въ обыденной жизни, внушаетъ намъ убѣжденіе въ существованіи разнообразныхъ душевныхъ способностей. Напримѣръ: воспоминанія мы приписываемъ памяти, желанія волѣ, и т. д. Понятно, что и въ наукѣ, какъ только стали разсматривать душевныя явленія, тотчасъ же приписали ихъ нѣсколькимъ душевнымъ способностямъ. Такъ, уже Платонъ (ум. въ 347 г. до Р. Х.) считаетъ душу состоящей изъ трехъ, какъ онъ выражается, *частей*, подразумѣвая подъ каждой частью особую душевную способность. Послѣ же Платона въ научной литературѣ постоянно встрѣчается ученіе о существованіи нѣсколькихъ душевныхъ способностей, которыя называли *то способностями, то частями души, то силами души.*

Ихъ называли частями души оттого, что если не всѣ онѣ, то нѣкоторыя, напримѣръ — память, воля и т. п., невольно кажутся намъ чѣмъ-то самостоятельнымъ относительно другъ друга, вслѣдствіе чего, особенно если мы склоняемся къ немонистическому взгляду на составъ душевной жизни,

онѣ невольно рисуются нашему уму, какъ бы составныя части души, а душа, какъ что-то составленное изъ этихъ частей, какъ сложная сущность. И до какой обособленности доходили душевныя способности въ пониманіи нѣкоторыхъ изслѣдователей, видно, напримѣръ, изъ того, что Платонъ иногда высказывался за безсмертіе лишь одной изъ трехъ составныхъ частей души (иногда же у него замѣчается колебаніе, не считать ли душу, всегда состоящей изъ трехъ частей). Точно также у Аристотеля (ум. 322 г. до Р. Х.) безсмертной остается лишь одна изъ двухъ частей, образующихъ человѣческую душу, а другая умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Подъ вліяніемъ же Платона и Аристотеля философія находилась очень долгое время, почти до XVII вѣка. Такова-то причина, что душевныя способности называли нерѣдко частями души: нужно умышленно удерживать себя, чтобы душевныя способности не казались намъ самостоятельными частями души.

Разумѣется, для тѣхъ, кто склонялся къ монистическому истолкованію состава душевной жизни, было неудобно называть способности частями души, потому что монистическія воззрѣнія естественнѣе всего мирятся либо съ матеріализмомъ, т. е. *отрицаніемъ* самаго существованія души (именно—сенсуализмъ почти всегда соединялся съ матеріализмомъ), а слѣдовательно и ея частей, либо съ ученіемъ, что душа есть простая, т. е. неразложимая на части, сущность (сравн. выше стр. 129 и слѣд.). Поэтому послѣдніе психологи предпочитаютъ употреблять выраженія: „душевныя способности“, „силы души“, но отнюдь не „части души“. А чтобы избавить себя и своихъ читателей отъ соблазна мыслить эти способности, или силы, какъ самостоятельныя части, помогаютъ дѣлу посредствомъ такой оговорки, которой сопровождаютъ поясненія каждой отдѣльной спасобности: „этой способностью называется *та-же самая душа*, когда она исполняетъ функціи, приписываемыя этой способности“. Напримѣръ: „памятью называется та-же самая душа, когда она вспоминаетъ, которая называется и волей, когда желаетъ, выбираетъ и т. д.“

Что же касается выраженія „силы души“, то оно употребляется, какъ синонимъ выраженія „душевныя способности“, по слѣдующей причинѣ: понятіе душевныхъ способностей вполнѣ однородно съ понятіемъ силъ внѣшней природы. *И въ томъ, и въ другомъ случаѣ подразумѣвается метафизическая (т. е. по самому понятію своему навсегда скрытая за предѣлами опыта) причина возникновенія среди данныхъ опыта тѣхъ явленій, какія мы приписываемъ этой причинѣ: если рѣчь идетъ объ явленіяхъ внѣшней природы* (напримѣръ—о взаимномъ сближеніи, о взаимномъ удаленіи двухъ тѣлъ и т. п.), *то эта причина называется силой природы* (напримѣръ—притягательной, отталкивательной силой и т. п.); *если же имѣются въ виду душевныя явленія* (напримѣръ—воспоминанія, хотѣнія и т. д.), *то эта причина называется душевной способностью* (напримѣръ—памятью, волей и т. п.). Оттого-то выраженіе „душевная способность“ или просто „способность“ нерѣдко замѣняется въ иностран-

ной литературѣ выраженіемъ „сила души“. Оттого и заглавіе одного изъ сочиненій Канта „Kritik der Urtheilskraft“ переводится на русскій языкъ двоякимъ образомъ: то—„Критика *способности* сужденій“, то—„Критика *силы* сужденій“. Впрочемъ, въ русской литературѣ выраженіе „сила души“ какъ-то не привилось и почти всегда замѣняется выраженіемъ „душевная способность“, потому что первое слишкомъ сбивчиво, двусмысленно: вѣдь слово „сила“ обозначаетъ сразу и способность, и степень напряженія ея дѣйствій. Напримѣръ: часто трудно бываетъ разобрать, когда говорятъ о силѣ памяти, имѣется ли въ виду просто способность памяти, или же степень ея дѣйствія. Только при употребленіи множественнаго числа „силы души“—это слово утрачиваетъ свою двусмысленность.

Въ обыденной жизни мы любимъ судить о душевныхъ явленіяхъ посредствомъ заключенія о томъ, какими они должны быть сообразно съ свойствами тѣхъ душевныхъ способностей, которымъ мы приписываемъ эти явленія. Напримѣръ: о воспоминаніяхъ, объ ихъ возникновеніи и смѣнѣ въ нашемъ сознаніи мы охотно судимъ посредствомъ заключеній, основанныхъ на разсмотрѣніи функцій памяти. Если же намъ встрѣтится какое-нибудь обстоятельство душевной жизни, невыводимое изъ функцій той или другой душевной способности, то мы стараемся тотчасъ же приписать послѣдней такія новыя свойства, чтобы это обстоятельство вытекало изъ нашего взгляда на данную душевную способность. Напримѣръ: мы подмѣчаемъ, что одни люди легче запоминаютъ числа, другіе же собственныя имена, третьи цвѣта и т. д., и тотчасъ же приписываемъ памяти новое свойство быть у разныхъ лицъ неодинаково сильной по отношенію къ разнымъ предметамъ.

Словомъ: *если слѣдовать практикѣ обыденной жизни, то психологія должна бы быть не ученіемъ о самихъ душевныхъ явленіяхъ, а скорѣе ученьемъ о душевныхъ способностяхъ, основаннымъ на наблюденіяхъ надъ душевными явленіями.* Она должна бы посредствомъ предварительнаго наблюденія душевныхъ явленій установить, сколько слѣдуетъ допускать душевныхъ способностей, какъ характеризовать каждую изъ нихъ, и послѣ того на основаніи этихъ характеристикъ заключать, каковы должны быть фактически существующія душевныя явленія; если же при дальнѣйшихъ наблюденіяхъ встрѣтится что-нибудь невыводимое изъ уже сдѣланныхъ характеристикъ душевныхъ способностей, то психологія надлежащимъ образомъ должна пополнить и исправить эти характеристики.

Прежняя психологія такъ и поступала почти до середины XIX вѣка съ того самаго времени, какъ только возникла. При этомъ *прежняя психологія, классифицируя и характеризуя устанавливаемыя ею душевныя способности, почти всегда смѣшивала психологическую (безоценочную) точку зрѣнія съ оцѣночными (этической и эстетической)*, какъ это видно изъ того, что *въ ней постоянно повторяется раздѣленіе душевныхъ способностей на высшія и низшія*, между тѣмъ какъ съ

чисто психологической точки зрѣнія нѣтъ ничего ни высокаго, ни низкаго: все составляетъ данный въ опытѣ фактъ, который можетъ быть сложнымъ или простымъ, основнымъ или производнымъ, труднымъ или легкимъ для изученія и т. п., но отнюдь не высокимъ или низменнымъ. Уже одно это постоянное смѣшеніе психологической точки зрѣнія съ непсихологическими должно было вызвать реакцію противъ построенія психологіи въ видѣ ученія не о самихъ душевныхъ явленіяхъ, но о душевныхъ способностяхъ. Эта реакція и возникла, хотя главными причинами, вызвавшими ее были метафизическія соображенія о сущности начала, порождающаго душевныя явленія: допускаемая психологіей множественность душевныхъ способностей, которыя невольно рисуются передъ нами, какъ бы обособленныя, самостоятельныя части *души*, противорѣчила и матеріализму (а съ нимъ почти всегда соединяется сенсуализмъ, который имѣлъ большой успѣхъ въ концѣ XVIII вѣка), и спиритуалистическому ученію, что душа въ отличіе отъ тѣла составляетъ *простую*, неразложимую на части сущность.

Главнымъ представителемъ этой реакціи былъ Гербартъ, ум. въ 1849 г. Ему хотѣлось отстоять свой метафизическій взглядъ, что душа есть *простая* сущность, такъ что могла бы быть всего только *одна* душевная способность, въ которой и выражается вся природа души. Эту мысль Гербартъ высказывалъ въ видѣ положенія, гласящаго: „душа есть *простое* качество“, и свою борьбу онъ повелъ противъ *множественности* способностей. Но на дѣлѣ то вышло, что Гербартъ вообще дискредитировалъ употребленіе понятія душевныхъ способностей, потому что изъ его доводовъ вытекала *негодность вообще* этого понятія для психологіи, а не только негодность допускать *много* душевныхъ способностей, и въ то же время нѣкоторые изъ этихъ доводовъ были крайне удачными. И со времени Гербарта психологія сильно измѣнилась: изъ ученія о душевныхъ *способностяхъ*, хотя бы и основаннаго на наблюденіи душевныхъ явленій, она постепенно превратилась въ такое ученіе о *самихъ* душевныхъ *явленіяхъ*, которое, если и пользуется понятіемъ разнообразныхъ душевныхъ способностей, то *отнюдь не какъ средствомъ, объясняющимъ явленія, а всего только сокращающимъ наши выраженія относительно явленій, помогающимъ намъ удобнѣе говорить о нихъ*.

Впрочемъ, надо сознаться, что въ современной психологіи не рѣдкость встрѣтить такое употребленіе понятія различныхъ *душевныхъ актовъ*, или *дѣйствій*, которое играетъ совершенно такую же роль, какъ прежнее употребленіе понятія душевныхъ способностей, хотя иногда этихъ актовъ (или дѣйствій) вовсе не разсматриваютъ, какъ функціи какихъ-либо опредѣленныхъ душевныхъ способностей; но пользуются понятіями этихъ актовъ не для того только, чтобы было *удобнѣе говорить* объ явленіяхъ, а чтобы *объяснять* явленія этими актами, совершенно также, какъ прежняя психологія объясняла ихъ душевными способностями. Поэтому современная психологія иногда превращается изъ ученія о самихъ душевныхъ явленіяхъ въ *ученіе о душевныхъ актахъ*,

производящихъ эти явленія. Въ этомъ отношеніи особенно отличаются психологи волюнтаристы. „Апперцепція“ Вундта, подъ которой онъ хочетъ подразумѣвать не душевную способность, но душевный актъ, играетъ у него совершенно такую же роль, какъ и душевныя способности въ прежней психологіи: онъ *объясняетъ* этой апперцепціей всѣ важнѣйшія душевныя явленія, и вся психологія превращается у него изъ ученія о самихъ душевныхъ явленіяхъ въ ученіе объ апперцепціи и ея роли въ общемъ строѣ душевной жизни.

Такова исторія не только поставленнаго нами (на стр. 255) вопроса о методѣ изученія мыслей (изучать ли ихъ, отправляясь отъ разсмотрѣнія душевныхъ способностей и душевныхъ актовъ, или же какъ-нибудь иначе), но и вообще исторія отношенія психологіи къ душевнымъ способностямъ и къ душевнымъ актамъ. Но ограничиваться одной лишь исторіей вопроса для его окончательнаго рѣшенія еще нельзя: необходимо еще самостоятельно обсудить, насколько ходъ исторіи оправдывается гносеологіей. Обязываетъ ли насъ гносеологія при изученіи самихъ душевныхъ явленій выбросить за бортъ всѣ душевныя способности и дѣйствія, или же, напротивъ, позволяетъ намъ удержать эти понятія въ психологіи, и если позволяетъ, то какъ надо пользоваться ими?

Понятіе любой душевной способности, несомнѣнно, составляетъ трансцендентное (иначе—метафизическое) понятіе, ибо: во-первыхъ, мы вовсе не наблюдаемъ въ себѣ самихъ душевныхъ способностей, напримѣръ—самой памяти, а только примышляемъ, т. е. сами присоединяемъ, къ даннымъ въ опытѣ явленіямъ (напримѣръ—къ воспоминаніямъ) ту способность (память), которой мы приписываемъ эти явленія; во-вторыхъ, подъ душевной способностью и подразумѣвается *навсегда скрытая,* т. е. метафизическая, причина тѣхъ явленій, которыя приписываются этой причинѣ въ качествѣ ея дѣйствій. Отсюда слѣдуетъ, что *душевныя способности не могутъ быть предметомъ психологіи: послѣдняя не имѣетъ права быть ученіемъ о самихъ душевныхъ способностяхъ, хотя бы это ученіе и основывалось на самыхъ тщательныхъ наблюденіяхъ душевныхъ явленій.* Иначе мы *подмѣнимъ* ее метафизикой, между тѣмъ, если и вѣрить въ возможность метафизики въ видѣ науки, то она должна быть *особой* наукой, откровенно занимающей свое *особое* мѣсто среди другихъ наукъ, а не пролѣзающей въ ихъ область изподтишка подъ флагомъ и за спиной другой науки. И прежняя психологія, объяснявшая душевную жизнь способностями, была ничѣмъ инымъ, какъ метафизикой душевной жизни. Оттого, можетъ быть, она и принуждена была пополнять свое содержаніе не собственными изслѣдованіями, а главнымъ образомъ путемъ заимствованія изъ другихъ научныхъ дисциплинъ.

Но, конечно, психологія вправѣ пользоваться душевными способностями, какъ вспомогательнымъ средствомъ, какъ рабочей гипотезой, если это бу-

детъ для нея хоть сколько нибудь полезно, предохраняя себя, однако, отъ причиняемаго ими вреда, о которомъ упоминаетъ Гербартъ. Поэтому мы должны оцѣнить всю пользу и вредъ, приносимый употребленіемъ понятія душевныхъ способностей, хотя бы и въ видѣ рабочей гипотезы, т. е. всего лишь вспомогательнаго средства.

Объясненіе различныхъ душевныхъ явленій тѣми способностями, которымъ мы приписемъ эти явленія, не въ состояніи оказывать намъ такія услуги, какія встрѣчаются со стороны многихъ другихъ рабочихъ гипотезъ, напримѣръ — со стороны атомизма (который, несомнѣнно, тоже составляетъ метафизическую гипотезу; ибо уже самое допущеніе существованія матеріи вообще составляетъ одно изъ метафизическихъ ученій, явно недоказуемое вслѣдствіе неопровержимости идеализма). *Объясненія душевныхъ явленій душевными способностями вовсе не таковы, чтобы, связывая между собой массу разнообразныхъ фактовъ, они давали возможность легче запоминать ихъ, и не таковы, чтобы наталкивали насъ на открытія новыхъ фактовъ.* Многія же другія рабочія гипотезы служатъ превосходнымъ мнемоническимъ и эвристическимъ средствомъ. Но *объясненія душевныхъ явленій душевными способностями слишкомъ безсодержательны, чтобы оказывать такія услуги.* По справедливому указанію Гербарта, они настолько же безсодержательны, какъ и объясненіе усыпленія, наблюдаемаго послѣ пріема морфія, усыпительной силой морфія. Вѣдь въ содержаніи данной способности, равно какъ и силы, не мыслится *ничего другого* кромѣ того, что она *производитъ* приписываемыя ей явленія. Поэтому, когда мы объясняемъ существованіе данной группы явленій какой-либо способностью, то наши объясненія сводятся исключительно къ такому, но замаскированному, утвержденію: „эти явленія оттого существуютъ, что есть порождающая ихъ причина“. Напримѣръ, объясненіе существованія воспоминаній ссылкой на память сводится къ такому замаскированному утвержденію: „воспоминанія существуютъ потому, что есть причина, производящая воспоминанія“. Вѣдь подъ памятью же не мыслится ничего *другого* кромѣ причины, производящей воспоминанія. При такой безсодержательности объясненій, доставляемыхъ понятіемъ душевныхъ способностей, оно, разумѣется, не можетъ служить ни мнемоническимъ, ни эвристическимъ средствомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ справедливо указалъ Гербартъ, *это понятіе приноситъ несомнѣнный вредъ, если мы такъ будемъ пользоваться имъ, что психологія обратится въ ученіе о душевныхъ способностяхъ*, хотя бы и основанное на наблюденіи явленій, т. е. если мы сдѣлаемъ центромъ тяжести своихъ изслѣдованій подробныя и точныя описанія различій душевныхъ способностей и объясненіе явленій съ помощью этихъ описаній: тогда, конечно, наше вниманіе будетъ отвлечено отъ изученія самихъ явленій, отъ нахожденія существующихъ въ нихъ законосообразныхъ связей и отъ объясненія явленій законами природы, которымъ подчинены эти явленія, и мы запутаемся въ разнообразные споры, какъ намъ охарактеризо-

вать разницу между душевными способностями; сами же душевныя явленія и ихъ законосообразныя связи будутъ интересовать насъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для характеристики разницы душевныхъ способностей. Напримѣръ: такимъ-то именно путемъ и возникаетъ безплодный споръ, въ чемъ разница между памятью и воображеніемъ. Разъяснимъ его подробнѣе.

Дѣло въ томъ, что у насъ есть воспоминанія, т. е. такія представленія, или образы, которыя сопровождаются сознаніемъ, что ихъ содержаніе *когда-то* было воспринято нами (такое сознаніе обыкновенно называютъ *узнаваніемъ* представленія, или образа), напримѣръ—воспоминаніе о Казанскомъ соборѣ; а наряду съ этимъ есть образы, или представленія такихъ предметовъ, которые никогда не воспринимались нами, напримѣръ — представленіе русалки. И вотъ, по поводу первыхъ представленій у насъ возникаетъ мысль о способности, называемой памятью, а по поводу вторыхъ о воображеніи, какъ о причинахъ существованія тѣхъ и другихъ представленій. Разницу же этихъ способностей мы указываемъ въ томъ, что *функціей памяти служитъ воспроизведеніе прежде воспринятаго содержанія въ видѣ представленій и предварительное (до наступленія воспроизведенія) сохраненіе его, а функціей воображенія творчество новаго содержанія въ видѣ образовъ, или представленій.*

Но въ то-же время намъ кидается въ глаза, что и воспроизведенныя, и воображаемыя представленія по существу своему вполнѣ однородны: и тамъ, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ образами. Ихъ однородность доходитъ до того, что мы нерѣдко смѣшиваемъ ихъ между собой: принимаемъ за воспоминанія то, что навоображали при воспоминаніяхъ; принимаемъ за вновь созданное нами содержаніе то, что въ дѣйствительности когда-то было воспринято нами. И вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ еще нерѣдко встрѣчаются мысли о такихъ предметахъ, образы, или представленія которыхъ для насъ неосуществимы, напримѣръ четырехмѣрное пространство, чисто духовныя сущности и т. п. Мы ихъ только мыслимъ, а не представляемъ, не воплощаемъ въ такіе образы, которые соотвѣтствовали бы этимъ предметамъ; остальныя же вещи таковы, что мысли о нихъ могутъ воплощаться въ ихъ образы, или представленія. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ многихъ (и авторовъ психологическихъ произведеній, и въ большой публикѣ) *называть воображеніемъ способность къ образамъ вообще*, будутъ ли они воспроизведенными или воображаемыми, безразлично, *способность воплощать наши мысли въ образы.* При этомъ уже приходится говорить, что *воображеніе бываетъ двоякимъ: то воспроизводящимъ, иначе—репродуктивнымъ, то творческимъ, иначе—продуктивнымъ*, но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ его функція состоитъ въ созданіи въ нашемъ сознаніи образа, въ претвореніи нашихъ мыслей въ образы. Такое пониманіе воображенія въ иностранной литературѣ встрѣчается неизмѣримо чаще прежде указаннаго, а подъ ея вліяніемъ оно нерѣдко попадается и въ русской литературѣ.

Но въ чемъ же тогда состоитъ функція памяти? Только *въ узнава-*

ніи воспроизведенныхъ представленій, отвѣчаютъ послѣдователи сейчасъ изложеннаго взгляда. Нѣтъ, возражаютъ имъ поклонники прежде указаннаго мнѣнія: воспроизведеніе представленій нужно считать одной изъ функцій памяти, а воображенію надо приписывать только творчество; вѣдь нельзя воспроизводить представленіе, не сохраняя его до наступленія его воспроизведенія, а воображенію нелѣпо приписывать сохраненіе накопившихся представленій и т. д. И вотъ, разгорается споръ объ этихъ функціяхъ, который заставляетъ насъ тщательно вдумываться, какія функціи можно считать настолько родственными между собой, чтобы приписать ихъ одной и той же способности, а какія надо подѣлить между разными способностями,—споръ, при которомъ мы совершенно забываемъ о томъ, чтобы вглядываться въ явленія, выяснять ихъ закономѣрныя связи и объяснять явленія законами явленій. Между тѣмъ, если мы хотимъ, чтобы психологія была ученіемъ о *свойствахъ* душевныхъ способностей, (хотя бы и основаннымъ на наблюденіи явленій) и чтобы она *объясняла* явленія этими свойствами, то, конечно, мы обязаны довесть этотъ споръ до полной побѣды одной стороны надъ другой: нельзя же объяснять явленія разными способностями, не установивъ сперва, чѣмъ отличаются онѣ другъ отъ друга.

Однако, изъ всего сказаннаго вытекаетъ вовсе не то, что вывелъ Гербартъ, вовсе не то, чтобы мы должны были совсѣмъ не употреблять въ психологіи *разныхъ* душевныхъ способностей, а только то, что не слѣдуетъ пользоваться ими для *объясненія* явленій, хотя бы такое объясненіе считалось всего лишь рабочей гипотезой.

Но душевными способностями можно смѣло пользоваться, какъ средствомъ, помогающимъ намъ сокращеннымъ образомъ высказываться о душевныхъ явленіяхъ. Къ этой услугѣ онѣ вполнѣ пригодны; ибо *названіе каждой душевной способности обозначаетъ собой не только скрытую причину, которой мы приписываемъ опредѣленную группу явленій, но еще и родовое понятіе, подъ которое мы подводимъ всѣ явленія этой группы.* Напримѣръ: слово память обозначаетъ не только скрытую причину воспоминаній, но и всю совокупность воспоминаній. Родовыя же названія, разумѣется, значительно сокращаютъ наши выраженія. И если мы будемъ пользоваться душевными способностями только въ смыслѣ родовыхъ названій, то отпадетъ и та вредная сторона употребленія понятія душевныхъ способностей, о которой ты только что говорили; ибо она возникаетъ лишь при ихъ употребленіи для объясненія явленій. При такомъ употребленіи намъ, конечно, прежде всего необходимо выяснить, чѣмъ именно отличаются разныя способности (т. е. наши объясняющія средства) другъ отъ друга. Если же взамѣнъ объясненія мы употребляемъ душевныя способности лишь *для обозначенія, для называнія* явленій, то мы имѣемъ право прекратить всякіе споры о функціяхъ той или другой способности посредствомъ установленнаго нами *условія*, что именно станемъ мы подразумѣвать подъ той или другой способностью. Напримѣръ: мы можемъ

прямо *условиться*, что именно мы будемъ называть памятью, а что воображеніемъ. Оттого-то теперь попадаются психологи, которые безъ всякихъ споровъ между собой разсматриваютъ то-же самое явленіе одни въ главѣ о памяти, а другіе въ главѣ о воображеніи.

Такимъ образомъ, съ душевными способностями намъ приходится въ психологіи поступать точно такъ же, какъ при изученіи внѣшней природы съ силами природы. Послѣднія, будучи метафизическими предметами, тоже сами по себѣ не могутъ быть изучаемы; тѣмъ не менѣе наука все-таки пользуется понятіемъ силы, напримѣръ, силы всемірнаго притяженія и т. п., но не какъ предметомъ изученія, а какъ вспомогательнымъ средствомъ для изученія явленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ *объясненія* явленій посредствомъ силъ природы тоже слишкомъ безсодержательны, чтобы эти объясненія служили мнемоническимъ или эвристическимъ средствомъ. Напримѣръ: объяснять сближеніе матеріальныхъ частицъ тѣмъ, что въ нихъ дѣйствуетъ сила взаимнаго притяженія, значитъ давать столь безсодержательное объясненіе, что оно ничуть не больше поможетъ намъ запоминать факты, и ничуть не больше натолкнетъ насъ на какія-либо открытія, чѣмъ если мы прямо скажемъ, что всѣ матеріальныя частицы подчинены закону взаимнаго сближенія. Вѣдь про силу взаимнаго притяженія мы не можемъ сказать ровно ничего другого, кромѣ того, что изъ-за нея всѣ частицы оказываются подчиненными закону взаимнаго сближенія. Слѣдовательно, къ чему же сводится вся польза употребленія въ естествознаніи понятія силъ природы? Только къ удобству выражаться при помощи этого понятія, когда мы говоримъ объ явленіяхъ внѣшней природы. Къ подобному же удобству сводится и польза отъ употребленія душевныхъ способностей въ психологіи.

Но это не единственная услуга, которую могутъ оказать намъ душевныя способности. Онѣ небезполезны еще по другой причинѣ, которая отпадаетъ, когда рѣчь идетъ о силахъ внѣшней природы: *психологія должна не затруднять, но облегчать возможность связать въ одно цѣлое доставляемыя ею свѣдѣнія о душевныхъ явленіяхъ съ тѣми, которыя уже накопились и въ обыденной жизни; послѣднія же всегда оказываются высказанными на языкѣ душевныхъ способностей.* Поэтому и научныя положенія о душевныхъ явленіяхъ надо умѣть высказывать также и на языкѣ душевныхъ способностей, хотя бы они были установлены безъ его помощи.

Но, употребляя этотъ языкъ, очень легко сбиться на безполезныя, по своей безсодержательности, и даже вредныя попытки объяснять (а не только называть) явленія посредствомъ приписыванія ихъ разнымъ способностямъ. Чтобы предохранить себя отъ этой ошибки слѣдуетъ такъ поступать:

Во-первыхъ, надо разсматривать душевныя явленія сначала безъ употребленія понятія душевныхъ способностей; а когда будетъ оконченъ какой-нибудь вопросъ, показать, какъ полученные результаты могутъ быть высказаны и на языкѣ душевныхъ способностей.

Если же этотъ языкъ двоится, напримѣръ, если разница между функціями памяти и воображенія описывается двоякимъ образомъ, показать, какъ языкъ самихъ душевныхъ явленій можетъ быть переведенъ на каждый изъ этихъ діалектовъ языка способностей.

Во-вторыхъ, если трудно коротко выражаться безъ употребленія понятія той или другой способности, или ея дѣятельности, то тотчасъ же показать, что обозначаетъ это выраженіе на языкѣ самихъ душевныхъ явленій — безъ употребленія даннаго понятія, и постоянно быть наготовѣ къ подобному переводу съ языка способностей на языкъ явленій, т. е. въ психологіи надо поступать съ душевными способностями, какъ натуралистъ съ силами природы: послѣдній, употребляя понятіе той или другой силы природы, тотчасъ же поясняетъ и всегда готовъ указать, что обозначаетъ высказанное имъ съ помощью этого понятія выраженіе, если его высказать на языкѣ однихъ лишь явленій.

Однако, все сказанное не исключаетъ существованія и такихъ понятій душевныхъ способностей, употребленіе которыхъ можетъ причинять только вредъ, такъ что ихъ никогда не слѣдуетъ употреблять. Это — *разумъ* и *разсудокъ*. Дѣло вотъ въ чемъ: не только въ обыденной жизни, но даже и въ философской литературѣ эти понятія стали столь неопредѣленными и многосмысленными, что ихъ употребленіе взамѣнъ удобства выраженій дѣлаетъ нашу рѣчь объ явленіяхъ крайне сбивчивой и неясной. Невольно каждый сбивается, слыша эти слова, употребляемыя въ одномъ опредѣленномъ значеніи, на другія, болѣе привычныя ему значенія; или же сбивается между разными смыслами этихъ понятій и тотъ, кто употребляетъ ихъ. Этого мало: терминъ „разумъ“, а вслѣдъ за нимъ и „разсудокъ“, какъ-то срослся съ оцѣночной, т. е. съ непсихологической точкой зрѣнія. Съ мыслью о разумѣ неразрывно срослась мысль, что своей *цѣнностью* онъ превосходитъ всѣ душевныя способности. Его даже выставляютъ часто, какъ способность къ такимъ взглядамъ, съ которыми обязательно соглашаться уже потому, что они требуются разумомъ: ссылка на требованія разума нерѣдко служитъ единственнымъ доводомъ въ пользу какого-нибудь защищаемаго мнѣнія. И такъ какъ почти каждый человѣкъ понимаетъ разумъ по своему, то каждый приписываетъ разуму такія требованія, какія ему лично кажутся наивѣрнѣйшими взглядами, и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ возможность проповѣдывать, какъ бы святую истину, произвольныя, совершенно недоказанныя, а зачастую даже и недоказуемыя, воззрѣнія. Все это дѣлаетъ слово „разумъ“ пригоднымъ только для того, чтобы прикрывать имъ въ нашихъ мысляхъ неопредѣленность, туманность и произвольность, а отнюдь не для того, чтобы служить вспомогательнымъ средствомъ для науки.

Съ словомъ же „разумъ“ находится въ тѣсной связи и значеніе слова „разсудокъ“, такъ что оно тоже становится какимъ-то неопредѣленнымъ и сбивчивымъ, вслѣдствіе чего оно вмѣстѣ съ разумомъ тоже должно быть изгнано изъ науки. За счетъ обѣихъ этихъ способностей, взятыхъ *вмѣстѣ*,

ставится въ нашихъ мысляхъ то, чего нельзя приписать ни памяти, ни воображенію, такъ что *между разумомъ и разсудкомъ дѣлится несводимый на дѣйствія памяти и воображенія остатокъ въ нашихъ мысляхъ.* Отсюда ясно, что если слово „разумъ“ имѣетъ колеблющееся, сбивчивое значеніе, то его колебанія и сбивчивость отразятся также и на значеніи слова „разсудокъ“. Поэтому приходится выбросить за бортъ ихъ оба вмѣстѣ.

Конечно, при этомъ у насъ тотчасъ же возникаетъ такой вопросъ: какъ же намъ сокращеннымъ образомъ высказываться о душевныхъ явленіяхъ, отказавшись отъ употребленія понятій разума и разсудка? Очень просто: въ наукѣ выработалось и сдѣлалось общепринятымъ названіе, которое обозначаетъ сразу и дѣятельность разума, и дѣятельность разсудка, но въ значеніи котораго нѣтъ ни малѣйшей примѣси оцѣночной точки зрѣнія. Напротивъ: этотъ терминъ имѣетъ чисто психологическое значеніе. Ему даже нельзя умышленно приписать никакого оцѣночнаго смысла. И вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ терминъ не содержитъ въ себѣ ни малѣйшей двусмысленности, ни малѣйшей сбивчивости: всѣ употребляютъ его въ одинаковомъ смыслѣ, что, конечно, не препятствуетъ разнообразію ученій *о сущности* той дѣятельности, которая обозначается этимъ терминомъ. Это— *мышленіе*. Подъ нимъ всѣ безъ исключенія подразумѣваютъ *дѣятельность, порождающую въ нашихъ мысляхъ то, чего нельзя приписать ни памяти, ни воображенію,* хотя это не препятствуетъ существованію разнообразныхъ теорій мышленія. Вотъ, съ помощью этого понятія и можно сокращенно выражаться по поводу нашихъ мыслей, не внося въ нашу рѣчь никакой сбивчивости, неотдѣлимой отъ понятій разума и разсудка. Къ тому же, хотя терминъ „мышленіе“ и искусственнаго, книжнаго происхожденія, хотя онъ выработанъ наукой, а не обыденной жизнью, тѣмъ не менѣе легко связать при его помощи психологическія свѣдѣнія, накопившіяся въ обыденной жизни, съ научными: *все, что обыденная жизнь приписываетъ разуму и разсудку, должно быть приписано мышленію.*

Мышленію же надо приписывать и все, что обыденная жизнь приписываетъ уму въ узкомъ значеніи этого слова, какъ бы ни понимался онъ ею въ этомъ узкомъ смыслѣ, будетъ ли то способность, объединяющая въ себѣ и разсудокъ и разумъ, или же способность низшая, чѣмъ разумъ. Для поясненія сказаннаго надо разобраться въ разнообразныхъ значеніяхъ слова „умъ“. Умомъ въ широкомъ смыслѣ слова обыденная жизнь называетъ способность къ мыслямъ вообще, такъ что за счетъ ума въ широкомъ смыслѣ ставятся ею всѣ мысли безъ исключенія и все, что наблюдается въ мысляхъ. Поэтому въ составъ ума въ широкомъ смыслѣ входятъ и память, и воображеніе, и т. д. Напримѣръ: называютъ особенностями *„ума“* даннаго человѣка, если подмѣчаютъ въ немъ богатое воображеніе, прочность воспоминаній и т. п. Но наряду съ этимъ обыденная жизнь называетъ умомъ способность въ нашихъ мысляхъ къ тому, чего въ нихъ нельзя поставить за счетъ памяти и воображенія, такъ что здѣсь

слово *„умъ“* употребляется въ узкомъ смыслѣ способности, отличающейся и отъ памяти, и отъ воображенія. Очевидно, слово „умъ“ въ только что указанномъ смыслѣ охватываетъ и разумъ, и разсудокъ: послѣдніе, взятые оба вмѣстѣ, образуютъ умъ въ узкомъ смыслѣ. Но на этомъ дѣло не останавливается: вмѣстѣ съ тѣмъ умъ начинаетъ противопоставляться разуму, не какъ способность, *охватывающая* и разумъ, и разсудокъ, а какъ одна изъ способностей, существующихъ *наряду* съ разумомъ, а слѣдовательно, и наряду съ разсудкомъ, такъ что получается еще *второе узкое значеніе слова „умъ“*, употребляемое одновременно съ только что описаннымъ. Это происходитъ оттого, что понятіе разума тѣсно слито съ оцѣночной точкой зрѣнія: разумъ считается чѣмъ-то *высшимъ* по сравненію со *всѣми* другими душевными способностями. Не можетъ же высшее, т. е. разумъ, быть частью того, что тоже должно считаться низшимъ по сравненію съ разумомъ, т. е. частью ума. И вотъ, слово „умъ“ въ этомъ второмъ узкомъ смыслѣ становится столь же неопредѣленнымъ, столь же сбивчивымъ, а потому столь же зловреднымъ, какъ и „разумъ“, такъ что, если кто попытается въ точности выяснить, чѣмъ же именно отличается умъ въ этомъ, второмъ узкомъ смыслѣ и отъ разума, и отъ разсудка, то онъ совсѣмъ запутается въ своихъ попыткахъ, и у него, какъ говорится, умъ за разумъ зайдетъ. По всему этому *слово „умъ“, если и можно употреблять въ наукѣ, то только въ широкомъ смыслѣ, какъ слово, обозначающее способность къ переживанію какихъ бы то ни было мыслей и перемѣнъ въ мысляхъ.* Въ узкомъ же смыслѣ оно вредно, какъ до-нельзя сбивчивое по своей многосмысленности, при чемъ еще въ нѣкоторыхъ изъ своихъ узкихъ значеній оно, какъ и слово „разумъ“, соединено съ оцѣночной т. е. съ непсихологической точкой зрѣнія. А тѣ услуги для сокращенія нашихъ выраженій по поводу мыслей, которыя могло бы оказать слово „умъ“ въ одномъ изъ своихъ узкихъ значеній, оказываетъ намъ терминъ „мышленіе“. Вѣдь имъ приходится называть и дѣятельность ума въ любомъ изъ узкихъ значеній этого слова, коль скоро подъ мышленіемъ единогласно подразумѣвается дѣятельность, порождающая въ нашихъ мысляхъ то, чего нельзя приписать, ни памяти, ни воображенію.

Таковъ-то методъ, которымъ психологія должна выбраться изъ той путаницы и безсодержательности, въ какія ее нерѣдко заводило прежнее неосторожное примѣненіе понятія разнообразныхъ душевныхъ способностей, путаницы, которая, вдобавокъ, придавала психологіи характеръ метафизики, характеръ ученія не о самихъ душевныхъ явленіяхъ, но о душевныхъ способностяхъ, т. е. о томъ, что остается за предѣлами возможнаго опыта, откуда очень легко было перейти къ ученію о той сущности, которая рождаетъ душевныя явленія и т. д. Повторимъ вкратцѣ, въ чемъ состоитъ этотъ методъ:

1. Душевныя способности употребляются отнюдь не для объясненія явленій, а только какъ вспомогательное средство, для сокращенія нашихъ выраженій по поводу явленій, при чемъ надо, какъ можно больше, обхо-

диться безъ помощи такого средства, а гдѣ это будетъ затруднительно, пояснять, что означаетъ на языкѣ самихъ явленій-то, что сказано по поводу нихъ на языкѣ способностей.

2. Изо всѣхъ способностей, касающихся мыслей, употребляются для указанной цѣли только память и воображеніе, при чемъ граница между функціями той и другой (т. е. разница въ значеніи словъ „память“ и „воображеніе“) устанавливается чисто условнымъ образомъ. Понятіе же „разумъ“, „разсудокъ“ и „умъ“ во всѣхъ узкихъ его значеніяхъ должны быть изгнаны изъ употребленія, а тѣ услуги, которыя могли бы оказать эти понятія въ смыслѣ удобствъ выраженій, осуществляются при помощи понятія мышленія.

3. Понятіе „умъ“, если и позволительно употреблять въ психологіи (конечно, не для объясненія явленій, а лишь въ видѣ средства, сокращающаго наши выраженія), то только въ широкомъ смыслѣ, какъ способность къ переживанію какихъ бы то ни было мыслей.

4. Вслѣдствіе этого и слово „думать“, которымъ обыденная жизнь обозначаетъ дѣятельность ума, взятаго въ любомъ изъ значеній слова „умъ“, если и позволительно употреблять въ психологіи, то только въ широкомъ смыслѣ, какъ слово, обозначающее дѣятельность ума въ широкомъ смыслѣ, т. е. для обозначенія переживанія какихъ бы то ни было мыслей: ибо ясно, что если слово „умъ“ въ узкомъ смыслѣ отличается сбивчивостью, то такой же сбивчивостью должно страдать и слово, обозначающее дѣятельность ума въ узкомъ смыслѣ, т. е. слово „думать“ въ его узкихъ значеніяхъ.

Такимъ образомъ, есть полная возможность и вмѣстѣ съ тѣмъ нужно обходиться въ наукѣ безъ употребленія зловреднаго слова „разумъ“. Это методологическое правило, конечно, не касается тѣхъ случаевъ, когда у насъ рѣчь идетъ объ исторіи психологическихъ и вообще философскихъ воззрѣній. Въ исторіи науки мы должны прежде всего брать всѣ научныя ученія въ томъ видѣ, какъ они были установлены ихъ авторами. Поэтому, если авторъ даннаго ученія при его построеніи пользуется понятіемъ разума, то и мы, говоря объ этомъ ученіи, вправѣ, а иногда даже обязаны, употреблять это понятіе. Но разумѣется тогда мы должны строго соблюдать такое правило: употреблять при этомъ слово „разумъ“ не въ томъ смыслѣ, какой нравится намъ самимъ, но обязательно въ томъ самомъ значеніи, какое приписываетъ ему авторъ разсматриваемаго ученія. Въ противномъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло не съ историческимъ фактомъ, а съ нашей выдумкой. Въ собственныхъ же изслѣдованіяхъ необходимо и возможно избѣгать употребленія слова „разумъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо быть насторожѣ, какъ только мы встрѣчаемъ у кого-нибудь понятія разума и разсудка: надо остерегаться, не обманываетъ ли съ ихъ помощью данный изслѣдователь самъ себя и не путается ли онъ изъ-за нихъ въ какихъ-либо логически непозволительныхъ хитросплетеніяхъ.

Но дѣйствительно ли такъ много произвола въ понятіи разума? Еще

Шопенгауеръ поражался неопредѣленностью смысла этого слова, а съ той поры, именно—подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ авторовъ, о которыхъ онъ говоритъ, оно должно было сдѣлаться еще неопредѣленнѣе: вѣдь вліяніе Гегеля, Шеллинга, Якоби и другихъ было очень сильнымъ. Множество ихъ взглядовъ проникло даже въ атмосферу обыденной жизни, и мы, сами не зная того, съ дѣтства вдыхаетъ ихъ въ себя. Вотъ что пишетъ Шопенгауеръ про современныхъ ему писателей, со свойственной ему злой и грубо бранчивой манерой:

„Имъ, видите-ли, понадобилось названіе и мѣсто разума для изобрѣтенной и придуманной, вѣрнѣе и откровеннѣе—для всецѣло измышленной способности, которая должна была вызволить изъ затруднительнаго положенія, въ какое поставилъ ихъ Кантъ: именно, для способности непосредственныхъ, метафизическихъ, т. е. выходящихъ за всякую возможность опыта, познаній, постигающихъ міръ вещей въ себѣ и ихъ отношенія. Эта способность прежде всего—„богосознаніе“, т. е. она постигаетъ Господа Бога непосредственно и à priori констатируетъ тотъ способъ, которымъ Онъ создалъ міръ; или, если бы это показалось слишкомъ тривіально, она постигаетъ, какъ Онъ, въ силу болѣе или менѣе необходимаго жизненнаго процесса, изъ себя извлекъ и до извѣстной степени родилъ міръ, или—что самое удобное, хотя и высоко комично, по обычаю и манерѣ знатныхъ лицъ въ концѣ аудіенціи, просто „отпустилъ его“, чтобы онъ самъ уже сталъ на ноги и отправился, куда ему угодно. Для подобнаго объясненія былъ, разумѣется, достаточно наглъ только лобъ такого дерзкаго пачкуна нелѣпостей, какъ Гегель. И вотъ такія-то шутовства въ теченіе пятидесяти лѣтъ, подъ именемъ познаній разума, широко распространяются, наполняютъ сотни книгъ, именующихъ себя философскими; и эти книги, словно иронически, называются наукой и научными, и эти термины повторяются до отвращенія. *Разумъ*, которому ложно и дерзко приписываютъ такую мудрость, провозглашается „способностью сверхчувственнаго, идей“, короче говоря,—заложенной въ насъ, непосредственно разсчитанной на *Метафизику*, оракуло-подобной способностью. Но что касается самаго способа, какимъ она перципируетъ всѣ эти великолѣпія и сверхчувственныя воспріятія,—на это въ теченіе пятидесяти лѣтъ среди адептовъ царятъ очень различные взгляды. По мнѣнію самыхъ смѣлыхъ, эта способность обладаетъ непосредственно присущимъ разуму интуиціей Абсолютнаго, или ad libitum, Безконечнаго и его эволюцій къ конечному. По мнѣнію другихъ, нѣсколько болѣе скромныхъ, она не столько зритъ, сколько слушаетъ, ибо она не прямо созерцаетъ, а только *разумно внемлетъ* тому, что происходитъ въ такихъ заоблачно-кукушечьихъ гнѣздахъ, (νεφελοκοκκυγία), и услышанное добросовѣстно пересказываетъ, такъ называемому, разсудку, который на этомъ основаніи и пишетъ философскіе компендіи. И отъ этой мнимой *внемлющей способности* (Vernehmen), согласно остротѣ Якоби, разумъ даже получилъ свое нѣмецкое имя (Vernunft),—точно не ясно, какъ день, что оно заимствовано изъ разумомъ же обусловленнаго языка и внимательности

къ словамъ, изъ ихъ разумѣнія, въ противоположность простому слушанію, которому причастны и животныя. И тѣмъ не менѣе эта жалкая острота процвѣтаетъ въ теченіе полувѣка, слыветъ серьезной мыслью, даже аргументомъ, и повторяется на тысячу ладовъ. Наконецъ, по мнѣнію самыхъ скромныхъ, разумъ не можетъ ни видѣть, ни слышать и потому не сподобляться ни лицезрѣнія этихъ великолѣпій, ни вѣстей о нихъ, а имѣетъ о нихъ только предчувствіе. Вотъ своеобразный вздоръ, который поддерживается бараньей физіономіей своего апостола и неизбѣжно доставляетъ этой мудрости успѣхъ". (Полн. собр. соч. Шопенгауэра, перев. Айхенвальда, вып. I, стр. 99—100).

Теперь уже намъ легче разобраться въ вопросѣ о душевныхъ дѣйствіяхъ или—какъ ихъ иначе называютъ—о душевныхъ актахъ. *Понятія душевныхъ дѣйствій, или актовъ возникаютъ въ насъ тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и понятія душевныхъ способностей*: наблюдая различныя явленія въ своей душевной жизни, мы приписываемъ ихъ различнымъ душевнымъ дѣйствіямъ, при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ пріурочиваемъ къ опредѣленнымъ душевнымъ способностямъ, напримѣръ — припоминаніе, воспроизведеніе и т. п., а нѣкоторыя оставляемъ не пріуроченными явнымъ образомъ ни къ какой опредѣленной способности, какъ, напримѣръ, различеніе, уподобленіе, объединеніе и т. п. Конечно, въ концѣ концовъ мы можемъ распредѣлить и эти дѣйствія по разнымъ способностямъ, или же разсматривать нѣкоторыя изъ нихъ, какъ соединенныя дѣйствія нѣсколькихъ способностей, но на первыхъ порахъ остается открытымъ вопросъ, принадлежатъ ли эти дѣйствія какимъ-либо опредѣленнымъ способностямъ, или они служатъ же видоизмѣненіями *активности сознанія* вообще.

Какъ же должна психологія относиться къ понятію душевныхъ дѣйствій? Разумѣется, прежде всего мы должны спросить себя: даны ли намъ во внутреннемъ опытѣ, т. е. сознаются ли нами непосредственно различныя душевныя дѣйствія, или же, подобно душевнымъ способностямъ, они всего только примышляются нами, т. е. присоединяются нашимъ мышленіемъ къ даннымъ внутренняго опыта и вмѣстѣ съ тѣмъ ошибочно принимаются за данныя опыта, за сознаваемое нами. Такое смѣшеніе даннаго въ опытѣ съ мыслями, невольно возникающими при наблюденіи данныхъ опыта, составляетъ одно изъ самыхъ заурядныхъ явленій. Иногда оно доходитъ до того, что нѣкоторые люди даже не сразу понимаютъ невозможность наблюдать саму притягательную силу магнита и начинаютъ спорить, когда имъ говорятъ, что мы никогда не наблюдаемъ ея: до такой степени доходитъ ихъ неумѣнье отличить данныя опыта, т. е. движенія желѣза, приписываемыя притягательной силѣ магнита, отъ того, что примышляется ими къ опыту во время наблюденія его данныхъ, т. е. отъ самой притягательной силы магнита. Точно также проф. А. И. Введенскому почти всегда приходится наблюдать въ аудиторіи у нѣсколькихъ человѣкъ жесты и ми-

мику сильнаго недоумѣнія, какъ только онъ выскажетъ сначала безъ всякаго поясненія, что никакія душевныя способности намъ не даны въ опытѣ, что мы никогда не наблюдаемъ ихъ. *Смышлять же примышляемыя нами къ даннымъ опыта душевныя дѣйствія съ самими данными опыта тѣмъ легче, что душевныя дѣйствія и ть результаты, какіе мы имъ приписываемъ, чаще всего называются одинаковыми именами.* Напримѣръ: возникновеніе сознанія различія и дѣйствіе, порождающее его, одинаково называются различеніемъ; возникновеніе сознанія сходства и дѣйствіе, приводящее къ нему, одинаково называются уподобленіемъ; возникновеніе сознанія объединенности нѣсколькихъ мыслей въ одно цѣлое и дѣйствіе, порождающее возникновеніе такой объединенности, называютъ однимъ и тѣмъ же именемъ объединенія.

Обсуждая вопросъ: даны ли намъ въ опытѣ душевныя дѣйствія, т. е. дѣйствительно ли мы ихъ непосредственно сознаемъ, или же всего только невольно примышляемъ къ даннымъ опыта,—мы пока оставимъ въ сторонѣ, вопросъ о *волевой* активности, т е. о такихъ *душевныхъ* дѣйствіяхъ, или актахъ, которыя принадлежали бы волѣ. Волевую активность, сознается ли она при произвольныхъ движеніяхъ или при произвольномъ вниманіи, мы будемъ обсуждать отдѣльно въ главѣ о волѣ (см. ч. II, гл. 33). Здѣсь же мы сосредоточимся лишь на вопросѣ о такой активности сознанія, которая сказывалась бы въ душевныхъ актахъ, приписываемыхъ не волѣ и вниманію, но какимъ-либо мыслительнымъ способностямъ, т. е. будетъ разсматривать лишь *мыслительную активность, или дѣятельность, мыслительные акты,* вродѣ сравненія, уподобленія, различенія (которое для пущей важности нерѣдко называютъ, взамѣнъ превосходнаго русскаго слова, латинскимъ—„дифференцированіе!“), объединенія (или „синтеза“), расчлененія (или „анализа“), сужденія, умозаключенія, припоминанія и т. п. Это не значитъ, что бы мы допускали сознаніе активности воли (которая сказывалась бы, между прочимъ, и во вниманіи): напротивъ, приходится отрицать такое сознаніе; но мы расчленяемъ вопросъ на двѣ части, и разсматриваемъ здѣсь лишь одну изъ нихъ.

Каждый, кто наблюдаетъ свои мысли и происходящія въ нихъ перемѣны безъ предвзятыхъ взглядовъ, безъ всякихъ предпосылокъ, которыя принуждали бы его *заранѣе* говорить, что тамъ *должно* быть при тѣхъ или другихъ условіяхъ, а беретъ свои душевныя переживанія въ томъ самомъ видѣ, какъ они непосредственно сознаются имъ, тотчасъ же согласится, что *въ сознаніи мыслей и ихъ перемѣнъ не содержится сознанія какой бы то ни было иной активности, кромѣ развѣ той, которую можно было бы поставить за счетъ вниманія, никакихъ иныхъ дѣйствій, или актовъ.* Такъ, если я сознаю разницу между двумя представленіями, напримѣръ, между представленіями квадрата и ромба, то при этомъ я не сознаю никакого специфическаго акта, или дѣйствія различенія: я сознаю только, что каждое изъ этихъ представленій переживается мной, что я обращаю вниманіе на каждое изъ нихъ, что въ нихъ самихъ

есть такая-то разница; а такъ какъ сознаніе обращенія вниманія сопровождается нѣкоторыми мускульными ощущеніями (происходящими, напримѣръ, отъ удержанія взора неподвижнымъ, полузакрыванія глазъ и т. п.), то и они примѣшиваются къ сознанію различія. Больше я не сознаю ровно ничего—никакого иного акта, или дѣйствія, которое не сводилось бы къ сосредоточенію вниманія, никакого *специфическаго* акта *различенія*. Какъ мало мое сознаніе показываетъ мнѣ такой специфическій актъ, особенно ясно кидается въ глаза при слѣдующемъ пріемѣ самонаблюденія: замѣтимъ хорошенько, что именно сознается нами при душевномъ переживаніи, называемомъ *сознаніемъ различія* въ представленіи квадрата и ромба, и сравнимъ, что же сознается нами при переживаніи, которое сводится къ *сознанію сходства* этихъ двухъ представленій. Оказывается, что *сознаваемый* нами составъ второго переживанія буквально тотъ же самый, какъ и первомъ случаѣ, кромѣ одного пункта: прежде мы обращали вниманіе на разницу въ этихъ двухъ представленіяхъ (именно—въ представляемыхъ нами углахъ и діагоналяхъ), а теперь на ихъ сходство (именно—на равенство сторонъ между собой и у квадрата, и у ромба). Все, кромѣ этого, остается тѣмъ же самымъ и сводится къ сознанію переживанія двухъ представленій, къ сознанію сосредоточенія вниманія на нихъ и къ сознанію мускульныхъ ощущеній, сопровождающихъ такое сосредоточеніе. Между тѣмъ, если бы у насъ было сознаніе специфическихъ актовъ различенія и уподобленія, то, въ силу ихъ противоположности, они рѣзко кинулись бы въ глаза намъ при сравненіи двухъ указанныхъ переживаній, взятыхъ въ томъ видѣ, какъ они *сознаются* (а не обсуждаются) нами, и, такъ сказать, окрасили бы каждое изъ нихъ въ противоположный цвѣтъ. Не ясно ли отсюда, что акты различенія и уподобленія вовсе не сознаются нами, какъ переживаемые нами, а всего лишь невольно примышляются къ нашимъ переживаніямъ (т. е. содержаніе того, что мы невольно мыслимъ по поводу нашихъ переживаній, мы смѣшиваемъ съ самими переживаніями)?

Если же оказывается выдумкой, основанной на подобномъ недоразумѣніи, будто бы мы сознаемъ эти акты, то такой же выдумкой выходитъ и сознаніе акта сравненія, потому что послѣднее можетъ состоять только либо въ различеніи, либо въ уподобленіи: сравненіе есть лишь общее названіе и для различенія, и для уподобленія. Точь въ точь такими же пріемами самонаблюденія, какіе мы примѣняли сейчасъ для различенія и уподобленія, мы убѣждаемся и въ томъ, что вовсе не сознаемъ самихъ *актовъ* расчлененія, или анализа, и объединенія въ одно мысленное цѣлое, или синтеза, а сознаемъ только, что наше *вниманіе* направляется неодинаковымъ образомъ при томъ и другомъ переживаніи, да результаты послѣднихъ въ видѣ мыслей объединенныхъ или расчлененныхъ. Впрочемъ, на эту тему не стоитъ много говорить: кто допускаетъ сознаніе душевныхъ актовъ, утверждаетъ, что анализъ и синтезъ сводятся лишь къ тому, куда направится актъ различенія. Если мы различаемъ данную *сумму* частей мысленнаго цѣлаго отъ *другихъ* мысленныхъ *цѣлыхъ*, то это будетъ *актъ*

синтеза, или объединенія. Если же мы различаемъ *части* даннаго мысленнаго цѣлаго *другъ отъ друга*, то это будетъ *актъ* анализа, или расчлененія. Различеніе же, или дифференцированіе, какъ актъ не сознается, а сознаются только результаты, *приписываемые* (путемъ обсужденія) этому акту; слѣдовательно, и синтезъ съ анализомъ, коль скоро они сводятся къ разнымъ случаямъ различенія, тоже не могутъ сознаваться, какъ специфическіе акты, а сознаются только результаты, приписываемые этимъ актамъ.

Нужно ли распространяться, что мы не сознаемъ никакого *акта* сужденія, а лишь само сужденіе, напримѣръ—никакого акта, или дѣйствія, порождающаго мысль „столъ тяжелъ“, а лишь саму эту мысль, хотя это не мѣшаетъ намъ въ видахъ удобства выраженій говорить объ актѣ сужденія. Точно такъ же дѣло стоитъ и съ *актомъ* умозаключеній: его самого мы не сознаемъ, а сознаемъ только тѣ *сужденія*, изъ которыхъ состоитъ данное умозаключеніе („ртуть упруга, потому что она жидкость, а всѣ жидкости упруги“), *порядокъ*, въ которомъ они возникаютъ одно за другимъ, *чисто-логическую связь* ихъ другъ съ другомъ, да *обращеніе вниманія* на содержаніе этихъ сужденій, а вовсе не специфическій актъ, рождающій выводъ. Если бы мы сознавали самый актъ умозаключенія, т. е. актъ, рождающій выводъ, то мы отличали бы правильныя умозаключенія отъ неправильныхъ не такъ, какъ это дѣлаемъ теперь,—не путемъ обращенія вниманія на *содержаніе* посылокъ и вывода, а мы смотрѣли бы, гдѣ присутствуетъ специфическій актъ, создающій выводъ изъ посылокъ, а гдѣ его нѣтъ.

Разсмотримъ еще припоминаніе. Подъ этимъ именемъ подразумѣвается переживаніе, въ которомъ мы сознаемъ лишь обращеніе вниманіе на одно или нѣсколько представленій и возникновеніе вслѣдъ за тѣмъ припоминаемаго представленія. Напримѣръ: я припоминаю, подписался ли я подъ письмомъ, которое только что кончилъ и запечаталъ въ конвертъ. Что же я сознаю при этомъ? Обращеніе вниманія на представленіе конца письма, такъ чтобы онъ представился мнѣ, какъ можно, живѣе, и возникновеніе представленія моей подписи, стоящей на своемъ мѣстѣ (или, наоборотъ, представленія этого мѣста, оставшагося пустымъ). Никакого специфическаго *акта* припоминанія мной при этомъ не сознается. Точно также не сознается мной никакой специфическій *актъ* устраненія изъ сознанія ненужнаго воспоминанія. Это подмѣчено даже и въ обыденной жизни, которая подобное устраненіе прямо называетъ отвлеченіемъ вниманія отъ даннаго воспоминанія.

Въ своемъ отрицаніи, будто-бы мы прямо, или непосредственно сознаемъ свою мыслительную активность, мы опирались на показанія личнаго самонаблюденія; но ихъ надо провѣрить коллективнымъ самонаблюденіемъ. Среди современныхъ психологовъ Джемсъ пользуется славой наитончайшаго самонаблюдателя. Какъ же онъ отзывается по поводу сознанія этой активности? Вотъ его слова: „Утверждаютъ, что мы, при помощи сознанія, обладаемъ непосредственнымъ внутреннимъ знакомствомъ съ нашей мыслитель-

ной активностью, какъ таковой, съ сознаваніемъ, какъ съ чѣмъ-то внутреннимъ и противоположнымъ тѣмъ внѣшнимъ объектамъ, которое оно знаетъ. Но я долженъ сознаться, что, поскольку дѣло касается меня, я не могу довѣрять такому заключенію. Всякій разъ, когда я пытаюсь подмѣтить мою мыслительную *активность, какъ таковую*, то все, что при этомъ мной улавливается, образуетъ какой-либо тѣлесный фактъ—впечатлѣніе, идущее отъ моихъ бровей, головы, горла или носа. Мнѣ кажется, что сознаніе, какъ внутренняя активность, составляетъ скорѣе *постулатъ* чѣмъ чувственно данный фактъ“ *).

Другими словами: Джемсъ, при всемъ своемъ искусствѣ въ утонченныхъ самонаблюденіяхъ, не подмѣчаетъ въ себѣ прямо (или непосредственно) сознаваемой мыслительной активности, т. е. мыслительныхъ *актовъ*, и объясняетъ убѣжденіе въ переживаніи ихъ сознанія смѣшеніемъ того, что дѣйствительно сознается нами, съ тѣмъ, что постулируется, т. е. мыслится по поводу сознаваемаго. И, замѣтимъ, кто такъ высказывается? Можетъ быть, метафизикъ, защищающій свою метафизическую теорію посредствомъ отрицанія сознанія мыслительной активности, или, наоборотъ, одинъ изъ такихъ отрицателей возможности какой бы то ни было метафизики въ видѣ знанія, которые заранѣе, безъ всякаго изслѣдованія, отвергаютъ все, что пахнетъ метафизикой? Ни то, ни другое: Джемсъ въ своей „Психологіи“, откуда нами выписано его показаніе, отнюдь не отрицаетъ метафизики навсегда. Напротивъ—онъ считаетъ ее не невозможной, хотя въ данное время еще несуществующей въ прочномъ видѣ, но самъ онъ ограничивается одной лишь психологіей. Слѣдовательно, нельзя думать, чтобы на показанія Джемса вліяли какіе-либо предвзятые взгляды. По всему этому, *когда утверждаютъ, будто бы мы непосредственно сознаемъ духовную активность, то должны объяснить, почему же Джемсъ, старавшійся подмѣтить ее въ себѣ, все-таки не могъ этого достичь.* Что такое ослѣпило его при этихъ наблюденіяхъ?

Наряду съ Джемсомъ приведемъ отзывъ еще одного ученаго. Его свидѣтельство тѣмъ поучительнѣе, что въ своей психологіи онъ настойчиво проводитъ мысль, что сознаніе есть активное начало, что поэтому, какъ онъ выражается, „въ каждомъ состояніи сознанія есть воля, есть активная сторона“. Слѣдовательно, исповѣдуемая имъ теорія должна бы заставить его видѣть въ содержаніи того, что непосредственно сознается нами, душевную активность, хотя бы тамъ не было ничего похожаго на нее. Но онъ, напротивъ, говоритъ, что „активности вообще нельзя воспринимать непосредственно“. (Въ ковычкахъ, и здѣсь и выше, конечно, помѣщены его

*) Everyone assumes that we have *direct introspective acquaintance with our thinking activity as such*, with our consciousness as something inward and contrasted with the outer objects which it knows. Yet I must confess that for my part I cannot feel sure of this conclusion. Whenever I try to become sensible of my thinking *activity* as such, what I catch is some bodily fact, an impression coming from my brow, or head, or throat, or nose. It seems as if consciousness as an inner *activity* were rather a *postulate* than a sensibly given fact.

подлинныя слова). Это—извѣстный датскій психологъ Гефдингъ, о которомъ мы упомянемъ еще нѣсколько подробнѣе въ главѣ 33, посвященной ученію о волѣ.

Но въ обыденной жизни мы сжились съ мыслью, что въ составъ душевной жизни входятъ различные душевные акты. Поэтому, когда начинаютъ понемногу убѣждаться, что самонаблюденіе ихъ почему-то не улавливаетъ, стараются доказать, что ихъ необходимо допускать, какъ сознаваемые нами, но *мало замѣтные* сознанію. И намъ слѣдуетъ разсмотрѣть эти доказательства.

Очень охотно прибѣгаютъ къ помощи слѣдующаго соображенія: если есть сознаніе какого либо отношенія въ нашихъ мысляхъ, то долженъ быть и актъ, устанавливающій таковое сознаніе (а иногда говорятъ, что долженъ быть актъ, устанавливающій это *отношеніе*). Напримѣръ: если мы сознаемъ разницу между двумя переживаніями, то должно быть и различеніе, или „дифференцированіе", устанавливающее сознаніе разницы (а иногда говорятъ—порождающее, или устанавливающее *различіе* между этими переживаніями). Если мы сознаемъ сходство, то должно быть и уподобленіе, устанавливающее сознаніе этого сходства (или—устанавливающее это сходство). Если мы сознаемъ что-нибудь объединеннымъ (синтезированнымъ) или же расчлененнымъ (анализированнымъ), то долженъ быть и актъ объединенія (синтеза) или же расчлененія (анализа) и т. д.

Но *если* и согласиться безъ всякаго спора съ такой предпосылкой, то изъ нея вытекаетъ только одно: *гдѣ-то* вообще долженъ существовать тотъ актъ, которому приписывается данное душевное переживаніе, коль скоро послѣднее сознается нами. Напримѣръ: коль скоро мы сознаемъ разницу, то, на основаніи разсматриваемаго доказательства, *гдѣ-то* долженъ въ это время совершаться актъ различенія, или дифференцированія. Но изъ этого доказательства еще вовсе не вытекаетъ, чтобы этотъ актъ былъ въ сознаніи, т. е. чтобы мы непосредственно сознавали его: пусть онъ и происходитъ въ силу этого доказательства, но сознается ли онъ нами непосредственно, объ этомъ еще нельзя сдѣлать *никакого* заключенія, исходя изъ посылки, приводимой въ этомъ доказательствѣ. И такъ какъ самонаблюденіе вовсе не показываетъ, чтобы мы сознавали этотъ актъ, то *если* мы и согласны съ посылкой разсматриваемаго доказательства, окончательный выводъ изъ него долженъ быть таковъ: когда мы сознаемъ различіе между мыслями, то въ это время *за предѣлами* нашего сознанія, *оставаясь несознаваемымъ* нами, совершается *актъ* различенія, или дифференцированія. Но этотъ выводъ интересенъ не для психологіи, не для описанія того, что сознается нами, а для метафизики. Сдѣлать же выводъ, будто бы актъ различенія образуетъ одинъ изъ находящихся *въ сознаніи* элементовъ нашихъ переживаній, можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы при разсматриваемомъ доказательствѣ мы исходили еще изъ слѣдующей предпосылки: все существуетъ и совершается не иначе, какъ въ сознаніи. Но руководствоваться ею при описаніи того, что непосредственно сознается нами, это зна-

читъ подгонять наши описанія, т. е. факты душевной жизни и изучающую ихъ психологію, подъ заранѣе установленную метафизику, подъ заранѣе допущенное отрицаніе бытія въ себѣ. Между тѣмъ, если и считать метафизику возможной въ видѣ знанія, то, во всякомъ случаѣ, ее саму нужно подгонять подъ непосредственно сознаваемые факты, а слѣдовательно и подъ психологію, установленную независимо отъ всякой метафизики, а не наоборотъ *).

Такъ дѣло стоитъ, *если* мы согласимся съ посылкой говорящей: коль скоро есть сознаніе даннаго отношенія въ мысляхъ (напримѣръ—ихъ различія), то долженъ быть и актъ, устанавливающей это сознаніе (напримѣръ—актъ различенія, или дифференцированія). Но вовсе нѣтъ никакой необходимости соглашаться съ этой посылкой, если мы не исповѣдуемъ исподтишка раціонализма: послѣдній, конечно, влечетъ насъ къ ней, потому что кажется возможнымъ выводить сознаніе каждаго даннаго отношенія (напримѣръ—различія), какъ логически неизбѣжное слѣдствіе акта, устанавливающаго это сознаніе или даже это отношеніе (напримѣръ—какъ логически неизбѣжное слѣдствіе акта различенія). Но раціонализмъ—точка зрѣнія, логически непозволительная (см. выше стр. 148 и слѣд.), и онъ долженъ быть разъ навсегда выброшенъ за бортъ. А тогда мы обязаны такъ разсуждать: если есть сознаніе даннаго отношенія въ мысляхъ (напримѣръ—сознаніе различія), то должны быть и тѣ *данныя въ опытѣ* обстоятельства, при которыхъ (т. е. одновременно съ ними *или вслѣдъ за ними*), по засвидѣтельствованнымъ *опытомъ* законамъ душевной жизни, *всегда* возникаетъ это сознаніе, хотя оно, навѣрное логически не вытекаетъ изъ этихъ обстоятельствъ, потому что законосообразныя связи явленій (составляя общія *синтетическія* сужденія) никогда не образуютъ логическихъ связей.

Перейдемъ теперь къ другому докательству, выставленному Н. О. Лосскимъ. Этотъ ученый, конечно, не можетъ довольствоваться, даже умышленно руководствоваться, только что изложеннымъ доказательствомъ непосредственнаго сознанія актовъ различенія, припоминанія и т. д., словомъ—мыслительной активности. Но допущеніе такого сознанія для него существенно необходимо, потому что на этомъ зиждится вся его метафизика, обосновываемая имъ въ книгѣ, озаглавленной въ отдѣльномъ изданіи „Обоснованіе интуитивизма“ (Спб. 1906 г.), а въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ за 1904—1905 г.г. напечатанной подъ заглавіемъ „Обоснованіе мистическаго эмпиризма“. Мы вездѣ будемъ цитировать отдѣльное изданіе.

*) Н. О. Лосскій въ своей книгѣ „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма“ исходитъ изъ предпосылки, что все существуетъ не иначе, какъ въ сознаніи. Конечно, ему не трудно было тогда допускать активность, какъ тоже находящуюся въ сознаніи За то ему въ той же книгѣ пришлось проповѣдывать, что не всѣ состоянія сознанія заключаютъ въ себѣ знаніе о нихъ, т. е. еще не всѣ они сознаются нами: быть въ сознаніи еще не означаетъ быть сознаваемымъ. Но не значитъ ли все это, въ концѣ концовъ, *подъ другимъ названіемъ* отрицать ту самую метафизическую предпосылку, безъ помощи которой нельзя доказать, что въ самомъ сознаніи должны находиться и различеніе (дифференцированіе), и другіе мыслительные акты? Теперь „существовать“ называется „находиться въ сознаніи“, а „быть сознаваемымъ“ называется „находясь въ сознаніи, заключать въ себѣ знаніе“.

Н. О. Лосскій начинаетъ дѣло съ указанія того неоспоримаго факта, что всѣ наши переживанія распадаются на двѣ части: на сознаваемыя, какъ образующія міръ нашего *Я*, и сознаваемыя, какъ образующія міръ не-*Я*. Онъ полагаетъ, что разница между тѣми и другими должна быть качественной, а не какой-либо иной: она должна сводиться къ качественному отличію тѣхъ и другихъ переживаній, окрашивающему, такъ сказать, въ особый цвѣтъ всѣ первыя переживанія, въ отличіе отъ вторыхъ [1]). Чтобы выяснить это отличіе, Н. О. Лосскій *условливается* называть первыя переживанія *„моими“*, а вторыя *„данными мнѣ“* и разсматриваетъ, какія изъ нашихъ переживаній относятся къ числу „данныхъ мнѣ“, и какія къ „моимъ“. Если предъ нами стѣна, рѣзко выдѣляющаяся на фонѣ голубого неба, и, смотря на нее, мы станемъ припоминать какую нибудь картину, изображающую такой же контрастъ неба со стѣнами домовъ, то „стѣна, говоритъ Н. О. Лосскій, переживается, какъ что-то чуждое мнѣ, навязанное мнѣ извнѣ, а усилія припоминанія живо окрашены чувствованіемъ близости ко мнѣ“ [2]). Припоминаніе относится къ „моимъ“ переживаніямъ, а стѣна „данное мнѣ“. Къ „даннымъ мнѣ“ относятся всѣ безъ исключенія воспріятія „поскольку, по словамъ Н. О. Лосскаго, они состоятъ изъ ощущеній, пространственныхъ отношеній, движеній, *данной* объединенности (таково, напр., единство звуковъ въ мелодіи или единство свойствъ камня) и т. п. Всѣ органическія ощущенія, напр., жажда, голодъ, мышечная усталость, ознобъ, головная боль, щемленье въ сердцѣ, колотье въ ухѣ и т. п... Очень многія душевныя состоянія могутъ возникать съ окраской *данности мнѣ*. Такъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ усилія припоминанія, конечно, окрашены чувствованіемъ *принадлежности мнѣ*, но результатъ припоминанія, напр. всплываніе въ памяти видѣнной прежде картины, появленіе въ полѣ сознанія фамиліи художника, написавшаго ее, и т. п. можетъ принадлежать къ числу типичныхъ *данныхъ мнѣ* переживаній“ [3]). Сюда же относятся, т. е. имѣютъ характеръ *данности мнѣ* „молніеносныя вспышки сложныхъ концепцій въ процессѣ эстетическаго или научнаго творчества... Таковы же сложныя эстетическія переживанія при созерцаніи прекраснаго ландшафта, картины и т. п., когда наше *Я* утопаетъ въ океанѣ *данныхъ* гармоническихъ отношеній; таковы религіозные экстазы и молитвенное погруженіе въ божественный міръ. Таковы переживанія, входящія въ составъ нравственной и правовой жизни“ [4]). Характеръ *данности* и внѣшней принудительности этическихъ и правовыхъ нормъ, по мнѣнію Н. О. Лосскаго, выра-

---

[1]) „Я и не-Я, пишетъ Н. О. Лосскій, глубоко отличаются другъ отъ друга... Скорѣе всего существуетъ какой нибудь качественный непосредственно сознаваемый признакъ, придающій специфическую окраску этимъ двумъ сферамъ жизни... Онъ долженъ окрашивать всѣ процессы Я въ отличіе отъ всѣхъ процессовъ не-Я.“ l. c. стр. 74.

[2]) Мы рѣшили (см. выше стр. 126) не употреблять слова „чувствованіе“; но дословно цитируя другого автора, мы, разумѣется, должны повторять и употребляемые имъ термины.

[3]) l. c. стр. 76.

[4]) l. c. стр. 77.

женъ вполнѣ ясно. „Состояній, продолжаетъ Н. О. Лосскій, окрашенныхъ переживаніемъ *данности* и, слѣдовательно, составляющихъ міръ не-*Я*, оказывается такъ много, что возникаетъ вопросъ, осталось ли что нибудь на долю *Я*“. [1]). И какъ не задуматься надъ этимъ вопросомъ, прибавимъ мы отъ себя: вѣдь къ числу *данныхъ мнѣ*, т. е. составляющихъ міръ не-*Я*, отнесены *всѣ* до одного дѣйствительно *сознаваемыя* нами переживанія (а заодно и кое что не сознаваемое, но всего только *мыслимое* нами, вродѣ правовыхъ и нравственныхъ нормъ). Но тутъ то и являются на помощь Н. О. Лосскому различные душевные *акты*, или дѣйствія, является душевная активность. Окрашены чувствомъ „принадлежности мнѣ“, т. е. относятся къ „моимъ“, а не „къ даннымъ мнѣ“, по словамъ Н. О. Лосскаго, вниманіе, потомъ разсматриваніе любого предмета („*разсматриваемое*, говоритъ онъ, составляетъ міръ не-*Я*, но *разсматриваніе* несомнѣнно входитъ въ сферу *Я*“) и т. п. „Переживанія, продолжаетъ онъ, окрашенныя чувствованіемъ *принадлежности мнѣ*, еще болѣе многочислены въ такихъ дѣятельностяхъ, какъ воспоминаніе, фантазированіе, мышленіе и т. п. Наиболѣе типичные, чистые отъ посторонихъ примѣсей, образцы *моихъ* переживаній можно найти среди нѣкоторыхъ классовъ стремленій: таковы, напр., честолюбивыя, самолюбивыя и т. п. стремленія“ [2]). Одновременно съ тѣмъ Н. О. Лосскій отмѣчаетъ, что не легко подмѣтить переживанія, относящіяся къ числу „моихъ“: „даже, говоритъ онъ, одинъ изъ самыхъ тонкихъ наблюдателей, именно Джемсъ, заявилъ что, пожалуй, субъективныя состоянія вовсе не даны въ непосредственномъ опытѣ“, [3]) и вслѣдъ за тѣмъ приводятся уже цитированныя нами слова Джемса [4]).

Къ сожалѣнію, Н. О. Лосскій не достаточно объяснилъ, почему же этотъ, „одинъ изъ самыхъ тонкихъ“ (и, по всей видимости, незаинтересованный ни въ ту, ни въ другую сторону), наблюдатель не умѣетъ подглядѣть въ *сознаваемыхъ* переживаніяхъ такихъ вещей, какъ разсматриваніе, припоминаніе, фантазированіе, мышленіе, разныя стремленія и т. п. Употребляетъ ли онъ плохіе пріемы самонаблюденія; или мѣшаетъ ему видѣть все, что дано въ его переживаніяхъ, какая-либо предвзятая теорія? Въ такомъ случаѣ—какая же? Не мѣшало бы Н. О. Лосскому объяснить также и свое разногласіе съ Гефдингомъ, который до извѣстной степени является его единомышленникомъ, и о которомъ здѣсь онъ вовсе не упоминаетъ. Впрочемъ, можетъ быть, своимъ молчаніемъ онъ хочетъ указать, что Гефдингъ еще не такъ славится искусствомъ производить тончайшія самонаблюденія, какъ Джемсъ. Хорошо, согласимся съ этимъ. Но тѣмъ необходимѣе въ объясненіи своего разногласія съ Джемсомъ, котораго онъ же и называетъ „однимъ изъ самыхъ тонкихъ наблюдателей“ (а Бине

---

[1]) l. c. стр. 78.
[2]) l. c. стр. 79.
[3]) l. c. стр. 80.
[4]) Н. О. Лосскій приводитъ ихъ въ переводѣ И. И. Лапшина, въ которомъ въ этомъ мѣстѣ попались маленькія неточности, исправленныя нами выше.

величаетъ его „великимъ психологомъ-самонаблюдателемъ“, см. въ приложеніяхъ стр. 57), не ограничиваться однимъ лишь указаніемъ, что *не легко* подмѣтить сознаніе активности: если это не легко, за то легко увидѣть ее тамъ, гдѣ ея нѣтъ; и намъ надо знать, почему же психологъ, способный подмѣчать другія тончайшія переживанія, оказался неспособнымъ подмѣтить именно активность.

Но этимъ замѣчаніемъ мы уже переходимъ къ оцѣнкѣ доказательства Н. О. Лосскаго. Оно сводится къ такому пріему самонаблюденія, который долженъ *выставить на видъ, ръзко подчеркнуть* сознаніе упомянутыхъ актовъ, противопоставляя его сознанію переживаній, называемыхъ у Н. О. Лосскаго «данными мнѣ». Но, къ сожалѣнію, *все это подчеркиваніе, или выставленіе на видъ противоположности „данныхъ мнѣ“ и „моихъ“ переживаній достигается путемъ смѣшенія двухъ разныхъ смысловъ выраженія «данныя мнѣ»*. Н. О. Лосскій *условился* называть „данными мнѣ» тѣ переживанія, которыя отличаются по своей окраскѣ отъ „моихъ“. Слѣдовательно, выраженіе „данныя мнѣ“ должно бы *постоянно* обозначать у него «не мои», т. е. «сознаваемыя мной не какъ принадлежащія мнѣ». Но когда Н. О. Лосскій излагаетъ свое доказательство, онъ, очевидно, подъ выраженіемъ «данныя мнѣ» подразумѣваетъ то же самое, что и весь ученый міръ, именно: все, что *сознается* нами *прямо, непосредственно* (такъ что въ это время оно уже обнимаетъ собой *всѣ* душевныя переживанія — и сознаваемыя какъ „мои“, и сознаваемыя какъ „не мои“, т. е. какъ „данныя мнѣ“ въ *условномъ* смыслѣ Н. О. Лосскаго). Мы сейчасъ же это провѣримъ еще особо. Замѣнивъ же условленное имъ значеніе выраженія „данныя мнѣ“ общепринятымъ, Н. О. Лосскій, разумѣется, долженъ былъ отнести къ „даннымъ мнѣ“ (въ *общепринятомъ* смыслѣ слова) рѣшительно все, что сознается нами прямо, непосредственно, т. е. все, что *дано* намъ во внутреннемъ опытѣ. Вслѣдствіе этого на долю „моихъ“ переживаній у него уже ничего не остается изъ числа *непосредственно* сознаваемаго нами; ибо всѣ дѣйствительно сознаваемыя переживанія отнесены имъ къ «даннымъ мнѣ». Поэтому на вопросъ: что же считать *моимъ*, приходится при такихъ условіяхъ указать лишь на акты, про которые мы невольно думаемъ, исподтишка *заключаемъ* съ помощью выше разобраннаго соображенія, что они то и порождаютъ все сознаваемое мною. Больше не на что указать; ибо все *дѣйствительно сознаваемое* мною у Н. О. Лосскаго отошло къ „даннымъ мнѣ“, подъ которымъ онъ *условился* подразумѣвать „не мое, образующее міръ не-*Я*“. Но такъ какъ съ самаго начала вмѣстѣ съ тѣмъ условлено подъ «моимъ» подразумѣвать, то, что *сознается* мною (именно сознается мною какъ образующее міръ *Я*), то и получается, въ концѣ концовъ, что эти акты сознаются мною; ибо ихъ то и приходится считать „моими“. Вотъ какимъ ошибочнымъ путемъ они попали въ число непосредственно сознаваемаго мной.

Но правда ли, что Н. О. Лосскій при изложеніи своего доказательства подмѣниваетъ (конечно, неумышленно) условленное имъ значеніе выра-

женія «данныя мнѣ» другимъ, общепринятымъ? Для провѣрки попробуемъ называть все, что онъ относитъ къ «даннымъ мнѣ» „не моимъ“ или „тѣмъ, что сознается какъ *не-мое*, какъ міръ не-*Я*“. Вѣдь въ этомъ смыслѣ Н. О. Лосскій и условился употреблять выраженіе «данныя мнѣ». Что же? Можно ли сказать, что испытываемыя мною органическія ощущенія: голодъ, усталость, жажда, ознобъ и т. д., а равно воспоминаніе картины, имени художника, молитвенное настроеніе и т. д.—все это не мои переживанія, т. е. можно ли говорить, что они непосредственно *сознаются* какъ не мои, какъ образующія міръ не-*Я*? Мнѣ больно, я же самъ весь поглощенъ болью, а я долженъ говорить, что эта боль *не моя*, что она сознается, лишь какъ образующая міръ не-*Я*? Сразу видно, что это явная нелѣпость, что всѣ эти переживанія можно называть «данными мнѣ» *только* въ общепринятомъ значеніи этого слова, а не въ томъ, какое условился приписывать ему Н. О. Лосскій. Слѣдовательно, Н. О. Лосскій во время изложенія своего доказательства дѣйствительно подмѣнилъ условленное имъ значеніе термина „данное мнѣ“ (по которому онъ долженъ бы значить „не мои“ или „то, что сознается какъ не мое, какъ міръ не *Я*“) общепринятымъ (по которому „данныя мнѣ“ обозначаетъ „все, что *дано* въ опытѣ», т. е. «все, что сознается прямо, непосредственно»), но ведетъ свое разсужденіе такъ, какъ если бы не было такой замѣны. Если же всѣ эти переживанія называть данными мнѣ лишь въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ непосредственно сознаваемыхъ мной, то сразу отпадетъ вопросъ, такъ озаботившій Н. О. Лосскаго: „осталось ли что нибудь на долю *Я*?“ *) Изъ чего другого и состоитъ то міръ нашего *Я*, какъ не изъ воспоминаній, настроеній, органическихъ ощущеній (боли, усталости и т. д.)? Это только Н. О. Лосскій насильственно вытѣснилъ ихъ изъ міра *Я* посредствомъ *заключенія*, основаннаго на смѣшеніи двухъ смысловъ одного и того же слова „данныя мнѣ“. Для непосредственнаго же переживанія они безспорно сознаются какъ «мои», какъ образующія міръ моего *Я*, какъ рѣзко окрашенныя чувствомъ принадлежности мнѣ въ отличіе отъ сознанія стѣны, неба, камня, и т. п. Съ отпаденіемъ же возникшей передъ Н. О. Лосскимъ необходимости искать *за предѣлами* того, что непосредственно сознается нами, переживанія, которыя относились бы къ «моимъ», отпадаетъ необходимость думать, будто бы міру нашего *Я* не изъ чего состоять, какъ только изъ различныхъ актовъ и стремленій.

Очевидно, Н. О. Лосскій усматриваетъ въ своихъ переживаніяхъ вовсе не то, что непосредственно сознается имъ, а то, что требуется его метафизикой, т. е. подъ ея вліяніемъ смѣшиваетъ свои мысли о душевныхъ переживаніяхъ съ ними самими; ибо вся его метафизика нерасторжимымъ образомъ связана съ допущеніемъ непосредственнаго сознанія духовной активности **).

---

*) l. c. стр. 78, и у насъ см. выше. стр. 277.

**) Здѣсь совершенно неумѣстно, и отъ насъ не вправѣ требовать, чтобы мы разсматривали всю метафизику Н. О. Лосскаго, но далеко нелишнее подтвердить нѣсколькими примѣрами, что она дѣйствительно находится въ не-

Итакъ, никакіе мыслительные акты нами не сознаются. Слѣдовательно, сами мыслительные акты *могутъ служить предметомъ только метафизики, но отнюдь не психологіи.* Конечно, это не упразднило бы, права психологіи пользоваться ими, какъ вспомогательнымъ средствомъ. Но какую пользу они могутъ принесть ей? Въ смыслѣ мнемоническаго и эвристическаго

расторжимой связи съ только что разсмотрѣннымъ доказательствомъ, изъ чего состоитъ сознаніе нашего *Я*. Въ прямой зависимости отъ него находится странное ученіе Н. О. Лосскаго (составляющее одинъ изъ краеугольныхъ камней всей его теоріи), будто бы фактически существуетъ знаніе *трансцендентныхъ* предметовъ, да еще столь же *непосредственное*, а слѣдовательно, столь же достовѣрное, какъ и знаніе міра нашего *Я*. (Выходитъ, что, вопреки всѣмъ доказательствамъ и разсужденіямъ критической теоріи познанія относительно невозможности такого знанія, оно *фактически* подтверждаетъ свою возможность). Дѣло же вотъ въ чемъ: міръ нашего *Я*, съ одной стороны, и міръ не—*Я*, съ другой, сложились у Н. О. Лосскаго изъ элементовъ столь разнородныхъ, что каждый изъ этихъ міровъ лежитъ совсѣмъ въ иной плоскости, чѣмъ другой. (Вѣдь міръ нашего *Я* состоитъ изъ актовъ, или дѣятельностей, которыя прямо, непосредственно столь мало сознаются нами, точнѣе—вовсе не сознаются, что Н. О. Лосскому пришлось убѣждать читателя въ необходимости допустить ихъ сознаваемость подъ страхомъ, что иначе не изъ чего составить міръ своего *Я*; міръ же не—*Я* состоитъ изъ „данныхъ мнѣ“ переживаній, т. е. изъ того, что *завѣдомо* непосредственно сознается нами). Поэтому вполнѣ понятно, что Н. О. Лосскій, изложивъ свое ученіе о „моихъ“ и „данныхъ мнѣ“ переживаніяхъ, тотчасъ же устанавливаетъ два слѣдующихъ положенія: 1) „въ процессѣ познанія внѣшняго міра объектъ *трансцендентенъ* въ отношеніи къ познающему *Я*“: 2) „міръ не—*Я* познается также *непосредственно*, какъ и міръ *Я*“ (См. Обосн. Интуит. стр. 82). Конечно, ему слѣдовало бы высказаться наоборотъ: міръ нашего—*Я* трансцендентенъ относительно міра не—*Я*, но познается, сообразно съ опровергнутымъ нами доказательствомъ, которое самъ то Н. О. Лосскій считаетъ правильнымъ, столь же непосредственно, какъ міръ не—*Я*, который, какъ сознаваемый нами, вполнѣ имманентенъ. Такая редакція больше соотвѣтствовала бы *исторически установившемуся* значенію термина „трансцендентный“. Но мы уже видѣли, при разборѣ означеннаго доказательства, какъ мало заботится Н. О. Лосскій о соблюденіи общеметодологическаго правила, требующаго, что бы для предупрежденія ошибокъ, на которыя можетъ насъ сбивать *привычное* значеніе термина, каждый терминъ, имѣющій *твердо установившееся* значеніе, употреблять только въ *этомъ* смыслѣ, а не придавать ему условнаго значенія. Безъ ученія же о *непосредственномъ* познаніи (т. е. о прямомъ созерцаніи, о прямой *интуиціи*) *трансцендентнаго* міра, теорія Н. О. Лосскаго не могла бы называться „интуитивизмомъ“, такъ что это ученіе, цѣликомъ зависящее отъ разобраннаго нами въ главномъ текстѣ доказательства, не какая нибудь частность, но одно изъ важнѣйшихъ положеній его теоріи. Вся суть интуитивизма въ увѣренности (которая присуща наивному реализму, а въ большей или меньшей степени, и всѣмъ догматическимъ философскимъ системамъ—и раціоналистическимъ, и эмпиристическимъ и т. д.), будто бы мы *прямо, непосредственно усматриваемъ* (*интуируемъ*) бытіе въ себѣ. (Надо не упускать изъ виду, что хотя по той связи рѣчи, въ какой Н. О. Лосскій въ первый разъ употребилъ слово „трансцендентный“, оно должно бы пріобрѣсть у него навсегда *чисто-условный* смыслъ и обозначать то, что всего лишь *сознается* нами *какъ* образующее міръ не—*Я*, „данныя мнѣ“ *переживанія*, но это слово сыграло съ нимъ такую же злую шутку, какъ и выраженіе „данныя мнѣ“. Н. О. Лосскій одновременно съ тѣмъ подъ „трансцендентнымъ“ подразумѣваетъ и бытіе въ себѣ, какъ это ясно видно изъ послѣдующихъ примѣровъ). Столь же важно для его теоріи и столь же тѣсно связано съ доказательствомъ, разобраннымъ въ главномъ текстѣ, ученіе Н. О. Лосскаго, что цвѣта и другія качества внѣшнихъ ощущеній находятся, хотя и не въ самихъ внѣшнихъ вещахъ, какъ думаетъ наивный реализмъ, но и не въ познающемъ субъектѣ, какъ учатъ и психологія, и физіологія, а внутри нашего *тѣла*, гдѣ они непосредственно созерцаются познающимъ *Я*. Дѣйствительно: Н. О. Лосскій вовсе не отвергаетъ тѣхъ доводовъ, которыми мы доказывали субъективность качествъ всѣхъ внѣшнихъ ощущеній, а вполнѣ соглашается съ ними, но думаетъ, будто бы изъ нихъ вытекаетъ только одно: эти качества никоимъ образомъ нельзя приписывать самому внѣшнему міру. Но если онъ съ этимъ согласился, то уже нельзя ручаться за существованіе внѣшняго міра (а слѣдовательно—и тѣла, какъ одной изъ его

средства ровно никакой; ибо *объясненіе* явленій, наблюдаемыхъ въ мысляхъ, тѣми актами, которымъ можно приписать эти явленія, еще безсодержательнѣе и пустословнѣе, чѣмъ даже объясненіе явленій душевными способностями. Развѣ не явное пустословіе *объяснять* возникновеніе воспроизведеннаго представленія, т. е. *воспроизведеніе* этого представленія *актомъ* вос-

---

частей); ибо весь внѣшній міръ (въ томъ числѣ и тѣло, какъ его часть) данъ намъ въ опытѣ *только* какъ совокупность этихъ качествъ, и если ихъ нельзя считать находящимися во внѣшнемъ мірѣ, то не остается для него никакого *удостовѣреннаго опытомъ* матеріала. Но ученіе о „моихъ“ и „данныхъ мнѣ“ переживаніяхъ, внушая Н. О. Лосскому увѣренность въ несомнѣнномъ существованіи внѣшняго міра, *трансцендентнаго* относительно познающаго *Я*, дѣлаетъ для него несомнѣннымъ и существованіе тѣла. Далѣе: безъ ученія о непосредственно познаваемомъ трансцендентномъ мірѣ нельзя было бы Н. О. Лосскому утверждать, будто бы все существующее существуетъ въ сознаніи, а поэтому духовно, такъ что и само то наше тѣло состоитъ изъ множества различныхъ *Я*, которыя, однако, какъ прибавляетъ онъ, вовсе не замкнуты относительно другъ друга, но непосредственно созерцаютъ чужія *Я* и непосредственно дѣйствуютъ на нихъ. (По словамъ Н. О. Лосскаго, если пьяница, твердо рѣшившійся никогда больше не пить, все таки пьетъ, то это дѣйствуетъ въ немъ одно изъ чужихъ *Я*, находящихся въ его тѣлѣ. См. его „Основн. ученія психологіи“ стр. 184. Жаль, что Н. О. Лосскій не пояснилъ, считать ли *самого* то этого человѣка, попрежнему, пьяницей, или же, въ виду дѣйствія въ немъ чужого *Я*, отставшимъ отъ пьянства. Въ этихъ то чужихъ *Я* и находятся цвѣта и другія качества внѣшнихъ ощущеній). Всѣ эти утвержденія явно обусловлены тѣмъ, что міръ не—*Я*, будучи *трансцендентенъ* относительно познающаго *Я*, все таки, состоитъ изъ („данныхъ мнѣ“) переживаній сознанія и познается вполнѣ непосредственно. Наконецъ, послѣдній примѣръ: въ столь же явной связи съ этимъ ученіемъ находится и то, что Н. О. Лосскій выставляетъ (въ „Обосн. Интуитивизма“ на стр. 65, какъ бы истину само собой очевидную, не нуждающуюся ни въ какихъ доказательствахъ, положеніе, будто бы объектъ знанія всегда находится или присутствуетъ (онъ употребляетъ оба выраженія) „въ самомъ процессѣ знанія“. Кто считаетъ даже трансцендентные предметы познаваемыми *непосредственно*, и вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточно осмотрителенъ въ своихъ выраженіяхъ, тому естественно такъ думать: но у кого чувство фактичности не заглохло подъ вліяніемъ предвзятыхъ метафизическихъ взглядовъ, и кто даетъ себѣ точный отчетъ въ значеніи употребляемыхъ имъ словъ, тотъ долженъ согласиться, что объектъ знанія *никогда* не присутствуетъ (не находится) въ *процессѣ* знанія. Когда знаніе бываетъ непосредственнымъ (вродѣ знанія, что мнѣ сейчасъ жарко), то, хотя и можно сказать, что здѣсь объектъ знанія оказывается какъ бы слитымъ съ знаніемъ, да за то здѣсь нѣтъ никакого *процесса* знанія, нѣтъ никакихъ смѣняющихъ другъ друга состояній, *приводящихъ* къ знанію. А когда бываетъ *процессъ* знанія, именно въ опосредствованномъ знаніи, т. е. въ такомъ знаніи, гдѣ мы *посредствомъ* умозаключеній, *отправляясь* отъ извѣстнаго стараемся *достичь* знанія о неизвѣстномъ дотолѣ (напримѣръ—предсказать будущее), то, очевидно, *процессъ* этотъ потому только и переживается нами, что въ немъ самомъ объектъ знанія (напримѣръ—вычисляемое нами будущее событіе) не присутствуетъ. Какъ мало въ это время онъ присутствуетъ въ *процессѣ* знанія, т. е. въ процессѣ умозаключеній, ясно видно изъ того, что такой процессъ зачастую насъ приводитъ къ величайшей лжи относительно объекта знанія. Н. О. Лосскій, выставляя свое ошибочное положеніе говоритъ еще, будто бы оно исповѣдуется критицизмомъ, такъ какъ послѣдній рѣшительно отрицаетъ возможность трансцендентнаго знанія, а допускаетъ одно лишь *имманентное*; самъ же Н. О. Лосскій нерѣдко свою мысль редактируетъ такими словами: „объектъ знанія *имманентенъ* процессу знанія“. Но при этой ссылкѣ на авторитетъ критицизма онъ упустилъ изъ виду два обстоятельства, дѣлающихъ ее непозволительной для него. Вопервыхъ, нѣкоторымъ терминамъ онъ въ своей теоріи придаетъ вовсе не тотъ смыслъ, какой имъ приписываетъ критицизмъ. Напримѣръ: критицизмъ называетъ *имманентнымъ* относительно познающаго *Я* то, что Н. О. Лосскій, измѣняя исторически установившійся смыслъ термина, сталъ называть трансцендентнымъ. Это тѣ „*данныя мнѣ*“ переживанія, изъ которыхъ, по словамъ Н. О. Лосскаго, состоитъ „трансцендентный относительно познающаго *Я*“ міръ не—*Я*. Вѣдь эти,

произведенія, сужденіе *актомъ* сужденія и т. д.? Очевидно, *мыслительные акты могутъ быть годны для психологіи только какъ названія появленія въ сознаніи того переживанія, которое приписывается данному акту.* Напримѣръ: актъ воспроизведенія представленія, это—появленіе въ сознаніи воспроизведеннаго представленія. Актъ сужденія—появленіе въ сознаніи сужденія. Актъ умозаключенія—появленіе вывода, вытекающаго изъ данныхъ посылокъ. Актъ различенія—появленіе сознанія разницы. Актъ синтеза—появленіе сознанія объединенности и т. д.

И надо замѣтить, что нерѣдко названіе того или другого душевнаго акта уже и въ обыденной жизни употребляютъ въ смыслѣ появленія въ сознаніи переживанія, приписываемаго этому акту. Оттого-то, можетъ быть, и кажется, съ перваго взгляда, столь убѣдительнымъ уже разобранная нами предпосылка, говорящая, что если есть какое-либо душевное явленіе (напримѣръ—сознаніе разницы), то долженъ быть и актъ, порождающій это явленіе (напримѣръ — должно быть и различеніе). Вѣдь въ переводѣ на только что указанный языкъ это будетъ означать такую тавтологію: если есть какое-нибудь душевное явленіе, то должно быть и его появленіе въ сознаніи. Во всякомъ случаѣ, *если мы не хотимъ подъ ви-*

„данныя мнѣ" *непосредственно* сознаются мной, значитъ—воочію имманентны. Наоборотъ: то, что Н. О. Лосскій считаетъ имманентнымъ, именно—такой міръ *Я*, который состоитъ изъ однихъ лишь актовъ, или дѣятельностей, критицизмъ долженъ считать трансцендентнымъ; ибо они недоступны непосредственному сознанію, не могутъ быть даны въ опытѣ. Во-вторыхъ, положеніе критицизма, на которое ссылается Н. О. Лосскій, выводится критической теоріей познанія изъ такого принципа, изъ котораго одновременно съ тѣмъ вытекаетъ также запрещеніе считать возможной какую бы то ни было метафизику, такъ что ссылаться на это положеніе, какъ на подкрѣпленіе своихъ взглядовъ, Н. О. Лосскій будетъ вправѣ только въ томъ случаѣ, когда откажется отъ всей своей теоріи. Приведенныхъ примѣровъ вполнѣ достаточно, чтобы подтвердить, что вся метафизика Н. О. Лосскаго нерасторжимымъ образомъ связана съ доказательствомъ, разобраннымъ нами въ главномъ текстѣ. Изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что Н. О. Лосскій крайне ошибается, когда свою первую книгу „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма" считаетъ психологическимъ трудомъ, а вторую (полное заглавіе которой: „Обоснованіе интуитивизма. Пропедевтическая теорія знанія") гносеологическимъ: первая изъ нихъ есть метафизика душевной жизни: а вторая—метафизика знанія, т. е. подведеніе знанія подъ избранную Н. О. Лосскимъ метафизическую точку зрѣнія и истолкованіе всѣхъ элементовъ знанія съ этой точки зрѣнія. Метафизику знанія необходимо рѣзко отличать отъ теоріи познанія. Конечно, этимологически, т. е. въ житейскомъ, или обывательскомъ смыслѣ, выраженіе „теорія познанія" можетъ обозначать любое ученіе о знаніи, поэтому и любую по своему направленію метафизику знанія. Но въ 60-хъ годахъ XIX вѣка придумали неупотреблявшееся до той поры выраженіе „теорія познанія", чтобы отмѣтить имъ *особый, частный* случай ученія о знаніи, именно ученіе, ставящее своей задачей выяснить вопросъ, возможна ли вообще метафизика въ видѣ знанія. А такое ученіе, очевидно, не имѣетъ права быть метафизическимъ, а должно быть независимымъ отъ всякой метафизики: иначе установленное нами рѣшеніе вопроса о возможности метафизики будетъ заранѣе предрѣшено въ какую либо сторону и сразу сдѣлается произвольнымъ, никуда негоднымъ. И съ той поры терминъ „теорія познанія" пріобрѣлъ права научнаго гражданства въ такомъ условномъ, *специфическомъ* смыслѣ (а раньше его вовсе не употребляли). Ко всему этому надо считать логической ошибкой смѣшеніе метафизики познанія съ теоріей познанія, въ которую, однако, къ сожалѣнію, нерѣдко впадаютъ защитники метафизики.

домъ психологіи строитъ исподтишка метафизику. мы вправѣ названіе любого душевнаго акта употреблять только въ смыслѣ появленія въ сознаніи переживанія, приписываемаго этому акту; объяснять же это появленіе мы должны не душевными актами, но тѣми законами душевной жизни, по которымъ при указанныхъ въ нихъ обстоятельствахъ всегда возникаетъ это переживаніе. Такъ мы и будемъ поступать.

Можетъ быть, кто нибудь удивится, что мы не дѣлаемъ исключенія и для волевыхъ явленій, напримѣръ—для сосредоточенія вниманія и т. п., хотя оставили открытымъ вопросъ, сознаются ли при нихъ какіе-либо душевные акты, принадлежащіе волѣ. Но именно потому-то, что этотъ вопросъ остается открытымъ *въ обѣ* стороны, надо распространить наше методологическое правило и на волю. Вѣдь соблюденіемъ такого правила вопросъ о сознаваемости даннаго душевнаго акта, въ томъ числѣ и волевого, отнюдь не предрѣшается ни въ ту, ни въ другую сторону.

Въ 1907 г. нѣмецкій психологъ Штумпфъ опубликовалъ свою работу „Erscheinungen und psychische Funktionen" — „Явленія и душевныя функціи". Въ ней онъ условливается называть „явленіями" всѣ ощущенія, представленія и т. д., словомъ то, о чемъ нѣтъ никакого спора, что оно *сознается* нами прямо, непосредственно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ утверждаетъ, что намъ *непосредственно даны* разныя душевныя „функціи", какъ онъ выражается, или „акты", какъ онъ ихъ называетъ иначе. Вѣдь критеріемъ непосредственной данности, думаетъ онъ, надо считать очевидность, а вполнѣ очевидно, по его мнѣнію, что безъ тѣхъ или другихъ душевныхъ функцій, или актовъ, не могло бы быть въ явленіяхъ многаго такого, что мы подмѣчаемъ въ нихъ. И вотъ онъ перечисляетъ различныя функціи и указываетъ, что именно надо приписать въ явленіяхъ той или другой функціи.

Нѣтъ такой *новой* (да еще заграничной) книги, которая не нашла бы людей, слѣпо принимающихъ на вѣру все сказанное въ ней. И уже явились поклонники „функціональной психологіи", какъ иногда выражаются, которая, по ихъ словамъ, открываетъ собой новую эпоху въ наукѣ. Но намъ не зачѣмъ полемизировать съ ними; ибо самъ же Штумпфъ въ концѣ концовъ утверждаетъ, что непосредственно сознаются нами не сами функціи, или акты, а только ихъ „коррелаты," т. е. то, что ими производится въ явленіяхъ.

Но развѣ чрезъ это онъ не противорѣчитъ своимъ же словамъ о непосредственной данности функцій? Вовсе нѣтъ: ея критеріемъ онъ считаетъ очевидность, а послѣдняя бываетъ непосредственной (вродѣ очевидности того, что мнѣ больно) и опосредствованной, добываемой доказательствами (вродѣ очевидности геометрическихъ теоремъ). И если Штумпфъ называетъ функціи, или акты, вполнѣ очевидными и *поэтому* непосредственно данными, а вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что непосредственно сами они нами не сознаются, то ясно, что онъ имѣетъ въ виду ихъ опосредствованную очевидность, созда-

ваемую раціоналистической предпосылкой, о которой мы уже говорили выше (см. стр. 274). И такъ какъ она приводитъ его къ заключенію о существованіи того, что, *по его же* словамъ, непосредственно вовсе не сознается, то психологіи критическаго направленія нѣтъ никакого дѣла до этого заключенія: оно важно для метафизики душевной жизни, а не для чистой психологіи. И если бы даже ученіе Штумпфа сдѣлалось общепризнаннымъ, то это доказывало бы только, что, вопреки нашему мнѣнію о полной безполезности душевныхъ актовъ, какъ мнемоническаго и эвристическаго средства, созданная Штумпфомъ „функціональная *метафизика* душевной жизни“ оказалась полезной, какъ рабочая гипотеза. Но пусть сперва она покажетъ свою пользу, какъ рабочей гипотезы, удобной для расширенія нашего знанія о законосообразныхъ связяхъ того, что сознается нами.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Курсъ основной психологіи.

ЧАСТЬ II.

21. Классификація представленій и понятій.

Лучше всего опредѣлять представленія слѣдующимъ образомъ: *представленія суть такія состоянія сознанія, при помощи которыхъ мы мысленно какъ бы разсматриваемъ предметы такъ, какъ бы они находились передъ нами, хотя въ дѣйствительности ихъ нѣтъ передъ нами.* Представленія очень часто опредѣляютъ, какъ *копіи прежде бывшихъ воспріятій.* Но нельзя согласиться съ такимъ опредѣленіемъ: подъ него не подойдетъ цѣлая группа представленій, именно—представленія воображаемыя (каковы, напримѣръ, представленія русалки, водяного и т. п.). Вѣдь они не служатъ копіями прежнихъ воспріятій, ибо никто не воспринималъ ни русалки, ни водяного. Только воспроизведенныя представленія дѣйствительно составляютъ что-то вродѣ копій съ прежнихъ воспріятій.

Въ обыденной жизни слово „понятіе“ часто употребляется вмѣсто слова „знаніе“. Но такъ какъ знаніе всегда состоитъ изъ сужденій, а не изъ отдѣльно взятыхъ понятій, то въ наукѣ отнюдь не слѣдуетъ употреблять слово „понятіе“ въ смыслѣ „знаніе“: иначе получится такая сбивчивость въ выраженіяхъ, что, пожалуй, самъ себя не поймешь.

Въ философской же литературѣ терминъ „понятіе“ употребляется въ двоякомъ значеніи. Нѣкоторые философы употребляютъ слово „понятіе“ для обозначенія *представленій, такъ переработанныхъ, что при ихъ помощи мы какъ бы мысленно разсматриваемъ одни лишь существенные признаки предметовъ, причемъ сознаемъ, что это существенные признаки.* Другіе же подъ понятіями подразумѣваютъ просто общія представленія. Поэтому всякій вправѣ *условиться* употреблять слово „понятіе“ въ такомъ значеніи, какое онъ считаетъ болѣе удобнымъ. *Условимся* же понимать терминъ „понятіе“ въ первомъ смыслѣ, т. е. какъ мысли о суще-

ственныхъ признакахъ. Это мы дѣлаемъ потому, что если подразумѣвать подъ понятіями то же, что и подъ общими представленіями, то возникаетъ двоякое неудобство: а) одно и то же будетъ называться двумя именами (общими представленіями и понятіями); в) представленія же, при помощи которыхъ мы мысленно разсматриваемъ одни лишь существенные признаки, не получатъ особаго названія; а оно нужно для нихъ, ибо они все таки отличаются отъ другихъ представленій.

Чтобы вести наше изслѣдованіе систематически, выяснимъ прежде всего, какія могутъ быть различія въ представленіяхъ и какія въ понятіяхъ. Для этого намъ надо ихъ классифицировать, причемъ ихъ классификацію, разумѣется, можно производить съ различныхъ точекъ зрѣнія.

1) По разницѣ *предметовъ*, которые мы какъ бы мысленно разсматриваемъ, представленія дѣлятся на *внутреннія*, *внѣшнія* и *представленія чужой душевной жизни*. Въ первыхъ предметами служатъ наши душевныя состоянія, во вторыхъ—внѣшніе для насъ *предметы*, т. е. предметы внѣшняго воспріятія. Примѣры внѣшнихъ представленій—представленія Исаакіевскаго собора, Николаевскаго моста, любого цвѣта, любого звука и т. п.; примѣры внутреннихъ представленій—представленіе своего гнѣва, своей радости, своихъ будущихъ чувствованій и т. п. Но есть еще одинъ классъ представленій, которыя нельзя подвести ни подъ внутреннія, ни подъ внѣшнія, это—*представленія чужой душевной жизни*; напр., представленіе душевнаго состоянія Анны Карениной передъ моментомъ ея самоубійства. Дѣйствительно, такія представленія не могутъ быть отнесены ни къ внутреннимъ (ибо въ нихъ мы имѣемъ дѣло не съ своей, а съ чужой душевной жизнью), ни къ внѣшнимъ (такъ какъ ихъ предметомъ служитъ все-таки *душевная*, а не тѣлесная жизнь).

2) Но можно раздѣлить представленія еще иначе—*по признакамъ, какіе мысленно разсматриваются при ихъ помощи*. Признакъ есть все то, чѣмъ предметы могутъ оказаться сходными или различными другъ съ другомъ. Признаки могутъ быть и общими, и единичными. *Единичные—это тѣ, которые присущи одному опредѣленному предмету и составляютъ отличія этого предмета отъ всѣхъ остальныхъ. Общіе—тѣ, которые оказываются одинаковыми у цѣлой группы предметовъ.* Примѣръ: опредѣленный ростъ какого-нибудь человѣка есть признакъ единичный, а части лица вообще—глаза, носъ, уши и т. п.—признаки общіе для всѣхъ людей. Сообразно же съ тѣмъ, какіе именно признаки мыслятся въ объектахъ, и самыя представленія могутъ быть раздѣлены на *общія* и *единичныя*. Общія представленія суть такія, посредствомъ которыхъ мы какъ бы мысленно разсматриваемъ одни лишь общіе признаки, *причемъ сознаемъ, что они не единичные, а общіе*. Не слѣдуетъ говорить: общія представленія это такія, которыя *состоятъ изъ представленій однихъ лишь общихъ признаковъ*. Мы скоро увидимъ, что это психологически невѣрно. Единичныя представленія—такія, въ которыхъ мы какъ бы мысленно разсматриваемъ предметъ со всѣми присущими ему признаками. какъ общими,

такъ и единичными. Примѣры: представленіе Ивана, Петра есть единичное, представленіе человѣка вообще—общее; представленіе желтаго цвѣта вотъ этого самаго стола—единичное, представленіе любого желтаго цвѣта—общее, представленіе цвѣта вообще—еще болѣе общее. Каждое изъ представленій трехъ предыдущихъ группъ (внутреннихъ, внѣшнихъ и представленій чужой душевной жизни) можетъ быть какъ единичнымъ, такъ и общимъ.

3) Наконецъ, единичныя (и только единичныя) представленія, взятыя сами по себѣ, могутъ еще различаться по *своему отношенію къ нашему прежнему опыту*. При помощи однихъ единичныхъ представленій мы какъ бы мысленно разсматриваемъ то, что когда-либо нами воспринималось (примѣры: представленія знакомыхъ лицъ, видѣнныхъ нами зданій, того или другого цвѣта); другія же единичныя представленія таковы, что при ихъ помощи нами мысленно разсматриваются предметы, которыхъ мы никогда не воспринимали (представленія русалки, построекъ въ чужихъ, неизвѣстныхъ намъ земляхъ, жителей Марса, гдѣ даже и быть намъ нельзя). Первыя представленія условимся называть *воспроизведенными*, а вторыя—*воображаемыми*.

Въ заключеніе нашей классификаціи представленій замѣтимъ еще, что всѣ представленія единичныя очень часто называются *образами*. Надо замѣтить, что слово „образъ“ сперва употребляли только въ примѣненіи къ внѣшнимъ единичнымъ представленіямъ, относящимся къ предметамъ *зрительныхъ* воспріятій. Такое словоупотребленіе въ *этимологическомъ* отношеніи было самымъ точнымъ. Но постепенно стали придавать слову „образъ“ болѣе широкое значеніе: распространили его на всѣ единичныя представленія, стали говорить объ образахъ звука, запаха, боли, и т. д. А нѣкоторые теперь даже говорятъ объ общихъ образахъ. Мы же условимся называть образами только единичныя представленія.

Что же касается понятій, то они также могутъ быть и общими, и единичными, и внутренними, и внѣшними, и понятіями чужой душевной жизни. Единственное дѣленіе, которое здѣсь отпадаетъ, это—разница между воспроизведеннымъ и воображаемымъ, ибо переработкѣ представленія въ понятіе можно подвергнуть любое представленіе, независимо отъ того, соотвѣтствуетъ ли ему какой-либо дѣйствительный предметъ или нѣтъ.

Покончивъ съ классификаціей представленій, выяснимъ себѣ тѣ вопросы, которые необходимѣе всего имѣть въ виду при ихъ изученіи. Такихъ вопросовъ на первыхъ порахъ оказывается два: 1) сначала естественнѣе всего возникаетъ вопросъ о сходствѣ и разницѣ представленій сравнительно съ воспріятіями: мы должны выяснить, чѣмъ представленія сходны съ воспріятіями и чѣмъ они отъ нихъ отличаются, и каковъ психическій матеріалъ представленій по сравненію съ воспріятіями. 2) Далѣе, естественно при такомъ сравненіи спросить себя, нѣтъ ли и въ представленіяхъ какихъ-нибудь индивидуальныхъ особенностей, подобно тому, какъ они оказались въ ощущеніяхъ.

22. Единичныя представленія.

Начнемъ съ представленій внѣшнихъ единичныхъ, или съ внѣшнихъ образовъ, именно—каковы они сравнительно съ внѣшними воспріятіями. Мы будемъ говорить сразу какъ о воспроизведенныхъ, такъ и о воображаемыхъ внѣшнихъ единичныхъ представленіяхъ или образахъ, потому что они качественно однородны.

Слѣдующаго самонаблюденія уже достаточно, чтобы убѣдиться въ качественной однородности, т. е. въ одинаковости матеріала воспроизведенныхъ и воображаемыхъ представленій: случается иногда забыть о томъ, что мы воспринимали данный предметъ, и тогда мы думаемъ, что его представленіе создано нашимъ воображеніемъ, и наоборотъ—иногда воображаемыя нами представленія мы считаемъ за воспроизведенныя. Напримѣръ, при разсказѣ о какомъ-нибудь видѣнномъ нами эпизодѣ прибавляемъ *безъ всякаго желанія обмануть* то, чего не было, т. е. принимаемъ воображаемое представленіе за воспроизведенное. А вотъ примѣръ, въ которомъ воспроизведенныя представленія приняты за вновь созданныя. Мори разсказываетъ *), что онъ однажды заблаговременно приготовилъ статью, обѣщанную имъ для одного журнала, но такъ запряталъ ее, что, когда приблизился срокъ ея отправки, онъ не могъ ее найти и сталъ снова писать. Когда онъ писалъ ее во второй разъ, то ему казалось, что у него явилась совсѣмъ новая точка зрѣнія на предметъ, такъ что статья вышла совсѣмъ новой. Но, найдя по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ свою прежнюю работу и сравнивъ ее съ новой, онъ убѣдился, что послѣдняя была дословнымъ повтореніемъ прежней. Слѣдовательно, Мори принялъ воспроизведенныя представленія за вновь созданныя.

Если же воображаемыя и воспроизведенныя представленія могутъ быть ошибочно приняты одни за другія, то, значитъ, они по своему качеству, т. е. по своему матеріалу вполнѣ однородны, а отсюда вытекаетъ такое слѣдствіе: *когда мы хотимъ выяснить себѣ сходство и разницу внѣшнихъ образовъ съ воспріятіями, мы вправѣ обращаться безразлично и къ воображаемымъ, и къ воспроизведеннымъ образамъ* и подкрѣплять наши выводы примѣрами изъ числа какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Отличія въ составѣ воображаемыхъ представленій сравнительно съ воспроизведенными только слѣдующія: 1) воображаемыя могутъ оказаться лишь простымъ соединеніемъ нѣсколькихъ воспроизведенныхъ въ одинъ цѣлый образъ. Такими обыкновенно бываютъ воображаемыя представленія у насъ при чтеніи описанія какого-нибудь невидѣннаго нами зданія, новой мѣстности и т. п. 2) Воображаемое можетъ состоять изъ соединенія частей,

*) Въ своей поучительной книгѣ: „Сонъ и сновидѣнія“, переведенной и на русскій языкъ. Она поучительна потому, что въ ней собрано множество фактовъ, относящихся къ психологіи сновидѣнія.

взятыхъ изъ двухъ или большого числа образовъ, какъ, напримѣръ, образъ центавра состоитъ изъ соединенія части образа человѣка съ частью образа лошади. 3) Воображаемое можетъ состоять изъ воспроизведеннаго, въ которомъ нѣкоторыя черты либо усилены, нибудь ослаблены. Таковы, напримѣръ, каррикатуры, усиленно подчеркивающія либо чрезмѣрное развитіе, либо чрезмѣрное уменьшеніе какого-нибудь свойства въ изображаемомъ лицѣ. 4) Чаще же всего въ воображаемомъ представленіи оказываются сразу всѣ эти отличія. Такимъ образомъ, всѣ отличія выображаемыхъ представленій отъ воспроизведенныхъ могутъ быть названы формальными: никакого же новаго матеріала, котораго не оказалось бы въ воспроизведенныхъ, представленіяхъ, нельзя найти и въ воображаемыхъ.

Все сказанное слѣдующимъ образомъ выражается на языкѣ душевныхъ способностей, когда воспроизведеніе считаютъ функціей памяти: воображеніе создаетъ только новыя формы, но отнюдь не новый матеріалъ. Послѣдній всегда доставляется ему памятью; дѣятельность же воображенія ограничивается лишь соединеніемъ, раздѣленіемъ, усиленіемъ и ослабленіемъ матеріала, доставляемаго памятью. Напримѣръ: самое богатое воображеніе не въ силахъ создать ощущенія, доставляемыя несуществующимъ у насъ шестымъ внѣшнимъ чувствомъ. Подъ вліяніемъ же такого языка возникаетъ ошибочная мысль, будто бы воображеніе служитъ какъ бы вторичной способностью, которая можетъ дѣйствовать лишь позднѣе памяти. Это—невѣрное мнѣніе, потому что въ дѣйствительности *ни одинъ воспроизведенный образъ никогда не повторяется точь въ точь въ прежнемъ видѣ и никогда не бываетъ чуждъ тѣхъ перемѣнъ въ его составѣ, которыя приписываются дѣятельности воображенія.* такъ что, если мы называемъ этотъ образъ воспроизведеннымъ, то только потому, что въ немъ эти перемѣны мало замѣтны. Подмѣтивъ это обстоятельство, въ языкъ душевныхъ способностей вносятъ такую поправку: между памятью и воображеніемъ разница только количественная, а не качественная, такъ что представленіе приписывается нами памяти или воображенію лишь въ зависимости отъ того, въ какой степени въ чемъ замѣчается нѣчто новое по сравненію *со всей совокупностью* пережитыхъ нами воспріятій.—Что же касается взгляда, приписывающаго воспроизведеніе не памяти, а воображенію, и раздѣляющаго ею на воспроизводящее и творческое, то для перевода всего сказаннаго объ единичныхъ представленіяхъ на языкъ этого взгляда, надо повсюду замѣнить слово „память“ выраженіемъ „воспроизводящее воображеніе“.

Если же мы вникнемъ во всѣ данныя личнаго и коллективнаго самонаблюденія относительно природы внѣшнихъ единичныхъ представленій, то выйдетъ, что они *съ качественной стороны ничѣмъ не отличаются отъ соотвѣтствующихъ имъ воспріятій. Разница здѣсь оказывается: А) во-первыхъ, количественной и В) во-вторыхъ, въ томъ, какъ относится наше сознаніе къ внѣшнимъ воспріятіямъ и образамъ.*

А) Количественная разница между внѣшними воспріятіями и образами, въ свою очередь, двоякая:

1) Представленія отличаются отъ воспріятій своей *быстротечностью*. Такъ, сколько бы мы ни старались сосредоточить *надолго* свое вниманіе на какомъ-нибудь одномъ лишь представленіи, намъ это не удастся: данное представленіе непремѣнно быстро исчезаетъ изъ сознанія, замѣняясь другими, хотя потомъ можетъ снова появиться, затѣмъ опять исчезнуть, опять появиться и т. д., но надолго не остается въ сознаніи. Воспріятіе же можетъ продолжаться сколько угодно времени.

2) Вторая количественная разница между представленіями и соотвѣтствующими имъ воспріятіями заключается въ томъ, что образы *неизмѣримо блѣдные, слабые* воспріятій: извѣстно, что представленіе солнца никогда не ослѣпляетъ, представленіе пушечнаго выстрѣла не оглушаетъ и т. п.

В) *Разница же въ отношеніи нашего сознанія къ воспріятіямъ и представленіямъ состоитъ въ томъ, что воспріятія, хотя они и субъективны, всегда объективируются, т. е. невольно и неизбѣжно сознаются какъ бы находящимися помимо меня, а представленія сознаются мной, какъ чисто субъективные продукты моего сознанія, какъ находящіеся во мнѣ самомъ; поэтому и все ихъ содержаніе сознается мной, какъ мое, а содержаніе воспріятій, какъ не мое.*

Но если всѣ данныя самонаблюденія (и личнаго, и коллективнаго) говорятъ за *качественную* однородность внѣшнихъ единичныхъ представленій (какъ воспроизведенныхъ, такъ и воображаемыхъ) съ воспріятіями, то это не значитъ, что бы было легко оправдать это положеніе *однимъ личнымъ* самонаблюденіемъ. Дѣло въ томъ, что *личное* самонаблюденіе сталкивается здѣсь съ серьезными препятствіями, которыя иногда *могутъ* ввести насъ въ столь сильное заблужденіе относительно качественной стороны образовъ, что съ перваго взгляда намъ покажется, будто внѣшніе образы по своему матеріалу совсѣмъ не похожи на воспріятія. Только принявъ въ разсчетъ эти препятствія, можно даже и посредствомъ личнаго самонаблюденія убѣдиться въ качественной однородности внѣшнихъ образовъ и воспріятій. Поэтому надо хорошо изучить эти препятствія. Нѣкоторыя же изъ нихъ узнаются только посредствомъ коллективнаго самонаблюденія, такъ что весь-то нашъ вопросъ въ его цѣломъ требуетъ и личнаго, и коллективнаго самонаблюденія. Препятствія, о которыхъ мы говоримъ, двухъ родовъ: они зависятъ или 1) отъ замѣны однихъ представленій другими, или 2) отъ индивидуальныхъ особенностей въ переживаніи внѣшнихъ образовъ.

1) Первое изъ этихъ препятствій, легко подмѣчаемое даже и однимъ лишь личнымъ самонаблюденіемъ, заключается въ слѣдующемъ: сплошь и рядомъ, когда мы разсуждаемъ о какомъ-нибудь предметѣ по поводу чего бы то ни было, у насъ *образъ этого предмета замѣняется образомъ чего-нибудь связаннаго съ нимъ, причемъ эта замѣна совсѣмъ не вліяетъ на дальнѣйшій ходъ нашихъ разсужденій, такъ что мы ее обыкновенно даже не замѣчаемъ.* Ознакомимся нѣсколько подробнѣе съ этой замѣной. Она бываетъ двоякой:

а) Образъ даннаго предмета во время разсужденій объ этомъ предметѣ можетъ замѣняться образами другихъ предметовъ, такъ или иначе связанныхъ съ нимъ, даже вовсе непохожихъ на него. Напримѣръ: вмѣсто представленія самого *звона* мы можемъ представить себѣ вовсе не *звонъ*, но *колоколъ*, который производитъ этотъ звонъ или, наоборотъ, взамѣнъ представленія самого колокола мы можемъ представить себѣ только его звонъ, а разсуждать будемъ всетаки про колоколъ. Другой примѣръ: разсуждая объ историческомъ лицѣ, мы иногда не представляемъ себѣ его самого, а вмѣсто того у насъ возникаетъ образъ того учебника, изъ котораго мы впервые съ нимъ познакомились. Мы даже иногда какъ бы видимъ опредѣленную страницу этого учебника, ея шрифтъ, загрязненность и т. п.

b) Очень часто эта замѣна сводится къ тому, что мы представляемъ себѣ всего лишь *названіе* того предмета, о которомъ говоримъ; напримѣръ, когда разсуждаемъ о любомъ историческомъ лицѣ (Франциск Ассизскомъ, папѣ Григоріи VII и т. д.), котораго мы никогда не видали ни въ дѣйствительности, ни на картинѣ и описаніемъ наружности и личности котораго никогда не интересовались, то очень часто въ нашемъ сознаніи взамѣнъ образа этого лица оказывается всего лишь образъ его названія. При этомъ названія, въ свою очередь, *могутъ представляться намъ троякимъ способомъ*. Впрочемъ, не всякій человѣкъ способенъ представлять названія всѣми тремя способами; многіе могутъ представлять себѣ названія только однимъ какимъ-нибудь способомъ. Замѣтимъ кстати, что въ обыденной жизни мы привыкли думать, будто бы у насъ относительно каждаго предмета можетъ существовать только одно представленіе, на самомъ же дѣлѣ *у насъ такихъ представленій можетъ быть столько же, сколько можетъ быть родовъ воспріятій даннаго предмета*. А такъ какъ воспринимать названіе предмета можно *троякимъ* путемъ — 1) или тѣмъ, что мы читаемъ его глазами, 2) или тѣмъ, что слышимъ, 3) или тѣмъ, что сами произносимъ его,—то и *представленіе названія можетъ совершаться троякимъ способомъ*: 1) какъ будто мы читаемъ глазами напечатанное или написанное названіе, т. е. *посредствомъ зрительныхъ образовъ*; 2) какъ будто мы слышимъ данное названіе, т. е. *путемъ слуховыхъ или звуковыхъ образовъ*; 3) какъ будто бы мы внутри себя произносимъ его т. е. *путемъ образовъ моторныхъ*.

Въ виду всего этого понятно, что если мы захотимъ провѣрить путемъ одного лишь личнаго самонаблюденія свое положеніе относительно качественной однородности внѣшнихъ единичныхъ представленій съ воспріятіями, то легко можемъ вдаться въ такую ошибку: говоря для этой провѣрки о какомъ-нибудь предметѣ и разсматривая то, что вырисовывается въ это время въ нашемъ сознаніи, мы будемъ думать, что уже представили себѣ *этотъ самый* предметъ; а очень легко можетъ случиться, что въ это время у насъ явится образъ вовсе *не этого самаго предмета*, а какого-нибудь другого, стоящаго съ этимъ предметомъ въ чисто внѣшней связи. Напримѣръ, вмѣсто образа того или другого историческаго лица у

насъ возникнетъ образъ его названія. Мы же, не отдавая себѣ отчета въ такой замѣнѣ, подумаемъ, что наше представленіе даннаго историческаго лица по качеству не имѣетъ ничего общаго съ соотвѣтствующимъ ему воспріятіемъ. Поэтому, желая провѣрить наше положеніе, мы должны обращать вниманіе *только* на то, что нами *дѣйствительно* представляется, а не на тотъ предметъ, о которомъ мы говорили или разсуждали, желая узнать, каково будетъ его представленіе. Если же мы будемъ соблюдать эту предосторожность, то намъ нетрудно будетъ даже и путемъ одного лишь личнаго самонаблюденія убѣдиться въ качественной однородности внѣшнихъ образовъ и воспріятій. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ представится лишь звукъ, хотя бы мы разсуждали о колоколѣ, то мы замѣтимъ, что мы какъ бы слышимъ этотъ звукъ внутри уха. Разсматривая свое представленіе *самого* цвѣта, но не того, что связано съ нимъ, мы также увидимъ, что это представленіе въ качественномъ отношеніи совершенно однородно съ соотвѣтствующимъ воспріятіемъ цвѣта. Точно также, если намъ представится названіе, мы замѣтимъ, что это все равно, какъ если бы мы испытали очень слабыя дѣйствительныя ощущенія или отъ видѣнія, или отъ слышанія, или отъ произнесенія этого названія. —

2) Но, кромѣ указаннаго препятствія, есть, какъ мы сказали, еще другое, заключающееся въ *нѣкоторыхъ изъ индивидуальныхъ особенностей въ переживаніи внѣшнихъ единичныхъ представленій*. Ознакомимся поэтому съ индивидуальными особенностями переживанія внѣшнихъ образовъ. Онѣ могутъ быть сведены къ двумъ родамъ: къ отличіямъ А) количественнымъ и В) качественнымъ.

А) Путемъ *коллективнаго* самонаблюденія легко убѣдиться въ томъ, что переживаніе образовъ у разныхъ лицъ отличается прежде всего количественно: у однихъ лицъ образы отличаются живостью, яркостью, у другихъ — блѣдностью. Чаще всего они бываютъ очень блѣдны, но можно найти много примѣровъ поразительной живости образовъ. Такъ, одинъ физіологъ, по имени Brierre de Boismont *пріучилъ* себя необыкновенно живо представлять себѣ образъ одного знакомаго проповѣдника. Путемъ упражненія онъ достигъ слѣдующаго: „этотъ образъ, говоритъ онъ, видимъ для меня, какъ при закрытыхъ глазахъ, такъ и при открытыхъ; онъ имѣетъ величину и аттрибуты оригинала; я различаю его черты, форму его волосъ, выраженіе его взгляда, его костюмъ и всѣ подробности его особы. Я вижу, какъ онъ улыбается, говоритъ, проповѣдуетъ, я замѣчаю даже его обыкновенные жесты... *Образъ воздушный и иного свойства, чѣмъ объективное ощущеніе, но точно очерченный и окрашенный*“. Далѣе, извѣстны шахматные игроки á l'aveugle, которые, не глядя на доску, играютъ заразъ три, четыре и даже десять партій въ одно время. Они, по ихъ словамъ, просто закрываютъ глаза и представляютъ себѣ шахматныя доски съ фигурами *такъ живо, какъ бы они видѣли ихъ передъ собой*. Примѣромъ изумительной живости звуковыхъ образовъ можетъ служить Бетховенъ. Подъ конецъ своей жизни онъ совершенно оглохъ, но продолжалъ творить

великія музыкальныя произведенія, такъ какъ слышалъ всѣ воображаемые имъ (во время творчества) звуки въ умѣ, т. е. необычайно *живо представлялъ себѣ ихъ*. Можно бы найти другіе примѣры живости образовъ (напр., въ области моторныхъ образовъ), но останавливаться на ихъ пріисканіи не стоитъ, такъ какъ сразу видно, что здѣсь возможно большее разнообразіе.

В) Для насъ гораздо важнѣе отмѣтить слѣдующій выводъ, который составляетъ слѣдствіе этого разнообразія: легко можетъ случиться, что тогда какъ зрительные образы сильно развиты, образы слуховые или моторные будутъ по своей слабости приближаться къ нулю, или, наоборотъ, крайне слабы зрительные образы при живости какихъ-либо другихъ, и т. п. Ясно, что въ такомъ случаѣ образы одного лица будутъ отличаться отъ образовъ другого даже качественно: у одного будутъ лишь зрительные, у другого — лишь слуховые и т. д. Ясно также, что коль скоро такіе случаи возможны, то они будутъ служить сильнымъ препятствіемъ для провѣрки нашего положенія относительно качественной однородности представленій съ воспріятіями. Дѣйствительно, допустимъ, что у даннаго лица встрѣчаются только *слуховые* образы, а его спрашиваютъ объ этой однородности. Такъ какъ въ обыденной жизни словами „представленіе“, „образъ“ отмѣчаются только *зрительные* образы, то испытуемый *скорѣе всего* пойметъ вопросъ въ этомъ смыслѣ, т. е. станетъ сравнивать свои образы съ *зрительными* воспріятіями. А тогда онъ, конечно, скажетъ, что никакой однородности между его образами и воспріятіями нѣтъ. Слѣдовательно, въ виду полной возможности такихъ недоразумѣній, мы, прежде чѣмъ личнымъ самонаблюденіемъ провѣрять наше положеніе о качественной однородности внѣшнихъ образовъ съ воспріятіями, должны выяснить — во-1) осуществляются ли подобные односторонніе типы на дѣлѣ и во-2) къ какому типу принадлежитъ тотъ, кто путемъ личнаго самонаблюденія предпринялъ провѣрку качественной однородности внѣшнихъ образовъ съ воспріятіями.

До 60-хъ годовъ XIX столѣтія въ психологіи не было и рѣчи ни о какихъ типахъ въ переживаніи представленій: переживаніе образовъ считали у всѣхъ людей качественно одинаковымъ и допускали въ немъ только различія относительно живости, т. е. одни лишь количественныя различія. Такъ, напр., думали, что у дѣтей образы неизмѣримо живѣе, чѣмъ у взрослыхъ, при чемъ даже сильно преувеличивали эту разницу, увѣряя, будто бы у дѣтей образы по живости ничѣмъ не отличаются отъ воспріятій. Думали, будто бы дѣти во время игры того, кто изображаетъ по условіямъ игры волка, воспринимаютъ дѣйствительно, какъ бы волка, и испытываютъ передъ нимъ настоящій ужасъ, и т. п. (все это, однако, не совсѣмъ вѣрно). Но только что описанныя качественныя видоизмѣненія въ переживаніи представленій оставались незамѣченными. Открытіемъ ихъ психологія обязана врачамъ-психіатрамъ. Именно: Гальтонъ, американскій психіатръ, впервые подмѣтилъ и путемъ разспросовъ, т. е. посредствомъ коллективнаго само-

наблюденія, выяснилъ, что людей по характеру ихъ внѣшнихъ единичныхъ представленій можно раздѣлить на нѣсколько группъ. Теперь это положеніе сдѣлалось общепризнаннымъ и служитъ предметомъ подробныхъ изслѣдованій. Типовъ переживанія внѣшнихъ образовъ насчитываютъ *обыкновенно* четыре: зрительный, слуховой, моторный и уравновѣшенный, или индифферентный.

1) Типъ *зрительный*. Здѣсь если не исключительно, то главнымъ образомъ господствуютъ зрительные образы; остальные или совсѣмъ отсутствуютъ, или попадаются въ высшей степени рѣдко. Господствующіе же зрительные образы могутъ достигать различной степени живости: у нѣкоторыхъ (напримѣръ, въ приведенномъ нами выше примѣрѣ шахматныхъ игроковъ à l'aveugle) эти образы какъ бы вырисовываются въ воздухѣ, у другихъ же интенсивность зрительныхъ образовъ слабѣе. Сообразно съ господствомъ въ данномъ типѣ зрительныхъ образовъ, понятно, что и слова у лицъ этого типа будутъ представляться тоже зрительнымъ путемъ. А такъ какъ мыслить безъ словъ если невозможно, не то неудобно,—во всякомъ случаѣ нельзя безъ нихъ мыслить отчетливо,—то ясно, что, думая о чемъ-либо абстрактномъ, представители зрительнаго типа какъ бы считываютъ свои мысли съ написанныхъ или напечатанныхъ страницъ. Примѣромъ можетъ служить одинъ искусный ораторъ, который, по его собственному свидѣтельству, какъ бы считывалъ произносимыя имъ рѣчи съ тѣхъ черновыхъ замѣтокъ, которыя онъ набрасывалъ дома, обдумывая предстоящую рѣчь.

2) Другой типъ носитъ названіе *слухового*. Сюда принадлежатъ тѣ люди, у которыхъ сильно *преобладаютъ* представленія слуховыя, или звуковыя. Напримѣръ, таковы многіе музыканты и вообще люди, которымъ много приходится имѣть дѣла съ звуковыми воспріятіями. Одинъ французскій писатель драматургъ писалъ свои пьесы такимъ образомъ: онъ представлялъ себя сидящимъ въ театрѣ и какъ бы слушалъ то, что происходитъ на сценѣ. Коль скоро въ этомъ типѣ господствуютъ звуковые образы, то обо всемъ абстрактномъ, мысль о чемъ не можетъ обойтись безъ помощи представленія словъ, лица этого типа должны мыслить, какъ бы слушая чьи-то рѣчи. Свои же собственныя рѣчи они произносятъ, повторяя то, что они сперва какъ бы слышатъ внутри себя.

3) Третій типъ—*моторный*—характеризуется тѣмъ, что представляетъ себѣ вещи единственно со стороны ихъ пространственной формы. Лица, сюда принадлежащія, переживаютъ свои образы внѣшнихъ предметовъ, какъ бы пытаясь повторить тѣ движенія глазъ или рукъ, которыя имъ было нужно сдѣлать для пріобрѣтенія знакомства съ предметомъ. Примѣровъ такого типа можно найти много. (Очень можетъ быть, именно вслѣдствіе принадлежности къ нему многіе не вѣрятъ своимъ глазамъ, а хотятъ все потрогать руками. Одинъ американскій путешественникъ разсказываетъ объ индѣйцѣ, который по воздуху ножемъ вычерчивалъ контуры показанной ему картины, говоря, что ему хочется хорошенько запомнить ее. Очевидно, что

этотъ индѣецъ принадлежалъ къ моторному типу). Сообразно съ общимъ характеромъ своихъ представленій, лица моторнаго типа должны представлять себѣ слова или напечатанными, хотя это мало вѣроятно, такъ какъ движеніе глазъ при чтеніи слишкомъ незначительно, или же какъ бы произнося ихъ внутри себя. Понятно также, что лица моторнаго типа отличаются большой наклонностью думать вслухъ.

4) Но, помимо указанныхъ, есть еще одинъ типъ, который можетъ быть названъ *индифферентнымъ* или *уравновѣшеннымъ*. Здѣсь всѣ роды представленій (и зрительные, и слуховые, и моторные) почти одинаково развиты, такъ что думая, о чемъ-нибудь абстрактномъ, лица этого типа представляютъ себѣ слова *любымъ* способомъ.

Могутъ, конечно, еще найтись разновидности, кромѣ указанныхъ четырехъ типовъ. Напримѣръ, легко убѣдиться и въ томъ, что существуютъ типы *двусторонніе*—зрительно-моторный, или зрительно-слуховой, или моторно-слуховой. Все это можно подтвердить разспросами, но для насъ довольно сказаннаго.

Фактъ существованія лицъ отличающихся преобладаніемъ тѣхъ или иныхъ родовъ представленій, т. е. принадлежащихъ къ одностороннимъ типамъ переживанія внѣшнихъ образовъ, очень важенъ и въ теоретическомъ отношеніи, и въ практическомъ.

1) *Въ теоретическомъ отношеніи.* Этотъ фактъ указываетъ на одну изъ причинъ заблужденій, возникающихъ при поверхностномъ личномъ самонаблюденіи надъ природой внѣшнихъ образовъ. Лицу, принадлежащему къ зрительному типу, будетъ казаться, что представленіе слуховое качественно вполнѣ разнородно съ воспріятіями звука, такъ какъ это лицо, будучи не въ состояніи вызвать въ своемъ сознаніи представленіе звука, будетъ, говоря о звукѣ, представлять себѣ зрительнымъ образомъ какой-нибудь связанный съ этимъ звукомъ предметъ. Лицо, принадлежащее къ моторному типу, имѣя способность къ интенсивнымъ представленіямъ одной лишь формы предметовъ, но не ихъ краски, разсуждая о зрительныхъ образахъ, будетъ говорить, что въ нихъ нѣтъ цвѣтовъ и т. д. Имѣя въ виду такого рода факты, *мы можемъ полагаться на данныя чьего-либо самонаблюденія относительно природы образовъ не раньше, чѣмъ узнаемъ, къ какому типу принадлежитъ производившій самонаблюденіе.*

2) Выясненный нами фактъ имѣетъ еще важное *практическое* значеніе, именно—въ педагогикѣ. Ясное дѣло, что если кто принадлежитъ къ слуховому типу, то сколько разъ ни заставятъ его *написать* табличку, которую надо выучить наизусть, толку для запоминанія будетъ мало, тогда какъ если дать ему нѣсколько разъ *прослушать* эту таблицу, то она будетъ имъ легко заучена. У насъ среди учащихъ постоянно проявляется невѣрная точка зрѣнія на учащихся, будто бы имъ всѣмъ надо употреблять одинаковые пріемы, чтобы запомнить что-нибудь, вслѣдствіе чего одни учителя заставляютъ *всѣхъ* учениковъ то, что нужно заучить, повторять вслухъ нѣсколько разъ, другіе *всѣхъ* заставляютъ переписывать нѣсколько

разъ то же самое, а учить вслухъ запрещаютъ, считая это дурной привычкой, и тѣмъ много тормозятъ дѣло. *Знаніе факта существованія индивидуальныхъ различій въ переживаніи представленій поможетъ избѣгать подобнаго рода педагогическихъ ошибокъ.*

Типы переживанія внѣшнихъ образовъ на языкѣ душевныхъ способностей обыкновенно называются *типами воображенія.* Но такъ какъ эти типы подмѣчаются въ переживаніи и воображаемыхъ, и воспроизведенныхъ внѣшнихъ представленій, то, называя ихъ типами *воображенія*, невольно становятся на ту точку зрѣнія, при которой воспроизведеніе представленій причисляется къ функціямъ воображенія. Если же кто хочетъ считать воспроизведеніе функціей памяти, долженъ называть эти типы *типами памяти и воображенія.* При этомъ надо будетъ добавить, что *типы памяти могутъ еще мѣняться въ зависимости и отъ предметовъ, воспроизведеніе которыхъ въ видѣ образовъ преобладаетъ въ памяти даннаго лица.* Такъ, бываетъ память, особенно развитая на слова, а среди нихъ, на собственныя имена, на числа и т. д.

Производя самонаблюденіе надъ внутренними единичными представленіями, мы подмѣчаемъ, что *всякое внутреннее единичное представленіе образуетъ собой ничто иное, какъ слабое повтореніе соотвѣтствующаго душевнаго переживанія.* Напримѣръ, представить себѣ свой вчерашній гнѣвъ—это то же, что почувствовать въ себѣ его слабое быстротечное повтореніе.

Правда, намъ могутъ возразить на это, что у насъ на самомъ дѣлѣ вовсе нѣтъ непосредственнаго представленія нашихъ душевныхъ состояній, напримѣръ, радости, гнѣва и т. д., а взамѣнъ того, мы представляемъ себѣ только тѣ внѣшнія событія, которыя вызвали или могли бы вызвать въ насъ данныя душевныя состоянія, и вслѣдствіе этого *дѣйствительно переживаемъ* эти состоянія, а не только представляемъ ихъ себѣ. Такимъ образомъ, то, что мы сейчасъ *назвали* внутренними представленіями, *на самомъ дѣлѣ есть повтореніе тѣхъ или другихъ душевныхъ состояній, но повтореніе не по поводу воспріятій, а по поводу лишь представленій извѣстныхъ внѣшнихъ событій, и повтореніе, которое поэтому всегда бываетъ очень слабымъ* сравнительно съ тѣмъ состояніемъ, которое мы переживаемъ или могли бы пережить по поводу самихъ внѣшнихъ воспріятій.

Это возраженіе *по существу* вѣрно. Но, спрашивается, въ чемъ же здѣсь противорѣчіе съ нашимъ утвержденіемъ *качественной однородности* внутреннихъ единичныхъ представленій съ тѣми душевными событіями которыя служатъ ихъ предметомъ? Вѣдь если намъ дѣлаютъ это возраженіе, то уже этимъ самымъ соглашаются, что когда мы переживаемъ, *такъ называемое, внутреннее единичное представленіе,* то въ дѣйствительности нами переживается слабое *повтореніе* душевныхъ событій, т. е. уже соглашаются, что *такъ называемое представленіе* этого состоянія и оно само

качественно однородны между собой, что вся разница между ними только въ силѣ, а не въ матеріалѣ.

Слѣдовательно, выставлять это возраженіе можно лишь въ такой формѣ: зачѣмъ *называть* эти переживанія душевныхъ состояній представленіями? На это отвѣтъ будетъ очень простой: 1) мы заботимся не о правильности названія, а о правильномъ взглядѣ на самую природу, *такъ называемыхъ*, внутреннихъ представленій. 2) Даже въ самомъ словоупотребленіи мы правы, ибо душевныя переживанія, *называемыя* нами внутренними представленіями, подчиняются совершенно тѣмъ же законамъ, какимъ подчинены всѣ представленія (что будетъ доказано при изученіи ассоціаціи представленій).

Но подмѣтить качественную однородность внутреннихъ представленій съ представляемыми душевными переживаніями для многихъ настолько же трудно, если еще не труднѣе, какъ и подмѣтить однородность внѣшнихъ единичныхъ представленій съ воспріятіями. Трудность эта вызывается тѣми же причинами, какъ и при изученіи внѣшнихъ образовъ, т. е. а) замѣной внутренняго образа того душевнаго переживанія, о которомъ мы говоримъ, образомъ какого-нибудь другого предмета, напримѣръ, образомъ его названія и т. д., и в) индивидуальными особенностями въ переживаніи внутреннихъ образовъ у различныхъ лицъ. А потому при изученіи природы внутреннихъ образовъ надо соблюдать такія же предосторожности, какъ и при изученіи внѣшнихъ образовъ.

Индивидуальныя особенности внутреннихъ единичныхъ представленій долгое время оставались незамѣченными, но изслѣдованіе Рибо (озаглавленное: „Изслѣдованіе аффективной памяти“ *) съ полной очевидностью доказало ихъ существованіе. Путемъ тщательныхъ разспросовъ Рибо выяснилъ, что всѣхъ людей можно раздѣлить по характеру ихъ переживанія внутреннихъ единичныхъ представленій на два главныхъ класса, каждый изъ которыхъ онъ назвалъ *типомъ внутреннихъ образовъ*.

1) Одинъ типъ носитъ у него названіе *аффективнаго*. Люди, принадлежащіе къ нему, очень свободно и, болѣе или менѣе, живо представляютъ себѣ свои чувства, такъ что по произволу могутъ вызвать въ себѣ представленіе любого чувства (конечно, не иначе, какъ въ связи съ представленіемъ тѣхъ внѣшнихъ условій, которыя пробуждаютъ это чувство). Живость же ихъ представленій иногда доходитъ до того, что они при этомъ начинаютъ испытывать точь-въ-точь тѣ же самыя душевныя состоянія, какъ воспоминаемыя ими, хотя бы послѣ ихъ дѣйствительнаго переживанія прошло уже много времени до воспоминанія о нихъ. Представленіе болевыхъ ощущеній у такихъ лицъ также отличается живостью: такъ, представляя себѣ головную или зубную боль, они по произволу снова испытываютъ ее со всѣми ея особенностями—подергиваніями, покалываніями и т. д.

---

*) Оно прежде было имъ напечатано въ Revue philosophique въ видѣ отдѣльной статьи. Потомъ эта статья составила XI-ю главу 1-ой части его „Психологіи чувствъ“.

2) Другому типу Рибо далъ названіе *интеллектуальнаго*. Лица этого типа не могутъ представлять себѣ ни одного внутренняго состоянія, а взамѣнъ того представляютъ себѣ *только тѣ внѣшнія условія, которыя вызываютъ это состояніе*. Поэтому, представляя себѣ гнѣвъ, радость и т. п., они представляютъ только тѣ внѣшнія обстоятельства, при которыхъ возникло у нихъ данное чувство (причемъ это представленіе внѣшнихъ условій иногда сопровождается всего лишь слабымъ *оттѣнкомъ* даннаго чувствва, иногда же не сопровождается даже и такимъ оттѣнкомъ, или отпечаткомъ).

Конечно, между указанными двумя крайними типами есть типы переходные. Равнымъ образомъ выяснено, что и самъ аффективный типъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя видоизмѣненія, а именно: одни лица съ большей легкостью представляютъ себѣ аффективнымъ путемъ одинъ родъ душевныхъ состояній, а другія лица — другой родъ. Рибо высказываетъ по этому поводу очень остроумную догадку — что отъ характера легко воспроизводимыхъ чувствъ зависитъ и раздѣленіе людей на пессимистовъ и оптимистовъ. Другая, также очень остроумная догадка его — что такъ называемые черствые люди суть ничто иное, какъ лица, приближающіяся къ чисто интеллектуальному типу и потому совершенно неспособныя „*сочувствовать*“ другимъ вслѣдствіе одного лишь представленія чувствъ другихъ людей. Дальше этого изслѣдованія въ этой области еще не пошли.

Еще меньше въ психологіи сдѣлано для изученія единичныхъ *представленій чужой душевной жизни*. Что у насъ есть переживанія, *называемыя* этимъ именемъ, никто не станетъ спорить. Но одного этого признанія еще мало, а между тѣмъ психологія совершенно игнорируетъ этотъ интересный вопросъ. Но если вопросъ о представленіяхъ чужой душевной жизни не замѣченъ психологами, то на него насъ наталкиваютъ гносеологическія изслѣдованія, которыя вообще чаще всего и возбуждаютъ новые вопросы въ психологіи познавательныхъ явленій *).

Представлять себѣ саму чужую душевную жизнь для насъ такъ же недоступно, какъ воспринимать саму чужую душевную жизнь. А, такъ называемое, представленіе чужой душевной жизни совершается въ насъ только двумя слѣдующими путями:

1) Представляя себѣ чужую душевную жизнь, мы на самомъ дѣлѣ

---

*) Именно: вопросъ о представленіяхъ чужой душевной жизни очень важенъ при рѣшеніи вопроса объ объективныхъ признакахъ сознанія. См. „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія“ А. И. Введенскаго. Это, кажется, единственное сочиненіе, въ которомъ обращено вниманіе на составъ представленій чужой душевной жизни. Обыкновенно о нихъ даже не упоминаютъ ни слова. Но это сочиненіе гносеологическое, а не психологическое, только нѣкоторые разсматриваемые тамъ гносеологическіе вопросы вынуждаютъ къ изученію и психологическихъ.

представляемъ себѣ не ее, а *свою собственную но поставленную* на мѣсто душевной жизни другого лица, т. е. поставленную въ тѣ условія, въ какихъ протекаетъ эта послѣдняя. Такъ, представляя себѣ душевную жизнь любого героя или героини романа, напримѣръ, Анны Карениной передъ моментомъ ея самоубійства, мы очень часто мысленно ставимъ себя въ тѣ условія, въ какихъ находилась она, и такимъ образомъ болѣе или менѣе живо представляемъ себѣ то душевное состояніе, которое должны были бы пережить мы сами при этихъ условіяхъ. И этотъ процессъ мы *называемъ* представленіемъ *чужой* душевной жизни.

2) Иногда же мы вмѣсто этого представляемъ себѣ не *душевную* жизнь какого-нибудь лица и не свою собственную душевную жизнь, а лишь *воплощеніе даннаго душевнаго состоянія во внѣшнемъ образѣ даннаго лица*, при чемъ, представляя себѣ такой внѣшній образъ чужой душевной жизни, мы переживаемъ большую или меньшую степень *сочувствія* чужому душевному состоянію, т. е. чувствуемъ при этомъ, что какъ будто бы въ насъ самихъ отразилось это душевное состояніе. Напримѣръ, представляя себѣ ревность и ея развитіе, мы представляемъ себѣ образъ Отелло или такимъ, какимъ его описываетъ Шекспиръ, или какимъ мы его видѣли на сценѣ, и въ тоже самое время представляемъ себя самихъ сочувствующими этому лицу.

Никакихъ другихъ способовъ представленія чужой душевной жизни подмѣтить нельзя посредствомъ личнаго и коллективнаго самонаблюденія. Конечно, въ этихъ двухъ способахъ возможны индивидуальныя различія, которыя могутъ состоять хотя бы въ томъ, что одни лица съ большей легкостью представляютъ себѣ чужую душевную жизнь однимъ изъ указанныхъ путей, другія же—другимъ, а третьи—одинаково легко какъ тѣмъ, такъ и другимъ способомъ; но, какъ мы уже говорили, все это весьма мало изслѣдовано, даже вовсе не изслѣдовано.

Узнавъ природу всѣхъ образовъ, посмотримъ, не подчиняются ли они какому-нибудь закону, общему для всѣхъ трехъ родовъ образовъ, и не объясняетъ ли этотъ законъ, въ связи съ тѣмъ, что мы узнали объ образахъ, какихъ-нибудь фактовъ нашей душевной жизни.

Всѣ единичныя представленія подчинены слѣдующему общему закону: *всякое единичное представленіе состоитъ изъ представленія насъ самихъ т. е. своего я, какъ воспринимающаго предметъ даннаго представленія (или внѣ, или внутри насъ), такъ что представленіе нашего Я неотдѣлимо ни отъ одного изъ представленій.*

Провѣрить этотъ законъ и убѣдиться въ его постоянномъ исполненіи очень легко. Всѣ роды единичныхъ представленій уже пересмотрѣны нами, такъ что потому намъ стоитъ лишь перебрать ихъ по порядку и посмотрѣть, дѣйствуетъ ли въ каждомъ изъ нихъ этотъ законъ.

1) Про внѣшнія единичныя представленія мы сказали, что они суть

слабыя повторенія воспріятій: а въ каждомъ воспріятіи мы непремѣнно сознаемъ себя самихъ воспринимающими данный предметъ; *слѣдовательно, и при слабыхъ повтореніяхъ воспріятій, т. е. при внѣшнихъ образахъ, мы невольно представляемъ себя какъ бы воспринимающими предметъ даннаго образа.* Напримѣръ, представляя себѣ въ зрительномъ образѣ Гостинный дворъ, я невольно представляю, что это я, а не кто другой, вижу, его: или при слуховыхъ образахъ мы невольно представляемъ себѣ, что это мы (а не кто другой) слышимъ звуки, и т. д.

2) Для внутреннихъ же образовъ обязательность нашего закона еще замѣтнѣе. Представляя себѣ свой гнѣвъ, радость и т. п., мы переживаемъ ихъ заново, какъ *свои*: слѣдовательно, эти представленія, *если только они возникаютъ въ насъ, а не замѣняются какими-нибудь другими, непремѣнно сопровождаются представленіемъ насъ самихъ, какъ сознающихъ въ себѣ данныя чувства.*

3) Что же касается до представленія чужой душевной жизни, то они вѣдь слагаются изъ комбинацій *внѣшнихъ* и *внутреннихъ* единичныхъ представленій, а именно—мы представляемъ или самихъ себя (внутреннее представленіе), поставленныхъ въ тѣ условія, въ какихъ находится данное лицо (представленіе внѣшнее), или же мы представляемъ себѣ внѣшній образъ, воплощающій чужую душевную жизнь (внѣшнее представленіе), причемъ испытываемъ сочувствующими). А такъ какъ и внѣшнія, и внутреннія представленія, какъ сейчасъ показано нами, подчинены нашему закону, то ясно, что и представленія чужой душевной жизни также ему подчиняются.

На этотъ законъ въ психологическихъ сочиненіяхъ не обращаютъ должнаго вниманія. Но значеніе этого закона довольно таки велико, Напримѣръ: онъ прекрасно объясняетъ такіе факты, которые безъ него остались бы совершенно необъяснимыми, такъ что онъ несомнѣнно заслуживаетъ вниманія. Такъ, возьмемъ два слѣдующіе факта:

А) *Наши сновидѣнія отличаются той особенностью, что мы всегда оказываемся въ нихъ участниками*: если мы не играемъ дѣятельнй роли, то, *по крайней мѣрѣ, являемся зрителями.* Обстоятельство это, какъ слишкомъ привычное, пропускается нами безъ вниманія, и мы не ищемъ для него объясненія. Но какъ объяснить, что всѣ сновидѣнія отличаются этой особенностью? Очень просто: сновидѣнія суть ни что иное, какъ *представленія*, которыя въ силу особыхъ условій, въ какихъ мы находимся во время сна, принимаютъ характеръ реальныхъ воспріятій. А мы знаемъ, что ни одно наше представленіе неотдѣлимо отъ представленія *насъ самихъ, какъ бы воспринимающихъ предметъ этого представленія* слѣдовательно, при каждомъ сновидѣніи мы должны видѣть во снѣ самихъ себя.

в) Точно также объясняется легко подмѣчаемый фактъ, который можетъ быть названъ *непредставимостью своей полной смерти.* Онъ состоитъ въ томъ, что, несмотря на всѣ наши усилія, мы никогда не можемъ вообразить наше духовное существованіе, т. е. существованіе нашей духовной

личности, т. е. самого нашего я, *вполнѣ* прекратившимся, такъ что мы воображали бы міръ и другихъ людей, не воображая въ то же время самихъ себя зрителями этого міра, разсматривающими его изъ какого-то скрытаго уголка. Попробуемъ представить самихъ себя умершими. Конечно, каждый легко можетъ представить себѣ, что онъ лежитъ въ видѣ неподвижнаго, похолодѣвшаго трупа, что надъ этимъ трупомъ одни плачутъ и искренно горюютъ, другіе дѣлаютъ лишь прилично печальную мину, третьи шушукаются и сплетничаютъ, четвертые творятъ похоронные обряды и т. д. Все это очень легко представить себѣ. Но, представляя себѣ такую картину, я въ то же время всегда невольно представляю себѣ, что самъ-то я потихоньку все это вижу, созерцаю изъ какого-то потаеннаго уголка. Иногда же намъ думается даже, что мы, лежа въ видѣ трупа, не только будемъ сознавать все, что дѣлается вокругъ насъ, а сверхъ того будемъ испытывать желаніе вмѣшаться въ окружающую жизнь, но не найдемъ въ себѣ силы ни двинуться, ни сказать чего-нибудь, вродѣ того, какъ объ этомъ разсказываютъ пережившіе летаргическій сонъ. Вообще въ этихъ представленіяхъ могутъ быть индивидуальныя различія, но основной фактъ непредставимости своей полной смерти остается неприкосновеннымъ. Чѣмъ же его объяснить? Явное дѣло, тѣмъ же закономъ, въ которомъ всякое представленіе сводится къ представливанію насъ самихъ воспринимающими что-либо: другими словами, это объясняется тѣмъ, что наше Я неотдѣлимо ни отъ одного представленія.

Обратимъ теперь вниманіе на тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ однородности представленій съ воспріятіями и внутренними душевными переживаніями.

1) Коль скоро представленія и воспріятія по своему психологическому матеріалу, или качеству, вполнѣ однородны, то *при качественномъ анализѣ душевныхъ явленій мы вправѣ пользоваться методомъ самонаблюденія черезъ воображеніе.* Прежде мы видѣли, что онъ фактически употребляется и даетъ полезные результаты; а теперь у насъ объяснено, почему его можно употреблять и въ какихъ предѣлахъ—только при качественномъ анализѣ.

2) Если представленія однородны съ воспріятіями, то мы можемъ предположить, что при нѣкоторыхъ благопріятныхъ *условіяхъ могутъ смѣшиваться (т. е. ошибочно приниматься нами другъ за друга) какъ внѣшнія представленія съ воспріятіями, такъ и наоборотъ—воспріятія съ внѣшними представленіями.* Смѣшеніе это дѣйствительно наблюдается и вызывается или а) *повышенной живостью внѣшнихъ представленій* или в) *чрезмѣрной слабостью воспріятій.* При галлюцинаціяхъ и сновидѣніяхъ наши представленія совершенно принимаются за воспріятія. А вотъ примѣръ того, что слабыя воспріятія принимаются за представленія: если звонъ колокольчика постепенно удаляется, то, наконецъ, наступаетъ такая

минута, когда мы не можемъ больше различать, слышимъ ли мы дѣйствительный звонъ, или всего только намъ представляется, будто бы мы его слышимъ. То же самое происходитъ, когда постепенно ослабѣваетъ, вслѣдствіе удаленія, сила свѣта. Явленія смѣшенія представленій съ слабыми воспріятіями бываютъ настолько обманчивыми, что музыканты (скрипачи) часто пользуются имъ для усиленія музыкальнаго эффекта: ведутъ смычкомъ по струнамъ сперва все тише и тише, а потомъ просто по воздуху, слушатели же, глядя на это, свое представленіе ослабѣвающаго звука смѣшиваютъ съ воспріятіями, и имъ кажется, что звукъ незамѣтно замираетъ.

3) Представленія однородны съ воспріятіями; воспріятій же мы, несомнѣнно, переживаемъ по нѣсколько заразъ, и не только различныхъ (какъ, напримѣръ, въ оперѣ, когда мы смотримъ на сцену и слушаемъ музыку), но даже и однородныхъ: нѣсколько зрительныхъ, нѣсколько слуховыхъ и т. п. Но если такъ дѣло стоитъ съ воспріятіями, то такъ же оно должно стоять и съ представленіями, вслѣдствіе ихъ качественной однородности съ воспріятіями; слѣдовательно, мы можемъ *заразъ имѣть нѣсколько представленій*.

4) Если же такъ, то мы должны допустить даже и слѣдующее: *можетъ* иногда существовать двойной токъ мыслей — одни представленія своими комбинаціями могутъ образовать одинъ токъ, а другія — другой. Убѣдиться въ томъ, что наше положеніе оправдывается на дѣлѣ, казалось бы, и нетрудно; для этого, повидимому, стоитъ обратиться къ слѣдующему самонаблюденію: напримѣръ, отвѣчая на экзаменѣ, мы, то и дѣло, говоримъ объ одномъ предметѣ и, *думая о немъ, въ то же время* забѣгаемъ мыслью впередъ и *уже обдумываемъ, что намъ сказать дальше*. Но противъ такого доказательства существованія двойного тока мыслей можно выставить такое возраженіе: нельзя провѣрить наше положеніе путемъ непосредственнаго прямого самонаблюденія, такъ какъ при простомъ самонаблюденіи мы быстрый *переходъ* отъ одной мысли къ другой, и наоборотъ, *можемъ ошибочно принять за одновременное нахожденіе обѣихъ мыслей въ сознаніи*. Поэтому прежде вопросъ о возможности одновременнаго нахожденія двухъ представленій въ сознаніи рѣшался различно. Англійскіе психологи обыкновенно были склонны къ тому мнѣнію, что душа, вслѣдствіе своего единства, всегда способна переживать только *одно* представленіе. Нѣмцы же, опираясь на то, что мы *сравниваемъ* наши представленія, а для этого, по ихъ мнѣнію, надо имѣть передъ собою *одновременно оба* сравниваемыя представленія, чаще всего говорили, что нахожденіе въ сознаніи двухъ представленій возможно. *Вундтъ* пробовалъ рѣшить этотъ споръ при помощи своего „Опыта для изслѣдованія объема сознанія“. Устройство опыта было таково: доска, имѣющая небольшой разрѣзъ, быстро падала передъ рядомъ буквъ, такъ что онѣ успѣвали промелькнуть передъ глазами испытуемаго лица почти мгновенно. Въ результатѣ опыта выяснилось, что даже въ томъ случаѣ, если буквы не составляютъ изъ себя словъ, можно уловить ихъ до 6-ти въ тотъ почти мгновенный промежутокъ времени, когда пе-

редъ ними проходитъ отверстіе доски. Если же эти буквы образовывали слова, то ихъ можно было замѣтить вдвое и даже втрое больше. Отсюда Вундтъ заключилъ, что у насъ въ одинъ моментъ можетъ быть нѣсколько однородныхъ представленій. Но, конечно, этотъ опытъ не могъ имѣть рѣшающаго значенія, ибо, помимо того, что онъ касался воспріятій, а не представленій, онъ не представлялъ гарантіи, что воспріятія переживались одновременно, а не быстро слѣдовали другъ за другомъ: вѣдь какъ бы ни былъ малъ промежутокъ времени, когда отверстіе доски проходило передъ буквами, всетаки онъ не равенъ нулю.

Наилучшее рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ *Полану*. Опыты его касались уже не только одновременнаго нахожденія въ сознаніи двухъ представленій, но даже прямо возможности двойного хода мыслей. Они состояли въ слѣдующемъ. Полань пробовалъ, производя одно умственное дѣйствіе, производить въ то же время другое. Напримѣръ, онъ, дѣлая вслухъ вычисленіе, въ то же время декламировалъ въ умѣ стихи, или наоборотъ—декламировалъ вслухъ стихи и считалъ въ умѣ и т. п. Изъ ряда подобныхъ опытовъ выяснилось, что два *однородныхъ* умственныхъ дѣйствія другъ друга задерживаютъ (напримѣръ, два одновременныхъ вычисленія, изъ которыхъ одно производится въ умѣ, а другое — въ то же самое время вслухъ): *разнородные* же умственные процессы не только одинъ другому не мѣшаютъ, но, напротивъ—время, потраченное на два одновременныхъ разнородныхъ дѣйствія, оказывается значительно меньше *суммы* тѣхъ временъ, которыя пришлось бы удѣлить на каждый процессъ порознь. Такъ, для умноженія 9-ти значнаго числа на однозначное, производимаго отдѣльно, ему нужно было 6 секундъ, и для произнесенія небольшого четверостишія, производимаго отдѣльно отъ умноженія,—тоже 6 секундъ; на *оба* же эти процесса, производимые *одновременно* другъ съ другомъ, уходитъ тоже всего 6 секундъ. Отсюда ясно слѣдуетъ существованіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ двойного тока мыслей, а слѣдовательно—и возможность *одновременнаго* нахожденія *нѣсколькихъ* представленій въ сознаніи.

5) Если воспріятія по своей психической природѣ *однородны* съ представленіями, то мы должны придти къ заключенію, что *весь внѣшній міръ, взятый въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ опытѣ, есть ничто иное, какъ наше же представленіе, но объектированное.* Этотъ выводъ составляетъ лишь иную форму того положенія, къ которому насъ привело изученіе ощущеній, и служитъ краеугольнымъ камнемъ множества философскихъ системъ, развившихся послѣ появленія критической философіи. Онъ еще разъ доказываетъ субъективность внѣшняго міра, взятаго, какъ онъ данъ въ опытѣ.

Обыкновенно думаютъ, будто бы утвержденіе, что весь внѣшній міръ, взятый въ томъ видѣ, *какъ* онъ *данъ* въ опытѣ, требуетъ очень трудныхъ доказательствъ, но такъ думаютъ только оттого, что сильно привыкли къ метафизикѣ наивнаго реализма и чувствуютъ, что для нихъ будетъ не мало труда покинуть свой привычный взглядъ. Въ дѣйствительности же, если

взять данныя опыта въ ихъ *чистомъ* видѣ, безъ всякой примѣси ихъ истолкованія въ духѣ *какой бы то ни было* метафизики, то оказывается, что весь внѣшній міръ, включая сюда и пространство, данъ намъ въ опытѣ въ видѣ невольныхъ представленій. Поэтому, кто утверждаетъ, что весь внѣшній міръ есть наше представленіе, лишь констатируетъ *непосредственное* (чуждое посредства какихъ-либо истолкованій) переживаніе сознанія, и въ доказательствѣ нуждается не онъ, но тотъ, кто не хочетъ считать всѣ данныя внѣшняго опыта за представленія.

Въ самомъ дѣлѣ, мы говоримъ, что существуетъ въ опытѣ, или данъ намъ въ опытѣ Николаевскій вокзалъ. Но что это значитъ? Что дѣйствительно дано намъ въ опытѣ относительно Николаевскаго вокзала? Во-первыхъ, воспоминаніе о томъ, какъ я видѣлъ его, т. е. *представленіе* о немъ, пріуроченное къ опредѣленному моменту моей прошлой жизни, которая, какъ прошлая, въ свою очередь, дана мнѣ лишь въ видѣ воспоминаній, т. е. *представленій* обо всѣхъ событіяхъ, составляющихъ ее. Во-вторыхъ, ко всему этому присоединяются еще *представленія* о томъ, что если бы я всталъ съ своего мѣста, вышелъ въ дверь, пошелъ по такимъ-то и такимъ-то улицамъ, то въ концѣ концовъ сталъ бы переживать комплексъ ощущеній столь же яркихъ и сильныхъ, какъ переживаемыя мной сейчасъ отъ той бумаги, на которой напечатаны вотъ эти самыя строки, но которыя я считалъ бы возбужденными во мнѣ Николаевскимъ вокзаломъ. Вотъ система-то всѣхъ этихъ представленій о прошломъ и будущемъ и образуетъ то, что называется существованіемъ въ опытѣ или данностью въ опытѣ того или другого предмета. *Данное* въ опытѣ содержаніе, взятое въ томъ самомъ видѣ, какъ оно непосредственно дано намъ, безъ всякой примѣси метафизическихъ истолкованій его значенія, сводится, съ одной стороны, къ *представленіямъ* о прошломъ и будущемъ, а съ другой къ суммѣ живыхъ ощущеній, переживаемыхъ въ наличный моментъ, при чемъ эти ощущенія по качеству своему совершенно *однородны* съ тѣми, которыя входятъ въ составъ *представленій* о прошломъ и будущемъ, отличаются же отъ нихъ только своей силой.

Про эти ощущенія мы *привыкли* думать, что они составляютъ воспріятія находящихся передо мной *предметовъ*; и вотъ эти-то воспріятія, повидимому, уже нельзя считать представленіями, такъ что къ представленіямъ сводятся только предметы, хотя и данные въ опытѣ, но въ настоящую минуту невоспринимаемые. Но что такое и воспріятія, если вычесть изъ нихъ всѣ представленія, такъ чтобы остались одни лишь ощущенія? Послѣднія тогда не составятъ никакого предмета. Я смотрю на чернильницу, которая стоитъ на столѣ, гдѣ я сижу и читаю эти строки. Что же остается въ моемъ видѣніи, въ моемъ зрительномъ воспріятіи этихъ предметовъ, если я вычту изъ него всѣ представленія и все, что прибавляется къ ощущеніямъ благодаря представленіямъ? Только хаосъ цвѣтныхъ пятенъ и больше ничего. Вѣдь задней стороны чернильницы и стола я не вижу, а только *представляю* ихъ себѣ. Величина и стереометрическая форма

предметовъ мной *не ощущается*, а только *представляется* мной: наблюденія надъ оперированными слѣпорожденными ясно доказываютъ, что пока мы не выучимся присоединять къ ощущеніямъ *представленія* пространственной формы, величины и разстояній предметовъ отъ насъ, наше видѣніе ограничивается лишь хаосомъ цвѣтныхъ пятенъ. Такимъ образомъ все содержаніе данныхъ опыта, взятыхъ въ ихъ чистомъ видѣ безъ всякаго привычнаго намъ (и въ силу привычки сдѣлавшагося нашей второй природой) истолкованія ихъ въ духѣ метафизики наивнаго реализма, распадается лишь на систему неизбѣжныхъ *представленій* о прошломъ и будущемъ, при чемъ всѣ они состоятъ изъ слабыхъ ощущеній, кромѣ представленій, образующихъ переходную полосу отъ представленій о прошломъ къ представленіямъ о будущемъ: эта полоса занята представленіями, слитыми съ живыми, яркими ощущеніями, каковыя соединенія яркихъ ощущеній съ представленіями мы называемъ воспріятіями.

Точно также стоитъ дѣло съ пространствомъ. Если его разсматривать въ томъ самомъ видѣ, *какъ* оно дано въ опытѣ, помимо привычныхъ житейскихъ истолкованій того, что дано въ опытѣ, то и оно распадается на систему неизбѣжныхъ *представленій*, связанныхъ съ ощущеніями. Мы говоримъ, что пространство со всѣхъ сторонъ окружаетъ насъ и тянется отъ насъ во всѣ стороны до безконечности. Но вѣдь сзади себя, за своей спиной я не вижу пространства, а только невольно *представляю* себѣ его существующимъ. Точно также я не вижу, чтобы оно тянулось отъ меня до безконечности во всѣ стороны, а только невольно *представляю* себѣ это. Даже впереди себя я вижу не само пространство, а лишь цвѣта, съ которыми невольно связываю *представляемое* мной пространство. Слѣдовательно, данное намъ въ опытѣ пространство, взятое въ томъ видѣ, *какъ* оно дано намъ, есть всего лишь неизбѣжное для насъ *представленіе*, чѣмъ, конечно, еще вовсѣ не исключается возможность существованія пространства, независимо отъ того, представляется ли оно нами или нѣтъ. Только въ опытѣ-то мы имѣемъ дѣло не съ такимъ пространствомъ, а съ представляемымъ нами.

23. Общія представленія. Сужденія. Понятія.

Теперь разсмотримъ общія представленія, имѣя въ виду тѣ же вопросы, какъ и при единичныхъ, т. е. сначала выяснимъ составъ или матеріалъ общихъ представленій, а послѣ индивидуальныя особенности въ ихъ переживаніи.

Общія представленія или, какъ ихъ часто называютъ, *концепты* суть такіе познавательные продукты, при помощи которыхъ мы какъ бы мысленно разсматриваемъ объекты со стороны однихъ лишь ихъ общихъ признаковъ, *причемъ знаемъ объ ихъ общности*. Изъ какого же матеріала слагаются эти общія представленія?

Уже давно возникло ученіе, называющееся концептуализмомъ и утверждающее, что *общія представленія состоятъ изъ представленія однихъ лишь общихъ признаковъ*, безъ примѣси единичныхъ, при чемъ концептуалисты утверждали, что такое обособленіе общихъ признаковъ отъ единичныхъ является слѣдствіемъ абстракціи. Путемъ сравненія ряда предметовъ мы подмѣчаемъ сперва, что въ нихъ сходнаго, т. е. общаго, а потомъ отвлекаемъ, или абстрагируемъ отъ единичныхъ признаковъ это общее, и такимъ путемъ получается общее представленіе.

Абстракціей, иначе — отвлеченіемъ, называется мысленное обособленіе того, что въ дѣйствительности не только слито съ чѣмъ-нибудь другимъ, но и *не можетъ существовать отдѣльно, само по себѣ*. Надо замѣтить, что абстракціей принято называть не всякое мысленное обособленіе, а только обособленіе того, что въ дѣйствительности не можетъ существовать отдѣльно, само по себѣ. Такъ, если мы представимъ себѣ столъ безъ ножекъ, то это еще не будетъ абстракціей. Вотъ цвѣтъ безъ вещи — въ дѣйствительности не можетъ существовать самъ по себѣ, т. е. отдѣльно отъ всякой вещи, но мы можемъ мысленно обособить его; тогда дѣйствительно будетъ абстракція, или отвлеченіе. Абстракціей будетъ и мысленное обособленіе общихъ признаковъ безъ единичныхъ; ибо первые никогда не существуютъ безъ послѣднихъ.

Но концептуализмъ страдаетъ столь крупными недостатками, что съ нимъ никакъ нельзя согласиться, а поэтому и *абстракцію надо понимать, не какъ дѣйствительное отдѣленіе въ нашихъ мысляхъ однихъ неотдѣлимыхъ въ дѣйствительности признаковъ отъ другихъ*, такъ чтобы первые представлялись нами сами по себѣ, безъ соединенія съ другими, *а какъ всего лишь сосредоточеніе вниманія на однихъ признакахъ* (напримѣръ — на общихъ), вслѣдствіе чего они становятся болѣе замѣтными, какъ бы выступаютъ на первый планъ сознанія, а остальные отступаютъ на задній планъ. Въ самомъ дѣлѣ, концептуализмъ двоякимъ образомъ погрѣшаетъ противъ истины:

1) *Онъ противорѣчитъ даннымъ внимательнаго самонаблюденія.* Мы не можемъ найти въ своемъ сознаніи такихъ представленій, которыя *состояли бы изъ представленія однихъ общихъ признаковъ*. Говоря о цвѣтѣ вообще, мы не представляемъ *только* признаки, общіе всѣмъ отдѣльнымъ цвѣтамъ, а всегда какой-нибудь единичный цвѣтъ, но въ немъ вниманіе обращаемъ на одни лишь общіе признаки. Также, говоря о человѣкѣ вообще, мы не представляемъ человѣка, состоящаго только изъ общихъ признаковъ и не имѣющаго никакихъ единичныхъ: напротивъ — всегда въ сознаніи оказывается единичный образъ человѣка, въ которомъ лишь вниманіе обращено на общечеловѣческіе признаки.

2) *Концептуализмъ внутренно невозможенъ.* Онъ требуетъ, чтобы мы представляли себѣ предметъ, состоящій изъ однихъ общихъ признаковъ. Такъ, концептъ линіи долженъ состоять изъ представленія однихъ лишь признаковъ, общихъ для *всѣхъ* линій; слѣдовательно, представляемая линія должна быть ни прямой, ни непрямой; но вѣдь это логически неисполнимо,

ибо если она не будетъ прямой, то *должна* быть, не можетъ не быть, непрямой, и наоборотъ—если не будетъ непрямой, то *должна* быть прямой. Здѣсь же требуется, чтобы она не была ни той, ни другой, т. е. требуется нарушеніе логическаго закона, который называется закономъ исключеннаго третьяго.

Этими двумя доводами концептуализмъ былъ опровергнутъ въ половинѣ XVIII вѣка философомъ Беркли, и въ настоящее время врядъ ли можно найти психолога, сполна придерживающагося этой теоріи.

Новый концептуализмъ, или теорія сборныхъ образовъ. У современныхъ психологовъ нерѣдко встрѣчается видоизмѣненіе концептуализма, утверждающее, будто бы общія представленія образуютъ явленія аналогичныя сборнымъ фотографическимъ снимкамъ. Если на ту же самую фотографическую пластинку такъ снимать лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же семейству, чтобы соотвѣтственныя части этихъ лицъ, напримѣръ,—головы, носы, уши и т. д., попадали на тѣ же самыя мѣста пластинки, то послѣ ея проявленія получается, конечно, всего лишь одинъ снимокъ, который и называется сборнымъ. Въ немъ черты, общія всѣмъ снятымъ лицамъ, усиливаютъ другъ друга, а черты, отличающія ихъ одинъ отъ другого, взаимно ослабляются, такъ что въ такомъ снимкѣ выступаютъ на видъ лишь черты, общія всѣмъ членамъ снимаемаго семейства, т. е. ихъ семейное сходство, а все индивидуальное сглаживается, становится туманнымъ, неяснымъ. И вотъ, новый концептуализмъ думаетъ, будто бы общія представленія образуются какъ бы изъ наслоенія другъ на друга воспріятій отдѣльныхъ предметовъ даннаго класса, вслѣдствіе чего получается сборный образъ предметовъ этого класса, въ которомъ ихъ единичные признаки сглаживаются, а общіе другъ друга усиливаютъ и выступаютъ на видъ.

Многое можно возразить противъ этой теоріи. Но мы отмѣтимъ лишь одно обстоятельство, которое сразу опровергаетъ ее. Если бы она была вѣрна, то у насъ не было бы *единичныхъ* воспроизведенныхъ представленій, а были бы только общія, т. е. сборныя; ибо всѣ воспріятія наслоивались бы другъ на друга и образовали бы эти сборные образы. Но въ дѣйствительности легко подмѣтить въ себѣ единичные образы воспринятыхъ нами предметовъ одного и того же класса, напримѣръ—разныхъ людей, а вотъ сборнаго образа человѣка никакъ не подмѣтишь.

Въ XI же вѣкѣ возникло, а въ XIII в. особенно окрѣпло ученіе о природѣ концептовъ, называющееся *номинализмомъ*. Отъ *психологическаго* значенія этого термина надо отличать значеніе *метафизическое*, а именно: въ XI вѣкѣ возникъ *метафизическій* споръ между *реалистами* и *номиналистами*, изъ которыхъ первые допускали существованіе внѣ нашего ума особыхъ реальностей, соотвѣтствующихъ концептамъ, такъ что, по ихъ словамъ, кромѣ Ивана, Петра и т. д., есть внѣ нашего ума еще реальность, соотвѣтствующая человѣку вообще; а вторые отрицали эти реальности, говоря, что внѣ нашего ума нашимъ концептамъ ничего не соотвѣтствуетъ, кромѣ nomina—названій этихъ концептовъ. Мы, разумѣется,

будемъ говорить о номинализмѣ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется въ психологіи.

Слово „номинализмъ“, взятое безъ всякаго прилагательнаго, въ *психологіи* имѣетъ *чисто-отрицательное значеніе*: оно означаетъ ученіе, *отрицающее концептуализмъ*. И надо различать два направленія номинализма: 1) *старый или крайній номинализмъ* и 2) *новый или умѣренный*. Разница между этими видоизмѣненіями номинализма сводится къ тому, что именно, по словамъ того или другого, ошибочно принимается нами за представленія, состоящія изъ однихъ лишь общихъ признаковъ.

Взамѣнъ концептовъ, говорятъ *крайніе* или *старые* номиналисты, мы имѣемъ образы однихъ лишь общихъ названій (nomina). Эти-то образы и принимаются нами за концепты. Если бы не было образовъ названій, имѣющихъ общее для многихъ сходныхъ предметовъ значеніе, то не было бы ни убѣжденія въ существованіи концептовъ, ни сужденій, ни умозаключеній и т. п., словомъ—мышленія. Все мышленіе сводится къ переживанію *внутренней рѣчи*, т. е. рѣчи, представляемой нами.

Проводя *послѣдовательно* эту теорію, мы должны будемъ сдѣлать выводъ, что во—1) мы имѣемъ языкъ не потому, что имѣемъ мышленіе, но наоборотъ — *самое существованіе мышленія обусловлено языкомъ*; 2) *развитіе языка не есть результатъ умственнаго развитія народа, а наоборотъ—въ немъ-то, въ развитіи языка, и состоитъ умственное развитіе*. Словомъ, эта теорія признаетъ наиважнѣйшимъ элементомъ умственной жизни языкъ. Это надо имѣть въ виду, чтобы правильно оцѣнить ее.

Крайній номинализмъ далеко не вѣренъ. Онъ долженъ признавать, будто бы мышленіе существуетъ благодаря рѣчи. Но если бы это было такъ, то должна была бы существовать 1) ненарушимая связь и 2) пропорціональность между рѣчью и мышленіемъ; а между тѣмъ на дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другого.

1) Самыя обыденныя наблюденія показываютъ, что *нѣтъ необходимой связи между рѣчью и мышленіемъ*. Такъ, глухонѣмые имѣютъ мышленіе, но не владѣютъ рѣчью. На это, конечно, можно возразить, что у глухонѣмыхъ есть свой языкъ, но непохожій на нашъ, именно—языкъ состоящій не изъ звуковыхъ, а, напримѣръ, изъ моторныхъ знаковъ, т. е. изъ жестовъ. Но доводъ этотъ неубѣдителенъ, такъ какъ этотъ фактъ доказываетъ нашу же мысль, что между мышленіемъ и *рѣчью* нѣтъ такой неразрывной связи, какую предполагаютъ крайніе номиналисты: мышленіе глухонѣмыхъ доказываетъ, что оно существуетъ *независимо отъ рѣчи*, и, не находя для своего выраженія знаковъ, выработанныхъ въ *рѣчи*, оно вырабатываетъ себѣ знаки *другого* рода—изъ жестовъ, мимики и т. п.

2) *Вмѣсто пропорціональности между рѣчью и мышленіемъ мы замѣчаемъ часто непропорціональность*, которая можетъ быть двоякаго рода:

а) *Количество мыслей, имѣющихъ общее значеніе, иногда перевѣши-*

ваетъ количество словъ, которыя обозначали бы эти мысли. Это замѣчается въ философскихъ и вообще въ научныхъ сочиненіяхъ, гдѣ для выраженія новаго, только что созданнаго понятія иногда употребляется по нѣскольку словъ, болѣе или менѣе синонимныхъ, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности не соотвѣтствуетъ данной мысли, а высказываетъ или нѣсколько меньше, или нѣсколько больше, чѣмъ нужно, а всѣ вмѣстѣ даютъ, *какъ бы въ общемъ осадкѣ*, выраженіе требуемаго понятія. Такъ, напримѣръ, сочиненія Канта, написанныя послѣ того, какъ въ его міросозерцаніи произошелъ переворотъ, чрезвычайно тяжелы по языку: они загромождены массой новыхъ словъ, всетаки не высказывающихъ *всего* того, что онъ хотѣлъ, хотя раньше Кантъ писалъ замѣчательно ясно. То же положеніе о самостоятельномъ ходѣ мысли можетъ быть подтверждено и самонаблюденіемъ. *Мы нерѣдко затрудняемся высказать нашу мысль, хотя и понимаемъ ее.* Конечно, такое пониманіе непрочно, скоро исчезаетъ и не вполнѣ точно; а все-таки, хоть на время, оно бываетъ. А это доказываетъ, что мысль наша въ этомъ случаѣ опередила языкъ: иначе не могъ бы существовать такой фактъ.

в) Обратный случай непропорціональности состоитъ въ томъ, что *нерѣдко слова имѣютъ значеніе не мыслей, но какихъ-то неопредѣленныхъ настроеній, т. е. количество словъ превышаетъ количество мыслей.* Часто люди говорятъ множество словъ и фразъ, не понимая ихъ значенія. Таковы такъ называемые фразеры; таковы купчихи, описанныя Островскимъ, пугающіяся словъ жупелъ, металлъ и т. п.

Очевидно, *старый*, т. е. *крайній* номинализмъ сильно ошибается. Конечно, нельзя отрицать, что иногда при мышленіи мы не находимъ въ своемъ сознаніи никакихъ иныхъ представленій, кромѣ представленій, образующихъ внутреннюю рѣчь, т. е. кромѣ образовъ словъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя думать, чтобы мышленіе сполна *исчерпывалось* внутренней рѣчью, чтобы оно не составляло ничего другого, кромѣ внутренней рѣчи. Точно также нельзя думать, чтобы тѣ переживанія, которыя мы называемъ общими представленіями, состояли только изъ образовъ словъ, хотя нельзя отрицать, что иногда во время такихъ переживаній у насъ нѣтъ въ сознаніи никакихъ иныхъ представленій, кромѣ представленій словъ. Но несомнѣнно, что къ образамъ словъ присоединяется въ это время еще что-то, и это-то присоединеніе образуетъ то самое, что называется *пониманіемъ значенія слова.* Вѣдь въ сознаніи можетъ находиться образъ слова безъ всякаго пониманія его значенія, и тогда переживаніе образа мы ни въ какомъ случаѣ не примемъ за переживаніе общаго представленія. Точно также несомнѣнно, что и внутренняя рѣчь, т. е. ряды образовъ словъ, можетъ всего только сопровождать мышленіе, но еще не исчерпывать его: къ ней во время мышленія что-то присоединяется и дѣлаетъ ее понятной для насъ. Иначе она могла бы переживаться безъ всякаго пониманія, и тогда ни въ коемъ случаѣ не казалась бы составляющей мышленіе.

Что же именно составляетъ пониманіе значенія слова, т. е. что присоединяется къ образу слова въ тѣхъ случаяхъ, когда мы переживаемъ

общее представленіе, а между тѣмъ въ сознаніи находится только представленіе слова? На этотъ вопросъ намъ будетъ легче отвѣтить, когда мы разсмотримъ другое видоизмѣненіе номинализма, основанное англійскимъ философомъ Беркли и нерѣдко называемое *новымъ номинализмомъ*.

Беркли (1685—1753), предлагаетъ обратить вниманіе на то, что дѣлается въ нашемъ сознаніи, когда, напримѣръ, доказывая теорему о свойствахъ треугольниковъ, мы представляемъ себѣ треугольникъ *вообще*. Путемъ самонаблюденія мы можемъ убѣдиться, что въ это время происходитъ слѣдующее: мы беремъ какой-нибудь опредѣленный *единичный* треугольникъ, рисуемъ его на доскѣ, или же *представляемъ* себѣ нарисованнымъ, и на немъ доказываемъ нашу теорему. Но этотъ единичный треугольникъ служитъ для насъ *представителемъ, или замѣстителемъ всѣхъ безъ исключенія треугольниковъ*. Слѣдовательно, *переживаніе*, которое мы *называемъ* общимъ представленіемъ, въ дѣйствительности состоитъ изъ *единичнаго образа, но онъ служитъ замѣстителемъ всѣхъ однородныхъ съ нимъ образовъ*.

Но въ чемъ же состоитъ это замѣстительство? Какимъ путемъ оно осуществляется? Почему *одинъ* образъ замѣняетъ *всѣ*? При самонаблюденіи мы находимъ, что, доказывая при помощи *единичнаго* треугольника теорему относительно *всѣхъ* треугольниковъ, мы въ данномъ единичномъ треугольникѣ обращаемъ вниманіе только на признаки, *общіе* у него со всѣми треугольниками, единичные же признаки остаются все время какъ бы на второмъ планѣ сознанія. Итакъ, вторая особенность переживаній, называемыхъ общими представленіями слѣдующая: *единичный образъ замѣщаетъ всѣ однородные съ нимъ образы тѣмъ путемъ, что въ немъ вниманіе сосредоточивается на признакахъ общихъ*.

Оттого-то намъ и кажется, будто бы въ это время въ нашемъ сознаніи находится переживаніе, состоящее изъ представленія однихъ лишь общихъ признаковъ: въ томъ образѣ, который дѣйствительно находится въ нашемъ сознаніи, мы не обращаемъ вниманія на единичные признаки, поэтому не замѣчаемъ ихъ, а намъ кажется, будто бы чрезъ посредство этого образа мы представляемъ одни лишь общіе признаки.

Этотъ анализъ общихъ представленій, произведенный Беркли, очень убѣдителенъ. Но нельзя на немъ остановиться. Прежде всего, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что во время переживанія, называемаго общимъ представленіемъ какого-нибудь предмета, у насъ часто бываетъ не единичный образъ самого предмета, но всего только образъ *названія* или слова, имѣющаго общее значеніе. Но пусть даже дѣло всегда стоитъ такъ, какъ описываетъ Беркли, т. е. пусть всегда въ этихъ случаяхъ бываетъ въ сознаніи единичный образъ предмета, подходящаго подъ данное общее представленіе. Все-таки анализъ Беркли не доведенъ до конца.

Беркли упустилъ изъ виду слѣдующее обстоятельство: когда мы пользуемся для своихъ общихъ доказательствъ *любымъ* единичнымъ образомъ, то мы *знаемъ*, что тѣ признаки, на которые мы обращаемъ вниманіе, суть общіе для *всѣхъ* предметовъ того же рода, даже и

для тѣхъ, образовъ которыхъ вовсе нѣтъ въ это время въ нашемъ сознаніи. Отсюда видно, что наше описаніе природы концептовъ, сдѣланное Беркли, надо такъ дополнить: *сосредоточеніе вниманія на признакахъ общихъ сопровождается знаніемъ того, что эти признаки суть общіе, и это знаніе—не чувственнаго характера, т. е. его нельзя разложить на слабыя воспроизведенныя ощущенія.* Поэтому вмѣсто слова „знаніе“ можно здѣсь употребить и слово „чистая мысль“ (сопровождается *чистой мыслью* объ ихъ общности), если *подъ чистой мыслью условиться подразумѣвать такіе познавательные продукты, которые не разлагаются на слабыя ощущенія.*

Такимъ образомъ, анализъ природы или состава концептовъ приводитъ насъ къ опроверженію сенсуализма, ибо показываетъ намъ, что въ составъ познавательныхъ явленій (именно въ составъ концептовъ), кромѣ ощущеній, входитъ еще элементъ, на ощущенія неразложимый. Мы назвали сейчасъ этотъ элементъ *чистой мыслью.* Можно было бы назвать его для отличія отъ ощущеній и просто мыслью; но *въ обыденной жизни мы уже привыкли подъ мыслями подразумѣвать не элементъ только представленій, а самыя представленія, каковы бы они ни были—воспроизведенныя или воображаемыя, общія или единичныя,—а также и сужденія и т. д., словомъ, въ обыденной жизни мы привыкли называть мыслями всѣ душевныя явленія познавательнаго характера, существующія сверхъ воспріятій.* Поэтому гораздо удобнѣе такъ поступать и въ наукѣ, а тотъ познавательный элементъ, который намъ приходится допускать въ мысляхъ, и который не разлагается на ощущенія, называть не просто мыслью, а для избѣжанія сбивчивости—*чистой мыслью.*

Иногда названіе *„чистая мысль“* внушаетъ ошибочное мнѣніе, будто бы чистая мысль переживается нами сама по себѣ, безъ соединенія съ ощущеніями; на самомъ же дѣлѣ она всегда оказывается какъ бы воплощенной въ ощущенія и безъ нихъ, сама по себѣ, никогда не встрѣчается; напримѣръ, въ общихъ представленіяхъ она оказывается воплощенной въ ощущеніяхъ, образующихъ тотъ единичный образъ, который, по словамъ Беркли, принимается нами за переживаніе, состоящее изъ представленія однихъ лишь общихъ признаковъ. Сама же по себѣ, невоплощенная въ ощущенія, чистая мысль никогда не переживается нами. Это мы сами мысленно обособляемъ ее отъ тѣхъ ощущеній, въ которыхъ она воплощается при ея переживаніи нами. Поэтому и убѣдиться въ ея существованіи можно не иначе, какъ удостовѣрившись посредствомъ анализа, что въ составъ того или другого продукта душевной жизни, имѣющаго познавательный характеръ, входитъ элементъ, неразложимый на ощущенія и на пространственную или временную форму ихъ связи между собой. *Чистая мысль есть получающійся при анализѣ познавательныхъ явленій неразложимый на ощущенія остатокъ.*

Очевевидно, что и въ тѣхъ случаяхъ, когда за представленіе, состоящее изъ однихъ лишь общихъ признаковъ, мы принимаемъ образъ слова,

имѣющаго общее значеніе, то съ этимъ образомъ тоже бываетъ соединена чистая мысль. Ея-то переживаніе и образуетъ, такъ называемое, пониманіе значенія слова. Слѣдовательно, *наиважнѣйшимъ элементомъ переживаній, называемыхъ общими представленіями, служитъ чистая мысль, которая при этихъ переживаніяхъ оказывается воплощенной либо въ единичный образъ какого-либо предмета, подходящаго подъ данное общее представленіе, либо въ образъ слова, обозначающаго всѣ предметы, подходящіе подъ это общее представленіе.* Общихъ представленій, какъ *особаго рода* представленій (состоящихъ изъ однихъ только общихъ признаковъ), вопреки мнѣнію концептуализма, у насъ въ дѣйствительности не бываетъ; но вопреки номинанализму (и старому и новому), общія представленія состоятъ не просто изъ единичныхъ образовъ предметовъ, или образовъ словъ, но изъ тѣхъ либо другихъ образовъ, соединенныхъ съ чистой мыслью.

Но что же такое чистая мысль съ своей положительной стороны? До сихъ поръ она охарактеризована лишь отрицательнымъ путемъ: про нее сказано лишь, изъ чего она не состоитъ. Но въ чемъ же она состоитъ? Самонаблюденіе показываетъ, что она сводится къ сужденіямъ объ общности нѣкоторыхъ признаковъ, къ сужденію о томъ, что тѣ или другіе признаки оказываются общими, а не единичными. *Сужденіями называются утвержденія или отрицанія чего-нибудь о чемъ-нибудь.* Напримѣръ: „человѣкъ есть животное“, „киты не рыбы“, „квадратъ имѣетъ взаимно перпендикулярныя и равныя между собой діагонали“—это сужденія. *Слѣдовательно, общее представленіе состоитъ всегда изъ единичнаго образа, либо—образа одного изъ предметовъ, подходящихъ подъ это общее представленіе, либо изъ образа слова, обозначающаго всѣ эти предметы, но соединеннаго съ комплексомъ сужденій объ общности нѣкоторыхъ признаковъ, такъ что чистая мысль сводится къ сужденіямъ.* Другими словами: *сужденія суть такія познавательныя явленія, которыя не разлагаются на ощущенія, хотя не переживаются иначе, какъ воплощенными въ тѣ ощущенія, изъ которыхъ состоитъ либо образъ какого-нибудь предмета, либо образъ названія.*

Теперь ясно, что *если употреблять языкъ душевныхъ способностей, то, такъ называемыя, общія представленія надо приписывать не памяти и не воображенію, а мышленію.* Вѣдь суть этихъ представленій вовсе не въ единичномъ образѣ предмета или не въ образѣ названія, а въ сужденіяхъ, переживаемыхъ одновременно съ этимъ образомъ. Этотъ образъ, конечно, можно приписывать либо памяти, либо воображенію, но нельзя приписывать имъ сужденій, которыя, очевидно, не подразумѣваются въ функціяхъ памяти и воображенія. Переживаніе сужденій, а поэтому и общихъ представленій, можно ставить, говоря языкомъ душевныхъ способностей, только за счетъ мышленія, хотя тотчасъ же слѣдуетъ прибавить, что *мышленіе никогда не встрѣчается безъ соединенія либо съ дѣятельностью памяти либо съ дѣятельностью воображенія.* Вѣдь сужденія не пережи-

ваются иначе, какъ воплощенными въ образы либо самихъ предметовъ, либо словъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ можно убѣдиться, что *если употреблять языкъ душевныхъ способностей, то надо согласиться, что никакая познавательная способность: ни память, ни воображеніе, ни внѣшнія чувства, никогда не работаетъ безъ соединенія съ мышленіемъ.* Намъ кажется обратное только оттого, что въ явленіяхъ, приписываемыхъ этимъ способностямъ наше вниманіе невольно приковывается къ ощущеніямъ, входящимъ въ составъ либо воспріятій, либо образовъ, такъ что мы не замѣчаемъ сужденій, соединенныхъ съ этими ощущеніями. Въ дѣйствительности же при каждомъ единичномъ представленіи и при каждомъ воспріятіи нами переживаются и сужденія, такъ что мышленіе сопровождаетъ дѣятельность каждой познавательной способности, если только онѣ и ихъ дѣятельности вообще—то существуютъ гдѣ нибудь за предѣлами того, что сознается нами, а не такъ дѣло стоитъ, чтобы носителемъ и единственнымъ источникомъ душевной жизни служила одна лишь матерія, организованная въ видѣ головного мозга, безъ помощи какой бы то ни было души.

Разсмотримъ какое-либо *единичное* представленіе, хотя бы, напримѣръ, представленіе стола, за которымъ мы сидимъ дома или въ аудиторіи. У этого стола, равно какъ и *у всякаго предмета, кромѣ постоянныхъ признаковъ, есть еще масса временныхъ, даже мгновенныхъ.* Этотъ столъ, напримѣръ, мы видимъ въ разныхъ его положеніяхъ, съ разными степенями освѣщенія, заставленнымъ различными вещами и т. п. *Посредствомъ же единичнаго представленія мы мысленно какъ бы разсматриваемъ постоянные признаки представляемаго предмета, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ постоянство, т. е. ихъ всегдашнюю принадлежность ему.* Такимъ образомъ, ясно, что въ составъ взятаго представленія тоже входитъ чистая мысль. И дѣйствительно, это сознаніе или знаніе постоянства нѣкоторыхъ признаковъ, очевидно, не чувственнаго характера, т. е. не разлагается на ощущенія, ибо оно должно быть знаніемъ о томъ или другомъ характерѣ *самихъ ощущеній* и пространственно-временной формы ихъ связи (къ этому вѣдь сводятся какъ постоянные, такъ и непостоянные признаки); поэтому *само-то такое знаніе уже не можетъ состоять изъ ощущеній, а должно доставляться элементомъ, входящимъ въ составъ воспроизведенныхъ внѣшнихъ единичныхъ представленій, не разлагающимся на ощущенія*, другими словами—чистой мыслью. Такимъ образомъ, она должна быть допущена въ составѣ воспроизведенныхъ единичныхъ представленій. Но *и въ воображаемыхъ представленіяхъ мы сознаемъ постоянство нѣкоторыхъ признаковъ, которые приписываемъ предмету, созданному нашимъ воображеніемъ.* Напримѣръ, мы можемъ воображать русалку въ разныхъ позахъ, съ разными выраженіями лица и т. п., но при всемъ томъ нѣкоторые изъ приписываемыхъ ей нами признаковъ сознаемъ, какъ постоянные для нея. Сознаніе же постоянства признаковъ того или другого единичнаго предмета есть, какъ мы сейчасъ видѣли, чистая мысль.

Такимъ образомъ, чистая мысль входитъ въ составъ *всѣхъ* внѣшнихъ единичныхъ представленій, будутъ ли они воспроизведенными или воображаемыми, безразлично. Что же касается воспріятій, то мы уже раньше отмѣтили, что въ составъ каждаго воспріятія входятъ нѣкоторыя мысли (ч. I, стр. 248). Если же всякія мысли содержатъ въ себѣ чистую мысль, значитъ—она входитъ и въ составъ воспріятій.

Такимъ образомъ, чистая мысль входитъ въ составъ всѣхъ представленій и воспріятій. Но эта чистая мысль сводится къ сужденіямъ, напримѣръ,—къ сужденіямъ о постоянствѣ признаковъ даннаго представленія и т. п., такъ что *всѣ познавательныя явленія* (и представленія, и воспріятія, да и сами сужденія, потому что они не переживаются въ обособленномъ видѣ а всегда воплощаются либо въ образы, либо въ воспріятія, *состоятъ изъ соединенія ощущеній съ сужденіями*. Послѣднія только не всегда кидаются въ глаза, и тогда намъ кажется, что данное познавательное явленіе, напримѣръ,—единичное представленіе или воспріятіе, вовсе не содержитъ въ себѣ сужденій. Въ дѣйствительности же *одной изъ неотдѣлимыхъ сторонъ переживаемаго нами потока познавательныхъ явленій служатъ сужденія*. Они присутствуютъ даже и тамъ, гдѣ, повидимому, передъ нами одни только слабыя оживанія, т. е. въ единичныхъ образахъ.

Этимъ-то и объясняется одинъ изъ самообмановъ, въ которые попадаетъ поверхностное самонаблюденіе. Намъ кажется, будто бы единичныя представленія составляютъ *цѣльные* образы, какъ бы цѣльныя картинки, возникающія въ нашемъ сознаніи. Въ дѣйствительности же при внимательномъ самонаблюденіи оказывается, что такъ бываетъ далеко не всегда, а едва ли не гораздо чаще мы имѣемъ дѣло лишь съ частичными образами, которые мы ошибочно принимаемъ за цѣльные. Напримѣръ: на дѣлѣ мы имѣемъ въ сознаніи лишь образы головы и плечъ даннаго человѣка, но принимаемъ его съ перваго взгляда за цѣльный образъ даннаго человѣка. Чѣмъ же объясняется этотъ самообманъ? Тѣмъ, что сужденія, воплощенныя въ этотъ частичный образъ, относятся къ цѣльному предмету этого образа, и та цѣльность, которая нами всего только *мыслится*, а вовсе не представляется, ошибочно принимается за цѣльность *представляемую*, т. е приписывается самому образу.

Однородный самообманъ можетъ быть указанъ и при самонаблюденіи надъ внутренней рѣчью, т. е. надъ рядами образовъ словъ, въ которые воплощается наше мышленіе, т. е. ряды сужденій: эта рѣчь кажется намъ гораздо полнѣе, чѣмъ она оказывается при внимательномъ самонаблюденіи. Напримѣръ: взамѣнъ образовъ цѣльныхъ длинныхъ предложеній мы находимъ при внимательномъ самонаблюденіи всего лишь отрывки этихъ предложеній, хотя готовы думать, что нами было представлено цѣлое предложеніе. Здѣсь мы цѣльность воплощеннаго въ это предложеніе сужденія ошибочно приписываемъ частичному образу предложенія.

Такимъ образомъ, не правъ сенсуализмъ, утверждая, будто бы позна-

вательныя явленія сполна разлагаются на одни лишь ощущенія. Но не правъ и интеллектуализмъ, утверждавшій, будто бы всѣ познавательныя явленія сводятся къ видоизмѣненіямъ всего лишь мышленія. *Всѣ познавательныя явленія состоятъ изъ соединенія неразложимыхъ на ощущенія, т. е. неимѣющихъ въ себѣ ничего чувственнаго, сужденій съ большей или меньшей примѣсью ощущеній.*

Многимъ кажется совершенно невозможнымъ, чтобы въ самихъ сужденіяхъ не было никакихъ ощущеній, а чтобы они всего только соединялись съ ощущеніями, образующими либо образы, либо воспріятія. Спрашиваютъ: какъ же это *можетъ* быть, чтобы было сужденіе, а въ немъ не было бы ничего представимаго, т. е. ничего чувственнаго, чтобы чувственный элементъ, т. е. ощущенія, служилъ бы всего только какъ бы оболочкой для сужденія? Нельзя-де понять возможность существованія сужденій при такомъ взглядѣ на нихъ. Но кто такъ разсуждаетъ, очевидно, заранѣе рѣшилъ (въ духѣ сенсуализма), будто бы въ нашихъ мысляхъ *не должно* быть ничего непредставимаго, т. е. ничего такого, что не разлагалось бы на ощущенія. Пусть же онъ сперва докажетъ такое предрѣшеніе вопроса. О возможности или невозможности существованія чего-нибудь надо судить на основаніи фактовъ опыта, а не по тому, будутъ ли они съ нашей точки зрѣнія понятными или нѣтъ. Факты же внутренняго опыта показываютъ, что въ составъ мыслей входитъ элементъ, неразложимый на ощущенія, и что онъ состоитъ въ сужденіяхъ. Тѣмъ самымъ, что онъ существуетъ, онъ и доказываетъ возможность своего существованія, независимо отъ того, понятна ли она намъ или непонятна. Мало того: этотъ фактъ объясняетъ намъ еще другой интересный психологическій фактъ — *мышленіе, т. е. сужденія о предметахъ, рѣшительно непредставимыхъ, каковы, напримѣръ,—четырехмѣрное пространство, Богъ, душа, Платоновскія идеи и т. д.* Само собой разумѣется, коль скоро сами сужденія не содержатъ въ себѣ никакого чувственнаго элемента, то они могутъ относиться и къ предметамъ, непредставимымъ въ чувственныхъ образахъ, лишь бы вообще былъ какой бы то ни было образъ, въ который они могли бы воплотиться. Такимъ образомъ можетъ оказаться либо образъ слова, либо образъ предмета, символизирующаго предметъ мышленія, напримѣръ,—образъ старца, когда мы мыслимъ о Богѣ Отцѣ, образъ голубя, когда мыслимъ о Св. Духѣ и т. п.

Повидимому, намъ слѣдовало бы подробно описать, что такое сужденіе. Но *сужденія вовсе нельзя описывать* также, какъ нельзя описать цвѣтъ. Познакомить кого-либо съ сужденіемъ можно, какъ и съ цвѣтомъ, только путемъ указанія его, т. е. путемъ привлеченія вниманія къ переживанію сужденія. Даже когда мы говоримъ, что сужденіе состоитъ въ утвержденіи или отрицаніи чего-нибудь о чемъ-нибудь, то мы вовсе не описываемъ этими словами сужденія, а лишь *указываемъ* (т. е. привлекаемъ вниманіе), что при немъ переживается нами что-то такое *не поддающееся описанію*, что заставитъ предложеніе, высказывающее данное сужденіе, сдѣлаться либо утвердительнымъ либо отрицательнымъ. *Всякія попытки описывать сужденіе*

должны непремѣнно страдать одной изъ двухъ слѣдующихъ ошибокъ: или мы подъ видомъ описанія сужденія опишемъ какія-либо перемѣны въ нашихъ образахъ, воплощающихъ данное сужденіе, которыя дѣйствительно въ нихъ подмѣчаются (всегда или по временамъ) во время сужденія, но самого даннаго сужденія еще не составляютъ; или же мы уподобимъ сужденіе какому-нибудь внѣшнему явленію и такое уподобленіе примемъ за описаніе сужденія. Примѣромъ ошибки перваго рода служитъ мнѣніе крайнихъ номиналистовъ, будто бы сужденіе есть всего лишь внутренняя рѣчь: оно обыкновенно сопровождается, но еще не исчерпывается ею. Сюда же относится мнѣніе, будто бы оно состоитъ изъ тѣснаго соединенія двухъ представленій: не говоря уже о томъ, что не всегда сужденіе воплощается въ два представленія, а зачастую въ одно, во всякомъ случаѣ соединеніе двухъ представленій, какъ бы ни было оно прочно, и есть лишь ихъ *соединеніе*, а вовсе не утвержденіе или отрицаніе одного изъ нихъ о другомъ. Сюда же надо отнести мнѣніе (котораго держатся нѣкоторые волюнтаристы, старающіеся ради построенія метафизики свести мышленіе къ проявленіямъ воли), будто бы сужденіе *состоитъ* въ дифференцированіи представленія вниманіемъ (волевымъ явленіемъ), которое выдѣляетъ въ представленіи нѣкоторые элементы. Подобное выступленіе на видъ нѣкоторыхъ элементовъ въ представленіи, вслѣдствіе сосредоточенія вниманія на нихъ, дѣйствительно наблюдается, когда сужденіе воплощается въ это представленіе (хотя не забудемъ, что оно можетъ воплотиться и въ образы словъ), но оно еще не составляетъ сужденія, а только сопровождаетъ его; ибо оно еще не содержитъ въ себѣ ни утвержденія, ни отрицанія, а въ нихъ-то и состоитъ вся суть сужденія. Примѣромъ же ошибки второго рода можетъ служить мнѣніе, будто бы сужденіе состоитъ въ притяженіи или отталкиваніи одною мыслью другой: это просто уподобленіе сужденія (именно утвержденія и отрицанія) чисто внѣшнимъ явленіямъ, котораго никакъ нельзя считать описаніемъ сужденія.

Сообразно съ тѣмъ значеніемъ, которое мы условились придавать слову „понятіе“, *понятія суть* какъ общія, такъ и единичныя *представленія, такъ переработанныя, что мы какъ бы разсматриваемъ посредствомъ нихъ одни лишь существенные признаки предмета или цѣлаго класса предметовъ, причемъ мы сознаемъ, что эти признаки существенны.* Какъ же намъ смотрѣть на природу понятій?

Ясно, что, подобно тому, какъ признаки общіе (какъ это мы видѣли при анализѣ концептовъ) не могутъ совершенно обособиться отъ единичныхъ, такъ точно и признаки существенные не могутъ дѣйствительно отдѣлиться отъ случайныхъ. Возьмемъ, напримѣръ, понятіе человѣка. Конечно, мы будемъ всегда представлять себѣ человѣка со всѣми случайными признаками, ибо намъ внутренно невозможно представить себѣ одни лишь его существенные признаки, безъ несущественныхъ. Поэтому, когда въ нашемъ соз-

наніи бываетъ психическій продуктъ, называемый понятіемъ, то мы *представляемъ* себѣ одновременно какъ существенные, такъ и несущественные признаки даннаго объекта. Слѣдовательно, понятія — тѣ же представленія, но такія въ которыхъ обращено вниманіе на признаки важные для знанія. *Разница между представленіями и понятіями* существуетъ лишь въ значеніи для развитія знанія, т. е. не съ точки зрѣнія психологіи (не съ безоцѣночной), а съ точки зрѣнія логики (съ оцѣночной). Если же психологически они однородны, то, говоря въ психологіи о представленіяхъ, мы можемъ распространять все сказанное и на понятія. Понятія — особый, интересный лишь для логики, родъ представленій. Потому-то въ логикѣ постоянно приходится говорить о понятіяхъ; психологія же, разсматривая душевныя явленія безоцѣночнымъ образомъ, имѣетъ въ виду вообще представленія, о понятіяхъ же, если и упоминаетъ, то лишь мимоходомъ.

24. Типы мышленія.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть индивидуальныя особенности въ мышленіи, именно въ переживаніи общихъ представленій и сужденій.

Аристотель высказался въ томъ смыслѣ, что мышленіе безъ образовъ, т. е. безъ образовъ *самихъ предметовъ*, не бываетъ. Но въ средніе вѣка (въ XI в.) возникло, какъ мы упоминали, ученіе крайнихъ номиналистовъ, говорившее, что у насъ взамѣнъ общихъ представленій существуютъ только слова (nomina). А если отсюда сдѣлать выводъ о томъ, что наблюдали въ самихъ себѣ номиналисты, то надо допустить, что ихъ собственное мышленіе обходилось безъ образовъ самихъ предметовъ; а подмѣчая это въ себѣ, они то же самое утверждали и о другихъ. Правда, средневѣковые номиналисты не говорили, что мышленіе происходитъ безъ образовъ *самихъ предметовъ*, а лишь отрицали существованіе концептовъ; но это легко объяснить хотя бы тѣмъ, что они интересовались не психологическими вопросами, а метафизическими. Идя дальше въ новое время, мы видимъ мыслителей, которые уже явно утверждали, что бываетъ мышленіе и безъ образовъ самихъ предметовъ. Такъ, *Лейбницъ* (1646 — 1716) утверждаетъ, что наше мышленіе часто отнюдь не воплощается въ образы. Напримѣръ, въ алгебрѣ мы количества замѣняемъ ихъ символами — буквами и совершаемъ надъ этими символами разныя дѣйствія, совсѣмъ не представляя себѣ самихъ количествъ. Мышленіе, сопровождающееся образами самихъ предметовъ, самъ Лейбницъ назвалъ *интуитивнымъ*, а противоположное ему, т. е. совершающееся безъ образовъ самихъ предметовъ — *символическимъ*. Но болѣе понятными названіями будутъ такія: *образное* и *словесное*, потому что знаками, замѣняющими образы самихъ предметовъ, *почти всегда* служатъ слова. Эти-то названія мы и будемъ употреблять. Далѣе, о мышленіи безъ образовъ самихъ предметовъ, т. е. о существованіи словеснаго мышленія, очевидно, зналъ и *Юмъ* (1711 — 1776).

Очень часто, замѣчаетъ онъ, мы говоримъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ—о торговлѣ, о политикѣ, о церкви, причемъ совсѣмъ не представляемъ себѣ этихъ предметовъ, хотя и не говоримъ въ это время по поводу нихъ никакихъ нелѣпостей. *Дегальдъ Стюартъ* (ум. въ 1820 г.), съ своей стороны, также указываетъ на то, что, провѣряя свои выводы, мы очень часто убѣждаемся въ ихъ справедливости *только* тѣмъ путемъ, что обращаемъ вниманіе лишь на самыя сочетанія *словъ*. Какъ же объяснить все это разногласіе? Очевидно, дѣло объясняется только тѣмъ, что всѣ упомянутые нами философы судили по личному самонаблюденію, и имъ не приходила въ голову возможность разныхъ типовъ мышленія. Допустивъ же существованіе двухъ типовъ мышленія—типа *образнаго* и типа *словеснаго*, а также еще переходнаго или промежуточнаго между ними, мы поймемъ эти противорѣчія. Такъ, причислимъ Аристотеля къ типу образному: тогда онъ будетъ правъ относительно самого себя. Допустимъ же, что у нѣкоторыхъ людей образы самихъ предметовъ при мышленіи замѣняются образами ихъ названій, т. е. что у нихъ словесное мышленіе преобладаетъ надъ образнымъ; тогда получится другой типъ, который мы называемъ словеснымъ. Къ нему, очевидно, намъ придется отнести крайнихъ номиналистовъ. Наконецъ, въ промежуткѣ между названными крайними двумя типами можно предположить еще типъ, болѣе или менѣе уравновѣшенный, въ которомъ мышленіе можетъ совершаться одинаково легко, какъ при помощи образовъ, такъ и безъ нихъ, путемъ словеснымъ. Сюда придется отнести Лейбница, Юма и Дегальда Стюарта.

Эта догадка о существованіи такихъ типовъ мышленія совершенно неожиданно подкрѣпляется изслѣдованіями *Рибо*, который совсѣмъ не имѣлъ въ виду нашего вопроса, такъ какъ даже и не замѣтилъ дѣленія людей на три указанныхъ класса, хотя оно можетъ быть получено, какъ результатъ его же собственныхъ изслѣдованій. Онъ просто хотѣлъ узнать *индивидуальныя измѣненія общихъ представленій*, для чего употребилъ такой пріемъ: онъ спрашивалъ различныхъ (по возрасту, полу и профессіи) лицъ, *что возникаетъ у нихъ въ сознаніи тотчасъ же, безъ умысла и размышленія, коль скоро они слышатъ, читаютъ или произносятъ названія, имѣющія общее значеніе*. Такихъ названій онъ бралъ 14, начиная съ самыхъ конкретныхъ и кончая самыми абстрактными, напримѣръ: собака, вода, цвѣтъ, форма, доброта, красота, число, время, безконечность, сила, отношеніе, причина и т. п. Число опрошенныхъ имъ лицъ доходило, въ общей сложности, до сотни слишкомъ. Запаздываніе отвѣтовъ болѣе, чѣмъ на 5, на 7 секундъ, Рибо считалъ показателемъ того, что такой отвѣтъ сомнителенъ, и не принималъ его во вниманіе. Въ результатѣ же своихъ изслѣдованій онъ пришелъ къ заключенію, что всѣхъ людей надо раздѣлить на три типа, отличающихся другъ отъ друга индивидуальными особенностями въ переживаніи *общихъ представленій*.

1) Одинъ изъ нихъ Рибо назвалъ *конкретнымъ*. Здѣсь если не всѣ, то почти всѣ (у живописцевъ—всѣ) названія, имѣющія общее значеніе,

вызываютъ въ сознаніи услышавшаго образы самихъ предметовъ: слово собака вызываетъ образъ этого животнаго, вода—образъ прозрачной жидкости и т. п. Въ случаѣ же абстрактныхъ названій возникаетъ или образъ, стоящій съ даннымъ понятіемъ въ чисто внѣшней связи (напримѣръ, слово „доброта“ вызываетъ образъ знакомой особы, отличающейся добротой, „форма“ вызываетъ образъ женскаго плеча, а иногда—чурбана, „добродѣтель“—образъ растрепанной латинской книжки и т. п.), или же образъ предмета, символизирующаго названный (слово „душа“ вызываетъ образъ маленькаго человѣчка, „Богъ“—образъ сѣдовласаго старца и т. п.).

2) Другой типъ онъ назвалъ *слуховымъ*. Здѣсь образы самихъ предметовъ при услышаніи названія возникаютъ въ сознаніи услышавшаго рѣдко, а взамѣнъ того представляются только тѣ же самыя слова, точно ихъ кто-нибудь еще разъ тихо произноситъ надъ ухомъ опрашиваемаго лица. Среди этого типа Рибо *съ величайшимъ недоумѣніемъ* натолкнулся на одного врача-полиглота (многоязычника), у котораго *ни одно общее названіе не сопровождалось никакимъ образомъ*, а всѣ слова просто казались еще разъ слышанными. Для Рибо это было совершенной неожиданностью, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ.

3) Третій типъ Рибо назвалъ *зрительно-типографическимъ*. Люди принадлежащіе къ нему отличаются тѣмъ, что у нихъ общія названія въ ихъ сознаніи образовъ самихъ предметовъ не возбуждаютъ, а вызываютъ лишь образъ этого же самаго названія, но *какъ бы написанный или напечатанный*, причемъ нѣкоторые (наборщики въ типографіяхъ) могутъ даже опредѣлить шрифтъ, какимъ напечатано это слово. Въ этой группѣ одинъ извѣстный физіологъ (парижанинъ) *поразилъ* Рибо (потому что у самого Рибо, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ, ничего подобнаго не бывало), тѣмъ, что *даже названія наиболѣе конкретныя, напримѣръ, собака, вода и т. п., не возбуждали въ немъ никакого образа самого предмета*. Но зато онъ *видѣлъ* эти названія напечатанными съ такой ясностью, что точнымъ образомъ указывалъ ихъ шрифтъ. Рибо пробовалъ называть ему химическія вещества, какъ вещи, для него наиболѣе извѣстныя; но и они не возбуждали въ его сознаніи никакихъ образовъ самихъ предметовъ, а лишь образы ихъ химическаго знака (даже въ томъ случаѣ, если вещество было видимое, осязаемое, какъ, напримѣръ, мышьякъ).

Свои изслѣдованія Рибо распространилъ и на сужденія. Именно—онъ опрашивалъ тѣхъ же лицъ, что представляется ими при такихъ фразахъ: собака бѣжитъ, собака лаетъ и т. п. И здѣсь онъ убѣдился, что *у лицъ, принадлежащихъ къ извѣстному типу по своимъ общимъ представленіямъ, оказываются тѣ же особенности и въ характерѣ сужденій*, причемъ дѣло происходитъ вотъ какъ: *въ большинствѣ случаевъ одно слово въ предложеніи становится господствующимъ, и уже оно, а не все сужденіе, опредѣляетъ характеръ возникающаго образа*.

Указанные три типа мышленія, какъ мы уже замѣтили, были найдены Рибо совсѣмъ независимо отъ вопроса о возможности мыслить безъ образовъ

предметовъ. Тѣмъ не менѣе, вглядываясь въ его изслѣдованія, видно, что можно свести указанные имъ три типа къ двумъ изъ числа нашихъ: къ *образному* и *словесному*. Дѣйствительно, вѣдь два послѣднихъ типа Рибо (слуховой и зрительно-типографическій) оба мыслятъ безъ образовъ *самихъ предметовъ*, а при помощи однихъ лишь образовъ ихъ *названій*; разница же этихъ двухъ типовъ зависитъ только отъ того, какъ они представляютъ себѣ самыя названія—въ зрительныхъ образахъ или въ слуховыхъ. Слѣдовательно, оба эти типа суть разновидности словеснаго типа, зависящія отъ индивидуальныхъ особенностей въ переживаніи образовъ *названій*.

Правда, при такомъ объясненіи у насъ можетъ возникнуть слѣдующее недоумѣніе: типъ словесный долженъ бы подраздѣляться, въ зависимости отъ способа представлять названія, не на двѣ, а на три разновидности, включая сюда и *моторный* типъ. Почему же это не обнаружилось въ изслѣдованіяхъ Рибо? Но оказывается, что у Рибо можно усмотрѣть въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ на его разспросы проявленія и моторнаго типа. Нѣкоторыя лица заявляли ему, что у нихъ услышанныя ими названія *ничего* не пробуждаютъ въ ихъ сознаніи. Рибо, задумавшись надъ этимъ фактомъ, рѣшилъ, что такія лица всетаки представляютъ себѣ *образы самихъ предметовъ*, но *безсознательно*. Однако, можно найти для подобныхъ показаній гораздо болѣе естественное объясненіе. Дѣло въ томъ, что только психологи, да физіологи знаютъ о моторныхъ ощущеніяхъ, да и то лишь съ 40-хъ годовъ XIX столѣтія; а въ обыденной жизни и не подозрѣваютъ о существованіи такихъ ощущеній. Поэтому *вполнѣ естественно, что многіе люди, которые принадлежатъ къ моторному видоизмѣненію словеснаго типа, совсѣмъ не замѣчаютъ, что услышанныя ими слова и у нихъ вызываютъ представленія названій, коль скоро эти представленія суть моторные образы тѣхъ же словъ*; такъ что при разспросахъ Рибо имъ должно было казаться, будто бы услышанныя ими слова *ничего* не вызываютъ въ ихъ сознаніи, хотя на дѣлѣ они вызывали *моторные* образы словъ, т. е. они сознавали, что какъ бы начинаютъ произносить про себя эти названія. А въ обыденной жизни никому не придетъ въ голову считать эти какъ бы попытки *произнести* услышанное названіе за состоянія *сознанія*: ихъ причисляютъ къ тѣлесному міру. Итакъ, можно смѣло допустить, что въ изслѣдованіяхъ Рибо моторное видоизмѣненіе словеснаго типа всетаки проявлялось.

Теперь намъ слѣдуетъ спросить себя: *существуютъ ли крайніе типы мышленія, т. е. образный и словесный, въ чистомъ видѣ*, такъ чтобы у чисто образнаго типа не было *никакой* примѣси словеснаго мышленія, и наоборотъ? Изслѣдованій по этому вопросу не было произведено, на основаніи же общеизвѣстныхъ фактовъ можно отвѣтить такъ: *врядъ ли есть люди, принадлежащіе къ чисто образному типу*. Если бы они существовали, то врядъ ли могли бы сдѣлаться *общеупотребительными* и *никому* не рѣзать уха такія выраженія, какъ: паровая конка (т. е. соединеніе мысли о парѣ съ мыслью о лошади), красныя чернила (красно

то, что чернить), стрѣлять изъ пушки (т. е. бросать стрѣлы изъ пушки) и т. п. Но *никто* не затрудняется въ произнесеніи такихъ противорѣчивыхъ сочетаній словъ. *Что же касается чисто словеснаго типа, то онъ оказывается не невозможнымъ*: мы видѣли въ изслѣдованіяхъ Рибо *два примѣра чисто словеснаго мышленія*—одинъ изъ слухового типа, другой—изъ зрительно-типографическаго. Конечно, *въ раннемъ дѣтствѣ предположить чисто-словесное мышленіе нельзя*: вѣдь прежде, чѣмъ ознакомиться съ словами, приходится мыслить безъ словъ. Но можно думать, что у взрослыхъ словесный типъ вырабатывается довольно часто вслѣдствіе чисто книжнаго характера современнаго образованія.

Какія условія благопріятствуютъ выработкѣ словеснаго мышленія? Вопросъ этотъ имѣетъ очень большое утилитарное значеніе: явное дѣло, что *чисто* словесное мышленіе надо цѣнить, какъ нѣчто болѣе низкое сравнительно съ образнымъ. Человѣкъ, знающій вещи въ образахъ, можетъ постоянно контролировать свои мысли о нихъ; а кто знаетъ только все на словахъ, для того подобная провѣрка невозможна. Далѣе, кто лишенъ образовъ, тотъ съ большимъ трудомъ будетъ усваивать все то, что съ трудомъ выражается словами, напримѣръ — разныя описанія, которыя только тогда легко и запоминаются, если при ихъ помощи хорошо представишь себѣ описываемый предметъ; иначе ихъ надо задалбливать, а это не всѣмъ легко. Въ виду всего этого, ради педагогическихъ цѣлей, небезполезно узнать условія, содѣйствующія выработкѣ рѣзко выраженнаго словеснаго типа, чтобы умѣть устранять ихъ при воспитаніи. Они сводятся къ отсутствію наглядности въ обученіи или къ однимъ лишь ея суррогатамъ (напримѣръ, когда вмѣсто какого-либо физическаго прибора показываютъ лишь одинъ его рисунокъ и т. п.).

Изъ изученія типовъ мышленія видно, что *положеніе Аристотеля, говорящее, что нельзя мыслить безъ образовъ, будетъ вѣрно только въ томъ случаѣ, если подъ образами подразумѣвать здѣсь не только образы самихъ предметовъ, а также и образы названій, такъ что сужденіе, или чистая мысль, никогда не сознается нами само по себѣ, а всегда воплощеннымъ въ какіе-либо образы—либо въ образы самихъ предметовъ, либо въ образы ихъ названій*. А такъ какъ въ составъ образовъ входятъ слабыя ощущенія, переживаемыя при воспріятіяхъ, которыя соотвѣтствуютъ этимъ образамъ, то, значитъ, чистая мысль или сужденіе, на дѣлѣ всегда оказывается воплощенной въ ощущеніяхъ.

По поводу сказаннаго можетъ явиться такой вопросъ: не бываетъ ли мышленіе и безъ всякихъ образовъ, даже безъ образовъ словъ, такъ что мы имѣли бы дѣло только съ чистой мыслью? При тщательномъ самонаблюденіи всегда приходится подмѣтить, по крайней мѣрѣ, образы словъ, (будутъ ли они зрительными, слуховыми или моторными, это безразлично), въ которые воплощается мышленіе. Правда, иной разъ можетъ показаться, будто мышленіе происходитъ безъ всякихъ образовъ—какъ предметовъ, такъ и названій, какъ бы само по себѣ. Но это легко объясняется тѣмъ, что

1) образы чрезвычайно быстро двигаются, а вслѣдствіе этого ихъ иногда крайне трудно подмѣтить; 2) кромѣ того, подмѣтить образы можетъ помѣшать еще и ихъ крайняя блѣдность. Особенно легко проглядѣть въ себѣ моторные образы словъ, ибо они слагаются изъ моторныхъ ощущеній, которыя мы не привыкли наблюдать отдѣльно отъ зрительныхъ и осязательныхъ. По всему этому намъ можетъ всего лишь казаться, будто бы мы переживаемъ мысль, которая не воплощается ни въ какіе образы, даже и въ образы словъ, хотя у насъ нѣтъ ровно никакихъ доводовъ, которые доказывали бы явную невозможность подобныхъ переживаній, такъ что, если мы хотимъ быть осторожными въ заключеніяхъ, то должны такъ редактировать свой выводъ: *у насъ нѣтъ данныхъ опыта, которыя неоспоримымъ образомъ обнаруживали бы, что бываетъ мышленіе безъ всякихъ образовъ.* Такой формулой мы ничего не предрѣшаемъ относительно будущаго, а просто описываемъ, въ какомъ положеніи находится вопросъ въ настоящее время.

Дѣло въ томъ, что уже стали раздаваться въ научной литературѣ голоса, утверждающіе, будто бы встрѣчаются случаи мышленія безъ всякихъ образовъ, и число ихъ увеличивается. Первымъ, кто рѣшительно высказалъ это мнѣніе, кажется, былъ Бине, напечатавшій съ этой цѣлью въ 1902 въ Revue Philosophique статью „Мышленіе безъ образовъ“ *), которая составила одну изъ главъ его книги „L'étude expérimentale de l'intelligence“, выпущенной имъ въ 1903 г. Еще рѣшительнѣе это мнѣніе было высказано Messer'омъ въ статьѣ Experimentell-psychologische Untersuchungen über das Denken (помѣщенной въ Archiv f. d. gesammte Psychologie за 1906 г.), а также въ его книгѣ Empfindung und Denken, 1908 г. Тоже самое мнѣніе повторяется у Bühler'а въ его статьѣ „Thatsachen und Probleme zu einer Psychologie der Denkvorgänge“ въ IX томѣ Archiv f. d. gesammte Psychologie. Всѣ эти авторы обращались къ изслѣдуемымъ ими лицамъ съ какими-либо вопросами, задачами и т. п. и требовали, чтобы они, давая отвѣтъ по существу, вмѣстѣ съ тѣмъ описывали, что они подмѣчали въ своемъ сознаніи. И на основаніи этихъ описаній выходитъ, что иногда мышленіе переживается безъ *всякихъ* образовъ, даже и словесныхъ. Если бы можно было считать этотъ выводъ безспорнымъ, то здѣсь мы имѣли бы блестящее опроверженіе сенсуализма и превосходное подтвержденіе невозможности описать сужденіе. Но, къ сожалѣнію, можно сильно сомнѣваться, насколько точно умѣли описывать свои переживанія лица, изслѣдованныя этими авторами. Кромѣ тѣхъ ошибокъ, о которыхъ мы только что упоминали (кромѣ проглядыванія быстротечнаго, блѣднаго образа внутренней рѣчи, особенно, если онъ будетъ моторнымъ), они могли впасть еще и въ ту ошибку, что ихъ мышленіе воплощалось въ словесный образъ *предложеннаго имъ вопроса,* но они этотъ образъ игнорировали, а можетъ быть—даже и не замѣчали, такъ какъ старались обращать вниманіе лишь на тѣ образы, которые впервые возникали бы *вслѣдствіе* ихъ *поисковъ* отвѣта на предложенный имъ вопросъ. А нельзя сомнѣваться,

*) См. въ приложеніяхъ къ „Лекціямъ“ переводъ этой статьи.

что нерѣдко мы обдумываемъ отвѣтъ на какой-либо услышанный нами вопросъ, удерживая въ сознаніи словесный образъ этого вопроса вплоть до того момента, когда мы произнесемъ найденный нами отвѣтъ, такъ что въ это время наше мышленіе оказывается воплощеннымъ лишь въ словесный образъ предложеннаго намъ вопроса. Къ тому же здѣсь крайне затруднено самонаблюденіе допрашиваемыхъ нами лицъ: они должны устремить свое вниманіе на содержаніе отвѣта по поводу него и въ то же время наблюдать, какъ именно переживается ими такая мысль. Ясно, что рискованно полагаться на ихъ показанія. По всему этому надо такъ отвѣчать на вопросъ, бываетъ ли мышленіе безъ всякихъ образовъ (даже и словесныхъ), чтобы ничего не предрѣшать относительно будущаго, а лишь высказаться объ *отсутствіи въ настоящее время права отвѣчать утвердительнымъ образомъ* на этотъ вопросъ; можетъ быть, дальнѣйшее усовершенствованіе тѣхъ методовъ изслѣдованія, которые употребляли Бине, Мессеръ и Бюлеръ, и принудитъ допускать существованіе мышленія безъ всякихъ образовъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что французы образное и словесное мышленіе нерѣдко называютъ *„конкретнымъ“* и *„абстрактнымъ“*. Но, очевидно, эти названія неудобны, какъ двусмысленныя: абстрактное мышленіе въ то же самое время обозначаетъ и мышленіе объ абстрактныхъ предметахъ, конкретное же — о конкретныхъ; между тѣмъ абстрактное мышленіе, равно какъ и конкретное, можетъ оказаться и образнымъ, и словеснымъ. Конечно, образное абстрактное мышленіе не можетъ воплощаться въ образъ того самаго предмета, о которомъ мы мыслимъ, потому что онъ абстрактный, но оно можетъ воплотиться въ образъ, символизирующій этотъ предметъ. Напримѣръ: мысля о правосудіи, мы можемъ имѣть въ сознаніи образъ Ѳемиды. Тогда наше мышленіе будетъ все-таки образнымъ, хотя и абстрактнымъ. Распространяться же о возможности словеснаго конкретнаго мышленія нѣтъ никакой надобности послѣ всего сказаннаго о типахъ мышленія.

25. О физіологической сторонѣ образовъ и мышленія.

Законъ однородности представленій съ воспріятіями имѣетъ значеніе по вытекающимъ изъ него выводамъ не только для ученія о взаимной связи душевныхъ явленій, но и для ученія о связи душевныхъ явленій съ тѣлесными. Изъ этого закона вытекаетъ съ огромной вѣроятностью слѣдующій выводъ: *коль скоро представленія по своей психической природѣ ничѣмъ не отличаются отъ воспріятій или отъ представленій душевныхъ состояній (при внутреннихъ представленіяхъ), а тѣ и другія сопровождаются опредѣленными процессами въ головномъ мозгу, то и представленія должны сопровождаться ими.* Этотъ выводъ подтверждается такой массой фактовъ, что его можно считать вполнѣ достовѣрнымъ. Нѣ-

которые психологи думали даже, что эти процессы при внѣшнихъ представленіяхъ *локализируются* въ тѣхъ же частяхъ головного мозга, въ которыхъ происходитъ локализація процесса, сопутствующаго воспріятіямъ, т. е. что каждое представленіе сопровождается усиленіемъ дѣятельности той же части головного мозга, которая работаетъ при соотвѣтствующемъ воспріятіи. Но эта гипотеза шаткая; большимъ успѣхомъ пользуется обратная гипотеза, утверждающая, что локализація представленій происходитъ не въ тѣхъ же частяхъ головного мозга, въ которыхъ локализируются воспріятія, а въ другихъ. Слово *„локализироваться“ въ такомъ-то мѣстѣ означаетъ здѣсь, что возникновеніе представленія сопровождается дѣятельностью этой части головного мозга, а, конечно, не то, что представленіе сидитъ въ ней, точно какая-то матеріальная вещь.*

Упомянутая гипотеза, разумѣется, старается оправдать себя ссылкой на различные факты, которые наблюдаются въ душевной жизни при поврежденіяхъ различныхъ частей головного мозга, а также и посредствомъ разныхъ экспериментовъ. Но мы не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ доводахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обойдемъ молчаніемъ и вопросъ, въ какихъ именно частяхъ головного мозга локализируется тотъ или другой *родъ* представленій (гдѣ именно—зрительныя, гдѣ—слуховыя, гдѣ—осязательныя и т. д.). Замѣтимъ только одно: въ настоящее время считается наиболѣе вѣроятнымъ, что *разные роды представленій локализируются въ различныхъ частяхъ головного мозга*, т. е. при своемъ возникновеніи сопровождаются усиленіемъ или измѣненіемъ работы различныхъ частей головного мозга. Дальнѣйшія же подробности, касающіяся ученія о локализаціи представленій, хотя и крайне интересны для психофизіологіи, но при ея современномъ состояніи еще нисколько не помогаютъ чисто-психологическому изученію представленій; напротивъ, сами-то эти подробности выясняются лишь благодаря предварительному изученію представленій съ чисто-психологической точки зрѣнія.

Поэтому изъ всей психо-физіологіи мы подробнѣе остановимся лишь на одномъ самомъ общемъ психо-физіологическомъ фактѣ или законѣ, именно: *всякое единичное представленіе, подобно воспріятіямъ, обязательно сопровождается опредѣленнымъ измѣненіемъ въ дѣятельности головного мозга*, причемъ мы обходимъ молчаніемъ, какая именно часть головного мозга работаетъ при этомъ иначе, чѣмъ прежде, т. е. гдѣ именно въ головномъ мозгу локализируется единичное представленіе, возникающее въ нашемъ сознаніи. Если этотъ законъ высказать въ столь общей формѣ (съ умолчаніемъ обо всѣхъ только что указанныхъ подробностяхъ), то его теперь уже никто не оспариваетъ. А имъ объясняются слѣдующіе факты:

1) Если справедливо, что представленія находятся въ связи съ дѣятельностью головного мозга, то *характеръ нашихъ представленій долженъ вліять на тѣлесную жизнь, и обратно—тѣлесная жизнь должна вліять на характеръ представленій, а черезъ это и на всю душевную жизнь.* Фактовъ, подтверждающихъ и то и другое, можно привести массу.

Что касается *вліянія тѣлесной жизни на представленія, а черезъ это и на всю душевную жизнь*, то оно подтверждается тѣмъ, что есть яды, которые вызываютъ *специфическія* галлюцинаціи, т. е. каждый изъ нихъ *особеннымъ* образомъ измѣняетъ характеръ нашихъ представленій. Въ этой-то *специфичности* ихъ вліянія на представленія и сказывается наглядно зависимость послѣднихъ отъ тѣлесной жизни. Такъ, алкоголь при *повторныхъ* отравленіяхъ вызываетъ видѣнія устрашающаго или брезгливаго характера—гадовъ, чертей и т. п. Наоборотъ, гашишъ и опіумъ производятъ галлюцинаціи бодрящаго и увеселяющаго характера. Первый при этомъ еще заставляетъ воспринимать пространство и время въ увеличенныхъ размѣрахъ: обыкновенная комната кажется необъятной по пространству, время также растягивается до безконечности и т. п. Опіумъ всему придаетъ веселую окраску, вызываетъ веселыя, привлекательныя видѣнія и т. п. Всѣ эти факты, вмѣстѣ взятые, ясно доказываютъ, что, вліяя на *тѣлесную жизнь*, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вліяемъ на *характеръ представленій*, причемъ это, конечно, совершается черезъ посредство головного мозга.

Теперь приведемъ примѣры вліянія *представленій на тѣлесную жизнь*. Уже одно *представленіе движенія*, безъ всякаго хотѣнія, вызываетъ это движеніе, *само собой стремится воплотиться въ самое движеніе* *). Примѣромъ могутъ служить многія лица, которыя не могутъ думать и говорить о движеніяхъ, не стремясь ихъ изобразить. Этимъ и объясняется такъ называемое отгадываніе, чужихъ мыслей, которое вѣрнѣе было бы назвать *исполненіемъ* чужихъ мыслей. Оно состоитъ въ томъ, что человѣкъ, мысли котораго отгадываются, прикасается къ отгадчику и упорно представляетъ себѣ, какъ послѣдній исполнитъ заданное ему движеніе. Отъ этого онъ невольно и незамѣтнымъ для себя образомъ сообщаетъ отгадчику соотвѣтствующіе толчки, руководясь которыми, отгадчикъ и исполняетъ задуманное движеніе. Не представляетъ ничего таинственнаго и столоверченіе, объясняемое тѣмъ, что участвующіе въ сеансѣ вовсе не держатъ своихъ рукъ, положенныхъ на столъ, спокойно, а *невольнымъ* образомъ слегка двигаютъ ими подъ вліяніемъ задуманной мысли и такимъ путемъ незамѣтно сообщаютъ столу то или другое движеніе. Другая группа фактовъ, подтверждающихъ вліяніе представленій на тѣлесные процессы, такова: *живое представленіе заболѣванія* влечетъ за собой самый болѣзненный процессъ. Опишемъ два такихъ примѣра. Одна дама, проходя мимо школы, когда изъ нея выходили дѣти, увидала, какъ выбѣжалъ одинъ мальчикъ и вслѣдъ за собой такъ сильно захлопнулъ дверь, что ей показалось, будто этотъ мальчикъ раздробилъ себѣ пятку, чего, однако же, не случилось. Зато черезъ нѣсколько минуть она сама почувствовала боль въ ногѣ и, придя домой, увидѣла, что то самое мѣсто, которое, по ея мнѣнію, долженъ былъ ушибить мальчикъ, сильно покраснѣло и опухло,

*) Много примѣровъ, сюда относящихся, собрано у Карпентера („Физіологія ума") и Хекъ-Тюка („Вліяніе психики и воображенія на ходъ душевной жизни и тѣлесной"). Въ этихъ двухъ книгахъ собраны лишь хорошо провѣренные факты.

какъ отъ ушиба. Другая женщина, увидя, что оконная рама упала на руки ея сына, тотчасъ же почувствовала боль на соотвѣтствующихъ мѣстахъ *своихъ* пальцевъ, которые подверглись воспалительному процессу, какъ если бы дѣйствительно были ушиблены. Сюда же относится явленіе такъ называемаго *стигматизма*. Извѣстно, что въ средніе вѣка нерѣдко бывали такіе случаи: у лицъ очень религіозныхъ и экзальтированныхъ въ дни и часы страданій Іисуса Христа появлялись раны на тѣхъ мѣстахъ, которыя соотвѣтствовали ранамъ Іисуса Христа. Въ новое время долго не придавали подобнымъ разсказамъ серьезнаго значенія, предполагая тутъ или обманъ, или преувеличеніе; но въ XIX столѣтіи повторился такой же случай въ Бельгіи съ одной дѣвушкой, по имени Луиза Латто. Для изслѣдованія его была назначена комиссія врачей и судебныхъ властей, пользовавшихся услугами, между прочимъ, полицейскихъ сыщиковъ, чтобы узнать, нѣтъ ли тутъ обмана. Оказалось, что слухи совершенно справедливы: дѣвушка, отличавшаяся сильной религіозностью, еженедѣльно, въ дни и часы страданій Іисуса Христа впадала въ экзальтацію, распростиралась крестообразно на землѣ, причемъ на рукахъ, ногахъ и на лбу у нея сочилась кровь сквозь кожу. Очевидно, живое представленіе ранъ сопровождалось притокомъ крови къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ. Наконецъ, мы можемъ еще сослаться на случаи *забольванія отъ порчи и исцѣленія вѣрой*. Тѣ и другіе факты настолько часты, что объяснять ихъ простой случайностью невозможно, но они стали вполнѣ понятны съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось, что порча дѣйствуетъ только на тѣхъ лицъ, которые ей вѣрятъ. Если ворожея предсказываетъ суевѣрному человѣку какую-нибудь болѣзнь, то онъ, будучи вполнѣ увѣренъ, что предсказаніе ея исполнится, такъ живо представляетъ себѣ эту болѣзнь, что она дѣйствительно является у него. Но бываютъ факты обратные: живое представливаніе исцѣленія вызываетъ прекращеніе болѣзни. Примѣровъ этого также можно найти много. Воспользуемся хотя бы слѣдующимъ. Во время борьбы янсенистовъ съ іезуитами, въ одномъ изъ янсенистскихъ монастырей надо было сдѣлать одной дѣвочкѣ операцію прижиганія ранъ на вѣкахъ раскаленнымъ желѣзомъ. Наканунѣ операціи одна изъ монахинь посовѣтовала дѣвочкѣ помолиться Божьей Матери объ исцѣленіи. Дѣвочка, сильно боявшаяся предстоявшей операціи, послушалась ея совѣта и во время молитвы, исполненной съ дѣтской непоколебимой вѣрой, почувствовала облегченіе. На другой день докторъ констатировалъ столь внезапное и сильное улучшеніе болѣзни, что счелъ нужнымъ отложить операцію. Черезъ нѣсколько дней долго страдавшая дѣвочка совсѣмъ выздоровѣла. Такъ какъ въ это время шла борьба между іезуитами и янсенистами, то первые обвинили въ обманѣ послѣднихъ. Дѣло дошло до двора, и рѣшено было принять энергичныя мѣры къ разслѣдованію, былъ ли тутъ обманъ или нѣтъ, и въ случаѣ, если обманъ обнаружится, подвергнуть виновныхъ строгому взысканію. Оказалось, что обмана не было, но что дѣвочка, бывъ очень религіозной, молилась съ твердой вѣрой, что и вызвало исцѣленіе. Слѣдовательно, и тутъ представливаніе извѣстнаго органическаго состоянія вызвало это са-

мое состояніе. Все это показываетъ, какъ много значитъ быть увѣреннымъ въ своемъ здоровьѣ, или наоборотъ, поддаваться страху заболѣть, а также дѣлаетъ разницу между полезнымъ примѣненіемъ гигіены и вѣчной трусостью передъ каждымъ отступленіемъ отъ нея: гигіена полезна не всякому, а только тому, кто нисколько не боится обходиться и безъ нея.

2) Если представленія, подобно воспріятіямъ, сопровождаются опредѣленными процессами въ головномъ мозгу, то *мы можемъ, при помощи продолжительнаго представливанія, достичь результатовъ, вполнѣ однородныхъ съ тѣми, какихъ достигаемъ при помощи утомленія нервной системы черезъ продолжительныя воспріятія.* Это и подтверждается однимъ опытомъ надъ представленіями (который, впрочемъ, удается только лицамъ зрительнаго типа), раньше котораго опишемъ однородный опытъ съ воспріятіями. Извѣстно, что когда мы продолжительно *смотримъ* на какое-нибудь яркое цвѣтовое пятно, напримѣръ, на красный треугольникъ, лежащій среди бѣлаго фона, не сводя глазъ съ одной его точки (чтобы *утомлялась одна и та же часть сѣтчатой оболочки* глаза), и затѣмъ быстро отдернемъ его, то мы на этомъ бѣломъ фонѣ видимъ тотъ же треугольникъ, но окрашенный въ дополнительный къ красному, т. е. въ зеленый цвѣтъ. Явленіе это объясняется тѣмъ, что извѣстныя части нервной системы утомляются при воспріятіи краснаго цвѣта; онѣ же работаютъ (когда мы снимемъ фигуру) и при послѣдующемъ воспріятіи бѣлаго цвѣта; но, вслѣдствіе уже происшедшаго въ нихъ утомленія на красный цвѣтъ, ихъ чувствительность къ краснымъ лучамъ, входящимъ въ составъ бѣлаго, уменьшается, такъ что на видъ выступаютъ одни лишь дополнительные къ краснымъ, т. е. зеленые лучи. Примѣняя сходный опытъ не къ воспріятіямъ, а къ представленіямъ, мы увидимъ, что когда лица зрительнаго типа, закрывъ глаза, упорно представляютъ себѣ красный треугольникъ и утомляютъ этимъ нѣкоторыя части головного мозга, а послѣ того взглядываютъ на какую-нибудь бѣлую поверхность, то они также видятъ на ней подобный зеленый треугольникъ. Конечно, такое явленіе гораздо слабѣе, чѣмъ это бываетъ при воспріятіяхъ, но все-таки оно доказываетъ, что представленіе сопровождается подобнымъ же утомленіемъ нервной системы, какъ и воспріятіе.

До сей поры мы говорили о физіологической сторонѣ только *единичныхъ* представленій; а какова физіологическая сторона *общихъ* представленій? Въ точности она, разумѣется, столь же мало извѣстна, какъ и для единичныхъ представленій. Но несомнѣнно, что хотя въ каждомъ общемъ представленіи есть нѣчто неразложимое на слабыя ощущенія (именно—знаніе общности), тѣмъ не менѣе и *каждое общее представленіе сопровождается какими-либо процессами, происходящими въ головномъ мозгу.* Это ясно изъ слѣдующихъ соображеній: каждое общее представленіе всегда сводится къ какому-либо образу, т. е. *единичному* представленію. Иногда (при словесномъ мышленіи) этотъ образъ есть лишь образъ названія, а не самого предмета, о которомъ мы мыслимъ; но совсѣмъ безъ образовъ (включая сюда и образы словъ) не бываетъ ни

общихъ представленій, ни мышленія вообще. А всякій образъ, т. е. всякое единичное представленіе, какъ мы сейчасъ убѣдились, всегда сопровождается дѣятельностью головного мозга; слѣдовательно, ею всегда должно сопровождаться и все то, что не бываетъ совсѣмъ безъ образовъ, т. е. всякое общее представленіе.

Тѣ же самыя соображенія доказываютъ, что и всякое сужденіе, а слѣдовательно, и вообще мышленіе сопровождается опредѣленными, хотя и неизвѣстными намъ процессами въ головномъ мозгу. На основаніи этого заключенія становится понятнымъ, почему усиленная чисто-умственная дѣятельность (т. е. дѣятельность мышленія) отражается на тѣлесной жизни: напримѣръ, вызываетъ чувство утомленія, головныя боли и т. д.

Впрочемъ, мы вывели заключеніе, что мышленіе всегда сопровождается опредѣленной дѣятельностью головного мозга, основываясь на томъ, что оно всегда воплощается, хоть въ какіе-нибудь образы либо предметовъ, либо словъ. Но, какъ мы уже упоминали (ч. II, стр. 39), теперь не невозможно, что будетъ доказано переживаніе мышленія и безъ всякихъ образовъ, даже словесныхъ. Значитъ ли это, что такое мышленіе переживается безъ всякой связи съ тѣлесными процессами? Отнюдь нѣтъ: связь всякаго душевнаго явленія съ какимъ-либо тѣлеснымъ процессомъ (въ головномъ мозгу) подтверждается такимъ множествомъ разнообразныхъ фактовъ, что ее все равно придется допускать и для мышленія, невоплощающагося ни въ какіе образы. Поэтому напрасно нѣкоторые психологи, (напримѣръ, Гейзеръ въ своей Psychologie, вышедшей въ 1908 г.) ухватились за мнѣніе о существованіи мышленія, реально, а не только мысленно очищеннаго отъ всякой примѣси ощущеній, какъ за доказательство, что душа можетъ и существовать независимо отъ тѣла, коль скоро въ состояніи работать безъ всякой связи съ тѣломъ: отсутствіе въ мышленіи всякой связи съ ощущеніями (если еще оно будетъ доказано) еще не означаетъ отсутствія въ немъ всякой связи съ тѣломъ.

26. Движеніе или смѣна мыслей: вопросы психологіи умозаключеній и ея современное положеніе.

Такъ какъ каждая мысль состоитъ изъ соединенія образа или единичнаго представленія съ сужденіемъ, то смѣна, или движеніе мыслей можетъ быть разсматриваема съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ возникновеніе въ сознаніи новыхъ образовъ, и какъ возникновеніе новыхъ сужденій, глядя по тому, на чемъ именно при этой смѣнѣ сосредоточится наше вниманіе,— на сужденіяхъ или на образахъ. Однако, не слѣдуетъ думать, будто бы возникновеніе новаго сужденія не возбуждаетъ никакихъ иныхъ вопросовъ, кромѣ вопроса объ условіяхъ, при которыхъ наше вниманіе должно сосредоточиться во вновь возникающей мысли на сужденіи. Напротивъ: здѣсь встрѣчается множество другихъ вопросовъ. Дѣло въ томъ, что *нерѣдко пережи-*

ваются нами одно за другимъ нѣсколько сужденій, по крайней мѣрѣ— два, изъ которыхъ одно сопровождается чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, если мы согласны съ другими. Такія переживанія называются *умозаключеніями.* Сужденіе, сопровождаемое чувствомъ необходимости соглашаться съ нимъ, если мы согласны съ остальными, называется *выводомъ*, а тѣ сужденія, которыя принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, называются посылками.

Такимъ образомъ, въ ученіе о движеніи мыслей должна входить психологія умозаключеній, и, разумѣется, она непремѣнно должна рѣшить, между прочимъ, такой вопросъ: всякое ли возникновеніе новаго сужденія, вызываемаго предшествующими сужденіями, переживается въ видѣ умозаключенія, т. е. сопровождается вышеописаннымъ чувствомъ необходимости соглашаться съ новымъ сужденіемъ (повидимому—всякое); а если не всякое, то чѣмъ отличаются умозаключенія отъ другихъ случаевъ возникновенія новаго сужденія, подъ вліяніемъ однихъ лишь предшествующихъ сужденій? При этомъ, какъ бы она ни рѣшила тотъ и другой вопросъ, она должна отмѣтить тотъ общеизвѣстный фактъ, что выводъ часто (если не чаще всего) мыслится не послѣ, но раньше своихъ посылокъ, и выяснить, что именно принуждаетъ совершаться переживаніе умозаключенія въ каждомъ изъ этихъ направленій (т. е. отъ вывода къ посылкамъ и отъ посылокъ къ выводу), и не связаны ли съ каждымъ изъ нихъ еще какія-либо особенности въ этомъ переживаніи.

Ошибочно думать, будто бы психологія умозаключеній уже изложена въ логикѣ и поэтому можетъ быть пропущена въ психологіи: логика совершенно отвлекается отъ психологической, безоцѣночной точки зрѣнія и вовсе не заботится объ *описаніи* того переживанія, которое называется умозаключеніемъ. Для логики совершенно безразличенъ составъ и видоизмѣненія этого переживанія, настолько безразличенъ, что станемъ ли мы во взглядахъ на него держаться сенсуализма, интеллектуализма или же нашей теоріи дуализма состава мыслей, отъ этого въ *логическомъ* ученіи объ умозаключеніяхъ ничто не перемѣнится и не отпадетъ ни одно изъ его положеній. *Логическое ученіе объ умозаключеніяхъ совершенно независимо отъ психологіи мышленія.* Дѣло въ томъ, что *логика разсматриваетъ вовсе не переживаніе, называемое умозаключеніемъ*, а лишь то, что именно и какъ именно, (напримѣръ, въ какомъ объемѣ и т. п.) *должны* мы *мыслить* въ выводѣ въ зависимости отъ того, что и какъ (напримѣръ—въ какомъ объемѣ, утвердительно или отрицательно и т. п.) будетъ нами *мыслиться* въ посылкахъ, т. е. взамѣнъ разсмотрѣнія *переживанія* умозаключенія она лишь устанавливаетъ правила, при исполненіи которыхъ это переживаніе окажется *годнымъ* для расширенія *знанія*, именно для того, чтобы служить *доказательствомъ*. Психологія же, наоборотъ, отвлекается отъ такой оцѣночной точки зрѣнія и поэтому должна разсматривать въ умозаключеніяхъ все, что въ нихъ игнорируется логикой. И, разумѣется, прежде всего она должна описать составъ переживанія умозаключеній и его отли-

чія отъ другихъ, болѣе или менѣе сходныхъ съ нимъ переживаній, а вслѣдъ за тѣмъ выяснить ихъ вліяніе на другія душевныя явленія, а равно вліяніе послѣднихъ (напримѣръ, чувствъ, воли и т. п.) на умозаключенія, При этомъ, конечно, психологія должна обращать вниманіе и на такія умозаключенія, о которыхъ логика или совсѣмъ не говоритъ или же упоминаетъ лишь для предупрежденія, что къ нимъ не слѣдуетъ относиться. какъ бы къ годнымъ для доказательствъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ всевозможнѣйшія видоизмѣненія интуитивнаго мышленія (см. о немъ въ книгѣ проф. А. И. Введенскаго: „Логика, какъ часть теоріи познанія“): ихъ логика обыкновенно обходитъ полнымъ молчаніемъ. Психологія же должна ихъ тщательно классифицировать, описать отличія другъ отъ друга и рѣшить относительно нихъ такіе вопросы: почему возможно, что эти умозаключенія, не укладываясь ни въ какія правила логики, все-таки очень часто приводятъ насъ къ самымъ удачнымъ выводамъ? Какія условія содѣйствуютъ усиленію нашей способности къ полученію удачныхъ выводовъ интуитивнымъ путемъ (сюда относится объясненіе дара пророчества, прозорливости и т. п.) и т. д.? Все это—вопросы, которые логика въ правѣ обойти и дѣйствительно обходитъ молчаніемъ: „Логика, какъ часть теоріи познанія“ А. И. Введенскаго едва ли даже не единственная въ мірѣ книга, посвященная логикѣ и въ то же время рѣзко подчеркивающая существованіе интуитивнаго мышленія и его особенности сравнительно съ дискурсивнымъ, которое одно только и изучается логикой (но, конечно, съ ея особой, оцѣночной точки зрѣнія). Что же касается умозаключеній, о которыхъ логика обыкновенно упоминаетъ, но для предупрежденія, чтобы ихъ не принимали за годныя служить доказательствами (каковы: индукція чрезъ простое перечисленіе и заключенія по аналогіи), то психологія должна выяснить, какую роль играютъ они въ общемъ ходѣ развитія нашихъ умозаключеній, и почему мы склоняемся принимать ихъ за годныя для доказательствъ. Въ связи же съ этимъ вопросомъ ей придется разсмотрѣть, какъ постепенно мѣняются (а можетъ быть, даже и какъ впервые возникаютъ), осложняются и, если ихъ разсматривать съ логической точки зрѣнія, совершенствуются, (т. е. становятся все болѣе и болѣе удовлетворительными передъ судомъ логики) наши переживанія умозаключеній. Наконецъ, психологія должна дать отвѣтъ во всѣхъ причинахъ, которыя заставляютъ насъ дѣлать логическія ошибки и изъ которыхъ нѣкоторыя, вдобавокъ, еще заставляютъ насъ упорствовать въ своихъ ошибкахъ. Особенно же поучительно объясненіе причинъ, которыя многихъ побуждаютъ, вопреки всякой очевидности, упорствовать въ мнѣніи о возможности рѣшенія такихъ завѣдомо неразрѣшимыхъ задачъ, какъ трисекція угла, квадратура круга, построеніе perpetuum mobile и построеніе метафизики въ видѣ знанія. Вѣдь какъ ни какъ, а надо сознаться, что послѣдняя затѣя (построеніе метафизики въ видѣ знанія) находится, точь въ точь, въ такомъ же положеніи, какъ и три первыхъ: есть и чисто теоретическія (но независимыя, какъ отъ метафизики, такъ и отъпсихологіи, а опирающіяся

на одну только логику) доказательства ея неосуществимости въ видѣ знанія; и болѣе, чѣмъ въ двѣ съ половиной тысячи лѣтъ не выработали въ ней ровно ни одного положенія, которое не оспаривалось бы большинствомъ самихъ же метафизиковъ.

Изъ сказаннаго ясно, что психологія не имѣетъ никакого права пропускать умозаключенія изъ-за одного того, что они уже изучаются логикой, которая будто бы составляетъ часть психологіи. Какъ можетъ быть частью психологіи ученіе, *вполнѣ независимое* отъ ея взглядовъ на мышленіе и разсматривающее вовсе не само переживаніе, называемое умозаключеніемъ, а всего лишь то въ этомъ переживаніи, что становится замѣтнымъ только съ особой, оцѣночной точки зрѣнія? Психологія, напротивъ, работая отчасти съ помощью установленнаго независимо отъ нея логическаго ученія объ умозаключеніяхъ *), а отчасти вполнѣ самостоятельно, должна разсмотрѣть относительно умозаключеній множество такихъ вопросовъ, которые совершенно чужды логикѣ. Но, къ сожалѣнію, психологическое ученіе объ умозаключеніяхъ совершенно не разработано. Нерѣдко въ психологіи ихъ обходятъ полнымъ молчаніемъ, иногда же повторяютъ вкратцѣ то же самое, что говорилось о нихъ въ логикѣ, а если и прибавляютъ сюда что-нибудь своего, то очень спорныя вещи. Напримѣръ, безъ зазрѣнія совѣсти, часто пишутъ, будто бы процессъ умозаключенія отличается всегда умышленнымъ характеромъ, будто бы всегда онъ возникаетъ и течетъ лишь въ томъ случаѣ, если мы стараемся объ этомъ. Это явная неправда. Всякій, кто мало-мальски интересуется научнымъ вопросомъ, хотя бы даже въ предѣлахъ гимназическаго преподаванія (кто, напримѣръ, въ гимназіи увлекался математикой), можетъ замѣтить, что иногда овладѣваетъ нами огромный потокъ умозаключеній не только безъ всякаго умысла съ нашей сторбны, но даже противъ нашей воли (иногда даже лишаетъ сна); какое-нибудь обстоятельство совершенно независимо отъ нашей воли привлечетъ наше вниманіе къ сужденію, которое напомнитъ намъ интересующій насъ вопросъ и моментально вызоветъ потокъ цѣпляющихся другъ за друга умозаключеній. Эти-то невольные потоки и обусловливаютъ у нѣкоторыхъ ученыхъ такъ называемые внезапные припадки необычайной разсѣянности: все ихъ вниманіе нехотя поглощается протекающимъ въ нихъ потоками умозаключеній, и они не въ силахъ безъ помощи внѣшняго толчка обратить его на что-нибудь другое. Сократъ по цѣлымъ часамъ простаивалъ, какъ бы въ столбнякѣ, углубленный въ свои мысли. Сюда же относятся и всѣ случаи такъ называемаго созерцательнаго состоянія.

Двѣ причины задерживаютъ развитіе *психологіи* умозаключеній: одна сводится къ необычной трудности самонаблюденія надъ самымъ *переживаніемъ* умозаключеній: при немъ наше вниманіе поглощается тѣмъ, что именно *мыслимъ* мы при этомъ процессѣ, т. е. самымъ *содержаніемъ* су-

*) Не логика въ своей работѣ зависитъ отъ психологіи, но наоборотъ—психологія отъ логики.

жденій, образующихъ умозаключеніе, а для самонаблюденія надо направить его на то, *какъ* переживается это умозаключеніе, вслѣдствіе чего умозаключеніе тотчасъ же задерживается. Поэтому, знакомиться съ составомъ переживанія умозаключеній приходится лишь урывками и главнымъ образомъ лишь по воспоминаніямъ, которыя оно оставляетъ послѣ себя, и которыя, какъ и воспоминанія всѣхъ душевныхъ состояній, не привлекшихъ къ себѣ вниманія, не могутъ быть ни прочными, ни точными. Психологія умозаключеній совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ логика, которая должна производить самонаблюденіе надъ тѣмъ самымъ въ умозаключеніяхъ, къ чему вниманіе уже и само собой приковывается при ихъ переживаніи, — надъ тѣмъ, что именно мыслится нами въ посылкахъ и выводѣ, и какъ связано между собой то и другое. Поэтому-то логика и могла тотчасъ же, какъ только она возникла, установить самыя точныя логическія правила умозаключеній. Другая же причина, препятствующая развитію *психологіи* умозаключеній, сводится къ неразличенію логической и психологической точки зрѣнія на умозаключенія: это неразличеніе должно внушать ошибочную мысль, будто бы умозаключенія уже изучены логикой до конца, и психологіи уже здѣсь нечего дѣлать, будто бы логическое ученіе объ умозаключеніяхъ составляетъ ту часть психологіи, которая должна бы заниматься умозаключеніями, и которая въ виду различныхъ удобствъ выдѣлена изъ психологіи. И надо замѣтить, что въ логической литературѣ дѣйствительно можно встрѣтить не мало матеріала относящагося не къ логикѣ, но къ психологіи умозаключеній; ибо ошибочному смѣшенію логической и психологической точки зрѣнія нерѣдко (хотя гораздо рѣже, чѣмъ психологи) подвергаются и авторы сочиненій, относящихся къ логикѣ. Такъ, подобный матеріалъ находится въ „Системѣ логики“ Милля (напримѣръ, въ его ученіи о значеніи заключеній отъ частнаго къ частному, о томъ, какъ вырабатываются въ насъ методы умозаключеній, признаваемые логикой за годные для доказательствъ и т. п.), *) въ „Классификаціи выводовъ“ М. И. Каринскаго, въ „Логикѣ“ Зигварта и т. д. Но этотъ психологическій матеріалъ, попавши въ логическія сочиненія лишь вслѣдствіе смѣшенія логической точки зрѣнія съ психологической, не можетъ быть въ нихъ разработанъ до конца: вѣдь для логики-то онъ вовсе не нуженъ; ибо она—наука, вполнѣ независимая отъ психологіи. Къ тому же въ этихъ, вызываемыхъ смѣшеніемъ двухъ разнородныхъ точекъ зрѣнія, отступленіяхъ въ область психологіи, не рѣдкость встрѣтить такія описанія душевныхъ переживаній, которыя выставляютъ какъ бы сознаваемое нами въ ихъ составѣ то, что никогда не сознается и не можетъ сознаваться нами, какъ напримѣръ различныя душевныя *дѣйствія* въ родѣ дифференцированія, уподобленія и т. п., т. е. спутываютъ невзначай затронутую ими психологію съ метафизикой, или же, въ лучшемъ случаѣ,

*) Оттого-то „Система логики“ Милля и производитъ впечатлѣніе проливающей много *новаго* свѣта сравнительно со множествомъ другихъ сочиненій по логикѣ: она дѣйствительно неизмѣримо больше освѣщаетъ умозаключенія, чѣмъ другіе трактаты, но главнымъ образомъ не съ логической, а съ психологической точки зрѣнія.

выставляютъ, какъ бы сознаваемое нами въ составѣ процессовъ мышленія, то, что по существу своему вовсе не метафизично и могло бы быть сознано нами, но только никогда не сознается, въ видѣ составного элемента описываемыхъ переживаній: нисколько не интересуясь составомъ этихъ переживаній и нисколько не завися отъ его изученія, логика вѣдь въ своей *собственной* работѣ не потерпитъ никакого ущерба отъ подобныхъ *психологическихъ* промаховъ въ описаніи душевныхъ явленій. Впрочемъ, надо отмѣтить, что въ этомъ отношеніи есть большая разница между „Системой логики“ Милля и множествомъ другихъ авторовъ, къ числу которыхъ принадлежатъ и М. И. Каринскій съ Зигвартомъ: Милль въ своихъ отступленіяхъ въ психологію описываетъ, какъ сознаваемое нами, только то, что дѣйствительно сознается нами. Но это не значитъ, будто-бы работая надъ психологіей умозаключеній, не стоитъ пользоваться другими сочиненіями по логикѣ, кромѣ Милля. Напротивъ: напримѣръ, въ „Классификаціи выводовъ“ М. И. Каринскаго находится много цѣннаго психологическаго матеріала, какого нѣтъ у Милля. *) Надо только брать отмѣченные имъ психологическіе факты, исправляя надлежащимъ образомъ данныя имъ описанія этихъ фактовъ.

Необходимость торопиться вынуждаетъ и насъ отказаться отъ изложенія собственной попытки установить чисто психологическое ученіе объ умозаключеніяхъ, отославъ ко всѣмъ названнымъ сочиненіямъ тѣхъ, кто, пользуясь вышеизложенной программой вопросовъ психологіи умозаключеній, захотѣлъ бы самъ пополнить свои свѣдѣнія въ этой области, и прибавивъ къ этимъ сочиненіямъ еще „Основанія психологіи“ Спенсера и „Логику чувствъ“ Рибо (это—книга, старающаяся освѣтить вліяніе, оказываемое на мышленіе со стороны эмоціональныхъ явленій). Что же касается „Психологіи умозаключеній“ Бине, то при тѣхъ психологическихъ взглядахъ, которые выработались въ немъ за послѣднее время, врядъ ли бы онъ согласился переиздать это давнишнее произведеніе въ томъ же видѣ, какъ оно было изложено имъ прежде: въ немъ описывается, какъ происходящее въ сознаніи, много такого, что могло бы и наблюдаться въ немъ (т. е. не составляетъ предмета метафизики), но чего никто не сознаетъ въ себѣ. Здѣсь, равно какъ и во многихъ логическихъ сочиненіяхъ, авторы которыхъ по временамъ становятся на психологическую точку зрѣнія, повторяется тотъ же пріемъ въ описаніи душевныхъ явленій, о которомъ мы уже упоминали на стр. 183 по поводу иллюзій: *описываются, какъ бы совершающіеся въ сознаніи такіе процессы, переживанія которыхъ никто не сознаетъ въ себѣ, хотя въ нихъ нѣтъ ничего метафизическаго, но которые, если бы они сознавались нами, привели бы къ тѣмъ результатамъ, какіе дѣйствительно сознаются нами,* подобно тому, какъ нѣкоторые авторы описываютъ три фазиса въ возникновеніи иллюзіи, которыхъ въ себѣ никто не сознаетъ, но которые, если бы они сознавались нами, привели какъ разъ

*) Этимъ-то и объясняется, что Э. Л. Радловъ высоко ставитъ эту книгу, какъ проливающую много новаго свѣта. Это—вѣрно, но это свѣтъ психологическій.

къ возникновенію иллюзій. Въ этихъ трехъ фазисахъ, конечно, нѣтъ ничего метафизическаго; но ихъ переживанія никто не сознаетъ; поэтому, описывая переживаніе иллюзіи, не слѣдуетъ говорить объ этихъ трехъ фазисахъ, а *надо прямо брать составъ изучаемаго переживанія такимъ, какъ онъ данъ нашему сознанію, и стараться подмѣтить тѣ данныя въ опытѣ, т. е. сознаваемыя нами условія, при которыхъ возникаетъ это переживаніе* (напримѣръ иллюзія). Такъ точно надо поступать и со многими психологическими отступленіями авторовъ логическихъ сочиненій.

27. Движеніе или смѣна мыслей: ассоціація представленій.

Изученіе смѣны мыслей, приводящей къ возникновенію въ сознаніи новаго образа, должно имѣть въ виду двѣ задачи, такъ какъ вновь возникающій образъ можетъ оказаться либо воображаемымъ, либо воспроизведеннымъ. Но условія, при которыхъ возникаетъ, вслѣдствіе безпрерывной смѣны мыслей, непремѣнно воображаемое, а не воспроизведенное представленіе, а равно законы зависимости его содержанія отъ обстоятельствъ, при которыхъ и послѣ которыхъ оно возникаетъ, почти неизвѣстны современной психологіи. Все это, если говорить языкомъ душевныхъ способностей, должно бы относиться къ психологіи воображенія, (именно—творческаго воображенія, если приписывать ему и воспроизведеніе, и творчество воображаемыхъ образовъ), или, какъ еще выражаются, къ психологіи творчества. Но этотъ отдѣлъ психологіи пока еще занимается не столько указанными сейчасъ вопросами, сколько выясненіемъ роли воображаемыхъ образовъ (или, какъ говорятъ на языкѣ способностей, роли воображенія) въ разныхъ случаяхъ душевной жизни, классификаціей этихъ образовъ (или проявленій творчества) съ разныхъ точекъ зрѣнія и описаніемъ общихъ отличій воображаемыхъ представленій отъ воспроизведенныхъ. И любопытно, что психологіей творчества занимаются гораздо больше не профессіональные психологи, а историки и критики литературы и искусствъ. Но, къ сожалѣнію, они въ своихъ работахъ обыкновенно вовсе не пользуются самонаблюденіемъ надъ собственнымъ творчествомъ, исходя изъ ложнаго мнѣнія, будто бы оно—удѣлъ лишь немногихъ избранныхъ, между тѣмъ какъ нѣкоторая степень его (т. е. возникновеніе воображаемыхъ представленій и подчиненіе этого возникновенія различнымъ замысламъ, идеямъ и т. п.) присуща рѣшительно всѣмъ людямъ, конечно, кромѣ ненормальныхъ. Къ тому же въ критическихъ и историческихъ работахъ попытки объяснять душевныя явленія всевозможнѣйшими способностями и душевными актами совершенно заслоняютъ разсмотрѣніе самихъ-то явленій и ихъ законосообразныхъ связей. Къ тому же, трудно производить самонаблюденіе надъ процессами возникновенія воображаемыхъ представленій; вниманіе при этихъ процессахъ оказывается прикованнымъ къ *содержанію* представленій, а его надо обратить при самонаблюденіи на что-то другое.

Если къ сказанному сейчасъ прибавить все, что мы говорили по поводу

умозаключеній, то становится совершенно понятнымъ, что общіе курсы психологіи,—и подробные и краткіе,—говоря о смѣнѣ или движеніи мыслей, сосредоточиваются главнымъ образомъ на ученіи о возникновеніи *воспроизведенныхъ* представленій. Это—наиболѣе разработанный отдѣлъ основной психологіи, если не считать психологіи воспріятій, особенно же ученія о внѣшнихъ ощущеніяхъ, гдѣ психологіи такъ много помогла и все еще помогаетъ физіологія. Ученіе же о воспроизведеніи представленій — чисто-психологическое. Правда, возникло оно впервые не въ психологіи, а въ гносеологической литературѣ: терминъ „ассоціація“ уже встрѣчается у Локка, ум. въ 1704 г., основателемъ же ученія объ „ассоціаціи представленій“ надо считать Юма, ум. въ 1776 г., съ его гносеологическими трудами: „Трактатъ о человѣческой природѣ“ и „Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія“. Но подхваченное психологіей, это ученіе было подробно разработано уже ею самой. И это—ея лучшее достояніе: хотя здѣсь еще много недодѣланнаго и даже спорнаго, но за то здѣсь констатировано много фактовъ, мимо которыхъ обыденная жизнь проходитъ безъ должнаго вниманія.

Первый вопросъ, который можетъ быть здѣсь поднятъ, сводится къ слѣдующему: всякое ли переживаніе можетъ воспроизводиться въ видѣ представленій? Если брать всѣхъ людей въ совокупности, дабы уничтожить вліяніе типовъ въ переживаніи представленій, то *всякое переживаніе можетъ воспроизводиться, въ видѣ представленія.* Доказать же этотъ законъ было бы просто, перебравъ всѣ роды переживаній по очереди. Но такъ какъ у насъ тутъ нѣтъ никакихъ сомнѣній, то мы можемъ эту работу оставить.

Обратимся взамѣнъ того къ другому столь же естественному вопросу: *какъ, т. е. по какимъ законамъ происходитъ это воспроизведеніе.*

Здѣсь прежде всего отмѣтимъ *законъ неодинаковости повторно воспроизводимаго представленія*, который таковъ: хотя намъ и кажется съ перваго взгляда, будто бы неоднократно воспроизводится то же самое представленіе, но при ближайшемъ самонаблюденіи оказывается, что мы ошибочно принимаемъ за то же самое представленіе другія, которыя лишь очень мало отличаются, какъ отъ прежняго, такъ и другъ отъ друга. Одинъ и тотъ же предметъ всякій разъ представляется нами такъ, что въ его представленіи окажется какая-нибудь перемѣна сравнительно со всѣми прежними его представленіями; но подобно тому, какъ мы ошибочно принимаемъ частичный образъ предмета за цѣльный образъ, оттого что воплощенныя въ этотъ образъ сужденія относятся къ цѣльному предмету даннаго образа (ч. II стр. 30), такъ точно мы рядъ очень сходныхъ между собой, но вовсе не тожественныхъ представленій принимаемъ за повторенія того же самаго представленія оттого, что чрезъ посредство всѣхъ этихъ представленій судимъ о томъ же самомъ предметѣ. Возникнетъ ли во мнѣ образъ моего стола, разсматриваемаго прямо, или образъ того же стола, разсматриваемаго нѣсколько сбоку, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мои сужденія будутъ относиться къ тому же самому столу, а потому я оба

эти представленія считаю тѣмъ же представленіемъ. Для подтвержденія же нашихъ словъ, что то же самое представленіе въ дѣйствительности никогда не повторяется у насъ въ неизмѣненномъ видѣ, мы сошлемся на уже цитированныя нами (стр. 105) слова Джемса, что „каждая отдѣльная мысль о какомъ-нибудь предметѣ, строго говоря, есть *ignis*,“ и на Вундта, котораго этотъ фактъ поразилъ при его экспериментальныхъ изслѣдованіяхъ. Вотъ его подлинныя слова, правда, высказанныя на языкѣ душевныхъ способностей и дѣйствій, но отъ этого суть дѣла не мѣняется: „при экспериментальномъ изученіи процессовъ памяти, говоритъ онъ, оказывается, что *воспроизведенія* представленій (курсивъ самого Вундта) въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. оживанія въ томъ же, неизмѣненномъ видѣ прежняго представленія, вообще не бываетъ; что представленіе, заново вступающее въ сознаніе при актѣ воспоминанія, всегда отличается отъ прежняго, съ которымъ его отожествляютъ, и что элементы его обыкновенно принадлежатъ различнымъ предшествующимъ представленіямъ“. (Очеркъ психологіи, перев. Паперна, Спб. 1897 г., стр. 151).

Отсюда слѣдуетъ, что, такъ называемое, *ученіе о воспроизведеніи представленій въ дѣйствительности составляетъ ученіе о возникновеніи не тожественныхъ, но очень сходныхъ между собой, представленій, ошибочно отожествляемыхъ между собой, при чемъ каждое изъ нихъ считается нами за повтореніе (въ видѣ представленія) какого-либо нашего прежняго переживанія*. Но, само собой разумѣется, если не всѣ эти представленія, то, по крайней мѣрѣ, всѣ кромѣ одного, а вѣроятно— всѣ, должны оказаться несоотвѣтствующими *вполнѣ* (во всѣхъ деталяхъ) какому бы то ни было прежнему воспріятію: вѣдь если, такъ называемое, повторное воспроизведеніе того же самаго представленія въ дѣйствительности состоитъ въ возникновеніи всякій разъ иного представленія, всего лишь очень похожаго на прежнія, но не тожественнаго ни съ однимъ изъ нихъ, и *если это наблюдается даже при, такъ называемомъ, повторномъ представленіи такого предмета, который мы воспринимали только одинъ разъ*, то вѣроятнѣе всего, что даже при самомъ первомъ воспроизведеніи воспріятія въ видѣ представленія послѣднее уже отличается отъ дѣйствительно пережитаго воспріятія. Отсюда видно, какъ сильно заблуждаются тѣ, кто, пытаясь объяснять (а не только называть) душевныя явленія душевными способностями, подъ вліяніемъ этихъ попытокъ противопоставляютъ другъ другу память и воображеніе (или, что то же, воспроизводящее и творческое воображеніе), какъ бы *разнородныя* способности. Гораздо вѣрнѣе смотрятъ на дѣло тѣ, кто утверждаетъ, что между памятью и воображеніемъ, (или иначе —между воспроизводящимъ и творческимъ воображеніемъ), разница не качественная, а количественная, что всякое воспроизведеніе есть уже творчество, а всякое творчество—воспроизведеніе. (Сравн. съ этимъ ч. II, стр. 5).

Но будемъ выражаться, какъ это принято въ психологической литературѣ, т. е. будемъ говорить такъ, какъ будто бы *воспроизведеніе* пред-

ставленій дѣйствительно существуетъ, и разсмотримъ *законъ, указывающій при какихъ условіяхъ возникаетъ каждое воспроизведенное представленіе.*

Въ самой общей и грубой формѣ законъ условій воспроизведенія представленія можетъ быть высказанъ слѣдующимъ образомъ: *всякое представленіе воспроизводится не иначе, какъ подъ вліяніемъ связи его содержанія съ содержаніемъ того состоянія сознанія, которое было въ моментъ, непосредственно предшествовавшій его воспроизведенію.* И такъ какъ тутъ идетъ рѣчь о *связи* между воспроизводимымъ представленіемъ и состояніями сознанія, то, замѣняя слово „связь“ словомъ *„ассоціація“*, мы можемъ назвать этотъ законъ *закономъ ассоціаціи представленій.*

Что воспроизведенныя представленія не возникаютъ безъ всякой связи съ другими состояніями сознанія, видно уже изъ слѣдующихъ фактовъ. а) Когда мы случайнымъ образомъ наткнемся на представленіе, которое, повидимому, не имѣетъ никакой связи съ предыдущими, мы всегда *поражаемся* этимъ, т. е. относимся, какъ къ явленію невозможному. И если мы попытаемся выяснить себѣ отношеніе даннаго представленія къ другимъ, занимающимъ насъ въ эту минуту или занимавшимъ раньше, то намъ обыкновенно удается, послѣ нѣкоторыхъ усилій, найти эту связь. в) Точно также, желая, чтобы кто-нибудь забылъ извѣстное представленіе, мы отстраняемъ отъ него тѣ состоянія сознанія, содержаніе которыхъ находится въ связи съ даннымъ представленіемъ.

Примѣры того и другого: а) Въ психологическихъ сочиненіяхъ часто приводится (со словъ Гоббеса) такой случай. Въ одномъ обществѣ былъ разговоръ о междоусобной войнѣ въ Англіи при Карлѣ I, во время котораго одинъ изъ присутствовавшихъ задалъ вопросъ, повидимому, не имѣвшій никакой связи съ предметомъ разговора—сколько стоитъ на англійскія деньги динарій временъ Тиверія. Кажущееся отсутствіе всякой связи съ предыдущимъ содержаніемъ сознанія, т. е. съ содержаніемъ разговора, обратило всеобщее вниманіе на этотъ вопросъ. На самомъ же дѣлѣ выяснилось, что въ сознаніи того, кто задалъ этотъ вопросъ, такая связь была, а именно: разговоръ о войнѣ напомнилъ ему выдачу Карла I-го шотландцами за 200.000 фунтовъ стерлинговъ. Это напомнило о другой выдачѣ — о выдачѣ Іисуса Христа Іудой за 30 серебренниковъ, и у спрашивающаго явилась мысль о стоимости на англійскія деньги 30-ти серебренниковъ, данныхъ за Іисуса Христа, что и вызвало вопросъ, поразившій присутствовавшихъ. в) Извѣстно, что человѣка, перенесшаго тяжелую утрату, стараются отвлечь отъ его тоски тѣмъ путемъ, чтобы отстранить отъ него все, что такъ или иначе связано съ этимъ событіемъ: удаляютъ его изъ прежней обстановки, избѣгаютъ говорить о различныхъ подробностяхъ прошлаго и т. д.

Но, чтобы вполнѣ ознакомиться съ только что указаннымъ закономъ воспроизведенія представленій, т. е. съ закономъ ассоціаціи представленій, намъ, конечно, еще недостаточно знать его въ столь общей формѣ,

а слѣдуетъ еще узнать, *въ какихъ видахъ осуществляется связь или ассоціація содержанія воспроизведеннаго представленія съ тѣмъ содержаніемъ сознанія, благодаря которому совершается воспроизведеніе.* Чтобы подмѣтить эти виды ассоціаціи, проще всего отдаться теченію своихъ представленій, вызываемыхъ какимъ-либо обстоятельствомъ, нисколько не вмѣшиваясь въ это теченіе, и записывать, какія представленія и въ какомъ порядкѣ возникнутъ при такихъ условіяхъ. При этомъ съ перваго же взгляда оказывается возможнымъ раздѣлить всѣ случаи связи между воспроизводящимъ и воспроизведеннымъ представленіемъ на три вида, и каждый изъ этихъ видовъ составитъ особый видъ дѣйствія закона ассоціаціи, такъ что получается три частныхъ закона ассоціаціи представленій, указывающихъ, при какихъ связяхъ представленія воспроизводятъ или, вѣрнѣе, стремятся воспроизвесть другъ друга. Эти три вида ассоціацій слѣдующіе:

1) Связь или ассоціація *по смежности*, состоящая въ томъ, что если *содержаніе одного представленія было связано съ содержаніемъ другого сосѣдствомъ (смежностью) въ пространствѣ или во времени, то одно изъ этихъ представленій стремится воспроизвести другое* (напримѣръ, представленіе одного дома воспроизводитъ за собой представленіе сосѣдняго; представленіе одной сцены пьесы воспроизводитъ за собой представленіе слѣдующей и т. д.).

2) Связь или ассоціація *по сходству*: она состоитъ въ томъ, что *данное представленіе стремится воспроизвести такія, которыя по своему содержанію съ нимъ сходны* (такъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ представленіе выдачи Карла I-го вызвало по сходству представленіе выдачи Іисуса Христа Іудой).

3) Связь или ассоціація *по контрасту*, состоящая въ томъ, что *данное представленіе стремится воспроизвести такое другое, которое по своему содержанію съ нимъ контрастируетъ* (бѣлый—черный, верхъ—низъ, богатый—бѣдный). Такимъ образомъ, законъ ассоціаціи представленій дѣйствуетъ въ видѣ или закона ассоціаціи смежности, или закона ассоціаціи сходства, или закона ассоціаціи контраста.

Надо обратить вниманіе, что выраженіемъ „представленіе стремится воспроизвести, или воспроизводитъ послѣ себя другое, связанное съ нимъ либо по смежности, либо по сходству, либо по контрасту“ мы отнюдь не хотимъ сказать, будто бы наблюдаемъ, сознаемъ при переживаніи смѣны представленій въ нихъ какое-то *„стремленіе“* къ воспроизведенію, или какое-то „воспроизведеніе“, т. е. воспроизводящее *„дѣйствіе“*. Ничего подобнаго мы не сознаемъ и не наблюдаемъ, а все это лишь *примышляемъ* къ тому, что наблюдается нами въ смѣнѣ мыслей. Наблюдаются же, или сознаются нами только сами представленія да тотъ порядокъ, въ какомъ они возникаютъ въ нашемъ сознаніи. Поэтому только что указанное выраженіе въ переводѣ на языкъ самихъ душевныхъ явленій означаетъ лишь слѣдующее: „предъ возникновеніемъ всякаго воспроизведеннаго представленія въ нашемъ

сознаніи непремѣнно бываетъ такое представленіе, которое связано съ нимъ либо по смежности, либо по сходству, либо по контрасту".

Но такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о *классификаціи* различныхъ видовъ связи представленій, а классификацію каждой группы объектовъ можно вести самыми разнообразными путями, разсматривая эту группу съ различныхъ точекъ зрѣнія, то и ассоціаціи представленій могутъ быть классифицированы нѣсколько иначе. До сей поры въ психологіи господствовало дѣленіе ихъ на указанные три вида. Но въ нѣкоторыхъ психологическихъ сочиненіяхъ (въ экспериментальной психологіи въ особенности) дѣлятъ ихъ ради особыхъ цѣлей и на другія группы. И, конечно, каждый авторъ въ правѣ поступать, какъ ему удобнѣе. Но такъ какъ мы, на первыхъ порахъ, хотимъ ознакомиться съ даннымъ вопросомъ только въ общемъ видѣ, то намъ не зачѣмъ отступать отъ прежней классификаціи, какъ наиболѣе удобной для изученія воспроизведенія представленій въ общемъ видѣ.

По поводу явленій воспроизведенія представленій въ насъ невольнымъ образомъ складывается *убѣжденіе въ сохраненіи тѣхъ представленій*, которыя нами еще не забыты, но въ данную минуту не находятся въ сознаніи. Теперь мы должны разсмотрѣть это понятіе сохраненія. *Въ нашемъ внутреннемъ опытѣ нельзя указать ровно ничего такого, что прямо соотвѣтствовало бы этому понятію; ибо пока представленія не воспроизведены, мы ихъ не наблюдаемъ и не можемъ прямымъ наблюденіемъ удостовѣриться въ ихъ сохраненіи.* Другими словами: это понятіе оказывается *не скопированнымъ съ данныхъ опыта*, а всего только *придуманнымъ самими же нами по поводу данныхъ опыта, т. е. присоединеннымъ изъ насъ самихъ, къ даннымъ опыта.* Но *вынуждаетъ ли насъ* что-нибудь *приписывать* представленіямъ сохраненіе, когда мы ихъ не переживаемъ на дѣлѣ, такъ чтобы слово „сохраненіе" слѣдовало понимать въ *буквальномъ* смыслѣ, или же сохраненіе представленій служитъ всего только *образнымъ и произвольнымъ способомъ выраженія*, т. е. слово „сохраненіе представленій" должно имѣть только *переносное* значеніе?

Съ перваго взгляда кажется, будто бы данныя внутренняго опыта *вынуждаютъ* насъ допускать сохраненіе представленій въ *буквальномъ* смыслѣ: повидимому, если бы представленія не сохранялись, то и не могли бы воспроизводиться. Но когда мы *такъ* разсуждаемъ, то разсматриваемъ представленія, какъ какія-то матеріальныя вещи: вѣдь только вещи должны гдѣ-нибудь сохраняться въ буквальномъ смыслѣ, пока мы ихъ не употребляемъ. Представленія же—не вещи, а *переживанія* сознанія, и имъ, пока ихъ нѣтъ, нигдѣ не нужно сохраняться. Если человѣкъ при всякой встрѣчѣ со своимъ врагомъ переживаетъ состояніе гнѣва, то никто не заключитъ

отсюда, что его гнѣвъ *сохраняется* и въ промежутки между этими встрѣчами. Но вѣдь представленія, какъ и чувства, тоже душевныя *переживанія*, а не вещи; значитъ, и о нихъ нельзя заключать, будто бы они сохраняются въ промежутки между различными случаями своего воспроизведенія. Представленіе, какъ и всякое повторяющееся *переживаніе* сознанія, каждый разъ при своемъ воспроизведеніи или повтореніи возникаетъ заново, а послѣ того совсѣмъ исчезаетъ. Такимъ образомъ, *выраженію „сохраненіе представленій“ можно придавать только переносное значеніе, именно— какъ образное уподобленіе воспроизведенія представленій вытаскиванію вещей изъ какого-нибудь ящика, гдѣ онѣ спрятаны. Понимать же сохраненіе представленій въ буквальномъ смыслѣ—явная нелѣпость.*

И эта нелѣпость тѣмъ очевиднѣе, что *„воспроизведеніе“* представленія въ неизмѣненномъ видѣ въ дѣйствительности никогда не наблюдается: всякій разъ, когда мы говоримъ о повторномъ воспроизведеніи того же самаго представленія, въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло съ рядомъ очень сходныхъ, но вовсе не тожественныхъ представленій. Переживаніе каждаго отдѣльнаго представленія въ дѣйствительности есть *unicum*. (Сравн. выше, ч. II, стр. 51). Если же каждое представленіе бываетъ въ сознаніи только единственный разъ, а во всѣ остальныя времена вмѣсто него возникаютъ другія, хотя и очень похожія на него, представленія, то не можетъ быть рѣчи о буквальномъ пониманіи сохраненія представленій.

Убѣжденіе въ необходимости допускать сохраненіе представленій поддерживается наклонностью *объяснять* явленія душевной жизни душевными способностями: сохраненіе разсматривается, какъ *необходимая* функція памяти. И сказанное о сохраненіи представленій лишній разъ показываетъ, какъ вредно поддаваться этой наклонности: она не только заслоняетъ отъ нашего вниманія дѣйствительность, но еще внушаетъ ложныя мнѣнія о ней, заставляя насъ думать, будто бы смѣна представленій сводится къ повторному появленію откуда-то въ сознаніи *тѣхъ же самыхъ* представленій, которыя въ промежутки между его появленіями въ сознаніи гдѣ-то сохраняются въ *неизмѣненномъ* видѣ.

Съ упраздненіемъ же буквальнаго пониманія „сохраненія“ представленій, разумѣется, должно быть упразднено и буквальное пониманіе *усвоенія* представленій, которое тоже считается одной изъ функцій памяти, и про которую говорятъ, что если памяти не приписывать такой функціи, то нельзя объяснить, какъ могло бы существовать воспроизведеніе представленій: память ихъ при воспріятіи усвояетъ, потомъ сохраняетъ, а при благопріятныхъ условіяхъ воспроизводитъ. Но такъ какъ представленія вовсе нигдѣ не сохраняются, если ихъ нѣтъ въ сознаніи, то *усвоеніе представленія должно означать лишь слѣдующее: послѣ всякаго переживанія, рано или поздно, возникаетъ такое представленіе, которое очень похоже на это переживаніе*, служитъ почти что его копіей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть, составляетъ точную копію этого предста-

вленія, *при чемъ возникновеніе такого представленія происходитъ по законамъ ассоціаціи представленій.*

Сообразно съ тѣмъ, гдѣ онъ чаще и легче наблюдается, законъ ассоціаціи, въ указанныхъ трехъ видахъ, установленъ былъ для связи представленій съ представленіями. Отъ этого онъ, а равно и его частные виды, получили названіе законовъ ассоціаціи *представленій. Но законъ ассоціаціи дѣйствуетъ и на связь представленій съ воспріятіями, чувствованіями, хотѣніями, а также на связь воспріятій и представленій съ движеніями.* Убѣдиться въ этомъ нетрудно.

Какъ представленіе можетъ воспроизводить другія представленія, такъ то же самое можетъ дѣлать и воспріятіе, да еще гораздо вѣрнѣе (вслѣдствіе большей живости воспріятій по сравненію съ представленіями). Напримѣръ, если представленіе родины ассоціировано у насъ съ воспоминаніями дѣтства, то воспріятіе родной мѣстности еще гораздо живѣе и скорѣй напомнитъ намъ наши дѣтскіе годы. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ распространеніе дѣйствія закона ассоціаціи смежности уже на связь представленій съ воспріятіями. Далѣе, хорошо извѣстенъ, напримѣръ, такой фактъ: дѣти, привыкшія капризничать въ присутствіи однихъ лицъ, хорошо ведутъ себя при другихъ. *Тутъ мы видимъ связь между чувствами и хотѣніями, съ одной стороны, и воспріятіями — съ другой.* Подобные факты вполнѣ понятны: и воспріятія, и чувства, и хотѣнія по своему психическому матеріалу ровно ничѣмъ не отличаются отъ представленій, а потому всѣ они должны быть способны вступать въ связь и съ представленіями, и другъ съ другомъ, коль скоро въ подобную связь вступаютъ другъ съ другомъ представленія.

Совершенно также понятно, что и *движенія ассоціируются съ движеніями, представленіями и воспріятіями.* Въ самомъ дѣлѣ, если представленія способны соединяться такимъ образомъ, что одно изъ нихъ вызываетъ другое, то, значитъ, къ тому же способны и сопутствующіе имъ нервные процессы. Поэтому понятно, что въ силу частаго повторенія извѣстныхъ движеній въ связи другъ съ другомъ или съ воспріятіями, между дѣятельностями различныхъ частей головного мозга устанавливается такая связь, что возбужденіе одной части вызываетъ за собой возбужденіе другой. Примѣровъ, подтверждающихъ этотъ выводъ, можно найти много. Такъ, извѣстно, что движенія заучиваются въ строго опредѣленномъ порядкѣ, напримѣръ, движенія при танцахъ, писаніи, ходьбѣ и т. п. О связи же движеній съ воспріятіями свидѣтельствуютъ такіе факты: люди, свободно играющіе на фортепіано, не глядя на ноты и не обращая вниманія на руки, все таки исполняютъ самые сложные пассажи; солдаты въ точности выполняютъ команду, едва разслышавъ ее и т. п.

Замѣтимъ кстати, что *вопросъ*, затронутый нами раньше, *въ правѣ*

ли мы назвать воспроизведенныя чувства представленіями, находимъ здѣсь полное разрѣшеніе: еще тогда мы замѣтили, что они подчиняются тѣмъ же законамъ, какъ и представленія; дѣйствительно—*воспроизведенныя чувства, подобно представленіямъ, вступаютъ въ ассоціаціи*. А что это справедливо, съ особой ясностью видно изъ слѣдующаго обстоятельства: чувства, совершенно какъ представленія, вступаютъ въ ассоціаціи съ воспріятіями такихъ вещей, которыя сами по себѣ въ насъ не возбуждали бы этихъ чувствъ и сами по себѣ вполнѣ для насъ безразличны. Напримѣръ: пусть данная вещь, сама по себѣ не имѣющая для насъ никакой цѣны, возбуждаетъ сначала въ насъ представленіе любимаго лица, которое намъ ее подарило, такъ что напоминаетъ намъ это лицо, а воспоминаніе о немъ вызываетъ чувство къ нему. Постепенно дѣло дойдетъ до того, что это чувство вступитъ въ прямую ассоціацію съ данной вещью, т. е. она сама начинаетъ вызывать это чувство безъ напоминанія объ этомъ лицѣ. Подобнымъ же образомъ вырабатывается почтеніе къ вещамъ, которыя, взятыя сами по себѣ, вовсе не заслуживаютъ его. Напримѣръ — такимъ заимствованнымъ уваженіемъ пользуются восковыя свѣчи, какъ употребляющіяся при богослуженіи: считается чѣмъ-то недозволительнымъ закурить папироску о восковую свѣчу, хотя бы эта самая свѣча вовсе не была употреблена въ церкви. Объясняется же это тѣмъ, что религіозныя чувства и волненія, которыя переживаются въ церкви, ассоціируются съ церковными предметами и переносятся на нихъ. Точно такъ же объясняется наслажденіе скупого видомъ денегъ: сперва у него при видѣ денегъ возникаетъ мысль объ удовольствіи, которое онъ можетъ пріобрѣсти, *тратя* ихъ; но потомъ устанавливается прямая ассоціація между воспріятіемъ денегъ и удовольствіемъ, и онъ начинаетъ копить деньги ради денегъ, а не ради ихъ будущей траты. Наконецъ, сюда же можно отнести такіе общеизвѣстные факты, какъ почтеніе передъ мундиромъ, знаменемъ и т. п.

Теперь, когда мы познакомились съ закономъ ассоціаціи во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, естественнѣе всего обратиться къ вопросу: должны ли мы признавать за самостоятельные всѣ найденные нами три вида ассоціаціи, и не могутъ ли нѣкоторые изъ нихъ быть сведены къ другимъ видамъ?

Сразу кидается въ глаза, что *ассоціація по сходству и ассоціація по контрасту другъ другу противорѣчатъ*. Дѣйствительно: признавая самостоятельность за обоими этими видами ассоціаціи, мы тѣмъ самымъ говоримъ, что *одно и тоже представленіе стремится вызвать и то, что съ нимъ сходно, и то, что противоположно ему*. Поэтому вполнѣ естественно, что почти у всѣхъ психологовъ явилось стремленіе свести ассоціацію контраста на другіе виды ассоціаціи, болѣе или менѣе осложненные,

или же разсматривать ее, какъ результатъ дѣйствія *логической* связи между представленіями. Доказываютъ же они несамостоятельность ассоціаціи контраста (т. е. сводятъ ея дѣйствіе на дѣйствіе другихъ законовъ) путемъ слѣдующихъ соображеній: если мы пересмотримъ разнообразные случаи такъ называемой связи по контрасту, то мы убѣдимся, что всѣ они могутъ быть раздѣлены на три вида, каждый изъ которыхъ легко объяснить, какъ результатъ дѣйствія другихъ законовъ, при чемъ этотъ результатъ будетъ совершенно такимъ, какъ *если-бы* дѣйствовала самостоятельно существующая ассоціація контраста.

1) Иногда мы называемъ контрастирующими представленія, связанныя *соотносительностью*, т. е. тѣ, которыя другъ безъ друга *немыслимы*. Такъ, напримѣръ, логически невозможно, мысля верхъ, не мыслить низа и т. п. И вотъ, когда у насъ возникаетъ одно изъ такихъ представленій, то оно тянетъ другое въ силу законовъ *логическихъ*.

2) Другіе случаи мнимой ассоціаціи по контрасту объясняются тѣмъ, что контрастирующія представленія вызываютъ другъ друга не вслѣдствіе контраста, а черезъ посредствующіе члены, связанные съ ними по смежности. Напримѣръ, представленіе голода вызываетъ представленіе сытости, но это происходитъ не по контрасту, а слѣдующимъ путемъ: представленіе голода вызываетъ *по смежности* представленіе насыщенія, а оно, въ свою очередь, *по смежности* же вызываетъ представленіе сытости.

3) Наконецъ, бываютъ и такіе случаи, когда мы называемъ контрастирующими *наиболѣе* различные виды *одного и того же* рода, т. е. представленія до извѣстной степени *сходныя*: напримѣръ, въ бѣломъ и черномъ цвѣтѣ, несмотря на все ихъ различіе, все-таки есть нѣчто сходное—именно то, что оба они суть цвѣта, и потому они напоминаютъ другъ друга *по сходству*, вслѣдствіе сосредоточенія вниманія на томъ, что они суть цвѣта.

Такимъ путемъ и оказывается возможнымъ признать ассоціацію по контрасту несамостоятельной. Но разъ прежніе три вида ассоціацій свелись къ двумъ, то возникаетъ вопросъ, нельзя ли свести и оставшіеся два къ одному. А такъ какъ удобнѣе всѣ случаи сходства сводить на осложненное дѣйствіе ассоціаціи смежности, нежели наоборотъ, то всегда тѣ психологи, которые заботились о такомъ упрощеніи закона ассоціаціи, избирали главенствующей формой именно ассоціацію смежности.

Для доказательства же несамостоятельности ассоціаціи сходства они указываютъ, что *никогда намъ не удается наблюдать чтобы два сходныхъ представленія, изъ которыхъ одно вызвало другое, оставались послѣ того въ сознаніи одновременно: напримѣръ, чтобы представленіе X было одновременно со сходнымъ съ нимъ и вызваннымъ имъ представленіемъ Y. Наоборотъ, бываетъ всегда такъ, что когда Y возникаетъ, то вызвавшее его сходное съ нимъ представленіе X уже отсутствуетъ.* Поэтому мы можемъ разсматривать этотъ процессъ, когда представленія вызываютъ другъ друга якобы по сходству, слѣдующимъ

образомъ: ихъ сходство состоитъ въ томъ, что у этихъ двухъ представленій наряду съ одинаковыми элементами есть и различные, именно—въ то время, какъ X состоитъ изъ элементовъ ABCDE, представленіе Y состоитъ изъ элементовъ ABCMN, такъ что элементы ABC оказываются въ обоихъ представленіяхъ. Далѣе, такъ какъ представленія X уже нѣтъ въ сознаніи, когда есть вызванное имъ Y, то весь процессъ можно объяснить, какъ результатъ ассоціаціи не сходства, а смежности. Именно: когда мы представляли себѣ X, т. е. элементы ABCDE, то у насъ были въ сознаніи элементы ABC, которые *по смежности* связаны не только съ DE, но и съ M и N. А потому въ слѣдующій моментъ элементы ABC, оставаясь въ сознаніи, вызвали по смежности M и N. Поэтому представленіе ABCDE, т. е. X, исчезло, у насъ возникло ABCMN, т. е. Y, такъ что прежнее представленіе X, равное ABCDE, перестроилось въ другое ABCMN, равное Y, но произошло все это не по сходству, а по смежности. Итакъ, явленіе ассоціаціи сходства сводимы на видоизмѣненное дѣйствіе ассоціаціи смежности.

Но здѣсь встрѣчается одно затрудненіе. Такой способъ разсужденія примѣнимъ лишь къ представленіямъ *сложнымъ*. Но къ представленіямъ простымъ, которыхъ разложить на элементы нельзя, онъ не можетъ быть приложенъ: напримѣръ, когда представленіе желтаго цвѣта вызываетъ представленіе оранжеваго, или представленіе синяго—представленіе голубого. Спрашивается: какъ же намъ объяснить подобные случаи? На такое возраженіе защитники той теоріи, которая отрицаетъ самостоятельность ассоціаціи сходства, говорятъ, что это происходитъ не потому, чтобы представленіе желтаго цвѣта возбуждало прямо представленіе оранжеваго, а потому, что такой вызовъ совершается черезъ *промежуточныя* звенья, которыхъ *мы не замѣчаемъ*, и которыя связаны съ этими двумя представленіями по смежности. Представленіе желтизны напоминаетъ, напримѣръ, слово „цвѣтъ“, а онъ напоминаетъ, между прочимъ, и оранжевый цвѣтъ. Или же это происходитъ потому, что въ спектрѣ мы желтый цвѣтъ привыкли видѣть *наряду* съ оранжевымъ. Конечно, выслѣдить, существуютъ ли подобные случаи вызова простыхъ представленій именно *по сходству* или нѣтъ,—затруднительно. А поэтому вопросъ, строго говоря, остается открытымъ. Можетъ быть (хотя навѣрное нельзя сказать это), *экспериментальная* психологія найдетъ когда-нибудь средство рѣшить это недоумѣніе утвердительно или отрицательно.

Само собой разумѣется, что пока не найдены факты, на основаніи которыхъ мы могли бы навѣрняка убѣдиться, что *простыя* сходныя представленія вызываютъ другъ друга безъ промежуточныхъ членовъ, мы о самостоятельности ассоціаціи сходства не въ правѣ сказать ничего опредѣленнаго. Спрашивается, какъ же теперь-то намъ относиться къ этому вопросу? Такъ какъ споръ между двумя теоріями сводится къ разницѣ въ объясненіи тѣхъ случаевъ, когда мы имѣемъ дѣло съ *простыми* представленіями, въ другихъ же случаяхъ *можно* (хотя еще не обязательно) раз-

сматривать сходство, какъ видоизмѣненіе смежности, а въ то же время почти всегда *психологіи приходится разсматривать ассоціаціи между представленіями сложными, а не простыми*, то отсюда вытекаетъ слѣдующее: изучая психологію въ *общихъ* чертахъ, мы можемъ *ради простоты* допустить, какъ *удобную гипотезу*, возможность разсматривать всѣ случаи ассоціаціи, какъ видоизмѣненіе ассоціаціи смежности. Но, само собой разумѣется, *надо помнить, что эта гипотеза только рабочая, допускаемая лишь ради простоты*: можетъ быть, впослѣдствіи будетъ доказана самостоятельность ассоціаціи сходства; но до той поры мы въ правѣ дѣлать простѣйшее предположеніе, хотя не въ правѣ смѣшивать простоту съ доказанностью.

Въ связи съ предыдущимъ можно поставить и такой вопросъ: а нѣтъ ли, кромѣ ассоціацій сходства и смежности, еще какой-нибудь ассоціаціи, на которую можно было бы свести и самую ассоціацію смежности? Это оказывается вещью совершенно возможной: *ассоціація смежности есть высшее проявленіе другой ассоціаціи, которую мы можемъ назвать ассоціаціей близости*. Если нами восприняты два *представленія, содержанія которыхъ переживались, не какъ смежныя, но какъ только близкія другъ къ другу по времени, то одно изъ нихъ стремится воспроизвести другое*. Возьмемъ рядъ послѣдовательныхъ воспріятій A, B, C, D. По закону ассоціаціи смежности представленіе A стремится воспроизвести только представленіе B; послѣднее же—только представленіе C и т. д. *По закону же ассоціаціи близости представленіе A стремится воспроизвести не только B, но и C, и даже D, причемъ это стремленіе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ въ большей близости находилось представленіе къ A, такъ что сильнѣе всего A будетъ воспроизводить то, что съ нимъ смежно*. Доказательство здѣсь можетъ быть двоякое:

1) Сплошь и рядомъ, вспоминая о какомъ-либо событіи, мы вспоминаемъ вслѣдъ за тѣмъ не о смежныхъ съ нимъ, а только о *близкихъ* къ нему по времени. Напримѣръ, вспомнивъ первый стихъ, вспоминаемъ иногда стоящій не возлѣ, а по близости къ нему и т. д.

2) Второе доказательство черпается изъ изслѣдованія, произведеннаго совершенно *съ другой цѣлью* Эббингаузомъ. Опыты его состояли изъ заучиванія рядовъ слоговъ, составленныхъ чисто случайнымъ образомъ, такъ что изъ нихъ не выходило никакихъ осмысленныхъ сочетаній, и потому они запоминались *исключительно по смежности*. Мы укажемъ здѣсь только на одинъ изъ его опытовъ. Эббингаузъ заучивалъ рядъ, состоящій изъ 16-ти слоговъ. Изобразимъ его такъ: A_1 A_2 A_3 A_4... A_{16}, гдѣ A означаетъ какой-нибудь слогъ, а цифра при буквѣ A означаетъ мѣсто этого слога въ заученномъ ряду. Этотъ рядъ заучивался настолько, чтобы безошибочно повторить его наизусть два раза. А послѣ того Эббингаузъ перестанавливалъ слоги, писалъ, напримѣръ, сперва одни нечетные слоги по порядку, а вслѣдъ за ними одни четные (такъ что выходилъ такой рядъ: A_1 A_3 A_5..... A_2 A_4 A_6..... A_{16}), или же дѣлалъ перестановку черезъ два, три (и болѣе)

слога (A_1 A_5 A_9 A_{13} и т. д.), доходя даже до полной перетасовки всѣхъ слоговъ, причемъ оставались на своихъ мѣстахъ только A_1 и A_{13}. И вотъ, *если въ насъ дѣйствуетъ только ассоціація смежности, а нѣтъ ассоціаціи близости*, то мы *должны бы ожидать*, что *всякій* рядъ, полученный путемъ перестановки членовъ перваго ряда, окажется *вполнѣ новымъ* для памяти, въ силу отсутствія связи въ первоначальномъ ряду у всякаго слога съ другими слогами, кромѣ сосѣднихъ. А потому для заучиванія всякаго *преобразованнаго* ряда слѣдовало бы ожидать столько же времени, сколько и для первоначальнаго ряда. На самомъ же дѣлѣ *время, которое тратится на заучиваніе производныхъ рядовъ, оказывается меньшимъ, чѣмъ то, которое было истрачено на заучиваніе первоначальнаго ряда, и тѣмъ меньше, чѣмъ менѣе было произведено измѣненій въ первоначальномъ ряду* *). Такъ, въ случаѣ перестановки членовъ ряда только черезъ одинъ — сокращеніе времени $^1/_{13}$, а когда перестанавливались всѣ члены, кромѣ крайнихъ, время заучиванія всетаки уменьшалось на 1%. *Это доказываетъ, что въ насъ дѣйствуетъ ассоціація близости, по отношенію къ которой ассоціація смежности составляетъ лишь ея наивысшую или наисильнѣйшую степень.* И это мы должны имѣть въ виду при объясненіи разныхъ случаевъ явленій забвенія: иначе нѣкоторые изъ нихъ кажутся необъяснимыми. Такъ, безъ помощи ассоціаціи близости трудно объяснить, почему, забывъ вторую строку стиховъ, мы всетаки можемъ вслѣдъ за первой припомнить третью или четвертую, а не забываемъ сразу все стихотвореніе.

28. Количественные законы ассоціированія представленій.

Очевидно, что описанныхъ законовъ для полнаго объясненія воспроизведенія представленій недостаточно. Дѣйствительно, какъ объяснить, что съ каждымъ представленіемъ связано множество другихъ, а вызываетъ оно ихъ не всѣ заразъ, но то одно, то другое. Напримѣръ, представленіе синяго цвѣта ассоціировано съ представленіями и василька, и неба, и цѣлой массы другихъ вещей. Но когда оно въ насъ возникаетъ, то вызываетъ только одно какое-нибудь опредѣленное представленіе или два, а не всѣ сразу; а это вызванное представленіе, въ свою очередь, вызываетъ опять какое-нибудь одно, хотя тоже ассоціировано съ цѣлой массой и т. д. Очевидно, на ряду съ описанными законами дѣйствуютъ еще другіе законы, отъ которыхъ зависитъ, какія изъ всѣхъ представленій, *возможныхъ* по закону ассоціаціи, *должны* возникнуть въ извѣстное, опредѣленное время. А это можетъ зависѣть отъ двухъ обстоятельствъ: 1) отъ разницы въ *степени воспроизводимости*, т. е. въ шансахъ различныхъ представленій на воз-

*) Разумѣется, заучиваніе производилось вполнѣ равномѣрно во всѣхъ рядахъ (для чего Эббингаузъ употреблялъ даже метрономъ) и всегда съ полнымъ напряженіемъ вниманія.

никновеніе въ нашемъ сознаніи, ассоціированныхъ съ однимъ и тѣмъ же воспроизводящимъ представленіемъ; 2) отъ разницы въ *степени или силѣ вліянія* каждаго, уже находящагося въ сознаніи, представленія на дальнѣйшій ходъ представленій, т. е. отъ разницы въ *воспроизводящей силѣ* представленій, которыя уже находятся въ сознаніи. Слѣдовательно, законы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, будутъ *количественными*, а не качественными законами ассоціацій. Итакъ, намъ предстоитъ *познакомиться съ количественными законами ассоціированія представленій*.

Для болѣе удобнаго знакомства съ этими законами, раздѣлимъ ихъ на двѣ группы: 1) на законы, обусловливающіе разницу въ степени *воспроизводимости* представленій, ассоціированныхъ *съ однимъ и тѣмъ же* воспроизводящимъ, и 2) на законы, обусловливающіе разницу *воспроизводящей силы или вліянія* разныхъ воспроизводящихъ представленій, которыя находятся въ сознаніи *одновременно* и вызываютъ въ немъ другія представленія. Въ детали мы входить не будемъ и ограничимся только указаніемъ дѣйствія *нѣкоторыхъ* законовъ, причемъ для простоты будемъ брать только ассоціацію смежности, а не близости и сходства.

Къ числу законовъ первой группы можно отнести слѣдующіе:

1) *При равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ представленій, ассоціированныхъ съ однимъ и тѣмъ же воспроизводящимъ представленіемъ, наибольшей воспроизводимостью будетъ отличаться то, которое соотвѣтствуетъ наиболѣе живому воспріятію.* Оговорка о равенствѣ прочихъ условій нужна потому, что коль скоро количественныхъ законовъ воспроизведенія оказывается нѣсколько, то, само собой разумѣется, они зачастую своимъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ приводятъ къ такимъ результатамъ, которые при дѣйствіи лишь одного изъ нихъ не могли бы получиться. Схематически этотъ законъ можно изобразить такъ: допустимъ, что у насъ въ числѣ другихъ представленій находится представленіе A, и съ нимъ ассоціировано нѣсколько другихъ: M, N, P, Q. И вотъ данный законъ гласитъ, что, при равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ указанныхъ представленій возникаетъ подъ вліяніемъ A такое представленіе, напримѣръ, M, которое соотвѣтствуетъ наиболѣе живому воспріятію. Доказать этотъ законъ легко, сославшись на факты, которые всѣми переживаются въ обыденной жизни. Дѣйствительно, что изъ воспринятаго нами сильнѣе запоминается и легче воспроизводится? Конечно, то, что было воспринято съ большей живостью. Мало того: законъ этотъ настолько извѣстенъ въ обыденной жизни, что его издавна примѣняютъ на практикѣ: всегда дѣлаютъ болѣе сильнымъ воспріятіе того, что хотятъ получше запомнить, т. е. чему хотятъ придать наибольшую воспроизводимость. Для этого, напримѣръ, всякій педагогъ произноситъ болѣе важныя мѣста громче, чѣмъ другія, и т. п.

2) *При равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ представленій, связанныхъ съ даннымъ воспроизводящимъ, наибольшей воспроизводимостью будетъ отличаться то, которое во время воспріятія его привлекло къ*

себѣ наибольшее вниманіе. Примѣнивъ сюда нашу схему, мы можемъ сказать: если съ A связано 4 представленія M, N, P, Q, при чемъ, когда мы воспринимали ихъ, наибольшее вниманіе привлекло къ себѣ N, то въ такомъ случаѣ изъ всѣхъ четырехъ представленій, при равенствѣ прочихъ условій (напримѣръ, при равной живости воспріятія), возникаетъ въ связи съ A именно представленіе N.

Обращаясь къ ежедневному опыту, мы видимъ справедливость этого закона: все, что мы ассоціировали съ извѣстнымъ представленіемъ, обращая на это наибольшее вниманіе, легче воспроизводится при его помощи, чѣмъ ассоціированное съ нимъ же, но безъ вниманія.

Несомнѣнно, что два указанныхъ нами закона нерѣдко взаимно осложняютъ свои дѣйствія, чѣмъ и объясняются многіе факты, которые съ перваго взгляда противорѣчатъ тому или другому закону. Напримѣръ, у нѣкоторыхъ возникаетъ иногда такое сомнѣніе: если справедливо, что изъ всѣхъ представленій, связанныхъ съ даннымъ, наибольшей воспроизводимостью отличается соотвѣтствующее самому живому воспріятію, то слова —„свѣтъ“, „звукъ“ должны бы намъ напоминать сильнѣйшее воспріятіе этихъ явленій. Но часто этого не бываетъ: напримѣръ, слово „свѣтъ“ вмѣсто того, чтобы вызвать въ насъ представленіе солнца, т. е. сильнѣйшаго воспріятія, ассоціированнаго съ этимъ словомъ, вызываетъ часто представленіе свѣта электрической лампочки, а то и сальнаго огарка или лучины и т. п. Однако, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Происходитъ это явленіе потому, что дѣйствіе перваго закона осложняется дѣйствіемъ второго. Если свѣтъ сальнаго огарка, при воспріятіи его, показался намъ необычайнымъ, поразительнымъ и заставилъ поэтому обратить на него *особенное* вниманіе, то вполнѣ естественно, что мы при словѣ „свѣтъ“ вспоминаемъ именно о немъ, хотя, судя по одному первому закону, мы должны были бы вспоминать о солнцѣ.

3) *При равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ представленій, ассоціированныхъ въ данномъ воспроизводящимъ, наибольшей воспроизводимостью будетъ отличаться то, которое ассоціировалось съ нимъ позднѣе другихъ.* Если въ нашей схемѣ P было ассоціировано съ A позднѣе, чѣмъ M, N и Q, то, при равенствѣ прочихъ условій, A вызоветъ въ сознаніи P, а не M, N, Q. Провѣрять этотъ законъ нѣтъ нужды, ибо каждому изъ насъ хорошо извѣстно, что то, что мы связали съ извѣстнымъ представленіемъ позднѣе, то и воспроизводится скорѣе всего прочаго. Напримѣръ, при имени кого-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ мы скорѣе всего вспомнимъ его такимъ, какимъ мы его видѣли въ *послѣдній* разъ.

4) *При равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ представленій, связанныхъ съ даннымъ воспроизводящимъ, наибольшей воспроизводимостью будетъ отличаться то, которое чаще всего повторялось съ нимъ въ связи.* Положимъ, если въ нашей схемѣ M встрѣтилось въ связи съ A только одинъ разъ, N—два раза, P—три раза, а Q—пять разъ, то тогда, при равенствѣ прочихъ условій (а именно—при равной живости со-

ответствующихъ воспріятій, при равномъ обращеніи на нихъ вниманія, при одинаковой недавности и т. п.), представленіе *A* воспроизведетъ за собой именно представленіе *Q*, а не *M* и *N*. Законъ этотъ общеизвѣстенъ и въ обыденной жизни: на немъ основано всякое заучиваніе посредствомъ повторенія представленій въ связи другъ съ другомъ.

Такъ какъ повтореніе даннаго представленія въ связи съ опредѣленнымъ другимъ можетъ переживаться нами неограниченно большое число разъ, то, благодаря подобнымъ повтореніямъ, связь перваго съ вторымъ можетъ сдѣлаться *сильнѣй*, чѣмъ связь перваго съ какимъ бы то ни было *другимъ представленіемъ, такъ что первое представленіе будетъ навѣрняка воспроизводить другое при всякихъ условіяхъ*. Подобныя ассоціаціи принято называть *наразрывными*: онѣ, очевидно, играютъ большую роль въ душевной жизни, и мы ниже скажемъ о нихъ отдѣльно.

5) *При равенствѣ прочихъ условій наибольшей воспроизводимостью отличается то представленіе, которое ассоціировано съ наибольшимъ числомъ представленій изъ числа одновременно находящихся въ сознаніи*. Такъ, пусть въ сознаніи находятся *одновременно* представленія A, B и C, и пусть съ A ассоціированы представленія M и N, съ B—представленія M, N и S, а съ C—представленія M и K. Тогда, при равенствѣ прочихъ условій (т. е. предполагая, что дѣло не осложняется разницей ни въ недавности ассоціированія, ни въ силѣ, съ какой воспринимались предметы M, N и т. п.) послѣ A, B и C, возникнетъ представленіе M, ибо его тянутъ сразу всѣ три представленія A, B, C. Что этотъ законъ въ насъ дѣйствуетъ, доказать просто: когда намъ нужно кому-нибудь о чемъ-нибудь напомнить, мы начинаемъ возбуждать въ его сознаніи одно за другимъ цѣлую массу такихъ представленій, которыя всѣ ассоціированы съ даннымъ. А это показываетъ, что пока оно вызывается только однимъ представленіемъ, оно не воспроизводится; а когда мы его заставимъ вызываться нѣсколькими представленіями, то они, соединивъ свою воспроизводящую дѣятельность, уже вызываютъ желаемое представленіе.

Перейдемъ теперь къ законамъ второй группы, показывающимъ, отъ какихъ условій зависитъ разница *воспроизводящей силы* тѣхъ представленій, которыя одновременно у насъ находятся въ сознаніи.

Среди нихъ нужно упомянуть сперва о слѣдующемъ законѣ:

1) *Если въ нашемъ сознаніи одновременно находится нѣсколько представленій, то, при равенствѣ прочихъ условій, наибольшей воспроизводящей силой будетъ отличаться то представленіе, которое живѣе всѣхъ остальныхъ*, т. е. оно-то именно (а не другія одновременно съ нимъ находящіяся въ сознаніи) и вызоветъ ассоціированныя съ нимъ представленія. Возьмемъ такую схему: пусть въ сознаніи находятся одновременно представленія A, B и C, при чемъ съ A ассоціированы представленія M и N, а съ B ассоціировано только S, съ C же — только K. Тогда, если представленіе A живѣе, чѣмъ представленіе B и C, то оно-то и

вытянетъ въ сознаніе M или N, т. е. ассоціированныя съ нимъ, а S или K, т. е. ассоціированныя съ B и C, не возникнутъ. Это подтверждается слѣдующими примѣрами. Если мы припоминаемъ какую-либо сцену, видѣнную нами въ театрѣ, и въ этомъ воспоминаніи почему-нибудь одна часть сдѣлалась наиболѣе живой, то извѣстно, что эта-то часть и повлечетъ за собой ассоціированныя съ ней представленія. Другой примѣръ: если намъ представится прочитанная нами страница, и мы живѣе всего вспомнимъ слова посрединѣ ея, то вѣрнѣе всего, что вслѣдъ за тѣмъ мы вспомнимъ и находящееся около средины. Третій примѣръ: представленія и воспріятія однородны; воспріятія же суть самыя яркія представленія, и они же отличаются наибольшей воспроизводящей силой.

2) *При равенствѣ прочихъ условій, изъ всѣхъ представленій, которыми занято наше сознаніе въ моментъ воспроизведенія, наибольшей воспроизводящей силой будетъ отличаться то, на которое мы обращаемъ наибольшее вниманіе.* Напримѣръ, въ нашей схемѣ, если на A обращено большее вниманіе, чѣмъ на B и C, тогда вслѣдъ за ними возникнутъ представленія M или N. Извѣстно, что, желая вспомнить какое-нибудь представленіе, мы сосредоточиваемъ вниманіе на томъ, что съ нимъ связано. Зная, что тотъ или другой текстъ въ книгѣ стоитъ, напримѣръ, послѣ рисунка, мы обращаемъ особенное вниманіе на представленіе этого рисунка и отъ этого вспоминаемъ самый текстъ.

Замѣтимъ попутно: *данный законъ важенъ тѣмъ, что объясняетъ, почему мы можемъ умышленно измѣнять ходъ воспроизведенія.* Воспроизведеніе *подчиняется законамъ ассоціаціи*, тѣмъ не менѣе, какъ показываетъ опытъ, *мы можемъ произвольно распоряжаться ходомъ воспоминаній.* Какъ же примирить то и другое? Объясненіе таково: *это дѣлается не потому, чтобы мы нарушали законы ассоціаціи, а потому, что мы ими же и пользуемся для своихъ цѣлей. Именно—мы только заставляемъ наше вниманіе сосредоточиваться на одномъ изъ воспроизводящихъ представленій*, а законы ассоціацій уже сами собой дѣлаютъ все остальное: *все, что ассоціировано съ этимъ представленіемъ, сравнительно легко воспроизводится имъ, а все, что ассоціировано съ другими воспроизводящими представленіями, которыя находятся въ нашемъ сознаніи одновременно съ первымъ, и отъ которыхъ мы отвлекали свое вниманіе, въ это время уже не воспроизводится.*

Теперь, когда мы нѣсколько ознакомились съ количественными законами воспроизведенія представленій, становится вполнѣ понятнымъ, почему ходъ воспроизведенныхъ представленій бываетъ въ высшей степени разнообразнымъ. Это оттого, что каждое воспроизведеніе зависитъ отъ массы условій, и стоитъ имъ лишь немного измѣниться, чтобы измѣнилось и воспроизведеніе. Такъ, достаточно хотя бы незначительной разницы во вниманіи, въ силѣ прежняго воспріятія, въ степени недавности ассоціаціи и т. п. А эти условія, конечно, не могутъ быть одинаковы всегда и у всѣхъ. Понятно поэтому, что стоитъ только намъ произнести слово, чтобы

оно вызвало у однихъ лицъ одни представленія, у другихъ—совершенно другія и т. д., а у одного и того же лица при разныхъ обстоятельствахъ оно вызоветъ разныя представленія.

Говоря о вліяніи представленій на воспроизводимость всѣхъ ассоціированныхъ съ ними, мы имѣли въ виду, какъ это постоянно дѣлается при изложеніи психологіи, что подобное вліяніе оказывается всего лишь со стороны такихъ представленій, которыя въ моментъ возникновенія ассоціированнаго съ ними представленія еще находятся въ сознаніи. Но подобно тому, какъ существуетъ ассоціація близости, устанавливающая связь между такими представленіями. содержаніе которыхъ воспринималось нами лишь вскорѣ одно послѣ другого, а не рядомъ другъ съ другомъ, такъ точно *могутъ быть и законы, по которымъ на воспроизводимость представленія вліяютъ еще и такія переживанія, которыя не примыкаютъ къ моменту воспроизведенія, а были гораздо раньше.* Нѣтъ ничего невозможнаго, что воспроизводимость представленія обусловливается не только связью его содержанія съ тѣми представленіями, которыя находятся въ сознаніи въ моментъ его воспроизведенія или въ непосредственно предшествующее время, но *до извѣстной степени* и связью его содержанія съ тѣми представленіями, которыя были въ сознаніи гораздо раньше, напримѣръ — часъ назадъ. Очень можетъ быть, что одно лишь пребываніе въ сознаніи какого-нибудь представленія *A*, ассоціированнаго съ *M* и *N*, уже предрасполагаетъ сознаніе на большее или меньшее время къ тому, чтобы въ немъ легче возникали представленія *M* и *N*, хотя бы они и не успѣли возникнуть, когда было въ сознаніи представленіе *A*.

По крайней мѣрѣ, встрѣчаются факты, которые, *по всей видимости*, подтверждаютъ существованіе такого закона. Такъ, напримѣръ, проф. А. И. Введенскій, однажды торопясь ѣхать на лекцію, въ послѣднюю минуту вздумалъ навесть одну справку въ „Логикѣ“ Милля, но по ошибкѣ взялъ въ руки „Письма“ Спинозы, которыя тотчасъ же поставилъ на мѣсто съ *единственной*, какъ онъ твердо убѣжденъ, мыслью, мелькнувшей по поводу нихъ: „недурно бы прочесть какъ-нибудь на лекціяхъ текстъ отлученія Спинозы параллельно съ отлученіемъ Толстого, чтобы видно было, каково приходилось Спинозѣ изъ-за его отлученія“. Дорогой и передъ лекціей голова профессора была занята не Спинозой и не предстоящей лекціей логики, а разными текущими университетскими дѣлами. Во время же лекціи, къ его удивленію, вдругъ у него возникло въ очень живомъ видѣ представленіе, съ котораго Льюисъ начинаетъ біографію Спинозы, маленькаго еврейскаго мальчика, весело играющаго на улицѣ съ своими сестрами, и вслѣдъ за тѣмъ одна сцена изъ романа Ауербаха (собесѣдница Спинозы, кажется—по поводу его упоминанія о „свободной необходимости“, съ насмѣшкой восклицаетъ, выглянувъ въ окно: „пролетѣлъ бѣлый воронъ!“).

Біографія Спинозы, а тѣмъ болѣе такія вымышленныя мелочи изъ нея, не находятся ни въ какой связи съ логикой. Связующимъ звеномъ лекціи со Спинозой послужило только упоминаніе объ онтологическомъ аргументѣ, сопровождавшееся оговоркой, что въ разныхъ видоизмѣненіяхъ онъ встрѣчается у всѣхъ раціоналистовъ безъ исключенія. И вдругъ послѣ того возникли эти двѣ мелочи изъ біографіи Спинозы. Но при такихъ условіяхъ, если не дѣйствуетъ законъ предрасположенія къ опредѣленному воспроизведенію, предрасположенія, складывающагося подъ вліяніемъ прежде бывшихъ мыслей, естественнѣе всего было бы возникнуть сперва воспоминанію о какомъ-либо ученіи Спинозы или объ его сочиненіи, но не прямо объ этихъ *біографическихъ* мелочахъ. Повидимому, причина ихъ воспроизведенія въ томъ, что сознаніе предрасположилось къ нимъ еще раньше мыслью о тягости послѣдствій отлученія Спинозы отъ синагоги, т. е. воспоминаніемъ объ одномъ изъ эпизодовъ его *біографіи*: вслѣдствіе этого, онтологическій аргументъ, который могъ бы напомнить любого раціоналиста, а у Спинозы — любой пунктъ его ученія (ибо всю его систему можно разсматривать, какъ развитіе особой модификаціи онтологическаго аргумента), вмѣсто того напомнилъ кое-что изъ *біографіи* Спинозы, которая, конечно вся ассоціирована съ его ученіемъ, а чрезъ это и съ мыслью объ онтологическомъ аргументѣ, если не по смежности, то по близости.

Одна лишь осторожность, именно — вполнѣ понятныя затрудненія въ подборѣ примѣровъ, про которые можно было бы поручиться, что они *явно* необъяснимы *никакимъ* инымъ путемъ, препятствуетъ проф. А. И Введенскому настаивать рѣшительнымъ образомъ на существованіи закона, по которому *воспроизводимость представленія замѣтно повышается на довольно продолжительное время отъ появленія въ сознаніи представленія, ассоціированнаго съ нимъ, хотя бы первое не успѣло возникнуть при появленіи второго, т. е. это второе представленіе на нѣкоторое время дѣлаетъ сознаніе предрасположеннымъ къ воспроизведенію всѣхъ ассоціированныхъ съ нимъ*. Про себя же проф. А. И. Введенскій убѣжденъ въ существованіи такого закона, потому что *нерѣдко* подмѣчалъ въ себѣ явленія, которыя очень легко объясняются съ помощью этого закона, а безъ него кажутся какими-то неестественными, почти что необъяснимыми.

Здѣсь кстати упомянуть *о, такъ называемомъ, самопроизвольномъ возникновеніи представленій*. Подъ этимъ именемъ подразумѣваются случаи, когда возникаетъ въ сознаніи и упорно преслѣдуетъ насъ, обращается какъ бы въ своего рода навязчивую мысль (въ навязчивую идею), воспоминаніе какого-нибудь двустишія, поговорки, музыкальной фразы, образъ какого-нибудь знакомаго и т. п., между тѣмъ какъ, имѣя въ виду лишь ассоціированіе по смежности, сходству, даже и по контрасту (но *не по близости*; ибо о ней въ психологіи еще *не упоминаютъ*), мы не въ состояніи объяснить ни перваго возникновенія такого воспоминанія, ни его навязчивыхъ повтореній. Впрочемъ, относительно этихъ случаевъ между

психологами нѣтъ единогласія, считать ли ихъ дѣйствительно совершенно необъяснимыми качественными и количественными законами ассоціированія (при чемъ ассоціація близости вовсе не имѣется въ виду), или же ихъ необъяснимость *этимъ путемъ* приписывать лишь тому, что въ быстромъ потокѣ нашихъ душевныхъ переживаній мы не умѣемъ выслѣдить всѣ тѣ обстоятельства, которыя, въ силу качественныхъ и количественныхъ законовъ ассоціацій (при чемъ, напомнимъ, ассоціація близости не имѣется въ виду), обусловливаютъ этотъ фактъ. Вѣдь надо не упускать изъ виду, что каждое мгновеніе наше вниманіе бываетъ сосредоточено лишъ на одномъ пунктѣ этого потока, такъ что когда мы заднимъ числомъ хотимъ дать себѣ отчетъ въ его составѣ, то мы не въ состояніи припомнить его въ полномъ видѣ: вспоминается только то, что переживалось сравнительно съ большимъ вниманіемъ.

Если же наряду съ ассоціаціей близости допустить еще только что изложенный законъ, по которому воспроизводимость представленія на нѣкоторое время повышается отъ одного лишь пребыванія въ сознаніи ассоціированнаго съ нимъ представленія (хотя бы послѣднее не успѣло его вызвать), то станутъ возможными и такіе случаи возникновенія представленій, которые дѣйствительно будутъ необъяснимыми, если имѣть въ виду однѣ лишь ассоціаціи смежности и сходства, да даже и контраста. Напримѣръ, если только что указаннымъ путемъ повысилась воспроизводимость представленія M, которое по *близости* ассоціировано съ представленіемъ A (т. е. если воспроизводимость M повысилась на нѣкоторое время отъ одного лишь пребыванія въ сознаніи ассоціированнаго съ нимъ представленія X, которое, въ свое время, не успѣло его вызвать), то вслѣдствіе возникновенія представленія A легко можетъ возникнуть именно M; и этого, конечно, нельзя будетъ объяснить ассоціаціями смежности, сходства и контраста, такъ что возникновеніе представленія M покажется самопроизвольнымъ. Если же вслѣдствіе этого предрасположенія представленіе M будетъ вызвано еще нѣсколько разъ представленіями, которыя пройдутъ чрезъ сознаніе послѣ A, то M настолько ассоціируется уже по смежности съ общей массой этихъ представленій и съ сопровождающимъ ихъ самочувствіемъ, что будетъ возникать при самомъ ничтожномъ поводѣ и обратится, какъ бы въ навязчивую мысль. Что же касается ассоціаціи близости, то она можетъ возникнуть и отъ одного того, что *воспоминаніе* объ M было почему-нибудь прежде пережито вскорѣ послѣ *воспоминанія* объ A, такъ что она можетъ установиться и между такими представленіями, *предметы* которыхъ никогда *не воспринимались* одинъ вскорѣ послѣ другого. А при такихъ условіяхъ возникновеніе M послѣ A, вызванное вышеупомянутымъ предрасположеніемъ сознанія, приметъ вполнѣ видъ самопроизвольнаго возникновенія.

Нѣкоторые изъ указанныхъ количественныхъ законовъ воспроизведенія имѣютъ еще особое значеніе. Таковъ пятый законъ первой группы, гласящій, что наибольшей воспроизводимостью отличается то представленіе, которое связано съ наибольшимъ числомъ воспроизводящихъ представленій. Именно: изъ него вытекаетъ одно важное слѣдствіе, проливающее свѣтъ на многія, странныя съ перваго взгляда, явленія. Такъ какъ законъ ассоціаціи представленій распространяется на связь всевозможныхъ душевныхъ состояній, то, ясное дѣло, что онъ распространяется и на связь представленій съ самочувствіемъ: послѣднее тоже должно дѣйствовать, и если съ нимъ что нибудь ассоціировано, какъ одно изъ представленій, находящихся въ сознаніи *одновременно* съ другими воспроизводящими представленіями, т. е. должно повышать воспроизводимость всѣхъ представленій, ассоціированныхъ съ этимъ самочувствіемъ. Отсюда слѣдуетъ, что *тѣ представленія, которыя были пріобрѣтены при извѣстномъ самочувствіи, будутъ легко воспроизводиться при немъ же и гораздо труднѣе при другомъ самочувствіи, не похожемъ на прежнее, такъ что если самочувствіе рѣзко измѣнится, то прежнія представленія могутъ и совсѣмъ не воспроизводиться.* Этимъ объясняется, что мы почти всегда забываемъ наши сновидѣнія, причемъ можно наблюдать, что сравнительно лёгко сновидѣнія вспоминаются только въ первый моментъ послѣ пробужденія, пока мы еще не совсѣмъ очнулись. Но чѣмъ мы становимся бодрѣе, тѣмъ труднѣе ихъ вспомнить. Оттого мы очень мало помнимъ наши сновидѣнія, кромѣ нѣкоторыхъ, имѣвшихъ для насъ какое-либо важное значеніе. Съ перваго взгляда все это кажется очень загадочнымъ, но ссылкой на рѣзкія перемѣны самочувствія объясняется очень легко. Во время сна самочувствіе, конечно, совсѣмъ иное, чѣмъ при бодрствованіи, и съ тѣмъ бо́льшимъ трудомъ во время бодрствованія должно воспроизводиться все, связанное съ соннымъ самочувствіемъ. Совершенно такъ же объясняется и слѣдующій фактъ: при нѣкоторыхъ состояніяхъ ненормальнаго характера, вызванныхъ естественными причинами или искусственными (напримѣръ, въ бреду сомнамбулизма, опьяненія, при гипнозѣ), многія вещи переживаются, но не воспроизводятся при нормальномъ самочувствіи; при возвращеніи же ненормальнаго самочувствія иногда вспоминаются. Напримѣръ, часто цитируется въ психологіи разсказъ про посыльнаго, который, будучи пьянымъ, потерялъ ввѣренный ему пакетъ и, протрезвившись, никакъ не могъ его найти; напившись же съ горя снова, нашелъ его. Въ виду этого, еще нельзя ручаться, что въ обморокѣ и т. п. состояніяхъ люди ничего не сознаютъ: можетъ быть, вслѣдствіе сильной перемѣны самочувствія, они, очнувшись, только ничего не помнятъ о бывшемъ съ ними во время обморока. (Сравн. со сказаннымъ ч. I стр. 202—203).

Другое замѣчаніе надо сдѣлать по поводу еще одного закона: коль скоро наибольшей воспроизводимостью отличаются тѣ представленія, которыя

часто повторяются въ связи съ воспроизводящимъ, а это повтореніе можетъ быть очень многочисленнымъ, то иногда ассоціація между двумя представленіями, вслѣдствіе ихъ частаго повторенія другъ съ другомъ, можетъ дойти до того, что сдѣлается *неразрывной, т. е. столь сильной, что какъ только возникаетъ одно представленіе, такъ тотчасъ при всякихъ условіяхъ возникаетъ и другое.* Неразрывныя ассоціаціи образуются иногда еще и другими путями, именно: или потому, что одно изъ представленій было необычайно живо, или потому, что къ нему было привлечено чрезмѣрное вниманіе и т. п. Дѣло извѣстное, что если какое-нибудь событіе было необычайно важно для нашей жизни или вызвало сильныя эмоціи, то оно *обязательно* вспоминается по поводу тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ оно произошло. Но первый способъ (образованіе неразрывной ассоціаціи вслѣдствіе повторенія) оказывается, конечно, наиболѣе частымъ.

Если же ассоціація сдѣлалась неразрывной вслѣдствіе частаго повторенія, то хотя ею устанавливается между представленіями чисто механическая, или внѣшняя связь, послѣдняя, всетаки, невольно начинаетъ казаться связью внутренней, логической, т. е. сама собой разумѣющейся. Что это дѣйствительно такъ, подтвердить при помощи самонаблюденія въ высшей степени трудно; ибо всякому кажется, что въ его собственныхъ неразрывныхъ ассоціаціяхъ не одна механическая связь, а внутренняя, и всякій будетъ защищать ея внутренній характеръ. Поэтому для избѣжанія споровъ, волей-неволей, приходится въ видѣ подтверждающихъ примѣровъ ссылаться на такіе факты, которые переживаются не нами самими. Такъ, одинъ изъ сіамскихъ королей посадилъ датскаго консула въ тюрьму за явную ложь, состоявшую въ томъ, что, по словамъ консула, зимой на его родинѣ по замерзшимъ рѣкамъ можно переходить и даже переѣзжать на лошадяхъ. Очевидно, у сіамскаго короля, жителя жаркой страны, въ которой рѣки никогда не замерзаютъ, представленіе рѣки такъ неразрывно ассоціировалось съ представленіемъ ея жидкаго состоянія, что ему казалось внутренне невозможнымъ ѣздить по рѣкѣ на лошадяхъ: ему казалось само собой разумѣющимся, что вода можетъ быть всегда только въ видѣ жидкости.

Легко объяснить эту особенность неразрывныхъ ассоціацій. *Въ тѣхъ случаяхъ, когда два представленія находятся дѣйствительно во внутренней связи, представлять ихъ приходится совершенно такъ же, какъ и въ случаяхъ внѣшней, но неразрывной связи.* Вѣдь въ случаѣ внутренней, или логической связи между данными представленіями одного изъ нихъ нельзя представить безъ другого: напримѣръ, верхъ нельзя представить безъ низа; а въ неразрывныхъ ассоціаціяхъ тоже нельзя представить одно представленіе безъ другого. *Вотъ это-то сходство* и заставляетъ *казаться* неразрывно ассоціированныя представленія обладающими внутренней, или логической связью. И при научныхъ изслѣдованіяхъ надо не упускать изъ виду, что нерѣдко въ обыденной жизни *мы мно-*

жество мыслей считаемъ неоспоримыми, или самоочевидными истинами только потому, что элементы этихъ мыслей образовали между собой неразрывныя ассоціаціи и кажутся теперь намъ находящимися во внутренней, само собой разумѣющейся, связи, хотя на дѣлѣ они образуютъ всего лишь случайныя сочетанія, не имѣющія никакого обязательнаго значенія. Множество нравственныхъ, политическихъ и религіозныхъ убѣжденій суть ничто иное, какъ неразрывныя ассоціаціи, поддерживаемыя тѣмъ, что они исповѣдуются массой людей. Сюда же относятся всѣ, такъ называемыя *привычки* думать о вещахъ такъ, а не иначе.

Неразрывныя ассоціаціи могутъ являться и въ видѣ связи движеній съ движеніями, какъ это обнаруживается на движеніяхъ во время писанія, ѣды, танцевъ, ходьбы, плаванія и т. д. Конечно, здѣсь нельзя сказать, будто бы движенія *кажутся* связанными *внутренней*, или *логической* связью. Но зато съ ними послѣ того, какъ они вступили въ неразрывныя ассоціаціи, все-таки происходитъ что-то подобное, а именно: они начинаютъ вызывать другъ друга *автоматически*, т. е. *сами собой*, безъ участія нашего умысла. Для доказательства этого достаточно вспомнить только что упомянутые примѣры. Такъ, стоитъ только рѣшить начать ѣсть, чтобы всѣ необходимыя для зачерпыванія супа изъ тарелки, для поднесенія ложки ко рту и т. д. движенія сами собой вызывали другъ друга. Мало того: мы очень часто исправляемъ свое временное забвеніе того, какъ надо совершать движенія, при помощи автоматическихъ движеній. Такъ, усомнившись, какъ писать извѣстное слово, мы предоставляемъ это автоматическимъ движеніямъ руки, и рука пишетъ сама собой и въ высшей степени удачно выводитъ насъ изъ орѳографическаго затрудненія.

Въ заключеніе вопроса о неразрывныхъ ассоціаціяхъ упомянемъ еще о слѣдующемъ обстоятельствѣ. Несомнѣнно, что неразрывныя ассоціаціи играютъ большую роль въ развитіи душевной жизни. Отъ нихъ зависитъ въ значительной степени ея общій характеръ. Это внушило нѣкоторымъ изъ англійскихъ психологовъ *взглядъ, по которому на законы ассоціаціи вообще и неразрывной въ частности сводятся всѣ остальные законы нашей душевной жизни.* Но такой взглядъ, одно время сильно распространившійся и получившій имя *ассоціаціонной психологіи*, теперь уже исчезаетъ.

Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ взглядъ этотъ наталкивается на непреодолимыя затрудненія. Возьмемъ такой примѣръ: наша душевная жизнь несомнѣнно управляется закономъ, по которому нашъ умъ, встрѣчая любое явленіе, непремѣнно предполагаетъ, что у него есть своя причина. Ассоціаціонная психологія объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: мы всегда наблюдали, что у явленій были ихъ причины, и вслѣдствіе этого у насъ установилась неразрывная ассоціація между представленіемъ явленія и представленіемъ обладанія причиной. Но такое объясненіе упускаетъ изъ виду, что *неразрывность всѣхъ, такъ называемыхъ, неразрывныхъ ассоціацій лишь относительная и остается цѣлой лишь до тѣхъ поръ,*

пока не наступятъ благопріятныя для разрыва этихъ ассоціацій условія. Доказательство этого положенія очень просто: *при абсолютной неразрывности ассоціацій никакой прогрессъ и никакая перемѣна въ упрочившихся взглядахъ не были бы возможны*, но въ дѣйствительности они совершаются. Напримѣръ, была бы невозможна замѣна прежней точки зрѣнія, по которой солнце считали вращающимся вокругъ неподвижной земли, точкой зрѣнія Коперника; ибо картина, будто бы солнце вращается вокругъ земли, а земля остается неподвижной, наблюдается постоянно; и у каждаго человѣка неразрывная ассоціація между неподвижностью земли и движеніемъ солнца укрѣпляется ежедневно. Такимъ образомъ, все, казалось бы, говоритъ за абсолютную неразрывность этой ассоціаціи, а между тѣмъ она все-таки разорвалась настолько радикально, что для насъ теперь довольно трудно представить себѣ, какъ могли спорить съ Коперникомъ. Убѣжденіе же, что у каждаго явленія есть своя причина, отличается такой несокрушимостью, что его не можетъ поколебать ничто. Даже у тѣхъ самыхъ лицъ, которые объясняютъ это убѣжденіе, какъ простую неразрывную ассоціацію, вѣра въ него нисколько не уменьшается. Тотъ же Юмъ, напримѣръ, который проводилъ эту ассоціаціонную точку зрѣнія, тратитъ много труда на доказательства, что и воля подчинена закону причинности. А если онъ считалъ убѣжденіе, что повсюду дѣйствуетъ законъ причинности, простой неразрывной ассоціаціей, то ему не стоило бы никакого труда принять свободу воли безъ всякихъ колебаній; вѣдь коль скоро убѣжденіе въ существованіи своей причины у каждаго явленія служитъ *всего только* результатомъ привычки, т. е. неразрывной ассоціаціи, то еще нѣтъ основанія полагаться на это убѣжденіе, какъ на неоспоримую истину. Напротивъ, при такомъ взглядѣ на это убѣжденіе вполнѣ мыслимы исключенія изъ привычнаго правила, о которомъ говорится въ этомъ убѣжденіи, и можно было бы считать свободной отъ закона причинности не только волю, а все, что угодно.

29. Ассоціація сужденій.

Необходимо отмѣтить слѣдующее обстоятельство: говоря объ ассоціаціи *представленій*, мы все время вели рѣчь такъ, какъ это постоянно дѣлается во всей психологической литературѣ, именно — предполагая, что этими представленіями будутъ непремѣнно образы самихъ предметовъ, а не однихъ лишь ихъ названій. Поэтому и всѣ законы ассоціацій, какъ качественные (высказывающіе формы ассоціированія по близости, смежности и т. д.), такъ и количественные (высказывающіе условія, отъ которыхъ зависитъ степень воспроизводимости или воспроизводящей силы даннаго представленія) мы называли, какъ это общепринято, законами ассоціацій *представленій*. Но, по мнѣнію проф. А. И. Введенскаго, было бы гораздо точнѣе называть ихъ болѣе общимъ именемъ—законами ассоціацій *мыслей*,

такъ чтобы они относились сразу и къ образамъ самихъ предметовъ, и къ *сужденіямъ*, будутъ ли послѣднія воплощены въ образы самихъ предметовъ, или же въ образы однихъ лишь ихъ названій, это все равно. Дѣло въ томъ, что существуютъ люди, если и не вполнѣ, то почти лишенные образовъ самихъ предметовъ, люди, у которыхъ при мышленіи образы предметовъ почти всегда замѣняются образами ихъ названій. Законы же ассоціацій, какъ качественные, такъ и количественные, дѣйствуютъ и въ такихъ людяхъ: по крайней мѣрѣ *съ ихъ стороны не слышится никакихъ возраженій противъ этихъ законовъ*. Но у нихъ не образъ *предмета* вызываетъ ассоціированный съ нимъ по смежности (напримѣръ, по сосѣдству въ пространствѣ) образъ *другого предмета*, но образъ *названія* одного предмета вызываетъ образъ *названія* другого предмета. Однако, врядъ ли кто станетъ оспаривать, что названія сравнительно легко ассоціируются между собой и сравнительно легко вызываютъ другъ друга только въ томъ случаѣ, если понимается значеніе каждаго изъ нихъ. Если я понимаю значеніе всѣхъ названій, которыя сейчасъ будутъ упомянуты, то *названіе* „Соловьевскій скверъ“ легко можетъ вызвать во мнѣ образъ *названія* „Академія художествъ“, или *названія* „первый кадетскій корпусъ“, или *названія* „Нева“ и т. д. Если же значеніе этихъ названій мнѣ непонятно, то они не будутъ ни вызывать другъ друга, ни ассоціироваться одно съ другимъ, кромѣ того случая, что я умышленно путемъ многократнаго повторенія заучу ихъ рядомъ другъ съ другомъ. Да и то такая ассоціація, искусственно установленная между самими названіями, невстрѣчающая никакой поддержки со стороны ихъ смысла, или значенія, отличается крайней непрочностью: она быстро разрушается, а устанавливается съ большимъ трудомъ — путемъ многократныхъ повтореній, сопровождаемыхъ сильнѣйшимъ напряженіемъ вниманія. Сравнительно легко и сравнительно прочнымъ образомъ можно заучить сочетанія словъ только съ помощью пониманія ихъ значенія: такъ, любое стихотвореніе, любая молитва, любой прозаическій отрывокъ сравнительно легко *и заучиваются, и воспроизводятся* наизусть и *слово въ слово* лишь съ помощью пониманія значенія всѣхъ заучиваемыхъ словъ. Но у лицъ, приближающихся къ чисто словесному типу, пониманіе значенія названій обыкновенно состоитъ не въ томъ, чтобы образы названій возбуждали въ нихъ образы называемыхъ предметовъ, но въ возникновеніи однихъ лишь *сужденій* объ этихъ предметахъ, которыя воплощаются въ образы ихъ названій, а не въ образы самихъ предметовъ. Изъ всего этого ясно, что если у нихъ сравнительно легко образъ *названія* какого-нибудь предмета, напримѣръ — Соловьевскаго сквера, вызываетъ образъ *названія* сосѣдняго предмета, напримѣръ — Академіи художествъ, и если такая ассоціація между этими названіями устанавливается тоже сравнительно легко, то это потому, что у такихъ лицъ ассоціируются между собой *сужденія*, воплощенныя въ эти названія. Слѣдовательно, всѣ *законы ассоціацій представленій оказываются законами ассоціацій не только образовъ, но и сужденій, которыя воплощаются въ переживаемые нами*

образы. Поэтому гораздо точнѣе было бы употреблять выраженіе „ассоціація *мыслей*“ вмѣсто „ассоціація *представленій*.

Тѣмъ, что сужденія тоже подчиняются законамъ ассоціацій, объясняется *возможность кажущагося знанія какого-нибудь научнаго предмета, именно — знанія этого предмета безъ его пониманія, при чемъ здѣсь заучиваются вовсе не слова и рѣчи, излагающія этотъ предметъ, но мысли, необходимыя для его изложенія, а все таки отсутствуетъ пониманіе выученнаго предмета*. Это явленіе нерѣдко наблюдается въ жизни любой школы. Нѣкоторые учащіеся настолько усваиваютъ какой-либо предметъ, что при той торопливости, съ какой приходится производить университетскіе экзамены, кажутся вполнѣ свѣдущими въ этомъ предметѣ и отлично выдерживаютъ экзаменъ, между тѣмъ какъ, по ихъ же собственному убѣжденію, которое вполнѣ подтверждается, если съ ними подольше и пообстоятельнѣе побесѣдовать объ этомъ предметѣ, они вовсе не понимаютъ выученнаго ими. Между тѣмъ они отнюдь не ограничились въ своемъ изученіи этого предмета чисто механическимъ заучиваніемъ (или, какъ говорится на школьномъ жаргонѣ, зазубриваніемъ) однихъ лишь словъ и рѣчей, излагающихъ этотъ предметъ: они, напротивъ, легко и правильно передаютъ его своими собственными словами и даже хорошо отвѣчаютъ на разные вопросы, предлагаемые имъ въ разбивку, между тѣмъ, по ихъ же собственному убѣжденію, вовсе не понимаютъ выученнаго ими. Какъ же пріобрѣтается ими такое знаніе, и въ чемъ же состоитъ ихъ непониманіе выученнаго ими?

Пріобрѣтеніе ими этого знанія сводится къ *механическому ассоціированію* между собой (почти всегда по смежности) тѣхъ *сужденій*, которыми изложенъ данный предметъ въ выученномъ ими учебникѣ. Эти сужденія они могутъ воплощать въ какія угодно рѣчи, а не только въ тѣ, которыя уже построены въ учебникѣ, такъ что эти сужденія совершенно свободно возникаютъ у нихъ въ надлежащемъ порядкѣ при любомъ строѣ рѣчи, которой они передаютъ ихъ экзаменатору, и при любой редакціи вопросовъ, предлагаемыхъ экзаменаторомъ; но все ихъ знаніе ограничивается лишь механическимъ ассоціированіемъ этихъ сужденій, такъ что *они узнали и выучили не самый предметъ, о которомъ говорится въ приготовленномъ ими учебникѣ, но всего только изложенные тамъ ряды чужихъ сужденій по поводу этого предмета*. Самый же предметъ остается неизвѣстнымъ для нихъ: онъ подмѣненъ ими во время изученія учебника *чужими* сужденіями объ этомъ предметѣ. Они-то и внѣшній порядокъ ихъ соединенія другъ съ другомъ и сдѣлались предметомъ изученія, состоящаго въ механическомъ ассоціированіи этихъ сужденій другъ съ другомъ—главнымъ образомъ по смежности, отчасти же по близости, сходству и контрасту содержанія. Чувствуя, что у нихъ произошла такая подмѣна самого изучаемаго предмета другимъ предметомъ (именно рядами *чужихъ* сужденій по поводу изучаемаго предмета), учащіеся, и говорятъ вполнѣ справедливо, что, хотя они отлично выучили этотъ предметъ

(въ разсматриваемомъ случаѣ они почти всегда даже претендуютъ на полученіе высшей экзаменаціонной отмѣтки), но рѣшительно не понимаютъ его.

Что же касается этого непониманія отлично выученнаго предмета, то оно можетъ быть двоякимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда выученныя сужденія находятся въ логической связи другъ съ другомъ, образуютъ другъ для друга посылки и вытекающіе изъ нихъ выводы, какъ это бываетъ, напримѣръ, при доказательствѣ геометрическихъ теоремъ, непониманіе выученнаго предмета состоитъ въ томъ, что самъ учащійся никогда не переживалъ въ *собственномъ* мышленіи этой логической связи, никогда не додумывался до *собственнаго* усмотрѣнія ея существованія между ассоціированными имъ сужденіями: онъ ограничился лишь запоминаніемъ *чужихъ* мыслей объ ея существованіи да надлежащаго порядка и содержанія тѣхъ сужденій, между которыми существуетъ эта связь. Поэтому, когда онъ высказываетъ выводъ, вытекающій изъ указанныхъ имъ посылокъ, то этотъ выводъ ни разу не возникалъ въ его головѣ, какъ его *собственное* сужденіе, *впервые* сложившееся въ ней вслѣдствіе переживанія ею посылокъ, требующихъ этого вывода, а всегда этотъ выводъ мыслился имъ, какъ *чужое* сужденіе, ассоціированное имъ по смежности съ тѣми сужденіями, которыя авторъ учебника выставилъ, какъ посылки, требующія этого вывода. Путемъ подобнаго ассиціированія въ надлежащемъ порядкѣ *чужихъ* сужденій, служащихъ другъ для друга посылками и выводами, а съ другой стороны *чужихъ же* сужденій о томъ, что именно служитъ въ первыхъ посылками, а что выводомъ, получается вполнѣ пригодное для удачнаго (торопливо производимаго) экзамена знаніе предмета, напримѣръ, —доказательства теоремы, безъ всякаго пониманія этого предмета.

И надо замѣтить, что такой способъ заучиванія умозаключеній, безъ всякой собственной провѣрки ихъ правильности, къ сожалѣнію, составляетъ нерѣдкое явленіе. Далеко не всѣ любятъ сами мыслить и сами умозаключать: множество людей гораздо охотнѣе предоставляетъ продѣлывать эту работу другимъ, авторитету которыхъ они довѣряютъ, а сами ограничиваются ассоціированіемъ чужихъ сужденій вмѣстѣ съ чужими же сужденіями о томъ, что первыя служатъ другъ для друга посылками и выводами. Нѣкоторые даже думаютъ въ началѣ своего обученія въ высшей школѣ, будто бы изученіе науки сводится лишь къ запоминанію чужихъ мыслей, выработанныхъ въ ней, а не въ возбужденіи по ихъ образцу въ своемъ умѣ своихъ собственныхъ мыслей, не въ самостоятельной подробной провѣркѣ всѣхъ узнанныхъ чужихъ мыслей и чужихъ умозаключеній.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда чужія сужденія образуютъ не умозаключенія, но систематическое описаніе какого-нибудь даннаго въ опытѣ предмета, изученіе послѣдняго безъ его пониманія сводится къ такому ассоціированію этихъ сужденій, при которомъ ни содержаніе каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, ни ихъ сочетанія между собой не провѣряются путемъ разсмотрѣнія самого описываемаго ими предмета, такъ что взамѣнъ самого предмета, при разсмотрѣніи котораго возникали бы *собственныя*

сужденія о немъ въ головѣ учащагося, послѣдній заучиваетъ лишь *чужія* сужденія объ этомъ предметѣ. Напримѣръ, учащійся вовсе не разсматриваетъ своихъ единичныхъ представленій, а заучиваетъ лишь *чужія* сужденія по поводу этого предмета безъ всякой провѣрки ихъ путемъ самонаблюденія.

Вслѣдствіе этого нерѣдко возникаетъ и такое явленіе: когда что-нибудь натолкнетъ учащагося на самонаблюденіе надъ своими переживаніями, напримѣръ — надъ единичными представленіями, то онъ относится къ нимъ какъ къ чему-то новому, совершенно неизвѣстному ему, хотя отлично выучилъ и твердо помнитъ все психологическое ученіе объ этихъ представленіяхъ; но ни одно изъ образующихъ его сужденій не приходитъ ему теперь въ голову. Это — оттого, что всѣ эти сужденія усвоены имъ, какъ чужія, и ассоціированы только между собой, а не съ самимъ предметомъ, который описывается этими сужденіями, напримѣръ — не съ самими единичными представленіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ у такихъ людей при разсмотрѣніи предмета, описаніе котораго заучено ими въ видѣ ряда чужихъ сужденій объ этомъ предметѣ, иногда возникаетъ такое *собственное* сужденіе о немъ, которое вполнѣ совпадаетъ съ однимъ изъ заученныхъ ими, но они не замѣчаютъ этого и относятся къ такому сужденію, какъ бы къ знанію, *впервые* пріобрѣтенному ими. И они правы: знаніе самого разсматриваемаго ими предмета дѣйствительно пріобрѣтено ими лишь теперь; оно впервые возникло у нихъ въ головѣ въ видѣ *собственнаго* сужденія, вызваннаго наблюденіемъ этого предмета; а до той поры они знали всего лишь *чужія* мысли, т. е. *чужія* сужденія о немъ, и у нихъ еще не было собственныхъ сужденій о немъ, которыя возникали бы у нихъ самихъ при наблюденіи надъ изучаемымъ предметомъ.

Психологи не говорятъ объ ассоціированіи сужденій, какъ объ особомъ случаѣ ассоціированія мыслей, а поэтому и не упоминаютъ и о только что указанныхъ фактахъ, хотя послѣдніе несомнѣнно существуютъ и нерѣдко встрѣчаются въ школьной жизни. Этимъ путемъ психологи оставляютъ своихъ читателей въ обычномъ заблужденіи, будто бы существуетъ только одинъ видъ непониманія, именно — непониманіе значенія словъ и образованныхъ изъ нихъ предложеній, т. е. непониманіе *рѣчи*. Но сверхъ этого, какъ мы видѣли, можетъ быть еще непониманіе *сужденій*, обозначаемыхъ этой рѣчью, при чемъ сама-то рѣчь понимается вполнѣ правильно. Она вызываетъ въ умѣ слушающаго или читающаго ее всѣ обозначаемыя ею сужденія, и послѣднія ассоціируются между собой въ томъ же порядкѣ, какъ они высказаны этой рѣчью. Но этимъ дѣло и ограничивается: не происходитъ при этомъ ни провѣрки умозаключеній, ни провѣрки содержанія сужденій посредствомъ сравненія ихъ съ образомъ предмета или съ самимъ предметомъ, къ которому относятся эти сужденія. Непониманіе рѣчи и попытки изучать научный предметъ посредствомъ заучиванія одной лишь рѣчи безъ всякаго ея пониманія (попытки зазубривать учебникъ слово въ слово) наблюдаются лишь въ гимназіяхъ. Въ университетѣ же это — крайне рѣдкое

явленіе, встрѣчаемое (все-таки!) не больше раза или двухъ въ годъ. Попытки же изучать одни лишь чужія сужденія безъ ихъ пониманія, къ сожалѣнію, встрѣчаются и въ университетѣ чаще, чѣмъ хотѣлось бы.

До сихъ поръ мы говорили объ ассоціаціи сужденій съ сужденіями. Но сужденія могутъ вступать въ ассоціаціи и съ воспріятіями, и съ образами предметовъ, и съ образами словъ. У человѣка, изучившаго самый предметъ, а не одни лишь чужія сужденія о немъ, при воспріятіи этого предмета по ассоціаціи тотчасъ же возникаютъ ряды сужденій, образованныхъ прежде имъ самимъ объ этомъ предметѣ. Такъ, врачъ при осмотрѣ больного тотчасъ же вспоминаетъ всѣ сужденія о наблюдаемыхъ имъ у больного симптомахъ. И истинное изученіе данныхъ въ опытѣ предметовъ сводится, прежде всего, къ установленію ассоціацій между этими предметами или ихъ образами, съ одной стороны, и рядомъ сужденій объ этихъ предметахъ, съ другой. А такъ какъ сужденія приходится постоянно высказывать рѣчью, то отъ частаго повторенія рѣчи въ связи съ сужденіями послѣднія вступаютъ съ ней въ столь прочную ассоціацію, что услышанная или прочитанная рѣчь почти обязательно вызываетъ сужденія, которыя могли бы обозначаться этой рѣчью, и наоборотъ — всякое сужденіе, если только на него обращается наше вниманіе, возникаетъ въ сознаніи не иначе, какъ въ связи съ образомъ высказывающей его рѣчи, что составляетъ, такъ называемую, *внутреннюю рѣчь*. Впрочемъ, мы уже говорили, что въ дѣйствительности почти всегда возникаетъ лишь частичный образъ той рѣчи, которая сполна высказывала бы данное сужденіе, и что онъ только ошибочно принимается нами за полный образъ. (См. ч. II стр. 30).

Все сказанное объ ассоціированіи сужденій лишній разъ показываетъ, какъ ошибаются психологи, которые вмѣстѣ съ обыденной жизнью разсматриваютъ сужденія, какъ что-то вторичное, производное относительно представленій, а не какъ самостоятельный, несводимый на образы, элементъ душевной жизни. Конечно, у насъ нѣтъ ровно никакихъ основаній думать, чтобы сужденія переживались безъ всякихъ образовъ, даже словесныхъ; но это не значитъ, что они не образуютъ самостоятельнаго, несводимаго на образы, элемента. Они столь же мало сводятся на образы, т. е. на комбинаціи слабыхъ ощущеній, какъ и ощущенія на сужденія. Единственно правильная точка зрѣнія, это—дуализмъ состава познавательныхъ явленій, утверждающій, что каждое изъ нихъ слагается изъ соединенія ощущеній съ чистой мыслью.

30. Узнаваніе представленій и воспріятій. Субъективность времени.

Воспоминаніями называются лишь тѣ изъ воспроизведенныхъ представленій, переживаніе которыхъ сопровождается чувствомъ знакомости съ содержаніемъ, т. е. знаніемъ того, что это содержаніе когда-то было воспринято нами. Такимъ образомъ, *всякое воспоминаніе есть*

воспроизведенное представленіе, но обратнаго еще нельзя сказать; ибо, какъ доказываютъ факты въ родѣ сообщаемаго Мори, бываютъ у насъ представленія, которыя въ концѣ концовъ оказываются воспроизведенными, но, пока они переживаются нами, еще не узнаются нами, какъ знакомыя намъ. Ихъ содержаніе не узнается, какъ прежде пережитое нами, а поэтому мы даже и не принимаемъ ихъ за воспроизведенныя, хотя въ дѣйствительности они принадлежатъ къ числу воспроизведенныхъ. Вотъ это *чувство знакомости съ содержаніемъ тѣхъ воспроизведенныхъ представленій, которыя называются воспоминаніями, т. е. сопровождающее ихъ сознаніе или увѣренность, что ихъ содержаніе уже было когда-то воспринято нами, называется узнаваніемъ или воспризнаніемъ представленій, такъ что воспоминаніемъ называется воспроизведенное представленіе, сопровождающееся узнаваніемъ.*

Узнаваніе представленій всѣми приписывается только памяти, а не какой-либо другой способности. Болѣе того: хотя воспроизведеніе представленій можетъ совершаться и безъ узнаванія, какъ это видно изъ фактовъ въ родѣ сообщаемаго Мори, но понятіе-то *памяти*, какъ показываетъ уже ея названіе, впервые складывается у насъ лишь благодаря тому, что у насъ есть *воспоминанія*, т. е. благодаря тому, что нѣкоторыя изъ воспроизведенныхъ представленій сопровождаются узнаваніемъ. Дѣйствительно: если воспроизведенное представленіе не сопровождается узнаваніемъ, то мы и не догадываемся о томъ, что оно принадлежитъ къ числу воспроизведенныхъ (какъ это было съ Мори въ его разсказѣ). Слѣдовательно, понятіе памяти впервые можетъ придти въ голову только благодаря узнаванію. Поэтому понятно, что въ то время, какъ самый фактъ воспроизведенія представленій многіе приписываютъ воспроизводящему, иначе—репродуктивному, воображенію, ихъ узнаваніе всѣми приписывается только памяти, такъ что споръ о функціяхъ памяти и воображенія касается одного лишь воспроизведенія. Намъ же по причинамъ, указаннымъ въ 20 главѣ, нѣтъ никакой надобности углубляться въ этотъ споръ; ибо мы должны *объяснять* душевныя явленія не душевными способностями, а только законами, управляющими самими же явленіями. Поэтому даже и узнаваніе представленій, дѣлающее ихъ въ нашихъ глазахъ воспоминаніями, мы будемъ разсматривать независимо отъ того, какой душевной способностью порождается это явленіе.

И прежде всего отмѣтимъ, что *узнаваніе представленій всегда сводится къ, такъ называемой, локализаціи содержанія узнаннаго представленія во времени.* Дѣйствительно: что значитъ *узнать* представленіе? Это значитъ—узнать, что содержаніе даннаго представленія относится къ какому-нибудь моменту нашей прежней жизни, т. е. локализировать это содержаніе въ нашемъ прошломъ. Надо замѣтить, что локализируется во времени лишь *содержаніе* представленій, но ради краткости выраженія мы говоримъ *„локализація представленій“* или *„локализація воспоминаній“*. Локализація представленій, разумѣется, можетъ быть и болѣе точной

(когда мы относимъ содержаніе представленія къ *точно опредѣленному моменту* нашего прошлаго, по крайней мѣрѣ, относимъ его къ опредѣленному періоду нашего прошлаго), и болѣе грубой (когда мы знаемъ только-то, что содержаніе представленія относится *вообще* къ прошлому нашей жизни, не давая себѣ отчета, къ какому именно моменту или періоду прошлаго). Но очевидно,что *наряду съ локализаціей всегда будетъ и узнаваніе представленія*: если я отношу, грубо или точно, содержаніе представленія къ своему прошлому, то тѣмъ самымъ я *узнаю* данное представленіе, какъ прежде воспринятое или пережитое. Такимъ образомъ, узнаваніе представленія есть ничто иное, какъ его локализація въ прошломъ, и *объясненіе узнаванія воспроизведенныхъ представленій сводится къ объясненію ихъ локализаціи въ нашемъ прошломъ. Представленія сознаются нами, какъ воспоминанія, оттого, что они локализируются въ прошломъ.*

При изученіи локализаціи воспоминаній можно до нѣкоторой степени и не ограничиваться только субъективными наблюденіями, а свѣрять ихъ и съ объективными. Первыя же показываютъ, а вторыя подтверждаютъ, что *общій* характеръ того, какимъ путемъ распредѣляются воспоминанія во времени, слѣдующій: мы запоминаемъ порядокъ наиболѣе *крупныхъ* событій нашей жизни, а по нимъ уже размѣщаемъ остальныя. *Иногда* же, вмѣсто того, мы запоминаемъ года или другія хронологическія даты крупныхъ событій и чрезъ ихъ посредство приблизительно распредѣляемъ по годамъ или другимъ датамъ остальныя событія. Напримѣръ: это событіе случилось до того года, какъ я кончилъ гимназію, но послѣ того года, какъ я перенесъ дифтеритъ. Большинство же людей обыкновенно обходятся безъ годовъ, а локализируютъ представленія прямо по крупнымъ событіямъ — по эпидеміямъ, пожарамъ, смѣнамъ властей и т. д. Это было, говорятъ они, послѣ холеры, но раньше пожара и т. д. Эти крупныя событія, слѣдовательно, служатъ *опорными пунктами* для локализаціи воспоминаній во времени. Пусть такъ они и называются нами. Понятно, что эти опорные пункты—вещь чисто индивидуальная: для однихъ—это школьныя событія, для другихъ—холера, пріѣздъ новаго губернатора и т. п. Итакъ, *локализація воспоминаній о второстепенныхъ прежнихъ событіяхъ производится тѣмъ путемъ, что всѣ событія, болѣе или менѣе второстепенныя съ точки зрѣнія локализирующаго лица, разстанавливаются между двумя опорными пунктами, до и послѣ которыхъ они были, причемъ у нѣкоторыхъ лицъ воспоминаніе о самихъ-то опорныхъ пунктахъ связывается съ соотвѣтствующими имъ годами или другими хронологическими датами, а у большинства порядокъ, въ которомъ совершались событія, служащія для нихъ опорными пунктами, устанавливается безъ всякой связи съ какими-либо хронологическими датами.*

Какимъ же образомъ производится локазизація самихъ-то опорныхъ пунктовъ? При объясненіи локализаціи опорныхъ пунктовъ обратимъ осо-

бенное вниманіе на слѣдующее обстоятельство: *времени самого по себѣ, т. е. пустого, отдѣленнаго отъ всякихъ событій, мы не наблюдаемъ и не можемъ даже его себѣ представить, а представляемъ его себѣ посредствомъ представленія смѣны событій.* Пустое же время мы можемъ только *мыслить*, представляя вмѣсто *него самого* либо его названіе, либо какой-нибудь символизирующій образъ, напримѣръ, безконечную линію и т. п. *Если бы* мы могли *представить само пустое время*, то, раздѣливъ его на рядъ послѣдовательныхъ клѣточекъ и помѣщая въ представленіи времени опорный пунктъ А въ такую-то клѣточку, опорный же пунктъ В въ одну изъ позднѣйшихъ, мы легко могли бы знать, въ какомъ порядкѣ шли сами опорные пункты. Но никакихъ подобныхъ клѣточекъ, а равно и самого времени безъ всякихъ событій мы себѣ не представляемъ. Время представляется нами только посредствомъ представленія бывшихъ въ немъ событій. Отъ этого-то и зависитъ слѣдующее явленіе: прошлое время намъ кажется длиннѣе, если наши воспоминанія о немъ, т. е. о происшедшихъ въ немъ событіяхъ, богаче, и короче, если этихъ воспоминаній мало. Напримѣръ, кажутся длиннѣе тѣ періоды исторіи, которые мы знаемъ подробнѣе: русская исторія кажется длиннѣе, чѣмъ современная ей западная, греческая—длиннѣе, чѣмъ египетская, и т. п., хотя хронологически все это невѣрно. Это происходитъ именно потому, что мы не представляемъ себѣ самого времени, а время мы представляемъ только чрезъ представленіе смѣны событій. А отсюда слѣдуетъ, что локализація опорныхъ пунктовъ не можетъ происходить чрезъ пріуроченіе каждаго изъ нихъ къ представленію опредѣленной части времени: представлять себѣ время и его части это то же самое, что представлять себѣ смѣну тѣхъ событій, о локализаціи которыхъ у насъ идетъ рѣчь.

Между тѣмъ порядокъ прошлыхъ событій, служащихъ опорными пунктами, мы все-таки знаемъ. Какъ же это узнается нами? Сколько ни присматриваться къ воспоминаніямъ, самое большее, что можно сказать, и то не подмѣтить, но только *предположить* съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, это то, что *самые основные опорные пункты припоминаются въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они происходили и въ дѣйствительности* (а не только въ ходѣ нашихъ воспоминаній). *Больше этого нельзя ничего утверждать, да и это-то обстоятельство (повтореніе воспоминаній объ опорныхъ пунктахъ въ порядкѣ ихъ дѣйствительнаго слѣдованія) не столько наблюдается, сколько намъ кажется, что оно должно быть.*

Но допустимъ, что это предположеніе вполнѣ справедливо; этимъ все-таки вопросъ еще не рѣшенъ. Ссылаясь для объясненія локализаціи самихъ опорныхъ пунктовъ на то, что воспоминанія о нихъ проходятъ въ нашемъ сознаніи въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ совершались событія, служащія опорными пунктами, мы должны прежде всего рѣшить вопросъ: *какимъ же образомъ мы узнаемъ, что мы вспоминали сначала А, потомъ В, потомъ С* и т. д., т. е. какъ мы узнаемъ порядокъ, въ которомъ шли *воспоминанія* объ опорныхъ пунктахъ? Вѣдь когда мы вспо-

минали *B*, то уже перестали вспоминать *A*, а когда вспоминали *C*, то перестали вспоминать *B*. Слѣдовательно, вмѣсто прежней загадки передъ нами возникла другая, такая же, какъ и прежняя: вмѣсто того, чтобы спрашивать себя, какъ мы узнаемъ, въ какомъ порядкѣ шли сами воспоминаемыя *событія*, служащія опорными пунктами, мы должны спросить себя, какъ мы узнаемъ потомъ, въ какомъ порядкѣ шли *воспоминанія* о нихъ; но вѣдь воспоминанія суть ничто иное, какъ событія въ нашемъ сознаніи.

Тэнъ, а вслѣдъ за нимъ Рибо объясняютъ это слѣдующимъ путемъ: они говорятъ, что всякое возникшее въ насъ представленіе оставляетъ послѣ себя слѣдъ, остатокъ котораго *еще продолжается, когда уже возникло слѣдующее представленіе*. Такъ, пережитое представленіе *A* оставляетъ послѣ себя слѣдъ *a*, и этотъ слѣдъ еще *продолжаетъ* быть въ сознаніи, когда уже возникло слѣдующее за *A* представленіе *B*. По этому-то слѣду мы и догадываемся, что передъ *B* было *A*.

Но во-1), въ чемъ состоитъ этотъ слѣдъ? Вѣдь его никто не можетъ подмѣтить въ своемъ сознаніи посредствомъ самонаблюденія. Предположеніе подобныхъ слѣдовъ есть ничто иное, какъ произвольное приписываніе такихъ переживаній нашему сознанію, которыхъ никто не сознаетъ.

2) Да если бы и были подобные слѣды, то въ нихъ мало толку. Назовемъ воспоминанія объ опорныхъ пунктахъ прописными буквами *A*, *B*, *C*, а ихъ слѣды — тѣми же малыми буквами. Тогда въ первое мгновеніе у насъ пройдетъ въ сознаніи представленіе *A*, во второе — представленіе *Ba* (т. е. *B* и *a*, служащее слѣдомъ *A*), дальше *Cb* (т. е. *C* и слѣдъ *B*), и т. д. И вотъ, если мы *уже* знаемъ, что *a* есть слѣдъ, который остался *послѣ A*, то, видя *Ba*, мы *можемъ* сообразить, что передъ этимъ было *A* (потому что *a* должно остаться *послѣ* него, какъ его слѣдъ); но какъ же мы узнаемъ, что передъ *a* было *A*, а не *C* и не *D* и т. д., коль скоро *еще нѣтъ* средства опредѣлить, какія представленія были раньше, какія позже, а оно еще должно возникнуть при помощи подобнаго знанія? Такимъ образомъ, мы снова натолкнулись на прежнюю загадку, но въ измѣненномъ видѣ: прежде мы спрашивали, какъ мы узнаемъ, что было передъ представленіемъ *B*; а теперь спрашиваемъ, какъ мы узнаемъ, что было передъ слѣдомъ *a*.

Очевидно, приходится просто признать, безъ всякой надежды разложить разсматриваемый фактъ на какія бы то ни было комбинаціи представленій, а слѣдовательно и ощущеній, что содержаніе нѣкоторыхъ представленій *непосредственно* (это значитъ — безъ помощи другихъ представленій) сознается (отъ одного того, что эти представленія возникаютъ въ сознаніи), какъ относящееся къ нашему прошлому и какъ пережитое въ немъ въ такомъ-то опредѣленномъ порядкѣ, *т. е. наше сознаніе подчинено такому закону, что коль скоро мы сознаемъ свои представленія, то черезъ одно это нѣкоторыя изъ нихъ локализируются въ прошломъ въ опредѣленномъ порядкѣ, а при ихъ помощи локализируются въ немъ и остальныя.*

Вмѣстѣ съ тѣмъ можно доказать, что *для насъ неизбѣжно сознавать нѣкоторыя изъ представленій, какъ бы воспоминанія* (хотя бы и иллюзорныя), *т. е. неизбѣжно локализировать ихъ въ своемъ прошломъ, коль скоро у насъ есть сознаніе и коль скоро оно подчинено тому закону, что все сознается нами не иначе, какъ въ формѣ времени. Другими словами*, если употреблять языкъ душевныхъ способностей: *можно доказать неотдѣлимость сознанія, подчиненнаго формѣ времени, отъ памяти* (хотя бы и иллюзорной), *неизбѣжность послѣдней для перваго.*

Это доказательство состоитъ въ слѣдующемъ разсужденіи. *Время само по себѣ нами не сознается: оно сознается нами не иначе, какъ въ видѣ сознанія смѣны событій, которыя его наполняютъ.* А чтобы вообще сознавать время, непремѣнно надо сознавать прошлое: безъ него мы не могли бы догадаться даже о томъ, что у времени есть будущее, потому что мысль о будущемъ является у насъ не иначе, какъ черезъ противоположеніе его прошедшему. *Будущее есть то, чего мы ожидаемъ на основаніи прошедшаго.* Что же до настоящаго, то оно составляетъ всего лишь *мгновенно исчезающую границу между прошедшимъ и будущимъ;* поэтому его можно сознавать только въ томъ случаѣ, если мы уже сознаемъ прошедшее и уже имѣемъ мысль о будущемъ. Такимъ образомъ, *основой сознанія времени служитъ сознаніе прошедшаго* (потому что, повторимъ это еще разъ, нельзя сознавать настоящее само по себѣ, не противопоставляя его прошедшему и будущему, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя имѣть никакой мысли о будущемъ безъ противопоставленія его прошлому). Но *прошедшее можно сознавать только въ видѣ воспоминаній о бывшихъ въ немъ событіяхъ.* Поэтому, *коль скоро для нашего сознанія неизбѣжно сознавать все во времени, т. е. если оно подчинено формѣ времени, то неизбѣжно, чтобы въ немъ были такія представленія, которыя мы сознавали бы, какъ воспоминанія о нашемъ прошломъ, хотя бы они были даже чисто иллюзорными воспоминаніями, т. е. не соотвѣтствовали ничему дѣйствительному. Важно не то, чтобы они были истинными воспоминаніями, а только то, чтобы они сознавались нами, какъ относящіяся къ нашему прошлому, т. е. чтобы они сопровождались узнаваніемъ. Такимъ образомъ, существованіе представленій, сопровождаемыхъ узнаваніемъ, а съ нимъ и локализаціей во времени, неизбѣжно для сознанія, подчиненнаго формѣ времени.*

Изъ сказаннаго объ узнаваніи представленій, т. е. о локализаціи воспоминаній, вытекаютъ два чрезвычайно важныхъ и совершенно неожиданныхъ для всѣхъ сенсуалистовъ слѣдствія: *1) мы сознаемъ все во времени только оттого, что у насъ есть сужденія, т. е. сознаніе времени обусловлено сужденіями; 2) у насъ есть нѣкоторыя неизбѣжныя для нашего сознанія сужденія*, именно—настолько же неизбѣжныя, насколько для насъ неизбѣжно все сознавать не иначе, какъ во времени.

Въ самомъ дѣлѣ: не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что *само-то локализація воспоминанія во времени* (къ которой, какъ мы видѣли,

сводится узнаваніе этого представленія, дѣлающее его въ нашихъ глазахъ воспоминаніемъ), *въ свою очередь, сводится къ сужденію о содержаніи этого даннаго представленія, какъ относящемся къ нашему прошлому.* Тѣмъ самымъ, что я принимаю представленіе за воспоминаніе, я произношу мысленно сужденіе въ родѣ слѣдующихъ: „это уже я переживалъ"; „это было тогда то, именно раньше того-то и послѣ того-то" и т. п. Опорные же пункты служатъ лишь тѣмъ средствомъ, съ помощью котораго устанавливается, какъ надо *судить* о содержаніи даннаго воспоминанія, именно: они указываютъ, какъ надо *судить* объ отношеніи времени этого воспоминанія къ времени двухъ опорныхъ пунктовъ. Отсюда ясно, что если я сознаю прошлое, то это только потому, что къ нѣкоторымъ моимъ представленіямъ невольно присоединяются сужденія о времени, къ которому относится содержаніе этихъ представленій: безъ такого присоединенія сужденій къ представленіямъ мы, очевидно, не могли бы сознавать прошлаго. А такъ какъ уже доказано, что сознаніе времени вообще обусловлено сознаніемъ прошедшаго, то ясно, что сознаніе времени вообще обусловлено сужденіями (именно тѣмъ, что къ нѣкоторымъ нашимъ представленіямъ присоединяются сужденія, вслѣдствіе которыхъ эти представленія являются въ нашихъ глазахъ воспоминаніями), что и требовалось доказать.

2) Вмѣстѣ съ тѣмъ уже было доказано, что для нашего сознанія *неизбѣжно* переживать такія представленія, которыя *являлись бы* въ нашихъ глазахъ воспоминаніями; по крайней мѣрѣ, это настолько же неизбѣжно, насколько неизбѣжно сознавать все не иначе, какъ во времени. А такъ какъ представленіе является въ нашихъ глазахъ воспоминаніемъ вслѣдствіе присоединенія къ нему локализирующихъ сужденій, то ясно, что нѣкоторыя изъ сужденій оказываются неизбѣжными для нашего сознанія, по крайней мѣрѣ, въ той же степени, въ какой неизбѣжно все сознавать не иначе, какъ во времени, что тоже требовалось доказать.

Итакъ, сущность воспоминанія—въ узнаваніи воспроизведеннаго представленія; узнаваніе же, въ концѣ концовъ, сводится къ локализирующему *сужденію*, т. е. къ тому, какъ мы *мыслимъ* содержаніе даннаго представленія. Этимъ объясняется *возможность переживать воспоминаніе, не имѣя въ сознаніи образа воспоминаемаго предмета.* Несомнѣнно, что множество людей переживаютъ такія воспоминанія. Люди, которые, по своимъ индивидуальнымъ особенностямъ въ переживаніи образовъ относятся къ зрительному типу и лишены звуковыхъ образовъ (см. ч. II, стр. 10), все-таки вспоминаютъ слышанные ими звуки, не имѣя образа вспоминаемаго звука. Люди слухового типа вспоминаютъ зрительныя воспріятія безъ зрительныхъ образовъ и т. д. Да и у лицъ уравновѣшеннаго типа нерѣдко образъ вспоминаемаго предмета замѣняется какимъ-либо другимъ образомъ: напримѣръ, образъ колокола образомъ звука, издаваемаго этимъ колоколомъ. Почему же все это оказывается возможнымъ? Потому, что сущность воспоминанія—въ локализирующемъ *сужденіи* о воспоминаемомъ предметѣ, сужденіе же о данномъ предметѣ можетъ воплощаться въ любой образъ:

и въ образъ самого предмета, и въ образъ, связанный съ первымъ по смежности, въ томъ числѣ въ образъ названія предмета, и даже въ образъ, какъ-нибудь символизирующій данный предметъ (см. ч. II, стр. 27 и слѣд.). И очень часто, когда мы съ помощью своего воспоминанія описываемъ какой-либо видѣнный нами предметъ, напримѣръ—зданіе, или событіе, очевидцами котораго мы были, напримѣръ—какой-либо эпизодъ изъ видѣнной нами театральной пьесы, наше описаніе, высказанное рядомъ *сужденій*, бываетъ гораздо полнѣе, чѣмъ переживаемый нами *образъ* описываемаго предмета. Этотъ образъ всегда бываетъ частичнымъ, фрагментарнымъ: въ немъ не хватаетъ многихъ частей, которыя все-таки входятъ въ составъ нашего описанія, появляясь въ немъ въ видѣ сужденій, невоплощенныхъ въ соотвѣтственныя части переживаемаго образа, а воплощенныхъ либо въ рѣчь, либо въ остальныя части образа этого предмета. Болѣе того: при такихъ условіяхъ нерѣдко приходится подмѣтить, что самъ-то образъ описываемаго предмета становится все полнѣе и полнѣе подъ вліяніемъ сужденій, высказываемыхъ нами во время описанія этого предмета: высказываемыя нами сужденія по ассоціаціи вызываютъ въ сознаніи тѣ части образа, къ которымъ они должны относиться. Слѣдовательно, даже у тѣхъ, кто не принадлежитъ къ чисто-словесному типу мышленія, нѣкоторая часть воспоминаній переживается безъ образа воспоминаемаго предмета. У лицъ же чисто словеснаго типа мышленія это должно быть постояннымъ явленіемъ, когда они вспоминаютъ о внѣшнихъ предметахъ, равно какъ это должно быть постояннымъ явленіемъ и у лицъ интеллектуальнаго типа въ переживаніи внутреннихъ образовъ. (Сравн. ч. II, стр. 33—37 и 14). Изъ всего этого ясно, что *воспоминанія, пожалуй, по большей части состоятъ не въ образахъ, но въ комплексахъ сужденій о воспоминаемыхъ предметахъ*. А отсюда, въ свою очередь, слѣдуетъ, что тѣ переживанія, которыя мы *называемъ* единичными представленіями, въ значительной степени состоятъ *не изъ образовъ представляемыхъ предметовъ, а изъ комплексовъ сужденій объ этихъ предметахъ*, воплощенныхъ либо всего лишь въ *частичные* образы этихъ предметовъ, либо во внутреннюю рѣчь, которая, какъ мы знаемъ, тоже почти всегда бываетъ *частичной*, а не полной (см. ч. II, стр. 30).

Все сейчасъ сказанное, особенно же то обстоятельство, что сужденія обусловливаютъ возможность сознанія времени, и что есть *неизбѣжныя* для сознанія сужденія, многихъ сильно поражаетъ и вызываетъ на противорѣчіе: „какъ, восклицаютъ они, сужденія обусловливаютъ сознаніе представленій въ видѣ воспоминаній, даже сознаніе времени! Наоборотъ: сами то сужденія *надо* разлагать на воспоминанія, на представленія, изъ которыхъ бы они состояли, а не дѣлать ихъ чѣмъ-то самостоятельнымъ. Здѣсь же говорятъ о неизбѣжныхъ для нашего сознанія сужденіяхъ; да вѣдь чрезъ это они дѣлаются настолько самостоятельными, что должны существовать съ перваго же момента возникновенія сознанія!“ Но на все это отвѣтъ—очень простой: психологія должна описывать, какъ происходящее въ сознаніи, только то, что тамъ

дѣйствительно подмѣчается, т. е. сознается нами, а вовсе не то, чему *надо* быть сообразно съ предвзятыми взглядами подобныхъ возражателей, которыхъ они ничѣмъ не докажутъ, кромѣ какъ ссылками на разные предвзятые догматы, вродѣ необходимости монизма въ объясненіи явленій и т. п., между тѣмъ какъ легко объяснить, почему возникаютъ сами-то эти предвзятые взгляды. Во-первыхъ, они внушаются и наклонностью къ сенсуализму, который, сводя мышленіе къ ощущеніямъ, обязываетъ насъ сводить сужденія къ представленіямъ, разсматривать первыя, какъ производныя относительно вторыхъ, и продолжающимся еще вліяніемъ Гербарта, считавшаго представленія *основнымъ* фактомъ душевной жизни. Во-вторыхъ, внушаетъ ихъ и наша, усвоенная въ обыденной жизни, наклонность заранѣе судить, какими *должны* оказаться душевныя явленія, *исходя* изъ пониманія душевныхъ способностей; а память при этомъ рисуется чѣмъ-то первичнымъ, доставляющей матеріалъ мышленію, которое безъ помощи памяти, какъ намъ кажется въ обыденной жизни, не можетъ работать. Въ-третьихъ, логика, не завися въ рѣшеніи собственныхъ задачъ отъ психологическаго описанія упоминаемыхъ ею переживаній, позволяетъ себѣ ради дидактическаго удобства говорить о сужденіяхъ психологически неправильно, будто бы они состоятъ изъ *соединенія* двухъ понятій (т. е. представленій), между тѣмъ какъ очевидно, что сами-то понятія возникаютъ посредствомъ сужденій о принадлежности тѣхъ или другихъ признаковъ представленія къ числу существенныхъ или несущественныхъ, такъ что сужденія должны существовать раньше понятій (т. е. представленій). Наконецъ, въ-четвертыхъ, вопреки закону несуществованія объективныхъ признаковъ одушевленности, мы въ обыденной жизни свыклись съ мнѣніемъ, будто бы намъ навѣрное извѣстно, что душевная жизнь *впервые возникаетъ* съ нашимъ появленіемъ на свѣтъ и что она начинается, такъ сказать, съ пустого мѣста, которое еще должно быть сперва наполнено чувственными воспріятіями, чтобы могла начаться работа мышленія, между тѣмъ какъ въ психологіи о первомъ моментѣ (т. е. о началѣ) душевной жизни мы вовсе не вправѣ говорить, потому что это вопросъ не психологическій, а метафизическій (см. ч. I, стр. 170 и предшеств.).

Возникаетъ ли когда-либо сознаніе впервые, или же существуетъ искони, можно было бы знать только въ томъ случаѣ, если бы существовали объективные признаки одушевленности. А если бы и можно было считать душевную жизнь завѣдомо впервые возникающей съ нашимъ рожденіемъ, то ужъ во всякомъ случаѣ при рѣшеніи вопроса о томъ, какова *сейчасъ* у насъ душевная жизнь, есть ли въ ея составѣ неизбѣжныя для нашего сознанія сужденія, мы не вправѣ *исходить* изъ предположеній, въ какомъ видѣ она бываетъ въ первый моментъ своего возникновенія. Напротивъ: отправляясь отъ того, какова она сейчасъ, мы должны, постепенно идя назадъ, шагъ за шагомъ выяснять, какой ей *приходилось* быть въ то время, о которомъ у насъ нѣтъ воспоминаній. И если анализъ доказываетъ намъ неизбѣжность нѣкоторыхъ сужденій для сознанія, а съ ними и неизбѣжность представлять все не иначе, какъ во времени, для чего,

въ свою очередь, неизбѣжно судить о нѣкоторыхъ представленіяхъ, какъ о воспоминаніяхъ, то все это должно быть приписано сознанію и въ первый моментъ его существованія, *буде* оно возникло, о чемъ мы не въ состояніи знать вслѣдствіе несуществованія объективныхъ признаковъ одушевленности. На вопросъ же, откуда возьмутся въ первый моментъ душевной жизни (*если* онъ былъ) воспоминанія, отвѣтъ не труденъ; они могутъ быть и иллюзорными. Изъ нашихъ доводовъ вытекаетъ только то, что они должны *казаться* нашему сознанію существующими, а не то, чтобы они непремѣнно были истинными воспоминаніями. „Иллюзорныя воспоминанія! Это что еще за новость!?“ восклицаютъ возражатели, пропитанные всѣми только что указанными предвзятыми взглядами. Новость, безпрерывно переживаемая нами. Ни одинъ человѣкъ не въ силахъ возстановить въ своей памяти событіе, происшедшее на его глазахъ и даже привлекшее все его вниманіе, не исказивъ его въ какихъ-либо частностяхъ, т. е. безъ примѣси иллюзорныхъ воспоминаній. Необходимо пріучать себя къ умѣнью устранять ихъ. Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго, что сознаніе въ первые моменты своего существованія (*если* только оно возникаетъ, а не существуетъ искони) окажется наполненнымъ иллюзорными воспоминаніями. Но правильнѣе всего вовсе не говорить о первомъ моментѣ существованія сознанія, какъ о вопросѣ неразрѣшимомъ, вслѣдствіе несуществованія объективныхъ признаковъ одушевленности.

Изъ сказаннаго о времени вытекаетъ очень странный, съ перваго взгляда, выводъ, который, все-таки, мы должны признать, и который вполнѣ согласуется съ критической теоріей познанія, именно: то время, какое *единственно* дано намъ въ опытѣ, взятое въ томъ видѣ, *какъ* оно дано, отнюдь не можетъ считаться такимъ изображеніемъ въ сознаніи со стороны времени, существующаго независимо отъ сознанія, при которомъ (при изображеніи въ немъ) послѣднее оставалось бы чисто пассивнымъ, какъ это думаетъ наивный реализмъ. Напротивъ: *время данное намъ въ опытѣ и взятое въ томъ видѣ, какъ оно дано въ опытѣ, настолько же субъективно, т. е. создается самимъ же сознаніемъ, какъ и данное намъ въ опытѣ пространство, при чемъ, подобно пространству, у насъ нѣтъ никакихъ средствъ провѣрить, соотвѣтствуетъ ли сознаваемое нами время тому времени, которое существовало бы само по себѣ, независимо отъ того, что оно сознается существующимъ.*

Дѣйствительно: данное намъ въ опытѣ время, какъ мы сейчасъ видѣли, сознается нами только потому, что нѣкоторыя изъ переживаемыхъ нами представленій *являются* въ нашихъ глазахъ воспоминаніями. Не будь такого явленія, то мы и не сознавали бы времени; ибо сознаніе времени обусловлено сознаніемъ прошлаго, а сознаніе послѣдняго обусловлено воспоминаніями; само же по себѣ время не сознается. Воспоминаніями же представленія являются въ нашихъ глазахъ только оттого, что сознаніе,

переживая эти представленія, неизбѣжнымъ образомъ присоединяетъ сужденія, локализирующія ихъ во времени, такъ что не будь этихъ неизбѣжныхъ для сознанія сужденій, то мы и не сознавали бы времени, какъ даннаго намъ въ опытѣ: все представлялось бы нами безъ всякаго отношенія ко времени. Но такъ какъ локализирующія сужденія создаются самимъ же сознаніемъ, то, значитъ, и то время, которое сознается нами, какъ данное намъ въ опытѣ, создается самимъ же сознаніемъ: данное *намъ въ опытѣ время составляетъ неизбѣжно создаваемую самимъ же нашимъ сознаніемъ форму, въ которую оно размѣщаетъ переживаемыя имъ представленія, т. е. неизбѣжную, субъективную форму сознанія.*

Этимъ доказана первая половина нашего вывода. Вторая же гласитъ, что мы не можемъ даже провѣрить, соотвѣтствуетъ ли время, взятое въ томъ видѣ, какъ оно нами сознается въ опытѣ, времени, которое существовало бы само по себѣ, т. е. времени въ себѣ, или же послѣднее имѣетъ какой-нибудь другой видъ, чѣмъ воспринимаемое нами, или даже время въ себѣ вовсе не существуетъ. Напримѣръ: данное намъ въ опытѣ время, т. е. взятое въ томъ видѣ, *какъ* оно нами сознается въ опытѣ, имѣетъ только одно измѣреніе—отъ прошлаго къ будущему. И вотъ, у насъ нѣтъ ровно никакихъ средствъ провѣрить, нѣтъ ли во времени въ себѣ еще какого-нибудь другого измѣренія, кромѣ измѣренія отъ прошлаго къ будущему. Разумѣется, незачѣмъ пробовать представить себѣ въ образѣ, въ чемъ бы состояло это второе измѣреніе времени. Конечно, мы можемъ представить себѣ только такое время, которое составляетъ *неизбѣжную* для нашего сознанія форму. Подобно четырехмѣрному пространству мы можемъ двухмѣрное время только *мыслить*, а *не представлять*; ибо неизбѣжными для нашего сознанія формами служатъ трехмѣрное пространство и одномѣрное время. И у насъ дѣйствительно нѣтъ никакихъ средствъ провѣрить, не оказывается ли время въ себѣ двухмѣрнымъ: вѣдь какимъ бы ни было время въ себѣ, двухмѣрнымъ или даже многомѣрнымъ, мы все таки будемъ имѣть дѣло въ опытѣ не съ временемъ въ себѣ, а лишь съ тѣмъ временемъ, которое неизбѣжно для нашего сознанія оттого, что въ немъ есть представленія, неизбѣжно сознаваемыя нами, какъ воспоминанія, т. е. съ временемъ одномѣрнымъ.

Другой примѣръ: Кантъ допускалъ даже, что времени въ себѣ вовсе нѣтъ, что вещи въ себѣ не находятся во времени, и что въ немъ находятся одни лишь явленія. „Если во мнѣ есть смѣна представленій, говоритъ Кантъ, то это значитъ *только* то, что я *сознаю* себя, *какъ* переживающаго смѣну представленій“. Разумѣется, *представить* себѣ, что времени вовсе нѣтъ, столь же неосуществимо, какъ и представить себѣ двухмѣрное время: и то, и другое мы можемъ только мыслить, а не представлять; ибо коль скоро время составляетъ неизбѣжную для нашего сознанія форму, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ и неизбѣжную форму для всего того, что мы представляемъ себѣ, такъ что мы не въ состояніи будемъ представить себѣ

что-либо, какъ находящееся внѣ времени. Но у насъ нѣтъ никакихъ средствъ опровергнуть Канта. Въ самомъ дѣлѣ: въ основѣ сознанія времени, какъ мы видѣли, лежитъ сознаніе чего-нибудь, какъ прошедшаго; а у насъ нѣтъ средствъ провѣрить, существовало ли это прошедшее на дѣлѣ, или всего только кажется намъ существовавшимъ оттого, что у насъ есть представленія, которыя *сознаются* нами, *какъ* воспоминанія. Стоитъ только заподозрить, что эти представленія, *сознаваемыя, какъ* воспоминанія, составляютъ чистѣйшую иллюзію, несоотвѣтствующую ровно ничему дѣйствительно бывшему, и у насъ не останется никакихъ средствъ разсѣять эти подозрѣнія. Вѣдь для провѣрки этихъ воспоминаній не остается ровно никакихъ другихъ средствъ кромѣ нихъ же самихъ; а нельзя же воспоминанія, заподозрѣнныя, что они насъ *насквозь* обманываютъ, (т. е. обманываютъ настолько, что, вопреки ихъ показаніямъ, самого то прошедшаго времени никогда не было) провѣрять ими же самими.

Словомъ, съ временемъ дѣло стоитъ, точь въ точь, какъ и съ пространствомъ. Оба вполнѣ сходны между собой и въ томъ, что взятыя въ томъ видѣ, какъ они даны намъ въ опытѣ, т. е. какъ они нами сознаются въ опытѣ, субъективны, и въ томъ, что оба они неизбѣжныя для нашего сознанія формы, въ которыхъ располагаются продукты нашего сознанія. Разница же между ними всего лишь слѣдующая: пространство есть неизбѣжная для нашего сознанія форма, въ которой располагаются *объектируемыя* переживанія сознанія, т. е. воспріятія, а время—неизбѣжная для сознанія форма, въ которой располагаются всѣ безъ исключенія переживанія сознанія. И подобно тому, какъ относительно пространства сразу видно, что оно всего только наше представленіе, *если* его взять въ томъ самомъ видѣ, *какъ* оно дано въ опытѣ, безъ всякихъ метафизическихъ истолкованій въ духѣ наивнаго реализма (см. ч. II, стр. 21), такъ точно это же самое видно сразу и относительно времени, *если* взять его въ томъ самомъ видѣ, *какъ* оно дано въ опытѣ. Вѣдь время состоитъ изъ прошедшаго, которое всего лишь *представляется* нами, какъ бывшее, изъ будущаго, которое тоже всего лишь *представляется* нами, какъ грядущее, и изъ настоящаго, которое, образуя всего лишь границу между прошедшимъ и будущимъ, конечно, можетъ существовать только въ такомъ же видѣ, какъ прошедшее и будущее. А такъ какъ, и то и другое, взятыя въ томъ самомъ видѣ, какъ они даны въ опытѣ, безъ всякихъ метафизическихъ истолкованій, составляютъ лишь наше *представленіе* прошедшаго и будущаго, то, значитъ, и настоящее, взятое въ томъ видѣ, *какъ* оно дано въ опытѣ, существуетъ лишь, какъ составная часть *представленія*, такъ что все *время, взятое въ томъ самомъ видѣ, какъ оно дано въ опытѣ, подобно пространству, образуетъ лишь для нашего сознанія представленіе.* Этимъ, конечно, не исключается возможность, чтобы независимо отъ сознанія существовало время въ себѣ, хотя у насъ нѣтъ никакихъ средствъ удостовѣриться въ такомъ предположеніи, но зато нѣтъ никакихъ средствъ и опровергнуть его.

Но, подобно тому, какъ въ вопросѣ объ объективной реальности внѣшняго міра, намъ легче вести всѣ наши разсужденія, исходя изъ реализма, хотя онъ недоказуемъ въ одинаковой степени съ идеализмомъ, такъ точно намъ легче въ видѣ рабочей гипотезы разсуждать такъ, какъ если бы данное намъ въ опытѣ время было временемъ въ себѣ. Такой рабочей гипотезой мы и будемъ пользоваться во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Вслѣдствіе допущенія этой гипотезы у насъ не можетъ быть никакой ошибки: вѣдь наша дальнѣйшая задача состоитъ въ изученіи не самого времени, а тѣхъ законосообразныхъ *связей во времени*, которымъ подчинены явленія; а для ихъ изученія рѣшительно все равно, составляетъ ли то время, въ которомъ осуществляются эти связи, время въ себѣ, или же всего только представляемое нами время.

Узнаваніе сопровождаетъ собой не только нѣкоторыя изъ воспроизведенныхъ представленій, но также и нѣкоторыя изъ воспріятій, именно: если мы воспринимаемъ тотъ же предметъ уже не въ первый разъ, то нерѣдко онъ *узнается* нами, какъ уже знакомый намъ, т. е. какъ уже воспринимавшійся нами прежде. *Чувство знакомости, возникающее при новомъ воспріятіи того же самаго предмета, и составлятъ его узнаваніе. Узнаваніе внѣшнихъ предметовъ всѣми приписывается памяти, какъ это видно изъ того, что если мы перестаемъ узнавать данный предметъ, то всѣ говорятъ, что мы забыли его (а забвеніе считается прекращеніемъ или задержкой въ дѣятельности памяти).*

Здѣсь нелишнимъ будетъ напомнить, что *слово „узнаваніе“ въ примѣненіи къ воспріятіямъ имѣетъ два совершенно разныхъ значенія.* Во-первыхъ, оно имѣетъ то самое значеніе, какое мы только что приписывали ему, именно: подъ узнаваніемъ внѣшняго предмета подразумѣвается чувство знакомости съ нимъ т. е. сознаніе, что мы уже воспринимали его прежде, а не воспринимаемъ впервые. *Узнаваніе въ этомъ смыслѣ называется иначе воспризнаніемъ.* Во-вторыхъ, нерѣдко узнаваніемъ называютъ такой процессъ, при которомъ мы можемъ воспринимать даже предметъ новый, еще *ни разу не воспринятый нами, и который сводится къ тому, что мы причисляемъ воспринимаемый предметъ къ опредѣленному классу.* Напримѣръ: мы приближаемся къ какому-то предмету и сначала еще не можемъ разглядѣть, что это за предметъ—кустъ или что другое, а потомъ убѣждаемся, что это человѣкъ; приближаясь еще больше, убѣждаемся, что это мужчина, а не женщина и т. п. Вотъ про возникновеніе этого убѣжденія, что передъ нами человѣкъ, а не кустъ, мужчина, а не женщина, и т. п., тоже нерѣдко говорятъ; „теперь я *узналъ*, что это человѣкъ, женщина и т. п.“. Очевидно, что здѣсь подъ словомъ „узнаваніе“, подразумѣвается совсѣмъ не тотъ психологическій процессъ, какъ въ первомъ случаѣ, т. е. не узнаваніе въ смыслѣ воспризнанія или переживанія чувства знакомости воспринимаемаго предмета. И мы приступимъ

сейчасъ къ изученію лишь узнаванія въ смыслѣ воспризнанія, а не въ смыслѣ классификаціи воспринимаемыхъ предметовъ. Послѣдняя, какъ мы уже упоминали (ч. I стр. 254), очевиднымъ образомъ сводится къ сужденію, отвѣчающему на вопросъ: „что это такое?“.

Съ перваго взгляда кажется, что узнаваніе въ смыслѣ воспризнанія внѣшняго предмета не можетъ осуществляться иначе, какъ путемъ сравненія узнаваемаго предмета съ его воспоминаемымъ, то есть узнаннымъ образомъ, который былъ усвоенъ нами при прежнемъ воспріятіи этого предмета, при чемъ дѣло должно быть такъ: если воспринимаемый предметъ при такомъ сравненіи окажется одинаковымъ съ его узнаннымъ образомъ, т. е. съ образомъ, содержаніе котораго локализируется нами въ нашемъ прошломъ, то этотъ предметъ узнается нами, какъ когда-то прежде воспринятый нами; если же предметъ окажется несоотвѣтствующимъ тому узнанному образу, съ которымъ мы его сравниваемъ, или если вовсе не происходитъ сравненія съ какимъ-либо узнаннымъ образомъ, то предметъ воспринимается, какъ бы впервые встрѣченный нами. Въ прежней психологической литературѣ такое мнѣніе было сильно распространено. Въ новой же все большее и большее число авторовъ допускаютъ и узнаваніе, происходящее безъ сравненія предмета съ его узнаннымъ образомъ. Но можно идти еще дальше и считать самымъ вѣроятнымъ, что возникаетъ узнаваніе всегда безъ помощи сравненія, а послѣднее лишь иногда *присоединяется* къ нему, при чемъ служитъ только средствомъ, либо подтверждающимъ уже созрѣвающее узнаваніе, либо изобличающимъ его ошибочность, но отнюдь не средствомъ, впервые создающимъ узнаваніе.

Что касается узнаванія безъ помощи сравненія узнаваемаго предмета съ его воспоминаемымъ, т. е. узнаннымъ образомъ, то психологи, которые отстаиваютъ существованіе такого узнаванія, для подтвержденія своего взгляда приводятъ прежде всего экспериментально добытые примѣры вродѣ слѣдующаго: показывается испытуемому лицу карточка, окрашенная въ опредѣленный оттѣнокъ извѣстнаго цвѣта, напримѣръ — сѣраго, и чрезъ нѣкоторый, но небольшой промежутокъ времени ему даютъ нѣсколько, но небольшое число, пять — шесть, такихъ же точно карточекъ, изъ которыхъ каждая окрашена въ особый оттѣнокъ того же цвѣта, и среди которыхъ находится показанная ему прежде. И испытуемое лицо при такихъ благопріятныхъ условіяхъ узнаетъ среди нихъ ту, которую онъ видѣлъ прежде, не подмѣчая однако въ себѣ процесса ея сравненія съ ея воспоминаемымъ образомъ: она просто, безъ всякаго подобнаго сравненія, выглядываетъ, какъ уже знакомая. Точно такъ же въ ряду звучащихъ звуковъ узнается прямо, безъ сравненія, тотъ, который мы слышали нѣсколько времени раньше и т. п. Все это были примѣры узнаванія простыхъ воспріятій. Но, кто допускаетъ узнаваніе безъ сравненія, утверждаетъ, что оно переживается и при сложныхъ воспріятіяхъ: прежде видѣнный геометрическій рисунокъ узнается прямо въ ряду другихъ рисунковъ. Человѣкъ, съ которымъ мы только вчера позна-

комились, сразу, безъ всякаго сравненія съ его воспоминаемымъ образомъ, узнается нами сегодня и т. д.

Если же противъ всѣхъ этихъ примѣровъ намъ возразятъ, что и здѣсь узнаваніе происходитъ посредствомъ сравненія, да послѣднее остается незамѣтнымъ, то мы сошлемся на слѣдующіе факты: *узнаваніе внѣшнихъ предметовъ какого угодно рода переживается всѣми людьми*, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ болѣзненнаго разстройства; *процессъ же сравненія узнаваемаго предмета съ воспоминаемымъ образомъ этого предмета доступенъ далеко не всѣмъ людямъ, а только тѣмъ, кто способенъ къ переживанію образовъ этого рода.* Такъ, люди слухового типа лишены образовъ зрительныхъ, а тѣмъ не менѣе узнаютъ предметы, воспринимаемые зрѣніемъ. Люди, лишенные звуковыхъ образовъ, узнаютъ звуки и т. д. Не ясно-ли отсюда несомнѣнное существованіе узнаванія безъ сравненія?

Болѣе того: по всему замѣтно, что сравненіе, когда оно и переживается при узнаваніи, всего только помогаетъ провѣркѣ узнаванія и происходитъ лишь послѣ того, какъ уже началось узнаваніе. Напримѣръ: мы видимъ человѣка въ профиль съ правой стороны и колеблемся рѣшить, тотъ ли онъ, за кого мы его принимаемъ; мы вспоминаемъ, что у него на лѣвой щекѣ есть какая-нибудь особенная черта, скажемъ — родинка; и когда замѣтимъ ее, окончательно узнаемъ этого человѣка. Здѣсь, конечно, было сравненіе нашего воспоминанія о томъ, какъ выглядываетъ данный человѣкъ съ лѣвой стороны, съ ней самой. Но это сравненіе произошло лишь оттого, что мы уже начали узнавать этого человѣка, когда еще видѣли его съ правой стороны: только оттого и пришло намъ въ голову воспоминаніе объ его родинкѣ, что онъ уже началъ *казаться* намъ знакомымъ. Здѣсь сравненіе не вызвало узнаванія впервые, а только сдѣлало болѣе точнымъ, болѣе увѣреннымъ то узнаваніе, которое началось безъ сравненія. Другой примѣръ: мы встрѣчаемъ знакомаго, столь сильно измѣнившагося со времени послѣдней нашей встрѣчи съ нимъ, что его трудно даже узнать. При этомъ нерѣдко наблюдается сравненіе его съ нашимъ воспоминаніемъ о немъ (конечно, не всегда съ узнаннымъ образомъ, а зачастую съ комплексомъ сужденій, описывающихъ его); но это сравненіе совершается лишь послѣ того, какъ возникнетъ у насъ подозрѣніе, что передъ нами такой-то, т. е. лишь послѣ того, какъ уже произошло узнаваніе, и служитъ оно только для провѣрки узнаванія. Такимъ образомъ, по всему замѣтно, что само-то *узнаваніе всегда совершается безъ помощи сравненія узнаваемаго предмета съ воспоминаніемъ о немъ, но иногда присоединяется къ уже начавшемуся узнаванію и такое сравненіе, въ видѣ средства, провѣряющаго узнаваніе.* И само собой разумѣется, что подобная провѣрка не всегда подкрѣпляетъ узнаваніе, а иногда разрушаетъ, изобличая его ошибочность: случается, что мы примемъ незнакомаго намъ человѣка за знакомаго, даже заговоримъ съ нимъ, какъ бы съ знакомымъ, а въ это самое время замѣтимъ *разницу* въ его лицѣ съ тѣмъ, какъ вспоминается намъ лицо на-

шего знакомаго, т. е. посредствомъ сравненія воспоминанія съ узнаннымъ предметомъ убѣждаемся въ ошибочности нашего узнаванія. Конечно, на основаніи подобныхъ примѣровъ, сколько бы ихъ ни было, еще нельзя утверждать, что сравненіе узнаваемаго предмета съ воспоминаніемъ всегда служитъ только для провѣрки узнаванія. Но изъ того объясненія узнаванія, происходящаго безъ сравненія, которое мы скоро изложимъ, станетъ яснымъ, что *сравненіе врядъ ли можетъ происходить иначе, какъ послѣ уже начавшагося узнаванія.*

Что же именно дѣлаетъ узнаваемый предметъ знакомымъ, коль скоро узнаваніе происходитъ *безъ сравненія* этого предмета съ воспоминаніемъ о немъ? Нѣкоторые психологи, напримѣръ—Вундтъ, Гефдингъ и другіе, объясняютъ такое узнаваніе тѣмъ, что здѣсь происходитъ *уподобленіе* узнаваемаго предмета образомъ этого предмета, усвоеннымъ при прежнемъ воспріятіи предмета и *слившимся* съ его новымъ воспріятіемъ, такъ что, если мы воспріятіе предмета обозначимъ черезъ A, а его прежде воспринятый образъ чрезъ a, то воспріятіе при узнаваніи состоитъ изъ $A+a$, т. е. изъ слія нія вновь переживаемаго воспріятія съ образомъ его прежняго переживанія, при чемъ a уподобляетъ себѣ слитое съ нимъ A. Этимъ путемъ объясняются тѣми же психологами и иллюзіи: при нихъ воспріятіе уподобляется образомъ не самого воспринимаемаго предмета, а какого-нибудь другого сходнаго съ нимъ, вслѣдствіе чего воспріятіе искажается; ибо оно уподобляется образу, который ему не соотвѣтствуетъ. Имѣя въ виду такой составъ узнаваемаго воспріятія, Гефдингъ говоритъ даже про него, что оно въ строгомъ смыслѣ слова не принадлежитъ ни къ ощущеніямъ, ни къ представленіямъ; ибо въ него входитъ сразу и то, и другое, но оба въ измѣненномъ видѣ; ощущеніе въ немъ уподоблено представленію, а представленіе усилилось до степени ощущенія.

Однако, не слѣдуетъ думать, будто бы, по мнѣнію Гефдинга и Вундта, при узнаваніи воспріятіе переживается сперва въ неуподобленномъ видѣ, а послѣ того сливается съ вызваннымъ имъ представленіемъ и уподобляется ему, т. е. не слѣдуетъ думать, будто бы, по ихъ словамъ, иллюзія и узнаваемое воспріятіе проходятъ при своемъ развитіи тѣ три фазиса, о которыхъ мы говорили на стр. 183 ч. I. Нѣтъ, воспріятіе сразу переживается въ уподобленномъ видѣ. Вундтъ даже относитъ это уподобленіе къ числу *одновременныхъ* ассоціацій, которыя онъ отличаетъ отъ *послѣдовательныхъ.* При послѣдовательныхъ ассоціаціяхъ мы сознаемъ *отдѣльно* два переживанія, напримѣръ—два представленія, изъ которыхъ одно по ассоціаціи вызываетъ другое. Всѣ тѣ ассоціаціи, о которыхъ говорилось до сихъ поръ въ нашихъ лекціяхъ, по мнѣнію Вундта, относятся къ послѣдовательнымъ ассоціаціямъ. Одновременными же ассоціаціями онъ называетъ такія, гдѣ мы въ состояніи только *угадать*, что онѣ составлены изъ слія нія разныхъ элементовъ, а самого слія нія отдѣльно сознаваемыхъ элементовъ не наблюдаемъ, и они такъ слиты между собой, что мы не замѣчаемъ въ продуктѣ ихъ слія ніи ни того, ни другого элемента: и о фактѣ слія нія, и о сливающихся

элементахъ приходится только догадываться. При узнаваніи же и воспріятіе, и образъ оказываются именно такъ слитыми, что и объ этомъ сліяніи, и о томъ, что подверглось сліянію, можно только догадаться.

Но только что изложенное объясненіе не достигаетъ своей цѣли. Объясняя узнаваніе, необходимо имѣть въ виду такой вопросъ: чѣмъ узнаваемый предметъ отличается не въ глазахъ *психолога*, а въ глазахъ того, кто узнаетъ его, отъ предмета, который воспринимается впервые или, по крайней мѣрѣ, не узнается, хотя воспринимается не въ первый разъ? Мнѣніе Гефдинга и Вундта, будто бы при узнаваніи воспріятіе предмета состоитъ изъ воспріятія, *слитаго* съ образомъ этого предмета, не даетъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ. Конечно, *если бы* тотъ, кто переживаетъ явленіе узнаванія, *сознавалъ* присутствіе образа въ воспріятіи предмета, то, узнавъ этотъ образъ, онъ съ его помощью легко узналъ бы и предметъ, съ воспріятіемъ котораго слитъ этотъ образъ. Но вѣдь самъ-то этотъ человѣкъ *не сознаетъ* присутствія такого образа въ составѣ воспріятія: это только *психологъ*, и то окольными путями, *догадывается*, что тамъ есть прежде воспринятый образъ того же самаго предмета. Слѣдовательно, въ глазахъ *того*, кто переживаетъ узнаваніе, этотъ образъ, слитый съ воспріятіемъ, не создаетъ еще никакого отличія въ предметѣ, воспринимаемомъ во второй разъ, сравнительно съ предметомъ, воспринимаемымъ впервые, такъ что къ каждому изъ нихъ *самъ* онъ долженъ бы относиться совершенно одинаково, хотя *психологъ* окольными путями догадывается, что воспріятіе перваго предмета сдѣлалось такимъ же, какъ и прежде усвоенный образъ того же предмета (уподобилось этому образу), а воспріятіе второго остается во всей его неприкосновенности.

Однако, кто переживаетъ узнаваніе, самъ же и сознаетъ какое-то отличіе въ узнаваемомъ предметѣ сравнительно съ предметомъ, воспринимаемымъ впервые, или же который онъ *считаетъ* за воспринимаемый впервые. Въ чемъ же оно должно состоять, чтобы онъ *самъ*, безъ помощи психолога, могъ замѣчать его?

Прежде всего обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что предметъ, воспринимаемый впервые, по *смежности* еще не ассоціированъ ни съ какими воспоминаніями, по крайней мѣрѣ — если его взять *въ его цѣломъ*: отдѣльныя его части, напримѣръ — прическа той дамы, которую мы видимъ впервые, *могутъ* быть ассоціированы по смежности съ какими-нибудь воспоминаніями, но не весь этотъ предметъ въ его цѣломъ, напримѣръ, не сама эта дама въ ея цѣломъ. Поэтому предметъ, воспринимаемый впервые, своимъ цѣлымъ не можетъ пробуждать *по смежности* никакихъ воспоминаній, кромѣ одного только случая, именно — если онъ настолько похожъ на другой, извѣстный намъ, предметъ, что мы ошибочно принимаемъ первый за второй, т. е. переживаемъ ошибочное узнаваніе перваго предмета.

Далѣе: конечно, всякое воспоминаніе, по какой бы ассоціаціи оно ни возникло, переноситъ насъ въ прошлое, потому что его содержаніе соеди-

нено съ сужденіемъ локализирующимъ его въ прошломъ. Но воспоминанія, пробуждаемыя въ насъ внѣшнимъ предметомъ по сходству или контрасту (какъ бы мы ни объяснили ту и другую ассоціацію), переносятъ въ прошлое, такъ сказать, меня одного, т. е. безъ этого предмета, потому что *содержаніе* такихъ воспоминаній вовсе не касается его самого, нисколько не связано съ нимъ: вѣдь это—воспоминанія о такихъ предметахъ (сходныхъ или контрастирующихъ съ воспринимаемымъ), которые не находятся ни въ какой связи съ предметомъ, пробудившимъ ихъ. При взглядѣ на карту Италіи вспоминается кавалерійскій сапогъ; какое же касательство у него къ самой-то картѣ? Иначе стоитъ дѣло съ воспоминаніями, которыя пробуждаетъ въ насъ внѣшній предметъ по смежности: *содержаніе* такихъ воспоминаній всегда бываетъ *связано* съ этимъ предметомъ, всегда какъ нибудь *касается* его же самого. Напримѣръ: я встрѣчаю сегодня человѣка, котораго вчера видѣлъ въ первый разъ за всю свою жизнь. Онъ по смежности пробуждаетъ во мнѣ такія воспоминанія, которыя какъ-нибудь да касаются его, связаны съ нимъ самимъ: это—либо то, что онъ говорилъ; либо то, какъ онъ былъ вчера одѣтъ; либо та обстановка, въ которой онъ же самъ и находился; либо то чувство, которое онъ же, а не кто другой, вызвалъ во мнѣ своимъ видомъ, и т. д. Поэтому естественно, что сужденіе, локализирующее въ моемъ прошломъ содержаніе воспоминаній, пробужденныхъ во мнѣ по смежности внѣшнимъ предметомъ, *захватываетъ и его самого, т. е. локализируетъ и его въ моемъ прошломъ*, такъ какъ содержаніе этихъ воспоминаній въ моихъ глазахъ тѣсно связано съ этимъ предметомъ. Пусть психологъ толкуетъ, что эта связь какая-то чисто поверхностная, что въ ней нѣтъ ничего внутренняго. Такъ дѣло стоитъ въ его изучающемъ умѣ, а не въ моемъ непосредственномъ переживаніи. Слѣдовательно, какъ только я начну сознавать, что воспринимаемый мной предметъ пробуждаетъ во мнѣ какія-то воспоминанія, *хотя бы и самыя смутныя*, лишь бы такія, относительно которыхъ я уже сознаю, что они *какъ-то связаны съ нимъ самимъ* (а не составляютъ воспоминаній о какомъ-либо совсѣмъ иномъ предметѣ, съ нимъ сходномъ или контрастирующемъ), какъ-то *касаются* его самого, я неизбѣжно начну сознавать, что онъ какимъ-то образомъ связанъ съ моимъ прошлымъ, т. е. что онъ мнѣ уже знакомъ. При этомъ, разумѣется, чѣмъ точнѣе будутъ локализироваться въ прошломъ воспоминанія, пробужденныя во мнѣ этимъ предметомъ, тѣмъ точнѣе будетъ локализированъ и онъ самъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ понятно, что иной разъ я отнесусь, какъ къ знакомому, и къ такому предмету, который вовсе мнѣ не знакомъ, да настолько похожъ на одинъ изъ прежде воспринятыхъ мной предметовъ, что въ силу этого сходства будетъ дѣйствовать на мои воспоминанія такъ-же, какъ и этотъ послѣдній. Если мой экземпляръ книги подмѣнятъ мнѣ другимъ, вполнѣ похожимъ на него и по переплету, и по истрепанности и т. п., съ помѣтками на тѣхъ же мѣстахъ, какъ и въ моемъ экземплярѣ, хотя сдѣланными не моей рукой, то я легко могу принять его за свой собствен-

ный, потому что онъ станетъ будить во мнѣ тѣ же самыя воспоминанія, какія возникаютъ и при моемъ экземплярѣ.

Такимъ образомъ, *узнаваніе состоитъ изъ сознанія пробужденія въ насъ воспринимаемымъ предметомъ такихъ воспоминаній, содержаніемъ которыхъ служитъ что-то касающееся его, или что-то связанное съ нимъ*, а не какой-либо другой предметъ, неимѣющій никакого касательства къ воспринимаемому. Это описаніе состава узнаванія умышленно формулировано такими словами, которыя употребляются и помимо психологіи; ибо мы должны были имѣть въ виду вопросъ, чѣмъ отличается въ глазахъ того, кто самъ переживаетъ узнаваніе, а не въ глазахъ психолога, предметъ, имъ узнаваемый, отъ предмета, при воспріятіи котораго нѣтъ узнаванія. *На языкѣ же психолога* этотъ самый выводъ долженъ быть такъ редактированъ: узнаваніе состоитъ изъ *сознанія пробужденія въ насъ воспринимаемымъ предметомъ воспоминаній, ассоціированныхъ съ нимъ по смежности, а не по сходству или контрасту* (т. е. ассоціированныхъ высшей степенью близости).

И такой выводъ подтверждается еще слѣдующими фактами (при чемъ мы теперь должны говорить языкомъ психологіи, потому что рѣчь о томъ, чѣмъ отличается узнаваемый предметъ не въ глазахъ психолога, но въ глазахъ того, кто переживаетъ это узнаваніе, уже окончена):

1. При каждомъ отчетливомъ узнаваніи, хотя бы и ошибочномъ, непремѣнно наблюдается пробужденіе воспоминаній, ассоціированныхъ по смежности съ узнаваемымъ предметомъ. Содержаніемъ этихъ воспоминаній можетъ быть что угодно: и собственное имя узнаваемаго предмета, и другіе предметы, съ которыми вмѣстѣ когда-то онъ былъ воспринятъ, и эмоція, вызванная имъ при прежнемъ воспріятіи и т. д., но они непремѣнно наблюдаются. Узнаваніе человѣка иногда въ томъ только и состоитъ, что мы сразу, безъ всякихъ колебаній и даже безъ внимательнаго разсматриванія его, вспоминаемъ, какъ его зовутъ. Иногда же мы оттого узнаемъ его, что вспоминаемъ сцену, въ которой видѣли его когда-то, какъ дѣйствующее лицо. Иногда же вспоминается, какъ онъ насмѣшилъ насъ и т. п.

2. Если же узнаваніе не переживается, оттого ли, что данный предметъ воспринимается впервые, или же оттого, что мы его, какъ говорится, забыли, т. е. перестали узнавать, какъ напримѣръ, человѣка, котораго давно не встрѣчали, то данный предметъ не пробуждаетъ ровно никакихъ воспоминаній, связанныхъ съ нимъ по смежности. Онъ можетъ возбудить лишь мысли о предметахъ съ нимъ сходныхъ или контрастирующихъ. Могутъ по смежности возбуждать воспоминанія отдѣльныя его части, но не самъ онъ въ его цѣломъ. И замѣтимъ при этомъ, что если отдѣльныя части предмета, при воспріятіи котораго узнаваніе его самого почему-либо не переживается, и возбуждаютъ воспоминанія по смежности, то сами-то эти части узнаются нами, какъ уже знакомыя намъ въ какомъ-нибудь другомъ предметѣ. Напримѣръ: если прическа той дамы, которую мы видимъ впервые (или, что психологически то же самое, которую уже

совсѣмъ забыли) возбуждаетъ въ насъ какія-либо воспоминанія, то она узнается, какъ прическа, знакомая намъ по другой дамѣ. Иногда мы не въ состояніи ясно припомнить, на комъ именно видѣли раньше такую прическу, но непремѣнно вспоминаемъ, что мы ее на комъ-то видали.

3. Все, что облегчаетъ возбужденіе даннымъ предметомъ воспоминаній, ассоціированныхъ съ нимъ по смежности, облегчаетъ и узнаваніе этого предмета. Напримѣръ:

а) чѣмъ меньше прошло времени между первымъ и вторымъ воспріятіемъ предмета; чѣмъ внимательнѣе мы были къ нему при первомъ воспріятіи; чѣмъ сильнѣе было послѣднее и т. п., тѣмъ легче узнается этотъ предметъ, потому что все это облегчаетъ возбужденіе имъ въ насъ воспоминаній, ассоціированныхъ съ нимъ по смежности (Сравн. ч. II, стр. 63 и слѣд.).

b) Легче узнается человѣкъ, когда мы не только видимъ его, но и слышимъ, потому что соединеніе воспроизводящихъ силъ зрительнаго и слухового воспріятій повышаютъ воспроизводимость воспоминаній, ассоціированныхъ съ этимъ человѣкомъ (сравн. ч. II, стр. 65). Легче онъ узнается въ той же обстановкѣ, въ которой мы съ нимъ познакомились (опять таки вслѣдствіе соединенія воспроизводящихъ силъ его самого и этой обстановки) и т. п.

c) Сосредоточеніе вниманія на разсматриваемомъ предметѣ или происшедшее почему-нибудь другому повышеніе живости его воспріятія вызываетъ узнаваніе этого предмета, между тѣмъ какъ не было и намека на это явленіе, пока воспріятіе предмета было неяснымъ, или же мы смотрѣли на него безъ вниманія. Это оттого, что увеличилась потомъ воспроизводящая сила даннаго предмета (см. ч. II стр. 65 и 66).

Вернемся къ объясненію узнаванія и иллюзій, указываемому Гефдингомъ и Вундтомъ. Мы уже отмѣтили, что оно не достигаетъ цѣли, т. е. не указываетъ той причины, по которой человѣкъ при новомъ воспріятіи того же самаго предмета долженъ узнавать его. Теперь же мы разсмотримъ это объясненіе и по существу тѣхъ предположеній, изъ которыхъ оно состоитъ.

Гефдингъ и Вундтъ *объясняютъ* узнаваніе *сложностью* состава воспріятія при узнаваніи, однородной съ той, какая бываетъ при иллюзіи. Сложность же состава, или содержанія воспріятія они объясняютъ одинаково: сліяніемъ, а на языкѣ Вундта—единовременной ассоціаціей, воспріятія съ образомъ и уподобленіемъ перваго послѣднимъ. Но ссылка на процессы сліянія (иначе—единовременной ассоціаціи) и уподобленія позволительна только въ смыслѣ *приравнивающаго* описанія состава, или содержанія узнаннаго воспріятія и иллюзій, а отнюдь не въ смыслѣ *объясненія* этого состава. Вѣдь этихъ процессовъ никто не сознаетъ; слѣдовательно, нельзя и говорить о томъ, что они *происходятъ* въ сознаніи. И надо бы такъ выражаться, если

мы хотимъ быть педантичными: при узнаваніи и при иллюзіяхъ воспріятіе бываетъ по своему содержанію такимъ, какъ *если бы* въ сознаніи происходили вышеописанные процессы уподобленія, хотя на самомъ дѣлѣ они не происходятъ. Но, къ сожалѣнію, оба автора (и Гефдингъ и Вундтъ) разсматриваютъ это уподобленіе и сліяніе, какъ процессы, *объясняющіе* узнаваніе, а слѣдовательно и составъ воспріятія при узнаваніи и иллюзіяхъ.

Конечно, когда мы *описываемъ* составъ, т. е. содержаніе узнаннаго или иллюзорнаго воспріятія, мы вправѣ ради наглядности въ описаніи *приравнять* этотъ составъ, или содержаніе къ результату сліянія вновь переживаемаго воспріятія съ образомъ, который уподобляетъ его себѣ (какъ это мы и дѣлали при описаніи состава иллюзій на стр. 183 ч. I). Но *объяснять* составъ воспріятія при узнаваніи и иллюзіи, какъ результатъ такого процесса, это значитъ объяснять фактъ нашей выдумкой по поводу этого факта: *объяснять фактъ мы вправѣ только тѣмъ, что дѣйствительно бываетъ, а не тѣмъ, къ чему мы приравниваемъ разсматриваемый фактъ ради наглядности въ его описаніи.* Вѣдь объяснить данный въ опытѣ фактъ это значитъ, основываясь на законахъ природы, доказать, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ *наблюдается*, онъ долженъ быть, и при томъ—въ такомъ именно видѣ, въ какомъ онъ данъ въ опытѣ. Поэтому и сказанное нами въ ч. I на стр. 183 и 184 должно быть понимаемо только, какъ *приравнивающее* въ цѣляхъ наглядности *описаніе* той *зависимости*, которая сказывается въ содержаніи, или составѣ иллюзій и правильныхъ воспріятій отчасти отъ прежде пережитыхъ воспріятій, отчасти отъ мыслей, наполняющихъ наше сознаніе предъ возникновеніемъ данной иллюзіи или даннаго воспріятія, но отнюдь не какъ объясненіе этой зависимости.

Но отвергая *объясненіе* Гефдинга и Вундта, претендующее дать намъ отвѣтъ, *почему* содержаніе, или составъ воспріятія при узнаваніи и иллюзіи бываетъ инымъ, чѣмъ при воспріятіи безъ узнаванія, мы отнюдь не отрицаемъ самого объясняемаго ими факта: вѣдь при сравнительномъ изученіи иллюзій и воспріятій мы, помимо какихъ бы то ни было объясненій, чисто фактическимъ путемъ, убѣдились, что воспріятія подчинены такому закону, вслѣдствіе котораго каждое воспріятіе при узнаваніи и иллюзіи дѣйствительно бываетъ по своему составу, или содержанію такимъ, какъ *если бы* съ нимъ произошелъ процессъ его сліянія съ прежде усвоеннымъ образомъ (этого ли предмета, или же какого другого—все равно), который уподобилъ бы его себѣ. (См. ч. I стр. 183 и 184). Правда, мы тогда не упоминали объ узнаваніи; но рѣчь-то шла у насъ тамъ только о такихъ правильныхъ воспріятіяхъ, которыя сопровождаются узнаваніемъ (чтеніе надписи при мгновенныхъ вспышкахъ свѣта, чисто механическое чтеніе книги и т. п.). Этимъ-то закономъ и обусловливается явленіе, которое часто отмѣчается психологами: когда мы разсматриваемъ предметъ безъ всякой мысли объ его знакомствѣ намъ и во время такого разсматриванія неожиданно узнаемъ его, то послѣ этого онъ уже выглядываетъ иначе, чѣмъ

до его узнаванія. На вопросъ же, какъ объяснить этотъ законъ перемѣны въ характерѣ, или составѣ воспріятія при узнаваніи и иллюзіи, слѣдуетъ отвѣчать откровеннымъ заявленіемъ о своемъ незнаніи и прибавить: „законы душевной жизни вообще намъ такъ мало извѣстны, что очень часто мы принуждены ограничиться лишь доказательствомъ существованія какого-нибудь закона безъ всякаго объясненія его съ помощью другихъ, болѣе общихъ, основныхъ законовъ. Но, конечно, непозволительно тотъ законъ, о которомъ у насъ сейчасъ идетъ рѣчь, *объяснять* такъ, какъ это дѣлаютъ Гефдингъ и Вундтъ, т. е. тѣми процессами, къ результатамъ которыхъ мы, ради наглядности въ описаніи фактовъ, *приравниваемъ* дѣйствіе этого закона".

31. Забвеніе.

Забвеніе бываетъ двухъ родовъ: забвеніемъ мыслей и забвеніемъ внѣшнихъ предметовъ. Забвеніе мыслей состоитъ въ томъ, что онѣ утрачиваютъ свою воспроизводимость, не могутъ быть воспроизведены, несмотря ни на какія усилія. Забвеніе же внѣшнихъ предметовъ состоитъ въ томъ, что они больше не узнаются нами даже при самомъ внимательномъ отношеніи къ нимъ: они ничѣмъ не напоминаютъ намъ, что воспринимаются уже не въ первый разъ. Но *хотя эти два рода забвенія и существуютъ, тѣмъ не менѣе намъ надо главное вниманіе обратить на забвеніе мыслей,* ибо намъ уже извѣстно, что узнаваніе внѣшнихъ предметовъ состоитъ въ воспроизведеніи ассоціированныхъ съ ними воспоминаній, откуда слѣдуетъ, что и *забвеніе внѣшнихъ предметовъ сводится къ утратѣ воспроизводимости тѣхъ мыслей,* которыя возникаютъ при узнаваніи. А такъ какъ сужденія ассоціируются, какъ и представленія, то, говоря о забвеніи мыслей, мы будемъ имѣть въ виду для упрощенія дѣла одни лишь представленія.

Обыденная жизнь допускаетъ, что нѣкоторыя представленія *вполнѣ* утрачиваютъ свою воспроизводимость, такъ что перестаютъ воспроизводиться *при какихъ бы то ни было условіяхъ,* а внѣшніе предметы *вполнѣ* забываются, такъ что перестаютъ узнаваться *при какихъ бы то ни было условіяхъ.* Вотъ такое *забвеніе, состоящее въ полной потерѣ возможности воспроизводиться или узнаваться при какихъ бы то ни было условіяхъ, пусть называется у насъ абсолютнымъ.* Наряду съ нимъ *обыденная жизнь* допускаетъ еще относительное, или временное забвеніе, состоящее въ томъ, что, несмотря на всѣ наши усилія, *представленіе перестаетъ воспроизводиться, или же предметъ перестаетъ узнаваться лишь на время, впредь до наступленія благопріятныхъ условій, когда что-нибудь напомнитъ намъ объ этомъ представленіи или объ этомъ предметѣ.* Напримѣръ: засунувъ вещь и тщетно ее разыскивая, т. е. тщетно стараясь вызвать въ себѣ представленіе мѣста, гдѣ ее положили, мы, наконецъ, бросаемъ поиски и, спустя нѣкоторое время, внезапно вспоминаемъ, т. е. внезапно правильно представляемъ, гдѣ она находится; или вдругъ забывается

на время фамилія знакомаго лица, а то и своя собственная, названіе той или другой вещи и т. п.

Въ обыденной жизни мы относимся къ этимъ двумъ видамъ, какъ къ фактамъ, совершенно разнороднымъ, и не стараемся дать себѣ отчетъ, не могутъ ли они быть сведены къ одному роду явленій. Въ психологіи же мы прежде всего должны разобраться въ этомъ вопросѣ; ибо отъ этого зависитъ, слѣдуетъ ли объяснять оба вида забвенія различнымъ образомъ, или же мы можемъ и тотъ, и другой объяснить одинаковымъ путемъ.

Такъ какъ нельзя сомнѣваться въ существованіи временнаго, или относительнаго забвенія, то вопросъ нашъ сводится къ слѣдующему: *возможно ли допустить дѣйствительное существованіе абсолютнаго забвенія*? При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что 1) нельзя привести никакихъ доказательствъ въ пользу существованія абсолютнаго забвенія; 2) нѣтъ никакихъ причинъ, которыя, заставляли бы представленія забываться абсолютно, т. е. *потерять возможность воспроизводиться при какихъ бы то ни было условіяхъ;* 3) можно указать массу фактовъ, противорѣчащихъ существованію абсолютнаго забвенія. Доказавъ же все это, мы тѣмъ самымъ докажемъ, что *абсолютное забвеніе мы вправѣ разсматривать, какъ очень продолжительное относительное забвеніе.*

1) Если бы кто-нибудь захотѣлъ доказать, что абсолютное забвеніе существуетъ, то онъ оказался бы совершенно въ безпомощномъ положеніи. Дѣйствительно: коль скоро онъ считаетъ что-нибудь забытымъ *абсолютно*, то, значитъ, по его мнѣнію, оно уже не можетъ быть воспроизведено *ни при какихъ условіяхъ*. Слѣдовательно, для доказательства своего мнѣнія ему надо было бы перепробовать воспроизводить данное представленіе при *всякихъ* условіяхъ безъ исключенія. Но осуществить подобную попытку на дѣлѣ, разумѣется, никогда нельзя, ибо эти условія могутъ измѣняться и разнообразиться до безконечности.

2) Далѣе, попробуемъ указать причины, которыя по законамъ памяти *должны* лишить представленіе возможности воспроизводиться *при какихъ бы то ни было* условіяхъ. Оказывается, что ихъ нельзя и придумать. Дѣйствительно:

а) Съ перваго взгляда наиболѣе пригоднымъ средствомъ для этой цѣли, на которое и ссылались очень охотно прежніе психологи, употреблявшіе понятіе памяти даже для объясненія, а не только для называнія явленій, служитъ тѣснота памяти. Память, говорили они, ограничена и потому не можетъ вмѣстить всѣхъ пережитыхъ нами представленій. Слѣдовательно, *нѣкоторыя изъ пережитыхъ нами представленій должны утрачиваться памятью сполна, по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ.* Но при ближайшемъ разсмотрѣніи эта ссылка на тѣсноту памяти оказывается дѣтски наивной. Дѣйствительно: разсуждая такъ, представляютъ память чѣмъ-то вродѣ ящика, а представленія какими-то протяженными вещами, напримѣръ— шариками и т. п. И, конечно, новые шарики могутъ умѣститься въ на-

полненномъ ящикѣ не иначе, какъ вытѣснивъ старые. *Представленія же* суть *состоянія* нашего сознанія, существующія *лишь тогда*, когда они переживаются. А какъ же, спрашивается, состоянія, возникающія въ разное время, могутъ *тѣснить* другъ друга? Говорить это—все равно, что утверждать, будто бы вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія въ концѣ концовъ дѣло дойдетъ до того, что новый звукъ не можетъ раздаваться въ той комнатѣ, въ которой прежде раздавалась масса другихъ звуковъ, или, прозвучавъ одинъ разъ, уже потомъ не можетъ повториться въ этой же комнатѣ. Такимъ образомъ, словамъ „узость и тѣснота памяти“ можно придавать только значеніе *образнаго описанія* забвенія, но *не значеніе объясненія*, *т. е. не значеніе указанія причинъ*, заставляющихъ представленіе не воспроизводиться ни при какихъ условіяхъ.

b) Иногда пытаются разсуждать еще такъ: мы знаемъ, что *воспроизводимость* представленій *уменьшается* по мѣрѣ того, какъ проходитъ время отъ момента ихъ усвоенія. А потому, если этого времени пройдетъ довольно много, то ихъ воспроизводимость должна дойти до нуля, т. е. они, наконецъ, утратятъ совсѣмъ свою воспроизводимость, если она не освѣжалась и не укрѣплялась, хоть изрѣдка, посредствомъ возобновленія ихъ въ сознаніи: если мы, усвоивъ представленіе, долгое время ни разу не вспомнимъ его, то оно окончательно, т. е. абсолютно забудется вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія его воспроизводимости съ теченіемъ времени. Но, какъ бы ни казалось правдоподобнымъ это разсужденіе, оно противорѣчитъ фактамъ. Именно:

α) Прежде всего: если бы представленія утрачивали свою воспроизводимость въ зависимости *только* отъ времени, то нельзя было бы объяснить, почему члены данной ассоціаціи не забываются всѣ сразу. Положимъ, что у насъ была ассоціація *A*, *B*, *C*, *D*, *E*. И вотъ, если эта ассоціація долго не повторяется, то, съ точки зрѣнія разсматриваемаго объясненія, всѣ члены ея, находясь въ одинаковыхъ условіяхъ (со стороны степени недавности), должны бы одновременно утрачивать свою воспроизводимость. Но всѣмъ извѣстно, что на дѣлѣ этого никогда не бываетъ. Наоборотъ, всегда бываетъ такъ, что забвеніе членовъ ассоціаціи идетъ неодинаково: напримѣръ, сперва воспроизводится вмѣсто *A*, *B*, *C*, *D*, *E* только *A*, *C*, *E*, потомъ *A*, *E*, а, наконецъ, и послѣдніе элементы исчезаютъ. Такъ, изъ выученныхъ когда-то стиховъ мы со-временемъ помнимъ лишь отрывки, а промежуточныя строки исчезаютъ. Но если забвеніе наступаетъ не по какимъ другимъ причинамъ, какъ *только* вслѣдствіе давности, то объяснить этотъ фактъ неодновременнаго забвенія членовъ ассоціаціи невозможно.

β) Кромѣ того: можно сослаться на интересные опыты Эббингауза. Онъ заранѣе могъ предвидѣть, да и провѣрилъ самымъ тщательнымъ образомъ, что работа, употребляемая для заучиванія *разныхъ* рядовъ безсмысленно связанныхъ слоговъ, если только всѣ они состоятъ изъ *одинаковаго* числа слоговъ, оказывается *одинаковой*. Точно также одинаковымъ выходитъ и время, необходимое для ихъ повторительнаго заучиванія, производимаго черезъ равный проме-

жутокъ времени послѣ перваго заучиванія. Отсюда слѣдуетъ, что все подмѣченное относительно второго заучиванія любого ряда, можетъ быть сказано и о всякомъ другомъ рядѣ, состоящемъ изъ такого же числа слоговъ. И вотъ, Эббингаузъ заучивалъ нѣсколько разныхъ рядовъ, но каждый въ 13 слоговъ; потомъ одинъ изъ нихъ снова заучивалъ черезъ 20 минутъ, другой же черезъ полчаса, третій—черезъ часъ, четвертый—черезъ два часа и доходилъ даже при второмъ заучиваніи до 31 дня, такъ что промежутки отъ перваго заучиванія до второго измѣрялись и минутами, и часами, и сутками. При этомъ онъ сравнивалъ, какимъ образомъ въ зависимости отъ времени, прошедшаго отъ перваго заучиванія до второго, измѣняется работа, какую надо потратить на второе заучиваніе. Оказалось, что эти перемѣны можно выразить въ слѣдующей математической формулѣ. Если черезъ b обозначимъ *сокращеніе работы, выраженное въ процентахъ первоначальной работы* (напримѣръ, если при первомъ заучиваніи нужно было 600 секундъ, а при второмъ 510, то сокращеніе первоначальной работы $b=15\%$), а черезъ t обозначимъ время, выраженное въ минутахъ и прошедшее отъ конца перваго до начала второго заучиванія того же ряда, то получается такая формула:

$$b=\frac{184}{lg\,(t-1)^{1,25}+1,84}$$

Для незнающихъ логарифмовъ она можетъ быть выражена такъ: $b=\frac{184}{x^{1,25}+1,84}$, гдѣ величина x опредѣляется изъ уравненія: $10^x=t-1$.

Эта формула показываетъ сбереженіе работы въ зависимости отъ времени, прошедшаго между первымъ и вторымъ заучиваніемъ. Такъ какъ время это входитъ въ знаменатель, то, значитъ, *наша формула можетъ обратиться въ нуль лишь въ томъ случаѣ, если это время t, а съ нимъ и весь знаменатель сдѣлается безконечно большимъ.* А это показываетъ, что всякое заучиваніе, однажды произведенное, дѣлаетъ представленія, хоть сколько-нибудь, воспроизводимыми *на безконечно большое время*, т. е. представленіе никогда *не утрачиваетъ вполнѣ* своей воспроизводимости.

Это можетъ показаться совершенно невѣроятнымъ; ибо мы изъ опыта обыденной жизни знаемъ, какъ быстро испаряется изъ головы, что зазубрено безъ всякаго смысла. Но дѣло въ томъ, что это испареніе, которое обнаруживается въ *уменьшеніи* сбереженной работы при повторительномъ заучиваніи того же ряда, только сначала происходитъ очень быстро, а послѣ совершается все медленнѣе и медленнѣе, какъ это ясно видно изъ приводимой таблицы, гдѣ въ первой строкѣ показано время, по истеченіи котораго происходило второе заучиваніе того же ряда, а во второй строкѣ сбереженіе работы сравнительно съ той, какая требовалась для перваго заучиванія этого ряда:

20 мин.	1 часъ.	9 час.	24 час.	2 сутокъ.	6 сутокъ.	31 сутокъ.
58%	44%	36%	34%	28%	25%	21%

Если же заучивались ряды словъ, имѣющихъ смыслъ, то пріобрѣтенная ими воспроизводимость, обнаруживающаяся въ сбереженіи работы при второмъ заучиваніи тѣхъ же словъ наизусть, ослабѣвала еще медлѣннѣе, при чемъ по способу ея убыванія тоже было видно, по словамъ Эббингауза, что она никогда не дойдетъ до нуля. Для изслѣдованія ея убыванія въ осмысленныхъ рядахъ словъ онъ заучивалъ стансы Байрона. При этомъ очень интересно слѣдующее обстоятельство: всѣ эти изслѣдованія были произведены Эббингаузомъ еще въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Они обнародованы имъ въ книгѣ „Ueber das Gedächtniss“, вышедшей въ 1885 г. А вотъ что онъ пишетъ въ I томѣ своей „Grundzüge der Psychologie“ (стр. 681), вышедшей въ 1905 г.: „недавно я снова заучилъ довольно большое число упомянутыхъ стансовъ Байрона, которые я *двадцать два* года назадъ заучивалъ наизусть до перваго безошибочнаго воспроизведенія, и которыхъ я съ той поры никогда не видѣлъ. Время, которое потребовалось для этого заучиванія, все-таки оказалось на 7% меньше сравнительно съ тѣмъ, какое необходимо мнѣ теперь для заучиванія другихъ, еще невыученныхъ прежде стансовъ той же поэмы“.

Итакъ, нѣтъ причинъ, которыя вызывали бы существованіе абсолютнаго забвенія. Наконецъ:

3) Можно указать цѣлый рядъ фактовъ, противорѣчащихъ предположенію абсолютнаго забвенія. Такъ, во время сильныхъ болѣзней люди вспоминаютъ иногда тотъ языкъ, которымъ владѣли въ дѣтствѣ, но позабыли его настолько, что даже не подозрѣвали, что когда-либо знали. Напримѣръ, одинъ больной, 40-лѣтній мужчина, въ бреду заговорилъ на нарѣчіи, которымъ говорилъ, будучи пяти или шести лѣтъ, и о которомъ онъ даже не подозрѣвалъ, что когда-либо владѣлъ имъ. А одна взрослая женщина, *безграмотная*, во время болѣзни произносила огромныя цитаты по-латыни, по-гречески. Объяснилось это тѣмъ, что въ дѣтствѣ, лѣтъ семи она жила въ домѣ одного пастора, имѣвшаго привычку декламировать вслухъ отрывки изъ древнихъ писателей. Можно, пожалуй, возразить на подобные примѣры, что они относятся лишь къ воспроизведенію (хотя и черезъ большой промежутокъ времени) *повторныхъ* воспріятій. Но есть факты, показывающіе, что и *однократно воспринятыя впечатлѣнія* воспроизводились такъ, что отъ времени ихъ пріобрѣтенія до этого момента ни разу не возникали и казались абсолютно забытыми. Напримѣръ, одна дама, войдя въ комнату замка, въ которомъ, по ея прежнему мнѣнію, она никогда не бывала раньше, вдругъ вспомнила и описала въ точности происшедшую тамъ когда-то въ ея присутствіи сцену. При провѣркѣ оказалось, что въ этой комнатѣ умерла ея мать, при смерти которой она присутствовала здѣсь въ двухлѣтнемъ возрастѣ. Подобнымъ же образомъ сообщаютъ объ одномъ господинѣ, директорѣ школы, который вспомнилъ сцену, видѣнную имъ въ

возрастѣ полугода. Всѣ эти факты, очевидно, противорѣчатъ существованію абсолютнаго забвенія.

А можно привести и такіе факты, гдѣ забвеніе, имѣющее *завѣдомо временный* характеръ, кажется абсолютнымъ. Такъ, одна дѣвушка, которая чуть не утонула, совершенно забыла послѣ этого случая все, что ею было пережито и усвоено, такъ что должна была заново всему учиться, со всѣми знакомиться и т. д. Если бы она умерла въ этомъ состояніи, то, конечно, мы могли бы предположить тутъ абсолютное забвеніе. Но послѣ новаго сильнаго потрясенія она внезапно возвратилась къ прежнему состоянію, забывъ все, что усвоила въ новомъ; слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ ея забвеніе было завѣдомо временнымъ, а пока оно продолжалось, казалось абсолютнымъ. Сходныя явленія наблюдаются при гипнозѣ.

Изъ всѣхъ изложенныхъ соображеній можно заключить, что *полной потери воспроизводимости представленій никогда не бываетъ*, а бываетъ лишь, что *неблагопріятныя условія долгое время, иногда даже всю жизнь препятствуютъ воспроизведенію, но при устраненіи ихъ, то, что казалось навсегда забытымъ, возникаетъ снова въ сознаніи*. Другими словами: *такъ называемое, абсолютное забвеніе, составляетъ всего лишь видоизмѣненіе относительнаго, или временнаго забвенія; допускать же существованіе абсолютнаго забвенія въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. такого, которое не было бы видоизмѣненіемъ относительнаго, или временнаго, у насъ нѣтъ никакихъ основаній.*

Придя къ этому выводу, намъ уже незачѣмъ строить два разныхъ объясненія: одно для забвенія относительнаго, а другое—для абсолютнаго, а достаточно объяснить лишь первое, ибо *коль скоро абсолютное забвеніе есть лишь видоизмѣненіе относительнаго, то тѣми же самыми путями, какими объясняется относительное, или временное забвеніе, должно объясняться и абсолютное забвеніе.*

Но какъ объяснить временное, или относительное забвеніе? Тѣ, кто позволяютъ себѣ пользоваться душевными способностями не только для называнія, но для объясненія явленій, обыкновенно объясняютъ относительное забвеніе, какъ временную задержку въ дѣятельности памяти, не замѣчая, что взамѣнъ объясненія забвенія даютъ ему лишь другое *названіе*: забвеніе называютъ теперь *задержкой* въ дѣятельности памяти. Но мы тогда будемъ спрашивать: чѣмъ же объясняется эта задержка? Очевидно, что задержку въ дѣятельности памяти можно понимать только, какъ образное названіе забвенія, но отнюдь не какъ его объясненіе. Объяснять же его мы, разумѣется, обязаны не иначе, какъ одними лишь законами душевной жизни: всякія иныя объясненія всегда будутъ только кажущимися.

Съ перваго взгляда можно думать, что мы попали въ безвыходное положеніе, что передъ нами обязанность рѣшить такую задачу, въ самой постановкѣ которой уже содержится внутреннее противорѣчіе: объяснять *забвеніе*, т. е. *потерю* представленіями своей *воспроизводимости* тѣми самыми законами, которые обусловливаютъ *воспроизведеніе* представленій.

Но здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія. Вѣдь по этимъ законамъ при каждомъ данномъ условіи, входящемъ въ составъ нашей душевной жизни, могутъ воспроизводиться не какія попало, а только строго опредѣленныя представленія; никакія же другія въ это время не могутъ возникнуть въ сознаніи, какъ бы ни хотѣлось намъ, чтобы они возникали. Конечно, мы въ состояніи и умышленно измѣнять ходъ воспроизведенія представленій, но это возможно только *до извѣстной степени*. Наша власть надъ ходомъ представленій сильно ограничена. Вѣдь такое вмѣшательство въ него достигается *только двумя* путями: 1) или сосредоточеніемъ вниманія на любомъ представленіи, вслѣдствіе чего повышается воспроизводимость *всѣхъ* ассоціированныхъ съ нимъ представленій; 2) или соединеніемъ вмѣстѣ воспроизводящихъ силъ нѣсколькихъ представленій, т. е. вызывая ихъ въ сознаніи одно за другимъ, вслѣдствіе чего повышается воспроизводимость *того* представленія, которое ассоціировано съ каждымъ изъ нихъ; между тѣмъ воспроизводимость каждаго представленія зависитъ еще отъ цѣлаго *ряда* другихъ условій (сравн. ч. II, стр. 63—66). Поэтому, нѣтъ ничего невозможнаго, напротивъ—вполнѣ естественно, что иногда скопятся и упрочатся на большій или меньшій промежутокъ времени такія условія, вслѣдствіе которыхъ большей воспроизводимостью будетъ обладать, пока продолжаются эти условія, не то представленіе, которое хотѣлось бы намъ вызвать, а другія, такъ что при *этихъ условіяхъ* оно окажется забытымъ, т. е. не можетъ быть воспроизведено никакими усиліями. Такимъ образомъ, *забвеніе даннаго представленія объясняется упроченіемъ въ сознаніи, на большее или меньшее время, скопленія такихъ условій, при которыхъ по законамъ воспроизведенія представленій во все это время должны возникать какія - нибудь другія представленія, только не данное.* Не нужно при этомъ ни потери представленія памятью, ни задержки въ ея дѣятельности.

Весь вопросъ только въ томъ, могутъ ли упрочиваться въ сознаніи скопленія подобныхъ условій? Если мы подтвердимъ эту возможность нѣсколькими примѣрами, то тѣмъ самымъ подтвердимъ, что всѣ явленія забвенія объяснимы законами, управляющими *воспроизведеніемъ* представленій.

Съ однимъ изъ примѣровъ упроченія подобныхъ условій мы уже знакомы: мы уже знаемъ, что усвоенное при самочувствіи, рѣзко отличающемся отъ того, при которомъ совершается воспроизведеніе, не можетъ воспроизводиться до возобновленія перваго самочувствія, т. е. оказывается забытымъ (см. ч. II, стр. 70). Но забыто оно въ это время не оттого чтобы выпало изъ памяти, и не вслѣдствіе задержки въ ея дѣятельности: она вѣдь въ это время работаетъ надъ другими представленіями самымъ исправнымъ образомъ; и данное представленіе, очевидно, не выпало изъ нея, коль скоро оно воспроизводится при возобновленіи того же самаго самочувствія, при которомъ было усвоено. Нѣтъ, его забвеніе при данныхъ условіяхъ составляетъ прямое слѣдствіе тѣхъ же самыхъ законовъ, которые управляютъ *воспроизведеніемъ* представленій: они требуютъ, чтобы

при *этихъ* условіяхъ (т. е. при самочувствіи, рѣзко отличающемся отъ того, при которомъ было усвоено наше представленіе) возникали какія нибудь другія представленія, а не усвоенное при другомъ самочувствіи.

Но могутъ быть еще и другія скопленія условій, препятствующихъ возникновенію даннаго представленія, такъ что во все то время, пока сохраняются эти условія оно окажется забытымъ, именно: это можетъ произойти и тѣмъ путемъ, что *ассоціація желательная, т. е. та, въ составъ которой входитъ забытое представленіе, будетъ заслонена другими, такъ что взамѣнъ ассоціаціи между воспроизводящими представленіями и отыскиваемымъ станетъ дѣйствовать ассоціація между тѣми же воспроизводящими представленіями и какими-нибудь другими, среди которыхъ нѣтъ нашего забытаго представленія.* А такое заслоненіе легко можетъ случиться, ибо мы видѣли, что воспроизводимость того или другого представленія зависитъ отъ *множества* условій и отъ характера ихъ комбинацій, такъ что *при данныхъ условіяхъ* легко можетъ выйти, что воспроизводящія представленія будутъ вызывать изъ всѣхъ ассоціированныхъ съ ними разные другіе ряды представленій, а не тѣ ряды, среди которыхъ находится наше временно забытое представленіе. Напримѣръ: иногда мы засунемъ куда-нибудь вещь и чѣмъ усиленнѣе ищемъ ее, тѣмъ вѣрнѣе, что не вспомнимъ, куда мы ее спрятали. Но если мы отвлечемся на время отъ всякихъ поисковъ и припоминаній, то какъ-то само собой правильно вспоминается, куда мы ее положили, такъ что въ подобныхъ случаяхъ наилучшее средство помочь своей памяти—это умышленно направить свое вниманіе въ сторону отъ всякихъ поисковъ и приняться за нихъ лишь спустя нѣсколько времени послѣ прежнихъ неудачъ. Все это легко объясняется слѣдующимъ образомъ: у насъ прежде, т. е. при первыхъ поискахъ, скопились неблагопріятныя условія для воспроизведенія представленія мѣстонахожденія спрятанной вещи. Продолженіе поисковъ не только не поможетъ намъ, но, напротивъ, еще помѣшаетъ, ибо отъ недавности и повторенія нежелательный для насъ ходъ нашихъ представленій закрѣпляется въ насъ и заслоняетъ собой ту ассоціацію, въ которой находится припоминаемое представленіе, такъ что мы вертимся среди однѣхъ и тѣхъ же нежелательныхъ ассоціацій представленій. Когда же мы бросаемъ поиски и успокаиваемся, то недавность прежняго, неприводящаго къ нашей цѣли хода представленій ослабѣваетъ, возникаетъ другое сочетаніе представленій, и при немъ новыя ассоціаціи, а среди нихъ находится отыскиваемое представленіе.

Подобнымъ же образомъ объясняется и тотъ фактъ, когда во время болѣзни внезапно вспоминается языкъ дѣтства, который казался до той поры абсолютно забытымъ. Это значитъ, что, пока мы были здоровы, наши ассоціаціи при обычномъ самочувствіи такъ переплелись, что постоянно заслоняли тѣ ассоціаціи, въ составъ которыхъ входитъ знаніе этого языка; заболѣвъ же, мы стали въ другія условія (въ другое самочувствіе), которыя отстранили заслоняющія ассоціаціи и дали просторъ другимъ.

Въ заключеніе разсмотримъ два возраженія, которыя могутъ выставить противъ нашего объясненія забвенія.

1) *За очень малыми исключеніями* (которыя бываютъ лишь, когда мы имѣемъ дѣло съ логической связью) *мы должны все выучивать посредствомъ многократнаго повторенія*; такъ, напримѣръ, мы учимъ исторію, физику, иностранные языки и т. п. при помощи *повторенія* заучиваемаго матеріала. Но если все, хоть однажды воспринятое нами, пріобрѣтаетъ даже навсегда способность воспроизводиться, то спрашивается: зачѣмъ намъ эти *повторенія?* На это двѣ причины: первая состоитъ въ томъ, что *всякая вновь пріобрѣтенная нами ассоціація даннаго представленія съ воспроизводящимъ очень легко можетъ быть заслонена другими прежними ассоціаціями*, уже существующими у этого воспроизводящаго представленія, если онѣ были достаточно сильны; а этого заслоненія можно избѣжать лишь въ томъ случаѣ, когда новая ассоціація сдѣлается болѣе сильной, чѣмъ прежнія, что, въ свою очередь, можетъ быть достигнуто проще всего путемъ повтореній новыхъ ассоціацій. Во-вторыхъ, *всякое заучиваніе, т. е. построеніе новыхъ ассоціацій, изъ которыхъ и возникаетъ новое знаніе, всегда какъ бы сопровождается переучиваніемъ, т. е. заслоненіемъ прежнихъ ассоціацій, состоящихъ изъ тѣхъ же представленій, но или соединенныхъ въ другомъ порядкѣ, или взятыхъ въ связи съ такими, съ какими не слѣдуетъ ихъ связывать.* Такъ, раньше, чѣмъ мы начнемъ изучать физику, у насъ есть уже свои собственныя (фантастическія или естественныя) объясненія разныхъ явленій. Тѣ элементы, изъ которыхъ сложено, напримѣръ, научное объясненіе грозы, должны быть взяты изъ обыденнаго опыта, а въ обыденной жизни они уже ассоціированы съ объясненіемъ грозы, или какъ результата столкновенія двухъ облаковъ, или результата того, что Илья пророкъ ѣдетъ по небу въ колесницѣ, и т. д. Теперь эти элементы должны быть приведены въ новыя ассоціаціи, которыми надо заслонить привычныя, старыя. То же можно наблюдать и при изученіи исторіи. Всѣ историческія характеристики, всѣ описанія различныхъ историческихъ событій и учрежденій и т. п. мы складываемъ изъ тѣхъ понятій, которыми уже владѣли въ обыденной жизни. Такимъ образомъ, мы и здѣсь должны производить постройку новыхъ ассоціацій изъ элементовъ прежнихъ; слѣдовательно, и здѣсь заучиваніе сопровождается какъ бы переучиваніемъ. Есть, правда, факты, гдѣ, повидимому, заучиваніе какъ бы совершается проще. Таково, напримѣръ, изученіе языковъ. Когда мы учимъ какой-нибудь иностранный языкъ, мы узнаемъ такія слова, которыхъ прежде никогда не употребляли, потомъ учимся ихъ комбинировать, видоизмѣнять окончанія, склонять, спрягать и т. д. Спрашивается, гдѣ же тутъ перестройка ассоціацій? Но на самомъ дѣлѣ и здѣсь происходитъ построеніе новыхъ ассоціацій изъ элементовъ, входящихъ въ составъ прежнихъ. Дѣйствительно, дадимъ себѣ отчетъ, что значитъ узнать какой-нибудь языкъ, напримѣръ, латинскій? Это значитъ ассоціировать его слова или съ образами самихъ предметовъ, или съ образами русскихъ словъ. Но вѣдь и

тѣ и другіе образы уже ассоціированы съ цѣлой массой другихъ представленій и словъ, только не латинскихъ. Напримѣръ, слово „столъ“ уже связано съ представленіями предмета четырехугольнаго, сдѣланнаго изъ дерева и т. д. А теперь мы его, кромѣ всѣхъ этихъ ассоціацій, должны ввести еще въ составъ такой ассоціаціи: столъ—mensa. И ясное дѣло, что такъ какъ слово „столъ“ *уже* ассоціировано съ цѣлымъ рядомъ другихъ образовъ, то съ новымъ словомъ оно вступаетъ въ связь съ большимъ трудомъ. *Если же всякое заучиваніе какъ бы сопровождается переучиваніемъ, то понятно, что новыя ассоціаціи могутъ укрѣпляться не иначе, какъ путемъ повторныхъ заучиваній; иначе онѣ безпрерывно будутъ заслоняться старыми, какъ привычными для насъ.*

2) Другое, очень вѣское, на первый взглядъ, возраженіе таково: какъ объяснить съ нашей точки зрѣнія такіе факты: a) дѣти, спустя довольно долгое время послѣ рожденія (у однихъ проходитъ 6 недѣль, у другихъ — 3-4 мѣсяца), не научаются узнавать даже кормящихъ ихъ; b) никто не помнитъ своего самаго перваго дѣтства.

Для объясненія перваго факта обратимъ вниманіе на тѣ условія, въ которыя поставлена душевная жизнь новорожденнаго ребенка. Мы очень охотно предполагаемъ, что эта душевная жизнь совершенно такая же, какъ наша; на самомъ же дѣлѣ дѣтскія воспріятія внѣшняго міра далеко не похожи на наши. Дѣйствительно, если мы знаемъ отъ самихъ оперированныхъ слѣпорожденныхъ, что они первое время послѣ операціи не умѣютъ воспринимать разстоянія и величины предметовъ, что предметы кажутся имъ чуть не касающимися ихъ глазъ, неотличающимися отъ плоскихъ предметовъ и т. п., то подобныя же явленія мы должны предполагать и у новорожденныхъ дѣтей. Имъ точно также надо *выучиваться* оцѣнивать разстояніе, величину предметовъ и т. п. А пока они этому учатся, *для нихъ картина внѣшняго міра безпрерывно мѣняется*: наблюдаемые предметы имъ кажутся то большими, то меньшими, то болѣе, то менѣе выпуклыми и т. д. Это первая причина, почему имъ трудно бываетъ узнавать даже мать или кормилицу. А кромѣ того, *для нихъ во внѣшнемъ мірѣ совершается еще другой рядъ важныхъ перемѣнъ.* По самымъ точнымъ наблюденіямъ, произведеннымъ психологами и физіологами Германіи, Франціи, Англіи и Россіи, оказывается, что *дѣти лишь постепенно пріобрѣтаютъ способность различать цвѣта.* Первые дни они даже, можетъ быть, не различаютъ ничего, кромѣ свѣта и тѣни, т. е. страдаютъ цвѣтовой слѣпотой на всѣ цвѣта. Затѣмъ начинаютъ воспринимать цвѣта: желтый, красный, синій и т. д. Всѣхъ позже воспринимается фіолетовый (лишь на 4-мъ году жизни). И, конечно, пока эта способность различенія цвѣтовъ развивается, *окраска разныхъ предметовъ внѣшняго міра мѣняется для дѣтскихъ глазъ.* По всему этому имъ нельзя быстро выучиться узнавать внѣшнія вещи.

Правда, противъ этихъ наблюденій было сдѣлано слѣдующее возраженіе: о степени цвѣтовой воспріимчивости дѣтей мы должны судить по общему по-

веденію дѣтей, а также по пониманію ими *названій* цвѣтовъ, насколько они вѣрно понимаютъ эти названія. Но по ихъ поведенію довольно трудно навѣрняка судить объ ихъ воспріятіяхъ; ошибки же относительно названій, можетъ быть, указываютъ не на порядокъ *распознаванія* цвѣтовъ, а на порядокъ *заучиванія ихъ названій*. Такое возраженіе было бы очень вѣскимъ, если бы эти наблюденія производились надъ дѣтьми только одной націи. Но въ томъ-то и дѣло, что они производились надъ дѣтьми различныхъ народностей; и нѣтъ никакихъ основаній думать, что названіе краснаго цвѣта, напримѣръ, *на всѣхъ языкахъ* дѣтьми запоминается позднѣе, чѣмъ названіе желтаго и т. п.; а порядокъ, въ которомъ дѣти научаются воспринимать цвѣта, оказался у разныхъ народовъ одинаковымъ. Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что дѣти съ трудомъ научаются узнавать окружающихъ ихъ, вполнѣ объясняется изъ особенностей ихъ душевной жизни.

Эти же особенности дѣлаютъ для насъ понятнымъ и то, что мы не помнимъ перваго дѣтства. *Если картина внѣшняго міра была у насъ тогда совсѣмъ другая, чѣмъ теперь, то, конечно, для воспроизведенія ея теперь нѣтъ поводовъ.* А наряду съ этимъ можно указать еще и на другую причину. *Послѣ перваго дѣтства у насъ рѣзко измѣняются интересы*, при чемъ позднѣйшія воспріятія часто имѣютъ поводъ воспроизводиться и вслѣдствіе этого такъ укрѣпляются въ своей связи, что заслоняютъ предыдущія, пріобрѣтенныя въ первомъ дѣтствѣ.

32. Чувства или эмоціи.

Эмоціями мы условились называть, чтобы удобнѣе было образовать прилагательное, всѣ чувства въ смыслѣ состояній. Слово эмоція первоначально означаетъ движеніе; введено же оно въ употребленіе въ психологію англійскими психологами, такъ называемой, шотландской школы, подвизавшейся въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Въ настоящее время этимъ терминомъ обозначаютъ всѣ чувства (въ смыслѣ состояній) лишь нѣкоторые англійскіе и французскіе психологи; нѣмецкіе же, благодаря особенностямъ своего языка, почти всегда умѣютъ обходиться безъ помощи этого термина. Многіе же психологи нерѣдко условливаются называть эмоціями не всѣ, а лишь опредѣленную *группу чувствъ*, именно тѣ, которыя болѣе другихъ похожи на движенія души. Конечно, они имѣютъ на это полное право, ибо слово эмоція не изъ тѣхъ, за которыми твердо установилось въ исторіи науки общепризнанное значеніе. По всему этому, *при чтеніи любого психологическаго сочиненія нужно всегда выяснить себѣ, въ какомъ смыслѣ употребляется въ немъ терминъ эмоція, чтобы не подсовывать подъ него иного смысла, чѣмъ хочетъ авторъ, и непозволительно упрекать послѣдняго за то, что онъ употребляетъ этотъ терминъ по своему.*

Нужно было бы намъ опредѣлить понятіе эмоціи, или чувства т. е, указать

тѣ черты или признаки, которые были бы присущи всѣмъ чувствамъ и отличали бы ихъ всѣ отъ другихъ душевныхъ явленій Но, кажется, надо отказаться отъ попытокъ указать такія положительныя черты (т. е. говорящія, что есть въ чувствахъ, а не указывающія лишь то, чего въ нихъ нѣтъ, или чего они не составляютъ): *попытки положительнымъ путемъ охарактеризовать сразу всѣ чувства приводятъ у разныхъ психологовъ къ очень различнымъ результатамъ.* Подъ чувствами, или эмоціями подразумѣваютъ столь разнообразныя душевныя явленія, что трудно, почти невозможно, ждать, чтобы у нихъ у всѣхъ сразу были какіе-либо общіе имъ всѣмъ и легко замѣтные признаки, кромѣ чисто отрицательныхъ, т. е. говорящихъ лишь о томъ, чего нѣтъ въ эмоціяхъ, или чего онѣ не составляютъ. При такихъ условіяхъ психологіи удобнѣе всего опредѣлять ихъ чисто отрицательнымъ путемъ и говорить, что подъ ними подразумѣваются *такія душевныя переживанія, которыя останутся въ душевной жизни за вычетомъ явленій, называемыхъ познавательными и волевыми, а также и внутреннихъ ощущеній.* Конечно, этимъ будетъ дано не опредѣленіе самихъ чувствъ, а лишь указаніе, какъ употреблять терминъ „чувство“, т. е. будетъ дано не реальное, а всего лишь номинальное опредѣленіе чувствъ. Но этого вполнѣ достаточно, чтобы приступая къ изученію чувствъ, гарантировать взаимное пониманіе, и это — гораздо лучше, чѣмъ строить спорныя и мало понятныя, или же каждымъ понимаемыя по своему, опредѣленія самихъ чувствъ, т. е. ихъ реальное опредѣленіе.

Психологія чувствъ составляетъ одинъ изъ наихудшихъ. по своей малой разработанности, отдѣловъ психологіи. Эта неразработанность особенно ярко сказывается въ слѣдующихъ отношеніяхъ:

1) До сихъ поръ никому не удалось установить классификацію чувствъ, которая была бы принята, если и не всѣми, то значительнымъ числомъ психологовъ, хотя несомнѣнно, что вслѣдствіе многочисленности и крайняго разнообразія чувствъ, ихъ нельзя подробно изучать безъ предварительной классификаціи. Правда, всякая классификація имѣетъ значеніе лишь чисто вспомогательнаго средства, которое намъ необходимо, чтобы легче оріентироваться среди изучаемыхъ разнообразныхъ предметовъ и легче овладѣть изучаемыми знаніями, а сама по себѣ еще не составляетъ знанія, такъ что всякій въ правѣ установить и употреблять такую классификацію, которая окажется удобнѣе для его изслѣдованія; но отсутствіе классификаціи, одинаково признаваемой наиудобнѣйшей со стороны всѣхъ или большинства психологовъ, доказываетъ, что еще никто не указалъ пути, который для всѣхъ оказался бы одинаково удобнымъ при изученіи чувствъ.

2) До сихъ поръ относительно чувствъ никѣмъ не установлено никакихъ научныхъ общепризнанныхъ обобщеній, т. е. положеній, которыя говорили бы что-нибудь новое, еще неизвѣстное намъ изъ обыденной жизни, относительно всѣхъ чувствъ сразу или большой группы чувствъ одного рода и которыя не оспаривались бы, а подтверждались бы другими психоло-

гами. Новѣйшими подобными обобщеніями служатъ теорія Джемса-Ланге и теорія Вундта, которыя мы и изложимъ ниже.

3) Даже въ описаніи и въ анализѣ отдѣльныхъ чувствъ или небольшихъ наиболѣе сходныхъ между собой группъ чувствъ замѣчается не малая разноголосица, а сверхъ того, какая-то незаконченность. Стоитъ только сравнить у разныхъ психологовъ перечни элементовъ какого-нибудь сложнаго чувства (напримѣръ, любви) и его видоизмѣненій (любви половой, родительской, братской и т. д.), какъ намъ кинется въ глаза неодинаковость этихъ перечней у разныхъ психологовъ, разумѣется, не въ главныхъ чертахъ, а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, и такая блѣдность или незаконченность въ описаніи общаго характера этихъ чувствъ, что мы не будемъ считать черезчуръ большимъ преувеличеніемъ слова Джемса, который говоритъ, что онъ гораздо больше и нагляднѣе знакомился съ различными чувствами посредствомъ чтенія хорошихъ беллетристическихъ произведеній, чѣмъ изъ психологическихъ трактатовъ, что изъ послѣднихъ онъ выносилъ только знаніе разныхъ синонимовъ, употребляемыхъ при описаніи отдѣльныхъ чувствъ, вслѣдствіе чего онъ всѣ психологическіе трактаты о чувствахъ характеризуетъ, какъ всего только словари синонимовъ. Нѣкоторое преувеличеніе въ этихъ словахъ несомнѣнно есть: ни одно беллетристическое произведеніе не дастъ намъ ни общаго систематическаго свода нашихъ знаній о чувствахъ, ни хотя бы всего только приблизительныхъ обобщеній, ни попытокъ полнаго разложенія отдѣльныхъ чувствъ на составные элементы, а психологическіе трактаты даютъ намъ и то, и другое, и третье. Но относительно наглядности въ описаніи чувствъ нѣкоторыя изъ беллетристическихъ произведеній несомнѣнно превосходятъ любой психологическій трактатъ. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: въ хорошихъ беллетристическихъ произведеніяхъ вообще много очень наглядныхъ описаній отдѣльно взятыхъ душевныхъ явленій, вслѣдствіе чего эти произведенія и служатъ, какъ мы уже знаемъ, однимъ изъ источниковъ для коллективнаго самонаблюденія.

Таковы важнѣйшіе недостатки психологіи чувствъ. Изъ нихъ — первые два легко объясняются уже крайнимъ разнообразіемъ и многочисленностью чувствъ. Что же касается третьяго недостатка, то онъ объясняется еще и тѣмъ, что при описаніи и анализѣ любого сложнаго чувства мы должны перечислить его составные элементы, значительная часть которыхъ сводится опять-таки къ чувствамъ же, но болѣе элементарнаго характера; напримѣръ, чувство родительской любви, кромѣ влеченія къ дѣтямъ, заботливости и т. п., слагается еще изъ чувства нѣжности, жалости, миніатюрности и т. п., при чемъ многія изъ этихъ элементарныхъ чувствъ, входя въ составъ разныхъ чувствъ, нѣсколько видоизмѣняются (напримѣръ, чувство жалости, входящее въ составъ родительской любви, принимаетъ иную окраску, чѣмъ чувство жалости къ взрослому больному). Всѣ эти элементарныя части чувствъ и ихъ видоизмѣненія должны быть названы при анализѣ сложнаго чувства своими особыми именами. Но какъ установить для каждой изъ

нихъ общепонятныя названія? Показать на каждую изъ нихъ пальцемъ и условиться въ употребленіи для нея того или другого названія нельзя. Остается привлечь къ нимъ вниманіе своихъ читателей или слушателей посредствомъ *уподобленія* этихъ составныхъ частей чему нибудь такому, что *предполагается* болѣе знакомымъ нашему читателю. Но при такихъ условіяхъ одна и та же составная часть даннаго чувства можетъ быть уподоблена совершенно различнымъ явленіямъ, вслѣдствіе чего появляется немалое разнообразіе у разныхъ психологовъ въ описаніи состава того же самаго сложнаго чувства и синонимныя выраженія у одного и того же психолога, желающаго точнѣе привлечь вниманіе читателя къ какой-либо части чувства посредствомъ уподобленія ея различнымъ явленіямъ.

Конечно, если бы мы уже и въ обыденной жизни сообща вникали въ составъ чувствъ, то для ихъ составныхъ элементовъ выработались бы общепринятыя названія, подобно тому, какъ они выработались для самихъ сложныхъ и для нѣсколькихъ простыхъ чувствъ. Но обыкновенно мы очень неохотно, кромѣ какъ съ очень близкими людьми, говоримъ о своихъ чувствахъ. Напримѣръ, влюбленные говорятъ о своихъ чувствахъ только другъ съ другомъ, а съ третьими лицами совсѣмъ не хотятъ говорить о нихъ, кромѣ какъ съ близкими друзьями; да и съ ними говорятъ вовсе не о составѣ своего чувства любви, но о счастьи или несчастьи, которое она имъ доставляетъ, такъ что сама-то любовь затрогивается при этихъ разговорахъ только стороной. Уже все это вмѣстѣ взятое сильнѣйшимъ образомъ препятствуетъ составленію точнаго описанія отдѣльныхъ сложныхъ чувствъ.

Ко всему сказанному надо присоединить еще два важныхъ препятствія:

1) *Чувства почти недоступны прямому самонаблюденію*, т. е. самонаблюденію, которое производилось-бы въ тотъ самый моментъ, когда чувство еще переживается нами. Прямое самонаблюденіе надъ ними крайне затруднительно уже и потому, что *во время разгара чувства нашъ умъ занятъ не психологическими вопросами, а предметомъ или причиной чувства. Если же мы станемъ все-таки производить прямое самонаблюденіе надъ своимъ чувствомъ, то послѣднее отъ этого быстро ослабѣваетъ и даже исчезаетъ.* Съ перваго взгляда это можетъ показаться не вполнѣ вѣрнымъ; могутъ возразить, будто бы страхъ вѣрнѣе исчезнетъ, если забыть о немъ, а отъ сосредоточенія вниманія на немъ онъ усиливается. Но такое возраженіе (которое охотно дѣлаетъ множество людей) составляетъ слѣдствіе привычки къ небрежности выраженій и обусловленнаго этой привычкой неумѣнія въ точности понимать чужія рѣчи. Въ этомъ возраженіи смѣшиваютъ другъ съ другомъ сосредоточеніе вниманія на предметѣ или мысляхъ, вызывающихъ данное чувство, съ сосредоточеніемъ вниманія на самомъ этомъ чувствѣ съ цѣлью дать себѣ отчетъ въ особенностяхъ его качества и въ его составѣ. Если думать о предметѣ, вызывающемъ страхъ, о томъ, чѣмъ именно онъ страшенъ и т. п.,—напримѣръ,

если, находясь въ темномъ пустомъ домѣ, упорно думать обо всемъ этомъ, то страхъ усилится, можетъ даже переродиться въ паническій ужасъ и даже свести съ ума; если же сосредоточить вниманіе на самомъ страхѣ, на его составѣ, на его отличіяхъ отъ другихъ чувствъ, съ намѣреніемъ подглядѣть все это въ томъ самомъ страхѣ, который сейчасъ и переживается нами, а не судить объ этомъ по своимъ воспоминаніямъ, то такое прямое самонаблюденіе (которое, надо замѣтить, удается далеко не всѣмъ) убиваетъ страхъ именно оттого, что при прямомъ самонаблюденіи надъ самимъ чувствомъ наше вниманіе отвлекается отъ всѣхъ мыслей, служащихъ причиной страха. Чтобы судить о составѣ и качествѣ сложныхъ чувствъ, приходится основываться главнымъ образомъ на непрямомъ самонаблюденіи. *Но если мы захотимъ для этой цѣли пользоваться одними лишь воспоминаніями о пережитыхъ нами чувствахъ, то у насъ окажется мало матеріала*; ибо то, что протекаетъ въ нашей душевной жизни безъ всякаго вниманія съ нашей стороны, оставляетъ послѣ себя лишь самыя слабыя и отрывочныя воспоминанія; а во время переживанія чувства вниманіе занято его предметомъ, а не самимъ чувствомъ. *Если же мы станемъ разсматривать воображаемыя чувства, то окажемся въ такомъ же положеніи, какъ и при прямомъ самонаблюденіи*: вѣдь оттого только и позволительно обращаться къ этому пріему самонаблюденія, что воображать себя переживающимъ какое-либо чувство—то же самое, что въ слабой степени дѣйствительно переживать его. А отъ сосредоточенія вниманія на самомъ чувствѣ послѣднее ослабѣваетъ и исчезаетъ, какимъ бы путемъ оно ни возникло, подъ вліяніемъ ли дѣйствительнаго предмета или воображаемаго предмета, возбуждающаго наше чувствованіе. Словомъ, наблюдать въ самихъ себѣ составъ и различные оттѣнки въ своихъ собственныхъ чувствахъ можно всегда только урывками. Изъ сказаннаго уже понятно, какъ трудно описывать сложныя чувства посредствомъ самонаблюденія; а плодотворность объективнаго наблюденія обусловлена степенью того знакомства нашего съ изучаемымъ душевнымъ явленіемъ, которое пріобрѣтено при помощи самонаблюденія.

2) Наконецъ, замѣтимъ, что *нигдѣ не встрѣчается такъ много индивидуальныхъ видоизмѣненій, какъ въ чувствахъ*. Всѣ романы наполнены описаніемъ любви, но у каждаго героя это чувство оказывается своимъ особеннымъ. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы въ другихъ чувствахъ не встрѣчалось такое же множество индивидуальныхъ видоизмѣненій, какъ въ половой любви, и чтобы въ нихъ каждый типъ даннаго чувства не подраздѣлялся въ свою очередь на другіе подчиненные ему типы. Если же для подтвержденія такого мнѣнія трудно привесть настолько же общеизвѣстные примѣры, какъ относительно любви, то это зависитъ только оттого, что и въ жизни и въ беллетристикѣ мы гораздо больше интересуемся индивидуальными видоизмѣненіями этого чувства, чѣмъ другими. А такое обиліе индивидуальныхъ измѣненій должно сильно затруднять обобщенныя описанія чувствъ, между тѣмъ какъ для науки нужны всегда обобщенныя,

типическія описанія; ибо только посредствомъ нихъ можемъ мы выслѣдить законы, управляющіе описываемыми явленіями; описанія же отдѣльно взятыхъ единичныхъ случаевъ сами по себѣ еще не важны и должны служить только сырымъ матеріаломъ для нашихъ обобщеній. Даже въ исторіи отдѣльно взятые единичные факты сами по себѣ еще не имѣютъ никакого значенія, а цѣнятся лишь въ надеждѣ, что они послужатъ матеріаломъ для какихъ-либо обобщеній.

По всѣмъ выше указаннымъ причинамъ психологія чувствъ составляетъ наименѣе разработанный отдѣлъ психологіи. Ланге и Джемсъ своими теоріями, повидимому, указываютъ новый путь для разработки этого отдѣла; и со времени появленія этихъ теорій нѣкоторые стали думать, будто бы прежніе пріемы психологическаго изученія чувствъ сполна утратили свое значеніе. Въ дѣйствительности же это сильное преувеличеніе.

Датскій физіологъ Ланге обнародовалъ въ 1885 г. небольшую брошюрку, дважды переведенную на русскій языкъ, одинъ разъ подъ заглавіемъ „Аффекты“ (1890 г.), а другой — „Душевныя движенія“ (1896 г.). Въ ней подъ словомъ „эмоція“ онъ условливается подразумѣвать не всѣ чувства, а лишь узкую группу ихъ, каковы: *печаль, страхъ, радости, гнѣвъ и однородныя съ ними*; но съ какой точки зрѣнія нужно брать здѣсь однородность, объ этомъ онъ не упоминаетъ. Другія же чувства, какъ напримѣръ: любовь, ненависть, презрѣніе, удивленіе и т. д., онъ предлагаетъ называть какъ-нибудь иначе, напримѣръ, страстями, чувствами и т. п., и оставляетъ ихъ въ своей работѣ безъ разсмотрѣнія, такъ что она ограничивается однѣми лишь эмоціями въ его условномъ смыслѣ слова. По его словамъ, эта вторая группа чувствъ, остающаяся за вычетомъ эмоцій, отличается отъ эмоцій и 1) большей сложностью состава, такъ какъ сюда входитъ масса интеллектуальныхъ процессовъ, и во 2) большей сложностью и большимъ разнообразіемъ условій возникновенія.

Изучая однѣ лишь эмоціи въ его смыслѣ слова, Ланге высказываетъ увѣренность, что знаніе о нихъ быстро двинется впередъ, если онѣ будутъ изучаться предлагаемымъ имъ методомъ, который долженъ состоять въ тщательномъ и подробномъ разсмотрѣніи того, что называютъ воплощеніями чувствъ, ихъ выраженіями, или экспрессіей, т. е. въ детальномъ выясненіи явленій физіологическаго характера, возникающихъ при переживаніи чувствъ. Напримѣръ: при страхѣ наступаетъ поблѣдѣніе кожныхъ покрововъ, судорожное сжатіе кишекъ, пониженіе иннервація произвольныхъ мускуловъ и т. д. И Ланге предлагаетъ разсматривать всѣ подобныя явленія, чтобы выслѣдить, какъ они видоизмѣняются при различныхъ эмоціяхъ, при чемъ онъ утверждаетъ, что каждая изъ нихъ характеризуется исключительно этими физіологическими явленіями, такъ что *каждая эмоція есть ничто иное, какъ отраженіе въ нашемъ сознаніи всей совокупности физіоло-*

гическихъ измѣненій, возникающихъ въ нашемъ организмѣ при переживаніи этой эмоціи.

Обыкновенно эти физіологическія явленія считаются слѣдствіемъ эмоціи; по мнѣнію же Ланге дѣло стоитъ наоборотъ: *оттого что въ нашемъ организмѣ происходятъ тѣ физіологическія измѣненія, которыя мы называемъ воплощеніемъ эмоціи, отъ этого только и переживается нами эмоція, какъ отраженіе этихъ измѣненій организма въ сознаніи.*

Ланге не называетъ этихъ отраженій какими либо психологическими терминами, но, конечно, онъ назвалъ бы ихъ органическими и моторными ощущеніями, если бы онъ замѣнилъ свой физіологическій языкъ психологическимъ: ибо больше нечѣмъ отразиться въ сознаніи тѣмъ физіологическимъ явленіямъ, которыя служатъ воплощеніемъ эмоцій. Но, интересуясь одной лишь физіологической стороной эмоцій, Ланге устремляетъ все свое вниманіе на догадки о различіи при разныхъ эмоціяхъ въ дѣятельности кровеносной системы, другихъ внутреннихъ органовъ, иннерваціи произвольныхъ (т. е. подчиняющихся въ своихъ сокращеніяхъ нашей волѣ) и непроизвольныхъ (т. е. не подчиняющихся нашей волѣ) мускуловъ и т. п. Поэтому онъ высказываетъ всѣ свои мысли исключительно на физіологическомъ языкѣ, вслѣдствіе чего, съ перваго взгляда, въ его теоріи, какъ будто бы, нѣтъ ничего новаго, кромѣ ученія о подробностяхъ тѣхъ физіологическихъ явленій, которыя происходятъ при различныхъ эмоціяхъ: вѣдь на основаніи принципа параллелизма про любое душевное явленіе можно утверждать, что оно служитъ отраженіемъ въ сознаніи какого - либо физіологическаго явленія. Напримѣръ: и про мысль можно сказать, что она служитъ отраженіемъ въ сознаніи какихъ то явленій, происходящихъ въ головномъ мозгу, лишь бы только мы не придавали этимъ словамъ метафизическаго (именно матеріалистическаго) истолкованія. Такъ почему же не сдѣлать такого же вывода и относительно эмоцій? Онѣ, въ силу принципа параллелизма, *должны* быть отраженіемъ въ сознаніи какихъ-либо физіологическихъ явленій; а Ланге, повидимому, *ничего* другого не дѣлаетъ, какъ только указываетъ, изъ отраженія въ сознаніи какихъ именно физіологическихъ явленій слагаются эмоціи. Но въ этомъ-то „ничего“ и вся суть дѣла; ибо *характеризуя разныя эмоціи, онъ всегда указываетъ только такія физіологическія явленія, которыя отражаются въ сознаніи исключительно въ видѣ органическихъ и моторныхъ ощущеній*; объ особомъ же для каждой эмоціи движеніи мыслей, о простѣйшихъ чувствахъ, входящихъ въ ея составъ, объ ея вліяніи на волю и т. п. онъ не говоритъ ни слова. Такимъ образомъ, по его словамъ, выходитъ, что *всякая эмоція состоитъ всего только изъ комплекса органическихъ и моторныхъ ощущеній, которыя для разныхъ эмоцій бываютъ различными, и въ нихъ нѣтъ ничего другого.* Въ этомъ-то съуженіи состава эмоцій и состоитъ новизна его ученія; ибо *по обычному взгляду на эмоціи, каждая изъ нихъ возникаетъ сперва сама по себѣ, и лишь послѣ того, какъ она*

воплотится въ различныхъ физіологическихъ явленіяхъ, къ ея составу присоединяются органическія и моторныя ощущенія, посредствомъ которыхъ отражаются въ сознаніи эти явленія.

Конечно, Ланге старается подкрѣпить свою теорію различными доводами, кромѣ увѣренія, что изученіе эмоцій пойдетъ гораздо успѣшнѣе, если мы взамѣнъ субъективнаго метода будемъ изучать ихъ рекомендуемымъ имъ *физіологическимъ* методомъ, т. е. разсматривая тщательнымъ образомъ ихъ физіологическія обнаруженія. Но съ этими доводами мы ознакомимся при изложеніи теоріи Джемса, такъ какъ всѣ они повторяются и Джемсомъ.

Теоріи Ланге и Джемса возникли совершенно независимо другъ отъ друга, какъ это ясно видно изъ того, что Джемсъ изложилъ свою теорію еще за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія брошюры Ланге, именно въ статьѣ „What is an emotion“ („Что такое эмоція“) въ лондонскомъ журналѣ „Mind“ (Духъ)—въ 1884 г., хотя въ дальнѣйшихъ переработкахъ этой статьи, сдѣланныхъ имъ въ видѣ главъ объ эмоціяхъ въ его непереведенныхъ на русскій языкъ „Основахъ психологіи“ (Principles of Psychology) и въ переведенной И. И. Лапшинымъ „Психологіи“ (Text Book of Psychology), онъ усвоилъ также и всѣ доводы Ланге, даже и его примѣры. Что же касается Ланге, то при чтеніи его брошюры ясно видно его полное незнакомство съ статьей Джемса, появившейся незадолго до этой брошюры. Между тѣмъ, взгляды Джемса и Ланге почти совпадаютъ другъ съ другомъ. Такое совпаденіе двухъ ученыхъ принадлежащихъ къ разнымъ національностямъ (американецъ и датчанинъ), живущихъ въ разныхъ частяхъ свѣта и пришедшихъ тѣмъ не менѣе *одновременно и независимо другъ отъ друга* къ одинаковымъ воззрѣніямъ, доказываетъ, что въ послѣднихъ много правды.

Подъ именемъ эмоцій Джемсъ подразумѣваетъ всѣ чувства; но свою теорію эмоцій самъ онъ относитъ не ко всѣмъ чувствамъ, а лишь къ *„наиболѣе грубымъ“*, какъ онъ называетъ нѣкоторыя изъ нихъ, указывая, какъ отличительную черту грубыхъ эмоцій, что онѣ *„тѣсно связаны съ сильнымъ тѣлеснымъ возбужденіемъ“*. Про болѣе же тонкія эмоціи, каковы: эстетическія, нравственныя и интеллектуальныя, онъ говоритъ, что онѣ пока не примутъ грубой формы, не подходятъ подъ его теорію. Такимъ образомъ, она, напримѣръ, не относится, по его собственнымъ словамъ, къ чувствамъ нравственнаго удовлетворенія, благодарности, любопытства и т. д.: это его собственные примѣры. Впрочемъ, онъ тотчасъ же дѣлаетъ такія оговорки, которыя даютъ право думать, что это ограниченіе годности его теоріи допускается имъ только для устраненія излишнихъ споровъ, и что ее надо бы относить ко всѣмъ чувствамъ безъ исключенія. Но все это сдѣлается гораздо яснѣе, когда мы познакомимся съ его теоріей. Тогда мы и вернемся къ оговоркамъ Джемса.

Теорія Джемса, если ее взять помимо его доказательствъ, сводится

къ слѣдующимъ положеніямъ: *всякая грубая эмоція состоитъ только изъ отраженія въ сознаніи того тѣлеснаго возбужденія, которое бываетъ при этой эмоціи, т. е. изъ органическихъ и моторныхъ ощущеній, вызываемыхъ этимъ тѣлеснымъ возбужденіемъ, и больше ни изъ чего, при чемъ возникаетъ каждая грубая эмоція тѣмъ путемъ, что предметъ эмоціи, т. е. мысль о какомъ-либо предметѣ, или же воспріятіе этого предмета, вызываетъ въ нашемъ организмѣ рядъ измѣненій, составляющихъ, такъ называемое, воплощеніе эмоціи, вслѣдствіе же этого возбужденія и возникаетъ въ насъ вся совокупность органическихъ и моторныхъ ощущеній, которая и образуетъ эмоцію, вызываемую этимъ предметомъ.* Напримѣръ, если, я гуляя въ лѣсу, встрѣчу медвѣдя, то его воспріятіе такъ иннервируетъ мои мускулы, чтобы я обратился въ бѣгство, и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываетъ перемѣны въ кровообращеніи, въ дѣятельности сердца, легкихъ, кишекъ и т. д. Вслѣдствіе этихъ чисто тѣлесныхъ явленій, въ сознаніи возникаетъ совокупность строго опредѣленныхъ моторныхъ и органическихъ ощущеній, которая и составляетъ эмоцію страха, такъ что послѣдній и состоитъ не изъ чего другого, какъ только изъ этихъ ощущеній, или, что то же самое, изъ отраженія въ сознаніи тѣлесныхъ измѣненій, вызванныхъ въ организмѣ воспріятіемъ медвѣдя.

Очевидно, что теорія Джемса въ описаніи *состава* эмоцій вполнѣ совпадаетъ съ теоріей Ланге, такъ что обѣ онѣ одинаково отличаются отъ обычныхъ взглядовъ на эмоцію, при чемъ эта разница легко можетъ быть представлена схематически. Для этой цѣли условимся называть буквой П представленія или воспріятія предмета эмоціи (скажемъ, воспріятіе встрѣтившагося медвѣдя), буквой Э эмоцію, буквой В внутреннія (органическія и моторныя) ощущенія, возбуждаемыя въ нашемъ сознаніи воплощеніемъ эмоціи въ видѣ ряда тѣлесныхъ измѣненій, наконецъ буквой Т эти самыя измѣненія; стрѣлками же условимся обозначать, въ какомъ порядкѣ возникаютъ эти явленія. Тогда обычный взглядъ на эмоціи выразится слѣдующей схемой:

$$П \rightarrow Э \rightarrow Т \rightarrow В.$$

Взглядъ же Ланге и Джемса будетъ соотвѣтствовать такой схемѣ:

$$П \rightarrow Т \rightarrow В = Э.$$

При обычномъ взглядѣ внутреннія, т. е. органическія и моторныя ощущенія, вызываемыя тѣлеснымъ воплощеніемъ эмоціи, *присоединяются* къ ней уже послѣ ея возникновенія, такъ что сама-то эмоція уже существуетъ раньше, чѣмъ возникаетъ ея воплощеніе и возбуждаемыя имъ внутреннія ощущенія. Если же эмоція, подобно всѣмъ другимъ душевнымъ явленіямъ, и служитъ отраженіемъ въ сознаніи тѣлесныхъ явленій, то по обычному взгляду, въ видѣ эмоціи отражаются сперва лишь явленія, происходящія въ головномъ мозгу, т. е. въ *центрѣ* нервной системы, а не на ея периферіи, не въ мускулахъ и органахъ растительной жизни, отраженіе

которыхъ въ сознаніи присоединяется лишь послѣ. По теоріи же Джемса и Ланге, внутреннія ощущенія, въ видѣ которыхъ отражаются въ сознаніи тѣлесныя воплощенія эмоцій, не присоединяются къ ней, но составляютъ всю ее, и эмоція, состоя только изъ однихъ лишь этихъ ощущеній, возникаетъ вмѣстѣ съ ними, такъ что она служитъ отраженіемъ въ сознаніи тѣхъ тѣлесныхъ явленій, которыя происходятъ на *периферіи* нервной системы,—въ мускулахъ и органахъ растительной жизни. Вотъ почему *теорію Джемса и Ланге называютъ иногда теоріей периферическаго происхожденія эмоцій, а обычную теорію — теоріей центральнаго происхожденія.*

Чтобы сильнѣе подчеркнуть отличіе своей теоріи отъ обычнаго взгляда на эмоціи, Джемсъ указываетъ на то, что обыкновенно думаютъ и говорятъ такъ: „мы плачемъ оттого, что мы опечалены“, а сообразно съ его теоріей, нужно бы вотъ какъ говорить: „оттого, что я плачу, я печаленъ“, потому что печаль есть только отраженіе въ сознаніи въ видѣ органическихъ и моторныхъ ощущеній того тѣлеснаго возбужденія, которое бываетъ при печали, и въ составъ котораго, между прочимъ, входитъ и плачъ. Точно также надо бы говорить, по словамъ Джемса, „оттого, что я обращаюсь въ бѣгство, я испуганъ“, а не слѣдовало бы выражаться: „потому что я испуганъ, я обращаюсь въ бѣгство“. Тотъ же выводъ самъ собой напрашивается и на основаніи теоріи Ланге, но послѣдній не подчеркнулъ его.

Изъ изложенія теоріи Джемса очевидно, что во всѣхъ существенныхъ чертахъ она совпадаетъ съ теоріей Ланге, такъ что разница между ними сводится только къ слѣдующему:

1) *Теорія Джемса нѣсколько шире, ибо относится къ большему числу чувствъ*, именно ко всѣмъ грубымъ эмоціямъ (т. е. связаннымъ съ сильнымъ тѣлеснымъ возбужденіемъ), даже и такимъ, про которыя Ланге прямо говоритъ, что онѣ не подходятъ подъ его теорію. Дѣйствительно, вотъ собственныя слова Джемса: „гнѣвъ, страхъ, *любовь, ненависть*, радость, печаль, стыдъ, гордость и различные оттѣнки этихъ эмоцій могутъ быть названы наиболѣе грубыми формами эмоцій, такъ какъ онѣ тѣсно связаны съ относительно сильнымъ тѣлеснымъ возбужденіемъ“. А вотъ слова Ланге: „несомнѣнно, что съ одной стороны, печаль, радость, страхъ, гнѣвъ и аналогичныя имъ, а съ другой,—*любовь, ненависть*, презрѣніе, удивленіе и т. п. составляютъ двѣ группы явленій, которыя въ психологическомъ отношеніи должны быть различаемы. Только для первой группы я удержу терминъ „эмоціи“, или „душевныя движенія“, другія останутся страстями, чувствами, или пусть ихъ называютъ, какъ угодно“. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ перечней, изъ которыхъ одинъ указываетъ чувства, подчиняющіяся теоріи Джемса, а другой—чувства, не подчиняющіяся теоріи Ланге, попадается и *любовь и ненависть*; кромѣ того, у Джемса попадается еще *гордость*, а у Ланге—*„презрѣніе*, удивленіе“ и т. п.

2) Джемсъ, излагая свою теорію, не ограничивается лишь физіологической стороной чувствъ, не ограничивается тѣмъ, чтобы въ точности

узнать, изъ чего слагается тѣлесное возбужденіе, сопровождающее ту или другую эмоцію, но тотчасъ же дѣлаетъ заключеніе о томъ, какія именно душевныя явленія соотвѣтствуютъ этому возбужденію, и указываетъ, что они сводятся къ органическимъ и моторнымъ ощущеніямъ; Ланге же не высказываетъ этого прямо, а заставляетъ самого читателя догадываться объ этомъ. Словомъ, *въ то время, какъ Ланге говоритъ о чувствахъ почти исключительно на языкѣ физіологическомъ, Джемсъ большую часть сказаннаго Ланге переводитъ на психологическій языкъ.*

3) *Джемсъ ставитъ и пытается рѣшить вопросъ, который невольно возникаетъ по поводу каждой изъ этихъ теорій, но котораго Ланге не затрогиваетъ;* именно: если каждая эмоція состоитъ всего только изъ комплекса внутреннихъ ощущеній (органическихъ и моторныхъ), возникающихъ вслѣдствіе того тѣлеснаго возбужденія, которое вызываетъ въ организмѣ представляемый или воспринимаемый предметъ эмоціи, то почему же нѣкоторые предметы обладаютъ такимъ свойствомъ, что ихъ воспріятіе или даже мысль, что они будутъ восприняты, вызываютъ это возбужденіе? Съ обычной точки зрѣнія это возбужденіе объясняется тѣмъ, что оно вызывается чувствомъ, а не прямо мыслью о предметѣ чувствованія или его воспріятіемъ. Джемсъ пытается отвѣтить на этотъ вопросъ отчасти тѣмъ, что сближаетъ чувства съ инстинктами, и при томъ онъ настолько сближаетъ ихъ, что чувства у него перестаютъ отличаться отъ инстинктовъ. Такъ, страхъ онъ разсматриваетъ не только какъ эмоцію, но и какъ инстинктъ, побуждающій насъ обращаться въ бѣгство при воспріятіи нѣкоторыхъ предметовъ, напримѣръ — медвѣдя. Этимъ объясняется одна часть тѣлеснаго возбужденія, возникающаго при эмоціяхъ; другая же часть (напримѣръ, при страхѣ перемѣны въ кровообращеніи, вызывающія поблѣднѣніе и т. п.) объясняются физіологическимъ механизмомъ, связывающимъ эти измѣненія съ инстинктивными. Что же касается такихъ фактовъ, какъ напримѣръ, разница, оказываемая воспріятіемъ медвѣдя въ лѣсу, вызывающимъ испугъ, и воспріятіемъ медвѣдя въ клѣткѣ, не вызывающимъ либо никакой эмоціи, либо одно лишь любопытство, то они объясняются Джемсомъ, какъ результатъ измѣненій, происходящихъ въ инстинктахъ подъ вліяніемъ привычекъ, размышленій и т. п.

Не будемъ останавливаться на этихъ объясненіяхъ. Мы упоминаемъ о нихъ лишь съ двумя цѣлями: а) показать всѣ отличія теоріи Джемса отъ Ланге, б) указать, что если кто желаетъ подробно ознакомиться съ теоріей Джемса, тотъ долженъ обратить вниманіе также и на его оригинальное ученіе объ инстинктахъ, при чемъ надо не упускать изъ виду, что этотъ терминъ употребляется Джемсомъ въ значительно болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ у другихъ психологовъ, именно—вообще въ смыслѣ всякихъ неумышленныхъ тѣлесныхъ дѣйствій, возникающихъ вмѣстѣ съ чувствомъ.

Таковы отличія теоріи Джемса и Ланге. Они могутъ быть такъ суммированы: *теорія Джемса то же самое, что и теорія Ланге, но въ разработанномъ видѣ.* Что же касается доводовъ, которыми Джемсъ подтверждаетъ свою теорію, то въ числѣ ихъ повторяются и всѣ доказательства

Ланге. По всему этому очень часто обѣ эти теоріи называютъ теоріей Джемса-Ланге, т. е. считаютъ ихъ одной и той же (хотя слѣдуетъ не упускать изъ виду, что теорія Джемса не только лучше и дальше разработана, чѣмъ Ланге, но и нѣсколько шире).

Доводы, которыми Джемсъ доказываетъ свою теорію, таковы:

1) *Его теорія, по его мнѣнію, наглядньйшимъ образомъ подтверждается тѣми случаями эмоцій, когда онѣ возникаютъ подъ вліяніемъ однихъ лишь чисто тѣлесныхъ причинъ*; ибо здѣсь отсутствуетъ даже простое воспріятіе предмета эмоціи, а ей въ этихъ случаяхъ, думаетъ Джемсъ, не изъ чего состоять, кромѣ какъ изъ органическихъ и моторныхъ ощущеній, вызываемыхъ тѣлесными измѣненіями. Таковы, напримѣръ, гнѣвъ отъ отравленія мухоморомъ, радость отъ отравленія виномъ, безпричинный страхъ при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ и т. п.

2) Самымъ важнымъ изъ всѣхъ доказательствъ Джемсъ считаетъ слѣдующее: по его словамъ, *если изъ какой-нибудь сильной эмоціи мысленно вычесть одно за другимъ всѣ внутреннія ощущенія связанныхъ съ ней тѣлесныхъ симптомовъ, то отъ данной эмоціи ничего не останется, кромѣ совершенно холоднаго, чуждаго всякой эмоціональной примѣси, чисто интеллектуальнаго фактора, состоящаго въ представленіи или воспріятіи предмета этой эмоціи.* Если, напримѣръ, вычесть изъ чувства сильнаго гнѣва ощущеніе волненія въ груди, прилива крови къ лицу, расширенія ноздрей, стискиванія зубовъ и энергичнаго напряженія мускуловъ, то останется только представленіе или воспріятіе разгнѣвавшаго предмета, которое уже будетъ вполнѣ холоднымъ, чуждымъ эмоціональной примѣси, познавательнымъ явленіемъ. По словамъ Джемса, всѣ опрашиваемыя имъ лица, кто только могъ правильно понять его, вполнѣ согласились, что при этомъ вычитаніи получится лишь тотъ остатокъ, который указывается имъ. Но нѣкоторые изъ опрашиваемыхъ имъ лицъ возражали ему, что они не могутъ представить себѣ смѣшной предметъ безъ чувства смѣха и т. п. Джемсъ объясняетъ это тѣмъ, что они не могутъ толкомъ понять самаго вопроса.

3) Въ видѣ дополнительнаго доказательства, какъ называетъ его самъ Джемсъ (давая этимъ понять, что онъ не придаетъ ему рѣшающаго значенія), у него приводится такой доводъ: *вызывая въ себѣ при спокойномъ состояніи духа, такъ называемыя, внѣшнія проявленія эмоціи, мы вызовемъ и эту эмоцію; а если она ужъ и безъ того существуетъ, то усилимъ ее; и наоборотъ,—подавивъ въ себѣ всѣ ея внѣшнія проявленія, мы уничтожимъ ее.* Напримѣръ, бѣгство при опасности усиливаетъ страхъ. Внѣшнія проявленія гнѣва разжигаютъ его; но попробуйте, говоритъ Джемсъ, задержавъ ихъ, сосчитать до десяти—и отъ гнѣва не останется слѣда, и часто поводъ, возбудившій его, представится послѣ этого смѣшнымъ. Напротивъ, продолжаетъ онъ, попробуйте просидѣть цѣлый день въ задумчивой позѣ, поминутно вздыхая, отвѣчая упавшимъ голосомъ на всѣ вопросы, и вы вызовете въ себѣ меланхолію.

При этомъ Джемсъ предвидитъ два возраженія:

а) Подавленіе внѣшнихъ проявленій эмоціи часто взамѣнъ уничтоженія ея усиливаетъ ее до мучительнаго состоянія. Такъ, мучителенъ сильный взрывъ чувства смѣшного при необходимости подавлять смѣхъ; гнѣвъ, проявленія котораго подавляются изъ страха обнаружить его, иногда превращается въ сильнѣйшую ненависть. Напротивъ, свободное проявленіе эмоціи, давъ ей пройти весь свой путь до конца, помогаетъ покончить съ ней.

b) Многіе актеры искуснѣйшимъ образомъ воспроизводятъ во время игры всѣ внѣшнія проявленія эмоціи, но изъ нихъ только нѣкоторые, а не всѣ, переживаютъ въ это время соотвѣтственную эмоцію, какъ объ этомъ свидѣтельствовали сами они, отвѣчая на спеціальные разспросы по поводу этого.

Джемсъ на оба возраженія отвѣчаетъ указаніемъ, что эмоція порождается не тѣми только возбужденіями, которыя происходятъ всего лишь, такъ сказать, на поверхности тѣла въ видѣ мимики, жестовъ и интонацій, но *главнымъ образомъ* возбужденіями внутреннихъ органовъ. И вотъ, нервная энергія, которая должна бы вызвать возбужденіе, такъ сказать, на поверхности тѣла, можетъ направиться на внутренніе органы и усилить ихъ возбужденіе, чѣмъ Джемсъ объясняетъ фактъ, указываемый въ первомъ возраженіи. Актеры же, упоминаемые во второмъ возраженіи, по его словамъ, сумѣли, въ отличіе отъ другихъ своихъ собратьевъ, разъединить естественную связь между поверхностнымъ и внутреннимъ возбужденіемъ организма, вслѣдствіе чего могутъ удачно воспроизводить чисто поверхностныя проявленія эмоціи, не переживая самой эмоціи.

Такова-то теорія Джемса. Мы упомянули (ч. II, стр. 116), что хотя онъ и ограничиваетъ ея годность лишь болѣе грубыми чувствами, но этимъ словамъ нельзя придавать иного смысла, кромѣ желанія устранить излишніе споры. Это явствуетъ изъ двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ,— изъ оговорокъ, которыми онъ сопровождаетъ свое ограниченіе: по его словамъ, пока тонкія эмоціи, составляющія исключеніе изъ его теоріи, не связаны съ тѣлесными возбужденіями, онѣ образуютъ столь рѣзкій контрастъ съ болѣе грубыми эмоціями, что скорѣе должны быть относимы къ познавательнымъ, чѣмъ къ эмоціональнымъ явленіямъ. (Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мы про познавательныя явленія употребляемъ часто слово „чувствовать“: оно часто служитъ синонимомъ слова „сознавать“). „У всѣхъ же лицъ, одаренныхъ чувствительностью и впечатлительностью, говоритъ онъ, тонкія эмоціи всегда бываютъ связаны съ тѣлеснымъ возбужденіемъ: нравственная справедливость отражается въ звукахъ голоса или въ выраженіи глазъ и т. п.“. Во-вторыхъ,—*если понимать ограниченіе, допускаемое Джемсомъ, въ буквальномъ смыслѣ, то оно запутываетъ его въ противорѣчіе съ самимъ собой*. По его словамъ, тонкія эмоціи не подходятъ подъ его теорію, пока не примутъ грубой формы. Но пока онѣ не подходятъ подъ его

теорію, а принадлежатъ, все-таки, къ эмоціямъ, онѣ состоятъ *изъ чего-то другого*, чѣмъ одни лишь органическія и моторныя ощущенія, и въ то же время принадлежатъ къ чувствамъ, а не къ волевымъ или познавательнымъ явленіямъ; и этотъ эмоціональный элементъ не можетъ уже исчезнуть въ нихъ изъ за того, что когда онѣ примутъ грубую форму, т. е. будутъ связаны съ тѣлесными возбужденіями, къ нему *присоединятся* еще органическія и моторныя ощущенія, вызываемыя этими возбужденіями. Но грубыя эмоціи состоятъ, по словамъ Джемса, *только* изъ органическихъ и моторныхъ ощущеній. А куда же дѣлся тотъ элементъ, изъ котораго состояла тонкая эмоція? Очевидно, что для устраненія этого противорѣчія необходимо относить теорію Джемса ко всѣмъ чувствамъ безъ исключенія, кромѣ тѣхъ, которыя мы ошибочно называемъ чувствами изъ-за того, что часто употребляемъ слово „чувствовать", какъ синонимъ „сознавать", и которыя скорѣе слѣдуетъ причислять къ познавательнымъ явленіямъ, чѣмъ къ эмоціональнымъ. Такъ, напримѣръ, мы говоримъ о чувствѣ знакомости въ узнаваемыхъ предметахъ, о чувствѣ принадлежности даннаго представленія къ числу воспоминаній и т. п., между тѣмъ какъ все это—явленія познавательныя, а не эмоціональныя (см. главу 30). Вообще, *слово чувствовать нерѣдко употребляютъ для обозначенія переживанія такого познавательнаго явленія, въ составѣ котораго мы въ данное время не хотимъ или же не умѣемъ дать отчетъ*. Само собой разумѣется, что къ чувствамъ въ *этомъ* значеніи не относится никакая теорія эмоцій. Къ чувствамъ же въ смыслѣ эмоцій, какъ видимъ, теорія Джемса должна относиться ко всѣмъ— и къ грубымъ, и къ тонкимъ.

Познакомившись съ теоріей Джемса, прибавимъ къ ней отъ себя одно доказательство, которое, конечно, нельзя считать окончательно рѣшающимъ вопросъ, но, все-таки, позволительно приписывать ему значеніе „дополнительнаго". Обратимъ вниманіе, что именно вспоминается или воображается нами подъ именемъ какого-нибудь чувства, напримѣръ, гнѣва. Оказывается, что мы, по крайней мѣрѣ, начинаемъ то дѣло съ того, что представляемъ себѣ лишь тѣ органическія и моторныя ощущенія, которыя пришлось бы пережить при гнѣвѣ: ощущенія прилива крови къ лицу, стѣсненія дыханія, нахмуриванія бровей, стискиванія зубовъ и т. д. По теоріи Джемса, такъ оно и должно быть. Но если чувство состоитъ изъ чего-то иного, чѣмъ совокупность органическихъ и моторныхъ ощущеній, а тѣ и другія служатъ лишь отраженіемъ въ сознаніи тѣхъ тѣлесныхъ *симптомовъ*, которые *вызываются* чувствами, какъ ихъ воплощенія, то съ какой же стати, желая представить себѣ свое чувство, мы невольно представляемъ себѣ лишь отраженія въ сознаніи его тѣлесныхъ симптомовъ; почему, по крайней мѣрѣ, мы начинаемъ съ этого свое дѣло?

Однако, присоединяясь къ теоріи Джемса, мы должны отмѣтить, что она нуждается въ одной поправкѣ. Онъ нигдѣ не говоритъ о самочувствіи, между тѣмъ какъ возникновеніе новыхъ органическихъ ощущеній не можетъ не вліять на самочувствіе: послѣднее, вслѣдствіе возникновенія новыхъ орга-

ническихъ ощущеній, должно измѣняться въ своей окраскѣ, напримѣръ — сдѣлаться приподнятымъ или угнетеннымъ, пріятнымъ или непріятнымъ и т. п. *При каждомъ чувствѣ должно быть свое строго опредѣленное самочувствіе, которое, конечно, можетъ быть соединено и съ нѣкоторыми, даже и съ многими, другими чувствами, но безъ котораго не возникнетъ данное чувство.* Болѣе того: нѣтъ ничего невозможнаго, что чувства, особенно же болѣе тонкія, иногда начинаются прямо съ перемѣны самочувствія, къ которымъ лишь послѣ, когда чувство принимаетъ болѣе грубую форму (т. е. сопровождается *сильнымъ* тѣлеснымъ возбужденіемъ), *присоединяются* моторныя и отдѣльно сознаваемыя органическія ощущенія. Вѣдь послѣднія лишь тогда выдѣляются изъ самочувствія и сознаются отдѣльно, когда они достигнутъ достаточной степени напряженія (см. ч. I, стр. 200). Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго, что пока тѣлесное возбужденіе, вызываемое какой-либо мыслью или воспріятіемъ, еще начинается, не сдѣлалось замѣтнымъ извнѣ, оно вліяетъ лишь на окраску самочувствія, не вызывая пока еще сознанія отдѣльныхъ вновь возникшихъ органическихъ ощущеній; а когда это возбужденіе сдѣлается сильнѣе, начнутъ сознаваться отдѣльныя вызываемыя имъ органическія ощущенія, а наряду съ ними и моторныя, если въ составъ даннаго возбужденія входятъ мускульныя сокращенія. Перемѣна-то въ окраскѣ самочувствія, которая, разумѣется, не всѣмъ людямъ и не во всѣхъ чувствахъ кидается въ глаза съ одинаковой силой, вѣроятно, и заставляетъ нѣкоторыхъ лицъ, соглашаясь со всѣми доводами Джемса, прибавлять: „все таки, въ чувствѣ есть еще *что-то такое*, кромѣ указываемыхъ имъ элементовъ“. Этимъ „что-то такое“ должна быть подмѣчаемая ими окраска самочувствія, сопровождающая разсматриваемое ими чувство. Но, конечно, ссылка на нее ни капли не подрываетъ теоріи Джемса: вѣдь само-то самочувствіе есть ничто иное, какъ сложное *органическое* ощущеніе (см. ч. I, стр. 200).

Свою оцѣнку теоріи Джемса-Ланге мы, разумѣется, должны окончить указаніемъ ея значенія. Оно состоитъ только въ очень удачномъ отвѣтѣ на вопросъ о составѣ чувствъ: *въ чувствахъ, или эмоціяхъ мы не встрѣчаемъ ровно никакихъ новыхъ элементовъ душевной жизни сравнительно съ тѣми, какіе мы находимъ чрезъ изученіе другихъ отдѣловъ психологіи.* Конечно, прочно установить такое положеніе составляетъ очень важную услугу передъ психологіей, и вполнѣ понятна полемика, возникшая изъ-за теоріи Джемса, которая направлена къ ея провѣркѣ, и изъ которой видно, что она еще не принадлежитъ къ числу общепризнанныхъ. Но избавляетъ ли эта теорія, какъ ни сильна она, отъ необходимости изучать чувства обычными, т. е. прежними путями? Нисколько: вѣдь въ психологіи намъ важенъ не только вопросъ о природѣ, или матеріалѣ всѣхъ чувствъ безъ исключенія, но и множество другихъ вопросовъ, какъ напримѣръ: связь каждаго чувства съ движеніемъ мыслей опредѣленнаго содержанія, отношенія чувствъ другъ къ другу, перерожденія однихъ чувствъ въ другія подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, ихъ вліянія на волевыя явленія, и наоборотъ и т. п.;

но обо всемъ этомъ мы еще ничего не узнаемъ при помощи теоріи Джемса-Ланге, какъ въ ея первоначальномъ, такъ и въ исправленномъ видѣ. Поэтому, кто хочетъ пополнить, провѣрить и систематизировать свои свѣдѣнія о чисто психологической сторонѣ чувствъ, пріобрѣтенныя имъ при помощи чтенія хорошихъ беллетристическихъ произведеній и трудовъ, относящихся къ этикѣ, эстетикѣ и къ философіи религіи, должны обратиться къ сочиненіямъ психологовъ, какъ бы ни были похожи они на словари синонимовъ. А наилучшимъ чисто психологическимъ трактатомъ о чувствахъ остается пока сочиненіе Бэна „Чувства и воля“ (на англійскомъ языкѣ—кажется, есть французскій и нѣмецкій переводъ), и недурнымъ дополненіемъ къ нему можетъ служить „Психологія чувствъ“ Рибо (русскій переводъ).

Перейдемъ теперь къ теоріи Вундта. По своему содержанію она нисколько не противорѣчитъ теоріи Джемса и можетъ служить ея дополненіемъ. Чтобы яснѣе понять всѣ ея особенности, нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: *почти* всегда при переживаніи чувства ясно испытывается удовольствіе или неудовольствіе. Напримѣръ: въ чувствѣ обиды ясно присутствуетъ неудовольствіе, иногда доходящее до величайшаго страданія; въ чувствѣ восторга имѣется на лицо удовольствіе и т. д. Присутствіе удовольствія или неудовольствія въ чувствахъ настолько кидается въ глаза, что иногда даже рѣшаются опредѣлять чувства, какъ „душевныя состоянія, въ которыхъ имѣется на лицо удовольствіе или неудовольствіе“. Нѣкоторые авторы пробовали даже установить классификацію чувствъ, раздѣляя ихъ на пріятныя и непріятныя. Далѣе; удовольствіе или неудовольствіе можетъ въ томъ же самомъ чувствѣ быть, глядя по обстоятельствамъ, то большимъ, то меньшимъ, такъ что это чувство, оставаясь тѣмъ же самымъ по своему составу чувствомъ, какъ бы колеблется въ *направленіи*, которое можетъ быть обозначено терминами „удовольствіе“ и „неудовольствіе“; ибо послѣднее служитъ противоположностью перваго, такъ что колебанія чувства идутъ, какъ бы, въ *направленіи* линіи, соединяющей высшую степень удовольствія съ высшей степенью неудовольствія и проходящей черезъ всѣ степени того и другого.

Обыкновенно въ чувствахъ допускается только колебанія въ этомъ направленіи. Вундтъ же думаетъ, что надо допустить еще другія столь же характерныя или, какъ онъ выражается, *главныя направленія* (Richtungen), въ которыхъ могутъ колебаться чувства.

Для обозначенія каждаго изъ этихъ главныхъ направленій можно пользоваться *двумя* терминами, соотвѣтствующими противоположнымъ свойствамъ даннаго направленія. Каждый изъ этихъ терминовъ имѣетъ, однако, коллективный характеръ и обнимаетъ безконечное множество индивидуально-варіирующихъ чувствъ.

Вундтъ различаетъ три главныхъ направленія: 1) удовольствія и неудовольствія, 2) возбужденія и успокоенія, 3) напряженія и разряда. Въ

отдѣльномъ чувствѣ мы можемъ различить или всѣ эти направленія, или только два изъ нихъ, или, наконецъ, оно можетъ принадлежать лишь къ одному направленію. Благодаря послѣднему, только и получилась, по словамъ Вундта, возможность различить эти направленія. Большею частью наблюдается, однако-же, соединеніе различныхъ направленій въ одномъ и томъ же чувствѣ.

Въ качествѣ примѣровъ чувствъ, принадлежащихъ только къ направленію удовольствія и неудовольствія, Вундтъ приводитъ чувства, сопровождающія органическія ощущенія, а также обонятельныя и вкусовыя. При ощущеніи, напр., боли у насъ возникаетъ чувство неудовольствія почти безъ примѣси другого рода направленій даннаго чувства. Чувства въ направленіи возбужденія и успокоенія въ сочетаніи съ чистыми ощущеніями наблюдаются, главнымъ образомъ, при цвѣтовыхъ и звуковыхъ впечатлѣніяхъ: такъ, напр., красный цвѣтъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, голубой — успокаивающимъ. Чувства въ направленіи напряженія и разряда связаны, главнымъ образомъ, съ теченіемъ душевныхъ процессовъ во времени: такъ, напр., ожиданіе внѣшняго впечатлѣнія сопровождается сознаніемъ напряженія, а вслѣдъ за наступленіемъ впечатлѣнія наблюдается состояніе разряда.

Чувства же веселое и серьезное, связанныя съ впечатлѣніями высокихъ и низкихъ тоновъ, свѣтлыхъ и темныхъ цвѣтовъ, можно разсматривать, какъ принадлежащія сразу къ двумъ главнымъ направленіямъ: удовольствія и неудовольствія, съ одной стороны, возбужденія и успокоенія — съ другой, и какъ лежащія въ обоихъ этихъ направленіяхъ внѣ индифферентнаго пояса. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, говоритъ Вундтъ, что удовольствіе и неудовольствіе, возбужденіе и успокоеніе представляютъ не качества, а *направленія* чувствъ, которыя могутъ встрѣчаться при очень различныхъ качествахъ самихъ-то чувствъ, такъ что неудовольствіе, соотвѣтствующее серьезному настроенію, отличается отъ неудовольствія, сопровождающаго болевое ощущеніе, диссонансъ и т. д.

Затѣмъ направленія удовольствія и неудовольствія соединяются съ направленіемъ напряженности и разряда при ритмическихъ чувствахъ, въ которыхъ правильная смѣна напряженности и разряда вмѣстѣ съ тѣмъ связана съ удовольствіемъ, нарушеніе же этой правильности — съ неудовольствіемъ. А сверхъ того, въ обоихъ случаяхъ (т. е. и при правильной смѣнѣ напряженія и разряда, и при ея нарушеніяхъ) то же самое чувство можетъ имѣть еще возбуждающій или успокаивающій характеръ.

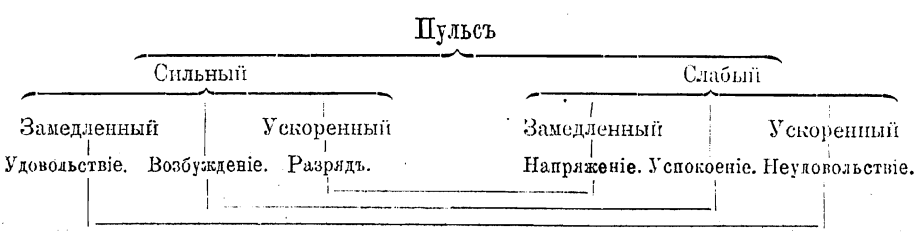
Всѣ эти и другіе примѣры, по мнѣнію Вундта, показываютъ, что три главныхъ направленія простыхъ чувствъ зависятъ отъ того, въ какомъ отношеніи чувство стоитъ къ *теченію психическихъ процессовъ*. Въ зависимости отъ этого теченія всякое чувство имѣетъ *тройкое* значеніе: 1) оно можетъ обозначать видоизмѣненіе *наличнаго* состоянія и тогда принадлежитъ къ разряду чувствъ *удовольствія и неудовольствія*; 2) оно можетъ оказывать извѣстное вліяніе на *послѣдующее* состояніе: это вліяніе можно различать, какъ *возбуждающее или успокаивающее (угнетающее)*; 3) своеобразный характеръ чувства опредѣляется *предшествующимъ* состояніемъ: дѣйствіе

послѣдняго проявляется въ формахъ напряженія и разряда. Такая зависимость ихъ отъ теченія процессовъ дѣлаетъ, по мнѣнію Вундта, вѣроятнымъ, что другихъ главныхъ направленій чувствъ не существуетъ.

При изслѣдованіи чувствъ и складывающихся изъ нихъ процессовъ особенное значеніе пріобрѣтаетъ изученіе *выразительныхъ движеній*, т. е. физіологическихъ реакцій психическихъ процессовъ, потому что эти движенія представляютъ обычные симптомы чувствъ. Сюда же Вундтъ причисляетъ и всѣ явленія, въ которыхъ обнаруживаются внутреннія состоянія организма. Кромѣ движеній наружныхъ мышцъ скелета, онъ причисляетъ сюда дыхательныя движенія, біенія сердца, сжатіе и расширеніе кровеносныхъ сосудовъ отдѣльныхъ областей тѣла, сокращеніе и расширеніе зрачка и т. д. Чувствительнѣйшій изъ этихъ симптомовъ—сокращеніе сердца, надежное представленіе о которомъ получается при изслѣдованіи пульса. При простыхъ чувствахъ другія явленія обыкновенно отсутствуютъ. Только при значительной интенсивности простыхъ чувствъ къ перемѣнамъ пульса присоединяются еще другіе симптомы, въ частности: измѣненія дыханія и мимическія выразительныя движенія.

Изъ упомянутыхъ выше „главныхъ направленій чувствъ“ правильная связь съ измѣненіями пульса доказана, главнымъ образомъ, для чувствъ удовольствія и неудовольствія. При удовольствіи пульсъ замедляется и становится полнѣе, при неудовольствіи онъ ускоряется и становится болѣе слабымъ. Что касается прочихъ „направленій“ чувствъ, то о сопутствующихъ имъ физіологическихъ измѣненіяхъ мы судимъ съ нѣкоторою вѣроятностью только по реакціямъ, характеризующимъ соотвѣтствующіе *аффекты*. Такъ, повидимому, *возбужденіе* сопровождается усиленіемъ, *успокоеніе*—ослабленіемъ пульса безъ одновременнаго измѣненія его частоты; *напряженіе*, напротивъ, сопровождается замедленіемъ и ослабленіемъ пульса; *разрядъ*—ускореніемъ и усиленіемъ пульса. Такъ какъ большинство отдѣльныхъ чувствъ принадлежитъ одновременно къ нѣсколькимъ главнымъ направленіямъ, то во многихъ случаяхъ вліяніе на пульсъ оказывается сложнымъ.

Зависимость пульса отъ чувствъ и аффектовъ можетъ быть—насколько позволяютъ имѣющіяся изслѣдованія—выражена въ слѣдующей схемѣ:



Такимъ образомъ, возбужденіе и успокоеніе имѣютъ лишь по одному, прочія же направленія чувствъ—по два признака со стороны пульса. Эта схема

получена съ помощью экспериментальнаго изученія, между прочимъ, *сложныхъ* чувствъ—аффектовъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы изучить зависимость пульса отъ главныхъ направленій чувствъ при *простыхъ* чувствахъ, именно при такихъ, которыя принадлежатъ къ одному только направленію.

Но что такое аффекты, о которыхъ здѣсь неднократно упоминалось? Вотъ какъ опредѣляетъ ихъ самъ Вундтъ: „Если рядъ послѣдовательныхъ чувствъ сливается въ связное цѣлое, выдѣлающееся въ качествѣ своеобразнаго состоянія изъ процессовъ, предшествующихъ и послѣдующихъ, и обнаруживающее при томъ вообще болѣе сильное вліяніе на субъекта, чѣмъ это дѣлаютъ обыкновенно отдѣльно взятыя чувства,—мы называемъ подобный замкнутый въ себѣ процессъ теченія чувства *аффектомъ*". Такимъ образомъ, подъ аффектами подразумѣвается у Вундта не иначе, какъ сложныя чувства—*рядъ* чувствъ.

Это обстоятельство надо имѣть въ виду, чтобы ясно понять ту оговорку, которой Вундтъ сопровождаетъ только что указанную схему зависимости въ измѣненіяхъ пульса отъ „направленія", къ которому принадлежитъ переживаемое чувство,—оговорку, предупреждающую, что на эту схему еще нельзя полагаться безъ тщательной провѣрки ея дальнѣйшими изслѣдованіями. Дѣло въ томъ, что зависимость пульса отъ переживанія удовольствія и неудовольствія была установлена посредствомъ дѣйствія на испытуемое лицо пріятными и непріятными запахами (напр., ментола) и вкусами (напр., хинина). Уже для напряженія и разряда можно было ее установить только при условіяхъ, болѣе сложныхъ, чѣмъ для удовольствія и неудовольствія, именно: посредствомъ дѣйствія слабыхъ тоновъ на ритмическое чувство, дѣйствія, которое можно производить (дабы вызвать *ожиданіе* опредѣленной смѣны звуковъ) не *отдѣльно взятымъ* звукомъ, а *рядомъ* звуковъ, между тѣмъ какъ каждый изъ нихъ еще самъ дѣйствуетъ на чувства. Наконецъ, зависимость пульса отъ возбуждающаго и успокаивающаго направленія чувства была установлена при наблюденіи испытуемаго во время аффектовъ, именно: испуга (какъ возбуждающаго аффекта) и огорченія непріятнымъ событіемъ (какъ аффекта угнетающаго, т. е. принадлежащаго къ направленію успокоенія). Въ чувствахъ же, вызываемыхъ простыми отдѣльно взятыми раздраженіями, вродѣ отдѣльно взятыхъ тоновъ, цвѣтовъ и т. п., не удается подмѣтить зависимость пульса отъ ихъ возбуждающаго или успокаивающаго характера. Такъ, напримѣръ, не удается это подмѣтить для высокихъ и низкихъ тоновъ, для краснаго и голубого цвѣта, про которые, однако, путемъ самонаблюденія мы знаемъ, что связанныя съ ними чувства отличаются либо возбуждающимъ (при высокихъ тонахъ и красномъ цвѣтѣ), либо успокаивающимъ (при низкихъ тонахъ и голубомъ цвѣтѣ) характеромъ. Судить же о зависимости пульса отъ возбужденія и успокоенія по возбуждающимъ и угнетающимъ *аффектамъ*, разумѣется, дѣло рискованное, потому что аффекты должны оказывать на пульсъ *сложное* вліяніе. Все это и принуждаетъ Вундта предупредить своихъ читателей, что еще нельзя полагаться на указанную имъ схему физіологической стороны простыхъ чувствъ.

Но для изучающихъ основную, т. е. *чистую* психологію гораздо важнѣе чисто-психологическая сторона теоріи Вундта, т. е. его утвержденіе, что во *всѣхъ* чувствахъ надо допускать три направленія, которыя могутъ оказаться въ данномъ чувствѣ либо всѣ вмѣстѣ, либо по два сразу, либо по одному. Самъ же Вундтъ наноситъ жестокій ударъ этой теоріи одной оговоркой, которая возбуждаетъ сильнѣйшія сомнѣнія, правда ли, что въ каждомъ чувствѣ *подмѣчается* хоть одно изъ этихъ направленій: можетъ быть, дѣло такъ стоитъ, что безспорно *есть* чувства, въ которыхъ подмѣчается по одному изъ трехъ направленій, изо всѣхъ же *остальныхъ* въ *нѣкоторыхъ* только подмѣчается либо по два, либо по три изъ направленій; а все это, вмѣстѣ взятое, внушило ему теорію, будто бы въ *каждомъ* чувствѣ *должны* быть либо всѣ, либо хоть одно изъ этихъ направленій и подъ вліяніемъ этой предвзятой теоріи Вундту стало *казаться*, будто бы въ *каждомъ* чувствѣ онъ дѣйствительно подмѣчаетъ его принадлежность либо къ одному, либо къ двумъ, либо ко всѣмъ тремъ направленіямъ. Оговорка, возбуждающая такое подозрѣніе, состоитъ въ слѣдующихъ словахъ Вундта, выдѣленныхъ у насъ курсивомъ: „въ отдѣльномъ чувствѣ мы можемъ различить или всѣ эти направленія, или только два изъ нихъ, или, наконецъ, *оно можетъ принадлежать лишь къ одному направленію. Благодаря послѣднему, и получилась возможность различить эти направленія*“. Но если они, въ большемъ или меньшемъ числѣ, дѣйствительно *подмѣчаются* въ *каждомъ* чувствѣ, а не влагаются туда самимъ наблюдателемъ подъ вліяніемъ его предвзятой теоріи, то для возможности различить ихъ въ каждомъ чувствѣ нѣтъ никакой необходимости, чтобы существовали чувства, принадлежащія лишь къ одному направленію: направленія, къ которымъ принадлежитъ данное чувство, были бы видны въ немъ и сами по себѣ. Такъ, въ каждомъ звукѣ можно различить высоту, тембръ и силу; и для такого различенія нѣтъ никакой необходимости въ существованіи звуковъ, которые имѣли бы только высоту, или только тембръ, или только силу—безъ двухъ другихъ свойствъ. Такимъ образомъ, теорія Вундта, даже и въ томъ случаѣ, если мы разсматриваемъ ее съ чисто-психологической точки зрѣнія, еще нуждается въ тщательной провѣркѣ посредствомъ систематическаго (гарантирующаго годность нашего обобщенія для всѣхъ чувствъ) коллективнаго самонаблюденія (о необходимости *коллективнаго* самонаблюденія въ этомъ случаѣ см. ч. I въ концѣ стр. 54 и въ началѣ 55-ой).

Къ тому же, въ ней есть еще одинъ пунктъ, требующій тщательной провѣрки посредствомъ коллективнаго самонаблюденія. Подобно тому, какъ терминъ „неудовольствіе“ обозначаетъ не простое отрицаніе, или отсутствіе удовольствія, которое не замѣнялось бы ничѣмъ положительнымъ, но—цѣлый рядъ постепенно усиливающихся состояній, начинающихся съ легкой степени непріятности и кончающихся величайшимъ страданіемъ, такъ что каждое изъ этихъ состояній представляетъ нѣкоторое *положительное* качество, такъ точно, по теоріи Вундта, дѣло должно стоять съ терминами

„успокоеніе“ и „разрядъ“. Оба они обозначаютъ у него понятія, *противоположныя*, а не просто противорѣчащія „возбужденію“ и „напряженію“; поэтому, оба должны охватывать собой два ряда постепенно усиливающихся состояній, каждое изъ которыхъ имѣетъ свое *положительное* содержаніе, а отнюдь не образуетъ простого отрицанія, или отсутствія своей противоположности, т. е. возбужденія или разряда *). Напримѣръ: подъ успокоеніемъ, по теоріи Вундта, надо подразумѣвать и состояніе угнетенія, какъ высшую степень успокоенія, т. е. чувства угнетающія надо считать подходящими подъ понятіе успокаивающихъ; а подъ разрядомъ надо подразумѣвать и состояніе разслабленія, такъ что чувство разслабляющія должны подходить подъ понятіе разряжающихъ.

Но можно сомнѣваться и требуетъ провѣрки, не разнородны ли между собой состоянія угнетенія и успокоенія, съ одной стороны, разслабленія и разряда съ другой; дѣйствительно ли угнетеніе относится къ успокоенію, а разслабленіе къ разряду, какъ всего только высшая степень къ низшей. Повидимому, состояніе угнетенія отличается отъ успокоенія не количественно, а качественно: повидимому, успокоеніе состоитъ всего лишь въ сознаніи *устраненія* или, по крайней мѣрѣ, *уменьшенія* возбужденія, такъ что испытывается только вслѣдствіе невольнаго сопоставленія переживаемаго сейчасъ съ переживаемымъ въ непосредственно предшествующее время; угнетеніе же испытывается, т. е. сознается, само по себѣ, безъ такого сопоставленія. *Если же* сознаніе угнетенія и обусловлено сопоставленіемъ переживаемаго состоянія съ другимъ, то оно производится не по отношенію къ непосредственно предшествующему времени, но скорѣе—*къ общему или обычному строю нашей жизни, какъ отличающемуся почти всегда нѣкоторой степенью возбужденія.*

Что же касается состояній разряда и разслабленія, то, повидимому, первое сходно съ успокоеніемъ въ томъ смыслѣ, что образуетъ собой сознаніе прекращенія напряженія и испытывается при невольномъ сопоставленіи съ нимъ; разслабленіе же психологически, т. е. по содержанію того, что сознается нами, врядъ ли можетъ считаться однороднымъ съ разрядомъ. Какъ въ угнетеніи и въ неудовольствіи, въ состояніи разслабленія есть свое особое качество, сознаваемое безъ сопоставленія съ непосредственно предшествую-

*) Здѣсь слѣдуетъ припомнить изъ логики разницу между противорѣчащими и противоположными понятіями. Примѣры противорѣчащихъ понятій: бѣлый и небѣлый, верхній и неверхній и т. д. Примѣры противоположныхъ: бѣлый и черный, верхній и нижній и т. д. Разница между ними двоякая: 1) у противорѣчащихъ понятій содержаніемъ одного служитъ *только* отрицаніе содержанія другого безъ всякой замѣны его какимъ-либо положительнымъ содержаніемъ (содержаніемъ бѣлаго служитъ только отрицаніе небѣлаго, и наоборотъ); у противоположныхъ же понятій содержаніемъ одного служитъ не простое отрицаніе содержанія другого, но *замѣна* отрицаемаго содержанія нѣкоторымъ другимъ положительнымъ (понятіе чернаго имѣетъ свое положительное содержаніе, а не образуетъ простого отрицанія бѣлаго, и наоборотъ). 2) Между противорѣчащими понятіями (между бѣлымъ и небѣлымъ) нѣтъ ничего промежуточнаго, никакихъ переходныхъ ступеней; но онѣ существуютъ между противоположными (между бѣлымъ и чернымъ есть разныя ступени сѣраго). Ясно, что удовольствіе и неудовольствіе не противорѣчащія, но противоположныя понятія.

щимъ временемъ. Если же его сознаніе и обусловлено какимъ-либо сопоставленіемъ, то послѣднее, повидимому, относится *къ воображаемымъ попыткамъ вызывать въ себѣ напряженіе*, т. е. не къ непосредственно предшествующему времени, какъ при успокоеніи и разрядѣ, и даже не къ обычному строю душевной жизни, какъ при угнетеніи, а къ ближайшему будущему.

Если же все это окажется при коллективной провѣркѣ вѣрнымъ, то все это сдѣлаетъ колебанія чувства отъ возбужденія къ успокоенію и угнетенію настолько разнороднымъ и съ колебаніемъ отъ напряженія къ разряду и разслабленію, и съ колебаніемъ отъ удовольствія къ неудовольствію, что нельзя будетъ сопоставлять всѣ эти видоизмѣненія подъ общимъ именемъ „трехъ главныхъ направленій“ чувствъ, тѣмъ болѣе, что неудовольствіе сознается исключительно само по себѣ, безъ всякихъ сопоставленій переживаемаго состоянія и съ непосредственно предшествующимъ временемъ, и съ ближайшимъ будущимъ, и съ обычнымъ строемъ нашей душевной жизни.

Однако, все сказанное нами должно считаться, не какъ рѣшительно выставленное фактическое *опроверженіе* теоріи Вундта, а какъ всего лишь *вопросы*, съ которыми необходимо считаться прежде, чѣмъ примкнуть къ его теоріи, и на которые самъ онъ не обращаетъ вниманія.

Въ заключеніе пару словъ о понятіи аффекта, съ которымъ мы встрѣтились при изложеніи теоріи Вундта, и которое нерѣдко упоминается въ психологической литературѣ. Это слово произошло отъ латинскаго afficio, что значитъ—*воздѣйствую*. Въ старинной литературѣ аффектами назывались всѣ чувства; ибо въ латинскомъ языкѣ (а имъ только и пользовалась старинная научная литература) нѣтъ слова, которымъ съ бо́льшимъ удобствомъ, чѣмъ этимъ, можно было бы называть всѣ чувства, и которое не обозначало бы вмѣстѣ съ тѣмъ, и даже преимущественно, ощущеній. Въ новой же психологіи, пользующейся живыми языками, называютъ, какъ и въ обыденной жизни, аффектами не всѣ чувства, а лишь наиболѣе сильныя и вызывающія сильныя тѣлесныя возбужденія. Но слово „аффектъ“ не имѣетъ строго установленнаго значенія: не говоря уже, что и теперь еще попадаются иногда авторы, употребляющіе его въ смыслѣ всякаго чувства, его значеніе опредѣляютъ, а поэтому границу между аффектами и другими чувствами проводятъ довольно разнообразно. Напримѣръ, мы сейчасъ видѣли, какъ опредѣляетъ аффекты Вундтъ, подчеркивающій сложность аффекта, состоящаго, по его словамъ, изъ *ряда* отдѣльныхъ чувствъ, и бо́льшую силу его вліянія сравнительно съ отдѣльными чувствами. Гефдингъ же, противопоставляя, по примѣру Канта, аффекты страстямъ, подчеркиваетъ, во первыхъ, внезапность взрыва чувства. „Подъ *аффектомъ* или *душевнымъ волненіемъ*, говоритъ онъ, понимается внезапный взрывъ чувства, которое завладѣваетъ на нѣкоторое время душою и тормазитъ свободное и естественное соединеніе познавательныхъ элементовъ. *Страсть*, напротивъ того, есть чувство, сдѣлавшееся второй природой, укоренившееся благодаря привычкѣ. Чѣмъ аффектъ съ его сильнымъ

экспансивнымъ движеніемъ бываетъ въ отдѣльный моментъ, тѣмъ страсть бываетъ въ глубинѣ души, какъ сбереженное количество силы, готовой къ дѣйствію. Поэтому страсть не исключаетъ спокойнаго обдумыванія; напротивъ того, она находитъ себѣ выраженіе въ мысли, господствующей надъ всѣмъ кругомъ представленій". Тотчасъ же Гефдингъ приводитъ слѣдующія слова Канта: „аффектъ, говоритъ Кантъ, дѣйствуетъ, какъ вода, прорывающая плотину; страсть — какъ потокъ, все глубже и глубже уходящій въ свое русло... Аффектъ — это словно похмелье; на страсть можно смотрѣть, какъ на безуміе, не разстающееся съ представленіемъ, которое укореняется все глубже и глубже". Нѣкоторые же авторы, напримѣръ Бенъ, при изложеніи своего ученія о чувствахъ вовсе не пользуются понятіемъ аффекта. Какъ же объяснить все это разнообразіе отношеній къ данному понятію? Изъ книгъ это наслѣдіе тѣхъ временъ, когда всѣ научныя произведенія писались только на латинскомъ языкѣ, попало въ обыденную жизнь, откуда въ свою очередь, заимствуется психологами, и гдѣ, конечно, оно не могло вытѣснить уже имѣющееся слово чувство, но употребляется рядомъ съ нимъ, а происходя отъ латинскаго „воздѣйствовать", обозначаетъ чувства, оказывающія *сравнительно большее* воздѣйствіе на человѣка, такъ что разница между аффектами и другими чувствами выходитъ лишь чисто количественной и не имѣющей строго опредѣленнаго характера.

Изъ всего сказаннаго вытекаютъ поучительныя слѣдствія, изъ которыхъ одно касается самихъ авторовъ психологическихъ сочиненій, а другія тѣхъ, кто изучаетъ психологическую литературу.

Первое таково: *если* авторъ найдетъ *полезнымъ* употреблять понятіе аффекта въ видѣ вспомогательнаго средства при изложеніи своего ученія о чувствахъ (а въ этомъ средствѣ можетъ и не быть никакой надобности), то онъ вправѣ опредѣлять это понятіе по своему, лишь бы онъ *твердо выдерживалъ установленное имъ опредѣленіе*, а не сбивался на другія опредѣленія, и лишь бы оно *въ самыхъ общихъ* чертахъ согласовалось съ обычнымъ употребленіемъ этого слова. Напримѣръ: нельзя же называть аффектами, если отличать ихъ отъ чувствъ, едва замѣтныя чувства.

Слѣдствія же, касающіяся тѣхъ, кто изучаетъ психологическія сочиненія, таковы:

1. Изучая какого либо автора, употребляющаго понятіе аффекта, надо брать этотъ терминъ только въ такомъ смыслѣ, въ какомъ устанавливаетъ его самъ авторъ, отнюдь не соединяя съ нимъ другихъ значеній этого слова, такъ что *нельзя пополнять свое знаніе аффектовъ путемъ простого, чисто механическаго прибавленія ученія одного автора объ аффектахъ къ ученію другого.*

2. Не ломать головы надъ попытками выяснить, кто правильнѣе *опредѣляетъ* понятіе аффекта; ибо вся эта правильность сводится всего лишь къ привычкѣ употреблять это слово въ опредѣленномъ смыслѣ, которая разумѣется, установилась чисто случайнымъ образомъ либо подъ вліяніемъ обыденной жизни, либо подъ вліяніемъ прежде прочитанныхъ книгъ. Вза-

мѣнъ того, надо слѣдить, кто правильнѣе *пользуется* понятіемъ аффекта, какъ вспомогательнымъ, т. е.

а) Ясно ли опредѣляетъ его данный авторъ, или же такъ, что не отличить аффектовъ отъ другихъ чувствъ?

b) Строго ли выдерживаетъ онъ свое опредѣленіе, или же сбивается на чужія?

c) Выходитъ ли у него вообще какая нибудь польза для изложенія его ученія отъ употребленія этого понятія, или же все оно могло бы быть высказано съ полной ясностью и безъ его помощи?

33. Волевыя явленія. Вниманіе.

Изучая волевыя явленія, надо вспомнить и примѣнить къ волѣ все сказанное нами о душевныхъ способностяхъ, именно: сама воля не наблюдается, а наблюдаются одни лишь приписываемыя ей явленія; понятіе воли должно употребляться, не какъ средство для *объясненія* явленій, а лишь, какъ средство для ихъ называнія, т. е. для удобства нашихъ выраженій по поводу нихъ, при чемъ надо постоянно имѣть въ виду ту мысль, которая получится при переводѣ сказаннаго нами на языкѣ душевныхъ способностей на языкъ самихъ явленій.

Волевыми явленіями называются всѣ умышленно производимыя нами перемѣны: гдѣ нѣтъ никакой перемѣны, не можетъ быть рѣчи о волевыхъ явленіяхъ, также какъ и въ томъ случаѣ, если перемѣна возникаетъ независимо отъ нашего умысла. Напримѣръ: умышленно производимыя движенія, умышленно вызываемыя перемѣны въ ходѣ воспроизведенныхъ представленій принадлежатъ къ волевымъ явленіямъ; движенія же, возникающія безъ всякаго умысла съ нашей стороны, равно какъ и смѣна представленій, совершающаяся сама собой, независимо отъ нашего умысла, не принадлежатъ къ числу волевыхъ явленій. Отличаясь всегда умышленностью, волевыя явленія называются поэтому *волевыми дѣйствіями*; и они бываютъ или *внѣшними*, или *внутренними*, глядя по тому, входитъ ли въ составъ даннаго волевого явленія внѣшняя перемѣна въ насъ, или же внутренняя. Внѣшнія перемѣны, входящія въ составъ волевыхъ явленій сводятся къ движеніямъ, т. е. къ мускульнымъ сокращеніямъ, внутреннія же къ перемѣнамъ мыслей или чувствъ. Всѣ волевыя дѣйствія называются еще иначе *произвольными*, такъ что выраженія „волевое дѣйствіе“, „произвольное дѣйствіе“ и „умышленное дѣйствіе“ служатъ синонимами. Слово „дѣйствіе“ во всѣхъ этихъ выраженіяхъ часто замѣняется терминомъ „актъ“.

Но обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: говоримъ ли мы о волевомъ (иначе произвольномъ или умышленномъ) дѣйствіи, или актѣ, отнюдь не слѣдуетъ думать, будто бы здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ *душевныхъ* дѣйствіяхъ, или актахъ, о которыхъ въ 20-ой главѣ мы сказали, что еще вернемся къ нимъ, когда будемъ изучать волевыя явленія. Волевыми, иначе

произвольными, или умышленными дѣйствіями (или актами), у всѣхъ авторовъ называются—движенія (или точнѣе—мускульныя сокращенія, хотя бы обыденная жизнь и не называла ихъ движеніями) и перемѣны мыслей и чувствъ, а отнюдь не какія-либо иныя дѣйствія (или акты) духовнаго характера, которыя мы сознавали бы въ составѣ своихъ душевныхъ переживаній, наряду съ мыслями, чувствами и ощущеніями.

Сперва мы разсмотримъ внѣшнія волевыя явленія, а потомъ обратимся къ внутреннимъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ нашей важнѣйшей задачей должно быть рѣшеніе вопроса: *имѣетъ ли въ составѣ волевыхъ явленій какого нибудь новаго элемента душевной жизни, котораго не находится ни въ мысляхъ съ воспріятіями, ни въ эмоціяхъ?* Путемъ рѣшенія этого вопроса мы въ состояніи будемъ выяснить, не сознаются ли нами въ составѣ волевыхъ явленій какая либо *активность* воли, или *активность* сознанія, о чемъ въ главѣ 20 мы рѣшили особо упомянуть при изученіи волевыхъ явленій. А чтобы рѣшить вопросъ о составѣ волевыхъ явленій, мы, разумѣется, должны обратить главное вниманіе на тѣ душевныя переживанія, которыми обусловливаются перемѣны, возникающія при волевыхъ явленіяхъ.

Для того, чтобы природа внѣшняго волевого явленія сдѣлалась для насъ ясной, разсмотримъ тѣ *движенія*, которыя можетъ совершать живое существо, но которыя завѣдомо не имѣютъ волевого характера, а въ связи съ ними и внѣшнія завѣдомо волевыя дѣйствія. Путемъ такого сравненія мы легко подмѣтимъ существенное отличіе внѣшнихъ волевыхъ дѣйствій.

Между тѣми движеніями, которыя совершаетъ живое существо, завѣдомо не имѣютъ волевого характера слѣдующія: 1) *рефлективныя*, 2) *импульсивныя*, 3) *инстинктивныя*. Нѣкоторые авторы называютъ всѣ эти движенія, взятыя вмѣстѣ, *первично-автоматическими*. Многіе же называютъ ихъ *механическими*, хотя съ этимъ словомъ не слѣдуетъ соединять мнѣнія, будто бы у всѣхъ нихъ нѣтъ никакой связи съ душевными явленіями. При разсмотрѣніи же этихъ движеній мы должны обратить вниманіе на то, предшествуютъ ли какіе-либо психическіе процессы совершенію того или другого движенія.

Рефлективныя движенія. Мы уже видѣли, что называется рефлективными движеніями. Напримѣръ, когда намъ кажется, что кто-нибудь намъ можетъ нанести ударъ въ глазъ, то мы производимъ защитительныя движенія, которыя называются миганіемъ. Это движеніе имѣетъ *цѣлесообразный* характеръ, т. е. при его помощи можетъ достигаться извѣстная цѣль, полезная для организма; но въ цѣлесообразности этого движенія, какъ и вообще въ цѣлесообразности рефлективныхъ движеній, душевная жизнь не принимаетъ никакого участія. Если, напримѣръ, въ дыхательное горло попадаетъ кусочекъ пищи, и мы, откашливая, удаляемъ его, то этотъ процессъ удаленія совершается чисто *механически*, помимо того, желаемъ ли мы этого или нѣтъ. Это движеніе, какъ и всѣ рефлективныя движенія, имѣетъ механическій характеръ. Механическій характеръ рефлективныхъ движеній

особенно ясенъ въ тѣхъ движеніяхъ, которыя связаны съ расширеніемъ и съ съуживаніемъ зрачка. Извѣстно, что если сильный свѣтъ дѣйствуетъ на глазъ, то зрачекъ съуживается, если на глазъ дѣйствуетъ слабый свѣтъ, то зрачекъ расширяется. Это дѣйствіе совершается даже безъ нашего вѣдома, такъ что, очевидно, оно происходитъ безъ всякаго умысла съ нашей стороны. Въ рефлективныхъ движеніяхъ, если дано какое-нибудь внѣшнее раздраженіе, то за нимъ необходимо слѣдуетъ движеніе, которое совершается чисто механически. Такимъ образомъ, слѣдуетъ признать, что рефлективныя движенія происходятъ не вслѣдствіе какихъ-либо душевныхъ процессовъ, а чисто механически. Отмѣтимъ также, что *рефлективныя движенія совершаются, благодаря возбужденіямъ, идущимъ извнѣ*.

Отъ рефлективныхъ движеній рѣзко отличаются *импульсивныя движенія*. Ихъ примѣромъ могутъ служить тѣ движенія, которыя совершаетъ новорожденный ребенокъ. Онъ движетъ рукой въ ту или другую сторону, поднимаетъ или опускаетъ руки или ноги, испускаетъ крики или вообще издаетъ какіе-либо звуки. Всѣ эти движенія совершенно *нецѣлесообразны*, т. е. не направлены на достиженіе какихъ-либо опредѣленныхъ цѣлей, а совершаются, какъ попало. Послѣ пробужденія молодыя животныя тоже часто производятъ различныя безпорядочныя движенія, которыя вовсе не направлены къ тому, чтобы достигнуть какой-либо опредѣленной цѣли. Почему, спрашивается, происходятъ эти движенія? Приходится допустить, что въ нѣкоторыхъ нервныхъ центрахъ скопляется излишекъ нервной энергіи, такъ что она должна израсходоваться, разрядиться. Вслѣдствіе этого въ этихъ нервныхъ центрахъ происходятъ какія-то возбужденія, благодаря которымъ и совершаются указанныя движенія, и которыя отражаются въ сознаніи въ видѣ какого-нибудь смутнаго непріятнаго чувства. Такимъ образомъ, причины, производящія импульсивныя движенія, получаются *не извнѣ*, какъ это мы имѣемъ въ рефлективныхъ движеніяхъ, а *это возбужденія, происходящія въ нервныхъ центрахъ*. Очевидно также, что въ разсмотрѣнныхъ примѣрахъ импульсивнымъ движеніямъ не предшествуетъ никакое иное душевное явленіе, кромѣ упомянутаго смутнаго непріятнаго чувства.

Инстинктивныя движенія. Вообще, когда говорятъ объ инстинктивныхъ движеніяхъ, то имѣютъ въ виду тѣ *сложныя* движенія, которыя совершаетъ животное, и которыя имѣютъ *цѣлесообразный* характеръ, но относительно которыхъ мы должны допустить, что *ихъ цѣлесообразность не зависитъ отъ умысла животныхъ*. Напримѣръ, бобръ, родившійся въ неволѣ и не видѣвшій еще зимы, не будучи наученъ другими бобрами, начинаетъ собирать матеріалъ для постройки зимняго жилища. Въ этомъ дѣйствіи онъ совершаетъ цѣлый рядъ движеній, которыя направлены для выполненія извѣстныхъ цѣлей. Эти сложныя дѣйствія имѣютъ цѣлесообразный характеръ, но очевидно, что эта цѣлесообразность ему совершенно не понятна, потому что онъ еще не видѣлъ зимы и не знаетъ необходимости въ постройкѣ жилища.

Инстинктивныя движенія встрѣчаются не только у животныхъ, но и

у человѣка. Возьмемъ, напримѣръ, процессъ сосанія у новорожденнаго ребенка. На первый взглядъ могло бы показаться, что процессъ сосанія есть рефлективное движеніе, именно, что извѣстное прикосновеніе къ губамъ вызываетъ раздраженіе, которое въ свою очередь вызываетъ движеніе губъ. Но это невѣрно, потому что сосательное движеніе совершается ребенкомъ только въ томъ случаѣ, если онъ голоденъ, и только до тѣхъ поръ, пока онъ голоденъ. Если у ребенка наступаетъ насыщеніе, то сосательное движеніе тотчасъ прекращается. Прекращается оно и въ томъ случаѣ, если ко рту ребенка поднести пустую соску. Это ясно показываетъ, что сосательныя движенія сопровождаются извѣстными чувствами, что они направлены на устраненіе чувства неудовольствія и достиженіе чувства удовольствія, хотя ребенокъ не знаетъ о такомъ ихъ назначеніи.

Такимъ образомъ, различіе между инстинктивными и рефлективными движеніями, кромѣ сложности первыхъ, состоитъ еще въ томъ, что рефлективныя не обусловлены никакими чувствами, инстинктивныя же обусловлены ими, какъ и импульсивныя, а разница между импульсивными и инстинктивными въ томъ что, первыя нецѣлесообразны, вторыя же цѣлесообразны.

Завѣдомо волевыя, или произвольныя движенія. Если мы разсмотримъ тѣ движенія, которыя считаются завѣдомо *волевыми*, или *произвольными*, и которыя называютъ еще *умышленными*, то мы тотчасъ увидимъ огромное различіе, которое существуетъ между ними и между движеніями, разсмотрѣнными нами выше. Я, напримѣръ, *хочу* поднять руку; результатомъ и цѣлью этого хотѣнія является *поднятіе руки*. Я *хочу* достать вещь, которая находится на полу. *Для этого*, т. е. изъ-за этой *цѣли*, я совершаю извѣстнаго рода движенія. Я *хочу* прикоснуться къ столу, который находится вправо отъ меня, и *для этого*, т. е. изъ-за этой *цѣли*, я совершаю извѣстное движеніе. Изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что во всѣхъ движеніяхъ, которыя мы называемъ волевыми, имѣется налицо извѣстная *цѣль*. До совершенія волевого дѣйствія у насъ въ сознаніи имѣется представленіе цѣли, а часто и представленіе тѣхъ движеній, которыя необходимы для достиженія этихъ цѣлей. Я, напримѣръ, знаю, что если мнѣ нужно достать вещь, которая находится у меня надъ головой, то для этого я долженъ произвести движеніе руки вверхъ. Я знаю, что если нужно достать вещь, которая находится на полу, то для этого я долженъ наклониться. Передъ тѣмъ, какъ совершить какое-либо волевое дѣйствіе, я долженъ представить себѣ его цѣль, а часто и тѣ движенія, которыя приводятъ къ достиженію этой цѣли. Такимъ образомъ, *завѣдомо волевое движеніе, есть движеніе, предваряемое представленіемъ цѣли, которая должна быть достигнута, а часто также и представленіемъ тѣхъ движеній, которыя необходимы для достиженія этой цѣли.*

Надо обратить вниманіе, что *не всякое завѣдомо волевое движеніе требуетъ представленія движенія*: во многихъ случаяхъ представленіе цѣли отъ частаго повторенія движенія, вызываемаго изъ-за данной цѣли, такъ

прочно ассоціируется съ этимъ движеніемъ, что вызываетъ его уже безъ предварительнаго представленія этого движенія. Напримѣръ: стоитъ только захотѣть перевернуть страницу этой книги, то надлежащее движеніе возникнетъ безъ представленія этого движенія. Пока вырабатываются изъ импульсивныхъ движеній волевыя, послѣднія, конечно, сопровождаются и представленіемъ цѣли, и представленіемъ движенія. Впослѣдствіи же представленіе движенія въ большинствѣ случаевъ отпадаетъ. Поэтому существенной особенностью завѣдомо волевыхъ движеній надо считать то обстоятельство, что имъ всегда предшествуетъ представленіе цѣли. Отъ того то они и называются *умышленными* движеніями.

Возникновеніе волевыхъ движеній. Если мы объективно наблюдаемъ развитіе психической жизни человѣка, то для насъ становится яснымъ, что первоначально возникаютъ лишь движенія, которыя имѣютъ характеръ непроизвольныхъ. У ребенка мы наблюдаемъ движенія рефлективныя, импульсивныя и инстинктивныя, но мы не встрѣчаемъ движеній волевыхъ: эти послѣднія возникаютъ только позднѣе. Если такъ, то задача психологіи, между прочимъ, заключается еще и въ томъ, чтобы объяснить, какимъ образомъ изъ движеній непроизвольныхъ вырабатываются движенія произвольныя. Въ общемъ мы можемъ сказать, что это происходитъ благодаря тому, что къ непроизвольнымъ движеніямъ, напримѣръ — къ импульсивнымъ, присоединяется *представленіе* извѣстной цѣли и представленіе движеній, при помощи которыхъ достигается эта цѣль. Этотъ процессъ соединенія представленій можно мыслить приблизительно слѣдующимъ образомъ. Предположимъ, что ребенокъ совершаетъ импульсивно какое-либо движеніе, (напримѣръ, руби) и предположимъ, что это движеніе при опредѣленныхъ внѣшнихъ условіяхъ влечетъ за собою чувство удовольствія. Предположимъ дальше, что такого рода движеніе многократно вызывало извѣстное чувство удовольствія. Тогда между указаннымъ *движеніемъ* и *между чувствомъ удовольствія* должна установиться ассоціація. Вслѣдствіе этой ассоціаціи можетъ произойти то, что когда у ребенка явится представленіе этого удовольствія, то оно вызоветъ и то движеніе, которое приводитъ его къ этому удовольствію. Напримѣръ, ребенокъ видитъ какой-нибудь предметъ. Совершая импульсивно различныя безцѣльныя движенія, онъ случайно приводитъ руку въ соприкосновеніе съ этимъ предметомъ. Это соприкосновеніе доставляетъ ему удовольствіе. Пусть это повторится много разъ. Впослѣдствіи, видъ этого предмета воспроизводитъ въ сознаніи ребенка представленіе соприкосновенія, вызывающаго это удовольствіе, т. е. вызываетъ и это удовольствіе (вслѣдствіе однородности съ нимъ его представленія), а оно воспроизводитъ ассоціированное съ нимъ движеніе. Такимъ образомъ изъ первично-автоматическихъ движеній, вслѣдствіе присоединенія къ нимъ представленій движенія и его результата (цѣли), возникаетъ произвольное движеніе или волевое. Разумѣется, произвольное движеніе можетъ выработаться аналогичнымъ путемъ и изъ инстинктивнаго движенія: сосательныя движенія, напримѣръ, съ теченіемъ времени становятся у ребенка произвольными.

Перейдемъ теперь къ болѣе важной задачѣ, къ изученію тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя обусловливаютъ произвольныя движенія. Очевидно, они бываютъ гораздо сложнѣе, когда вызываемыя ими движенія еще не сдѣлались для насъ вполнѣ привычными, когда, напримѣръ, произвольныя движенія еще только вырабатываются, или же—когда мы впервые обучаемся движеніямъ, необходимымъ для достиженія опредѣленной цѣли: и эти переживанія, очевидно, значительно упрощаются, входя въ составъ тѣхъ дѣйствій, которыя стали привычными. Дѣйствительно: когда ребенокъ учится писать, то держаніе карандаша есть для него актъ волевой; ему нужно особое усиліе, чтобы дать опредѣленное положеніе одному пальцу, другому и третьему; нужно особое усиліе и для того, чтобы сдавливать карандашъ; движеніе карандаша вверхъ и внизъ представляетъ собою точно также волевыя явленія. Но вслѣдствіе многочисленныхъ повтореній этихъ волевыхъ движеній они дѣлаются настолько привычными, связь между отдѣльными движеніями становится настолько тѣсной, что достаточно только *начать* ихъ, чтобы они сами собой, чисто механически вызывали другъ друга. Такія волевыя движенія, которыя, будучи начаты, продолжаются вслѣдствіе привычки уже *механически*, нерѣдко называются *вторично-автоматическими* движеніями.

Само собой разумѣется, что намъ, имѣющимъ въ виду вопросъ о составѣ душевныхъ переживаній, обусловливающихъ волевыя явленія, надо обратить особенное вниманіе на переживанія, обусловливающія *завѣдомо, безспорно* волевыя движенія. Но мы этимъ не ограничимся, а для сравненія съ этими переживаніями разсмотримъ и такія, которыя бываютъ еще раньше, чѣмъ выработаются произвольныя движенія, и которыя могутъ обусловливать лишь движенія, завѣдомо непроизвольныя. Условимся ихъ называть, влеченіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы обратимъ вниманіе и на всѣ упрощенія въ душевномъ переживаніи, обусловливающемъ завѣдомо волевое движеніе, которыя происходятъ въ немъ подъ вліяніемъ привычки къ данному движенію. Путемъ такого разносторонняго сравненія мы гораздо яснѣе подмѣтимъ составъ этого переживанія.

Разсматривая волевыя явленія, надо имѣть въ виду, что мы никогда не подмѣчаемъ въ себѣ такого завѣдомо волевого движенія, которое не было бы связано съ чувствами. Поэтому очень многіе психологи считаютъ всякое душевное переживаніе, обусловливающее произвольныя движенія, состоящимъ не болѣе, какъ только изъ комбинаціи чувствъ, представленій и ощущеній, а все то, что не разлагается на эти элементы (*душевный* актъ или дѣйствіе, какъ особый волевой элементъ), всего лишь примышляемымъ нами къ тому, что сознается нами, а отнюдь не сознаваемымъ прямо. Такая же точка зрѣнія проводится и здѣсь.

Влеченіе. Если живое существо испытываетъ непріятное чувство, которое уже вызываетъ, или же при достаточномъ усиленіи, рано или поздно, вызоветъ дѣйствіе, устраняющее это чувство, но въ то же время это существо еще не имѣетъ представленія о предметѣ, который можетъ устранить стра-

данiе, то условимся такое психическое состояніе называть „влеченіемъ“. Напримѣръ, ребенокъ на извѣстной стадіи развитія можетъ испытывать голодъ, но въ то же время можетъ не имѣть никакого представленія о молокѣ, которое могло бы служить для удовлетворенія чувства голода. Такое состояніе будетъ влеченіемъ. Можетъ быть также влеченіе къ питью, къ дѣятельности и т. п. *Влеченіе есть какое либо непріятное чувство, разсматриваемое съ точки зрѣнія его вліяній на движенія.*

Желаніе. Но влеченіе всѣ называютъ *желаніемъ*, когда къ нему присоединяется представленіе предмета, способнаго устранить непріятное чувство, образующее влеченіе. Устраненіе же непріятнаго чувства, образующаго влеченіе, называется удовлетвореніемъ желанія. *Существеннымъ признакомъ понятія желанія служитъ представленіе предмета, удовлетворяющаго наше желаніе, т. е. устраняющаго то непріятное чувство, которое образуетъ его.* Напримѣръ, можно имѣть „влеченіе“ къ пищѣ, не представляя себѣ, какая именно пища можетъ способствовать удовлетворенію голода, но мы можемъ имѣть уже не иначе, какъ только „желаніе“ съѣсть яблоко, потому что здѣсь есть представленіе опредѣленнаго предмета, удовлетворяющаго желаніе. Можно имѣть не иначе, какъ только „желаніе *курить*“, „желаніе *спиртныхъ напитковъ*“, „желаніе *общественной дѣятельности*“, потому что во всѣхъ этихъ случаяхъ уже есть представленіе опредѣленныхъ предметовъ, доставляющихъ удовлетвореніе желанія.

Правда, въ обыденной жизни мы очень часто говоримъ *о смутныхъ, неопредѣленныхъ желаніяхъ*, подразумѣвая подъ ними такія непріятныя чувства, о которыхъ мы на основаніи всего опыта нашей жизни уже догадываемся, что они чѣмъ-то могутъ быть устранены, но чѣмъ именно — еще не знаемъ. Но для изученія *состава* душевныхъ переживаній, обусловливающихъ *завѣдомо* волевыя движенія, такія желанія не имѣютъ никакого особаго значенія; поэтому мы будемъ ихъ относить къ влеченіямъ, какъ это нерѣдко дѣлаетъ и сама обыденная жизнь. „Смутное желаніе“, по ея словамъ, „есть *влеченіе* къ чему-то, а къ чему не поймешь“.

Гораздо важнѣе слѣдующее обстоятельство: желаніемъ принято, какъ въ наукѣ, такъ и въ обыденной жизни, называть и такое душевное переживаніе, которое сопровождается представленіемъ *предмета, доставляющаго прямое, положительное удовольствіе*, а мы, между тѣмъ, все время говорили лишь о предметѣ, *устраняющемъ непріятное чувство.* Напримѣръ: желаніемъ называется и душевное переживаніе, сопровождаемое представленіемъ удовольствія, доставляемаго апельсиномъ, если только это переживаніе способно при достаточной напряженности вызвать движенія, необходимыя для того, чтобы отправить апельсинъ въ ротъ. Но въ существованіи такихъ желаній нѣтъ никакого противорѣчія съ нашимъ опредѣленіемъ понятія желанія. Вникнемъ хорошенько, при какомъ условіи подобныя переживанія пріобрѣтаютъ имя желаній? Только въ томъ случаѣ, если въ ихъ составъ наряду съ представленіемъ дѣйствія, доставляющаго удо-

вольствіе, входитъ также *непріятное чувство, обусловленное тѣмъ, что это представленіе еще не осуществляется.* Напримѣръ: если наряду съ представленіемъ удовольствія, доставляемаго апельсиномъ, будетъ и непріятное чувство, обусловленное тѣмъ, что мы еще не ѣдимъ апельсина, то такое переживаніе, дѣйствительно, называется желаніемъ. Это непріятное чувство можетъ быть и очень сильнымъ (такъ что лакомка чуть не страдаетъ отъ невозможности положить апельсинъ въ ротъ) и крайне слабымъ (едва замѣтнымъ), но оно непремѣнно должно быть: если же его вовсе нѣтъ, то имя желанія становится неумѣстнымъ. *Въ желаніи всегда подразумѣвается испытываніе непріятнаго чувства недостачи того, что составляетъ предметъ желанія.* И всякій курильщикъ можетъ легко наблюдать, какъ это чувство мѣняется отъ едва замѣтнаго до мучительнаго, но всегда существуетъ, коль скоро есть желаніе курить. Такъ точно дѣло стоитъ и въ остальныхъ желаніяхъ, сопровождаемыхъ представленіемъ ожидаемаго удовольствія: будетъ ли то желаніе вина, лакомствъ, поцѣлуевъ и т. д.—безразлично. Слѣдовательно, разсматриваемый родъ желаній составляетъ отнюдь не противорѣчіе съ тѣмъ общимъ понятіемъ желанія, которое мы только что опредѣлили передъ этимъ, а лишь частный случай, видоизмѣненіе этого общаго понятія; и *желаніемъ всегда оказывается непріятное чувство (т. е. влеченіе), сопровождаемое представленіемъ предмета, прекращающаго данное чувство, при чемъ, конечно* хотя это прекращеніе непріятнаго чувства уже и само по себѣ доставляетъ удовольствіе, все таки, *предметъ, прекращающій это чувство, можетъ, въ свою очередь, доставлять прямое, положительное удовольствіе,* усугубляя этимъ путемъ удовольствіе отъ удовлетворенія желанія. Конечно, когда у насъ есть желаніе пить, то удовольствіе, доставляемое его удовлетвореніемъ, усиливается, если мы пьемъ вкусный напитокъ.

Мы говорили, что въ составъ желанія, кромѣ влеченія, т. е. какого нибудь непріятнаго чувства, входитъ еще представленіе предмета, устраняющаго это чувство. Но само собой разумѣется, что желаніе, если оно достигаетъ достаточной силы, можетъ быть соединено и съ дѣйствіемъ, т. е. движеніемъ, осуществляющимъ такое устраненіе непріятнаго чувства. Желанія же могутъ иногда пріобрѣтать очень большую силу, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда они очень долго не удовлетворяются. Тогда они прямо, безъ колебаній и обдумыванія могутъ вызывать дѣйствія. Напримѣръ: желаніе пить у путешественниковъ въ жаркихъ странахъ можетъ пріобрѣсти такую силу, что они, не колеблясь, удовлетворяютъ его даже посредствомъ воды грязной, представляющей явную опасность для жизни. Вообще же осуществленіе или неосуществленіе желанія зависитъ отъ того, задерживается ли оно другими желаніями или же нѣтъ, и если задерживается, то преодолѣетъ ли оно ихъ.

Влеченія, конечно, могутъ вызывать только непроизвольныя, т. е. импульсивныя и инстинктивныя движенія, такъ какъ они не сопровождаются представленіемъ предмета, устраняющаго непріятное чувство, образующее влеченіе, такъ что вызванныя ими движенія никоимъ образомъ не

могутъ считаться *умышленными*, т. е. произвольными, или волевыми. Желанія же либо вовсе не вызываютъ никакихъ движеній, оставаясь неисполненными т. е. неудовлетворенными, либо вызываютъ движенія произвольныя, умышленныя, потому что желанія сопровождаются представленіемъ удовлетворяющаго ихъ предмета. *И желаніе, разсматриваемое въ связи съ движеніемъ, вызваннымъ имъ безъ борьбы съ другими желаніями, условимся называть простымъ волевымъ актомъ*, такъ что простой волевой актъ состоитъ, прежде всего, изъ желанія и вызваннаго имъ движенія.

Замѣтимъ, что *простой волевой актъ отличается отъ сложнаго вовсе не простотой совершающагося при немъ движенія* (послѣднее можетъ быть очень сложнымъ, состоящимъ изъ ряда движеній, которыя автоматически вызываютъ одно другое), *но тѣмъ, что желаніе осуществляется безъ борьбы съ другими желаніями*, какъ это бываетъ при сложномъ волевомъ актѣ. При этомъ, конечно, отсутствіе противодѣйствія со стороны другихъ желаній можетъ происходить по двумъ причинамъ: или потому, что уже при возникновеніи желанія вовсе не было никакой борьбы желаній, или потому, что она и была, но ко времени осуществленія даннаго желанія всѣ противодѣйствующія ему совсѣмъ заглохли, и данное желаніе такъ осуществляется, какъ если бы раньше не было никакой борьбы.

Если желаніе вызываетъ движеніе, то, глядя по тому, будетъ ли послѣднее для насъ привычнымъ или нѣтъ, *въ составъ душевнаго переживанія, происходящаго при простомъ волевомъ актѣ, можетъ войти и представленіе движенія*, именно — когда послѣднее еще непривычно для насъ. Но въ большинствѣ простыхъ волевыхъ актовъ движеніе возникаетъ безъ представленія этого движенія: при взглядѣ на папиросу возникло желаніе покурить, и тотчасъ же, безъ всякаго представленія соотвѣтственнаго движенія, рука беретъ папиросу и направляетъ ее, куда слѣдуетъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе привычки составъ душевнаго переживанія, обусловливающаго дѣйствія, наблюдаемыя въ простыхъ волевыхъ актахъ, упрощается чрезъ выпаденіе изъ него представленій движеній. И упрощеніе этого переживанія можетъ вслѣдствіе привычки дойти даже до того, что совершаемое нами дѣйствіе сдѣлается едва ли не механическимъ: у привычнаго курильщика часто при одномъ лишь *взглядѣ* на папиросу, уже безъ всякаго желанія курить и даже безъ представленія удовольствія, доставляемаго куреніемъ, рука поднимается и отправляетъ ее въ ротъ и т. д., и только когда онъ затянется, онъ замѣчаетъ, что у него вовсе нѣтъ желанія курить, что куреніе даже непріятно ему въ данную минуту. Въ промежуткѣ же между этими двумя случаями (закуриваніе папиросы при желаніи курить, но безъ представленія необходимыхъ для этого движеній, и закуриваніе безъ всякаго желанія курить и даже безъ представленія удовольствія, доставляемаго куреніемъ) могутъ встрѣтиться и такія движенія, которыя возникаютъ безъ непріятнаго чувства, образующаго одинъ изъ элементовъ желанія, а только въ силу того, что представленіе удовольствія, доставляе-

маго предметомъ, находящимся подъ руками, прочно ассоціировано съ движеніями, необходимыми для осуществленія этого удовольствія. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ, при взглядѣ на папиросу мы вспомнимъ объ удовольствіи, доставляемомъ куреніемъ, и одно лишь это воспоминаніе уже вызоветъ всѣ движенія закуриванія, такъ что желанія въ подлинномъ смыслѣ слова здѣсь не будетъ.

Конечно, можно поставить вопросъ, позволительно ли называть такія движенія волевыми, произвольными. Мнѣніе обыденной жизни на этотъ счетъ какъ то колеблется: то подчеркиваютъ, что въ нихъ нѣтъ подлиннаго желанія, и поэтому ихъ называютъ *невольными*, то подчеркиваютъ, что отъ насъ, все таки, зависитъ быть повнимательнѣе къ самимъ себѣ и не допускать такихъ движеній, когда не слѣдуетъ имъ быть (напримѣръ, не закуривать, гдѣ не слѣдуетъ и т. п.), и потому называютъ, *хотя и не умышленными, а все таки произвольными*. Но для изученія *состава* душевныхъ переживаній, происходящихъ при *завѣдомо* волевыхъ явленіяхъ, этотъ споръ о *названіяхъ* не имѣетъ никакого значенія: важенъ лишь фактъ существованія разныхъ ступеней упрощенія душевнаго переживанія, входящаго въ составъ простого волевого акта; ибо для рѣшенія нашей главной задачи мы должны будемъ разсматривать лишь такія переживанія, въ которыхъ это упрощеніе не пошло дальше выпаденія представленія движенія, такъ чтобы само то желаніе оставалось во всей его неприкосновенности.

Итакъ, ступени, чрезъ которыя проходитъ упрощеніе волевого акта вслѣдствіе привычки къ нему, таковы: сначала выпадаетъ изъ происходящаго при немъ душевнаго переживанія представленіе движенія; послѣ того можетъ выпадать и желаніе, а движеніе вызывается однимъ лишь представленіемъ удовольствія, къ которому оно приводитъ; наконецъ, движеніе вызывается прямо однимъ лишь воспріятіемъ предмета, привычнаго желанія. Можетъ быть (да и навѣрное), дѣло иногда доходитъ до превращенія этого движенія въ чисто рефлективное. Такъ, когда мы закуриваемъ папиросу только потому, что увидѣли ее (т. е. безъ всякаго желанія и даже безъ представленія удовольствія, доставляемаго куреніемъ), то нѣтъ ничего невозможнаго, что ея воспріятіе возникаетъ въ сознаніи на нѣсколько сигмъ (т. е. тысячныхъ частей секунды) позднѣе, чѣмъ начинается движеніе: можетъ быть, *иногда* оно возникаетъ тѣмъ путемъ, что возбужденіе зрительнаго нерва передается прямо двигательнымъ нервамъ руки, независимо отъ того, успѣетъ или нѣтъ въ сознаніи возникнуть зрительное воспріятіе. Если же это предположеніе когда нибудь осуществляется, то такое движеніе будетъ чисто рефлективнымъ. Не даромъ нѣкоторые авторы высказываютъ гипотезу, что всѣ рефлексы прежде были произвольными движеніями, которые постепенно, вслѣдствіе многократныхъ повтореній, сдѣлались чисто-механическими, возникающими безъ всякаго участія сознанія, и внесли въ нервную систему тѣ преобразованія, вслѣдствіе которыхъ возбужденіе чувствующаго нерва стало передаваться прямо двигательнымъ нервамъ, независимо отъ того, вызываетъ ли оно соотвѣтственное ощущеніе или нѣтъ (см. объ этой передачѣ ч. I стр. 43); а эти преобразованія переходятъ въ силу

наслѣдственности отъ поколѣнія къ поколѣнію, вслѣдствіе чего у позднѣйшихъ поколѣній вполнѣ произвольныя движенія прежнихъ поколѣній оказываются уже съ самаго начала жизни рефлективными, т. е. чисто механическими.

Здѣсь будетъ кстати замѣтить, что нѣкоторые авторы устанавливаютъ такую разницу между желаніями и хотѣніями: желанія, для осуществленія которыхъ мы не усматриваемъ никакихъ препятствій—ни въ другихъ желаніяхъ, ни во внѣшнемъ мірѣ, они называютъ *хотѣніями*, а имя желаній сохраняютъ лишь за такими желаніями, которыя сопровождаются мыслью о томъ, что они останутся неосуществленными, либо вслѣдствіе полной невозможности осуществить ихъ (таково, напримѣръ, *„желаніе“* подняться на луну), либо потому, что имъ противостоятъ другія, болѣе сильныя желанія (таково, напримѣръ, *„желаніе“* курить, удерживаемое общественной дисциплиной). Но языкъ обыденной жизни не дѣлаетъ никакой разницы между желаніями и хотѣніями, кромѣ чисто количественной: „хотѣть“ то же, что „желать“, но сильнѣе сказано. Болѣе того: даже для желаній, сопровождаемыхъ мыслью, что они останутся неосуществленными, онъ предпочитаетъ выраженія „хочется“ и „хотѣлось бы“, напримѣръ: „хочется курить“, „хотѣлось бы подняться на луну“ и т. д.

Итакъ, мы разсмотрѣли душевныя переживанія, входящія въ составъ *завѣдомо* волевого, но простого акта, а равно и переживанія, обусловливающія внѣшнія дѣйствія, очень похожія на завѣдомо волевыя (какъ-то: закуриваніе папиросы, вызванное однимъ лишь ея видомъ и т. п.), но отличающіяся отъ *завѣдомо* волевыхъ упрощеннымъ характеромъ тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя вызываютъ эти дѣйствія. *Что же сознается нами въ видѣ составныхъ элементовъ всѣхъ этихъ переживаній? Только чувства, представленія* (предмета, устраняющаго непріятное чувство или вызывающаго удовольствіе, и движеній) *и ощущенія* (отъ вида папиросы, отъ соприкосновенія руки съ карандашемъ и т. п.). Никакого *особаго* волевого элемента душевной жизни, который входилъ бы въ составъ этихъ переживаній наряду съ чувствами, представленіями и ощущеніями, мы не сознаемъ. И съ этимъ выводомъ вполнѣ согласуется коллективное самонаблюденіе, поскольку оно отражается въ языкѣ обыденной жизни, который *приравниваетъ* другъ къ другу слова *„хочу“* и „испытываю непріятное *чувство*“. Напримѣръ: „хочу (или хочется) ѣсть“ означаетъ „я голоденъ“; „хочу (или хочется) пить“ означаетъ „испытываю жажду“; „хочу спать“—„испытываю тягостное чувство неосуществляемаго засыпанія“ и т. д.

Предположеніе существованія особаго волевого элемента въ составѣ этихъ переживаній, очевидно, является результатомъ смѣшенія того, что мы невольно мыслимъ по поводу сознаваемаго нами, съ тѣмъ, что сознается нами. Мы невольно мыслимъ, что въ разсмотрѣнныхъ нами переживаніяхъ *долженъ* быть какой-нибудь *особый* элементъ, который не могъ бы сво-

диться ни на чувства, ни на ощущенія, ни на представленія; и вотъ, содержаніе этой мысли, *невольно* приходящей намъ въ голову, мы принимаемъ за то, что сознается нами при самонаблюденіи надъ душевными переживаніями, о которыхъ идетъ рѣчь. Но почему такая мысль невольно приходитъ въ голову? Да разсматриваемыя явленія называются вѣдь *волевыми*, т. е. приписываются волѣ, которая считается *особой* способностью, несводимой къ другимъ способностямъ: ни къ познавательнымъ, ни къ эмоціональнымъ. И коль скоро мы думаемъ, что разсматриваемыя явленія порождаются такой *особой* способностью, то мы невольно заключаемъ, что въ ихъ составѣ долженъ быть *особый* элементъ душевной жизни, порождаемый *этой* способностью и, значитъ, несводимый къ тому, что порождается другими, именно—эмоціональными и познавательными способностями, т. е. несводимый къ чувствамъ, къ представленіямъ и ощущеніямъ.

И эта мысль о необходимости *особаго*, порождаемаго не иначе, какъ самой же *волей*, элемента въ составѣ волевыхъ явленій, дѣйствительно возникаетъ съ такой неизбѣжностью, что обыкновенно тѣ, кто впервые услышитъ, что въ составѣ волевыхъ явленій мы не сознаемъ ничего другого, кромѣ чувства, представленій и ощущеній, никакого *особаго* волевого элемента, тотчасъ же возражаютъ: „стало быть, Вы отрицаете существованіе *волевыхъ* явленій. Но почему же во всемъ человѣчествѣ существуетъ понятіе *воли*?“ И лишь нѣсколько подумавъ, такіе возражатели начинаютъ понимать, что ученіе о *составѣ* явленій, которыя человѣчество окрестило именемъ волевыхъ (т. е. ученіе о томъ, что именно сознается, или внутренне наблюдается нами при ихъ переживаніи) нисколько не затрогиваетъ вопроса о *существованіи* такихъ явленій. Они, разумѣется, существуютъ; и, разумѣется, мы обязаны называть ихъ такъ же, какъ ихъ называетъ и все человѣчество, т. е. волевыми. Но это еще не значитъ, чтобы мы были обязаны считать ихъ составъ такимъ, а не другимъ, *исходя* изъ понятія воли, именемъ которой *называются* эти явленія: объ ихъ составѣ мы обязаны судить лишь на основаніи того, что *дѣйствительно* сознается нами при ихъ переживаніи, а не на основаніи того, какъ ихъ называютъ.

Здѣсь дѣло стоитъ очень сходно (хотя и не вполнѣ одинаково) съ физическимъ ученіемъ о тепловыхъ явленіяхъ. Послѣднія давно внушили мысль о существованіи какой-то *особой* причины, порождающей эти явленія, получившей названіе *теплорода*: тепловыя явленія считались ничѣмъ инымъ, какъ перемѣнами въ распредѣленіи его скопленій; чѣмъ больше скопляется въ тѣлѣ теплорода, тѣмъ выше температура тѣла и т. п. Но все это нисколько не помѣшало современной физикѣ отвергнуть теплородъ и утверждать, что эти явленія состоятъ *только* въ перемѣнахъ частичныхъ движеній тѣлъ, хотя она отнюдь не отрицаетъ ихъ существованія и по прежнему называетъ ихъ *тепловыми*, т. е. тѣмъ же самымъ именемъ, какимъ человѣчество издавна назвало ихъ, и подъ вліяніемъ котораго возникло и *названіе*, и понятіе теплорода.

Что же касается понятія воли, то, разумѣется, оно возникло тѣмъ же

самымъ путемъ, какъ и понятія остальныхъ душевныхъ способностей, а также силъ природы: подмѣчена *особая* группа *явленій*, отличающаяся отъ другихъ тѣмъ, что она сводится къ возникновенію въ насъ *умышленныхъ* перемѣнъ; и для нея, какъ для всякаго особаго рода явленій, предположена скрытая сзади этихъ явленій, сама по себѣ несознаваемая, способность, названная волей, вслѣдствіе чего явленія данной группы, въ свою очередь, получили названіе *волевыхъ*.

Такимъ образомъ, если ужъ искать въ душевныхъ переживаніяхъ особый волевой элементъ, то только въ, такъ называемыхъ, сложныхъ волевыхъ актахъ, т. е. въ такихъ, при которыхъ бываетъ борьба разнорѣчивыхъ желаній и выборъ между ними. Многіе такъ и поступаютъ. Но другіе опасаются, что если такого *особаго* волевого элемента не находится въ составѣ *простыхъ* завѣдомо волевыхъ явленій, то его не окажется и въ сложныхъ. Поэтому они начинаютъ доказывать, что его необходимо считать сознаваемымъ, или наблюдаемымъ въ любомъ простомъ, лишь бы *завѣдомо* волевомъ актѣ. Разсмотримъ же эти доказательства.

Первое, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое грубое, изъ этихъ доказательствъ, основывается на томъ фактѣ, что желаніе можетъ оставаться неисполненнымъ, хотя налицо всѣ средства для его удовлетворенія. Напримѣръ: мнѣ хочется ѣсть, и я уже сижу за накрытымъ столомъ передъ полной тарелкой, но могу и не приниматься за ѣду, пока не выслушаю своего сосѣда и не отвѣчу ему. Отсюда заключаютъ, что для исполненія желанія, т. е. для удовлетворенія моего голода, къ нему должно присоединиться еще „что-то особое“: въ немъ-то и надо искать особый волевой элементъ. Но если я поступаю, какъ сказано въ этомъ примѣрѣ, то мое желаніе ѣсть задерживается какимъ-либо другимъ желаніемъ, въ данномъ случаѣ—желаніемъ кончить разговоръ, такъ что передъ нами не простой, а сложный волевой актъ; намъ же взялись доказать, что сознаніе особаго волевого элемента входитъ уже и въ простой волевой актъ.

Второе доказательство начинается съ утвержденія, будто бы психологи, отрицающіе особый волевой элементъ, принуждены считать всѣ завѣдомо волевыя дѣйствія возникающими только изъ-за ожидаемаго удовольствія, т. е. считать ихъ цѣлью одно лишь удовольствіе и больше ничего; а это во множествѣ случаевъ, хотя и не всегда, явно противорѣчитъ даннымъ внутренняго опыта. Когда я ѣмъ прогоркшій хлѣбъ или хлѣбъ изъ лебеды, то развѣ моей цѣлью служитъ удовольствіе? Нѣтъ, я ѣмъ такой хлѣбъ только потому, что мнѣ хочется ѣсть, такъ что цѣлью этого хотѣнія служитъ вовсе не удовольствіе: оно только побочный результатъ, возникающій вслѣдствіе удовлетворенія моего хотѣнія, а вовсе не цѣль этого хотѣнія. Оттого-то удовольствіе, доставляемое ѣдой, и возникаетъ лишь въ той-же степени, въ какой мнѣ *хочется* ѣсть. Ѣсть, когда не хочется, не доставляетъ ни малѣйшаго удовольствія; удовольствіе есть удовлетвореніе хотѣнія. А изъ всего этого, по мнѣнію защитниковъ особаго волевого элемента, ясно, что суть волевыхъ явленій вовсе не въ чувствахъ, а въ *особомъ* не-

реживаніи *волевого* характера. Оно-то, а вовсе не чувства, и составляетъ главную сущность влеченій и желаній: чувства же лишь *присоединяются* къ нему во влеченіяхъ и желаніяхъ, пока воля не удовлетворена; ибо всякое неудовлетвореніе воли сопровождается непріятнымъ чувствомъ неудовлетворенности, которое при ея удовлетвореніи замѣняется пріятнымъ чувствомъ удовлетворенности.

Нашъ отвѣтъ на это доказательство таковъ: напрасно наши противники думаютъ, будто мы обязаны считать цѣлью *всякаго* простого *завѣдомо* волевого дѣйствія возбужденіе удовольствія. Напротивъ, мы уже подчеркнули, что въ большинствѣ случаевъ прямой цѣлью служитъ устраненіе непріятнаго чувства, а удовольствіе наступаетъ лишь, какъ побочный результатъ этого устраненія. Такъ, въ примѣрѣ, упоминаемомъ въ доказательствѣ нашихъ противниковъ, цѣлью ѣды служитъ устраненіе чувства голода, а удовольствіе лишь присоединяется къ этой цѣли, какъ побочный результатъ ея осуществленія, и, конечно, бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе чувство голода, т. е. чѣмъ сильнѣе хочется ѣсть. Такимъ образомъ, мы вполнѣ согласны со всѣми посылками нашихъ противниковъ, и въ нихъ нѣтъ никакого противорѣчія съ нашими взглядами. Но изъ нихъ вытекаетъ вовсе не тотъ выводъ, какой выводятъ они, а вотъ какой: „суть *завѣдомо* волевыхъ дѣйствій въ непріятномъ чувствѣ, напримѣръ, въ чувствѣ голода; оно-то и возбуждаетъ движенія. Сперва, пока жизненный опытъ еще не научилъ насъ, какими предметами и какими движеніями оно можетъ быть устранено, оно возбуждаетъ лишь импульсивныя или инстинктивныя движенія; послѣ же, когда мы уже узнали и то, и другое, эти движенія принимаютъ завѣдомо волевой характеръ, т. е. непріятное чувство голода ассоціируется съ представленіемъ предметовъ, устраняющихъ его, и съ необходимыми для этого устраненія движеніями, которыя тотчасъ же и возникаютъ, если только не задерживаются другими желаніями, т. е. если мы имѣемъ дѣло не съ сложнымъ, а съ простымъ волевымъ актомъ. И для наступленія ѣды, очевидно, не нужно никакихъ иныхъ элементовъ въ составѣ душевнаго переживанія, называемаго хотѣніемъ ѣсть.

Третье же доказательство ссылается на то, что, разсматривая простыя волевыя явленія, мы упустили изъ виду *стремленія*: мы де совершенно правильно указывали въ составѣ этихъ явленій присутствіе чувствъ, представленій и т. д., а стремленій не доглядѣли. Между тѣмъ, *особый*, т. е. несводимый къ чувствамъ, представленіямъ и ощущеніямъ, волевой элементъ состоитъ именно въ стремленіи. Чтобы разобраться въ этомъ доказательствѣ намъ надо дать отчетъ въ разныхъ смыслахъ слова „стремленіе“, когда оно примѣняется къ душевнымъ явленіямъ.

Стремленія. Слово „стремленіе“ обозначаетъ тѣ *условія, которыя ближайшимъ образомъ остаются неопредѣленными, и про которыя мы поэтому мыслимъ лишь то, что они непремѣнно вызовутъ движеніе, какъ только устранятся задерживающія его препятствія*, при чемъ составъ послѣднихъ можетъ оставаться неизвѣстнымъ. Напримѣръ: согнутой пружинѣ мы приписываемъ „стремленіе“ выпрямиться. Это вотъ что значитъ: въ ней есть какія-то условія, про которыя мы мыслимъ лишь то, что они непремѣнно вызовутъ выпрямляющее движеніе пружины, какъ только устранятся препятствія такому движенію, при чемъ мы можемъ и не знать, въ чемъ состоятъ эти препятствія. Въ этомъ же смыслѣ мы го-

воримъ, что подвѣшенная къ потолку люстра, хотя и не падаетъ, но имѣетъ стремленіе къ паденію. Такимъ образомъ, подъ стремленіемъ мы прежде всего подразумѣваемъ что-то ближайшимъ образомъ неопредѣленное. Таковъ самый общій смыслъ слова „стремленіе“. Поэтому неудивительно, что, употребляя его въ этомъ смыслѣ, мы приписываемъ стремленіе и предметамъ, которые, по нашему мнѣнію, завѣдомо неодушевленные, какъ это видно изъ только что приведенныхъ примѣровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіями называемъ и нѣкоторыя душевныя переживанія, именно: и влеченія и желанія. Но тогда вѣдь *стремленія въ смыслѣ душевныхъ переживаній сводятся къ чувствамъ, вызывающимъ движенія*; ибо къ этому сводятся влеченія и желанія.

Очевидно, что существованіе въ нашей душевной жизни стремленій въ только что указанномъ смыслѣ слова еще не доказываетъ существованія какого то *особаго* волевого элемента. И вотъ, нѣкоторые утверждаютъ, будто бы влеченія, а поэтому и желанія, состоятъ не только изъ чувствъ, вызывающихъ движенія, но еще изъ какихъ-то особыхъ, *несводимыхъ къ чувствамъ, стремленій*, которыя и служатъ истинной причиной движеній; чувства же, хотя и входятъ въ составъ влеченій и желаній, но не составляютъ ихъ главнаго элемента и служатъ не истинными, а всего только кажущимися причинами движеній, которыя вызываются этими влеченіями и желаніями. Чувства только предшествуютъ движеніямъ, но ихъ не производятъ, т. е. не служатъ ихъ причиной.

Основанъ этотъ взглядъ на психологическій составъ влеченій и желаній на раціоналистическомъ предразсудкѣ, будто бы не можетъ служить причиной явленія (въ данномъ случаѣ движенія) то, что не находится съ нимъ въ логической связи (въ данномъ случаѣ чувство), т. е. то, изъ чего это явленіе не вытекаетъ съ логической необходимостью. Что же касается стремленій, то въ нихъ должно *подразумѣваться* порожденіе тѣхъ движеній, которыя мы приписываемъ тому или другому стремленію. Поэтому, думаютъ, если допустить въ составѣ влеченій и желаній подобныя стремленія, (т. е. стремленія подразумѣвающія въ себѣ порождаемыя ими движенія), какъ особый элементъ, несводимый къ чувствамъ, то станетъ совершенно понятнымъ порожденіе движеній влеченіями и желаніями. И на основаніи этого соображенія допускаютъ такой элементъ въ самомъ составѣ влеченій и желаній *), при чемъ чаще всего его называютъ стремленіемъ; но нерѣдко даютъ ему имя активности воли или активности сознанія, душевной активности, душевнаго акта и т. п., такъ что выраженія: созна-

*) Здѣсь мы встрѣчаемъ одинъ изъ примѣровъ, какъ наши психологическіе взгляды зависятъ отъ непровѣренныхъ гносеологическихъ и общефилософскихъ предпосылокъ,—одинъ изъ примѣровъ, показывающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ, насколько ошибочно *основывать* теорію познанія на психологіи, а не разрабатывать психологію при свѣтѣ теоріи, построенной независимо отъ психологіи. Гносеологія должна не основываться на психологіи, не выводиться изъ нея, а всего лишь въ нѣкоторыхъ вопросахъ пользоваться, какъ вспомогательнымъ средствомъ, *безспорными* и легко устанавливаемыми психологическими положеніями. Напротивъ, психологія должна подчиняться гносеологіи, именно—тамъ, гдѣ она наталкивается на какія-либо сомнѣнія и недоразумѣнія, она должна работать подъ руководствомъ гносеологіи, дабы не запутаться въ догматическихъ предпосылкахъ, которыя чаще всего бываютъ грубо метафизическими. Основываться же гносеологія должна на логикѣ. Это единственная безопасная для нея точка опоры; ибо логика не зависитъ ни отъ метафизики ни отъ психологіи. Вѣдь всякая наука должна подчиняться приговорамъ логики, такъ что сама-то логика не зависитъ ни отъ какихъ другихъ наукъ. Поэтому, гносеологія будетъ застрахована отъ всякаго догматизма только въ томъ случаѣ, [illegible] логикѣ, а ни на чемъ другомъ.

ніе душевнаго акта, душевнаго дѣйствія, и т. п., все это—синонимы. И подъ всѣмъ этимъ подразумѣвается *сознаніе такого элемента въ душевныхъ переживаніяхъ, изъ которыхъ съ логической необходимостью вытекало бы возникновеніе движеній, приписываемыхъ волѣ.*

Что же касается такого пониманія стремленій, то его представители упускаютъ изъ виду, что одно дѣло — предположить стремленіе дѣйствующимъ въ желаніяхъ и влеченіяхъ, но остающимся *скрытымъ* за предѣлами внутренняго опыта или сознанія, откуда оно, въ видѣ *метафизической* причины, производило бы съ логической необходимостью движенія, и совсѣмъ другое дѣло — допустить подобное стремленіе, какъ *сознаваемую* нами, т. е. какъ *данную* намъ во внутреннемъ опытѣ, причину, вызывающую съ логической необходимостью движенія, которыя мы приписываемъ влеченіямъ и желаніямъ. Если даже исповѣдывать раціонализмъ (на что мы не имѣемъ права), то вышеизложенное соображеніе убѣждаетъ только въ необходимости предполагать, что *сзади* влеченій и желаній дѣйствуетъ стремленіе въ видѣ *скрытой отъ сознанія*, т. е. въ видѣ метафизической силы, съ логической необходимостью вызывающей тѣ движенія, которыя мы приписываемъ влеченіямъ и желаніямъ. И противъ такого допущенія психологія критическаго направленія, въ отличіе отъ метафизической, сама по себѣ не имѣетъ никакихъ возраженій; ибо вовсе не ея дѣло разсуждать, скрывается ли что-либо сзади данныхъ намъ въ опытѣ явленій (т. е. въ трансцендентной области) и что именно Ея собственная задача въ изученіи однихъ лишь явленій и прежде всего въ самомъ точномъ указаніи, что именно сознается нами въ составѣ душевныхъ переживаній. Оцѣнивать же, насколько убѣдительно только что изложенное доказательство существованія стремленій въ смыслѣ метафизическихъ причинъ, она предоставляетъ теоріи познанія.

Но въ этомъ доказательствѣ не хотятъ ограничиться одной лишь метафизикой, а стараются убѣдить, будто бы мы прямо *сознаемъ*, или *подмѣчаемъ* подобныя стремленія (или активность воли, сознанія и т. д., какъ бы ни называли причину, которая съ *логической* необходимостью порождаетъ движенія), какъ составной элементъ влеченій и желаній. Но это противорѣчитъ самонаблюденію, которое въ волевыхъ явленіяхъ показываетъ намъ, кромѣ представленій и ощущеній, только чувства и больше ничего. Если мнѣ хочется ѣсть, то я сознаю, кромѣ мысли о пищи, только голодъ и вызываемыя имъ мускульныя сокращенія въ органахъ, работающихъ при ѣдѣ, и больше ничего—никакого стремленія (въ разсматриваемомъ смыслѣ), никакой активности и т. п.

Какъ мало сознается подобное стремленіе, или активность, видно изъ слѣдующаго поучительнаго факта: Гефдингъ—волюнтаристъ, утверждающій (приводимъ его подлинныя слова), что „въ каждомъ состояніи сознанія есть воля, есть активная сторона“. Онъ долженъ быть предрасположенъ подмѣчать активность воли даже и тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Но факты принуждаютъ его при самонаблюденіи надъ волевыми явленіями высказаться слѣдующимъ образомъ, при чемъ курсивъ здѣсь принадлежитъ ему же самому, такъ что въ его словахъ не можетъ быть никакой обмолвки, никакого недостатка: *„то, что мы испытываемъ въ своемъ сознаніи въ моментъ хотѣнія, можно при ближайшемъ изслѣдованіи свести къ элементамъ познанія и чувства.* Нашу волю мы сознаемъ не вполнѣ непосредственно. Активности вообще нельзя воспринимать

непосредственно; это уже показалъ Давидъ Юмъ". Выходитъ, что если „въ каждомъ состояніи сознанія есть воля, есть активная сторона", то это значитъ только то, что всѣ душевныя явленія можно подогнать подъ волюнтарно-метафизическую точку зрѣнія. Но это для самой психологіи безразлично.

Ко всему сказанному прибавимъ доводы Юма, о которыхъ упоминаетъ Гефдингъ, и которыми Юмъ доказалъ явное противорѣчіе съ данными опыта въ предположеніи, будто бы мы непосредственно сознаемъ въ волевыхъ явленіяхъ какую-то силу, или причину, логически обусловливающую возникновеніе волевыхъ движеній, какими бы именами ни называлась эта сила—стремленіе, активность сознанія, активность воли, духовные акты и т. п. Всѣ доводы Юма сводятся къ указанію, что если бы мы прямо, непосредственно сознавали подобныя стремленія, или активность, какъ составную часть душевныхъ переживаній, то мы должны были бы прямо, непосредственно, безъ помощи опыта, знать все, что порождается этими стремленіями, или активностью; ибо порождаемое ими подразумѣвается въ нихъ. Но данные въ опытѣ факты показываютъ, что у насъ нѣтъ такого знанія. Въ самомъ дѣлѣ:

1. Намъ извѣстно изъ физіологіи и анатоміи, что при произвольномъ движеніи прямымъ предметомъ, на который дѣйствуетъ разсматриваемая причина (какъ бы ее ни называли—духовная сила, стремленіе, активность и т. д.), служитъ вовсе не самъ движимый органъ, но двигательные нервы, въ которыхъ возникаетъ какое-то ближайшимъ образомъ *неизвѣстное* намъ возбужденіе, идущее по нерву къ мускуламъ даннаго органа и заставляющее ихъ сокращаться. И если бы стремленія, или активность воли *сознавались* нами прямо, непосредственно, а мы не заключали бы о ней, какъ о причинѣ, существованіе которой необходимо допустить, но которой прямо не подмѣчаемъ, не сознаемъ въ себѣ, то мы *прямо непосредственно узнавали бы* о томъ, что это стремленіе, или эта активность дѣйствуетъ на нервы, вызывая въ нихъ упомянутое возбужденіе; ибо это дѣйствіе подразумѣвается въ стремленіи, или активности воли; нельзя сознавать эту активность безъ того, что подразумѣвается въ ней. Въ дѣйствительности же о существованіи нервовъ и возбужденій, вызываемыхъ въ нихъ активностью, или стремленіями нашей воли, мы освѣдомляемся лишь *школьнымъ*, научнымъ путемъ. Выходитъ, по словамъ нашихъ противниковъ, что сознаніе насъ обманываетъ: оно показываетъ намъ въ составѣ своихъ переживаній такія причины, въ которыхъ подразумѣваются *движенія руки*; между тѣмъ въ этихъ переживаніяхъ вовсе нѣтъ такихъ причинъ, а взамѣнъ того, есть причины, вызывающія (но не съ логической необходимостью, не потому, чтобы это подразумѣвалось въ нихъ) какія-то возбужденія въ *головномъ мозгу*, которыя еще должны дойти до руки и доходятъ-то до нея по нервамъ, выходящимъ даже не изъ головного мозга. Но нелѣпо обвинять сознаніе въ обманѣ, напримѣръ, говоритъ, что оно показываетъ, будто бы мнѣ пріятно, когда въ дѣйствительности непріятно; слѣдовательно, надо обвинять нашихъ противниковъ, что они подъ видомъ показаній сознанія выставляютъ свои собственныя заключенія по поводу нихъ, что они не умѣютъ отличить наблюдаемаго ими отъ примышляемаго къ наблюденіямъ.